Виктор РАССОХИН
Сергей РАССОХИН

ТОК

Новеллы
*
Эссе
*
Были
*
Критика
*
Избранное

Рассказы
*
Стихи
*
Поэмы
*
Статьи
*
Очерки
*
Рецензии
*
Письма

Орёл - 2006

УДК 9 (С) 27
ББК 63.3 (2) 622
Р 24

Рассохин В.В., Рассохин С.В.

Р 24 **Ток**: рассказы, стихи, поэмы, статьи, очерки, рецензии, письма, новеллы, эссе, были, критика, избранное. — Орёл. 2006. — С. 716.
ISBN 5–89436–090–0

Книга избранных произведений Виктора и Сергея Рассохиных охватывает множество исторических, гражданско-социальных, политических, международных и межконфессиональных проблем и вопросов.

Широкому кругу читателей предоставляется достаточно редкий фолиант стихотворений, прозы и переписки.

Книга не вышла бы к читателям в полном формате и виде без помощи названных коллективов и руководителей промышленных предприятий, хозяйств, учреждений, а также профессионализма работников типографии «Труд» (г. Орёл), за что авторы приносят всем сердечную благодарность!

УДК 9(С) 27
ББК 63.3(2) 622

Художественное оформление, дизайн, подбор и реставрация фотодокументов, иллюстрации авторов.

ISBN 5–89436–090–0

© Рассохин В.В., 2006
© Рассохин С.В., 2006

ВСЕ ФЛАГИ В ГОСТИ БУДУТ К НАМ

Осенью в Санкт-Петербурге и в Орле проходила Международная конференция «Пушкин и Тургенев». Это светоносное событие состоялось в преддверии двух знаменательных дат — 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина и 180-летия со дня рождения И.С. Тургенева.

В высоком форуме участвовали Санкт-Петербургское Культурно-просветительское общество «Пушкинский проект», Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Санкт-Петербургский государственный университет, Орловский государственный университет, Государственный литературный музей И.С.Тургенева, Всероссийский музей А.С. Пушкина, Гуманитарно-культурный центр «Пилигрим» при содействии администрации Санкт-Петербурга и администрации Орловской области.

Известный мастер трехстишия, японский поэт Кобаяси Исса оставил нам:

Наша жизнь — росинка.
Пусть лишь капелька росы
Наша жизнь — и всё же...

И всё же накануне третьего тысячелетия, когда с геометрической прогрессией возникают кровоточащие конфликты во всех частях света, не исключая России, как никогда зримей и актуальней строки гения русской поэзии, верившего в святое: «Когда народы, распри позабыв, в единую семью соединятся».

В год, объявленный ЮНЕСКО и ООН годом Пушкина, мировая пресса — «Нью-Йорк Таймс», «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд Рипорт», «Жэньминь Жибао», «Дейли Телеграф», «Морнинг Стар», «Юманите», «Токио симбун», «Иомиури», «Ди вельт», «Санди пост», заканчивая большими «Сегодня» и «Завтра» и малыми козельскими и болховскими газетами, я думаю, должны звать к консолидации всех обществ во имя добра.

— Кому сейчас это надо? — спросит закоренелый в рыночных отношениях обыватель. Всем нам, господа, товарищи, баре!

Потому что силы общества, обладающие жуткой финансовой мощью, просто обязаны быть направлены не на ожесточённые национальные конфликты, превосходящие по технической оснащённости люфтваффе-танковую мощь Гитлера, не на религиозно-национальные столкновения, а на то «разумное, вечное», что в веках старались отстоять просветители, попадая под госмашину подавления, будь то аутодафе, гильотина, вселенские костры, «Хрустальная ночь», подвалы ГПУ-НКВД, ку-клукс-клан, колюче-проволочные лагеря на всех континентах, где смерть сметала всё живое, подобно Тунгусскому метеориту...

В наше напряжённо-кризисное время соединить духовный потенциал Планеты вызвались три глубоко заинтересованных человека, облечённые не всей полнотой власти, идущей от шапки Мономаха: губернатор Санкт-Петербурга В.А. Яковлев, губернатор Орловской области Е.С.Строев и всемирно известный учёный академик Д.С. Лихачёв.

Не так уж давно по масштабам времени Л.Н. Толстой, чьё 170-летие со дня рождения совпало с нынешним годом, не в «Зеркале русской революции», а в Зеркале мировой цивилизации отразил, отвечая на телеграфный запрос филадельфийской «Североамериканской газеты» по случаю русско-японской войны: «Я ни за Россию, ни за Японию, а за рабочий народ обеих стран, обманутый правительствами и вынужденный воевать против своего благополучия, совести и религии».

Мне не верится, что эти строки написаны в Ясной Поляне 9 февраля 1904 года. Они, мне кажется, написаны сегодня по горячим следам, по поводу войн в Афганистане, Ираке, Югославии, Израиле, Чечне, Таджикистане...

Толстому нельзя не верить — в него летели не только пули Шамиля и англичан, но и пули за «Войну и мир», «пули» российского православия, предавшего анафеме непонятного и слишком колючего автора «Кавказского пленника», этой бесценной миниатюры, где в чудесной, хрупкой и символичной девочке Дине олицетворялось милосердие на фоне противоборствующих христианско-мусульманских сторон...

«Все флаги в гости будут к нам» — пророчески произнёс А.С. Пушкин. И действительно, по-русски говорили участники Международной конференции. Не умолчали о радости и боли, о фари-

сействе власти, о самосожжениях во имя правды, о вечной «розе любви» — Митико Икута (Япония), Луи Аллен (Франция), Елена Дрыжакова и Марк Альтшуллер (США), Йохен-Ульрих Петерс (Швейцария), Василий Щукин (Польша), Иштван Хетеши, Йозеф Горетити, Дьердь Секе (Венгрия), Николай Жекулин (Канада), Кейдзи Касама (Япония), Сандер Брауэр (Нидерланды), Халина Халасинска-Вертеляк (Польша), Терухиро Сасаки (Япония), Жужанна Зельдхейн-Деак и Агнеш Дуккон (Венгрия), Александр Звигильский (Франция), наши соотечественники Пётр Пустовойт, Галина Курляндская, Николай Скатов, Наталья Генералова, Вячеслав Головко, Елена Тюхова, Владимир Маркович, Наталья Арсентьева, Николай Левин...

Однако, стоит справедливо заметить, что, при всех выступающих именитостях, Пушкин и Тургенев рассматривались в основном в пейзажно-сравнительных характеристиках, альковоамурных коллизиях и мало было обращено внимания на извечную и обострённую проблему: «Но человека человек послал к анчару властным взглядом...»

Не надо забывать, что Тургенев, в молодости подняв в «Записках охотника» крестьянский вопрос и остановившись перед его бездной, позднее мягко варьировал эту проблему в спорах интеллигенции. Трагедизм быта крестьянства был дворянину не под силу...

Верится, что эти проблемы в будущем осилит «племя младое, незнакомое». Но хотелось бы, чтобы представители всемирного литературоведения, чьи деды, отцы, братья и сёстры воевали на Западном и Восточном фронтах Европы, в Азии, в Африке и на Тихом океане, через боль погибших и оставшихся в живых высветили ярче суть кровавых диктатур в аксельбантах и без, высветили и тех, кто с обезьяньей проворностью применял инквизиторские методы расправы в свою бытность «калифа на час» или на десятилетия... Так что вопрос «Пушкин и власть», «Тургенев и власть», а если сказать обобщённей — «Художник и власть», остаётся открытым...

Любые заюбилеивания по типу:

Люду на сцене — почтенная сотенка,
Что ни оратор — потоки воды,
Как коротеньки «Записки охотника»,
Как же о них многотомны труды! —

будут откатывать нас назад. Наоборот, любое многотомье, смотрящее вслед за писателем в корень зла и усиливающее воспри-

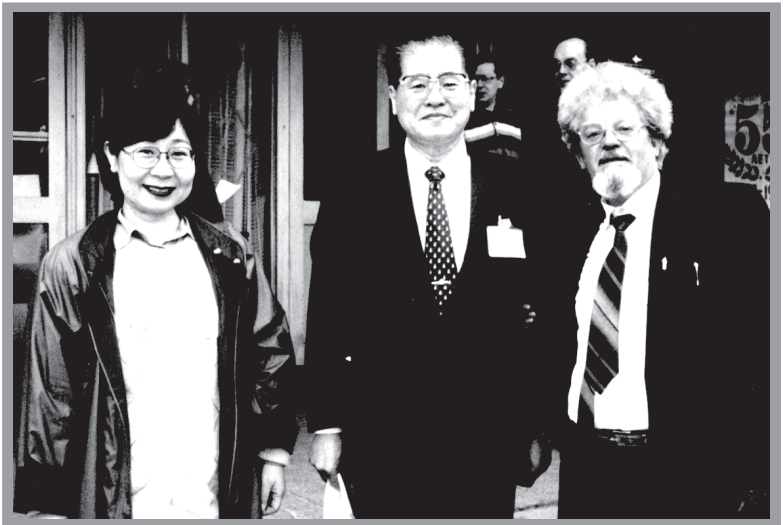
ятие художественного произведения по шкале человеколюбия, достойно государственного печатного станка, если держава считает человека не винтиком и не шлаковым выбросом.

А поскольку государство не любит выворачивать своих одежд наизнанку, ему будет больше мил вышеназванный принцип «из пустого — в порожнее». Оно всё сделает помпезно. Даже полицейско-чиновным хором повсеместно и телевизионно пропоёт «Как хороши, как свежи были розы», на всякий случай держа за спиной сотовую связь и легионеров со щитами, так неожиданно, до парадоксальности, явившимся из времён Цезарской диктатуры, и не где-нибудь, а в России, заросшей чертополохом...

Это просматривается и в других странах, где жизни падают так же, как отстрелянные, дымящиеся гильзы...

И счастлив тот, кто не растопчется ни Медным, ни Стальным всадником государства, кто вслед за Базаровым пойдёт не путём вскрытия лягушки, а стезёй рентгеноскопии властных структур, обезличивающих человека почти с колыбельного возраста...

В ближайшее время мы познакомим орловцев с некоторыми материалами зарубежных исследователей и ценителей творчества наших великих мастеров слова.



На снимке: Митико Икута, профессор (Осака, Япония); Кейдзи Касама, профессор (Токио, Япония); Виктор Рассохин, поэт (Орёл, Россия).

Фото профессора Николая Жекулина (Канада).

*

БЕЗДУШЬЕМ — ДАТ НЕ ОМРАЧАЙТЕ!

(Заметки писателя)

В связи с 200-летием со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина, отмечаемого во всём мире по решению ООН и ЮНЕСКО, мне пришлось и приходится проводить творческие встречи в Орле и Орловском районе, Мценске и Болхове, в посёлке Нарышкино и в других райцентрах и сёлах области.

Школьники, студенты, воины, инвалиды, работники сельского хозяйства и горожане проявляют большой интерес к наследию великого поэта. Но есть и равнодушные люди среди преподавательского состава, председательского корпуса, руководителей различных учреждений, финансистов, для которых А.С. Пушкин остался в рамках «Сказки о рыбаке и рыбке». Это, к сожалению, горько. Как тут не вспомнить его не часто цитируемые строки:

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

Золотой «телец» настолько проник в сознание этих людей, что они отгородились от мира «униженных и оскорблённых» дьявольской фразой «Денег нет!», и, не стыдясь своего фарисейства, отстраивают фантастические коттеджи вокруг названных городов и райцентров, что порой думаешь: «Не сместятся ли туда административные центры?» «Опели», «БМВ», «мерседесы», «ауди», «фольксвагены», «ниссаны» и «чероки» почти вытеснили с улиц отечественный легковой транспорт.

---

*10-тысячный тираж книги «Последняя дуэль» разошёлся в странах СНГ и за рубежом.

Дом в городе Орле, напротив базара — Центрального рынка, дом, где жил молодой Иван Бунин, будущий лауреат Нобелевской премии, в чью честь висит мемориальная доска, превратился в немыслимое стойбище и пристанище мелких коммерсантов с тысячами коробок, ящиков, сумок, мешков и баулов. На каждом шагу брустверы торговых отходов, возле которых вот-вот взовьётся миллиардная мухота!

Почему-то вспомнились караван-сараи на Великом Шёлковом Пути, но они, пожалуй, выглядели куда чище и опрятней в то далёкое время. Нынешние неохозяева товаров и продавцы затянуты в импортную кожу, источают запахи парижских духов, пугают неестественным цветом губной помады, шокируют причёсками стиля «модерн» и юбками почти по пояс…

Куда же они? Выгоду пути определила классическая строка: «На рынок — там рычит желудок». А на бойком месте уже «колдуют» — налоговая полиция, оранжевые припарковщики, скупщики золота и валюты. В городе, — через каждые двести-триста метров, — стоят работники упразднённого ГАИ, попавшие под новую, труднопроизносимую аббревиатуру — ГИБДД УВД.

И все ловят, ловят и ловят — кто на весах, кто жезлом, кто нагрудным знаком, кто сиюминутной рекламой — зазевавшийся нищий и далеко не нищий народ. Одетые в униформу и без неё — ловят «крутящий» и доходный момент для себя и для государства, предоставившего им мизерные, но жёсткие полномочия.

На голубых экранах между «вискасом», «марсом», колготками, прокладками, котятами, у которых желудок с напёрсток (хорошо им!), перед изощрённой рекламой и озабоченными фразами налоговой полиции, «болеющей» о поступлениях в казну, среди заказных и незаказных убийств и протестов голодающих — появляется рубрика «Наш Пушкин». Её разработали и преподнесли телевизионные мальчики-жонглёры, которые, как по большому спидометру, считают, сколько дней осталось до юбилея, где организаторам будет сытно и вольготно, но только не поэту, сказавшему с высоты зрелости: «Хвалу и клевету приемли равнодушно».

Сценарий на «массовость» и бездумность выдёргивания строк из «Евгения Онегина» посредством мельтешения лиц настолько убог, что остаётся жалеть этих людей, попавших на экран по режиссёрской прихоти и, возможно, по общей гонорарной ведомости. Мне кажется, что шоу-трюк с «Нашим Пушкиным» сделан людь-

ми, давно отвернувшимися от гения, предпочитающими Кинга, Агату Кристи, Чейза, деловые заповеди Карнеги и… «зелёные».

Да что говорить, если один из руководителей центральной телестудии заявил на многомиллионную публику ещё до подневного отсчёта, что «Пушкин сегодня не актуален». На что даже один московский бомж отреагировал грубо, но честно: «Ишь, умник нашёлся! Подыхать буду, а «Сказку о царе Салтане» внуку возьму». Казалось бы, падший человек, а на дне души зашевелилось чувство собственного достоинства, оскорблённое рафинированным культуршефом, ходящим в высоких чинах. Действительно, чин — не по чину… И всё-таки, надо признаться, щеголеватый идеолог массовой информации в какой-то мере прав. Публика, названная выше, Пушкина не возьмёт. Ей подай скабрезные анекдоты, матерные частушки, сногсшибательные штучки Ивана Баркова, выверты современных литературных хулиганов, газеты и красочно-лоснящиеся журналы, объединённые общим названием «Чужая постель», откровения наложниц тиранов и палачей, нечитанные километры порнографической плёнки и оголтелых полицейских боевиков…

На фоне этого торжествующего жиробесия и хамства, секса и беспредела мне задаётся множество вопросов. Ответить на них одному не под силу. Читатели меня попросили, чтобы я обратился к административным работникам, отвечающим за все культурно-просветительные мероприятия в городе Орле и в области. Просьба их проста, но актуальна. Руководители, на ком лежит серьёзная ответственность, должны рассказать на страницах печати, по радио и телевидению, желательно на страницах многочисленных изданий, как будут проводиться на Орловщине торжества в честь автора романа «Евгений Онегин» — «энциклопедии русской жизни». Так метко, образно и на века назвал это произведение В.Г. Белинский. Интерес объясняется ещё и тем, что поэт был у слияния Орлика и Оки, отразив в стихах и в прозе, а также в письмах и в рисунках свои впечатления от встреч с нашими земляками — А.П. Ермоловым, братьями И.В. и П.В. Киреевскими, А.П. Керн…

Объективности ради, скажем, что более полную картину по случаю всепланетного юбилея могут дать заместитель главы администрации Орловской области И.Я. Мосякин, мэр города Орла Е.Н. Вельковский, начальник областного управления культуры О.М. Долягина, начальник областного управления общего и профессионального образования А.В. Копылова, начальник городского управления культуры и искусства М.И. Чиченёв, начальник областного управления по делам молодёжи В.А. Ливцов, финансовые работники…

После их выступлений в печати должны сказать своё слово руководители творческих союзов, музыканты и художники, директора Дворцов и Домов культуры, писатели и священнослужители, бизнесмены и работники правоохранительных органов, курсанты и офицеры высших учебных заведений, рабочие и крестьяне…

Ведь, в сущности, от крестьянки Арины Родионовны Яковлевой, которую боготворил опальный поэт и от кого он принял вещий завет «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет», сформировалось его не только национальное, но и многонациональное восприятие мира.

Конечно, при проведении величественной и знаменательной даты не все советы, пожелания, практические действия сильных мира сего и энтузиастов-доброхотов воплотятся в жизнь. Многое, как говорится, останется за кадром. Но доверить юбилейные торжества пяти или десяти лицам, пусть даже семи пядей во лбу — нельзя.

Праздник всенародный, а не элитарный. И поэтому хочется пригласить моих сограждан к искреннему разговору о человеке высокого духа и мысли, ещё в юности провозгласившим:

Христос воскрес, питомец Феба!
Дай бог, чтоб милостию неба
Рассудок на Руси воскрес;
Он что-то, кажется, исчез.

Будем верить и жить Пушкинской мечтой, что рассудок на Руси воскреснет. И ещё. В процессе подготовки к празднику и его проведении прошу не обидеть, как это было раньше, самодеятельные хоровые, танцевальные, музыкальные коллективы, артистов народного драматического и кукольного театров… На их плечи ляжет основная нагрузка. Да не поймут меня превратно, это — настоящие бурлаки культуры на Оке, а не те, кого Илья Репин изобразил впереди волжской баржи. Современные «баржевики» пусть подумают: стоит ли делать окрик в сторону «бурлаков», ущемлять

их труд или просто его не замечать в надежде на их энтузиазм. Есть ещё в культуре и образовании такие любители казённой «галочки», что могут ради танцулек в два-три притопа дошколят и школьников за импортные конфетки и сладкие палочки свести на нет радугу праздника. Знаем заранее, что некоторые дяди и тёти, задействованные в юбилее, будут работать эпатажно и с пафосом, поскольку им будут обещаны поездки в города-побратимы — Разград, Нокиа, Леуварден, Оффенбах-на-Майне. Наиболее изворотливым и хитрым на выдумки — улыбнутся Канары, пальмы Таиланда и Сингапура с морскими пляжами… Пусть едут-летят! Скатертью им дорога, но не за Пушкинский счёт, который, вероятно, уже определён в мэрии (что, впрочем, относится ко всем градам-мэриям многострадальной России и стран СНГ).

А творец «Пророка» пусть будет с нами, жжёт сердца людей глаголом, ради истины, добра и счастья, которые у нас отняли в двадцатом веке, но к которым мы будем стремиться и в двадцать первом столетии…

Я со своей стороны вношу весомую лепту в предстоящие юбилейные торжества, посвящённые Александру Сергеевичу Пушкину. Часть тиража книги «Последняя дуэль», а над ней хорошо поработали — издательство «Фолиант» во главе с директором А.А. Сытниковым и московские полиграфисты, получат мои читатели. Книга с цветными иллюстрациями вышла накануне 200-летия со дня рождения поэта. Путёвку в жизнь ей дали тысячи километров командировок по городам и весям, многолетняя работа в архивах, крепкая поддержка Е.С. Строева, А.И. Наумова, С.Н. Каменевой, В.Я. Лимарева. В трудную минуту помогли Н.А. Володин, А.И. Гапонов, И.Я. Кузин, А.Д. Сидоров, Н.А. Жернов, С.Б. Мац, Н.А. Краличев, Г.И. Конова, Э.Л. Садовский, М.В. Спиридонов, В.В. Брулёв, Б.В. Карабанович, А.И. Черкасов, Л.А. Смирнов, А.И. Алдошин, А.И. Кодяшкин, А.К. Воропошин, А.Д. Ульяшин, А.Г. Кисляков, А.Я. Бидюк, Н.Н. Леонов, А.А. Устенко, В.Н. Батов, В.И. Ефимовых, Н.В. Азаров, И.М. Поварков, В.И. Дмитренко, П.В. Заложных, А.М. Кирин, В.А. Громов, И.А. Хохлов...

Это авторитетные руководители области и города. За каждым именем стоит высокопрофессиональный коллектив, внимание к человеку и высокая организация труда в новых условиях…

Так что есть на орловской земле люди чести, порядочности и долга, сумевшие в сложных условиях не повернуться спиной к проблемам отечественной литературы, принявшие близко к серд-

цу пушкинские строки: «Да здравствует солнце! Да скроется тьма!» Я глубоко благодарен вам, мои дорогие земляки!

Книгу «Последняя дуэль» я подарю лучшим школьникам, лучшим учителям и врачам, хлеборобам, смотрящим со слезами на глазах на бесхозные поля, на рёбра и пустые глазницы ферм, работникам средств массовой информации, инвалидам, воинам-афганцам, солдатам и офицерам орловского гарнизона, лучшим работникам дорожно-патрульной службы. Пусть духовное родство помогает нам выстоять на суровом ветру жизни, потому что любимцем Музы подмечено изумительно и верно: «Сердце в будущем живёт».

Виктор РАССОХИН,
автор 10 книг, делегат и участник писательских съездов России, гость Международной конференции «Пушкин и Тургенев». 26 мая 1999 года.

В оформлении материала использованы рисунки А.С. Пушкина.

На встрече с читателями.

Ландыши

Хромой сторож предложил нам самосад с донником. Мы отказались.

— А я вот, старый дурак, кашляю, аж слёзы из глаз, да бросить не брошу. Не курил ведь тоже, как и вы.

За огородом, в сквозистых ещё кустах смородинника, щёлкнул соловей, робко, как бы пробуя голос.

— Вишь, пострелёнок. Рядом почти, а не увидишь. Поёт себе и округу радует. Невидимка. Прямо-таки финский снайпер. Только песня у него была смертельная. Пропоёт пуля — знаешь, что в ёлках грохнуло, оглянёшься — нет товарища...

Он глубоко затянулся. Крылья носа расширились, и седые струи дыма шумно вытолкнулись лёгкими.

— Она, война эта, вроде незавидная была. А брата нашего взяла — сосен в лесу меньше. Многим снег пухом...

— Василий Фёдорович, а в Отечественную вы воевали? — обратился к нему мой товарищ.

— Нет. Я её раньше хлебнул. На линии Маннергейма ахнуло. Месяца четыре в госпитале провалялся. И сюда — домой. Тут следом и Гитлер... В кадровую, как видите, не попал, а партизаны меня помнят. Двух лётчиков спас. Генералом один был. Прошлым летом меня отыскал...

Так вот, была у нас девушка. Военврач. Ларисой величали. Ленинградская. Ох, и девка — картина писаная. Дела-то до моего ранения происходили. Наша братия какая? Чуть чего — гы да гы-гы. А тут цыц! Пройдёт, бывало, Лариса Николаевна — мы молодели. Каждый вспоминал свою возлюбленную, и сердце мягче становилось. Чёрствость-то она, как ржа. Раз пристала, не уберёшь, съест. Да и радостно было от того — незанятою ходила.

Говорили, что сам командир батальона сох по ней. Вологодский сам. Всё на «о» нажимал. Гаркнет, бывало, «Смирно-о!» — коленки дрожат. Мне почему-то не верилось, что он к себе в душу мягкость допустить может.

Поводил нас он крепко... Полбатальона получили награды. Мы в мыле, и он в мыле. Сухов фамилия была. Осколком грудь ему протаранило. Клок шинели аж на спине вылез. Лариса Николаевна рядом стояла. Ничего не сказал, лишь обескровленной рукой указал на планшетку. Возьми, мол. Она белее снега была, потом наклонилась, поцеловала его в небритую щеку. В планшетке её портрет оказался. Вылитый. Карандашом сделан...

— Рисовал, значит! Находил время...

— Находил, стало быть. У кого охота на что. Война не всё в человеке убивает. Он, человек-то, для жизни предназначен. Разве кто плохое загадывает? Изверги только.

Со смертью Сухова и в Ларисе Николаевне что-то произошло. Осунулась. Голос осёкся. Но всегда с нами приветлива была, иногда шутила как-то по-городскому, и на щеках её горел румянец маковым цветом.

— Ты, говорит, Вася, когда-нибудь ландыши рвал своей любимой? А я засмеялся. Открыто говорю: — Никогда. У нас в деревне этак не водится.

— Не смейся, говорит, попробуй. Вот снег сойдёт, нарви, да

в конверт. Обрадуется — любить лучше будет! Сама к другому подойдёт, как рана, спросит, перевязку или что надо сделает...

Последнее время батальону работка подвернулась. То нас потрепят, то мы потрепем. Однажды нас так залучили — думали снегом задавят. Но выбрались, и не знаю, каким образом такую у них краюху отхватили, что я сам под награду попал. И Ларисе Николаевне тоже орден выпал.

Бои не прекращались. Мы всё лесами шли. Снег по ноздри. Лыж мало. Да и непривычно на них. Сосняком пробираемся. На убитых то на опушке, то в лощине наткнёмся. Скрюченные лежат. Ноги тут, голова там валяется. Видим, что здесь прошли недавно. Шли скоро. Убирать было некогда. Да и глушь, возьми её господи, там превеликая!

Ничего не тронули, только лыжи захватили. Спускаемся этак вниз. Стон слышим. Подходим ближе. Финн лежит, скорчившись. Голова льняная. Сзади полоса красная — полз... Командир новый подошёл, понимал по-ихнему. А раненый показывает рукой на Ларису Николаевну. Красный крест на рукаве заметил. Она подошла.

— Убрать его! Прикончить! — кое-где раздавались голоса.

— Донесём до ближайшего пункта! — сказал командир. — Сейчас перекур и в путь. Соединиться должны.

Мы пошли к головной группе, а Лариса Николаевна осталась ему перевязку сделать. И едва мы отошли саженей на пять-семь, как остановил нас пронзительный женский крик. Меня аж пот прошиб... Бежим на крик с Митькой Огурцовым.

У сосны Лариса Николаевна с ножом в груди. По самую рукоятку вогнал, подлец!

На руки я её — жива, дышит прерывисто. Несу, у самого поджилки трясутся и плачу. Текут слёзы и всё. Не слышал, как Митька в убийцу выпалил. Вот тебе и ландыши, думаю...

Положил её на ветки. Сумку снял. Бинты беру, йод беру... Она головой — не то, говорит, не то. Глянул — свёрток в газете. Кивнула. Адрес, говорит, записывай. Только и успела всего. Кровь горлом пошла.

Тяжело переживали. Не верили. В деревне с почестью схоронили. Ей-богу, многие плакали. Уж очень смерть её у нас неожиданно выкрала...

Фёдорыч замолчал и глухо кашлянул. Мы сидели, слыша своё дыхание, и ясно представляли непроходимые леса, огоньки самокруток перекура и девушку, видимо, ушедшую добровольцем из вуза...

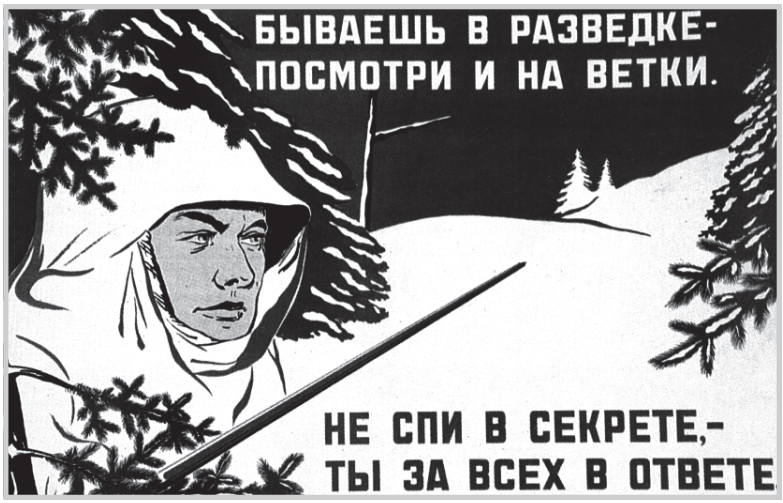
— Спички дай, — охрипшим голосом сказал Фёдорыч моему товарищу, но, вспомнив, что мы некурящие, рассыпал табак...

— В Питер я наведывался. Точно по адресу. После войны никого не нашёл. Мать в блокаду умерла. Опоздал я с наказом. Раньше бы надо. И портрет её теперь у меня. Зайдёмте, посмотрите.

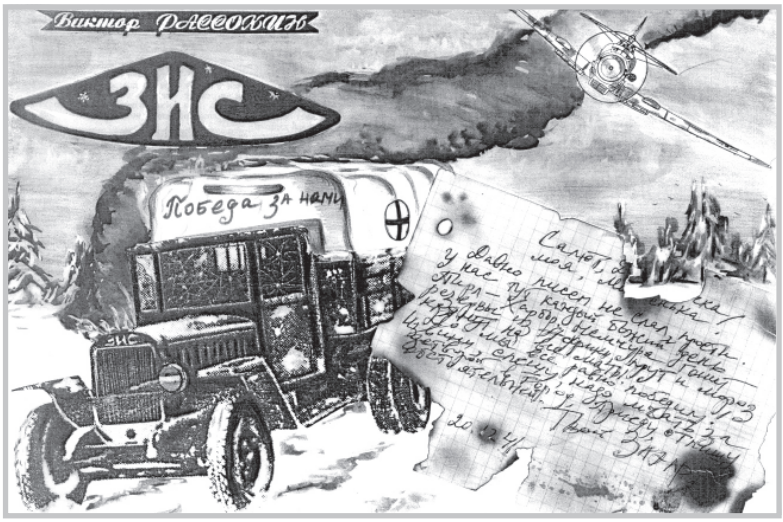
Мы обрадовались такому случайному совпадению и отправились за Василием Фёдоровичем, опирающимся на вишнёвый узловатый костыль.

На стене, рядом с семейными фотографиями, в багетовой рамке висел портрет. На нас смотрела белокурая девушка с затаённой лукавинкой в глазах, с лица, казалось, вот-вот спорхнёт улыбка, и она спросит у нас звонким и чистым голосом:

— А вы, ребята, рвёте любимым ландыши?!



Советский плакат времён войны.
Художник М. Борисов.
23 января 1940 года.



Водителям, отдавшим жизнь за свободу российских наций, посвящается

Вот уже четвёртый день стоял невыносимо адский мороз. Захар Лапиков, проворный, худенький мужичок неопределённых лет, угрюмо ругался под нос, пуская клубы дыма, смешивавшегося с паром дыхания. Вчера, по пурге, у него застучал движок. И счастье ещё, что вспомнил он про ремень на промасленном ватнике, зажал его кусочек шатунной крышкой, кое-как сотню-полторы вёрст осилил, призывая на помощь волю, удачу и Бога, правда, иногда с матком, грешен был, право. Зато не успел отогреться, как стал героем: и БАО*, и лётчики, и даже треногий «авиа»-пёс, прозванный лихо Жиклёром — все они ожидали баранины, но что более важно — почты.

Сегодня, ни грамма не отоспавшись, он вместе со славным малым с берегов Терека, тринадцати лет Гази-Магометом, был не прочь перетряхнуть 4,5 тысячи запчастей дальнего родственника АМО и штатовских «Аутокаров». Да вот беда: дед Мороз, действительно с большой буквы, напал на Россию.

— Но ничего! Мы-то потерпим, а вот фриц с непривычки, если, конечно, выживет, может, не порадует фрау, близкий капут ощутит.

* БАО — Батальон аэродромного обслуживания

Его битое горем и рикошетом стекольной пыли лицо вызывало предельную жалость даже у сапёров и регулировщиц. Шрамы и болезненная хромота заставляли слезиться вдов и их потенциальных сестёр, а когда он, сверкая улыбкой негра, заходил пожевать в столовую или за командировочным харчем, тонюсенькая сирота-еврейка становилась Гулливером Добра прямо на глазах.

Он сам не был одинок: недавно пришло письмо от жерновецких (это ж надо! сам себе его привёз!) — слава те, Господи, чьи-то руки успели выдернуть семью прямо из-под гусениц Гудериана. Но сейчас словно пусковая рукоятка крутила мозг: — Захар, семь часов на ремонт, заберёшь интенданта и гони лошадей своей «вагонки» к детдому, да учительницу не позабудь! — так, с час назад, брал его в «оборот» полковник, глава всех «Пешек» с натуральной ЗИСовской фамилией — Важинский.

Гази-Магомет, смышлёный чеченёнок, крепко помог. К полудню Захар, проверив боковые борта кузова, оперативно сбив скамейки и натянув тент трёхтонки, легко пустил 73 лошади своего шестицилиндрового «товарища» уже обладавшего завидной репутацией на фронтах.

— Жаль вот кабина деревянная, сколько брата от баранки загубила она, кто считал? Ничего не поделаешь, знаем ведь, как холоднокатаный стальной лист нужен передовой. Однако, раскудрит «Мерседес» через коромысло, она без нас не передовая, — в момент наполнения бака какой-то низкооктановой смесью думалось ему. — Да! Помню, брат шофёрский рассказывал (не из тех, «вороных», и «эмочных» щёголей, парень Москва — Каракумы в 33-м с «Фордами» гонялся): — Захарий! «Балалайка» наша амошная почти цельнометаллическая была, ну да чёрт с ней! — Захар явственно вспомнил друга и шепнул Магомету:

— Ты смотри! Никому, турчонок! А то до Аллаха не докричишься… Андрюшка-то, покойник, сказывал, полетели с середины тридцатых головы красных директоров и конструкторов, и даже НАМИ* кровь пустили… И-и-и, самовар мусульманский, что ты знаешь, тебе б с горянкой обниматься да форельку ловить!

Туго, словно природа захомуталась в бурлаки, наступила середина январского злобного дня, и эхо ночного воя ветров, казалось, ещё трясёт шапки с гектаров сосен. Издалека слышалась канонада взаимного артобстрела.

— Вишь, пророк, который день палят для проформы, а я им

* НАМИ — Научно-исследовательский автомобильный и автомоторный институт

снаряды вози! Где ж, батарейные простофили, ваша экономия? — уже, кряхтя рессорами и торопясь, крикнул механику Захар.

Дорога, видно, его заждалась, ведь он был самый частый по ней ездок. По случаю удачно нагруженный ЗИС, с прищуром «по-японски» закамуфлированной единственной фары, не спеша полз по припорошенной за ночь грунтовке вдоль берега изредка стонавшей стыковкой льда небольшой, но глубокой речки.

Вторая, третья, четвёртая — потом наоборот. И так же тысячи раз — монотонно урчавший двигатель и полное, надо сказать, неприятное одиночество убаюкивали Захара, особенно на прямых. Парень русской глубинки, он телом и зрением знал эту заполярно-круговую, с позволения сказать, трассу и опытно гнал к спрятанному во мгле леса складу боеприпасов.

Узнал сержант об этом в последний момент, вырываясь из объятий юза близ КПП: Танюша, называемая Курочкой (родилась в Курске), правила шлагбаумом по привычке — лихо.

Какой-то неизвестный щеночный старлей сунул ему в руки дорожную, да ещё прикрикнул, срываясь на фальцет (поэт! мать его…):

— Вези — не спеши, гони — не взорви!

— Тебя бы сюда без тепла; попробуй, малец академический, передачи дёргать, да карбюратор не застуди.

Попутчиков, может, к лучшему, не было. Все они тормозные — всё ноют, скулят они. А чего ныть-то? Будет умный да меткий на глаз бюргер-«лаптёжник», считай, всех в стокилометровом квадрате разбудим.

— Но будет, будет! — проговорил он себе, подыгрывая левой рукой задней оси на повороте. — Что ты, Захарушка, первый раз по медвежьим углам рейсуешь-скользишь? Дурь с утра в голову не тяни.

К радости его, артсклад был от центрального аэродрома недалеко — 15 вёрст, как обычно, с чисто русским, затяжным гаком. Обтекая знакомые выбоины и бугры, Захар всё больше думал о детях, которых предстояло забрать во вторую ходку: — Эх, полковник, они ведь не ящики для ПВО...

Управился, как и планировал, быстро, благо, заступила отдохнувшая смена — недавно прибывшие парни из-за Урала. Немногословие грубоватых шуток, крепчайший самосад на два перекура и — в добрый путь.

По прибытии разгрузка тоже не затруднила: зенитчики душевно не любили случавшийся голод в боеприпасах. Подхарчившись

наперёд у Сары незавидной снедью, вполовину состоявшей из ленд-лизовских обязательств в виде приличного квадрата сальца и почерствевшей краюхи хлебца, земной пилот, внимательно осмотрев радиатор, двинул, нащёлкивая передачи и слегка завывая газом, по маршруту — на город. Погода потихоньку, незаметно, стала мерзить. Внезапно потянул лобовой шквал с недалёкого моря, возбуждённое дыхание хозяина ЗИСа и попутчика-интенданта не освобождало «ветровуху» от нагромождения рисунков в стиле Снежной Королевы Андерсена. Захар про художества морозяки знал, под рукой был соляной раствор, и всё же не мог не улыбнуться втихушку при воспоминании о Герде и Кае. Любила его луговая Дюймовочка-Маша старинный иней страниц.

Трагедийно изуродованный бомбардировкой, опалённый город несказанно поразил его сразу на въезде: причудливые «бороды» ЛЭП, крошево железобетона, предметы без названий и «опилки» от пулемётно-пушечной пальбы люфтваффовцев, немыслимые связки арматуры и тягучий, зажимающий запах пепелища судеб — всё это успокоило тем, что с месяц уже шла интенсивная эвакуация.

У фундамента бывшей школы горел слабенький костерок — братья-шофёры, по очереди, зачастую вприпрыжку, обогревали распухшие руки, балагурили, кляли немцев и грели кипяточек в латунном жбане на пару литров. Развести огонь посильней не без основания опасались — дебилов за штурвалы «Хейнкелей» и «Юнкерсов» в рейхе не призывали.

Потянуло было к хлебнувшим лиха, тихим и неприметным героям-коллегам, словно нарушился развал-схождение: поговорить, сальцом поделиться, о новостях расспросить, но суровый взгляд интенданта (кто его знает, может, парень из ГПУ) остановил духовные и желудочные подвижки.

— Курс на детдом, сержант! Кушать будем по окончании боевой задачи. Нам ещё к паровозу поспеть, а там у станционных, пожалуй, и заночуем.

Изрядно помучившись из-за потери былых ориентиров, Захар молча крутил свой «глобус», представляя, как здесь живётся сиротам. Многие ведь не были ими всего месяц назад.

Сухо подвывая трансмиссией, завёрнутый в иней ЗИС, словно недовольный дурным бензином, и то начал постанывать раненой в былом рамой, попытался было даже заглохнуть. Шутка ли, был бы спидометр, счётчик пробега показал бы сейчас, что

старина — на финише второго булыжно-трактового круга. Пыли хлебнул он круто, не раз «железяку» мучила жажда, сотни раз, разрезая иглами фар дожди и метели, проходил летучий русский через туман, повизгивал клаксоном советским «Фордам» на Волге, не терял мощности на «линии Сталина», а сколько спас раненых!

Захар не дал сплоховать своему ветерану, мысленно и физически общаясь с ним. Интендант задремал. И вот, наконец, знакомый поворот согнулся змейкой — улица Сталина.

Улица, конечно, была не Вождя, а народная, и народ за неё так крепко и исключительно неподражаемо, жертвенно стоял, что казалось, крестоносное вражьё окончательно здесь потеряет магнето, посадит «аккумулятор нового порядка», попутно открыв с десяток-другой известных и безымянных кладбищ. Стояли россияне насмерть, падали, но продолжали стоять.

Раздумья Захара прервались каким-то муравьиным шорохом и по-кошачьи хитрым поскрябыванием его простреленной «мессерами» водительской дверцы. Сквозь муть бокового стекла на него смотрела пустота, чернота размывала силуэты, треща, королеваночь воевала со всеми.

Выйдя из заглушенного авто, он подивился, кто бы это мог быть, что за ночной Цап-Царапыч? Районные «околышевики», говорят, частично спалив «бумаженцию», погрузились на всё, что двигалось на неделе. Да до дверцы было не близко: подножки упразднили, беречь нечего — отступаем.

Вдруг по правому скату заскрежетало: звук консервной банки неприятно резанул слух, и появилась голова маленького человека — не то пацана, не то заморенной голодом девочки.

— Дядя, ты кто? Тебя генералы за нами прислали? — еле слышно, придавлено пропищал шестилетний ребёнок.

— А мы с Витькой тебя уже целый день поджидаем! Чо ж припоздал, дядька? — уже суровее и громче проговорил он. — Можно в кабину?

— Эй, товарищ капитан! Освобождай пространство! В автополку прибыло, — с трудом выдавил он из себя, пытаясь внезапно задрожавшими, чёрными от ужаса дорог руками крутануть «козью ножку».

Ржаво пропела петля. Интендант, едва не упав из-за отёкших ног и недавней тряски, виновато и скупо улыбнулся.

— А где же Прасковья Андреевна, гросс-мамаша ваша? —

сбалагурив и хватая ребёнка под попку, с серьёзным видом проговорил он.

— Чей будешь, малой? Как зовут, будущий наш хранитель? Верно, об истребителях Поликарпова мечтаешь?

— Карп.

— Да ну! Ай да русич! Редка рыбёшка, всё больше зимой по ямам спит, — шутил Захар, молнией припомнив барских салухов и карпят, что водились в пруду помещицы со странной фамилией Дорф. Отец, помнится, плотвицу туда с реки запускал, зёрна подбрасывал, потом сократили барыню с внуками, как и её фамилию. Революция…

— Ишь вы, заковырочные, — жуя вручённый капитаном сухарь, отходил мальчонок.

— Вот вы, защитники наши, скажите… Тётя Паша вчера до-о-о-лго-о плакала, говорила, немец убил брата под Волоколамском. В декабре было, а только вчера узнала. Слышали про наступление и про Пирл-Харбор читали, но почему фашисты так далеко зашли? Как так? Все ведь знают, русские не одним лыком шиты.

Молчание. Долгое, с виду беспричинное молчание и нервный хруст сухаря в клубе махры, не прошедшей затяжку. Где-то на окраине взревела сирена, ночное небо расчертило зеркало десятка прожекторов.

— Каждый день бомбят, — слезливо продолжал Карпик, — каждый день, ночь, а за что, спрашивается, наш город не может спать спокойно?

Пара воинов столкнулась с не по-детски взглядом на мир, и кто знает, чем закончился б его кровоточащий монолог, если бы паренёк не воскликнул:

— А вот и наша любимая тётя Паша! Дюже способная.

Тёте Паше на вид было лет пятнадцать. Полутораметровый подросток, придавленный болью войны. Интеллигентное лицо, словно лакмусовую бумажку, профильтровала быль былой оккупации, в бездонных глазах с тенями недоедания виделась потеря родни, в угадывающейся зарождавшейся прекрасной фигуре просматривались старческая сутулость, плети угробленных непосильным трудом рук. Одежда не имела языкового описания.

— Я — за директора интерната, — звучно и так убийственно для взрослых мужей скороговорила она. И кинжальный ком нервной, а не курительной одышки, перекрывающий сердца, начал душить полуобмороженных пап.

— А где же остальные? — капитан, увидев в ней убитую в июле жену, хлебнул спирта из фляжки.

— Пппа-шенька, где остаа-льные? — переспросил он, стараясь заглушить истерический озноб, который изредка посещал его после проклятущего лета.

— Да вы, товарищ, душу-то не рвите, тут в бомбоубежище все. Вот только не двадцать, а восемнадцать.

Молчавший Захар был словно пронзён штыком.

— Как восемнадцать? Вчера же… ВЧЕРА…

— Вчера наши «дорнье» сбили, а они, мальчишки постарше, раньше нас на «разведку» пошли — под ним и погибли…

— Ну, зови всех, поедем. Даст Бог, переправим вас в Среднюю Азию!

— А мне мама говорила, там солнышко большое-пребольшое. Да, дяденька? — с грустью спросил Карп.

Прасковья Андреевна вернулась минут через семь. Те, кого она привела, представляли собой самое несчастное из всех несчастных зрелищ, что породила война. Это были маленькие тыловые герои, не познавшие радости, ласки, любви, внимания, счастья; это были мужественные свидетели цивилизованной омашиненной бойни между народами — не подранки, а полностью искалеченные дети войны. Отнюдь не с Арбата.

Но они хотели подсознательно жить, пить, есть, расти, они уже думали, КАК убить армию крестоносцев.

Пресс многотоннажной боли нокаутно ударил военных. Капитан Хромых и Захар испытывали жгуче-коррозийную тяжесть вины перед ставшими для них своими сынишками и дочурками, а ведь её не существовало. Время лопнуло вне циферблата. И отцам, и мужьям представлялось, что их ЗИС выехал в вечность, в великую чёрную дыру трагедии XX века, причём не обозначенного созвездия.

Капитан Хромых глянул на переправленные военкомом отцовские часы. Как вчера: Халхин-Гол, Жуков и Чойбалсан, Рычагов, Смушкевич, их друг по Испании Шахт, Кравченко и Грицевец. Где искать могилу бати? Был и нет!

…Прошло с первой встречи с Карпушкой пятнадцать минут.

— А ну, грузись! — сбросил кандалы горечи Захар.

— Жмись друг к дружке, парой рук за лавку держись! — кричал он, подсаживая ребятишек. — Я вас так прокачу, письма писать мне будете. А, может, после войны и на судаков с жерехом выберемся, как Карпий?

Мороз и впрямь обнаглел: 40°, не меньше. Капитан уселся в кузов последним, задёрнул тент, раздал детям шубнины, захваченные с собой, передёрнул по справедливости и солому. Он боялся этих 70-ти километров, как и Захар, больше всего на свете, — кто может видеть ночь, то бишь, будущий день в миру, а тут…

Мины, мессер, снайпер и шмайссер.

Выехали. Самостоятельно, не дожидаясь утренней колонны. Поезд отходил на рассвете.

Лапиков, чувствуя себя внутренне постаревшим, усиленно вжимался в руль, старался мягче работать сцеплением и переключать передачи.

Он вспомнил, как возил тяжелораненых моряков Балтфлота, и прилагал максимум усилий, чтобы не беспокоить будущее поколение, которому было абсолютно всё равно, жёсткая ли, мягкая на кручение рама, тракторные обороты и малые свесы сзади и спереди.

— Мученик, великомученический наш народ! За что же пропасть такая из века в век, неужто из-за земли? У них мало — у нас до чёрта. А братец жёнки говорил: «Лагеря, лагеря, Захар, вкруг границ, лагеря».

— Тьфу, клеймёны мы, в чём-то прокляты! Царь, вишь, был иродом. Так ли было? А колхозы? — мысли мучили его, и, кивнув сосредоточенно смотрящей на дорогу Паше, бывший выпускник районного автомотоклуба при ОСОАВИАХИМе плавно нажал на газ.

— Странное дело, полпути за спиной, а «мамаша» не спит, молчит. Боже, за что нам это. Ну вот и руль что-то тянет влево, добожился, покрышки вы мои архаичные.

Притормозив у леса ближе к обочине (штабные «Вилли» и ночью «летают»), Захар вышел и оказался прав: левый передний скат уже слегка поджевало. Осветив фонариком другие, решил всё ж помаленьку ехать — вёрст двенадцать осталось, но с оказией: хреновым гаком.

Гак — что ручник; крутишь на протектор сотни метров его, а он (до чего ж гадкая русская мера длины) никак не кончается.

Гак — бывает предатель. Сотни вёрст добре прошли, хоть в клаксон во всю мочь дуди, и вот… гак: словно гав, гав, злющий, как волкодав.

ЗИС, легендарный ЗИС, медленно в лёгком крене полз, упрямо полз вперёд, к дому. Тяжесть руля в навалившем за ночь снеге становилась невыносимой, глаза от перенапряжения и хроничес-

кого недосыпания свинцово тянуло закрыть, и ноль было толку от слюны по векам: величайшим счастьем представлялся СОН. Захар не мог бросить остаток сил на запаску: времени у них с Хромых и ребятишками не было. А тут ещё Гази-Магомет явился с вечной улыбкой — «И чего ж я его не взял, просился ж, как маленький, мол, когда славный город России увижу».

Капитан, не дававший заснуть малышам (мороз ведь убийца!), тоже смекнул, в чём дело, хлопнул по захаровой крыше. Остановились.

— Что, орёл, думаешь? Может, дотянем? Рассветает уже, а паровоз, сам знаешь, через три дня.

— Нет, не успеем, — выдохнул правду Захар. — Привал надо делать. Кипяточку согреем, сальца порежем, есть второй фронт — тушёнка. А? Капитан?

— Да… Что ж…

Завтрак всем поднял настроение, сняв грусть опоздания по известной причине — голод не тётка. Тронув через полчаса и удивляясь отсутствию раннештабных авто и мотоциклов, «детдом» в полном, новом составе порадовал авиационным маршем, отрепетированным ещё до войны.

Слеза вновь накатила на Захара, когда Паша непроизвольно, невзначай вспомнила, как осталась одна. И как земля носит таких, как Геринг? Читал, помнится, — ас Первой мировой войны.

На глаз оставалось не более пяти-шести километров. Дорога вынесла ЗИС из прибрежного бора, лишний вираж, словно знак, обозначил приближение к концу пути.

И тут… Знакомый звук, то был звук смерти. Он шёл с небес, и направление его было не трудно определить Лапикову. Он одиночно ныл с того берега, что был немецким, и отлаженная работа его дюжины поршней говорила Захару о «Даймлер-Бенце» — сердце пиратствующих в одиночку «мессеров», которых не тормозил от атаки даже Красный крест на борту МСЧ. То было лишнее доказательство политинформаторской коммунистической идеологии-лжи, мол, тет-а-тет «Ме» не работают, одиночную (по сути, обречённую) цель в прицел не берут.

Сержант помнил заповедь «искусству пилота ставь условия искусных гонок земли», он ненавидел страх и знал, что он обречённый, хотя случайный попутчик. Высунувшись в окно, этот тщедушный смельчак видел худой фюзеляж, угловатые формы и солнечную искру фонаря и даже представил себе лицо сынка барона

с опытом африканской войны и европейских сражений. Он неистово, с шестерёночным скрежетом подтолкнул вторую передачу и решил идти на гашетке, на высоких оборотах. Назад в лес уже пути не было.

Паша что-то кричала, Хромых молотил по кабине, как одержимый, но Захар их уже не слышал. В семистах метрах, он помнил, — оставленная землянка радистов, и, выжимая потроха ЗИСа напрочь, жал, жал туда.

В первый заход «109-го» отважный шофёр мастерски ушёл от атаки, нырнув в котловину грунтовки, на этот раз (который раз!) выручившей его. Захар даже забыл про покрышку, которой, видимо, давно не стало, руль стал легче, должно, скат приказал жить. Секундно мозг считал метры без ландшафтных «зацепок». 150, 250, больше трехсот — где? Осинка. Вот осинка. Она! А «мессер» заходит, чуть клюя носом, вновь.

— Капитан! Здесь землянка, помнишь?! Спасай детей!

Спрыгнули все, успели. В шаге землянка от них, бежать запрещено — трассер настигнет. Бледный Хромых заталкивал, будто автокамеру, немощную девочку… Дети спасены! И тогда пулемётные очереди пошли, пошли сечь, будто кнутом, с присвистом топили снег, кратко повизгивали при этом скупой сечкой мёрзлой земли.

Рванулся в буксе Захар прямо, как птица, спасающая дитя у гнезда, в тот миг, когда «Ме», завывая на бреющем, метнул снаряд «Эрликона».

Зажжён был ЗИСок мгновенно. И долго, долго потом катилось здоровое его колесо, похрустывая бликующим настом. Трескуче пылали борта и кабина. В отсвете пламени казалось, что след протектора полит кровью, а стёкла покрылись паутиной трагедии, словно лоб столетнего старика. Сержант выпрыгнуть не успел. Не сумел. А трёхтонка ползла на берёзовый пень…

И слёзы катились градом из глаз капитана, судорожно рыдающей Паши. И не было слов у детства — дети, оцепенев, стали на время немы.

* * *

…Потом, когда всё утихнет, Победу отпразднуем мы, 18 седых ребятишек приедут сюда, спустя 54 весны.

Погладят землицу, поплачут, наркомовских сто нальют, и правильно, что поплачут, Захария они помянут.

Рассказ этот не придуман. Ваня Хромых, отучившись на стрелка-радиста, прошёл Европу, Гоби и Хинган. Дважды был сбит

с командиром эскадрильи пикировщиков Цветовым. Дослужился до майора. Позже не раз выручал в страду и на целине, будучи начальником ПАТО.

Прасковья Андреевна станет его женой, защитит кандидатскую по Макаренко, и не устанет повторять воспитанникам:

— Запомните и славьте своих прадедов, дедов, отцов, братьев, мужей и сестёр, не забывайте, что Тыл в лице миллионов матерей и жён вынес немыслимое!

Печально, что на новый памятник Шофёрскому Подвигу в правительстве средств не нашлось. По чести, машины-то есть: стоят с белым кантом покрышек, ржавеют на свалках, ожидая металло-Бендеров, уходят на пол-аршина под землю под дождём и снегом, и, как жаль, что ни МВФ, ни Голливуду, ни КПСС они не нужны. Забыли, что ль власть и иже, что нет ничего позорней стыда беспамятства?!

Боль прошлого, боль Человечества в войнах и святая память не будоражат почерствевшее поколение.

Что ж, ЗИС — Забвение и Слава — увы, нераскушенный орех многих тысячелетий.

25 апреля 2000 г.
Орёл — Поныри — Прохоровка — Белгород.

Воспоминания о Колпне.

Асам таранных атак — Антону Губенко, Дмитрию Кокореву, Виктору Талалихину, Николаю Терёхину, Борису Ковзану, Сергею Колыбину, Борису Пирожкову, Василию Синчуку, Петру Шавурину, Алексею Артамонову, Юрию Лямину, Павлу Пологову, Алексею Хлобыстову — всем Героям ВВС СССР, совершившим более 600 дерзновенных подвигов в небе, — посвящаю.

1

На соснах — щетинится хвоя,
Осины уже не дрожат.
Над рощами Подмосковья
Проходит воздушный пират.

Берлинской любовью заласкан,
Держа за щекой шоколад,
Ариец ждёт орден на лацкан
Ещё за несброшенный ад.

Ехидна усмешечка аса,
Топорщится щётка усов:
— Вечернее соло фугаса
Сорвёт даже крышки гробов.

Пусть предки поднимутся кверху,
Мы их потревожим чуть-чуть
За Грюнвальд, за штурм Кёнигсберга,
За льдисто-кровавую Чудь.

Ах, как это будет красиво!
Что Киплинг? Я тоже поэт…
Тюльпаны ниспосланных взрывов
Примите, как скромный букет.

Букет? А не щедро ли, право?
Не слишком ли щедро? ВЕНОК!!!
И вдруг поднимается справа
Серебряный «ястребок».

— Мальчишка! Сгоришь как порох.
Зря возгордился ас.
Очередь… Сбой мотора.
Свет раскалённых трасс…

2

«Хейнкель» взревел надсадно,
Принял зловещий вид.
— Что, в небесах прохладно?
Что, под Москвой знобит?

Вновь самолёт в зените,
Виктор стёр пот с лица.
Тянутся-рвутся нити
Огненного свинца.

Пусть слабовата школа:
Вчерашний курсант страны…
Но лётчиков Халхин-Гола
Видел он до войны.

И по святому праву
Слева идёт на крест:
Очередь за Варшаву!
Очереди за Брест!..

3

Снова в пике. И с ходу
Цель «ястребок» берёт.
В спешке взрезает воздух
Вражеский пулемёт.

Вспышки — электросваркой,
Хрипло рокочет пасть.
Немцу в кабине жарко,
Мигом почуял власть.

К лёгкой привыкший к славе,
Жертве кричит: — Капут!
Звёзды на крыльях — давят,
Звёзды — ответ дают

Крупнокалиберный, гневный!
Пламя слепит глаза…
И на пределе нервы
Люфтваффовского туза.

4

Небо в зелёных звёздах,
Звёзды вокруг креста:
— Будет врагам погостом
Звонкая высота!

Не удалась разведка,
Кланяйся, гад, Земле!
Что ж ты молчишь, гашетка?
Воздух застрял в стволе?

Скроется. Действуй, тёзка!
Ветром точи крыла,
Чтоб каждая здесь берёзка
Силу тебе дала.

В обойму вошла патроном,
Прошила б насквозь дюраль,
Чтоб ввек матерям и жёнам
Душу не жгла печаль.

По каждому — кто не выжил,
По каждому — кто убит…
Стреляет, спускаясь ниже,
Оскалившийся бандит.

5

— Не вырвешься восвояси,
Подставишь крестовый бок…
Скорость ещё в запасе,
Выдюжит «ястребок».

Бьёт пулемёт фашиста,
Видно почти как днём.
— Метко сработал, чисто!
Локоть горит огнём.

Наших берут не сразу,
Рана — укус шмеля.
Если уйдёшь на базу,
Не примет меня… земля.

Взмыл, не почуяв веса,
Вот уже у хвоста:
Свастику бы отрезать
Ненавистью винта?!

Туго в бою открытом?
Строчи теперь, не строчи…
Жёлтым метеоритом
«Хейнкель» сверкнул в ночи.

Кажется, сильный ветер
Осколки разнёс окрест.
Словно не жил на свете
Надеявшийся на крест.

Больше не разговаривал,
Прахом стал в тишине…
Может быть, это зарево
Фюрер видел во сне.

Зарево наступленья,
Красную мощь крыла,
Жуткий грохот паденья
Гербового орла,

Что над позором рейха
Вис ещё, как живой,
Слушая мощность эха
Подвига под Москвой.

6

Издавна наши парни
Захватчиков бьют сплеча.
Небо им благодарно,
В нём что-то от кумача.

Помните, экипажи,
С крестом или без креста:
Красное небо — дважды
Нам сдаёт рапорта.

Ранней зарёй — до солнца,
После него — в закат.
Кому там ещё неймётся?
Ещё есть ночной пират?

Довольно с России дани,
И, мирное небо любя,
Ракеты пойдёт таранить
Не только лишь за себя.

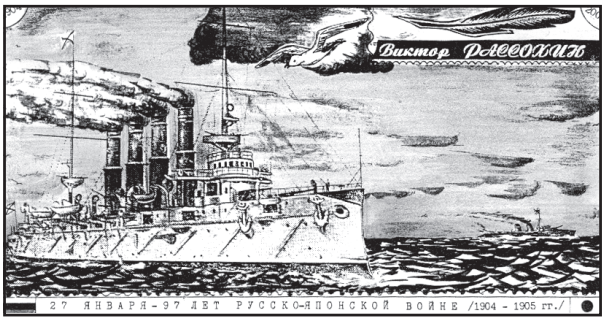
Воздушные печенеги —
Нам всякий под силу бой!
Пусть в страхе дрожат стратеги
Минувших и новых войн.

С блицкригом до блицуспеха
Не стойте с календарём.
Таран — это почерк века,
Ответивший Злу — Огнём.

Январь 2001 г.
г. Орёл —
Святыни Боевой Славы.

Не тот славен, кто смел,
А тот, кто отважен думаючи

ЖИВЪ «ВАРЯГЪ»!



Начало нового, 1904 года было омрачено тревожными событиями на Дальнем Востоке. Японские корабли, построенные при опеке Великобритании и США, выходили на просторы Тихого океана и южных морей с целью «расширения жизненного пространства», о котором не раз повторялся реставратор Японии император Муцухито.

Следуя негласной доктрине «присоединения» страны Ямато к материку, военщиной готовились широкомасштабные десанты. У берегов Кореи новые флибустьеры захватили пароход «Россия», а затем был установлен контроль над железными дорогами.

Царское правительство, внимая требованиям международной обстановки, предприняло ряд важных мероприятий, однако ситуация усложнялась неверием, слухами и улыбчивыми внешними отношениями с репрезентантами японских вооружённых сил и гонцами МИДа. Даже после того, как прекратилась связь с Порт-Артуром, царский посланник в Сеуле Павлов, адмиралы Старк и Рожественский, генерал Алексеев и другие уважаемые

господа проявили максимум недальновидности, не реагируя на депеши разведки и телеграммы командира «Варяга», бывшего помощника коменданта военпорта Руднева...

Николай II

1 января, когда на рейд Чемульпо вошёл французский крейсер «Паскаль» с миссией стационера, на палубу «Варяга» ступил вице-консул Поляновский. Командование планировало направить канонерку «Гиляк» в Порт-Артур со свежей корреспонденцией. Для многих матросов и офицеров Императорского Флота России эти письма окажутся финальными в жизни. Сбывалось мрачное предсказание о войне, имевшее место после ранения царевича Николая мечом полицейского Сандзо Цуда 13 лет назад во время вояжа наследника. Тяжела окажется шапка Мономаха для последнего из коронованных Романовых...

5 января, круша форштевнем «стекло» льда, в Чемульпо (Инчхон) прибыла канонерка «Кореец» под командованием капитана II ранга Беляева, что вызвало обеспокоенность лидера крейсера «Чиода» кэптена Мураками. Долгожданная почта, доставленная канонерской лодкой, обрадовала моряков и в то же время подтвердила опасения: «Варяг» и «Кореец» оказались отрезанными от Тихоокеанской эскадры...

Муцухито

Кроме русских кораблей на рейде Чемульпо стояли «Паскаль», итальянский и английский крейсера «Эльба» и «Талбот», американская канонерка «Викберг», находившиеся под командованием капитанов Сэнеса, Бореа, Бэйли и Маршалла. Ввиду объявленного Кореей нейтралитета иностранные мореходы обеспечивали безопасность своих посольств. Нельзя сказать, что отношения

Вице-адмирал
З.П. Рожественский

со старшим на рейде Бэйли были искренне дружелюбными: сказывались противоречия по многим вопросам взрывоопасной современности...

Через три дня хитрый лис Мураками организовал банкет в честь фаворитов интернациональной флотилии, на который был приглашён и Руднев. Явно преувеличивая данные «Чиоды» при экскурсии по его апартаментам, блещущий формой и знанием иностранных языков кэптен, очевидно, выпил несколько рюмок сакэ и сболтнул лишнего. Руднев убедился воочию о планах морских микадовцев через несколько дней, когда вернулся из Порт-Артура. Мористее его любимца-крейсера стали на якорь и слегка дымили угольным выхлопом не только лёгкий «Чиода», но и крейсера «Нанива», «Акаси» и четыре миноносца.

Вскоре в портах высадились десанты под маской «рабочих», однако даже официальное уведомление командиров иностранных судов о разрыве дипломатических отношений между Россией и Японией не смогло повалить «валуны» безобразного консерватизма, охватившего правительство Николая II.

В полном соответствии с планами командующего Соединённым Флотом вице-адмирала Хэйхатиро Того и Главштаба ВМС началась их оперативная реализация, направленная на достижение господства на море. По замыслам Адмиралтейства, оказавшего давление на Муцухито, ловушки, приготовленные для русских, должны были сработать безукоризненно.

Глубокой ночью 25 января «Чиода» снялся с якоря и без огней вышел в море, а днём раньше японцы захватили пароходы «Аргунь», «Мукден», пребывавшие в Японии, «Маньчжурия» и «Малайзия», а также другие суда, спешно переоборудованные ими в транспорты. Всеволод Фёдорович Руднев и Григорий Павлович Беляев попали в вакуум информации. А между тем — накануне — Того собрал флагманов и капитанов на секретное совещание в кают-компании эскадренного броненосца «Микаса». Всем им предстояло доказать миру: маленькая Дай Ниппон (Великая Япония) — мощная морская держава!..

В пути японская эскадра разделилась надвое у о. Сингаль в Жёлтом море. Младшему флагману контр-адмиралу Сотокити Уриу настоятельно предписывалось не вступать в бой с кораблями русских в целях их захвата и дальнейшей перспективы использования во Флоте Тэнно-хэйка, предвкушавшего сюрприз к очередной годовщине своего царствования. Того выступил согласно стратегии — на Порт-Артур.

Главнокомандующий Соединённым Флотом императорской Японии, вице-адмирал Х. Того — единственный флотоводец, разгромивший русский флот, не знавший поражений в 23 сражениях за 200 лет.

26 января около 12 ночи отряд миноносцев атаковал «Расторопный» и «Бесстрашный», вахта которых, к сожалению, не смогла вовремя обнаружить противника. Выпустив за три атаки 16 торпед Уайтхеда, японцы добились попаданий в броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич», крейсер «Паллада» и значительно повредили их, несмотря на беглый огонь артиллерии эскадры. Под покровом темноты Того отступил, опасаясь контрудара русских кораблей, оставшихся в строю, спешно приказав своим командирам двигаться к точке рандеву близ Чемульпо.

Таким образом, воевавшие веками самураи вновь доказали миру, что выращенные этими же веками врождённые коварство и хитрость по-прежнему действуют по закону «Весёлого Роджера»: лишь 29 января Токио официально объявил о начале войны с Россией...

...Предрассветная мгла застала начальника 4-го боевого отряда Уриу на адмиральском мостике флагмана — лёгкого крейсера «Нанива». Он не мог забыть фразы капитана I ранга Масадзиро Асая, руководившего 1-м отрядом истребителей: «Ручаюсь за успех!». Успех означал переименование «Варяга», например, в «Атаго»...

«Красно-солнечная» эскадра дрейфовала. Уриу ожидал катер с «Чиоды» — ему не терпелось принять рапорт у Мураками. Удивительные вещи происходят порой на море: позднее они будут поражены, каким образом мимо их бинокляй и стволов про-

Капитан I ранга
В.Ф. Руднев:
«Лишь волны морские прославят в веках геройскую гибель «Варяга»...

скочил товарно-пассажирский пароход «Сунгари», принадлежавший русскому обществу Восточно-Китайской железной дороги...

Мураками был, как всегда, лаконичен. Немного посмеялись и поспорили авторитеты Соединённого Флота, гадая, кто он — новый командир «Варяга», однако время не ждало.

Следуя парой кильватерных колонн, взвинченная наэлектризованной обстановкой малая, но мощная флотилия Уриу вышла на траверз о. Йодолми. Прямо по курсу её ожидала неизвестность — исторический бой, не имевший аналогов в летописях военно-морских баталий. Но сейчас кричали чайки извечные позывные. Миллионы раз «дети» океана слышали их галдёж. Под него рождались и вперёдсмотрящие из Эдо, решившие реваншем перекроить меридианы и параллели планеты.

В японском фольклоре явление запечатлено мягче: «Живущая в колодце лягушка не догадывается о бескрайних морских далях».

В середине дня В.Ф.Руднев получил телеграмму от Павлова: «Сегодня из секретного источника получено известие, что японской эскадре,состоящей из нескольких боевых кораблей,предписано отправиться к устью Ялу и что высадка японских войск в значительном количестве назначена в Чемульпо на 29 января».

По настоянию посла «Кореец» вышел с почтой навстречу противнику, присутствия которого никто не ожидал.Туман не дал возможности предупредить «Варяг» о появлении двух колонн японских броненосцев «Нанива»,«Чиода», «Акаси» и тяжёлого крейсера «Асама»,сопровождавших транспорты «Дайрен-мару», «Ота-мару» и «Хэйдзо-мару». В составе левой колонны вспенивали воду миноносцы «Аотака», «Хато», «Кари» и «Цубамэ». К горизонту виделись очертания других кораблей, но мгла покрывала их силуэты, аннулируя опознание.

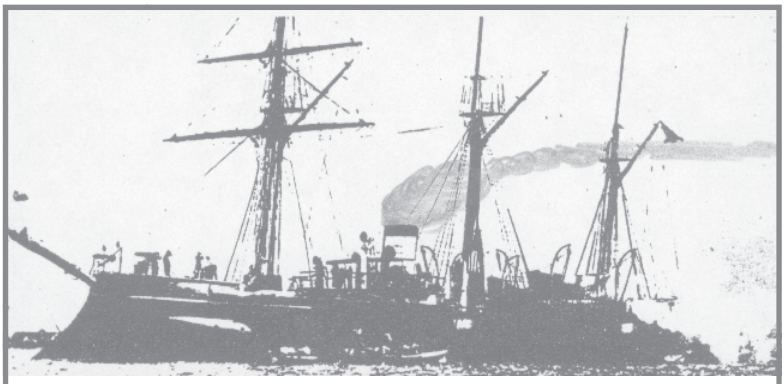
Японцы шли малым ходом,а беляевская канонерка двигалась споро, ибо её командир не помышлял об атаке,хотя был крайне насторожен. Внезапно миноносцы взяли левее, и «Кореец» попал в клещи между колоннами. Страха не было, но было неприятно видеть, что весь убойный калибр японцев был полностью расчехлён...

«Асама» мчался наперерез, и его комендоры наставляли стволы в лобовую на канонерку, пока она проходила нейтральные воды.

Беляев, видя, что его провоцируют на конфликт, решил в бой не вступать и приказал возвращаться в порт под прикрытие «Варяга». Маневрируя на полном ходу, экипажу «Корейца» удалось завершить разворот, несмотря на две минные атаки миноносцев. Третья атака также потерпела фиаско: мина, не дойдя до борта канонерки, перевернулась и затонула.

Азиаты нервничали.Головной миноносец вышел на обгон «Корейца», однако его командир неожиданно пошёл на таран. Самураи, видя безвыходность, уклонились и, оказавшись за кормой канонерки, не смогли сбросить мину.

Когда Беляев прибыл на «Варяг», он сжато рапортовал Рудневу, тут же заявившему протест старшему на рейде Бэйли. Англичанин, не разбрасывая словами, отбыл с документом к Уриу. Трудно сказать, как проходила эта встреча, однако заявление Уриу о «выдумке» насчёт атаки «Корейца» его миноносцами — впечатляюще-вероломно по своей неприкрытой наглости!



Подвиг команды «Корейца» навечно связан с экипажем «Варяга» морским узлом военно-морской славы России.

Ночь прошла в мучительной тревоге: шла высадка десанта — около 3000 человек были перевезены баржами и катерами.Миноносцы в отсвете костров на берегу уже не перемещались: минные аппараты были нацелены на «Варяг» и «Кореец».

Утром капитан I ранга Виктор Сэнес прибыл на русский крейсер и взволнованно обсудил с Рудневым письмо Уриу, полное напыщенности и словесного фарисейства (видно, контр-адмиралу не спалось):

«Его Императорского Величества корабль «Нанива».

Рейд Чемульпо. 26 января (8 февраля) 1904 года.

Сэр. Имею честь уведомить Вас, что ввиду существующих в настоящее время враждебных действий между Японской и Российской империями я должен атаковать военные суда русского правительства, стоящие теперь в порту Чемульпо, силами, состоящими под моей командой. В случае отказа старшего из русских морских офицеров, находящихся в Чемульпо, на мою просьбу покинуть порт Чемульпо до полудня 27 января(9 февраля) 1904 года, я почтительно прошу Вас удалиться от места сражения настолько, чтобы для корабля, состоящего под Вашей командой, не представлялось никакой опасности от сражения. Вышеупомянутая атака не будет иметь места до 4 часов пополудни 27 января (9 февраля) 1904 г., чтобы дать время привести в исполнение вышеупомянутую просьбу. Если в порту Чемульпо находится в настоящее время какой-нибудь транспорт или купеческие суда вашей нации, то я прошу Вас передать им настоящее уведомление. Имею честь быть, сэр, Вашим покорным слугой. С. Уриу, контр-адмирал, командующий эскадрой Императорского японского флота».

Идентичные послания флагмана получили командиры иностранных кораблей. Сэнес, Бореа, Бэйли сочли необходимым обсудить ситуацию, развитие которой становилось непредсказуемым. Маршалл не счёл нужным явиться на совещание якобы из-за отсутствия инструкций Генштаба ВМС США. В ходе дискуссий представители ведущих держав, выслушав мнение Руднева о протесте, удалились для окончательного решения. Руднев при этой беседе уже не присутствовал. Он заранее отдал приказ командиру «Сунгари»: «Быть готовым к затоплению парохода...»

Около 10 утра Уриу через вице-консула Поляновского доводил до сведения Руднева «высочайшее волеизъявление» японского правительства:

«Сэр, ввиду существующих в настоящее время враждебных действий между правительствами Японии и России я почтительно прошу Вас покинуть порт Чемульпо с силами, состоящими под Вашей командой, до полудня 27 января (9 февраля) 1904 г. В противном случае я буду обязан открыть против Вас огонь в порту. Имею честь быть, сэр, Вашим покорным слугой С. Уриу».

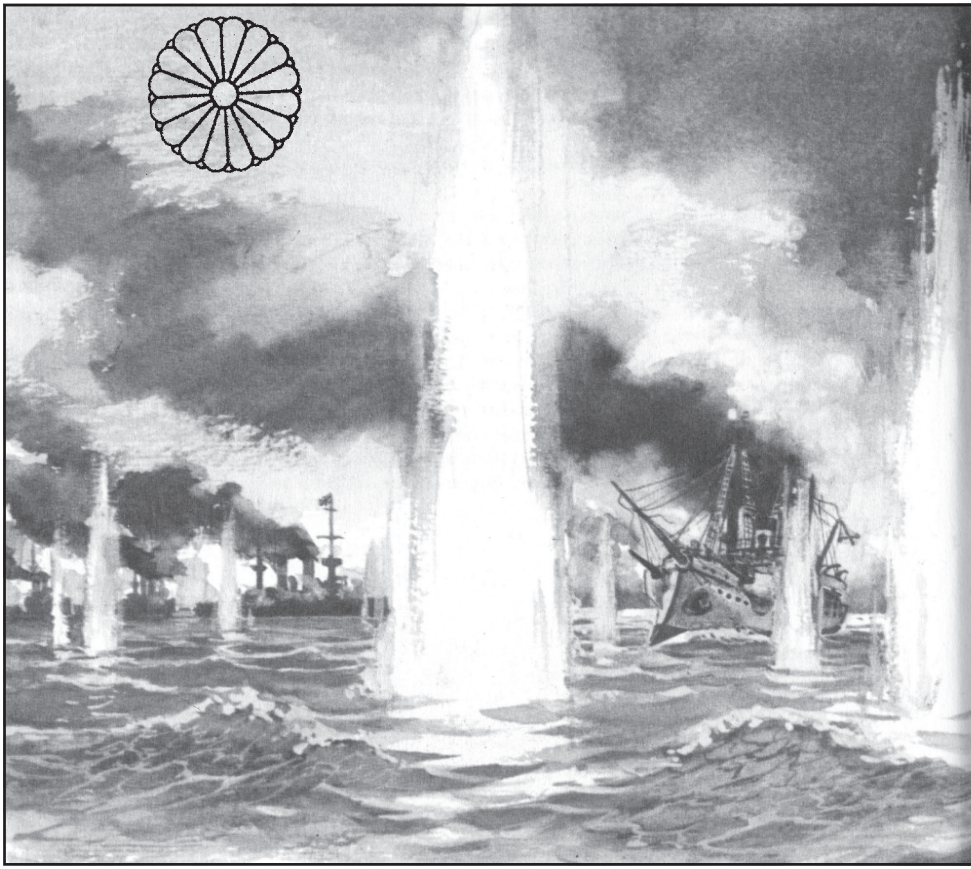
Иностранцы были шокированы решением командира «Варяга», ибо в их мировоззрении никак не укладывалось, как один крейсер и канонерка будут держать бой с 14 кораблями Микадо. Знали они и о значительно разнящемся соотношении артиллерии его плавучих подданных с цитаделью крейсера, сошедшего со стапелей Филадельфии. Так, против 181 ствола крупного и мелкого калибра, 42 миннаппаратов японской стороны «Варяг» располагал 34 того же калибра и шестью аппаратами для мин. Помнили об этом и русские моряки, весь экипаж в составе 570 человек. Среди них — главврач Храбростин, штурман Беренс, мичманы Губонин, Лобода, Черниловский-Сокол, Балк, Эйлер, «папка» — инженер-механик Лейков, старшина Снегирёв и ординарец командира Чибисов, младший штурман Нирод, комендор Постнов, механики Спиридонов, Солдатов, Зорин и многие другие патриоты Отчизны. За всех молился уроженец Черни отец Михаил Руднев.

К своему стыду, капитан I ранга Бэйли, ранее выступивший за сопровождение русских кораблей, занял шаткую позицию, сославшись на нейтралитет, хотя был обязан проводить их до границы нейтральных вод по Закону морской чести.

Незадолго до отправки протокола секретного совещания Уриу, любезно предоставленного ему Бэйли, Всеволод Фёдорович собрал офицеров и матросов и выступил перед ними с проникновенно-отеческой патриотичной речью:

«Мы идём на прорыв и вступим в бой с эскадрой врага, как бы сильна она ни была. Не сдадим крейсера и будем сражаться до последней возможности, до последней капли крови, — волнуясь говорил он, и парадный его мундир, казалось, притягивал к себе солнце. — Исполняйте свои обязанности точно, спокойно, особенно комендоры. Каждый снаряд должен нанести вред неприятелю. Смело в бой за Отечество, за честь нашего флага. Ура!»

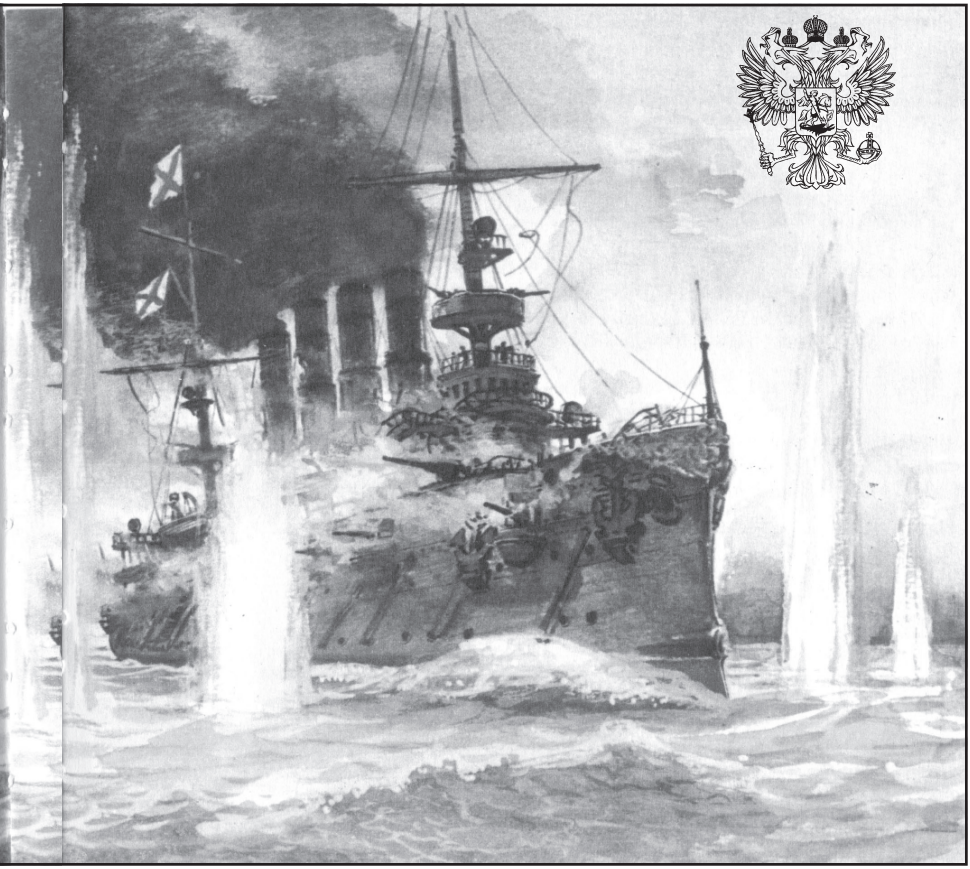
Троекратное эхо от сотен голосов экипажа прокатилось над гаванью — русичи были готовы к подвигу во славу Российского Флота и основавшей его монархии...



В 11.10 «Варяг», сверкая белизной корпуса, снялся с якоря и, развивая ход, прошёл мимо «Талбота» и «Эльбы». Следом, в кильватере крейсера, на расстоянии кабельтова шёл, дымя массивной трубой, «Кореец». Иностранные караулы и команды кричали «Ура!», а на «Эльбе» капитан I ранга Бореа приказал играть русский гимн. Через 15 минут в вахтенном журнале появится запись:

«Пробили боевую тревогу. Японская эскадра в числе шести крейсеров и восьми миноносцев была расположена в строю пеленга от острова Йодолми к северному проезду, прикрывая оба выхода в море. Миноносцы держались за крейсерами...»

Когда до противника оставалось 45 кабельтовых, с флагмана «Нанива» был подан сигнал с предложением сдаться. Руд-



нев оставил его без ответа, повелев поднять боевые стеньговые флаги.

Начался отлив, и сильное течение буквально выталкивало крейсер в море. Будучи крайне удивлённым дерзости русских, Уриу приказал открыть огонь — «Асама» «заговорила» главным калибром. «Варяг» прибавил узлов, а лейтенант Зарубаев готовился к первому выстрелу, учитывая сближение, — боеприпасы следовало использовать наверняка.

Понимая, что прорыв нереален, Руднев хотел ошеломить врага и нанести ему сокрушительный удар с единовременным перехватом инициативы. Но силы были слишком не равны...

Прицельный огонь «Корейца» пока оставался безрезультат-

ным, а между тем самураи «нащупали» цель — шла пристрелка с ходу. Разрывы снарядов приближались к борту крейсера, бешено свистели осколки, шипела и оседала тяжкими вздохами вода, послышались первые крики раненых. «Кореец» японцев не беспокоил. Вся мощь бортовой артиллерии сосредоточилась на «Варяге», искусно маневрирующем среди десятков фонтанов.

Грохот орудий становился с каждой минутой ожесточённее. Первый снаряд, разорвавшийся на «Варяге», раскрошил мостик и воспламенил штурманскую рубку, снёс фокванты. Замолчал дальномерный пост № 1; от графа Алексея Нирода, руководившего им, осталась лишь рука, опознанная по кольцу. Погибли матросы Г. Миронов, В. Мальцев и В. Оськин.

В ужасающей дуэли японцы вывели из строя орудие № 3, убив его комендора Г. Постнова и тяжело ранив мичмана Губонина, командовавшего плутонгом до потери сознания. Повсюду кричали и стонали раненые. В лазарете шла война врачей со смертью, а с палубы доносился мат из-за досадных промахов.

Беспримерно отличились матросы мичмана Черниловского-Сокола. Ценой неимоверных усилий они ликвидировали несколько пожаров, возникавших на красавце крейсере один за другим. Пока смельчаки боролись с самым сильным из них, охватившим настил палубы и вельбот, убило комендоров Д. Кочубея, С. Капралова, М. Островского, А. Трофимова, П. Муханова и матросов К. Спруге, Ф. Хохлова, К. Иванова, обслуживавших орудия № 8, 21, 22, 28. Другими снарядами разнесло грот-марс, ликви-

дирована дальномерная станция № 2, повреждены орудия № 31 и 32. Догорали патроны с бездымным порохом, было много раненых, контуженных и полностью оглохших от дьявольской переклички стволов, но никто, кроме самих себя, ни на кого не надеялся, героически оставаясь на боевых постах по корабельному расписанию...

К радости варяжцев, не всё было в пользу матёрого противника. Взаимодействие, слаженность и выручка друг друга, завещанные Суворовым в учении, доказали правоту генералиссимуса на примере ратного крещения «Варяга». В тяжелейшие минуты артиллеристы крейсера добились снайперского попадания под кормовой мостик головного «Асамы», вызвавшего большой пожар и повреждение его орудийной башни. Окутанный дымом, он стал крениться влево и затем застопорил ход, но русские моряки ещё не знали, что погиб командир броненосного крейсера — гордости эскадры...

В авангард вырвался «Такачихо», однако вскоре и он, как и «Нанива» и «Чиода», получил серьёзные повреждения. Кренясь в облаке дыма, он покинул строй и позднее затонул на пути в ВМБ Сасэбо, унеся в пучину часть экипажа и 200 раненых.

Количество раненых с обеих сторон возрастало, а накал боя не спадал, сметая, словно тайфун, новые жертвы — мужчин в расцвете сил, которым бы жить да жить, да детишек после схода на берег растить. Ещё вчера смеялись и балагурили матросы Д. Артасов, М. Авраменко, К. Зрелов. Летели рикошетом осколки, отплясывая «танец» смерти, сжимались пружиной минуты, по которым била отдача горя, и вот... нет матросов — убиты у орудий...

Едва не погиб от взрыва шестидюймового снаряда старший штурман Евгений Беренс, возник пожар в рундуках броневой палубы, по счастью быстро потушенный. Последовавшие снаряды разорвали командирский мостик и изуродовали ходовую рубку, вынудив Руднева спуститься в проход боевой рубки, откуда он отдавал приказы офицерам, управляющим «Варягом», попавшим в сущий ад.

В этот момент разорвавшийся снаряд вывел из строя рулевой привод, сводя шансы на спасение крейсера к нулю. Сразу после взрыва у фок-мачты на полубаке осколки засыпали проход боевой рубки с кормы. Причём с её стороны рубка не была защищена броневой дверью, её роль заменял броневой козырёк. Недоработки корабелов оплачивались жизнью людей. Тут же убило

наповал барабанщика Д. Кореева и штаб-горниста Н. Нагля, прикрывавших командира, которого легко ранило и контузило... Стоявшего у штурвала старшину Снегирёва осколок поразил в спину, но он героически отмолчался, до конца боя простояв у руля. Ординарцу командира Т. Чибисову ранило руки. Стягивая раны платком, он не покинул Руднева, несмотря на его приказ отправиться в лазарет. Этим же снарядом были убиты матросы Ф. Эдравиц, М. Кабанов и комендор вдребезги разбитого орудия № 35 Д. Шарапов. Другой снаряд, взорвавшийся в трюме, уничтожил паропровод к рулевой машине, что в условиях интенсивного огня лишило крейсер манёвренности.

Ситуация усугублялась узким фарватером и отмелями по левому борту. Не выдержали злополучного вторника и часы крейсера: онемели на 16-ти минутах первого...

Придя в себя, Руднев приказал мичману Черниловскому готовить корабль к взрыву, ибо возникла серьёзная опасность из-за его циркуляции — ему грозила посадка на мель и, что ещё хуже, крейсер легко попадал в руки японцам. Машины работали полный назад, а левый борт оказался незащищённым, чем незамедлительно воспользовались комендоры Уриу. Огромный седой столб шипящей воды взметнулся до мачт. Затем последовал не менее устрашающий: теперь у «Варяга» были три пробоины ниже ватерлинии! При этом все помнили наказ командира: «Цельсь верней, братцы! Я жив!», который он прокричал несколько минут назад, чтобы развеять слухи о своей гибели.

Команда «Корейца» поначалу подумала, что «Варяг» остановился, однако Беляев понял, что крейсер пошёл на правый

разворот. Грамотно используя малую осадку канонерки, её командир резко взял влево, предотвратив схождение с крейсером, очень выгодное для японцев.

Поравнявшись с о. Йодолми, «филадельфиец» под Андреевским стягом, трепетно охраняемым П. Олениным, в дымном облаке и лёгком крене лёг на обратный курс. Здесь его постигло сокрушительное попадание снаряда крупного калибра в 3-е котельное отделение. Хлынувший через пробоину водопад холодной воды угрожал топкам. Два товарища, кочегары Журавлёв и Жигарев, предотвратили опасность взрыва, быстро задраив двери и включив водоотливные турбины. Крен увеличивался, а самоотверженные матросы пытались подвести под пробоины спецпластырь, изобретённый адмиралом С.О. Макаровым ещё по молодости...

В дальнейшем от взрыва подвинулся с места котёл № 21, дав при этом течь. Невыносимый, адски обжигающий пар наполнил кочегарку и стал вырываться наружу.

На борту «Нанивы» облегчённо вздохнули: огонь «Варяга» принёс эскадре крепкий урон, и теперь оставалось «прихлопнуть тигра в мышеловке», мстя за потери в живой силе и технике.

— Бандзай! Русским уже не уйти! — вероятно, думали кэптены и комендоры повреждённых крейсеров, стрелявшие всё хуже и хуже.

Очередной залп вышел губительным: были разрушены офицерская и командирская каюты и загорелось провиантское отделение, в котором хранилась мука. Вспыхивая миллионами искр, мучная пыль, точно пепел, витала всюду. С величайшим трудом морские богатыри справились и с этим пожаром...

Один из снарядов угодил в шкафут, разорвал коечные сетки над лазаретом и пробил палубу. Сетки мигом вспыхнули , и осколки звучно замолотили по переборке лазарета, несколько коек воспламенилось. Пожар потушили, но крейсер, судорожно трясясь от близких разрывов, терял плавучесть. Единственным, что могло спасти команду и корабль, было возвращение в Чемульпо, и Руднев, слушая доклад Беренса,это понимал,не зная в точности о других повреждениях, наличии стволов и полном трагизме потерь.

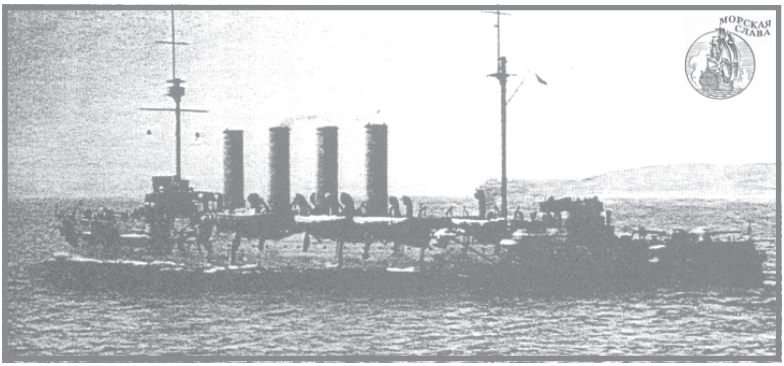
Контр-адмирал Уриу с офицерами штаба догадался о замысле русских, спешно перестроив вверенные ему потрёпанные плавединицы.Не снижая темпа стрельбы, «Асама» двинул в погоню

за «Варягом» и «Корейцем»,следовавшим за ним полным ходом. Другие корабли, ввиду дальности расстояния, прекратили огонь. Одновременно на перехват российских кораблей устремился отряд из двух малых миноносцев. Попытка «ва-банка» на море не удалась, несмотря на сверхмобильность «москитов»: первый миноносец канул на дно, оставив от себя облако дыма; второй «отделался» тяжкими повреждениями и затонул после боя...

Беляев готовился к худшему, приказав привести в боеготовность минный аппарат. Его канонерка держала пары на пределе: команда намеревалась атаковать «Асаму». Но опалённые порохом японцы остепенились с пальбой, боясь повредить иностранные суда на якорной стоянке. Избежавший мели «Варяг» под занавес сражения отстреливался левым бортом и кормовыми орудиями, «достав» к ликованию моряков, адмиральский «Нанива»...

Наипечальнейшее зрелище представлял собою легендарный крейсер, входя в гавань с «Корейцем». Неподсчётные пробоины с бортов, надстройка, превращённая в груду металлолома, дико вывернутый металл, разорванный такелаж, щепы от вельботов и шлюпок, частичная смена цвета с белого на ало-чёрный, сильный крен и узлы лееров, надломленная выхлопная труба чудовищно изменили облик корабля и шокировали людей независимо от нации и профессии.

Шёл второй час пополудни. Многие свидетели героического поединка и возвращения «Варяга», не стесняясь слёз, плакали, когда он отдал якорь на прежнем месте «прописки». Через короткое время Руднев и вся русская флотилия, а также истинные зарубежные друзья почтут память 31 смельчака, погибших в небывалой битве. Ранения разной степени тяжести искалечили тела



Вице-адмирал С.О. Макаров

Художник-баталист В.В. Верещагин

85 сослуживщев, а легко раненых было свыше 100 человек. Горько было осознавать уход друзей, но командир нашёлся сказать золотые слова, сминая в руке окровавленную фуражку:

— Вечно будет жить память об этих героях в русском народе!

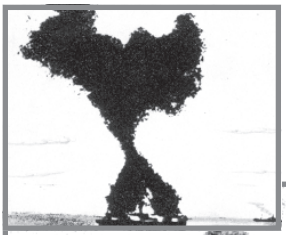
Иностранцы салютовали русской отваге и мастерству, но следовало не салютовать, а помогать вовремя. Подходили французские, английские и итальянские шлюпки, чтобы оказать помощь раненым. Не по-джентльменски повели себя янки, отказав принять русских на «Виксберге».

Выслушав ряд замечаний Бэйли и других капитанов, Руднев сменил решение взорвать крейсер на другой вид «смерти» — самозатопление.

27 января, а вернее, 9 февраля по старому стилю, в 6.10 популудни воспалённые от горя и палева боя глаза моряков покрылись скупой, солёной, как море пеленой: мачты крейсера скрылись под холодными волнами залива. Особой благодарности заслужил пёс Кирюшка: перед открытием кингстонов своим лаем он вывел вестового Войцеховского на тяжелораненого машиниста Степана Крылова...

Угрюмый Сотокити Уриу, сузив глаза на запотевших линзах

Взрыв «Корейца»



бинокля, ожидал ночного прорыва русских, болезненно переосмысливая минувший вторник. Увы, этого произойти не могло даже со стороны «Корейца»: его разорвала в клочья тысяча пудов пороха... Его эскадра потеряла 30 человек

Затопление "Варяга"

Царское правительство уплатило верфи Ч. Крампа 2 млн. 138 тыс. долларов. Но какими условными единицами измеряется человеческая жизнь???

убитыми — их отвезли после сражения в бухту А-Сан, несказанно омрачив день коронации императора. Затяжной ремонт ожидал «Асаму» и «Чиоду», уйдёт на дно «Такачихо».

Может, и к лучшему, что эти люди не познают Цусимы, но и адмиралы Того, Като и Сайто не могли предвидеть сражения у острова, прославленного пиратством до...1419 года.

Однако даже жестокий враг склонил голову перед героизмом и мастерством моряков Императорского Флота России. После обследования затонувшего «Варяга» в 1907 году (позднее реставрирован и введён в состав ВМС Иосихито под обозначением «Сойя») Руднева срочно вызвали из деревни Савино Тульской губернии, где он проживал с семьёй в изгнании от Флота. Перед почётной отставкой он попал в опалу к Николаю за прямоту в суждениях и заступничество в пользу младших чинов — матросов, старшин и мичманов.

И вот сегодня в МИД России состоялась памятная встреча. Посол Страны Восходящего Солнца господин Курино, секретарь посольства, морской атташе и инкогнито с чемоданом в руке вышли из шикарной кареты и, не поднимая глаз, тихо поднялись на второй этаж.

Контр-адмирал Руднев спокойно прохаживался по паркету ма-

лой гостиной, раздумывая о травле семьи, верных товарищей, осудивших ошибки самодержавия и рукоприкладство на кораблях...

В дверь постучали. Гости, раскланиваясь, поздоровались и, справившись о здоровье, молвили дежурные фразы о положении дел между Империями. Поговорили о подъёме «Варяга» и найденных на нём вещах, кое-что из них Рудневу здесь же и вернули.

Военно-морской атташе был краток в беседе с Героем России:

«Ваше превосходительство! Правительство Микадо просит Вас принять японский орден в знак глубокого уважения к геройскому подвигу, совершённому в Чемульпо».

Всеволод Фёдорович с волнением принял чёрно-лаковую шкатулку с золотой хризантемой на крышке. Раскрывая её, он видел лица погибших и раненых, слышал крики тонувших и умиравших, вспомнил их имена и личные фотографии. Подумал о Мураками, Уриу, Того — современники, завоеватели-флотоводцы...

Высшая награда Японии, орден Восходящего Солнца 2-й степени, жёг ладонь даже через заокеанский шёлк подушечки. Замечательный человек, он никогда не наденет его, трепетно относясь к памяти и чести варяжцев, всех патриотов Русского Флота.

Друзья всю жизнь хотели помочь роду Рудневых восстановиться в правах. Но истинное, общечеловеческое признание подвига придёт много позднее. Позже, чем честь и достоинство русских поняли враги, и до сего дня не желающие поставить подписи под вечным российско-японским Договором о мире.

С. Уриу

Орёл — Тула — Савино — Орёл. Декабрь 2001 г. — февраль 2004 г.

В оформлении использованы акварели художника-мариниста В. Шевченко.

4*

Ответь мне, неизвестный человек,
Мне всё равно, холоп ли ты, боярин:
Чем мучает тебя ушедший век,
Чем лечишься сегодня от печали?

... Молчит народ — душа, как мышь в амбаре.
Замок тяжёл и лёгок лишь в стихах.
Обидно, что, готовя летом сани,
Мы совесть разбиваем на осях.

(Из набросков
к поэме «Шапка Мономаха», 1968).

... Они проснулись посреди ночи от громоподобного улюлюканья сирены и влажного пара, внезапно окутавшего их «батуш» — потный подвал.*

— Прорвало! — просипела тень, чертыхаясь на топчан — наспех сбитую пивную тару, уморившую рёбра словно тисками.

— Чего делать-то будем, Шляпа? — продолжал голос из невидимого угла, дополняя вопрос шороховой вознёй будто стадо Шушер из сказки подрежимного писателя Алексея Толстого.

— Пойдём, что ли к вокзалу? — хрипло пробасил его друже, шаря по карманам в поисках спичек.

Пристанище их было тёплым, однако ж шпана малолетняя свернула электрозаветы Ильича. Любопытный народец: дома

жевнуть нечего, окромя тошнотиков да редко лошадиных мосолыжек, штаны американские поизорвали заборы и покрывшиеся репьями злобные дикие и не очень псы, а ребятня на последние гроши шпарит на рынок за голубями...

Им обоим страшно хотелось спать после дневных мытарств за объедками и болезненно унижающим нищенским подаянием. Ходили по очереди по дворам, сначала крадучись, потом обнаглели. О, как им позавчера повезло! У людей, видно, с головой не в порядке: кинули в мусор початый, правда, подкисший торт и в придачу пяток голов жёлтой, ядовито-солёной тарани. Пир на весь теплотрассный мир, подфартило им с «гагарой», и никто из них так и не узнал тогда, что ели они со стола секретариата УНКВД. Хорошо ещё, что не узнали; поперхнулись бы от «темы праздника» — «перевыполнение планов по статье 58 со всеми подпунктами»... Одним словом, «тише дыши» — всё не говори. А завтра «генералы» кварталов на радостях малой сытости в поиске небитого винно-водочного стекла и не заметят, что солнце за горизонтом.

Теперь временное упоение чрева было прошедшим. Жизнь продолжала ворочать убожеский дуэт и сотни таких же лиц, промышлявших от заката до рассвета. Спеться с криминалитетской «крышей» или поступить на должность «накатчиков» они, по ясному разумению, не могли: стена между уголовниками и политическими была выше Джомолунгмы...

Дундук зримо вспомнил невесть с чего «Межу» — редкого товарища набекрень — Менжинского. — У-уу-уу! Скотина! Это ты сделал меня таким. За что превратилась в ничто житуха на восходе коллективизации?! Сегодня же хоть бы горбушку чёрствую от сердца вручили!

---

* В рассказе, записанном со слов уроженца Богом затерянного хутора Тульской области, пожелавшего остаться неизвестным, имеет место уголовно-лагерный жаргон, бытовавший в обиходе как преступников, так и политзаключённых рассматриваемого периода. Как автор, привношу ясность той касте общества, что далека от ужаса, беспристрастно освещённого А.И.Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ», а также многими другими известными писателями. Последовательность «блатной музыки» сохранена в том виде, каком она представлена читателю.

Гагара — богатая женщина; накатчик — доносчик из бывших преступников; джени — вагон; город Катаев — тюрьма; намордник — поражение в правах; гарандессы — элитные проститутки; банщик — вокзальный вор; беззеник — ассенизатор; переворот на лицо — узнать подлинную фамилию; брюнетка — «Чёрный ворон», автозак для арестантов; мячики — автопокрышки.

Сокращение в законе: УНКВД — Управление внутренних дел; ИТЛ — исправительно-трудовые лагеря; ГУЛАГ — Главное управление лагерей; ИАП — истребительный авиационный полк ВВС РККА, затем Советской Армии, а также в ряду авиаформирований ВМФ СССР.

Общество, годами видя скитальцев, не замечало их. Страшноватые, обрюзгшие и похожие на неандертальцев, они вдвоём перемещались из Колымы, прячась в товарных «джени» почти год. Был с ними третий — беглый «враг народа» Демьян, мотавший сроки-этапы не за «мокрый гранд», — убийство с кровопролитием или грабёж с похищением домашней животины. Грех сказать, за что получил 10 лет ИТЛ с намордником: пчёл выращивал, местным дьякам помогал, а по выходным портретом всесоюзного старосты Калинина мух да оводов бил. Рассказывал, как маялся с роем, не шёл в колхоз, и вот усмотрели пионеры — смеялся, когда заворачивал мёд в «Правду» с Кагановичем, коий отвечал за массовую «экскурсию» населения в мрачный «город Катаев»...

Шляпа, крякнув, всхлипнул: пропал бедный самодур-пчеловод на безымянном перегоне, местной огненной воды захотел...

Зажравшегося вида конвоиры, неистовый лай доберманов режима и засовный скрежет в колюче-барачном периметре долго не отпускали их память и без того стёртую надломом хребтов на лесоповале. Бывало, блатюги и ссученые на стороне шхерются, шарят места полегче, а им — «политикам 58-м» — зэкам с лживым приговором, к вечеру бинтануть руки нечем. На руки ещё подышать можно было, но ноги... ощущение было таким, что их ампутировали! Морозище безумный, цинга, туберкулёз, обмороз насмерть и ППШ над затылком. Чего только не видали, когда освещалось будущее канонадой салютов и наши «танки быстроноги не сдавали»...

Шляпа не имел бирки на перешитой под гражданку робе, не было у него и ксивы за пазухой. Он никогда не был до удавки ГУЛАГа и Шляпой, где он родился, клички давали только собакам и скотине, вспоившей собой индустриальную мощь СССР. На родине, в Копытцах, он числился без вести пропавшим Александром Никаноровичем Шляпниковым, лётчиком-истребителем энного ИАП. Впервые схлестнулся с воздушными самураями Хирохито в Китае и на Халхин-Голе, прослыл жохом, освоив бипланы и монопланы конструкции Николая Николаевича Поликарпова. Участвовал в «войне незнаменитой» — Финской кампании, сражался против «Суомен Юлмавоймат» из числа истребительно-бомбардировочных эскадр генерала Пааво Талвела. И вот... над родной землёй сбили, кровоточащего и обгоревшего били, а он молчал. Пахал потом за троих, словно «ишачок», в лагере. Англичане посылки через Красный Крест мнут, — русскому от головы до паха прикладом. «Ком-

мунистен швайн, камисар юден» — лексикон «бельзенского зверя» Йозефа Крамера был незабываем...

В 1945-м думал, счастье пришло: освободили ребята генерала Джорджа Паттона — весёлые янки — а за свободой приговор и этап. Такая вот «могучая авиация страны социализма»...

Дундук — Василий Анатольевич Атаманов отличился на виражах предвоенного лихолетья, сев за рычаги лицензионного тракторишки, здорово отстающего от гужевой вечной силушки. Ровесник Цусимы, он крепко прикладывался к чарке и под неё слагал «антинародные» частушки. Вихрастый завсегдатай «пятачков» у пруда тогда, он сейчас мог вдарить по клавишам и разогреть «бытовным» мышцы с мозгами.

«Полетели купола
В речку неглубокую...
Не мешало б сбрить усы
Туруханцу подлому.
Надавлю весной педаль —
Пропластаю землюшку!
Брат вчерашний — кулаки —
Бьёт с обреза в спиночку.»

Попел, попил и — доулыбался: 10 лет ИТЛ с поражением в правах на три года. Семьи не создал, червонцев в погребе, трясясь, не прятал — один в поле воин...

... Дети подземелья топали, не поднимая ног, почти безкаблучными сапогами под крыло вокзальной крыши, они ещё надеялись на добрых людей. Паровозное депо пыхтело и перекликалось перестуком и возгласами ремонтных бригад, вдоль состава «колдовал» знакомый смотритель вагонов — «папаша» их тормозного благополучия. В стороне в лучах освещения виднелся дымок, резким и редким свистком напоминал о себе маневровый, а по всесоюзным путям пел на стыках Симферополь-почтовый.

Вздохнули едино оскорблённые и униженные страдальцы: мысли вылетели, как подброшенная пара сизарей к облакам.

ЮГ — море, фрукты, коробка «Казбека», летние синема, рестораны и вино, огни рампы и «гарандессы»...

И хотя машинист, словно чувствуя их думы, протяжно поиграл паром, звук которого растворился над сонным городом, режимная явь выжимала их курортные мечты и надуманные желанья однотипно системе работы виноградной соковыжималки. Здесь,

в центре страны, как впрочем и всюду, давились не ягоды, а человеческие судьбы, и молитвы не помогали. Кругом жили новые мишени, однако не все чувствовали себя таковыми.

«Кушать, а завтра ехать, да не попасть в лапищи «ребят» из Особого треста по очистке облцентра от вредителей и грязи общества» — вот что лишало их покоя и сна...

Бухая заполярным отголоском так и не вылеченной простуды, Шляпа поведал корешу о том, как бывал в этом городе «туристом» ещё до войны.

— Славный городишко! Оставил отец меня с чемоданами, а сам в кассу пошёл за билетами. Минут через десять чапает носильщик: «Пацан, папа уже на перроне, велел подсобить!» Клюнул я, малёк несчастный, глядь, а «банщик» улепётывает, миг — и в толпе растворился. Ух, как батяня ухи мне в тот день накрутил, век не забуду!

Дундук, помня о пяти «юнкерсах» и паре сбитых Шляпой «мессеров», от души рассмеялся. Наивный «беззеник» поневоле и к горечи свой в натуре, он по-простецки подумал: «Россия, великая наша Русь, геройская моя Родина, подневольная рабыня и лжица! Кого же и как ты допустила править тобою? Люду ты в себя приняла в наши тридцатые не меньше, чем в опалённую годину войны...»

Вдруг из-за памятника вождю их окликнули: «Стоять, бродяжня!»

Они, не сговариваясь, тут же побежали, молча, не глядя под ноги, в спасительную темноту. Взрослые мужи перемещались столь шустро, что, увидев их бег со стороны, можно было подумать — они подростки. Величайший страх оказаться в зоне под запором, в рыке команд и беспределе беспорядков, прикрытых распорядком — уставом, наконец, кодексом при единой для всех овёсно-свекольной баланде жал их к земле — только бы не пальнули, только бы не облава...

Душераздирающе голосил шарик в сантиметровом пространстве свистка, разрубая ночь надвое по следам якобы бандитов и мародёров. Впереди, опережая погоню, завыли злобным речитативом местные баскервили с кормом из государственной миски. Сознание преследуемых ещё более затуманилось: «Засада!!!» Им казалось, что овчарки хрипят в полубешеной пене басом извечно картавящей «Тройки» — 10 лет без права переписки, 10 лет... расстрел».

Полнейшее безумие ворочалось в голове тиком секундной стрелки и хотелось кричать на весь мир и грызть соотечественников зубами за свои потерянные ни за что жизни.

Неудавшийся танкист Василий, словно беркут, спикировал от света фонарей на пути. Он ломился по шпалам, не оглядываясь и не видя товарища по беде. Не слыша ничего и несколько раз упав, ударившись лбом о рельсы, не чуя хлынувшей крови и искр из глаз, он чувствовал, что его вроде не заячье сердце на грани вылета. Тут его со спины и покрыла насмерть дрезина...

Кощунственно лишённый наград ас боевого пилотажа товарищ Шляпников никогда не узнает об этом. Ему «замкнули стрелки» чуть позже, когда он думал, что спасся, запрыгнув в мусорно-пищевой ящик у харчевни локомотивного депо. Увы, нюх немецко-русских собак под ажиотаж травящих Человека кинологов привёл Никанорыча к телесным травмам от прикладов, крепкой дозе успокоительного и «перевороту на лицо».

Процеженный диктатурой город спал, не ведая о новом витке чисток, хапающих, будто рогатый монстр, рядовых и крутых сограждан. По его мрачным улицам, пугая очень редких прохожих, мчалась «брюнетка» на базе ГАЗ-АА, та самая, что задумывалась для гаражей «Скорой помощи». Ревели её 50 «лошадей», везя шестерых охранников на одного мужика и нервный водитель сдвигал воем клаксона ранних автотружеников дорог. Разномастные полуторки, эмки, студеры и виллисы как бы нехотя шуршали «мячиками» и жались к тротуарам, и никто из смертных не слышал криков орденоносца:

— Пустите, мясники! Вы не знаете моего папу! Он брат Маленкова!

Час спустя взошло кровавое солнце, озарив багряную карусель листопада октября 1947 года. Диктор Левитан ещё спал, в двух полушариях неизвестными людьми шёл штурм распада вещества и реактивной эпохи, а репродуктор плакал оскоминой: «Широка страна моя родная, много в ней...»

3 сентября 2000 г.
Орёл—Болхов—Белёв
«По ухабам Отечества»
(«Путевые заметки»).

КРУЖЕВА

Тётя Паша, наша техничка, сидела в учительской и вязала кружева. На вид ей было лет пятьдесят. Лицо её заметно бороздили морщинки, и только глаза смотрели как-то молодо. Мужской поношенный пиджак серого цвета так не шёл ей, что думалось: она надела его, чтобы посмешить кого-нибудь. У меня урока не было. И мы сидели одни.

— Давно вяжете?

— В девках ещё была! — не поднимая головы, сказала она. Спица в её руке, корявой и широкой, тускло поблёскивала, шатаясь из стороны в сторону, и тянула петельку одну за другой. Вязаная часть узора лежала свернутой на коленях.

— Привыкли, наверное?

— А как же! Вы-то свои предметы знаете. Можете с узором и без узора преподнести. Так и любое дело.

Я улыбнулся.

— Теперь редко девчонку увидишь за тонкой работой. Терпенье надо. На вожжах не удержишь.

— Время другое, Прасковья Тихоновна. Запросы другие, — как бы в оправдание вставил я. Она промолчала. Потом, оторвавшись от вязания, тихо начала.

— После войны бабы особо кружевами увлекаться стали. Кто мог, кто не мог. Зайдёшь, бывало, к подругам: на подушках — кружева, на обтяжках — кружева, на рубашках бабьих — кружева. Ох, и повязала я их! Вспоминать страшно!

Работала я тогда дояркой. Мужика схоронила. В город хлеб на подводе возил. На обратном пути одеколону дёрнул.

Всё нутро пожёг. Лошадь и привезла его мёртвого. В германском главном городе был — ничего, а тут вон какая смерть вышла.

Сынишка остался. Восьмой годок шёл. В школу определила.

Кормить, одевать надо. Помню, из мужниной шинели одежонку ему выкроила. А получала-то по трудодням. О них вы знаете. Изучали. А мы на себе испытали. Придёшь с работы — руки болят, ноги гудят, поясницу ломит. Ох, батюшки, хоть караул кричи! Глаза лишь усталыми не были. Вот я им и нашла работу. Как не ослепла только! Километры, километры повязала. Узорчатые. Рисунок иногда с морозного стекла позаимствуешь. В город свезёшь — продашь, по соседству кому-нибудь… Глядишь — Витьке штанишки простенькие или рубашку прихватишь. Так вот парня и выходила.

В армии теперь он. Ахвицером.

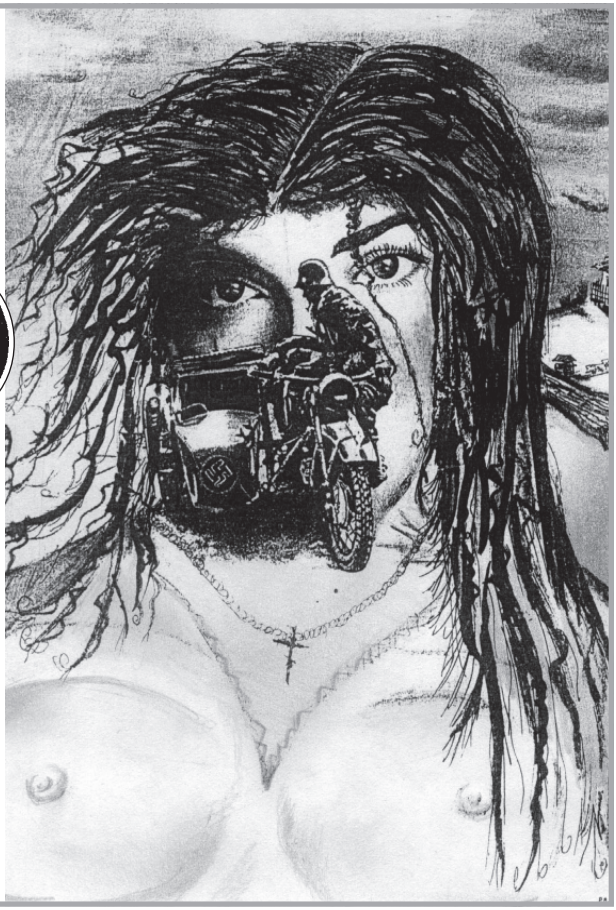
— Помогает?

— Умница! Не знаю, как дальше будет. Не женат ещё. Попалась бы молодайка хорошая. Внуками б наградили под старость…

Она посмотрела на часы, взяла звонок, небольшой церковный колокольчик со славянской надписью, и вышла на улицу.

Школа, окружённая ручьями, тонула в звонком гомоне детворы. Мелькали куртки, пижамы, фуфайки. Розовощёкая, она чувствовала себя такой счастливой, как будто вокруг никого не было, и как будто вся солнечная ласка весны принадлежит только ей. И среди этого веселья мне виделся мальчик в пальтишке из шинельного продымленного сукна, который сейчас где-то нёс боевую службу, резвящихся сорванцов, мать, на время оставившую кружева в учительской, и вон ту зарумянившуюся берёзку, которую, может быть, он сажал сам на участке, худыми сапожонками утаптывая землю.

ТОПЬ



(Рассказ бывшего пленного)

Штуттгартец, фельдфебель «бээмвушно-цюндаппной» мотополиции Отто Бёренброк довольно долго приходил в себя после ожесточённых песчаных гонок под флагом Роммеля и Грациани. С появлением «Томагауков» и пушечных «Харрикейнов» американско-английского содружества и после гибели десятка друзей с гоночным уклоном ему день за днём приходили кошмарные сны.

В этих «оттяжках» разума почему-то снилось, что его убьёт обожаемый и ухоженный BMW, намотавший карданом без малого пол-Европы.

Здесь, в нескольких милях от Эль-Аламейна, Отто ощущал себя крайне дискомфортно, представляя, как любимица Эльза пометёт юбкой после его триумфальных похорон, в очередной раз приснившихся ему под беспардонно-наглый лай рупора Геббельса.

Очнувшись и задымив трофейным «Кэмэлом», фельдфебель что есть дури наподдал обнаглевшего и линяющего Рамзеса — вороватого кота, явно недостойного столь громоподобной клички. Протяжно взвыв, тот поспешил ретироваться, попутно шипя проклятия, которых хватило бы на всю Долину Фараонов. Отто, цокая сапожными подковками, пошатываясь от вчерашнего шнапса, решил проверить часовых гаража.

Попытка застать собратьев врасплох резко нарушилась его стоном — сам не заметил, как налетел на ненавистный кактус. По слуху отчётливо кляцнул затвор.

— Halt! Wer ist das? — Стой! Кто это?

— Ehrenwache Spioneawehr, — Почётный караул контрразведки, — пошутил неудачный ревизор над охранником.

— Teo!? Die Welt ist klein! — Teo!? Как тесен мир!.. Думал, что дремлешь, а мне кошмары душу не хуже приклада давят. Не слышал, о чём в штабе шепчутся? Дорогой мой, послезавтра на транспорты, а потом под все калибры на Восточный фронт. Прощайся, парень, со своей портовой Рафаэллой, её теперь ни Муссолини, ни Арчибальд Уайвелл не защитят; готовься к смерти, берлинец...

И вправду, бывший затейник погромов Израэлей под повязкой Гитлерюгенда был в курсе предстоящей передислокации через Средиземное море. Он старался проявить максимум мастерства каллиграфии, трижды заполняя бумагу, пытаясь дать понять Эльзе, что на Северо-Африканском без перемен. Написал о чествовании при штабе «Лиса пустыни» бесстрашного аса Ханса-Иохима Марселя, известного как Звезда Африки. Отто крепко завидовал ему: Ханс был много его моложе, проявлял жуткое снайперство. А он, никому не нужный и неизвестный земляк Екатерины II, уже на курсах вождения мечтал облачиться в форму Люфтваффе и на равных «поговорить» с «Мессершмиттом-109» ещё в годы испанской славы легиона «Кондор»...

Отмахиваясь от вони керосиновой лампы, он вспомнил, как сопровождал Эрнста Удета после испытаний пикирующей «Штуки», когда тот едва не убился. Тогда он понял, что если уж падать, то лучше быть за рулём родной «бээмвухи», пусть даже пятисотки «Мото-Гуцци» из ряда апеннинскх профи. Казалось, что всё было так недавно, однако к реальности вернули опрокинув-

шиеся чернила, одолев затем стиркой его свеженькой униформы под цвет Сахары...

Случилось так, как он и предвещал: N-подразделение мотопехоты ехало теперь напрямую в пасть ада — под Т-34 и «Катюши» сверхжестоких пролетариев...

— Что делать? Великая Германия превыше всего! Да и опостылели эти египетские и мерса-матрухские барханы; того и гляди — в один из них превратишься...

В пути, где-то под Краковом, знакомый оберст, крепко приняв в затхлом и обнищавшем вагоне-ресторане, усугубил опасения, говоря, что со штурма Вердена не попадал в такой мясорубочный ужас, который познал под Ельней. Но Отто выпала карта покруче — его и фреундов ожидали партизаны и болота Белоруссии. Стучали по темечку колёса на стыках, и коньячная муть свербила в мозгу: «Отто, ты не вернёшься, Отто, ты последний мужчина в роду»...

Он подсознательно чувствовал, что события, развернувшиеся против Фатерланда, уже не повернуть вспять любыми моторами. Оформляясь в комендатуре под крыло бургомистра взамен убиенного взрывом на прошлой неделе, он немало похлопотал, чтобы «прописаться» поближе к оживлённой трассе и населённым пунктам. Судьба же распорядилась иначе, она не брала взяток и выставляла вперёд своего главного слугу — случай. Комендатура спешно сколотила отряд — пару БТР с пехотой и дюжину мотострелков с «МГ» на колясках. Отто с большой неохотой выступил на марш по просёлку — любой из виражей мог стать не только для него последним.

Когда прибыли в дальний, скрытый дремучестью хутор, ничто не предвещало опасности. Скудная животина, грязные дети и постаревшие от невзгод бабы тяготились «опекой» новых хозяев и молчали как рыбы.

Отто не стал давиться склизлой картошкой без постного масла и духотой в хате. Пожёвывая НЗ — галетный эрзац с остатками смальца, он вышел к обстрелянному не раз BMW, привычно качнул туда-сюда вилкой и, отгоняя страх, сковавший мозг в этой чёртовой дыре, решил прожиганить ко второй усадьбе на взгорке.

Звучно перегазовывая, стрекоча утробными силами верхнеклапанного двигателя и характерно «отхаркиваясь» хлопающей по ушам отсечкой выхлопа, его внезапно потянуло на былое каскадёрство.

«Побаливал» бывший участник стартов в Нюрбурге «детской болезнью» — ловлей центра тяжести как себя, так и аппарата, поднимая в воздух коляску. Взбалмошный фельдфебель душевно

молодел, вспоминая по ходу щелчков передач, как он гонял «интеллигентов» в мирное время, когда во главе штурмовой мотобанды накручивал десятки метров на заднем колесе допотопного, но удачного «Чатерли». То была дурь молодых поветрий и пора шокирования уличных и квартирных мэдхен и мэм. В землях Русланд было не до бравурного ребячества — просёлок ломался, в точности, как ступенчатый кроссовый серпантин.

Крутанув «жука» и чуть было не завалив изгородь, Отто уморил мотор интенсивным разгоном: пару раз чихнув и передёрнувшись словно в конвульсиях, движок обозначил режущую уши тишину.

Проматерившись, он спрыгнул с мотоциклета, пожалев, что под ним не его любимый одиночка — трофейный «Харлей» мощностью 25 «кобылиц». И тут Бёренброку стало не по себе: прямо на него, бесстыдно виляя бёдрами, шла сисястая молодайка с хлебом-солью на рушнике...

Фельдфебель впал в транс глухонемого, только вчера болтавшего больше всех во хмелю, — короче, был в полном шоке. Всякие Лолы Монтес, Ольги Чеховы и Марики Рёкк были на фоне этой девицы ледяными вековухами с неопределённой пропиской. Он потерял разноязычный запас слов, и единственным, что он промямлил, было:

— Аусвайс!

Улыбка женщины била все вайсы без пороха, магически расслабляла Отто и невольно ложила его на лопатки, а речь лилась так, будто немец помнил её с рождения. Ему на миг показалось, что сирены — не сказка. Балуясь крестиком и давя энергией взгляда, хуторянка молвила, опуская смоляные ресницы:

— Фёкла, герр офицер, Фёкла...

Он рассмеялся — всё равно, что полный бак залила! С признаком большого опыта она плюхнулась в люльку, магнитно стебанув по глазам Отто роскошной пышностью стана и розовостью бесподобных ног. Национальное «декольте», которое не увидишь ни на штрассе, ни на Монмартре, было по-простецки шнуровано плетёной бретелькой, его взвинченно тянуло раскрыть, а грудь с отпечатавшимися на ткани сосками вздымалась столь вызывающе, что доводила Отто до робости.

— Едем, голубчик, к речке, банька там у меня, выпьешь-закусишь. Вдовствую я, горемычная дура, со времён Катынских расстрелов... Ну, что, наглый ты кобелище, слюни-то распустил? Говорю, трогай!

Пришлось тут фельдфебелю из кожи вон попрыгать: всегда с полтычка мотор заводился и вдруг при встрече со Синдерелой проявил себя натурально «дойче швайн».

Тронулся ловелас с толкача, дело под горку было. До речушки, Фёкла сказала, рядом...

Пять минут пути не насторожило его — один глаз на дорогу, другой с радостью и, не моргая, на хуторскую богиню. Ему сердечно хотелось петь что-нибудь навроде танго «Неаполь», но красавица писаная отрезвила его мечты:

— Тормози, малый! Ставь драндулет, нехай остынет на пригорке. Пешочком малость пройдём, банюшка моя в низине, оттуда не выберешься. Грязюка... Гросс-торф...

Привыкший к мареву песков «африканец» нервно заёрзал в седле, сожалея, что его аппарат не имеет привода на коляску как у друзей — владельцев «Цюндаппов». Но основной инстинкт сломил чувства завоевателя. Доверился дурачина чужой земле, чужой бабе и про Эльзу даже не вспомнил.

За бугром не было мыльни. Едва ступив на хлябь низины, Дон Жуан рейха ушёл в неё со «шмайссером» по самое не балуйся. Он не мог шевелить ногами в этом хлюпающем зловонии газов: они представились ему ступнями водолазов. У него не было слеги, рядом не было собратьев, дикий страх молниеносно зажал его в тиски, которые не раскручивались. Фёкла безостановочно и надрывно смеялась, и эхо смеха аукалось в его перепонках приговором к смерти. Он понял, что эта большевистская ведьма не задаром училась крутить бюстом и ягодицами. Генеральный комиссар Белоруссии Вильгельм Кубе знал о пропаже у Ползучих Дворов «лесных братцев» Акинчица и людей Ивановского, но и его уже выследила Лена Мазаник.

...Недолгая агония держала врага в объятьях: Отто захлебнулся трясиной, поданной главным хирургом партизан на десерт. Крики и хрип фельдфебеля никто не услышал, хотя овчарно-карательная братия сбилась с ног и покрышек в вечерне-ночных поисках. Всё, что осталось от спутника нацистских головоломок и преступлений запечатлелось в постскриптуме последнего письма Эльзе: «Милая! Не флиртуй, вернусь, зубы повыбиваю!»

Немного «пожил» и BMW, четырёхтактный ветеран с дуплексной рамой — оттарахтел своё после теракта в мае 44-го...

* * *

... — Вот и вся история про гонщиков опалённых лет, господин писатель, — устало вздохнул сосед по купе, белый как лунь дед с безобразной культёй, которую я подсмотрел при ужине, но промолчал.

— Так мы воевали, верные служаки Вермахта, Люфтваффе и Кригсмарине. Страх — сколько люду было сожжено, убито, потоплено...

В окне замелькала семафорная и электрическая иллюминация Бреста. С тяжёлым сердцем и свинцовой тяжестью в затылке от пережитых эмоций я взял свой кейс и, попрощавшись, вышел на перрон.

Лунная ночь по приграничному невидимой кистью живописала новые времена и нагло качала свои права. Я маялся в переходах, кассах и расписаниях и мучительно думал, что не будь «обоготворённого» демагога, болезненного от газов Первой мировой — Адольфа Шикльгрубера — тысячи Гансов, Эрихов, Хельмутов, Генрихов могли бы жить припеваючи. Миллионы Иванов, Серёжек, Талгатов, Буб, Рустамов, Ибрагимов, Ашотов были бы рады растить детей, собирать-чинить мирные машины, пахать землю, ладить вентеря и учиться, — ВСЕ БЫЛИ БЫ РАДЫ ЖИТЬ — без наиковарного Джугашвили, для большинства «дорогого» товарища Иосифа Сталина.

Они бы любили чистокровных ариек и евреек, полячек и чешек, венгерок и гречанок, россиянок и мусульманок, француженок и англичанок, итальянок и испанок, а, может, мечтали бы об единой международной семье...

Но, видно, мирное кровосмешение под прикрытием любви так же недопустимо, как кровопролитие в войнах под штандартами «освобождения» мира, закреплёнными напутствиями известных религиозных конфессий.

Так стоит ли удивляться тому, что в момент финальных испещрений в блокноте к автору подошла гламурная Эммануэль под тоннажем макияжа в умопомрачительных шортах и каймановых ботфортах с фразой:

— Сэр, не купишь меня на ночку за две сотни баксов?

Я с горечью засмеялся и, тактично отказав в гонораре за быстролётные услуги, задал «Мисс-Граница» лобовой вопрос:

— Коко, ты помнишь, когда началась война?

Выпятив чванливо губки, она прокуренно пророкотала:

— Когда убили Джохара Дудаева...

Июль 2000 г.,
Орёл — Брест, «Путевые заметки».

Озёра крови, смерть, печаль,
Победы свет на скорбных лицах...
Как вы сумели поместиться
В кружочек бронзовый — медаль?!

Авторский блокнот
«Бессмертье Родины».

Молодцеватого, подтянутого и опрятного старичка в глубоких морщинах я встречал на рыболовном направлении Орёл — Курск систематически — по выходным. Поговорить как-то не доводилось, хотя, скажу честно, хотелось, поскольку его стремление ко встречам с Природой и наверняка с Царь-рыбой говорило об его неслучайном выходе в массы.

В этот тёплый летний четверг, собрав мини-тормозок и нехитрые снасти, я шумел болотниками по асфальту, шагая к замыкающему вагону, думая о ходе карася в Куначе — большой слух прошёл на молочном базаре. Людей было скудно: отсыпались, либо съехали в райцентр грабители пап и мам, дедов и бабок, после выкачки их годовалой работы и взвинченной катастрофичности будней...

Примостившись у окна и рассматривая отреставрированное здание исторической станции, подумав, что где-то здесь, вероятно, прикрыли «испанкой» смерть Яши Свердлова, я вздрогнул от удара по ноге и щелчков сорвавшейся с тормозов «Невской».

— Извините, пожалуйста, лямка рюкзачная, понимаете, запуталась! О, а вы, вижу, рыбацкого племени? Куда думаете — на плотву или карпёночка? — дружески вопрошал седой, лысеющий дедушка, подтягивая катушкой размотавшуюся жилку.

— А я вас помню! Вы, если не ошибаюсь, писатель. Щас и не припомню — не то Россошенский, а может, Расплугов. Перечитывал, как же! Провожали на пенсию, вручили «Шапку Мономаха» вашу любопытную, кое-что про битьё рыбки током и трудности с публикацией «ЗИСа» слыхивал...

— Правильно, жёстко работаете! М-м-м...

— Виктор, — подсказал я ему и спросил:

— А вас как по имени-отчеству? Не раз встречались на водоёмах и в поездах, а подойти, по правде говоря, стеснялся.

— Иваном Порфирьевичем с рождения кличут, — говорил мне «сосед по лавочке» — затёртому «паркету» электричек. По его лицу прошла череда отсвета от желтоватых фонарей — сами не заметили, как тронулись.

Слушая и внимательно смотря на него, я понял, что рыбачок-то внешний, а на деле человек сложной судьбы.

Говорит мне Иван Порфирьевич: — Вот вы, Витенька (прямо, отец!), пишете в защиту народа и человека. Врагов российских, тиранию, падение нравов и мародёрство обезличиваете. Послушайте, о чём поведаю, может, к месту прибудет вам ветеранское откровение. Редакторы, думаю, знают, где родились, — тоже заинтересуются...

— Служил я в Пятой танковой Гвардейской армии механиком-водителем, почти как в песне «Три танкиста». В конце июня 1944-го бросили нас в наступление, громить укрепления «Пантера», что были у Витебска под жезлом генерал-фельдмаршала Буша. Немчура в городе страшные вещи творила: ежедневно от двухсот до пятисот

жителей расстреливала, построила два концлагеря. Связной из подпольного горкома партии, которым руководили Григорьев, Семёнов, Кудинов и Маценко, поведал нам на привале, что немцы уничтожили свыше 135 тысяч жителей и военнопленных во время оккупации. Эх! В какие рассказы и энциклопедии уместишь злодеяния «барбароссавцев» — мерзавцев, прикрывшихся перлом «Новый порядок асвабадит Россию»...

... Электричка с подвывом, энергично ускорила разбег. Слышался говор старушек о «колорадском» нашествии, а мне стало не по себе. Становой Колодезь... Здесь тоже глумились над русским народом и изничтожали его эти самые «цивилизованные» рабы «пространства, как фактора силы», толком не осмыслившие Гёте, Ремарка, Обста и Шпенглера, Ницше, Гаусгофера, Маркса, Шопенгауэра и даже «Майн Кампф» нервозного «наци №1» Гитлера...

Ранние лучи робко ворвались в окна полупустого вагона, а уважаемый попутчик не видел нового дня — он погрузился в ужас сороковых и продолжал озвучивать свою болезненную быль, изредка заглядывая мне в глаза.

— Когда двинули мы, не жалеючи детищ Кошкина и Морозова, нас поддержали соколы Первой воздушной армии, а выходили мы на смертельную схватку из-под Рудни. Дизеля наши — В-2, конструкции... э-ээ-мм... Чупахина и Вихмана свеженькие были, спасали не раз. Да всё одно — сокращался их моторесурс неохватными горизонтами и боями, рвущими железо и плоть боями...

Приказ — на Толочин, обеспечить охват фрицев в Орше, затем — марш с боем в направлении Березина — Борисов.

Гнали мы по грунтовке, не помню хутора, где-то под Богушевском. И вдруг, на околице, «Святогор» наш — лейтенант и командир Николка Астров — как гаркнет, аж ток по телу промчался.

— Ванька, орёл, сворачивай! Кто-то под танк бежит. Прижми прыть, забыл, как дружка моего по Орловскому бронетанковому Трофимова подорвали?!

Передёрнул я рычаги, ушёл влево, а мы головные! В угарно-пылевой мшаре встали как вкопанные, а гул и лязг напирает вслед нам так, что и шлемофон не поможет. Жмут педали гвардейцы: девиз-то «На Запад!»

Вылезли мы, артиллерия наша 76-миллиметровая — Грушин с Казначеевым тоже. Смотрим, на дороге пацан лет десяти. Машет руками и трёт ими глаза, — плакал, видать, кутёнок. Подбегаем к нему:

— Ты чего?! Куда, хлопец, под гусеницы, обалдел?! Мы под шестьдесят летаем по шоссе, а ты тут... плакса мелкая! Ату в хату, пострелёнок! — кричу я ему, а он будто и не слышит...

— Дядя красный командир! Скорее, прошу вас, быстрее! Сволочи детишек в колодец побросали, вот только что, а мужиков у нас нема. Дед один и вдовы, а мамка моя повесилась...

Видел я меченосцев Тодзио и Умэдзу, но такого... раздавил бы ету падшую роту СС гусеницами, чтоб треск стоял до Берлина!!!

— Где сестрички твои и братья, малыш?

— Метров триста через яр, бежим скорей, укажу...

Неведомой силою, меня, сироту, понесло за мальчонкой, и не думал я о безопасности и атаке, — помчался, не взглянув на вечно сурового Астрова. Бегу, а ноги подкашиваются, горло сдавило, с непривычки «мотор» так и рвётся из груди выпорхнуть. Подбегаю. А бабы воют так, что, кажется, прямо здесь бы и помер. Заперты, понимаешь, были, спасибо ещё инвалид-старик вовремя надломил засовы...

Не раздеваясь, вытянувшись, словно на перекладине, держась руками за сруб, осторожно разжал пальцы — как падал — думал, вечность прошла. Вода — лёд, темнота, ни стона, лишь макушка колодезьная точно жерло «тридцатьчетвёрки»... А глубина — ей Богу, по кадык, счастье, что дно щебенистое. Нащупал я комочки детские — в них и весу, как в голубях. Чую, что-то в них ещё бьётся, и тут по голове мне здорово шмякнуло. Сжал зубы от боли, гляжу: трос! — молодцы Астров с Грушиным. Сдёрнул с себя ремень, и кричу, мать ету самыя, копия из преисподней:

— Майнуй, ребя, шустрее! Тут ещё двое! Киньте, во что завернуть, и верёвку крепчее...

Не знаю, сколько я пробыл в летней стуже, в этом внеразумном, однако реальном трагизме.

Не успел вздохнуть мерно, снова удар: детей было четверо! Вновь спустился в леденящий душу кошмар, — и не поверишь, Василич, — ребёнок был в нише колодца, которую я поначалу не обнаружил...

Прижал я его к себе, а он, словно проколотая всюду кукла. Дышу на него, растираю, трясу, целую. Всё без толку! И душат меня слова — поздно и напрасно...

Позвал тут-то Боженьку — спаси ты его и сохрани!!! Он-то причём?! Это мы, уродцы взрослые, накликали Вторую мировую с Отечественной, тоже второй.

Ура Богородице! Отходило дитё на глазах, захныкало. Я быстренько закутал его в овчину, а мать его тут же упала в обморок под опалённые Прохоровкой сапоги...

А Витебск мы взяли почти с ходу, уже потом, и Орша через день была нашей. Всё вокруг было разрушено, и встречали нас не больше ста жителей, еле-еле существующих соотечественников...

* * *

«Остановка 418-й километр», — ударило мне по слуху, ибо я был шокирован, и, признаюсь, — защипало глаза.

— Ну, вы на Кунач, товарищ Россошенский? Или махнёте со мною за благининскими карпушками-карасями? Я бы припомнил, как Рокоссовский, после моего ранения лично меня наградил и назвал не Легощенским, а Ваней Орловским...

Мне было неловко, что потревожил его память, может, я смалодушничал, но взяв у Ивана Порфирьевича адрес, решил распрощаться — пока, так сказать, временно. Мы вышли в покрытый матом и «неписанностью» тамбур, он рукой жжёного курильщика мгновенно преобразил мундштук «Беломора». Когда ветеран ступил на гравий, я успел подарить ему свою лучшую удочку и сказал:

— Дорогой защитник вы наш! Вы пишите, очень прошу, пишите, мы вместе пойдём в «Вешние воды» и обязательно вас издадим!

Он искренне, сиротливо, как-то по-детски улыбнулся и, не поднимая грустных, жгуче-карих глаз, с болью ответил:

— Виктор Васильевич! Кому я нужен со своими Красными Звёздами и Орденами Славы, когда за семь лет до их вручения мне, Россия была репрессирована?..

В тот день не было клёва, и рыба даже не резвилась как обычно, на зорьках. Плакало навзрыд небо, и я видел над зеркалом такую кратковременно-редчайшую радугу, которую имел счастье лицезреть не более двух раз в жизни.

Промокнув с головы до пят и уже ночью ввалившись в квартиру, я понял ***ВСЁ***, отрывая листок календаря — ***22 июня***...

Это была моя последняя встреча с беспартийным Героем державы Орловским Ваней.

Июнь 2000 г.,
Орёл — Малоархангельск, «Путевые заметки».

БЫЛЬ RALLY

Катайтесь, жалко, что ли, топлива:
Бензин иссякнет, будет газ.
Но жаль, что тыщеавтохлопоты
Перелицовывают нас!
«Неолихачи», 1975.

Ужиная в ресторане в точности по сентиментальным нотам «Фристайла», я мысленно прокручивал в голове калейдоскоп спортивных тем для столичного журнала с ориентацией «Авто и мото». Меню и сами блюда оставляли желать лучшего, очевидно, кокер был малоопытен, создав поистине «ленивые» голубцы.

Когда джаз-банд, аккомпанирующий стопроцентной уличной, но красивой девке, умолк, я обратил хмельной взор ко звякнувшему входу. Элегантный мужчина почтенных лет, небрежно вручив чаевые швейцару — бывшему майору КГБ, — пружинящей походкой направился к моему столу, что было неудивительно: прокуренный зал был полон и все столы занимали нувориши, уголовщина и «жрицы любви».

— Вы не будете против? — сказал «Мистер Икс», отодвигая стул.

— Ну что вы! Я уже собрался ко сну, и скажу вам, в нашем городе есть харчевни, на тройку «звёзд» солиднее этой. Вы не находите смешным, что поседевшие комсомолята-основатели обозначили злачную забегаловку «У Клеопатры»? Я бы мог рекомендовать...

— Не стоит, мне не впервой заправляться вдоль трасс. К тому же, я не гурман: что подали, тем и довольствуюсь, лишь бы всё было свежим, да с пылу и с жару...

Смекнув, что собеседник из водителей, я решил немного задержаться и впоследствии не пожалел, ибо интуиция писателя не изменила мне и после пары рюмок «Наполеона».

Пока официант суетился с его заказом и моим кофе, мы познакомились и разговорились. Регимантас родился в Вильнюсе и рано остался сиротой. Беспризорничая в оккупацию, жил чем подадут, воровал, наивно и по-детски мечтая найти килограммовый янтарь в песках на взморье Балтики или стать капитаном сейнера, чтобы завалить Ригу сардинами. Потом, когда немцы отступали, чуть не погиб: обстреляли на рыбацком хуторе, причём, по словам старушек-рыбачек, свои же по своим и палили...

Мелодично заверещали ресторанные мини-куранты, словно предупреждая, что с момента нашей встречи прошло более двух часов. Мы ещё много и долго говорили о Прибалтике, национализме и коммунизме. Долгая дорога в дюнах — История! Её в кошелёк и бардачок не упрячешь...

С юношества Регимантас обожал мотоциклеты и авто не меньше женщин, подружился с ребятами из мастерских, чинившими всякую отечественную и трофейную рухлядь. Поднаторев на ремонте, а, значит, в технических знаниях, понемногу стал ездить сам, да так круто, что привлёк внимание ветеранов войны — выжившей автоэлиты.

Быстро, словно скоростной доп, пролетели трудные десятилетия, победы и неудачи, две тяжкие аварии на «Опеле» и «112-м ЗИСе», а потом — врачи, врачи, врачи...

Поднялся, намертво закрутив болты воли. Позднее работал на «Вихуре» сборщиком кольцевых мотоциклов, внёс вклад в «Эстонии» и познакомился со Стасисом Брундзой, братьями Гирдаускас, Томасом Напой. Участвовал в Кубке Дружбы стран СЭВ и тренировал молодёжь, отдавая предпочтение «Москвичу» и «ИЖу-ралли» с форсированным мотором. «Жигули» тогда были только на советско-итальянской договорной бумаге...

— Послушайте, Виктор! А почему бы нам не продолжить беседу в том ресторане, о котором вы намекали? Есть ли рядом отель, казино? Мне всё равно придётся пару дней здесь мотаться, — молвил с акцентом Регимантас, так и не выпив ни грамма спиртного.

— Смелость города берёт? — пошутил я. — Кстати, поговаривают, казино у нас прибалтийское, но сам не бывал. Я так понял, вы у нас в гостях на машине? И что же предпочитаете водить? Уж не «Феррари», конечно? А то я смотрю: всё соки, ситро, боржоми и даже ни грамма пива...

— Пойдёмте, Виктор, вы меня поймёте. Моя «тачка» юмор не любит, — загадочно ухмыльнулся бывалый гонщик.

Выйдя на улицу, я тут же был сражён наповал: чёрно-серебристый «Porsche 911» в тюнинговом исполнении выглядел в средне-русском захолустье упавшей на Землю, но не погасшей Полярной звездой.

— Сами поведёте? — окончательно добил меня Регимантас, смеясь от души, поняв, видимо, по моему лицу, что я не совсем «чайник». Вообще-то я тоже дитя войны, не трусоват и права получил давно. Но с такими заряженными экипажами, если приведётся, советую быть осмотрительнее! Немного подумав, ответил:

— Нет, дорогой, вы — хозяин, а я посмотрю, послушаю, что за штуттгартовское диво бывшие враги наши, если так можно выразиться, сварганили...

Не буду останавливаться на том, что дано понять мало кому из россиян. Промчал я и сам, будто молния по окружной — одно слово, заднемоторная пуля! Подумалось: наши шерифы в свисток не успеют дунуть, а ты уже в Подмосковье...

В ходе «курсов вождения» Регимантас рассказал редкую историю-случай, полную трагизма. Конкретных имён и дат он, правда, не называл, но они мне и не были нужны.

В 70-х годах на одном из этапов международного ралли погиб экипаж, выступавший на собственноручно подготовленной спортивной версии «ИЖа». Мой новый друг в этих престижных гонках не стартовал. Однако вскоре по рассказам друзей узнал, что водителя убил снайпер, а штурман погиб после того, как неуправляемая машина вылетела в лес и сбила несколько деревьев...

Срочно прибывшая полиция выяснила, что с автомобиля, завязанного на узел, пропала запаска. Каким образом и, собственно, почему и зачем — долгое время оставалось неизвестным.

Прошли годы, прежде чем Регимантас прослышал через зарубежных товарищей, что ралли преступным образом использовал местный криминал. В камере запасного колеса, которое, по поговорке, не крутится на поворотах, «крутилось» то, что более всего крутится в нашей, мягко говоря, уродливой жизни: драгоценности, валюта и даже икона многовековой давности...

...Мы славно провели время. Регимантас уехал, дав мне обещание помочь в розысках хорошей машинёнки, чистой во всех деталях — от владельца до электропроводки. Один разок заскакивал в гости на свежем «Брабусе», говорил о «Тойоте-Селике» и «Понтиаке». Прошёл месяц и — «славься, отечество, наше свободное», рухнул «дружбы народов надёжный оплот»...

Мы переписывались, обменивались новостями и безделушками. Совсем недавно я уже засобирался в путь-дорогу, проверить воочию ложь о том, что в Прибалтике честных русских не любят. Срезала всё навсегда телеграмма: «Регимантаса убили бандиты в Польше»...

Он не был мне братом, старшим товарищем, просто советчиком. У него была великолепная красавица Вия, подрастающий картингист сын, и души не чаявшая в отце малолетняя Индиборга. Он посвятил свою жизнь автомотоспорту, над ним смеялись, называя «фанатом железок», а он — влюблённый в своё дело мужчина — не смог обойти на виражах жизненного ралли подонков 80-х годов...

И почему-то жаждется возопить:

— Шофёры, объединяйтесь! Спортсмены, не унижайтесь! Власти, не допускайте их нищенства, перехода в преступность и пороки, исключите явление «седой спорт»!

Февраль 2001 г.,
Орёл — Вильнюс — Рига,
«Путевые заметки».

БЕЗОТВЕТНОЕ

Светлой памяти экипажа атомного подводного ракетоносца «Курск» посвящается

И тогда вода нам — как земля,
И тогда нам экипаж — семья,
И тогда любой из нас не против
Хоть всю жизнь служить в Военном флоте!
И тогда — вода нам как земля...

С тех далёких пор, как отковался первый меч на планете, принято считать, что гражданским к военным дорога закрыта. Увы, с веками так и не изобрели рубильник, способный обесточить гонор военщины, которая без гражданских служб обеспечения и поддержки государства бессильна раскрыть свой мощный потенциал во благо их же защиты.

Северный флот, сотни родственников и знакомых, любимые, — ВСЯ РОССИЯ — и даже «потеплевшие» враги с горечью осознали невосполнимую утрату. Не стало высокопрофессиональной, сплочённой, патриотичной, необходимой стране е ж е д н е в н о мужественной команды современного атомохода...

Что ж теперь можем мы, «сухопутные крабы», «чайники», «караси», и попросту обыватели сказать в своё оправдание? Разве оттают

сердца родни от понятия «братская могила» или «пал смертью храбрых при исполнении долга службы перед Отечеством»? Как вернуть мамам, папам, жёнам, братьям, сёстрам, дедушкам, бабушкам и, конечно же, детям — хотя бы толику оптимизма в мире фарисейства, бескультурья, отчуждения от чужих бед?! Вдовы, сироты, пережившие сыновей родители, близкие и порядочные друзья... Кому из них нужны эти пресловутые многокупюрные компенсации и льготы, если они уже никогда не увидят любимой бескозырки, родной кокарды, шинели, кортика, бушлата и гюйсов, черного клёша и морских «душ» — тельняшек?! И — как подобрать хоть десяток слов утешения.

Да, мы гражданские, но не глухонемые, как тот Герасим, утопивший Муму. Мы тоже сегодня там, в Баренцовом, в Мурманске, Видяево и Североморске, и нам глубочайше небезразлично, ЧТО ЖЕ ВСЁ-ТАКИ ПРОИЗОШЛО...

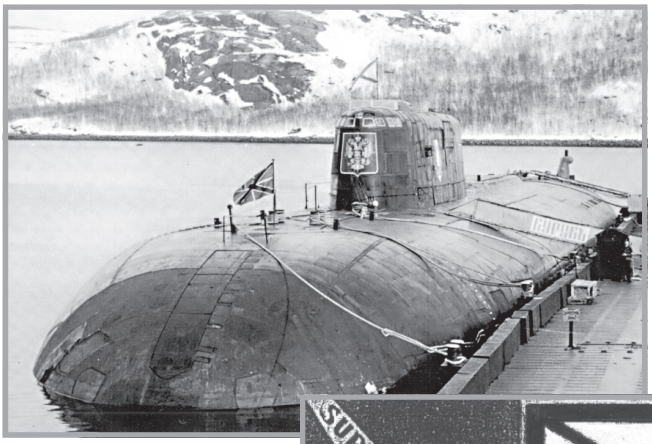
Чем же вызвано столь разговорчивое молчание через СМИ, аналогичное молчанию о походе «Кидо Бутай» Тюити Нагумо (удар ВМС Японии по военно-морской базе США Пёрл-Харбор в декабре 1941-го), ответить чрезвычайно сложно. А может быть — элементарно просто.

Как известно, главным тактическим козырем субмарин всех типов является скрытность, в противовес которой иностранными ВМС привлекаются подводные диверсионные силы и средства. Совсем не надо заканчивать академий, чтобы понять: перед стратегическими подводными лодками с ядерной энергетической установкой, к числу которых причислен и «Курск», ставилась и будет ставиться важная задача, исключающая игры-«манёвры».

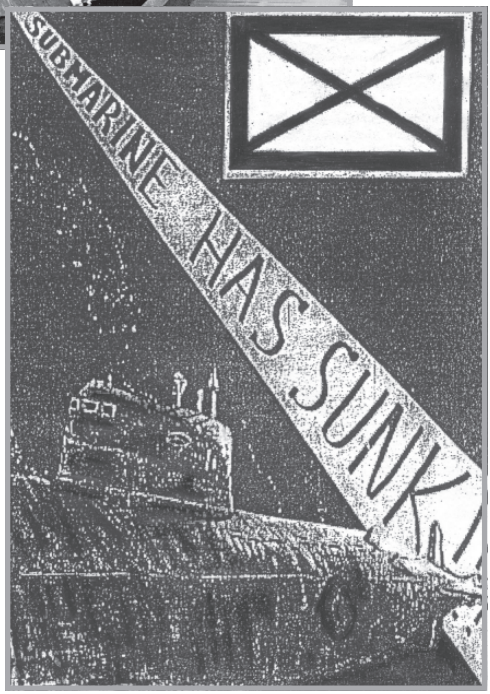
Не погружаясь в тактико-технические данные подводного крейсера и методы ведения подводной войны, следует акцентировать факт зримого завуалирования 60 процентов информации отечественным руководством ВМС в течение недели, когда страна оказалась сжата, словно патрон в обойме.

Безостановочные размышления о трагедии позволяют выдвинуть свои версии произошедшего.

Первое: никто не хотел отметить, несмотря на подготовку Главного Военно-Морского штаба и Штабов флотов, что «Курск», будучи ракетоносцем, мог запросто сыграть, пусть случайно, роль «ферзя» в «казусе белли» (поводе к войне). С кем и зачем? Спросите у НАТО, с момента основания лелеющего и спонсирующего мечту-реалию касательно разложения не то что российских ВМС, а России-Матушки в целом.



АПРК «Курск». Один из последних снимков у родного причала.



О героических подвигах адмирала Н. Г. Кузнецова и капитана III ранга А. И. Маринеско, командира подводной лодки «С-13», помнили славные североморцы...

Второе: возможная атака неизвестным противником или подныривание под надводный корабль, вероятно, запеленговавший «Курск» и также атаковавший его (например, эсминец противолодочной обороны граничащих с нашими водами стран).

К другим, не названным причинам катастрофы, без обиняков следует отнести состояние позиционных гидроакустических средств,

позиционное положение подлодки, а также вероятность её контакта с оборонительно-минным заграждением потенциальных «врагов».

Едва ли штурманская боевая часть «Курска», одарённые и влюбленные в своё дело офицеры, могла допустить ошибку кораблевождения относительно рельефа дна, и уж тем более — возможность столкновения с субмариной-инкогнито. Если так и произошло, это прямо означает, что наша подлодка «ослепла», либо её уже настолько повредили, что она была лишена хода. Только вряд ли в точности об этом поведает нации главком ВМФ России Куроедов.

Кроме того, помимо вполне возможной погрешности прокладывания курса лодки, в числе причин могли оказаться состояние её пожаробезопасности, состояние торпедных аппаратов и баллистических ракет, наконец, самого «сердца»: атомного реактора — долгожителя и убийцы. (Имеются в виду затонувшие в глубинах российские и американские атомные субмарины, до сих пор угрожающие с океанского дна.)

Необходимо также помнить, что руководству Северного флота и далее, по иерархическим ступеням, об аварии на «Курске» стало известно через четыре часа. Но, Боже мой, ни один из «владык» моря, ни один из штатных и нештатных экспертов более полутора суток ни словом не обмолвился о поисковой противолодочной операции! Первое, что мы услышали: «Сильнейший шторм, акустика односторонняя, надежд не теряем, кислорода достаточно». А затем: «Водолазные команды — расформированы».

Оказалось, что поисковая аварийно-спасательная служба ВМФ России, о которой мы все были наслышаны, как о самой сильной в мире, находится почти на нуле, что было глубоко зацензурено. А людито, люди — работали на разрыв!.. Но пробиться в лежащую на дне лодку смогли лишь норвежские специалисты. Потому что на флотах мира главное понятие — СЛАЖЕННОСТЬ. Не совсем понятно, почему не воспользовались помощью, предложенной англичанами...

...Теперь мутный Гольфстрим поглотил достойнеших сынов Отечества, эстафетчиков боевой славы Маринеско, Гаджиева, Лунина, Головко, Алафузова, Кузнецова, Юмашева, Исакова, Горшкова и многих других авторитетнейших подводников и флотоводцев из числа незаконно убиенных режимом Сталина ещё в предвоенные годы. Однако напрочь лишает сна ахинейская бравада распоясавшихся пресс-теле-видео-«мудрецов», обвинивших в Горе Флотской Семьи и народной боли Президента Владимира Путина, лишь сто дней назад взявшего властные полномочия. Но поймите

ж, слепцы, Президент, хоть разорвись, не мог своею рукой поднять «Курск» на 108 метров по убийственной морской вертикали! Налицо очередная идеологическо-кулуарная и коварная травля под прикрытием славных имён погибших! Впрочем, нам избранный глава державы — ни брат, ни кум, и мы не его адвокаты...

Причина трагедии, крайне болезненно усугубившей и без того обезличенно-шаткое общество, — в нём самом. И грош ему цена, если оно, захлебнувшись починками починков, фёдоровых и лифшицев от налогов, не смогло найти сил и средств для того, чтоб спасти от удушья и разрыва лёгких своих честных и блистательных сыновей.

А между тем натуральная околофлотская сволочь из штаба (передавали по радио), продала за 18 000 рублей список имён погибших «Комсомолке». Куда ж ниже падать? Разве что на дно Марианского жёлоба или попасть в жуть круговорота Мольстрём в Норвежском море...

«Комсомолец» и «Курск» — лишь первые «киты» в преддверии Апогея рукотворных или стихийных катастроф, порождённых гонками вооружений, карибскими кризисами с «кузькиной матерью», «бурями в пустыне», гэкачепистами и прочими узурпаторами многоликих и исповедующих различные веры народов.

И всюду — венки на воде, раз в год — венки по волнам, слёзное поклонение Хиросиме и Нагасаки, Чернобылю и погибшим в борьбе с ярыми исламистами. Что сказали бы, увидев сие, Иван Айвазовский и Василий Верещагин — наши великие баталисты, защищавшие судьбы воинов и моряков, попавших в экстремальные ситуации стихии и войны?!

... Спите спокойно, сыны Отечества — матросы, старшины, офицеры. Пусть Баренцево море будет для Вас солоноватым пухом, и время создаст Вам уютное ложе и Коралловый Венок Бессмертия!

Фанфары грянут в финале безвременной панихиды, но тяжёл ужасный конец, как тяжёл и ужас без конца.

Что же теперь остаётся — искать крайнего, дежурную песчинку или светило, чтобы усыпить нацию, мечущуюся, словно юла, между Истиной и Ложью?

С поклоном и искренними пожеланием крепиться всем родным и близким, друзьям погибших моряков,

Виктор и Сергей РАССОХИНЫ.
22 августа 2000 г.
г. Орёл.

Константин Циолковский

РОЙ

Станислав Лем

МЕТАГАЛАКТИЧЕСКИЙ ОПУС

Ну, с чем мы придём к двадцать первому веку?
Сошедший с горящего неба —
теперь повелитель земли.
Конец и начало столетья
мятежным живут человеком,
Открытие Марса свободе грозит.

Мишель Нострадамус.
Центурия X, катрен 72, 1560 год (?)

«На Марс! На Марс!» — цель жизни великого российского ракетчика XX века Фридриха Цандера, верившего в покорение Бесконечной Вселенной без какого-либо оружия.

В овальной кают-компании транспланетного флагмана «ньюпилигримов» «Нотэаф» бесшумно завершался ужин. Меню было скудноватым, но досуг скрашивался чарующим мурлыканием симфонии Андромеды — любимого спейс-хита кептэна корабля, лучшего навигатора 3699 года Сержа Гласса. Многие из 200 колонистов и 120-ти членов экипажа уже отдыхали, половина блюла вахту, остальные были введены в анабиоз в 88-ми парсеках от астероида Тупик, прозванного в честь своих многочисленных лабиринтов.

На Уране 20-й год шла война с редким, эпизодическим затишьем. Люди, где бы они не поселились, при всей роботизации и новых электровирусах — везли с собой отголоски древности: веры, многопартийность, атеистское убожество и сонм пороков, несмотря на то, что золото было упразднено. Мусульмане попрежнему стояли стеной за Автономию Аллаха, нападали на православных, а те на них, не гнушаясь нести на бортах эскадр скорбный лик распятого Христа. Неслыханного роста достигло размножение искусственной нации — крэйзи — страшно живучих звёздных корсаров, выращенных израильтянами. Можно было бы процитировать новую Планетарную Конституцию, говорить о межнациональном дележе сфер влияния от планет до созвездий, раскрыть приобретения, загадки и преступления Нового Мира, но Гласс не хотел антимонить с шефом механиков по гелиево-водородной установке, сидевшим напротив.

Стирание исторической памяти было, конечно, обусловлено присутствием Дженифер Гарриссон, соответствующей своему прозвищу — Метаморфоза Белая Лошадь. Её формы всего что в форме — говорили о земных корнях, однако взгляд наголо обритой бестии не выдерживал никто — Пролд, её отец, был родом из «Куккарачи», как в шутку называли Карлика Вдохновенья...

Это было очень-очень далеко: полтысячи световых лет ходу для тех «болванок», на которых смешили Землю прадедули Коллинз с Армстронгом.

— Впрочем, — хмыкнул под кофе Серж, — кто не любил самого свободного и красивого эксперта «Нотэафа» по его жизнедеятельности?! Киборговые тупицы, и те, жгя её камерами, обожали поухаживать за единственной и нестареющей гёрлз в экипаже.

Они молча разъехались на электрокарах по каютам — сказывалась монотонность не первого круиза и настроения к общению не было.

Через два часа, в 5.00 по плутониевому времени, их 900-метровая устаревшая «Каракатица» входила в Квадрат Аномальностей — запретное для всепланетных вояджеров сокращение звёздных трасс. Этих мест избегали даже флибустьеры с Ориона, а им, — цивилизации, опередившей землян на миллионы лет по развитию как мысли, так и прогресса — было бояться нечего...

Ни один из «челноков» или флагманов флотилий из земных колоний ещё не проходил через этот кишащий безвестностью вакуум. Правда, штурман, потомок архидревнейших скифов Иван, ещё утром, сидя за ультраклипсерами Центрального поста управления, неприятно смеясь, прочёл: «13.13.2666 г. 27 час. по всегалактическому. Орбитальные станции слежения и спутники приняли SOS от икс-корабля. Были подняты два суперболида «Орёл» и «Рейнджер», однако даже выход на гиперсветовой режим скорости, разрешаемый в экстремальных случаях СПНКО* результата не дал. Звездолёт среднего тоннажа пропал без вести, причём удалось зафиксировать, что это, видимо, был приближенный к маткам-гигантам корабль, не заходивший ранее в Солнечную систему».

— Вы меня поняли, кептэн Гласс? — психологически глумясь, расставлял ударения Ваня, имевший странную фамилию Поллукс. — «1000-летняя энциклопедия астрономических наблюдений и космических странствий» — это вам не попастая мадмуазель-полукровка с пропиской на нашу рухлядь. Вы, фаворит-навигатор, даёте гарантию, что улыбчивая Джени живая баба, а не силиконовая топ-модель, подставленная под нас простофилями из УСРВ**?..

Гласс промолчал. Он никогда не спорил с Мастером по пространству: парень был не «роботяка» и не биомасса — год назад дважды спас «Нотэаф» — летом в метеоритном тайфуне и зимой при посадке на Венеру.

— О, как я чертыхал её тогда! Думал, не вернусь в Каньон Баз, из-за суеверия накричал на безрукую статуэтку... Были, говорят, умные греки, — думал внештатный консультант СПНКО уважаемый асс Гласс.

---

* СПНКО — Служба предупреждения непредвиденных космических обстоятельств.

** УСРВ — Управление стратегической разведки Вселенной, контролирующее Местное скопление Галактик под надзором Недремлющего Ока Нового колониального правительства (основаны по Указу Единой Диктатуры в 2059 году по общепринятому летоисчислению).

... Багрово-иссизый с чернотой теней, клинообразный лидер первопроходцев с надстройкой-зондом на корме пересёк номинальную границу Квадрата по графику. Дежурный координатор с родного, но жуть как далёкого Уэлена дал добро на прохождение Бездны вне астронавтского футуризма Айзека Азимова, без книг которого, естественно, не обходились библиотеки межзвёздных линкоров и навигационных лайнеров.

Бездна ударила наотмашь, без видимых причин завыла тревогой система обнаружения противника. Явление заявило о себе отнюдь не вдруг: на экранах к гонцам Земли приближались тысячи чёрных точек, и зрачок каждого неумолимо высекал их рост. Это был Рой, — н е и з в е с т н ы й РОЙ Неизвестности...

— Специфика цели... построение разумное... их двигатели вне списков Академического Каталога Всеобщего Галактического Совета... орудия к бою!.. — кричал по внутрикорабельной связи командир, но было уже поздно.

Атака была жесточайшей, продолжительной и высококлассно продуманной. Перед глазами прильнувших к иллюминаторам и перед теми, кто был перекрыт многоярусной палубой, трюмом и переборками, но довольствовался экранными показаниями радаров противопиратской службы — мелькали тысячи чёрных крестов, красных и белых звёзд, разноцветных полос и окружностей. Увы, никто на «Нотэафе» не осознал тогда ребус, не высказал вслух мысли, что корабль провалился в дыру во времени. 98-летний кок, уроженец Луны Айртон Чапмэн и тот не мог родить фразы: «Сопланетчики! Мы во Второй мировой войне...»

Мессершмитты, Фокке-Вульфы, Спитфайры и Харрикейны, Поликарповы, Яки и Лавочкины, Кертиссы, Тандерболты, Накадзима, Зеро и Фиаты продолжали безумно сражаться за нацизм, коммунизм, остров королей-консерваторов, Штаты, за Императора и префектуры. Сегодня они объединились против общего врага — в их понятии сатанинского, инопланетного, непонятного и опасного, с которым следовало сделать одно: у н и ч т о ж и т ь!!!

Захлёбывались злобным лаем пулемёты, утробно отхаркивались снарядной массой пушки, пилоты были молоды и бессмертны, ибо их не взяло Время и не брало совершеннейшее оружие будущего. Высший пилотаж при таком «москитном» скоплении — это было уму не постижимое столкновение прошлого с виртуальным настоящим. Утомлённые идеологиями рыцари небес форса-

жировали и лупили, крушили из неиссякаемых магазинов и раскалённых стволов по флагману «богов»...

Сверхновая технология не спасла «Нотэаф» — гордость подневольных корабелов и любимый корабль Нового колониального правительства во главе с демонами вторжения, правящими людьми с эры Ирода. Взрыв резервуаров с газом или каким-нибудь ещё твёрдо-топливным ускорителем — разметал звездолёт завоевателей надвое, и он с гулом, соря обломками и экипажем, глухо вошёл в Тихий океан, вызвав цунами на Хоккайдо, в Гонконге, Порт-Морсби и австралийском Дарвине.

Поршневой рой упрятался в ульи, а Квадрат Аномалий вновь затянулся своей секретной девственной плевой под именем Система Вечной Войны. Охранявшие её были проще, у них был девиз: «Сила — выше воскрешения»...

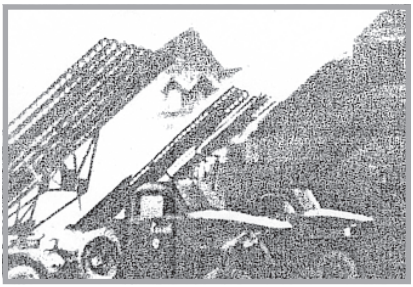
* * *

... Станислав Лем проснулся мокрый от пота, он дрожал как осиновый лист. В ту ночь он дважды прочёл вроде простецкие вирши русского так себе поэта под общим заголовком «Сказка об Иване Свидетеле». — Ничего себе землячок Тургенева, Лескова и Бунина — вольтова дуга... просит довести до панов и пани...

Глянув на календарь с госфлагами и подумав об их расцветке, автор «Соляриса» и похождений пилота Пиркса здорово напугал жену репликой:

— Чёрт! Да в Этой Системе мы уже жили...

1 октября 2000 г.,
Орёл — Калуга,
«Одинокое застолье
в гостях у К.Э. Циолковского»
(«Путевые заметки»).



Всероссийские майские праздники удались на славу. Конечно, не всем уроженцам градов-героев посчастливилось погулять вволю и порадоваться салюту в ночных небесах. Известное дело: дачи, огороды, помощь престарелым родителям на селе, а тут ещё невпопад у многих спиногрызов экзамены. Как не помочь? Будущее семьи, страны, наша надежда и опора...

Ветеран войны Герасим Кузнецов коротал свой век бобылём вот уже второе десятилетие. Аннушка, его красавица Анютка, бой-баба, штурмовавшая Берлин, радистка штаба полка, к горечи его умерла при родах в дни хрущёвской «оттепели», унеся с собою их долгожданного ребёночка.

— Эх, пташка-инвалидушка, как не уберёг я тебя? — мучил себя иссушенный пенсионным бесправием старшина второй статьи Дунайской флотилии, подходя к уютному и облагороженному городскому скверику. — Лучше бы меня накрыло под Прагой, пусть разнесло «фаустпатроном» в трофейном «Оппель-адмирале» начальника разведки полка. Всё равно, кто б пришиб — власовцы, фрицы или пролетарская шальная пуля...

В свете иностранных реклам и неоновых фонарей, в стартующе-тормозящем шипении расхристанных такси и свежих иномарок, под психическо-неполноценное завывание Земфиры из кас-

сетного ларька, он шёл, не поднимая глаз, навстречу Вечному Огню. В последнее время Кузнецов всё чаще стал наведываться сюда, хотя его частный домишко, унаследованный от репрессированного отца, громившего мятежников в Ливнах и Антонова на Тамбовщине, находился от места паломничествова горожан в четырёх верстах. Сруб из просмолённых железнодорожных шпал задумывался героем гражданской на век без учёта маршрутов общественного транспорта. Какой тогда транспорт? Лошадку бы порезвей, ходок ладный, а то и бывшую тачанку по типу махновской под мирный быт прилаживали. Одни льготы были: голова, руки да ноги.

— Ни за что батяню из жизни выдернули, за смекалку и труд! И Климента с Будённым знал, а как дуло внутрь страны повернулось, так сразу и отвернулись, — не глядя на прохожих, думал Герасим...

Придёт он, бывало, в скверик на часок, а нет-нет, побудет полтора, а то и два. Он любил смотреть на смену караула, на молодых мамаш с колясками, по выходным покупал у оранжерейщиков красные, как кровь, тюльпаны. Пройдя сквозь палево сороковых и не найдя своего «рубикона», он понимал, что «гордиев узел» коммунизма разрублен и, будучи членом партии с 1943-го, незаметно для себя пристрастился спорить с «пехотой» — завсегдатаями «парковки» Александром Сергеевичем и Моисеем Габриэловичем.

О, что это были за споры! Не диспуты, а партийные съезды с доскональным знанием истории мира и сегодняшних администраций. Друзья не уважали карты и домино, никогда не ругались, изредка выпивали крепкого дорогого винца, вспоминали погибших, раненых, пленных, Победу, тяжесть подъёма из руин и даже Юру Гагарина.

— Ого-го! Это ж мы нечисть побили и первыми к звёздам вышли. Какую же силищу разрушили псевдодемократы, мусульман с христианами поссорили, а ведь как дружили! Средняя Азия полегла костьми наполовину от Москвы до Берлина. Великая была мощa — СССР! — частенько повторялся Герасим Павлович. — Помнишь, товарищ Моисейка:

Выпить нам есть повод:
За военный провод,
За У-2, за «эмку», за успех.

Безногий Моисей Габриэлович тут же заводил свою любимую:

Эх, путь-дорожка фронтовая,
Не страшна нам бомбёжка лихая.
А помирать нам рановато,
Есть ещё у нас дома дела.

...Покрупневшая в кости, более массовая милиция (терроризм ведь кругом!) славных дедушек не обижала. И всё б ладно, да с молодёжью «пепси-прикольной» что-то случилось: лезет, — вы разве не видели — нагло-хамовито лезет с ногами на лавочки. Наряд идёт — ноль; родители кричат — ноль; ветераны со старушками шумят, обижаются — ноль; ну нет никакой управы!!! Зато анаши, девок красивых подешевле, да «сникерс» подавай под червивку и рэп...

Несколько встреч освобождавшей этот город, достойной во всех отношениях троицы, было омрачено тупостью и беспардонностью подобных приблатнённых «субчиков» и «чувих». Что делать? Как поднять интеллектуальный уровень и организовать досуг «нашего будущего»? — эти вопросы ставились ребром и в быту, и в мэрии. Однако в последней, видимо, не перечитывают на досуге Ивана Андреевича Крылова, а жаль! Мудрость прошлого непреходяща и актуальна и ныне, господа современники. Так зачем же вы сами превращаете жизнь в басню?

Так думал Герасим, спеша домой: хотелось посмотреть, как гоняются Вильнёв с Шумахером, дочитать «Последнюю дуэль» местного поэта. Проходя по аллее, он уже видел «налётчиков», прозванных так сапёром-понтонщиком Александром Сергеевичем, форсировавшим с боями Днепр, Вислу и Одер.

Подошёл, попросил закурить. Трое ребят и девушка в приличной загранодежде были навеселе.

— Кури, дед! Хочешь коньяку? Бабка-то твоя таким тебя не угостит, бутылка — пенсия. Омаров не кушаем. На, палочкой крабовой закуси, — гнусавил допризывной гвоздь-акселерат с бритым затылком под гогот, очевидно, «общаковой» девицы.

Молча выпив действительно крутого коньяку (всё одно, хуже парижского победного 45-го), Герасим отступил пару шагов назад и, испугавшись своего голоса, закричал:

— Слезай, мажоры, с лавочки, нечего в святом месте пирушки бесцельные устраивать. Это глумление, кощунство над памятью, разве не понимаете?!

— Ну вот, — кыхыкая прокуренным нутром, молвил малыш с бледным лицом. — На добро злом отвечает! Нехороший дед. Отойди, побьём!

— Да ты кто такой? Прикуси язык, Покрышкин! — осклабился, поддакивая дружку, подросток, сидевший, несмотря на ночь, в чёрных очках. Принял дозу, топай мемуары писать, не заставляй внуков плакать!

Боль с привкусом желчи во рту, тяга под ложечкой и учащённое сердцебиение напомнили старшине речфлота миномётную утюжку, госпитали, Аннушку, пленение Власова и белого коня Жукова на Красной площади. Внезапно нагнувшись, он резко схватил за ногу «очкарика», закинул её вверх и, навалившись, свалил его с лавки, одновременно ударив в грудь «бритого». Он не должен был этого делать, должен был пройти мимо компании, молча, даже если бы она представилась ему шайкой карателей из-под Ровно...

Но теперь было поздно: собутыльники, матерясь на чём свет стоит, били ногами его израненное на войне тело.

— Мочи, бей гада! — истерично визжала молодая стерва и, размахнувшись, ударила лежачего деда бутылкой по голове. Он оглох, обмяк и почувствовал привычную соль в горле, как когда-то там, на Дунае, когда их бывалый монитор подорвался на мине. Перед глазами поплыли боевые товарищи, Сталин, Аня, отец, мать, братья и сёстры, загубленные в крематории Освенцима. Откуда-то заверещал Утёсов: «Раскинулось море широко»...

* * *

На следующий день молодчики подшофе или под кайфом, решили, что пешком ходить плохо. Напав на почти ровесника, только что получившего права, они связали его, бросили в кювет и продолжили «развлекаться», на этот раз на колёсах. Полусгнивший старенький «Жигуль», хрипя глушителем и ноя редуктором, словно возмущался тому, что его так нещадно дёргают изнутри. Уркаганы заехали за подружками среди ночи и мчались свыше «сотни» за город, на пруд. Шашлычка изуверам захотелось, танцев, немножко секса. На полпути оторвалась у них на полном ходу шаровая опора. Кончилась лавочка...

Вылетев на встречную полосу, затем ворочаясь в юзе на её обочине, «Лада-копеечка» «клюнула» капотом в кювет и через несколько секунд легла на крышу, избавившись от ветрового стекла, улетевшего вперёд на полсотни метров. В рассветающей идиллии утра, среди пенья птиц и распустившейся молодой зелени цеплялось за ребро крыла еле вращавшееся колесо и слышались слова: «Между землёй и небом — ***<u>война</u>***»...

* * *

Герасим Павлович Кузнецов пришёл в себя на третий день в реанимации и ничего не помнил. Выйдя из «госпиталя» в восьмой раз, он поехал в приют и усыновил ребёнка, которых теперь брошенных по стране тысячи.

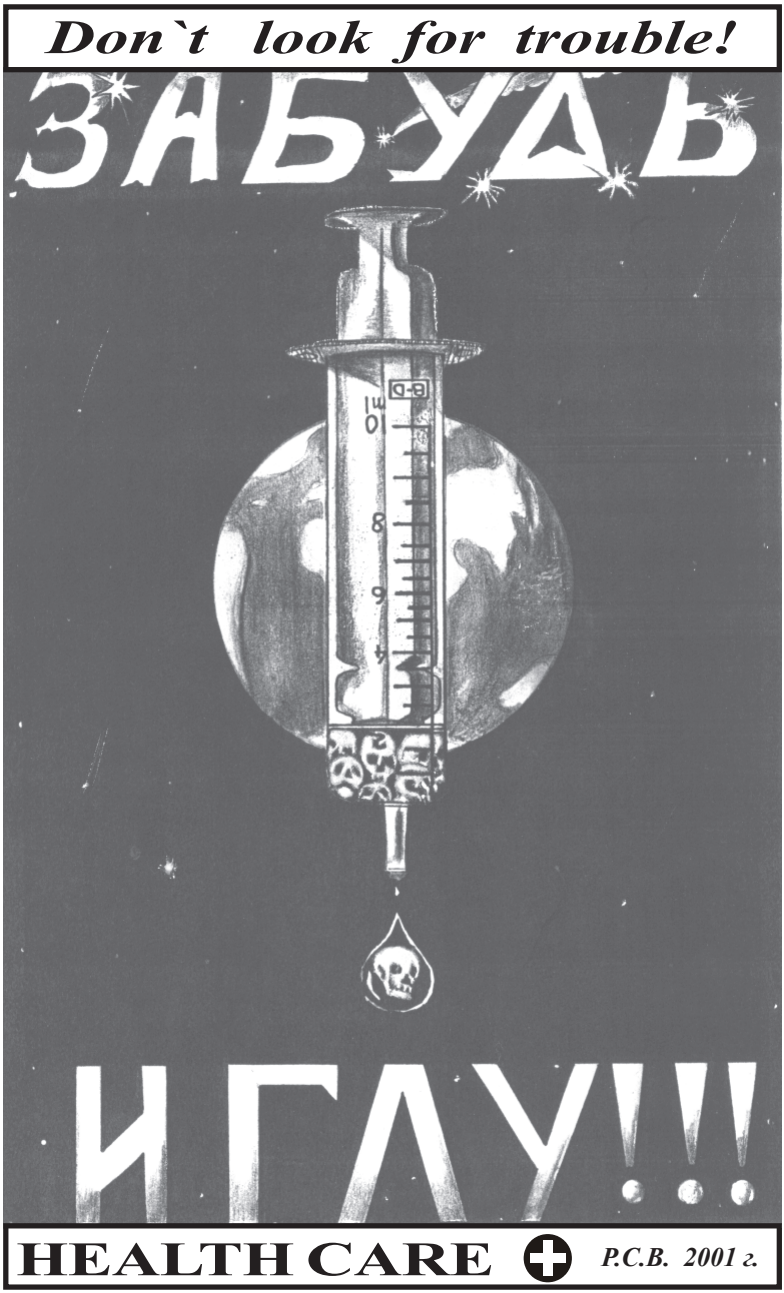
Борька — задумчивый малый. Он обожает смотреть «Формулу-1» и фильмы про Великую Отечественную войну, но читать ещё не умеет.

Его новому «папке» только сняли швы с головы, он показывает мальчонке награды и фотографии. Гладя его рукой по русой головушке, он рассказывает про адмиралов Абрамова и Фролова и часто приговаривает: «В апреле, ельцинёнок, возьмём твою сестру Аннушку, а в мае вместе пойдём к Вечному Огню».

Он не знал, что Александр Сергеевич и Моисей Габриэлович ему уже никогда не поклонятся...

ПОСЛЕ ПРОСМОТРА ФИЛЬМА «ВЕЛИКИЙ ДИКТАТОР»

Горит планета.
Людям не до смеха.
Но Чарли не смеётся,
он кричит:
— Земляне!
Не добьётесь вы успеха,
Коль власть возьмёт
очередной бандит!


Don`t look for trouble!
ЗАБУДЬ
ИГЛУ!!!
HEALTH CARE
Р.С.В. 2001 г.

НАРКОТА

Красота идёт не твоя,
Солнце светит
И растёт трава —
Без тебя!

Переосмысленный
Виктор Цой.

...Ночь. Пятый и последний день пути. Бешено хлещет по кузову дождь. На изломе балок бликующей трассы акваланируешь, словно в «Кэмэл трофи», однако со скоростями среднего ускорения «Париж — Дакара». Лампочка указателя топлива подло мигает, но спешу — всё больше за «100» — родня из командировки, верно, давно поджидает.

Крейсирующих попутных и встречных авто что майских жуков в декабре: подтрушивают, что ли, ночами ездить или непогода прижала ко сну? А, может, и совестишка нечиста — к бессонной ГАИ и её завуалированным кафе жмутся...

Впрочем, водный ураган любителям и дальнобойщикам, как и «челнокам», «на мотор и на руку»: пикет тружеников дорог иногда с нарушением прав человека сегодня, как никогда, галантен — его попросту нет. А светофор красный! Тормози, шоферюга! Где помидорная «зачистка», а где террористические «маслята» в дыне. Бдительность превыше всего, однако ж ливень — не упомнить такого... Кивнув мне из будки, магистральный смотритель смачно зевнул и отвернулся — устал...

Я помнил про Чёртов мост над железнодорожным полотном и предваряющие его S-образные повороты. Снизил, конечно, обороты, и вдруг — ***Чёртов мост!..***

На выходе из виража посреди трассы лежало ***нечто***, в свете фар явно похожее на живое существо — Человека. Не без невроза я переложил руль и, ступенчато тормозя, съехал на встречную обо-

чину, с мыслями: «Ну почему я? За что такие ужасные стрессы после восьмиста миль?»

Потирая глаза с висками, я вышел, подошёл ближе. Прилично одетый молодой человек лет под тридцать лежал на спине и совершенно безаварийно улыбался.

— Всё в порядке? — кричу ему. А он:

— Помоги, отец, трудно мне, умираю...

— Уж не напился ли «Иванушка» огненной водицы? — мелькнуло в моей голове. Здесь змиев на каждом шагу залейся, да и народец-то сучной: будешь идти к маме или жене, могут по «кумполу тюкнуть» и всё; видя, никто не видел, слыша, никто не слышал. Рой, РОВД, ров под своих ли, чужих — без разницы...

Не мог я его бросить, поймите! Не хотел омрачать финал командировки и эмоциональные встречи с народом протокольными подписями вкупе с дознанием службы 03. Человек человеку — брат! — первый что ль я промолвил?

Мы ехали, уважая ГИБДД, узаконенные пешие нарушители в большинстве своём спали. Горе-попутчик сидел рядом со мной и мычал, тело его ломало. Мне тяжко было понять, что с ним, его речь была полным хаосом англо-русских аббревиатур, недалеко ушедших по выговору и акценту от булгаковского Клима Чугункина. Не видевший и не прочувствовавший апперкотов судьбы малец бредил какими-то «паханами», «барыгами» и «аптеками», а лицо его было настолько мертвецки бледным, что был момент — хотел я рвануть в Семашко...

И всё же вспомнил он про сестру или сожительницу, проживавшую на городской околице, промямлил невменяемый адрес, который был для него соломинкой утопающего.

Привёз я его до дома, хорошо ещё не тяжёл паренёк был, довёл до квартиры. Открыли не сразу, хотя, очевидно, не спали — громко играла музыка. Девчушка, было, разрыдалась, но, совладав с собой, пригласила на кружку кофею.

— Вы же с дороги! Боже, как я вам благодарна! — замкнуло в её крашеной головушке. Подумалось: «Буксует твой мозг, повторяется, не впервой рождённая фраза и человек перед тобой чужой, мало ли что».

Я очень спешил домой, но решил-таки перевести дух. Понять круг жития, по всей видимости, семейства музыкантов. Куда ни бросишь взгляд, смотрели на меня Элвис Пресли, Элла Фиц-

джеральд, грустный Леннон в обнимку с Йоко, попрыгунчик Янг из AC/DC и Курт Кобейн со своей «небоскрёбной» женой. На подпаленном линолеуме в углу у газовой плитки валялась дорогая гитара с надломленным грифом. Картина друзей Пикассо: «Рокеры 90-х в поисках Нирваны»!

Уложив галлюцинировавшего «пациента» дрёмушки (благо, не буйный), Лена, смахивая слёзы по почерневшему от туши лицу, вышла на кухню. Чайник ещё не кипел, и мы, с её согласия, закурили и разговорились.

Не знаю, чем я расположил её к откровенности — вероятно, тем, что не сдал брата (или любовника?) Органам. Может, скрашивала одиночество красноречием, будучи сама под кайфом?..

А она, как водится у людей бряцающе-малюющего общества, была здорово хороша, несмотря на макияж буднично-ежедневного горя. Нельзя сказать, что «спайс гёрлз», но что-то было, удивитесь, от Сабрины, и тут я невольно позавидовал молодости.

Я спросил у Лены, как же «это» произошло — недосмотрели, недоглядели мальчишку? Оказалось, Игорёк давно уже пристрастился к игле, в горбачёвские годы один из немногих «байкерствовал» по Союзу. Вот и подхватил мерзкую заразу на свою талантливую голову: героин стал потребой жизни, стимулом дыхания с утра до вечера. За дозы любимую «Яву» продал...

«Талантливую?! Ведь он же урка, изгой общества, самоубийца и возмутитель спокойствия, гад!» — отметят законопослушные вундеркинды.

Эх, господа, в бездиктатурное времечко парень пропадал одарённый: девчонка раскрыла его стихотворный Талмуд — сотни текстов и песен, попытки симфонических, даже оперных построений, проект концертной программы, правда, с больным названием «Круиз в никуда». Нахватался, конечно, дури у Запада, не понял Сатанинской профилактики в армии. Увы, как понять? Служил в Фергане — исчадии марихуано-маковой Долины Смерти...

Незаметно ушёл час безвозвратно. Магнитная Лена показала мне рисунки Игоря — пейзажи Крыма и Балтики, космический авангард, реализм нищего у Государственной Думы, беспризорников в метро. Предложила остаться, мол, он отойдёт, пусть увидит своего спасителя, но я, разумеется, отказался. Велика разница в возрасте, и, вдобавок, соседи у подобных людей безоговорочно — стукачи. А мне, как и всем, много не надо; была б картошка, перо да бумага.

* * *

Не уродилась в этом году что-то клубника. А ведро на базаре — дорогое-аппетитное — не дороже денег и всё ж немало. Я двигался меж рядов представителей нью-НЭПа, вступал с ними в «дискуссии», приценивался, грустил и смеялся. Рынок вытворял обалденные выкрутасы, до которых суперреволюционер Ленин не додумался бы ни в Смольном, ни в Мавзолее...

Чу! Навстречу мне топает «сверхкутюрная» орловчанка — от пят до макушки — о`кей! Глаз нет: вместо них защита зеркал «Peredays», утончённость линий — с обложки «Плейбоя». В общем, цветки, банты, кружева, декольте — не определишь, миссис или мэм...

Она шла в упор на меня, седого, словно вышла из шлягера Анны Герман. Я уклонился, но она, коснувшись плеча, остановила меня:

— Дядя Витя, неужели Вы?! — она подняла очки.

Да, это была Сабрина-Лена! Прошло полгода, опасная жизнь должна была её состарить, а она распустилась, точно мак. Конкурсная подружка и только, но зрачки выдавали её, и тащила она не мясо, не рыбу, а какие-то нужные ей для ремонта баклажки с растворителем.

— Как Игорь? Думаю, выдурился при Вашей любви? — подковырнул я её...

... — О, эх, ммм, — запнулась она, вновь пряча глаза по Канту. — Вы разве не знаете! Нет его, — умер...

Помолчали в ажиотаже спекулятивных наворотов под надрывы «ZZ TOP» из кассетного ларька и роботизированные зазывы «напёрсточников». К чему теперь слова? Не доиграл человек, не додумал поэмы из-за своего же безволия. А хотел же, как мечтал! Но героиновый рок порвал все вены и струны...

В тот день не один я попал в трёхчасовую пробку: прибыл господин президент. Желая отвлечься от мысли (сколько таких Игорей!), навернул магнитолу. Как назло, Макаревич загрузил:

Он сгинул в январе,
В чужом дворе...

Так это было или не было? И как в продолжение дум прокатила по разуму «Машина времени»:

Вот новый поворот,
И мотор ревёт,
Что он нам несёт —
Пропасть или взлёт?!

30 июля 2000 года,
Орёл — Тамбов, «Путевые заметки».

ПЕРВЫЙ САЛЮТ

Генерал-полковнику Попову
Генерал-полковнику Соколовскому
Генералу армии Рокоссовскому
Генералу армии Ватутину
Генерал-полковнику Коневу

5 августа 1943 года

Сегодня, 5 августа войска Брянского фронта при содействии с флангов войск Западного и Центрального фронтов в результате ожесточённых боёв овладели городом Орёл.

ПРИКАЗ Верховного Главнокомандующего

Сегодня же войска Брянского и Воронежского фронтов сломали сопротивление противника и овладели городом Белгород.

Месяц тому назад, 5 июля немцы начали своё летнее наступление из районов Орла и Белгорода, чтобы окружить и уничтожить наши войска, находящиеся в Курском выступе, и занять Курск.

Отразив все попытки противника прорваться к Курску со стороны Орла и Белгорода, наши войска сами перешли в наступление и 5 августа, ровно через месяц после начала июльского наступления немцев, заняли Орёл и Белгород.

Тем самым разоблачена легенда немцев о том, что будто бы советские войска не в состоянии вести летом успешное наступление.

В ознаменование одержанной победы 5, 129, 380 стрелковым дивизиям, ворвавшимся первыми в город Орёл и освободившим его, присвоить наименование «Орловских» и впредь их именовать: 5 Орловская стрелковая дивизия, 129 Орловская стрелковая дивизия, 380 Орловская стрелковая дивизия...

... Сегодня, 5 августа в 24 часа столица нашей Родины — Москва будет салютовать нашим доблестным войскам, освободившим Орёл и Белгород, двенадцатью артиллерийскими залпами из 120 орудий.

За отличные наступательные действия объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в операции по освобождению Орла и Белгорода.

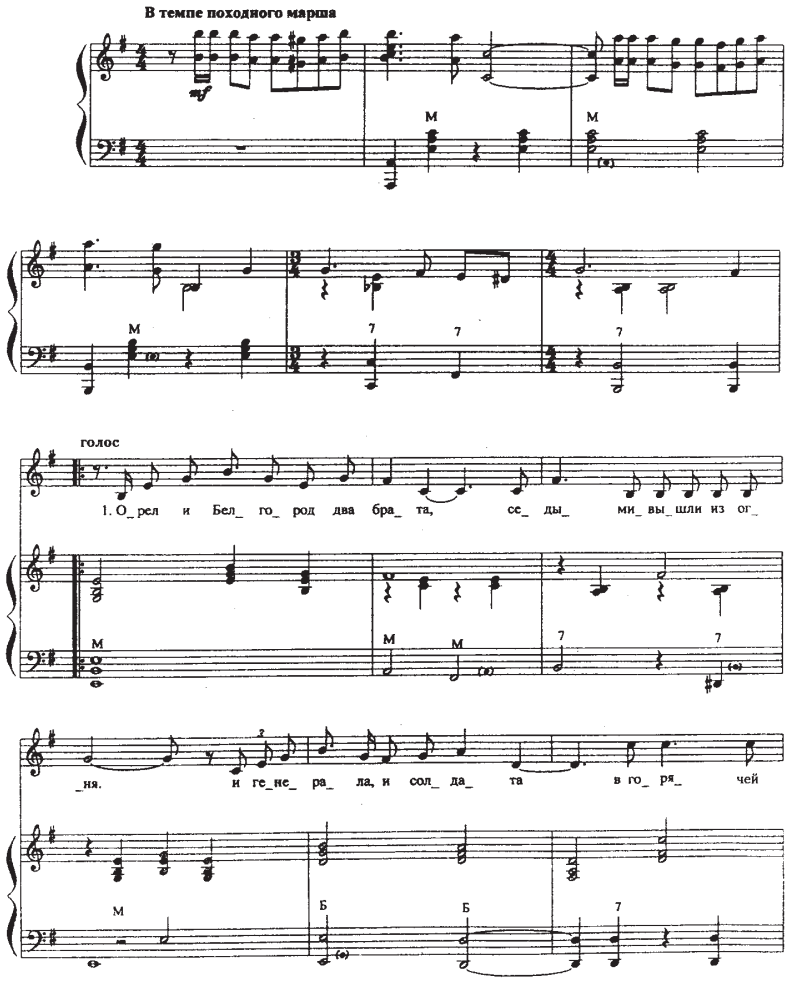
Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу нашей Родины.

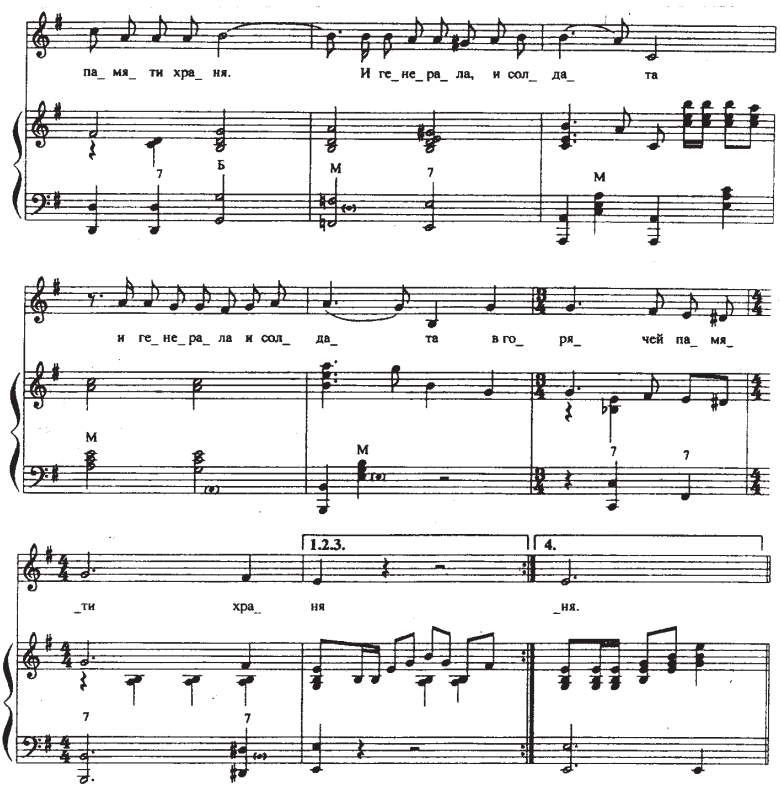
Смерть немецким оккупантам!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза ***И. Сталин.***

ПЕРВЫЙ САЛЮТ

Слова Виктора РАССОХИНА *Музыка Виктора САДОВСКОГО*





На встрече с освободителями Орловщины...

Орёл и Белгород — два брата,
Седыми вышли из огня,
И генерала, и солдата
В горячей памяти храня.
И генерала, и солдата,
И генерала, и солдата
В горячей памяти храня.

Припев

Знамённый шёлк алел от ветра,
Как память павшим и живым.
Их имена дарили щедро
Мы старым улицам своим.
Их имена дарили щедро,
Их имена дарили щедро
Мы старым улицам своим.

Припев

Смягчались горести и беды,
На запад шли ещё войска.
Салют предвестником Победы
Уже заглядывал в века.
Салют предвестником Победы,
Салют предвестником Победы
Уже заглядывал в века.

Припев

«Беды обычно
приходят парами —
пара за парой,
пара за парой,
пара за парой…»

«Следствие Кона
из закона Мэрфи»

КРУШЕНИЕ НЬЮ-ВАВИЛОНА

Томас Вулф, известный американский писатель, как-то неподражаемо точно обрисовал панораму Манхэттена: «Эта сказочная скала, этот корабль жизни».

Сегодня Соединённые Штаты Америки, весь Мир скорбят от чудовищно-вероломного акта лобовой агрессии, продуманного маниакальными прожектёрами, воспитанными в духе преступных традиций минувших войн. В целях запугать население супердержавы, посеять страх и панику, ими запущено четыре корабля смерти…

Не случайно многонациональная Америка в эти дни, зайдясь стоном и плачем, часто вспоминает Пёрл-Харбор 1941-го, речь президента Франклина Рузвельта в Конгрессе и вступление страны во Вторую мировую войну, 60-летие начала которой планируется отмечать в декабре 2001 года. День бегущий и день прошедший — напоминают нам о хрупкости могучих цивилизаций во все времена после Ноего ковчега. Главное отличие произошедших катаклизмов и катастроф лишь в том, стихийны ли они были, или же продуманно-рукотворны…

Олицетворение ума, сноровки и экономической мощи Нового Света с одной стороны и порождение вируса корпоративного модернизма с другой, знаменитые каменно-стеклянные джунгли небоскрёбов, словно сваи, подпиравшие небо, рухнули в результате чётко скоординированной операции, превратившись в руины. Никакие сверхновые технологии, ни обывательско-философская позиция граждан, ни внешняя и внутренняя политика лидеров страны демократии, её МИД и департаментов при всемирном объединении против терроризма, как выяснилось, не гарантируют страхования соотечественников от угрозы жизни внутри и извне.

Кем были захвачены отнюдь не устаревшие пассажирские лайнеры ведущих авиакомпаний — вопрос максимально запутанный, многоликий, где-то неисповедимый. Он может варьироваться экспертами и несведущими в неопределённой степени чрезвычайно продолжительное время как в мире новомодно компьютерных отношений, так просто в разговорах патрициев и плебеев «на кухне» и «по душам».

Враги Америки с видимым удовольствием уже сейчас празднуют «победу», упоминая «волю Аллаха». Одномоментно не стоит забывать, что «мусульманско-арабская» версия столько оправданна, сколь и ошибочна, ибо в разрушении экономического и военного потенциала США прямо или косвенно глубоко заинтересованы многие страны. Враг пришёл на не знавшую бомб землю внезапно. Он переплыл или перелетел океаны, оставаясь человеком-невидимкой с очевидным замыслом перекройки существующей карты Планеты. Примечательно, что в тяжелейшие для Америки дни, когда по сообщениям средств массовой информации погибло несколько тысяч ни в чём не повинных американцев и граждан других государств, к нациям обратились Джордж Буш, Герхард Шрёдер, Тони Блэр, Владимир Путин, мировая прогрессивная общественность, разоблачившая антигуманную направленность последователей доктрины диктатур.

Большинством подчёркивается пиковая ситуация, стрессовость, эмоциональная выживаемость человека, сплочение народов и исключение опрометчивых решений-поступков, способных привести не к локальному конфликту, а к Третьей мировой войне. Заявление Буша-младшего, отец которого, Джордж, был самым молодым пилотом ВМС в годы, когда над Великим океаном встречались «камикадзе» — прямое подтверждение того, что Америка готова нанести удар (или удары) любому противнику, посягнувшему на жизнь янки и её территорию…

На фоне повальной западнизации, наркотического дурмана, жестокого криминального беспредела и извращённого секса российскому обществу значительно важно проявить солидарность с нашим далёким, но верным союзником по Второму фронту — американским народом, капитально выручившим СССР поставками по ленд-лизу. Учитывая нездоровую целеустремлённость мыслесложения платных «недоносков» изжитой идеологии, работающей и ныне не на добро, а в ущерб взаимовыгодным отношениям между великими державами, следует помнить, что флюгерманы попытаются взорвать стереотипы честной и популярной американистики.

Свежая поросль урбанизации и мода на небоскрёбы — немые свидетели зигзагов развития высотной архитектуры — не умерли в понятии уважающих историю цивилизации политологов, музыкантов, писателей и журналистов, несмотря на глобализацию вплоть до Программы СОИ. Однако, в одиссеях, описывающих мультиэтажную Америку вне голливудского гротеска Стивена Спилберга, бездушность и чванство её обитателей, либо стабильность конституции, автомобилизацию и патриотизм — ваятелями фарисейского портрета страны вычеркнуты конструктивные элементы ещё одного «стереотипа»…

Как всё гениальное, он лаконично прост, подразумевая под собой реальность появления в преуспевающем обществе касты злобно настроенных сил оппозиции. Памятуя о гостеприимстве «страны грёз» на всех этапах её развития от авантюр при освоении Дикого Запада до братоубийства между Севером и Югом, от работорговли до уничтожения индейцев, нельзя исключать того, что в одном из Штатов могла зародиться подпольная организация, взявшая на вооружение стратегию исламских фундаменталистов и японских радикалов. Не исключено, что мозговой центр и патроны беспрецедентного акта насилия не одно десятилетие отживали свой век в джунглях Южной Америки, прячась от су-

дебного процесса, аналогичного Нюрнбергскому или Токийскому 40-х годов XX столетия.

И в новое тысячелетие мир входит с войнами и катастрофами, убивающими сущность человеческую на воде, в небе и на корню. Но что бы не интерпретировалось, что бы не написалось и переосмыслилось вчера, сегодня, завтра, какие бы «чёрные ящики» не разыскивались — ***людей уже не вернуть***. Сколько их там — бизнесменов, домохозяек, детей и стариков, спортсменов, изгоев, звёзд и бомжей, полицейских и пожарных, шофёров, капелланов, медиков и военных, объединённых болезненно-горестным эпитетом «пропавший без вести»??? Какая голова не спала ночи, чтобы лишить Пентагон крупнейших специалистов своего дела?

Справедливо замечено: «Есть ложь, красивая ложь и статистика». Когда мчишься на 400-сильном «Корветте» по мосту Трайборо или Бруклинскому на подъезде к Манхэттену, осознавая величие повседневного подвига честных и добропорядочных американцев, «рыцарей труда» — мало задумываешься над ложью и человеческим увлечением гигантоманией, вавилонской мегаполисностью, стремлением всюду быть первыми. И если В. Маяковский ошибся, назвав Ист-ривер Гудзоном, если для М. Горького Нью-Йорк был «городом Жёлтого Дьявола», а С. Есенин был унижен на приёмах, несмотря на А. Дункан, то «наше открытие» Америки заключено в строках поэтессы Э. Лазарус на подножии величественной Статуи Свободы:

Укрою гонимых, согрею озябших,
Бездомным дам пищу и кров.
Всем, кто свободой дышал,
Факел мой путь указал.

…Россия приспускает госфлаги, но вряд ли помолчит минуту — быт съедает сограждан по афоризму «Они далеко!» И всё же мы верим, что люди всех национальностей, переплавившись в новую человеческую расу, обязаны не разрывать «томагавк» войны. В этом и должна заключаться цель жизни здравомыслящих сил двух полушарий, ибо общенациональные интересы наших держав, исповедующих Веру Христову, зиждятся по мудрости веков: «Возлюби ближнего своего, как самого себя!» Мухаммед, Будда, Шива, Аматэрасу — учат тому же с момента первой устной проповеди.

12 сентября 2001 года,
г. Орёл.

7 декабря 1941 года Императорская Япония мощным налётом авиации нанесла сокрушительный удар по американскому флоту в Пёрл-Харборе. В это время наши войска давали отпор под Москвой её коллегам по «Оси» — германским полчищам...

В долгих кровопролитных сражениях союзники разгромили коварные планы захватчиков и пришли к выстраданной Победе на Западе и Дальнем Востоке. Об этом краткий очерк автора.

О беспощадный рок!
Под этим славным шлемом
Теперь сверчок звенит.

Мацуо Басё (1644-1694), поэт-новатор,
мастер японского трёхстишия-хокку

Читая классиков пера,
Я понял:
Плох художник, отвернувшийся от мира!

Авторское эссе «Суффиксальные пустозвоны»,
1996.

Влажная стена густого тумана обняла пространство. Было зябко и моросило, а жизнь каждого измерялась приказом. Патрулирование акватории выдалось по-боевому штормовым, и прекращение гнева Нептуна было полностью непредсказуемым. Который день на борту супердредноута Объединённого Флота «Ямато» офицерская элита хронически недосыпала. Командир 263-метрового линкора капитан I ранга Такаянаги Гихати, ведущая голова по оперативному искусству Куросима Камэто, кептэны Мийо Тацукити и Ватанабэ Ясудзи, как и бывавшие на флагмане контр-адмирал Ониси Такидзиро и лидер авиации ВМС при Генштабе капитан II ранга Сасаки, понимали, куда закатится для Японии Солнце после захвата янками острова Иводзима.

Многое пришлось пережить завоевателям Великого океана и его атолло-островной россыпи, оглашаемой грохотом прибоя на параллелях и меридианах триумфа и смерти. Они спешили доставить десант, поддержать его высадку на материк и выработать безошибочную наступательно-оборонительную стратегию. В феврале 1945-го с трудом верилось не только «хасирцам» в фейерверк побед, рождённых стволами «Кидо Бутай» адмирала Нагумо Тюити и палубными «корсарами» авиагрупп Футида, Хасигучи, Абэ, Кусуми, Мурата, Такахаси, Итая, Симадзаки, Эгуса, Синдо и других пилотов 1-го Воздушного Флота, разгромивших корабли Франклина Делано Рузвельта в Пёрл-Харборе и авиацию на Оаху. С тех пор, как ушли на дно британские «жемчужины» — «Принс оф Уэлс» и «Рипалс», ситуации, сходные с ловушкой, в которую попала эскадра королевы Вильгельмины под стягом адмирала Карела Доормана, больше не повторялись.

Мидуэй... Авианосная сеча за крохотный островок повернула доктрину «Азия — азиатам» вспять, навечно обозначив координаты гибели, исстари сопутствующие экспансиям, преступному колонизаторскому авантюризму. За один день были потеряны мозговитые выпускники Академии «Эта Дзима», асы захватного «покроя», выпестованные бурями моряки, авиаторы, прошедшие курсы престижных авиашкол Касумигаура, Цутиура, Нагойского технического училища и передовых учзаведений ВМС Англии, Франции, Италии и США... Ушли на 5000-метровую и более глубину — искорёженные, оплавленные, некогда могучие исполины, плавучие аэродромы «Акаги», «Кага», «Сорю» и «Хирю» — авангардные проекты «Кампон» и магнатов кораблестроения за всё время реализации программы «Ма-

русан». Погибли контр-адмирал Ямагути, командиры авианосцев Каку, Янагимото, Окада, в общей сложности 3500 человек, свято веривших в «миссию Японии руководить миром», провозглашённую баронами-реакционерами Танака Гиити и Утида Рёхэем...

Позднее глава Генштаба Императорских ВМС вице-адмирал Нагано Осами, адмиралы Кондо, Номура, Йонай, Микава, Одзава, Иноуэ, Судзуки, Какута, Ито, Ямадзаки, Такаги, как и генералитет, признавали, что с гибелью главкома Флота Ямамото Исороку и сменившего его Кога Минэити, погибших в авиакатастрофах, — положение Империи резко ухудшилось, что доказали ужасные потери в ходе корабельно-авиационных битв за Гуадалканал, Сайпан, Ириан, Рабаул, Лусон и Лейте.

Эти годы покрылись волнами, и там, где прокатились «цунами» военщины, меняла формы вечная пена. «Владыки морей», помнившие заветы «азиатского Нельсона» Того Хэйхатиро, иронизировали в избегавшем сакэ кругу: «Три раза цвела сакура, а эра Сёва летела в бездну как бакудан (бомба) или торпеда»...

Молодой энсин (младший офицерский чин) из «Токубецу когэкитай» (Штурмового отряда), акробат-владелец истребителя «Зеро» и предмет воздыханий татиката и гейш Ямада Исабуро прошёл Филиппинский ад без ранений, хорошо запомнив проповеди Ониси о духе, воле и патриотизме, когда друг теневого патрона «якудза» Кодама Ёсио формировал 1-ю эскадрилью «Камикадзэ».

Сегодня, завтра или послезавтра обедневшему самураю древнего рода предстояло уразуметь: Путь Жизни — это Смерть. Ночь за ночью он искал в уме лаконичные по смыслу иероглифы для завещания, которое вымучило, ибо отослать его было некому — семья погибла в Токио под развалинами землетрясения 1923 года. Патефон крутил «Японские фонарики» Есимото, а мысли кружились, словно мотыльки в хризантемах, и, надрывая мозг, залетали в тупик. Уроженца деревушки у истоков Синано закружила ностальгия — рандеву с красавицами из квартала Гион в Киото. Слопав редкий бэнто — рис с маринованными сливами, он отбросил косточку. Глядя на фото кумира, «фокусника» пилотажа Гэнда Минору, энсин разговаривал вслух:

— Ханай Юкико, смазливая шансонетка из Кагосима! Как я любил тебя, не подозревая, что ты, запоем читавшая Акутагава и Исикава, всего лишь перезрелая кёльнерша дешёвого бара!..

Расстроившись, Исабуро раскрыл спасавший и тайно хранимый томик Такубоку «Горсть песка»:

Когда приходится служить
Капризным,
Наглым самодурам,
Как страшен
Кажется весь мир!

С утра передали шторм 7 баллов. Накадзима Тосио, пилот 1-го класса бомбера «Мицубиси G4M» заехал за Ямада в сумерках. Самолёт-снаряд из Арсенала ВМС Йокосука был наготове, сверкая новизной. Помолившись за Дай Ниппон богиням Аматэрасу и Каннон, Исабуро, внешне балагуря и храбрясь, уселся на заднее сиденье дышавшего на ладан «Олдсмобила». Изучая карту маршрута по планшету, он дымил подаренной накануне сигарой, хотя минуты назад чуть не вырвался, представив отпевание своей души в храме Ясукуни.

Старт прошёл без суеты и эмоций. Ещё на заре старший лейтенант Хорикоси Дзиро, пилот разведчика «Ki-46» радировал командованию о 5-м Флоте адмирала Раймонда Спрюэнса, вспенивавшего океан 13-узловым ходом. Поправляя в полёте повязку «хатимаки» с надписью «Эй-Рэй» — «Душа Героя», энсин подумал, что инженер Мики поздно додумался начинять «воздушный меч» Японии 1200 килограммами тринитроанизола. Неописуемая красота мирного горизонта не смягчила сердца: — Мало звёздно-полосатые получили в лоб у Саво; десант на Гавайи или спалить 400 000 тонн мазута в декабре 1941-го, вот это да! Навряд ли подняли б тогда изуродованные линкоры Киммеля и Пая. А новый командующий Честер Нимиц — вулкан!

— Небесный рыцарь высшего дана самурай Ямада! — вернул его к реальности второй пилот Хара Тюити, проверяя радиосвязь. — Вы там смотрите, сэнсэй кэндо, не захрапите! Мы доставляем вас к цели, чтобы «солдаты Джо» Макартура меньшим числом ступили на не знавшую оккупации землю предков. Пригубите сакэ, я припрятал для вас бутылочку под сиденьем...

— О, снова ваши байки о пиратах Бидле и коммодоре Перри, — за Христа, а пушки впереди! Конвой вижу, идёт противолодочным зигзагом — торпедные атаки Санта-Барбары и Сиднея ещё не забыли. Постараюсь отправить на дно тип «Либерти»!

Отрыв от двухмоторного «Мицубиси», однотипного с тем, что угробил Ямамото и штабистов у острова Бугенвиль, мало радовал. Планируя в направлении транспорта наибольшего водоизмещения, Исабуро, по приближении к нему, включил три жидкостно-реактив-

ных двигателя. Суммарная тяга 800 килограммов выдала ускорение по «паспортным» данным — около 850 километров в час. Кровь ударила энсину в голову до тошноты, а первые разряды зениток уже брали в «мёртвую петлю» его «Цветок вишни», который, узнай, что им назвали, тут же бы превратился бы из белого в красно-кровавый с чёрным кантом по каждому лепестку.

Любителю путешествий по префектурам не было страшно. Он упивался рикошетом пуль по плоскостям и фюзеляжу, и муравьиное замешательство янки на палубе вызывало в нём диковато-дьявольский смех.

«Куро хи» — Чёрный день! Возвращение священного ветра против Хубилай-хана! Держитесь, гайдзины (чужестранцы)!»...

На сменившем курс маневрирующем бывшем сухогрузе кричали:

— Бака! — Дурак! — вперемешку с отборным штатовским матом. Возможно, Ямада плакал от мысли, что расе Ямато с начала 30-х следовало быть милосерднее, а не хвататься за оружие. Возможно...

— Тэнно хэйка бандзай! — Да здравствует Император!!! — стало фанатизмом сироты на земле, а вернее фиаско над Тихим океаном, впитавшим кровь и железо наций в сверхтрагизме Второй мировой войны.

Юнец 1917 года, почитатель «Тора! Тора! Тора!» — вероломной тактики Футида Мицуо, мечтавший увидеться с ним, рассчитал пилотаж виртуозно, снеся почти всю надстройку судна. Кто знает, может за секунды до убийства свыше 100 американцев, не считая калек, энсин Ямада Исабуро фактически открыл дверь во «второе рождение»? Увы, атакуя, он мстил за брата отца, сгоревшего в соляре у турбозубчатых агрегатов эскортного авианосца «Сёхо», затонувшего в Коралловом море. Разве для такой «нирваны» их вывели в свет матери?

«Тэнно хэйка бандзай! Тенно хэйка... Бандзай! Бандзай! Бандзай!!!»

* * *

Император эры Сёва, его величество Хирохито, давший полный ход Тихоокеанской войне, дико закричал на своём ложе во дворце. После гибели «Ямато» ему приснилось, что он, 124-й Сын Неба совершил харакири, потому что выжил один в стране — ВСЕ погибли как камикадзэ... Шаря рукой в поисках очков, а другой протирая глаза, он вздрогнул: перед ним, склонившись в поклоне,

рыдала Императрица Нагако, а малыш-наследник Акихито упрашивал мать не плакать, сжимая руками мачты дорогой модели броненосца «Микаса».

... 10 марта 1945 года «летающие крепости» ВВС Армии США применили напалм и осколочные бомбы — в бывшем городе Эдо погибло около 140 тысяч жителей и беженцев.

6 и 9 августа испарятся люди и здания в Хиросиме и Нагасаки — не стало 215 тысяч человек. Атом стал Инквизитором, породив лучевую болезнь и хаос гонки вооружений между капитализмом и коммунизмом.

Сёва — отсверкала. Это была Катастрофа, оплаченная жизнью и смертью 3 100 000 японцев. Часть из них, убивая современников на суше, в водах Тихого океана и Южных морей, в небе и под водой в большем количестве, так и не поняла с 1900 года, что их стратегия захвата едва не подвела страну под название — держава заходящего солнца.

Когда линкор «Миссури», переживший атаку смертника ранее, тихо вошёл в Токийский залив под флагом коммодора прошлого века Мэтью Колбрайта Перри, переосмысливать межнациональную трагедию не имело смысла — гибель народов не измеряется золотом. Планетная, понимаете, диктатура была тогда, извините, модной...

Сегодня мы вправе спросить: прозрели ли гомо сапиенсы после Нюрнбергского, Токийского и Хабаровского процессов? Какие уроки извлекли для себя поколения, находящиеся под ядерно-боеголовочным шантажом, и кто позволил обесточить великий Дальний Восток в рамках госграницы СССР — России???

ПРЕСТУПНИКАМ — СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

ПСЕВДОНИМИЯ

«На словах все — Львы Толстые!»
(Фольклор)

«Первопроходцы — впереди!
Несут с собой зарю науки.
Приспособленцы — вечно позади,
Насиживают злость как мухи».
Из поэтической тетради
«Лодыри на цепи».

Готовясь к очередной встрече с читателями, наверное, каждый писатель будет рад моменту, когда случайно найдёт свой первый записной блокнот. Школьные годы тоже несут в себе мудрый и и чистый свет Истины, несмотря на беззаботность поры, которая только с морщинами лба и белизной головы поймётся как беззаботная на фоне напряг, порождённых послевоенной тяжбой.

Раскрывая ветхие страницы, сегодня читаю мысли юношества и не вижу в них ни тени сатириконства:

«Человек, прячущий своё имя с фамилией, — родоначальник вирусов общества, смутьян его мнения и провокатор сознания». Рядом дата: 1953 год — по голове за такие думы не погладили бы! Скорее, чуб или скальп вырвали бы, и, если не сирота, вместе с роднёй покатил бы на «чёрном вороне» в никуда...

С тех лет списался и высох океан чернил, поломаны сотни перьев и авторучек. Однако со времён выстрела «Авроры», давшего толчок миллиардам убийственных взрывов и чуть меньшему числу многонациональных трагедий, тяга народная к анонимированию самих себя не проходит, скворчит. В основе своей бюджетно-кулуарное, косноязычно-подкованное хамьё не устало работать в маске под прикрытием взяточного высшего образования, причём иногда при родительском попустительстве. Бедствие в пас-

портных отделах СССР — России, частично аннулирующее русский дух с упомянутого периода, необходимо оперативней катапультировать из нашей жизни, ибо псевдонимное право дано только прекрасным женщинам, да и то единый раз — во время посещения ЗАГСа. Так чему ж мы удивляемся, говоря об обнищании духовности и беспамятстве нации, когда непонятные и хлопотливые её представители хитроумно завуалируют своё лицо, искажая свидетельство о рождении и блуждают под нищих у папертей официального гангстеризма?!

Отечественные СМИ, ТВ и ВР, хронически увлекаясь заретушированием массы проблем, обязаны чаще зреть в корень, видя как ошибки населения, так и своих кадров, ловко тонирующих историю Родины, будучи десятилетиями назад вышвырнутыми из её центров за ряд антиинтеллигентских «выкрутасов».

Время безжалостно трёт нас всех, словно свежекупленный ластик первоклассника, мы трясёмся в устаревшем вагоне с энной точкой маршрута, а затем, кусая ногти, вдруг понимаем, что пожимали хвост и даже целовались с выращенной нами же полноядной гадюкой.

Мало того, что она, ласкаясь с Властью, сбивает честных тружеников с праведной стези от Землячки до Фурцевой, она ещё ставит палки в колёса змееловам режимов и идеологий, работающим с открытым лицом, чистыми руками и в лучших традициях с назначением — служить Отечеству...

Марионетки поневоле и гонорару, пролив под псевдонимами бочки водки и тонны испражнений после явно незаслуженных банкетов, не едут в командировки, плюнули на учёбу по жизни, не пишут ошибочных, но новых книг, не хотят встречаться с населением и фарисействуют вокруг крупнобаксовой столицы. Всё это несёт в себе древнейший оттенок подхалимажа и воспитуемого бездушья, что и приводит к забвенью тех, кого знать не надо. Что ж вы, профи собственного «я» юлаобразно движетесь и побаиваетесь многолетне-безденежно напрягаться? Да и кто подсказал вам беспроблемно пачкать утончённую древесину Сибири?!

Ответ сему сорнячному явлению — псевдоанонимность, лень, наглое отчуждение и ложь, истощение «серого вещества» от пороков, нежелание идти в ногу со временем и народом. При этом надо быть исключительно глупым, чтобы не уразуметь, что главный редактор, консультант, рецензент, академик словеснос-

ти — ВРЕМЯ — заклеймит не обязательно сургучом и бронзой столь трусливое достояние гласности.

Эпоха — тикающий и молчаливый собеседник, приподнесёт миру настоящие заслуги и деяния патриотов разных веков, творивших и созидающих в сложнейшей обстановке с помощью ума, бескорыстной совести, интуиции и души, но главное — с настоящими именами и фамилиями.

Наконец, под занавес, краткая цитата из «спутника жизни»:

«Исключительность нашего народа состоит в его взрывной непокорности в годы лихолетья и в рабской дрожи в периоды катастрофичных событий от опричнины до расстрельных «чисток» диктатур».

Видится, мы методично выступаем в роли «педагогов» Человечества, обучая его не повторять того Ужаса, что познали Общие разум и тело нашего Великого народа, победителя германского нацизма и самурайского милитаризма.

Итог по-детсадовски прост: гонения и убийства за политическую чужеродность, инакомыслие, правду — помните! — пришли к нам благодаря коварству преступных фальсификаторов и псевдонимности госаппарата, подлейшим образом санкционировавшего помимо вышесказанного, не одно «цунами» эмигрантов, — погибших и ныне живущих...

Справятся ли с псевдонимией порой сонливые господа любопытного Президента В.В. Путина — ответить крайне сложно, мало кто знает полную мощь прогрессирующих лобби. Кто знает, может они — носители псевдонимов под «друзей народа» признают своё банкротство и тихо уйдут?

В принципе, с ними и не нужно справляться! Пусть безымённые самостоятельно поправят мозги с ориентацией на труд, справедливость и честность по отношению к своим согражданам, ну и, конечно, в первую очередь к самим себе. Тогда частично рассмотренное заболевание — пакость, к радости большинства россиян, уйдёт с нашей земли туда, где оно либо окончательно вымрет, либо вновь приживётся...

Спасибо за внимательное прочтение.

Карикатура из архива автора

ГОБСЕК РКП (б)

За всяким большим состоянием
кроется преступление.

Оноре де Бальзак

* * *

Над сейфом долго мучилась охрана,
Крутые «медвежатники» страны.
Открыли. Сразу вспомнили Романовых...
Свердлов — угас, а камням нет цены!

Сегодня могут разгореться страсти,
Но голословность здесь не победит.
История, вскрывая «щедрость» власти,
И ныне приговором прозвучит.

«Сов. секретно. *№ 56568*
Секретарю ЦК ВКП (б)
тов. Сталину.

На инвентарных складах коменданта Московского Кремля хранился в запертом виде несгораемый шкаф покойного Якова Михайловича Свердлова.

Ключи от шкафа были утеряны. 26 июня с.г. этот шкаф был нами вскрыт, и в нём оказалось:

1. Золотых монет царской чеканки на сумму сто восемь тысяч пятьсот двадцать пять (108 525) рублей.*

2. Золотых изделий, многие из которых с драгоценными камнями, — семьсот пять (705) предметов.

3. Семь чистых бланков паспортов царского образца.

4. Семь паспортов, заполненных на следующие имена:
   а) Свердлова Якова Михайловича,
   б) Гуревич Цецилии Ольги,
   в) Григорьевой Екатерины Сергеевны,
   г) княгини Барятинской Елены Михайловны,
   д) Ползикова Сергея Константиновича,
   е) Романюк Анны Павловны,
   ж) Кленочкина Ивана Григорьевича.

5. Годичный паспорт на имя Горена Адама Антоновича.

6. Немецкий паспорт на имя Сталь Елены.

Кроме того, обнаружено кредитных царских билетов всего на семьсот пятьдесят тысяч (750 000) рублей.**

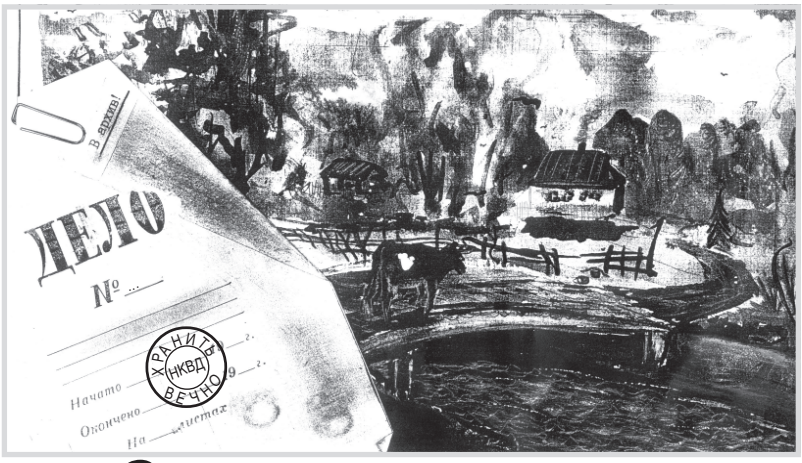
Подробная опись золотым изделиям проводится специалистами.»

Народный комиссар
внутренних дел Союза ССР
Ягода.
27 июля 1935 года.

---

* более 25 млн. руб. в современном исчислении.

** 180 млн. руб. в современном исчислении (по курсу банков РФ от 2001 г.) .



«Оперативная ориентировка на контрреволюционных, прокулацких элементов — Бельдяжкина Игнатия Тимофеевича и Скрябина Антона Никифоровича. Специально для ст. уп. розыскной районной группы НКВД, действующей на выезде, тов. Катка И.С.

1. Бельдяжкин И.Т., 18… г.р., уроженец с. Пустомазово Воронежской губернии, из крестьян.

Образование 3 класса, сын зажиточного мельника, бывшего дворецкого помещиков Кауфманов. Русский, женат, имеет 4 детей (3 сыновей и дочь — 21, 18, 15, 7 лет). В Пустомазово проживают два родных брата: Фёдор и Серафим (младшие).

В настоящее время обосновался на х. Погорельцы Орловской губернии и владеет имуществом: сруб — 12 х 8 аршин; 2 коровы и 2 лошади; годовалый жеребчик, 10 овец и домашняя птица (всего 30-40 голов). Имеется обширное подворье, сельхозинвентарь (10 единиц), обрабатывает 5 десятин казённой и 3 десятины владельческой земли. По сезону занимается рыболовством на близлежащих прудах и реке.

По непроверенным данным, его жена, Глафира Кузьминична (урожд. Тихонравова) торгует пшеницей, фуражом и самогоном из-под полы, в обход государства. (Заявление Комитета Ржавецкой бедноты вместе с фото супругов Бельдяжкиных приложено.)

2. Скрябин Антон Никифорович, 18… г.р., уроженец г. Ельца Орловской губернии, из семьи военных, русский. Вместе с отцом, штабс-капитаном Никифором Алексеевичем, участво-

---

Нумерация документа, инициалы официальных и физических лиц, географические названия и даты опущены или изменены. — **В.Р.**

вал в Брусиловском прорыве в звании поручика (Особая армия), где отличился храбростью и находчивостью. Мать (урожд. Софья Полянская) эмигрировала в Харбин.

Холост, часто посещает церковь. По сообщениям тов. Загривого (агента «Почтальона»), имел связь с ливенскими мятежниками и белобандитами Антонова, возможно, осведомлён о нахождении тайных складов оружия и провианта. Дружен с Бельдяжкиным И.Т. (спекулятивный оборот продуктов, в т. ч. мяса, рыбы) по новому месту жительства — с. Ржавецкое Орловской губернии.

Словесный портрет: худощав, среднего роста, на висках лёгкая проседь. Немного сутуловат, взгляд исподлобья, неразговорчив и внимателен к посторонним, незнакомым ему людям. Предполагается, что в совершенстве владеет оружием, в частности пулемётом «льюис». Весьма неплохой наездник. Ведёт спокойный, размеренный образ жизни, равнодушен к алкоголю. Увлечения: охота, рыбалка, верховая езда, свободные красивые женщины с городской пропиской. Особых примет нет.

Основания для ареста обоих:

а) Граждане Бельдяжкин И.Т. и Скрябин А.Н. неоднократно высказывались (в. т. ч. нецензурно) против Советской власти и руководителей партии и правительства. Так, Бельдяжкин 18 мая с. г. производил незаконный улов рыбы на нересте, и, обмывая улов, отметил, что «ни одна из партий не способна накормить народ» (см. записку бывшего батрака тов. Кривошеева).

Братья Бельдяжкина, будучи в гостях у него на Годовщину смерти В.И. Ленина в изрядном подпитии, критиковали «Декрет о земле». Причём, глумились над именем и заслугами Великого Ильича: «Декрет создал, а в землю не лёг…».

Семейство Бельдяжкиных подлежит аресту и конфискации имущества в пользу государства.

б) Белогвардейский недобиток, враг народа Скрябин А.Н., как антисоветски чуждый элемент, паразитирующий на рабоче-крестьянском обществе, дважды замечен при попытках агитировать местное население, призывал «саботировать сатанинские методы колхозного оброка, большевистско-еврейской барщины».

В связи с вышеназванной характеристикой, при вооружённом сопротивлении, оказанном при задержании, подлежит расстрелу на месте.

Нач. УНКВД по … области
Нач. УГРО по … области»
(подписи неразборчивы).

8*

* * *

…Вторые сутки напролёт полоскал губернию обложной ноябрьский дождь, то морося, то разряжаясь ливнем. Привычное дело: есть урожай, нет урожая — до горизонта пеший ли, конный — жмёт на сознанье и животину слякоть. И в чём ты её не меси — в лапотках, яловых, кирзовых сапогах или в обмотках, — среднерусская хлюпающая затяжная чёрная жижа с тающим снегом, случается, настолько мерзка, что собаку со двора выгонять жалко. Кому горе не беда, кому тоска в запое, а кому-то и без бутыли забот полон рот. Как тюкнет по землице и водам первый морозец, того и гляди, чтоб православные грехом не обокрали…

— Всё нажитое умом и рученьками объявили общенародным. Это как же додуматься, а?! — недовольно гнусавил бородатый возница подводы в тулупе, из-под ворота которого глазели, словно калина, пуговицы косоворотки.

— Прадед мой соху по корняжью тамбовскому ковыркал да ломал. Деда, беднягу, у Демидова вместе с немчуками в штольне на прииске задавило. Батька с матерью, а она нас малых роженицей совсем молодой покинула, — своими руками мельницу подняли, босоту работой, мукой и денежкой обеспечивали. И вдруг, поди-ка, народная!!! Слышь-ко, адъютант божий, что есть раскулачивание? Ты, Никифоров сын, поди-ка, грамотей, коль Пушкина с Некрасовым на зубок помнишь. Чо насупился — растрясло малость?..

Хлёстко, с присвистом стеганул по крупу ладной лошадки длинный плетёный кнут.

— Эгей, милая! Быть тебе, выкормошка моя, общаковой, поихнему пролетарской. Ну так, чего молчишь, ахвицер? Два раза не прошу, сказывай!

— Ага, задела тебя, старый, голытьба на наряде! Что былое шарошить через столько лет после Брестского мира? Позор армии и Романовым. Соль на раны солдатам и горечь поминок вдовам с сиротками. Братьев в гражданскую били, сабель и свинца не жалея. Махно недавно читал: столярничает «анархист бакунинского-кропоткинского толка» в Париже. Бедовый крестьянский сын был батько, в когорте первых орден Красного Знамени получил… Басмачи снова на скакунов сели. Гордости и коварства у воинов Аллаха не занимать…

— Ты мне голову не морочь, — сворачивая в Горбатый ров, злобно крикнул дедок. — Твои речи завсегда к одному — хоть

пьяный, хочь тверёзый: «Позор России»… Мало, что ль, достойного славного???

— Раскулачивание, отец, как есть, для лучших крестьян — плаха. Сызнова воротить время не сможем, поздно уже — «продразвёрстка». Я тебе объяснять ничего не буду, у тебя братцы не промах. Считают, отстреливать «красных баринов» надобно, за единоличность гутарить, середняка, и других, кто с умишком, приблизить. Там — десять, здесь — двадцать, а ежели по губерниям тыщи недовольных слово и силу заимут, несдобровать грабителям Церкви Русской. Попомни…

Перед въездом в ручей скрипучий ходок подбросило на сочной, ещё зелёной кочке, да так шибко, что заговорщик-дед чуть не прикусил язык. Вспотевшая, дышащая паром Вьюга натянула вожжи, и как вкопанная застыла посреди русла, склонив красивую, с белым пятном на лбу, голову. Кобыла неспешно пила студёную воду, позвякивая удилами и скрипя орнаментным хомутом. Ездоки молчали, думая, о чём думают больше всего — о жизни, пока ломкая шуга, крошась, цеплялась за берега…

В розовых сумерках они подъедут к Погорельцам, обеспокоенные лаем дворовых собак, причитанием Глафиры Кузьминичны и беспрерывным рёвом детей. Дико мычали встревоженные чем-то коровы, почему-то на улице бегал несмышлёныш-жеребёнок. Ощущение творящегося хаоса, бедлама дополняли неистовым гоготом перелетавшие забор гуси…

Скрябин давно готовился к встрече, чувствуя, что когда-нибудь его всё равно загребут, не так, так по «соседским бумажкам» — бдительным доносам сверхбдительных граждан. Борцы за народную справедливость на этот раз заехали со двора, смяв копытами огород, очевидно, решив застать хозяина усадьбы врасплох. Так и вышло, но его с утра не было дома…

Сотрудники группы захвата, зная Бельдяжкина в лицо, сразу, не обращая на него внимания, затребовали документы у попутчика. Тот молча выдернул из сена обрез и разрядил его в двух оперов, стоявших рядом. Паренёк-комсомолец, помня инструкцию, выстрелил в убийцу, бросившегося на него врукопашную.

Пуля попала экс-поручику в горло. Он захрипел и, падая, вцепился в грудь своего противника.

Дед Игнатий, зарычав, как медведь, кинулся на помощь, но помогать было некому. Вредитель и враг общества был мёртв, но и в мёртвых глазах светилась ярая, фанатичная непримиримость.

Замахнувшись охотничьей финкой, старичонко неуклюже прыгнул на испуганного парня, ударив его в живот…

Грохнул выстрел. На крыльце, непонятно чему улыбаясь, стоял старший уполномоченный группы товарищ Каток, сдувая дым со ствола «маузера».

— Раскулачили, право-троцкистское падло, — хихикая, сказал он, раскуривая трубку. Глядя на него, спасённый им юноша упал на траву, рвал её руками и тихо смеялся. Через минуту его вырвало.

Двинулся молодой чекист рассудком, и десятилетием позже, когда сгинул при освоении вечной мерзлоты род Бельдяжкиных, он мучил шизофреников в психлечебнице мемуарами «Опыт раскулачивания в СССР»…

Сентябрь 2001 г.
Орёл — Воронеж — Тамбов,
«Путевые заметки».

Рисунок Олега Маслова, члена Международного Художественного фонда.

В ПОЛЁТ В БЕССМЕРТИЕ

«Россией правят не «белые» и не «красные». Россией правят бюрократы. Это многоликие оборотни. С утра он — «демократ», в обед — «коммунист», к вечеру — «патриот». Под этой маской — обычный хапуга и взяточник», — таково наследие мыслесложения, гражданская позиция новочеркассца, шлифовальщика, выпускника Рязанского училища ВДВ, генерала Александра Ивановича ЛЕБЕДЯ

57 107

АДМИНИСТРАЦИЯ
Красноярского края

660009, г.Красноярск, пр.Мира, 110
Телетайп: 788233 ЭСКИЗ ••
Факс: (391-2) 22-11-78, 49-33-02
Телекс: 288152 KRADM RU
Телефон: 49-30-26

302030 г.Орел,
Новосильский пер.,
д. 4, кв. 59
Рассохину В.В.

~~24.01.2000~~ № ~~1-41-12794~~

На № _____

Уважаемый Виктор Васильевич!

Искренне благодарен Вам за книгу Ваших стихов «Последняя дуэль» и за статьи. Как читатель нахожу, что стихи искренни и полнозвучны, они просто не могут оставить равнодушным.

Ваша гражданская позиция вызывает безусловное уважение и еще раз подтверждает истину о том, что «поэт в России – больше, чем поэт». Вместе с Вами надеюсь, что наш народ преодолеет все сегодняшние и завтрашние проблемы, и в конце концов займет подобающее место в ряду развитых стран мира.

Желаю Вам здоровья и дальнейших творческих успехов.

С уважением,

Губернатор края А.И.Лебедь

Никишина Людмила Айзиковна
(3912) 49 31 05

Ветеран Афганской войны, прошедший путь от командира взвода до командующего армией, награждённый орденом Красной Звезды, отличник военакадемии им. М.В. Фрунзе видел зло в схеме «взятка — чиновник — карман» и ратовал за оперативную реализацию своей программы «взятка — чиновник — тюрьма». Бывший командующий 14-й армией в Приднестровье, секретарь Совета Безопасности РФ на начальном этапе чеченско-российской войны не с бандитами, а с мировыми военно-финансовыми силами воинства Аллаха, говорил, что в Чечне «надо воевать одним полком. Полком кремлёвских детей». Своим активным участием в обоих кровавых конфликтах он лично в короткие сроки погасил самоуничтожающий огонь противостояния, очаги новой гражданской войны, за что ему благодарны тысячи уроженцев бывшего СССР. А он вынужденно уволился в запас…

Мы обязаны помнить, что при прогрессировании теоремы случайностей возникает цепь трагедий, переходящая (в политике) в закономерность физического устранения неугодных лиц. На примере новейшей истории мира элита и толпа так или иначе сталкивались с катастрофами, в которых были уничтожены редчайшие личности, авторитеты наук и искусств, выдающиеся подвижники религии и техники, поставившие свою жизнь на благо служения справедливости, добру, честности, Родине, планете и народу.

Лебедь погиб, как и подобает птице Свободы — в воздухе. Однако он ушёл от нас на боевом посту — в рамках и полномочиях очень сложной должности губернатора Красноярского края. В мире пернатых лебедь — символ благородства, верности и товарищества, вечный странник и знаток географии родного края, в людском понятии более значимый, чем голубь. Лебедь в облике человека, современника, друга, генерала и гражданина, отдавшего голоса Б. Ельцину (слабохарактерно сложившему полномочия Президента (!) в пользу В. Путина), навсегда останется в памяти и сердцах, как символ флагмана, живущего ради свёртывания братоубийства, национальной и религиозной ненависти, считая, что войны ведут слабые, а сильные их не допускают…

Я дружил с Александром Ивановичем, и мне, как и многим другим представителям русской интеллигенции, все эти годы за державу было обидно. Сегодня мой долг опубликовать слова заслуженного военного и государственного деятеля, адресованные лично мне в одном из его красноярских посланий, ибо неизвест-

ные строки из его жизни неизбежно докажут соотечественникам кровную свободолюбивость людей Свободы.

То, что произошло с вертолётом губернатора, даст почву для рождения грязнопотоков и суперелейной лжи как кормящейся жареным прессы, так и манипулирующего драгметаллами и нефтью ближайшего окружения. Вероятно, смакует победу двуликий «друг народа» и «борец за его счастье» Быков, мало ли что возможно… Но могут ли быть норильские недра драгоценнее богатств высокопорядочных человеческих отношений? Почему В. Путин в недавней поездке по краю не встретился с бывшим претендентом на президентский пост и вычеркнул его имя? Разве страна не удивилась немым теленовостям? Ответ, если придёт, опубликуется через десятилетия; «чёрный ящик», как и вахтенный журнал атомохода «Курск», перед нами не вскроют. Так вспомним же сегодня добрым словом Александра Ивановича Лебедя, никогда не пресмыкавшегося перед властью, говорившего правду, выполнявшего, что обещал, защищавшего Родину и интересы народа, любившего жену Инну, двух сыновей и дочь до туманного утра 28 апреля 2002 года.

* * *

Скажите, кто не любит славу?!
Но, зная, что она тонка,
Сказал: «Обидно за Державу...»
И боль свою унёс в века.

г. Орёл, 29 апреля 2002 года

РЯДОМ С ГЕРОЕМ

ЗАМЕТКИ О ТВОРЧЕСТВЕ ОРЛОВСКОГО ПОЭТА ВИКТОРА РАССОХИНА

Рано или поздно каждый берётся за перо, если это только не любопытство, а судьба, рано или поздно ставит вопросы: зачем писать? О чём писать? И как писать? Вопросы далеко не праздные. Они мучат и жгут. Это даже и не вопросы, а состояние души, процесс роста её, сложный, нередко противоречивый и болезненный. Но он необходим, ибо это процесс рождения личности. Её неповторимости.

Нередко у одних он затягивается на годы, других обходит совсем. И тогда мы видим не литератора, а пусть и искусного, но имитатора. Виктора Рассохина он не обошёл.

В первой книге стихов «Капель», в основном пейзажной, есть немало строк и строф, которые остановят внимание любителей поэзии: «Ручьи проклюнулись из снега, А солнце — бойкая наседка, ведёт звенящую семью…», «Лодки ждут разлива, как доброй вести человек», «Сова почти не знает неудачи, процеживая ночь через глаза». Или незатейливый, но близкий душе эскиз о речке: «Лопочет своё — Воробью по колено, Кустарник её не пускает из плена. Но в эти излуки, где ивовый шелест, пудовые щуки заходят на нерест».

И всё-таки это была лирика рассветов и закатов, времён года, шелеста трав и щебетания птиц, не освящённая своей судьбой, т. е. лирика, в сущности, нейтральная, которую можно в изобилии встретить почти в каждом сборнике стихов.

Во второй книге «Золотая кувшинка» пейзаж обретает большую конкретность, он как бы уплотняется деталями быта, и через них автор стремится сказать о человеке, о сложности его судьбы, о его месте в мире, но это не всегда ему удаётся. Отсюда и горькое признание: «Порою словом не опишешь происходящего в судь-

Редкое откровение освободителя Орловщины автору книги.

бе. И вроде слух есть, а не слышишь второго голоса в себе…»

В «Золотой кувшинке» опубликована и одноимённая поэма, посвящённая Левитану. Поэмы, надо сказать, не получилось. Это цикл стихов о знаменитом художнике. В стихи на материале прошлого вошли судьба человека, проблемы добра и зла, подлинных и мнимых ценностей. Строка задышала страстно. Не умозрительные ассоциации, а конкретный быт, движение души стали основой её. Отсюда тональность его поэзии, тема её. Тональность — публицистичность, тема — искушение бытом.

Мотивы не новые, но важные и необходимые, то русло современной поэзии, ярким представителем которой является Евгений Евтушенко. Основная направленность её — непримиримость к равнодушию, бездуховности, в чём бы они не проявлялись.

В книгах «На ветру», «Тропинка» мы встречаемся и с отдельными людскими судьбами.

Вот перед нами стихотворение «Мать». Вечная труженица, из тех, кто под любыми бедами гнётся, да не ломится, кого в народе называют двужильными. Сложная, суровая пора выпала на её долю. Война, разруха, многодетность, раннее вдовство. Это Дарья Твардовского с её «трудоднём пустопорожним». Виктор Рассохин не повторяет великого поэта, а в том же русле, русле правды и боли даёт через быт и психологию героини и жизнь её на пределе возможного: «Сколько рёва, сколько крика было в маленьком дворе. Мать тянулась повеликой. То к скоту, то к детворе… Сколько раз бросала свёкла в крепкий обморок её, и не раз до нитки мокло всё нательное

бельё… Всё отдала она детям, людям, земле. «Где любила и мечтала, где спасалась от грозы, где и ростом меньше стала от работы и слезы».

Но ушли годы, покосилась хата, угасли силы. И вот — «в город сын её увёз». А там вместо сердечности и уюта — ледяная враждебность невестки, бывшей милой девушки, а сегодня ярой мещанки, вросшей в сверхмодный гарнитур.

Обидно, горько, скорбно. И имя этому явлению — бездуховность. К сожалению, она поражает не только отдельные души, а властвует над многими и многими. В стихотворении «Хрусталь» даётся психология толпы, породившей за хрустальной посудой не очередь, а давку, где «глаза пронзительно блестели, мельчал до брани разговор». И не случайно в этом измельчённом отношении, в остервенелом устремлении ухватить скорее и побольше чуть не задушили человека. Факт, может быть, и редкостный, но чрезвычайно выигрышный для стиха: «Дышала женщина чуть слышно, едва губами шевеля. И чуть душа её не вышла за мелодичность хрусталя. Когда затихли пересуды, Толпа пошла на зов стекла, Как будто век из той посуды она и ела и пила».

Что и говорить, картина тяжкая. Поэт ставит острый и больной вопрос нашего времени. Откуда и почему у наших людей появились вельможные желания, желания прямо-таки фамусовского представления: «на золоте едал». И нельзя не согласиться с ним, что «чванство», будь оно чиновное или бытовое, явления одного порядка — мещанства, суть которого в одном инстинкте — потребления и истребления. В стихотворении «Редкий случай» мальчишку, зашедшего в сад, среди зелени, шелеста, аромата яблок встречает выстрел. «Надломленные белые ромашки. Он лежал, ворочаясь во рву. Из набухшей клечатой рубашки Высыпались яблоки в траву…»

Поэма «С восходом солнца» из новой книги поэта, вышедшей в прошлом году в Приокском издательстве, — первая крупная работа В. Рассохина. Да и не только его. В сущности, это и первая попытка орловской поэзии понять в большом жанре сегодняшний день деревни, особенности его развития, устремления человека земли. Проблема крайне важная. Тем более, что как-то так случилось в боль-

Александр ЛОГВИНОВ — кандидат филологических наук, преподаватель Орловского института искусств и культуры, член Союза писателей России

шинстве своём, что и поэзия, и проза говорят о болях села двадцатилетней, а то и тридцатилетней давности. Но эта тема иного разговора. Отсюда и особый интерес всмотреться в картины, нарисованные поэтом. Первое впечатление — достоверность. Боли и радости героев — это боли и радости его души.

Чувствуется, что деревню он знает не понаслышке, что детали жизни и мысли о них копились годами. Перед нами довольно многоликое и пёстрое течение жизни села. Здесь расхлябанность и равнодушие одних, убеждённость и упоённость «властью земли» других. Да, проблем социально-экономических, нравственно-психологических, проблем, копившихся годами, и проблем, которые ставит день завтрашний, на селе немало. Но через всю их сложность, порой суетность и неуютность быта всё увереннее звучит одна нота — нота бодрости, нота уверенности в судьбе человека. Она и в азарте работы, и в одержимости бригадира (главного героя поэмы) быть необходимым людям, и в осознании молодыми чувства ответственности за судьбы родного края. Пожалуй, это и наиболее важное в работе поэта.

Вместе с тем она откровенно говорит, как сложно идёт освоение большого жанра. В поэме немало хороших страниц. Но как быть вот с этим: «Фёдор Павлович, вот спасибо! Собирались вам бить челом. — Как здоровье? Без перегибов? Не пугаешь народ кнутом?..»

К сожалению, таких мест тоже немало. Что это, как «не езда со спущенными вожжами», по определению Твардовского, выведшего горький урок на основе своих ранних поэм. Подобный упрёк можно отнести к стихам, где публицистический накал переходит в фельетонный мотив. И тогда начинают провисать строки, становятся необязательными образы. И как здесь не вспомнить непреходящее положение В.И. Ленина, высказанное им по поводу поэзии Д. Бедного, что надо быть не позади читателя, не рядом с ним, а впереди. Да, публицистика должна обладать особо напряжённой и масштабной мыслью. Только тогда она достигает подлинного успеха.

Нужно сказать, что многие стихи В. Рассохина заслуженно пользуются вниманием читателя. Известна аксиома: чтобы понять поэта, надо его послушать. Мне приходилось видеть В. Рассохина среди различнейших аудиторий, замечать искренность переживаний слушателей. Вспоминается любопытный эпизод. Шло выступление среди колхозников. Присутствовал и сам председатель. Прозвучало остросатирическое стихотворение «Баня». Как на грех, бани в колхозе не оказалось. Смущённый, в общем-то неплохой, председатель дал твёрдое обещание сельчанам, что баня будет построена. Реальная действительность стиха! Подобной действенности поэтического слова и хочется пожелать поэту в его дальнейшей работе.

«Орловский комсомолец»,
24 мая 1986 года

БАНЯ

Быть в парной — обычай древний,
Любит баню человек.
Если бани нет в селенье,
Значит там — пещерный век.

Сотня брёвен — вся отрада.
Здесь не нужны терема.
Бане — золота не надо,
Баня — золото сама.

Кто б ты ни был — пыльный, потный,
Пас коров, пахал ли клин —
Отмывает люд работный —
Пляшет пламечко вдоль спин.

Слышишь — кожа заскрипела
От берёзовой листвы.
Значит, хворь ушла из тела,
Дурь ушла из головы.

Для ребят неугомонных
Наступает благодать:
Девок, паром раскалённых,
Как в снегу не повалять?!

Там сосед соседку за бок
На тропинке узкой взял,
А уж бабы, а уж бабы
Лупят смехом наповал:

— Всё поведаем Настюше!
— Ишь, взыграл, как молодой!
Сами, ангельские души,
Рады вольности мужской.

После бани — жёны слаще,
Откровеннее мужья.
Даже тёщи как-то мягче
В отношении питья.

Стопка свойской иль казённой —
По желудку — огоньком…
Разговор не пустозвонный
Возникает за столом.

Я кричу тугим на ухо,
Отрастившим животы:
Баня — храм культуры духа,
Наготы и чистоты.

И смешны порой ответы
Тех наставников села,
Что для бани — нету сметы.
Смета есть! Нужна метла.

Непрактичным, нерадивым,
Вросшим в личный кабинет…
Я считаю несчастливым
То село, где бани нет.

Под мочалкой, под пареньем,
Будь здоров, кому не лень…
Пахнет лишним воскресеньем
Благодатный Банный день.

С картины А.М. Герасимова
«Деревенская баня». 1938 — 1956 годы

Через лес

В кровати было душно и жарко. Её расслабленное тело остро пахло растёртой черёмухой, а сон был так сладок и крепок — буди сейчас и не разбудишь. Он лежал с открытыми глазами, наблюдая как на полу мало-помалу удлинялись пепельно-жёлтые квадраты света, идущего поверх голубых миткалевых занавесок. Часы стояли. В полуоткрытую кухонную дверь было слышно, как шуршала старыми обоями мышь, то поднимаясь вверх, то сползая.

Огонёк папиросы оранжево-красно вспыхивал, когда он затягивался, и тут же гас, когда сосредоточенно и спокойно приходилось выпускать дым.

— Улица, должно быть, разошлась… Кто с Журавлихой по-

шёл? Ребята вокруг неё табунятся всегда. А хороша — спасу нет. Меня не подпускает на выстрел. Промеж девчат кобелём величает. И права, шельма!

Среди деревенских красавиц она давно не давала ему покоя. Он искусывал губы, если кто-либо на кругу возле речки танцевал с ней весь вечер, пачки папирос не хватало, если кто её провожал, не находил себе места, если вдруг с чьего-то болтливого языка срывалась пустая, но будоражащая его шутка: «Зинка выходит замуж!»

Он был как бы тайным её хранителем, и было бы жутко, если бы она вдруг исчезла из его поля зрения.

— Наверно, целуется… Конечно! — ответил он сам себе. Кого ждать? Однажды забудется и… пропала девка.

Он затянулся глубже, и над лицом заалело слабое зарево.

— Шура, мне пора… — растолкал он молодую вдову. — Закройся!

— Побудь! — притянула она его к себе. — Воскресенье ж сегодня… Уйдёшь через двор. Провожу до нашей полянки. Помнишь?

Груди её раздвоились, и его правому боку стало тепло от их прикосновения.

— Приду, Сашенька, вечером. Приду. Отдыхай. Петухи голосят, вёдра вот-вот загремят. Люд-то какой? Ни тебе, ни мне ходу. А вдруг ничего не получится между нами…

— Ну, иди! — резко, с обидой одёрнула она, поправляя сорочку и сонно ища точёной ногой туфли у кровати. В сенцах не выдержала, поцеловала, посмотрела в приоткрытую дверь: тихо… и опять повисла на нём.

Он быстро пересёк освещённую часть улицы, чуть ли не по щиколотки утопая в остывшей пыли, кое-где прибитой влажностью ночи. Чёрные, с испариной, плетни бросали фиолетово-сизые тени, а над ними стоял густой аромат цветущих яблонь и вишен, через толщу которого, казалось, пройти было трудно. Но вскоре запах отстал, и свежая темень леса поглотила позднего путника. Узкая тележная дорога бежала весело вниз. Глубокая колея напоминала две широкие ленты грифельного цвета. Лунная просека разделяла лес надвое, и тень одной стороны уже начинала переходить в другую. А как легко дышалось в этой уединённости, не чувствовалось никаких шорохов, таинственных криков, страха…

Была молодецкая уверенность, гордость от обладания льнущим только что оставленным упругим женским телом, довольная улыбка и сияние распахнутых глаз, которую он даже чувствовал.

— Что бы я на кругу делал? Убил бы вечер. Да бельмом был бы на сотне глаз…

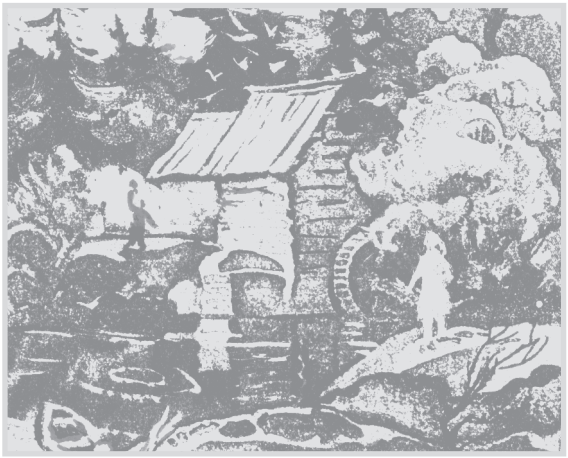
Низина остро ударила прохладой. Тяжёлый голубовато-беложёлтый туман остался позади, но отдельные его нити тянулись, как паутина, за плечами. Пиджак стал чуточку волглым. А на подъёме волна тёплого воздуха охватила всё его существо. Показалась опушка, лозняк, шарообразный от густоты, разросшийся по луговине, где, шириною в сорочий скок, едва слышно тикал родниковый ручей. Рядом, прозрачно и звонко, трелью закатывался соловей, дробя её то на выщелк, то на присвист. Звуки так были отчётливы в предрассветной тишине, что их можно было, пожалуй, собирать по одному, как собирают землянику в стеклянную банку.

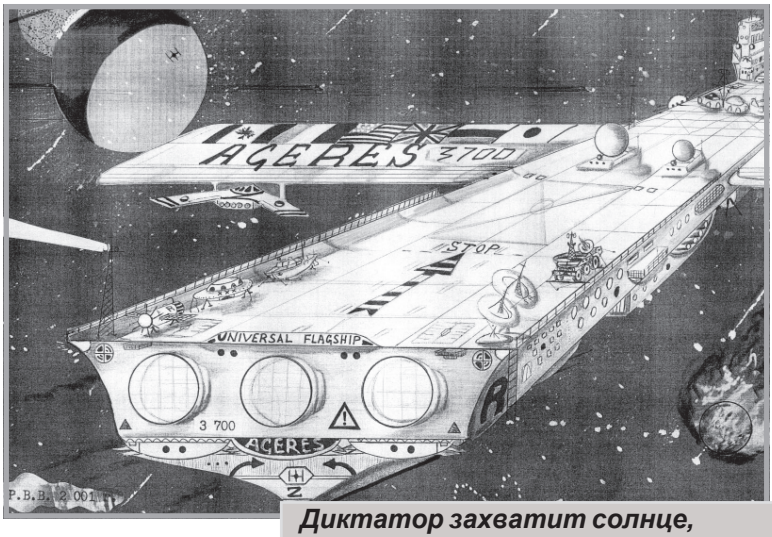
На цыпочках, бесшумно подкрался он к певцу. Куст весь трепетал, даже не верилось, что одна невидимая пичуга может так околдовать всё.

— Где он? Где? Ведь сроду не видел! — вертелось лихорадочно мысль. А трель нарастала, била по каждому нерву, до шума в ушах толкалась в сосудах кровь, трогала что-то глубинное.

— Журавлиху бы сюда!!

С кем же она целовалась, зараза?!





Диктатор захватит солнце,
Марионетка — лучик,
Слабейшему остаётся
в страхе от войн дрожать...
В недрах лабораторий
столько учёных лучших;
Думайте о Вселенной,
Как о ребёнке мать!
«Шапка Мономаха», 1992 г.

UFO — они же НЛО

Около двух с половиной тысячелетий звёздное небо волновало умы философов, учёных, гадателей-магов, жрецов и шаманов, чудаков-мечтателей, простонародья. Развитию и крушению древнейших цивилизаций издревле сопутствовали удивительные природные явления, которые, обрастая с годами мистицизмом, параллельно возводились в ранг сверхъестественных сил, становились основополагающим составляющим всех известных ныне религий.

Космические часы имеют свой ход, а нам представляется, что в небесах волшебная идиллия. В обывательско-порочном круге современности мы забываем, что мистические черты всеобъемлющего вакуума, грандиозно бездонного Ничего — космоса могут материализоваться и представлять угрозу всему живому. Ведь во Вселенной никогда не было и не будет покоя — она живёт по круговоротному закону жизни и смерти, образует новое, уничтожая старое...

В истории народов пяти континентов и быте островитян морей и океанов с незапамятных времён, несмотря на жестокие условия естественного отбора, бесконечные войны и ландшафтные катаклизмы, остались драгоценные крупицы фольклора, повествующие о необъяснимом.

Вспомните: огненные птицы и колесницы, слуги Бога Солнца Ра в Египте, драконы и летающие змеи, циклопы, русалки и жар-птицы, пропавшая Атлантида, истуканы острова Пасхи и японские нэцки. А ещё поищите материалы о рисунках в пустыне Наска и о Бермудах, поинтересуйтесь сказаниями и астрономическими познаниями египтян, ацтеков, майя, инков, догонов, англосаксов, готтов и русичей, легендами и мифами народов Крайнего Севера, Тибета, Индии, аборигенов Австралии и Океании. Представьте, сколько негласных табу, передаваемых из уст в уста, унесли с собою хранители загадок!

По прошествии веков изменялась природа, а вместе с нею и её главное совершенство — гомо сапиенс, уже тогда безнаказанно убивавший себе подобных. Мир механики предоставил Человечеству слишком многое, одновременно истребляя его на земле, в небесах и на море. Географическая ущемлённость, скудность природных богатств либо их излишек под убойными перлами идеологий двух полушарий привели собратьев по планете к двум мировым войнам, локальным конфликтам, к расизму и к нездоровой погоне за вооружениями всех видов, в основе своей рождённых на примитиве — трении. Примечательно, что на каждом витке противостояний между нациями и религиями возникали всё те же «пламенные колесницы», правда, под другими, соответствующими времени названиями (шар, диск, зонд, звездолёт).

Не будем приводить здесь конкретных примеров, галлюцинаций, экстрасенсорного шарлатанства, прямых провокаций и массы контактов землян, раскрывающих или фальсифицирующих внеземной абсолютизм покорения космического пространства ино-

земным, т. е. необъяснимым. В своё время это достаточно философски проделывал самиздат. Чуть позже, хотя и подцензурно, в торжество истины над здравым смыслом и раскрытие уфологических тайн привнесли дискуссионная оригинальность, научно-популярная периодика и специализированные издания ограниченным тиражом. Интеллектуалы себе на уме оставались под «телескопом» фискалов, крадущих у них энергию.

Но если секрет-архивы Германии, Франции, Англии и США что-то и приоткрыли согражданам, то в Отечестве, не чтущем пророков, настораживает давняя акция молчания. Очевидно, постсоветские СМИ делают ставку на многопартийность, национальную травлю, гротесковость ума при безденежье, наглый атеизм и скоморошество переметнувшихся в веру. Спрашивается (думаю, тысячами): «Неужели на огромной территории России ничего не падало и не происходило после взрыва Тунгусского метеорита? Пресса писала немало, а три президента весьма упорно молчат. С чего бы это? Нонсенс!»

Понимая, что будоражить общественное сознание в век «терпения и примирения» (при войнах) чревато, обратимся к документам — рассекреченному в 1974 году меморандуму Президента США Ф. Д. Рузвельта от февраля 1942 года. В памятной записке, направленной ему 25 февраля, говорилось, что в этот же день в ночном небе Лос-Анджелеса маневрировали на разных скоростях неопознанные летающие объекты с поразительными техническими возможностями. Гремела война с Германией и Японией, и первая версия военных и гражданских сводилась к новому чуду — оружию стран «Оси». Однако глубоко поражает тот факт, что при скорости аппаратов от 0 до 360 км/ч их не сбил ни один их 1430 снарядов, выпущенных янки по «неопознанным самолётам»! О вертолётах — массовых геликоптерах — тогда не могло быть и речи, а объекты, летая «очень медленно», остались невредимыми.

Гиперпараграфами в феномене НЛО (англ. UFO) стоит не только тип энергетической установки, вид топлива, жизнеобеспечения и т. д., но и их способность к мгновенному изменению траектории полёта с горизонтальной на вертикальную, а также бесшумность. Сюда же относятся трансплантация на глазах очевидцев, помехо-давление на радиолокационные станции, появление в толще воды с диапазоном скоростей, не имеющим аналогов в машинном и живом мире. Предполагается, что НЛО в движении окружены плазменной оболочкой, но отражение радиоволн от неё

говорит о том, что пришельцы могут перемещаться всего лишь... в искусственно создаваемом вакууме...

Любопытная история случилась с американскими ВМС в годы военно-морских кампаний на Тихом океане, причём с завидным постоянством она повторялась как с надводными кораблями, так и с субмаринами. Яркие точки систематически появлялись на экране индикатора, а затем, словно «камикадзэ», шли на таран обнаружившей их цели. Ни одна из созданных человеком плавединиц не могла уйти от «атаки» сверхмобильного противника. Когда экипаж уже молился о спасении своих душ, в момент столкновения, считавшегося неминуемым, точка пропадала с экрана, как призрак. Это неординарное явление окрестили «Нансэй-Сото» — скачущий призрак...

После Второй мировой войны активность НЛО ничуть не ослабла. Наоборот, она достигла своего апогея, увенчавшегося двумя катастрофами «летающих дисков» летом 1947 года. Американцы, наследники проектов ракетно-космической техники авторства Шривера, Габермоля, Шаубергера, Брауна, Годдарда, вполне возможно, владельцы спейс-архива «Зондербюро-13», действовавшего в «Операции УРАН» (конец 40-х годов), оказались в состоянии истерии, будучи не готовыми к фактическому приёму тех, о ком позднее будут снимать кинофильмы С. Спилберг и С. Кубрик. Многие вопросы навсегда повисли в воздухе, но ответы на них знают единицы госдеятелей, целенаправленно искажающих историческую достоверность фактов.

Задолго до появления на экранах шедевра «Ангар-18», документального фильма о вскрытии погибшего гуманоида, и последующих за ними фальшивок начальник Управления материально-технического обеспечения ВВС генерал-лейтенант Н. Туайнинг, один из руководителей Розуэллской операции, отправил командованию ВВС «Точку зрения Управления о «летающих дисках». В документе от 23 сентября 1947 года безоптимистично сообщалось:

«1. По запросу AC/AS-2, сообщаем точку зрения Управления о так называемых «летающих дисках». Выводы основываются на данных, представленных AC/AS-2, и на предварительных исследованиях сотрудников Отдела Т-2 и лаборатории летательных аппаратов Отдела Т-3. Эта точка зрения сформулирована на совещании сотрудников Авиационного технологического института, Отдела технической разведки Т-2, начальника Отдела механики и представителей лабораторий по изучению самолётов, двигателей и винтов Отдела Т-3.

2. Сформировано следующее мнение:

а) сообщаемые феномены действительны и не являются плодом галлюцинаций;

б) существуют объекты, имеющие примерно форму диска и размеры самолётов, изготовляемых людьми;

в) можно допустить, что некоторые из наблюдавшихся случаев вызваны природными явлениями, в частности, метеоритами;

г) отмеченные характеристики (обозначены выше. — Р.В.В.);

д) чаще всего наблюдаются следующие характеристики:

— поверхность металлическая или из материала со слабым отражением;

— отсутствие следа, за исключением редких моментов, совпадающих, вероятно, с манёврами на сверхмощности;

— форма круглая или эллиптическая, дно плоское, вершина в виде купола;

— в основном отсутствие звука, в трёх случаях был слышен глухой рокот;

— несколько сообщений о полётах в геометрических формациях, включающих от трех до девяти объектов...

3. Рекомендуется, чтобы штаб ВВС отдал распоряжение о приоритете, о засекречивании темы и о кодовом наименовании...

4. В ожидании специальной директивы Управление материально-технического обеспечения будет продолжать расследование...»

Изыскания Пентагона призывали к пожизненному молчанию, но, как бы там в Новом Свете ни было, военным приходилось обращаться за помощью к специалистам крупных и мелких фирм авиационного направления. Среди них «Дженерал Электрик», «Аллисон», «Флэдэр», «Аллис-Чалмерс», «Локхид» и «Боинг», «Риэкшен Моторс», «Нортроп», «Вестингауз» и «Райт», «Ферчайлд», «Пратт-Уиттни», «Лайкоминг» и «Маркуардт». После «Розуэллского инцидента» в штате Нью-Мексико на «страну демократии» спустилась лавина «драконовских мер» по отношению к свидетелям, прессе, отдельным исследователям. Были предприняты экстренные «финты» по полному искоренению паломничества и слухов. Дополнительно к ажиотажу от расследования было отстранено ФБР во главе с асом слежки и дознания Э. Гувером, вскоре признавшим, что «летом 1947 года в США потерпели катастрофу две летающие тарелки». ВНИМАНИЕ! Когда лидер «холодной войны» Гарри Трумэн не находил себе места, опасаясь инопланетного нашествия, в дни создания архисекретного аппарата операции «Мад-

жестик-12», на население страны рухнули тонны газетно-журнальной и телерадиовещательной дезинформации. Не любит правда пышного церемониала — чужда ей прыткость испокон. А при человеческой кровожадности, глупости и невежестве её и поныне не вобьёшь в закон любой из поправок к Конституции. Героев же сметали с хайвея магистральными «Кэнвортами» и «Макками»...

* * *

Эпоха летит быстрее НЛО, потому что каждая жизнь пульсирует во времени, игнорируя всякие изобретения и достижения, по причине отнюдь не гравитации, а вечности времени. Через полвека, согласно якобы свободе мысли и информации, она же отпускается дозами повсеместно от Северного Полюса до Антарктиды, по экватору и поперёк него. На фоне глобализации вплоть до Программы СОИ, гибели атомоходов и аварий на ядерных электростанциях, озоновой беды, нефтяного шантажа, религиозной злобы, землетрясений и цунами земляне незаметно для себя перечеркнули фантазию об угрозе планете извне. Незабвенный военно-морской министр, затем министр обороны Д. Форрестол, памятуя о двух трагедиях внеземного разума на Земле, только за один эпатаж «Нас захватили, мы в их власти!» — был выброшен из окна госпиталя с диагнозом «сумасшедший» (т. е. «чрезвычайно опасный»). Веро-

ятно, он в детстве-юношестве обчитался Г. Уэллса, «Война миров» которого при трансляции по всеамериканскому радио произвела проклятие прогресса и неслыханную панику. Тогда почему в пик депрессии его перевели с третьего этажа на девятнадцатый да ещё с открывающимися окнами? Поднимали ли космические вопросы Горбачёв с Бушем или Путин с Бушем-младшим? Что знает семейство Хрущёвых о галактических познаниях клана Кеннеди?

Большинство астронавтов, побывавших в лунных экспедициях, окончили триумфальную карьеру печально: монастырь, «палата № 6», институт обследования мозга, горькое фиаско в общественной и личной жизни, ранняя смерть. Ходили слухи, что они видели (и не раз!) НЛО, отпечаток «протектора» лунохода. Многие очевидцы полётов пришельцев удручают схожестью сюжетов-свидетельств, крайне боязливы даже на смертном одре, лгут родне, словно повязаны Омертой — обетом молчания. Некоторые из них часто рассказывают о «людях в чёрном» — тупоголовых верзилах устаревшего типа стиля 50-х годов, посещающих их дома на старых автомобилях, номера которых в списках не значатся. Директору Международного Бюро по летающим тарелкам (1953) А. К. Бендеру и одномоментно краснобаям из НАСА и Капитолия, без обиняков, есть что рассказать...

Дискуссия по проблеме НЛО безостановочна, содержит в себе каскад головокружительных гипотез, основанных не на пустом месте. Уфологические организации МУФОН (США), СОБЕПС (Бельгия), КУН (Италия), уважаемые «адмиралы» Вселенной — уфологи Австралии, России, Великобритании, Франции, Канады, Китая, Японии и Испании ведут сложную, важную и необходимую работу в целях приблизить Час Встречи, в которую верил сам Михайло Ломоносов. Запрещено забывать титанический труд наших современников — А. Кларка, Р. Брэдбери, С. Лема, И. Ефремова, А. Беляева, А. Азимова, М. Крайтона и многих-многих других подвижников науки и техники, ведущих за собой, как вёл за собой легендарный Данко. Факел Истины несли Э. Хемингуэй, Д. Лихачёв, А. Сахаров, А. Прохоров, отец и сын Кусто.

Перевооружая и бесконечно хламя нашу Общую Родину — Планету Солнечной Системы Земля, Человечество логически подводит себя к переделу Мира, — не дай Бог, третьей мировой войне. Самоистребление ради пресловутого «светлого будущего» или «места под солнцем» теоретически может лишить нас возможности стать равноправными жителями во Вселенной. Фактически

добровольное самоуничтожение действует без перерыва рычагами алкоголя, табака, гашиша, кокаина и мака, неизвестного ранее вируса СПИДа... Тема для докторской диссертации — смертоносность золота и драгоценностей...

Насилие, разврат, слабоволие и бесхарактерность, атрофирование патриотизма и любви к ближнему, утрата памяти и вещизм способны похоронить планетарный интеллект, воспитанный тысячелетиями. И кто же уверен в том, что тогда беспилотные НЛО тёмных сил пролетят мимо всего готового? Дисней-лэнда и Луна-парка они не построят!

Конечно, апокалипсные пророчества неприемлемы для слабонервных, привыкших смаковать телеинтернетные картинки под стеклом и без него. Оно и правда: важнее и выгоднее не поднимать глаз на небо и не мыслить о космосе, а бороться с международным терроризмом, устно плача о «МИРе» и проектах лунно-марсовых эпопей.

К вопросам UFO мы вернёмся с более весомым анализом позже, когда земное необъяснимое станет достоянием гласности. Как бы ни повернулась Земля на орбите, ответы на эти вопросы станут воистину грандиозными. Будущему встречать будущее! А на сегодня авторская рифма заключит нашу мини-одиссею:

Мы любим сполохи сенсаций,
Плохи они иль хороши.
Сложнее всех
цивилизаций —
Ц и в и л и з а ц и я души.

Уже и шарик облетели,
Луна —
с рисунком башмака.
А вот земное просмотрели,
Ограбили до волоска.

Декабрь 2001 г.
Орёл—Смоленск—Минск—Орёл,
«Путевые заметки».

СКАЖИ МНЕ, ДОМ...

ПОЭМА

- Здравствуй, близкий сердцу,
Здравствуй, милый Дом.
Вспомни о прошедшем
Времени лихом.
Окнами доверчиво
Посмотрел старик:
— Помню зимним вечером
Я твой первый крик.
А потом обрушилась
На плечи война,
Радость смята ужасом,
Мать с тобой одна.
Город взят фашистами:
Танки — у реки.
«Юнкерсы» — над крышами,
На улицах— штыки.
Смерть в приказах сулится.
Подчиниться велено.
На соседней улице
Семеро расстреляно.
Слежка за партийцами,
За родными, близкими.
С каменными лицами
Полицаи рыскали...
Вот сугробы мрачные
Круто спины выгнули.
Пестрый люд оставшийся
На расчистку выгнали.
Мать была застенчива,
Никогда не охала.
От зари до вечера
На снегу работала.

Не под страхом гибели
Мёрзла до озноба.
Как у сотен жителей,
В ней кричала злоба.
Еле слёзы сдерживая,
Волю дав мольбам,
Молоко сцеживала
С кровью пополам.

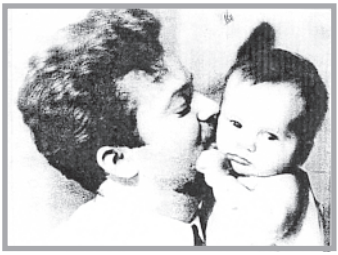
А ты кричал неистово
Продрогший и голодный...
За дверью фриц насвистывал
Какой-то вальсик модный.
Ему звеняще вторила
Гармоника губная.
Ты грудь сосал повторно —
А грудь была пустая.
Луна за тучи пряталась —
Оглушена стрельбою.
Раскаты в окна вкатывались
Волнами прибоя.
Наедине с потёмками,
Забыв об одеяле,
Засыпанные стёклами
Той ночью мы не спали.
Сквозь заслон карателей,
Через гарь и чернь,
Мать с тобою, маленьким,
Уходила — в День...

Скажу тебе, не сетуй,
Святая правда тут:
Печаль и радость детства
Лишь взрослые поймут.
Теперь живу блаженствуя,
Не знающий блаженства.
Не ухожу на пенсию —
Лекарственное средство.
Забот полно впридачу,
По горло суеты.
Опять таких же няньчу,
Таких, каким был ты.

Слежу за переменами
В общении с людьми.
Слушаю антеннами,
Чем озабочен мир.
А мир сегодня тучится
Ужель греметь громам?
Как хочется, чтоб лучшее
Цвело и здесь и там.
Чтоб в кровь вошла
доверчивость,
Чтоб жизнь была красна,
Чтоб уходила в вечность
Разбойная война.
Ведь мне не так уж больно,
Живым она больней.
И я кричу: — Довольно!
От имени камней.
Я, сделанный из камня,
Кричу безумцам, злой:
Быть не хочу расплавленным.
Быть не хочу золой!
Будь с нервами стальными,
Знай тех, в ком волчья злость.
Чтоб и с детьми твоими
Такого не стряслось.

В борьбе не знай усталости,
Вся соль земли — в борьбе...
— Мой Дом!
Спокойной старости
Желаю я тебе.

дер. Красная Рыбница.



ТИХИЕ ГАВАЙИ?

Пытливые потомки
Придут за нами вслед
Развязывать тесёмки
Позора и побед.

Ровно 58 лет назад, когда наша Родина обливалась кровью и потом, жглась от северных до южных границ потомками ливонцев-тевтонцев и Фридриха Рыжебородого, Императорская Япония, вероломно, сокрушительным торпедно-бомбовым ударом авиации под командованием вице-адмирала Объединённого Фло-

та Тюити Нагумо произвела страшный аверкиль (переворот) Тихоокеанского Флота США под флагом адмирала Хасбенда Киммеля. 7 декабря 1941 года — дата, незаслуженно политая «дёгтем» бездушья за удалённость военно-морской базы американцев Пёрл-Харбор (о. Оаху, Гавайские острова), никогда не подлежит забвению, несмотря на «второстепенные» трактовки историков периода «холодных» и «тёплых» войн.

Автор служил на Дальнем Востоке, неоднократно встречался с пленными самураями и не самураями, вел беседы с соотечественниками, ветеранами Хасана и Халхин-Гола, и в последующем ниже стихотворении лишь попытался частично восстановить ту диораму событий декабрьского катастрофичного апофеоза, что президент США Франклин Делано Рузвельт назвал на века Днём позора...

ZERO!

Гнетёт загадками война,
Хотел бы многое узреть я.
Через года, через столетья —
В Жемчужной гавани у дна
Ржавеет истина бессмертья...

И сквозь обломки кораблей,
Подводных лодок, самолётов
Нам как-то видится ясней
Судьба матросов и пилотов.

О, роковая полоса
С торпедно-бомбовым разгулом!!!
Кто знает, сколько тысяч душ
Пошли на пиршество акулам?..

А где-то в штате Мичиган,
Да и в Токийском главном храме,
Родительских не сгладить ран
Ни почестями, ни деньгами.

Контрразведчики ВМС Японии, консулы в Гонолулу Н. Кита и Т. Иосикава.

ПОМОГИТЕ!

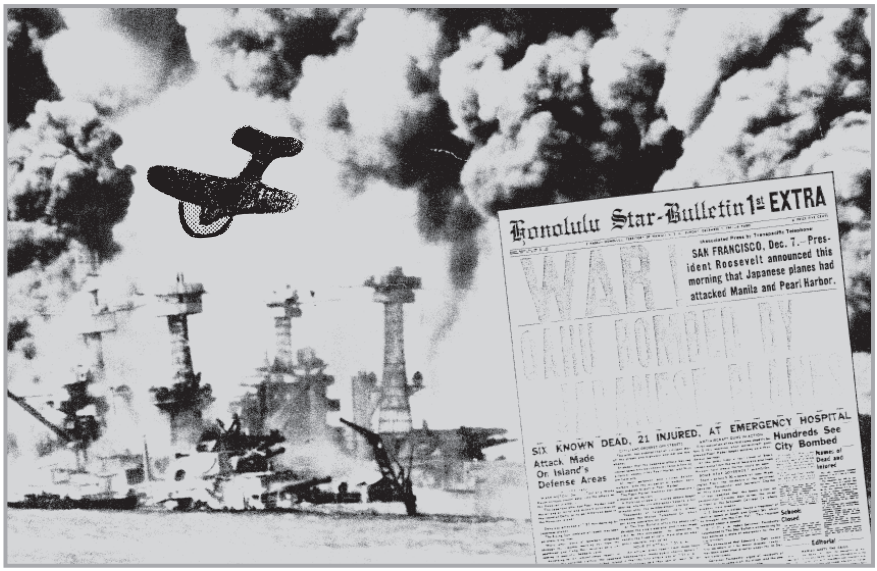
Идёт ли Солнце на закат,
Или опять восходит Солнце,
Оно притягивает взгляд
Американца и японца.

У нас не два их, а одно!
И с двух сторон — ребята в силе,
Да разве им идти на дно?
На берегу ещё не жили...

Мечты их в схватках сожжены,
И, не успев с песком смешаться,
Из океанской глубины
До нас стремятся докричаться.

И мы должны погибшим внять,
Пусть в каждом сердце крик их бьётся,
Что в солнце надо не стрелять,
МЫ ВСЕ НА СВЕТЕ — ДЕТИ СОЛНЦА!

1999 год.



ПО ЯГОДЫ

- Вот здесь... Лицо её засветилось, румянец пробежал по щекам да так запылал, что будь на полянке прохладно, можно было бы увидеть струйки тёплого воздуха, идущего от этого симпатичного лица.

Молодые кусты лапчатого орешника как-то уютно окружали золотой просвет лужайки, бело-розовые стволы берёз, нагретые и блестящие там, где не было бороздок в коре — усиливали ощущение уединённости и внезапно нахлынувшего трепета.

— Всё так же... Нет... Что я говорю?! Такого не было... Внизу, у ручья, без умолку били соловьи. Луна светила мне в глаза... И соловьи били не внизу. Нет... Они били во мне... В сердце.

Она подошла к старой шершаво-корявой берёзе, обняла, поцеловала её. Лоснящийся отонок бересты чуть потемнел от скатившейся слезы.

— Здесь мы стояли... Здесь он перехватил моё дыхание... Где ты, милый?! — Нервно вздрогнули её припухшие губы.

— Катюха! — прогремело почти рядом.

— Ай, в ягодах утонула? Давай сюда — рвать некуда!

Между деревьев показалась рослая фигура красивого парня с рассыпавшимся в разные стороны чубом, в голубой, переливающейся на солнце рубашке с короткими рукавами.

— Что, громче не можешь? — сказала она, поправляя ситцевое платье в крапинку.

— Ох, и гулёна! Так и норовишь улизнуть. Вся родня ваша такая! Подол на ветер держит...

Его всегда подсознательно тревожила и глодала мысль: «Почему первым не подошёл к ней, когда на кругу у реки, за белыми садами, светящимися в ночи, Катя дробью своих каблучков и статью всех сводила с ума?..» Фёдора обжигала мысль, гоняя кровь из края в край, что его драгоценную когда-то обнимал Колька Голубь и Димка Босой, которые теперь невесть где были на заработках и давно имели свои семьи.

В такие минуты Катя ловила злой и острый огонёк в его наливающихся глазах, понимала, что муж был прав, прав бесконечно, до еле заметного оттенка в голосе, где-то внутри, в глубине сердца, жалела его до того состояния, что скрываемая правда чуть ли не вырывалась из тайников её души... Но надо было жить. И, заключив в кольцо рук любимого, заглушила страстными поцелуями нарастающий ропот ревнивца...

— Глупый! А кто был пьяным от счастья? — и милая жёнушка, заразительно хохоча, увлекла его за собой навстречу белокурой дочурке, которая тоже бежала им навстречу, волоча по горячей пыли огромную куклу с немигающими синими глазами.

...Через неделю он уехал в соседнюю область достраивать ферму с шабашниками-хохлами. На третий день, неся садок с карасями, он был удивлён окриком почтальона. Молча щупленький мужичок подал ему телеграмму.

Когда он прочёл — у него оледенело нутро. Тесть извещал: «Федя срочно выезжай Катерину разорвало миной Зинулька у меня».

Упали караси. Нечеловеческий крик прокатился по логу...

«Работаю над большой поэмой о селе»

Среди некоторых бумаг хранится у меня одно письмо. Дата и место его написания: «город Орёл, ул. 2-ая Пушкарная, 26, 2. 03. 74 год». Написал его мне бывший учитель русского языка и литературы Редогощенской восьмилетней школы, а ныне член Союза российских писателей Виктор Васильевич Рассохин. Вот что он писал в своём письме ко мне:

«Здравствуй, Дима!

Получил твоё письмо, за которое очень и очень благодарен. Большое тебе, огромное спасибо, что ты нашёл время и прочёл мою «Золотую кувшинку», и не только прочёл, а прочувствовал общий настрой книги.

Твою рецензию я непременно положу в личное дело, которое я оформляю для вступления в Союз писателей. Рекомендации мне дали Е. Зиборов, С. Щипачёв, Л. Афонин.

Сейчас я работаю над третьим сборником, назвал его «На ветру». Предисловие к нему написал поэт Н. Агеев. В четвёртом номере журнала «Урал» (1973) было опубликовано моё стихотворение «В гостях», ожидаются публикации ещё в некоторых изданиях.

В новой книге меня в основном будут интересовать характеры людей, жизнь которых напоминает мне радугу, со всеми её цветами: красным, оранжевым, синим, голубым и т. д.

Мне это в стихах будет выразить **предельно художественно** (Прим. — выделено, автором) трудновато, но меня влечёт этот путь, путь психологического изучения открытой и замкнутой души героя, о котором хочу рассказать.

Кроме этого, работаю над большой поэмой о селе. Уже написал несколько глав. Урывками занимаюсь прозой, но это после. А пока — восприятие и накопление материала...»

«Большая поэма о селе», о которой писал мне В.В. Рас-

сохин из г. Орла 2 марта 1974 года, полностью вошла в его поэтическую книгу «С восходом солнца» и напечатана в Приокском книжном издательстве в 1985 году. Она так и названа — «С восходам солнца» и посвящена жизни русской деревни 60-70-х годов. Подзаголовок поэмы гласит: «Бригадирские будни». С помощью такого приёма поэт достигает широкого охвата деревенской жизни, расширяет спектр своего внимания, умножает явления жизни, которые захотел изобразить в своей оригинальной, самобытной поэме.

А она действительно обширна и многообразна. Для того, чтобы читателю легче было читать и запоминать её, поэт делит своё повествование на отдельные части и главы, которым даёт конкретные названия. Они как раз и служат определением, указанием на то, о чём говорится в поэме, т. е. дают краткое содержание её. Например, — «На зерноскладе», «Дома», «В полях», «Без перекура», «У кузнеца», «Поможем», «Пахота», «Посевная» и т. д. Главы же объединены частями, которых в поэме насчитывается три —«Заря сквозь сумерки», «На голос сердца», «Зов земли».

Написана поэма ямбическим размером, стихи её сжаты, просты, музыкальны. Каждое слово стоит на своём месте, в своём ряду и при чтении сразу же намекает на второе, нужное, уместное слово. Благодаря этому достигается гармонический, стройный склад стихов, глав и частей поэмы. Для доказательства этой нашей мысли трудно отдать предпочтение одного стиха другому. Все стихи и строфы поэмы хороши, они красивы и образны, их не спутаешь с другими. Тут каждый стих — «молодец», причём, «на свой образец», со своими особенностями и красотами. Так, например, Виктор Рассохин описывает пору сенокоса в русской деревне:

Сенокос начинается с вечера,
Когда нет ещё россыпи рос.
И мелодия слышится вечная —
Перезвон отбиваемых кос.
Сразу меркнут все звуки привычные;
Рёв бурёнок да скрип журавля...
И тиха в это время обычное
Разомлевшая за день земля.
Ну, а завтра — зарёю весёлою,
Ослепляя бывалых косцов,

Упадёт разнотравье тяжёлое
На немнущийся ёжик лугов.
Пусть хрустит оно сухо под вилами
И ложится в тугие скирды,
Лишь бы небо дождями и ливнями
Зачеркнуть не успело труды...

Слов нет, хорошие, прекрасные стихи! Такими сочными, образными стихами написана вся поэма Виктора Рассохина «С восходом солнца». Она поистине является справочником о жизни и занятиях крестьян. Прочтя поэму, сразу узнаёшь, чем живёт деревенский житель, который, по выражению В. Рассохина, принадлежит к достойному народу:

Куда ни кинь — народ достойный,
Он время меряет зарёй,
Хотя свои миры и войны
Ещё ведёт между собой...

В настоящее время В. Рассохин является ответственным секретарем Орловского отделения Российских писателей и живёт в г. Орле. Подготовил к печати шестую книгу стихов «Круговорот». Будем надеяться, что она и на этот раз будет хорошей.

Дмитрий ШЕСТАКОВ.
Газета «Сельские зори»,
8 июля 1992 года.

Все звуки мира

Летят измученные птицы,
Доверив жизни вожаку.
В. Рассохин.

— Собираю птичьи звуки,
Ими
книгу
населя.
Вот поймал синицу в руки,
Эх, поймать бы... журавля!*

* Журнал «Рабоче-крестьянский корреспондент № 1, 1969 год, Москва.

Николай КАЛИНИН

Пародии

«Вот и берег пологий и древний,
Вздохи моря сильнее слышны,
Тракторист из орловской деревни,
Как ребёнок боится волны».
(Виктор Рассохин)

г. Мценск.

* * *

«Раздевайся смелей, — говорю я,
Увлекая его за собой, —
Посмотри, я ж ничем не рискую,
Как со словом, играю волной».
А ему страшновато, бедняжке,
Под грибком он сидит сам не свой.

В сапогах,
в шестиклинной фуражке,
Мой лирический сельский герой.
В мыслях он на жнивье,
за лафетом, —
Это дело ему по плечу.
Или больше не буду поэтом,
Или плавать его научу!

БЫЛЬ

ТОК

Около пяти утра в квартире оперуполномоченного УГРО Саши Карпова раздался телефонный звонок.* Лейтенант кемарил после дежурства, не предполагая о нарушении его выходного дня.

Звонил сослуживец, майор в отставке Толя Барабанов, прозванный в народе «Спиннингистом». Но сейчас было не до блёсен и прочей премудрости подводной охоты по открытой воде. К счастью рыболовов, наконец-то двинул к середине зеркал первый лёд.

— Саня, привет! Звоню насчет леща, помнишь, на Курском озере нахлёстывали по перволёдью под лесом? — скороговоркой мормышечника басил в трубку Толик.

— Помню, помню, прокуратурец! Ты же знаешь, я больше на хищников любитель. Как там судак? — вопрошал Александр.

— Тачка-то есть? Не забыл, что там подъезд мученический? «Козёл» или «Нива» и те не всегда на ухабах отеческих выручают...

Толян сразу обнадёжил: «Найдём! Тёзка твой, зачиститель Чечни, «Пыж» ключики мне и доверенность от «469-го» оформил,

* Совпадение инициалов случайно.

Книги С.Т. Аксакова «Записки об уженье» и «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» вот уже второй век служат природе и человеку, которому она дорога.

с такой мощью-раздаткой — все щуки наши. Суетись, через часок заеду!»

Вскоре спящий двор огласил скрипом колодок «лимузин», катавший до этого крещёный люд по кутузкам.

«А не виделись мы со «Спиннингистом» порядком. Верно, с тех пор, пока не думал о курке наглец Пуго», — думал Карпов, собирая харч, чемодан, насадку и ножи ледобура.

Люди военные ещё до пенсии знают цену секундам. Да, детищу «Пыжа», отреставрированному в дрязгах капремонта, досталось по ноябрю. Гнали спешно ребята на рыбу, словно уплывёт она в Чёрное море...

Наконец прибыли, вдоволь «накозлившись» по мерзлоте пахоты, созданной пьянчугой, дабы помешать рыбакам. Анатолий шпарил матом от души в адрес «плугового вредителя», мерзавца, вспахавшего полосу в 300 метров, чтобы ни местный, ни приезжий не увлекались поклёвками и сетями.

А лёд был первым из первых! Через сотню шагов он стонал и прогибался, распуская в немыслимых направлениях сетку сверхсложных долгоиграющих трещин. Компаньоны, не отрывая ног, скользили подошвами в стороне друг от друга, приближаясь к зияющей промоине. Тут было русло реки, благодаря которой, к радости рыбаков, было построено богатое всеми видами рыб водохранилище...

На подходе лёд угрожающе затрещал, да так, что заныло под ложечкой. Но отточенная пешня с первого удара не проходила. Замерили ледок — полпальца; опасно! — но если осторожно, то половить можно. Друзьям повезло: шутка ли, начать рыбачить около русла!

Санёк готовил снасти, любимые с юношества, а Толян собирал электроудочку, подмостья из досок для более прочного подхода к промоине.

— Что за прилада? Аккумулятор, провода, палки... Зачем они тебе, день ведь уже, — искренне удивившись, недопонимал Карпов.

— Эге! Волшебная снасточка. Великий Лёня Сабанеев никогда б не додумался; безотказность клёва стопроцентная! Собирай-ка пока подсак, двинем к промоине. Там глубина, а «глубина» по зиме есть «рыба», — спешил «рационализатор» Барабанов, позабыв застегнуть казённую дублёнку. — Бросай на хрен своих мотылей и блёсны. Два-три часа ловли — багажник, и накакого живца не надо!

— А после нас хоть потоп? Что твой сыночка завтра ловить-то будет? Плавучее и затонувшее пластиковое дерьмо Запада? Или в день совершеннолетия электроудочку с японскими комплектующими ему подаришь? — съязвил лейтенант, по чести заступившись за рыбу.

— Чего ноешь, салага? Не балагурь, твою мать, рыбнадзор! Сам поймёшь, ДЕЛО! Вон до сих пор мотаешься в своём УГРО, как оборванец, а Фомич из ГАИ дочери и сыну неподержанный «Чероки» дарит. Старайся, Шурик, ты ж напарник, а не олух? Десяток рыбалок — не джип, так мотоциклет получишь, может, и с коляской…

Теперь Александр очень пожалел, что ввязался в авантюру со «Спиннингистом», глядя, с какой проворностью он подхватил подмышку четыре «китайских» мешка. Подумалось: «Хапуга, раб наживы и рынка, а помогать всё равно придётся. 250 км по гололёду и бездорожью отмахали, чтобы ругаться и учить жизни друг друга?»

Мороз отступил, пошёл хлопьями первый снег, где-то далеко простужено «закудахтал» дизель, очевидно, единственного на всю округу «Беларуся». Над промоиной барражировали чайки, опрометчиво оставшиеся зимовать. Вспомнилась выходцу из интеллигентной семьи Серая Шейка Мамина-Сибиряка: «Свою не сломать бы…»

Майор Барабанов не ошибся — рыба «шла дуром». Здесь были крупные окуни и плотва, лещи, краснопёрка и густера, пара судаков, щука и даже толстолобик. Карпов в азарте «ловли» еле поспевал за «рыболовом-любителем», орудуя подсачеком на длинной рукоятке, пожалев, что не захватил свою двухместную надувную «Омегу». «Какой там багажник, весь «Козёл» завалили бы!»

Они прошли вдоль кромки воды более двухсот метров. Прошли молча, без перекуров, позабыв про «Столичную» местного разлива. Хищническая, супералчная жадность, охватившая лжепромысловиков, не знала границ, а рыба, иногда выбрасываясь на лёд, молчала. Она не могла возмутиться преступному безобразию, и даже дебелый судак не мог, как дельфин, сигналом, вызвать голубой вертолёт рыбнадзора. Ибо и он, рыбнадзор, систематически окунался в похоть добычи, когда своими руками, а когда путём конфискации и последующей продажи уловов. Рыболовецкая «коза-ностра», или по-новорусски синдикат «Два хвоста — бакс», держала под своим протекторатом зеркало «моря» и впадающие в него речушки вместе с нерестными ручьями. Узаконенное браконьерство культивировалось влобовую. Его слуги не реагировали на воинственность местных жителей и выступления умниц в печати, в рупор прессы оно кричало о росте самосознания рыбаков и поголовья карпа со стерлядкой, когда исчезали голец и пескарь.

Новые «цивилизованные» варвары не знали пределов в бесконтрольных отловах, сжигая госденьги и эксплуатируя служебную технику по мотивам повальной фальшизации в крокодильих слезах: ДЕНЕГ НЕТ!!! Купюр было валом, а вот ума у обладавших ими явно не хватало…

И сейчас вроде бы честному парню с рыбной фамилией Карпов на миг показалось, что за неделю он «заработает» не мотоцикл, а «Мицубиси-Паджеро». Он лелеял себя картинкой: он за рулём рядом с длинноногой Надеждой «ля амур от кутюр» в шиншилловых мехах. Злостно трепетал ушами треуха ветер, а лейтенанту мечталось о полном освобождении от налогов, о том рае, когда его семья не будет метаться от безысходности из-за скачек, натурального галопа цен. Мысль «после нас хоть потоп» была стёрта в мозгу, словно запись в магнитофоне…

Величайший знаток флоры и фауны, открывший миру жизнь пресноводных обитателей России, Л.П. Сабанеев стремился к полной гармонии человека с природой, обогатив его замечательными произведениями.

Народом подмечено давно: свои опаснее воро-

га. Природа воспротивилась вопиющему наглежу и хамству, лишающим рыбное племя потомства. Оттепель при перволёдье сделала своё дело: слабо состыковавшийся лёд лопнул, не предупреждая. Ватные штаны Барабанова, разом намокнув, двухпудовой гирей потащили его под лёд. Он пытался вылезти на него по-научному — с локтей, со спины и в стремительном исступлении крошил его руками изо всех сил, раскровянив кисти. А он — Его Величество первый лёд — «Спиннингиста» уже не держал или не хотел держать…

Судорожно ухватившись за поданную соломинку — подсачек, он же, незаконный кормилец, тучный майор с безумными глазами потянул в ледяную купель смерти напарника, который последний раз плавал школьником в пионерлагере «Артек», да и то по-собачьи…

Их кратковременные нечеловеческие вопли сотрясали гектары, но не были слышны люду прибрежной деревеньки — не то Чертога, не то Волчьих Ям. Но если бы кто рядом и был, местные лучше всех знали о тяге в фарватере, что была у утопающих под ногами. Видя трагедию, на лёд не осмелился б выйти никто…

* * *

…Двумя неделями позже, после заявления о розыске, поданном родственниками, знавшими о выезде на рыбалку в неизвестном направлении, сотрудники РОВД случайно обнаружили полностью заметённый «УАЗ» с незапертыми дверями, сиротой стоявший в сосновом бору. Только по документам и форме удалось выяснить, кто прибыл порыбачить на нём. Увы, из-за пурги попытка отыскать место гибели, снаряжение и улов потерпела полное фиаско, за исключением ленинградского ледобура, вкрученного Сашей Карповым для ориентира, «работавшего» на их возвращение.

Двадцатиградусный мороз под шапкой снега заковал место провала близ русла, где теперь смело шастали с «флажками» местные подростки.

Тяга ещё долго волокла трупы сынов «электронного» века, но даже премудрые пескари и караси-идеалисты избегали тех мест, где плыли в скрюченных позах их убийцы. Тысячелетний закон звал обитателей водных просторов к икромёту на новые места, излуки, мели, близомутье.

Глубоко жаль пропавших НИ ЗА ЧТО людей-хищников. Ми-

хаил Евграфович Салтыков-Щедрин, современник чистейшей российской природы, задолго до сегодняшних катаклизмов и падения нравов, словно в воду смотрел: «Повсеместно идёт чавканье и заглатыванье, а челюсти так торопливо работают, что поневоле становится холодно. Невольно спрашиваешь себя: что же будет, когда хищники переедят всех слабых и ни одного из них не останется налицо, чтобы ответить на мучительные и всеминутные вопросы плотоядности? Как поступят они? Начнут ли рвать за горло друг друга или же сочтут свою миссию оконченною и положат зубы на полку?»

Скукожилась икра — потомство было убито. Почернела родня — жизнь совсем не по щучьему велению превратилась в хождение по мукам. До каких же пор мы, разумные млекопитающие, будем вызывать на себя гнев и ток Божьей кары???

23 ноября 1999 года.
Орёл — Курск,
«Путевые заметки».

ЛИСА

Эх! Поспешил. Испортил дело.
Осыпал дробью косогор.
Она,
как вихрь огня, влетела
И озарила тёмный бор.

Теперь ищи в зелёных ёлках —
Здесь чёрта легче повстречать...
Как будто ведала плутовка,
Чьи плечи
будет украшать.

ЧТОБ ИМЕНЕМ СТАЛА ФАМИЛИЯ

Навстречу областному слёту молодых литераторов

На одном из писательских собраний кто-то с грустью произнёс: «Стареет наша организация, стареет… Нужен прилив новых сил…».

Некогда шумящая поросль молодых настолько поредела, что на некоторые собрания литературного объединения приходят три-четыре человека. Что это? Оскудение талантов? Думаю, нет. Просто очень долго было у нас так, что масса пишущих довольствовалась краткими, подчас небрежными отписками литературных консультантов. У людей накапливались бланки за подписью имярека. Происходили охлаждение, неверие в свои силы, свёртывалась работа литературного объединения. И это кого-то очень устраивало.

Давайте, хотя бы беглым взглядом, окинем богатую россыпь «подающих надежды».

Леонид Фомин. Печатался во многих московских коллективных сборниках, в альманахе «Поэзия». У нас же почему-то встречается с прохладцей. В таком же положении оказался очень лиричный поэт и прозаик Алексей Абакумов (Кромы), не помогли мы вовремя выйти к читателю выпускнику Литературного института Виталию Бабаеву (Змиёвка)…

Набирает силы в жанре короткого и юмористического рассказа журналист Владимир Барабанов (Ливны). О своём современнике, о его печалях и радостях зримо пишет инженер Геннадий Попов.

А «женская» лирика? Она ведь тоже у нас имеется. Есть что сказать Ирине Семёновой, Валентине Кузьминой, Людмиле Серовой, Ольге Малюченко, Инне Николаевой, Марии Корчагиной.

Свои читатели и слушатели, особенно среди октябрят и пионеров, есть и у Натальи Сергеевны Сердюковой…

Теперь назову тех, кому давно надоело ходить в «молодых». Не подают свой голос в печати Дмитрий Порушкевич, Александр Голубев, Геннадий Болтунов, Александр Бельский, Алексей Супонев, Валентина Кудинова, Михаил Ветров, неплохо заявившие о себе в сборнике «Орловские дали». Реже стали появляться фенологические миниатюры журналиста Николая Платошкина из Верховья. Многое о героизме на войне могли бы сказать Алексей Пахомов, Александр Боженков, Михаил Мальцев, Лев Вайнштейн, Пётр Николаев, бывший «сын полка» ливенский прозаик Николай Барабанов.

Всё меньше слышу о самобытном авторе из Глазуновки Николае Тубольцеве. Перестал присылать материалы один из тонких знатоков творчества Есенина, Блынского, современных орловских литераторов библиограф Дмитрий Шестаков из Троснянского района.

«Всё дело в том, что мы далеко от столицы, от издательств», — слышится иногда. Но ведь литература шла и, вероятно, всегда будет идти именно из глубинки, где особенно крепки родные корни, без которых литература невозможна. Примеры? Пожалуйста: Белов, Распутин, Носов, Жигулин, Шукшин, Лихоносов, Астафьев…

«Малая родина» есть у каждого пишущего. И чем сильней, по выражению Николая Рубцова, «самая могучая, самая смертная связь» с нею, тем ярче и правдивей будут выходить из-под твоего пера стихи и повести.

Шаг один и «трудный самый» остался до приёма в Союз писателей у Валентина Васичкина, Валерия Суханова, Валентины Амиргуловой, Владимира Смирнова. Важную тему о советской милиции поднимает Эдуард Дорофеев. Одна из пьес Вячеслава Шматова получила одобрение на писательском собрании. Хорошую заявку сделал в издательстве «Молодая гвардия» Владимир Самарин, оттачивает публицистическое перо Владимир Почечикин… Много пишут прикованные к постели тяжёлым недугом Анатолий Кузьмин и Аида Гунали.

Людей, доказавших, что они могут работать со словом, у нас достаточно. Конечно, мне могут напомнить по этому поводу иронические строки: «Как много фамилий, как мало имён…». Но я думаю, что не разнообразие фамилий должно пугать, а равнодушие к ним, на каких бы скрижалях оно ни появилось.

Диапазон выступлений молодых с публикациями не очень широк, но реален: районные и областные газеты, журналы, радио и телевидение, коллективные сборники в регионе и в Москве, трудное появление первых тонких книг…

А ведь я не назвал тех, кто пристрастился к литературе в средних школах, в СПТУ, в техникумах, институтах, на промышленных предприятиях. Там тоже есть способные ребята. Их надо приглашать на писательские собрания, больше общаться с ними. Так что стареть некогда, надо круглосуточно чеканить мысль на листе.

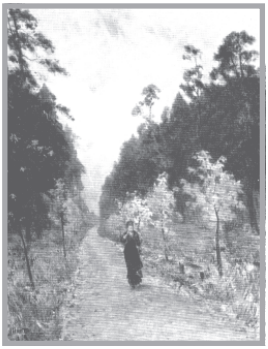
И последнее. Давайте поможем молодым не только словом, но и делом. Вот сейчас готовится областной семинар молодых литераторов. Конечным его результатом хотелось бы увидеть сборник стихов и рассказов. В связи с этим неплохо бы набрать общественную редколлегию, которая и доведёт молодёжный сборник до конца в Приокском книжном издательстве.

В. РАССОХИН.
Делегат VI съезда
писателей России.
г. Орёл, 1986 г.

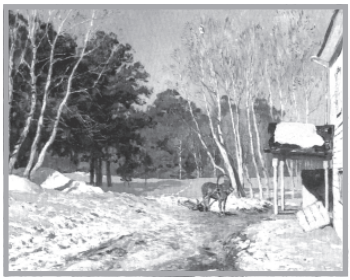
На областном семинаре молодых литераторов: Людмила Серова, Валентина Кузьмина, Валентин Берестов (Москва), Вадим Ерёмин, Алексей Коренев и Виктор Рассохин.

Исааку Ильичу Левитану — любимому с детства художнику

Золотая осень.



Осенний день. Сокольники.



Март.

Весна — большая вода.

РАННЯЯ ВЕСНА

Полупальтишко на плечи набросив,
Отцовским шарфом шею обмотав,
Спешит в поля, где снег пробила озимь,
В сквозящий мир обветренных дубрав.

Раскрыл этюдник.
Взгляд пытлив и зорок.
Мазок — и улыбнулся березняк,
Мазок — дымится солнечный пригорок,
И талым льдом
Глаза слепит большак...

Как воздух свеж!
Движенья торопливы.
В сиене кисть, а разум говорит,
Что тени синеваты и пугливы
У молодых растрёпанных ракит...

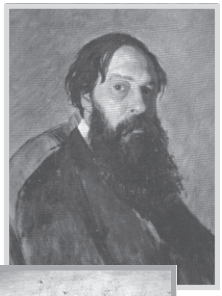
И до заката, не боясь простуды,
На пальцы перезябшие дыша,
Он пишет с увлечённостью этюды,
Где светится мальчишечья душа...

Москва.
Цветут огни в замёрзших лужах.
Витрины блещут —
Яствам — несть числа!
У Исаака —
Ситничек на ужин.
И тот ворюга-кошка унесла.

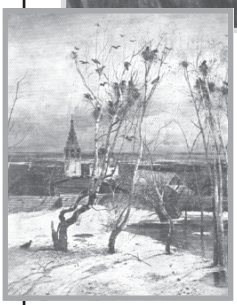
Эх, кошка, кошка! Серенькая кошка,
Чердачный, бесприютный старожил.
Тебе бы подождать ещё немножко —
Он пополам бы ситник разломил.

Что делать, если ужина не стало?
Под голову — с бельишком узелок.
И служит ему тёплым одеялом
Облитый лунным светом потолок.

У подбородка — острые колени.
Сквозняк невольно чувствует спина.
И зыбок сон, как брошенные тени
В проём венецианского окна.



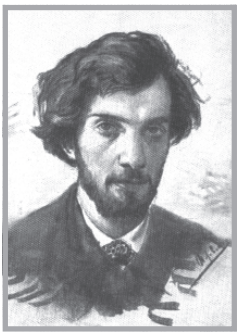
Учитель



Прохладно. Комнаты пустынны.
Не ладят шторы с синевой.
Лишь в рамах светятся картины,
Как будто окна в мир живой.

Сидел хмелеющий Саврасов.
Звенели рюмки на столе.
— Ищите больше тёплых красок
На грешной матушке-Земле.

Сегодня...
Ми-ла-я Россия,
Как лошадь в тесном хомуте.
Стоят
Легальные витии
Спиною
К нашей красоте.



Моль золотая!
Моль... Ей-богу!
И хоть права у ней круты,
Пора, художники, в дорогу.
Гоните солнце на холсты.

НА ВОЛГЕ

Он смотрит пристально и долго
И глаз не может оторвать:
Ведь рядом волны катит Волга —
Всех ручейков и речек мать.

Сейчас бы крикнуть:
— Стенька Разин!
Явись с весёлой голытьбой
Да посмотри, как день прекрасен:
Из голубого — голубой.

Который век во всех приходах
Тебя клянут колокола!
Но воля, вольница, свобода
Здесь не родиться не могла!

И, как бы синь воды смягчая,
Мелькают чайки —
всплеск и взлёт.
Вода светлей от крыльев чаек
Почти по самый горизонт.

И пузырём, как парус, блуза,
И пахнет ветер озорной
И керосином, и арбузом,
И свежей рыбой, и сосной.

Носами волны разрезая,
Подходят баржи к берегам.
С утра висит, не умолкая,
Канатный скрежет,
Стон и гам.
Приказчик кроет
Крепким матом
Покрытых солью
Работяг,
Что носят брёвна
В два обхвата
На стёртых,
Ноющих плечах.

Судовладелец одноглазый,
Играя тростью вырезной,
Хрипит: — Живее, лоботрясы!
Гоню целковый на пропой!

Сверкают согнутые спины.
Они идут за рядом ряд...
И, словно с репинской картины,
В глаза пронзительно глядят.

Не отвернёшься — совесть сгложет.
Страданьем каждый изнурён.
В их мыслях —
Царь давно низложен,
Ко всем смертям приговорён.

К расстрелу,
Виселице,
Плахе...
Но сила — силой заперта.
Докуда жить в яремном страхе —
Поёт и плачет красота.

НОЧНАЯ СКАЗКА

Вот и вечер в Волгу якорь бросил.
С заунывной песней рыбаки,
Руки оторвав от мокрых вёсел,
Потянулись цепью в кабаки.

В переулке — ливенка вздохнула.
Пьяный хохот. Перебранка жён.
Боль и слёзы горького разгула
Давит колокольный перезвон...

Ночь свежа. Река нетороплива.
У сетей — костёр сторожевой.
Да художник бродит у обрыва,
К звёздам прикасаясь головой.

А внизу — похрапывают кони:
То ли волк встревожил, то ли лось.
Выплеснулась рыбина в затоне —
Будто что вблизи разорвалось.

На воде — мерцанье небосвода,
Лунные расходятся круги.
Словно говорит сама Природа:
Вот и я. Пиши меня. Не лги.

Вся твоя: от шороха до звука.
Вся твоя: в убранстве, в наготе.
Об одном прошу тебя, как друга:
Умереть не дай мне на холсте...

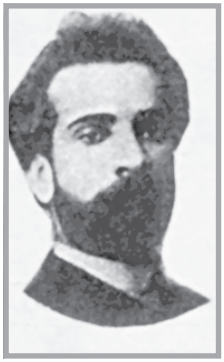
Разве сон придёт в такую пору?
Волга подарила столько сил...
Вроде не тиранил стольный город,
Вроде там и пасынком не жил.

Чуть заря — следы его остыли.
Зря спешит хозяйка с молоком.
Он писал.
А две Москвы следили.
Две Москвы —
Великая и гном.

У друга

— Антоша, принимай меня из рая.
Уехал — нищий, а приехал — царь!
Смеётся Чехов, друга обнимая:
— А ты окреп, удачливый волгарь!

Я вижу, принял Плёс тебя, как сына:
Так загорел, что не видать бровей.
Тебе б теперь прекрасную ундину
Мятежных, обжигающих кровей.



— Ундина есть.
— Ну, что ж? Бери за свата,
Пока запас словесный не иссяк.
— А сам-то что?
— Я неслух. Рановато.
Боюсь, раздавит миленький башмак.

Бурлит усадьба, скуку выселяя.
Проблемы века. Общий самовар.
Качели. Откровение рояля.
И просто так — лирический базар.

Волшебный парк,
Сирень благоухает —
Щемящ и свеж тончайший аромат.
И кто-то
Под гитару напевает:
— Сияла ночь. Луной был полон сад!..*

А Исаак, мрачнея понемногу,
(Куда ведь проще: пей в кругу и пой...),
Владимирскую торную дорогу,
Как на ладони, видел пред собой.

Колодников, и гордых, и суровых,
Влюблённых в необъемлемую ширь,
Что в помыслах бунтующее слово
Несли, как знамя, в тёмную Сибирь.

* Романс на слова А.А. Фета

— Антоша, слышишь?
Раздаётся эхо.
Пришла пора
Российских баррикад...
Надев пенсне,
Смотрел сквозь сумрак Чехов,
Как будто видел там
Вишнёвый сад.

...Сон перебит.
Прощай, уют шумливый!
Уйдёт он, молодея от ходьбы...
Наивность восторгается: Счастливый!
Гнусавит зависть: Ба-ло-вень судьбы.

Как хорошо: он этих слов не слышит.
Мольберт поставлен. Белый зонт раскрыт...
И он, быть может, новый холст напишет,
Забыв про ощетинившийся быт.

Озёрная тишь

Чернеют избёнки на склоне крутом,
В воде отражаясь невольно.
С берёзками тощими, книзу крестом,
Белеет, дрожа, колокольня.

...А рядом дощаник. Плетёный шалаш.
Зелёное кружево ряски.
Да жаль, что забыт в пиджаке карандаш
И дома оставлены краски.

Не дома, а так... Приютили на срок.
Большое спасибо на этом!
Мир солнцем пронизан, почти не жесток,
И мрак даже кажется светом.

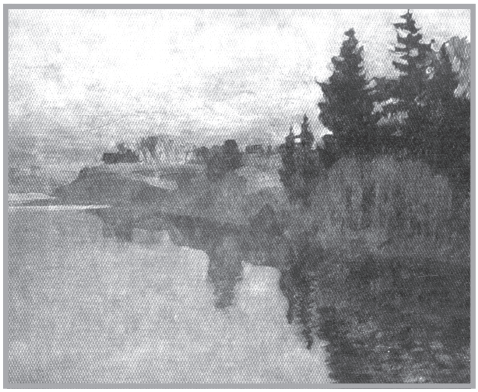
Забыться?
Тревожит завистливый гам,
Намёк на судьбу иноверца.
Убитою чайкой
Летит к ногам
Любовь,
Не нашедшая сердца.

В том — холод расчёта,
А в том — пустота.
Другое — на колкости падко.
Четвёртое — дерево без листа:
Весною не бьёт лихорадка.

...А сизого селезня нянчит вода.
На зов откликается утка.
Сквозь бури и залпы летели сюда...
Пальнёшь разве в парочку?
Жутко!

Пусть бойко снуют
В молодом тростнике
Живые комочки — утята...

Рука замерла
На ружейном замке.
Душа
Тишиною распята.



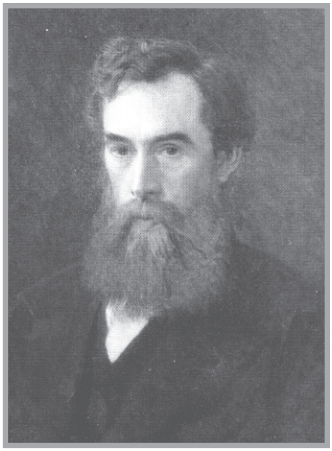
НА ВЫСТАВКЕ

В белоснежной сорочке,
Остроносый и бледный,
С тёмно-русой окладистой бородой,
Входит в залу салона,
Строг и сух, как военный,
Проницательно щурясь,
Пал Михайлыч. Старшой.

— Третьяков!
— Треть-яко-оф?
Дамы тянут лорнеты.
Глянцевитые плеши
Вытирают мужья.
— Наш российский Дюпон!
— Сразу купит полсвета.
— Спит на золоте, видно...
— Вот кого бы в зятья!

— Посмотрите, как страшен омут?!
— Веет Надсоном и Толстым.
— Во где рыбка! Раздолье сому.
— Впрочем, что мы мазню глядим?

...Дремлет тайна в притихшей глуби.
И преданье гласит о том,
Что русалка, кого полюбит,
Зазывает в подводный дом...



У картины идёт
Разговор оживлённый.
Подошёл Третьяков,
Резковат, как всегда.
По холсту осторожно
Щёлкнул пальцем холёным:
— Недурна работёнка!
Черновата вода.

— Повезло Левитану!
— Любит греться у славы...
— Где он только находит
Глухие места?!
— Левитан-то который?
— Во-он, папаша, чернявый.
В пиджаке нараспашку.
Похож на Христа.

Рядом шёпот:
— Училище толком не кончил.
— Проживает без паспорта.
— Вот так талант...
— Господин посетитель,
Вы не можете громче?!
Ах, как жаль, что не слышит
Мосье Левитан.

А художник глядит,
Похвалой окрылённый,
Как чванливы и чопорны господа.
Въелись в жирные шеи
Станиславы и Анны.
Это мусор салона —
Мужика бы сюда!

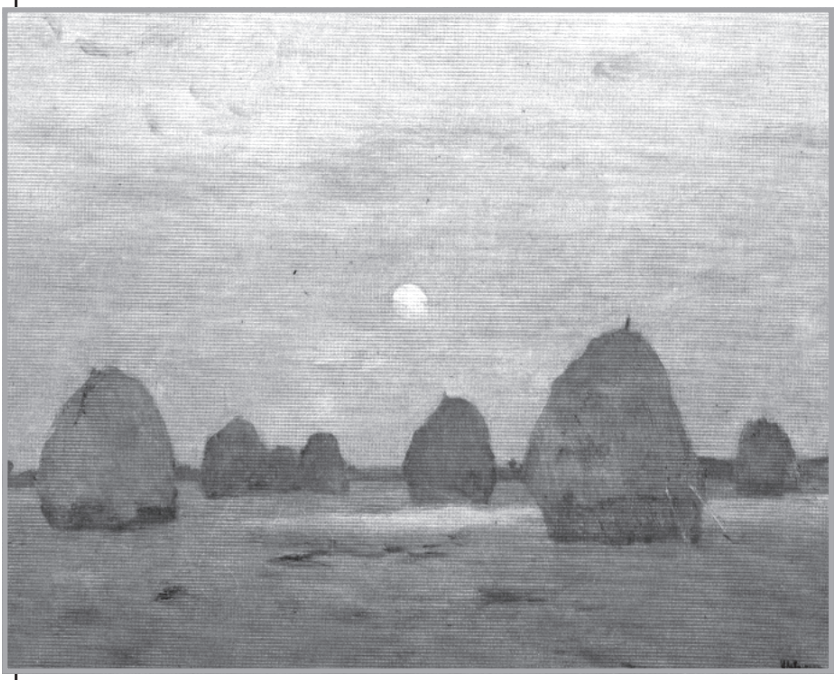
У него — ни гроша.
Еле держится хата.
Нету лент через грудь,
Мешковато одет.
Всё его состоянье
Не брильянты и злато —
Всемогущее: Да!
Беспощадное: Нет!

...Покупают картину...
Я, счастливый и жалкий
(Боже!
Что в этом мире
Деньжищи творят!),

Сам бы бросился в омут
Вместо бедной русалки,
Чтоб не видеть,
Не слышать,
Как
Червонцы хрустят.

Острый глаз оценил
Всю фактуру до нитки.
Вдохновенье и поиск,
Улыбку мечты...
И докуда терпеть
Меценатские пытки?
Я дарил бы картины,
Как дарят цветы.

До свиданья, мой Омут!
Твой новый хозяин
Понимает искусство —
Прекрасный знаток...
Оставайся в Москве.
Это я здесь случаен,
Как у гордой чинары
Дубовый листок.



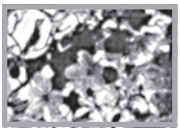
КАК ОСИЛИТЬ РАБА!

И зачем эта ночь?
И не ночь, и не день.
Лунный свет превозмочь
Не пытается темь.

Только тени черней,
Вырастая в длине,
Чернотою своей
Возражают луне.

Сквозь прогалы ракит
В исчезающей мгле
Так речонка блестит —
Млечный Путь на Земле.

Луг росою примят.
Чётко видны следы.
Терпкий запах струят
Голубые сады.



Щёлкнул раз соловей,
Эхом дробь рассыпая,
Словно в гуще ветвей
Соловьиная стая.

Где ж вы, люди села?
Не видать никого...
Красота тяжела
Для меня одного.

И спасения нет:
Лезет в уши, в глаза,
Как раскаты и свет,
Что приносит гроза...

...Крепко заперты сенцы.
Вас разбудишь едва ли.
Как на печке младенца,
Вы природу приспали.

И подумать о том
Не успели.
Вы убиты трудом
С колыбели.

Тяжек плуг и коса
Без душевного взлёта.
А молить небеса —
Даровая работа.

Как осилить раба
И в себе, и вокруг?
Неужели судьба —
Заколдованный круг?

ПИСЬМО

«Лечусь заграничною тишиной,
Ничем голова не загружена.
А воздух,
А воздух,
А воздух какой!
Не станешь обедать и ужинать.

Но, если б вы знали,
Как хочется мне
Увидеть
Россию милую:
Вот-вот загудящий
Тающий снег,
Белые-белые лилии...

В сиреневой дымке
Вечерний плёс...
Послал бы к чертям бессонницу
Да слушал бы говор
И шёпот берёз,
Вышедших за околицу.

Забудешь ли
Сказочную красу
Сквозь дождь
Розовеющей радуги,
Как утром,
Отряхивая росу,
Поднимется ветер на ноги.

И гнуться траве,
И волне бежать
Под натиском ранней свежести...
России в Европе
Не занимать
Ни красоты,
Ни нежности.»

РАЗДУМЬЯ

...Облака пролетают в седое пространство.
В бесконечность уходит седая река.
Как огромна Земля!
Жаль, что нет постоянства.
До чего же всеядны седые века!

Кто и что я?
Пылинка?
А может быть, искра?
Может, пламя зажгу
В том, кто рядом со мной?
Пламя дольше горит
И не гаснет так быстро.
Пламя с ветром сильнее
И слабей — с тишиной.

Кисть отброшена.
Сердце колотится часто.
Горло сдавлено
пальцами духоты.
Эх бы, ветра сюда!
Свежака!
Чтобы вмиг отдышаться,
Захлебнуться от счастья,
Забыв пустоту суеты.

Даже ветер с картины
Не может найти себе места.
Высотою проходит,
Гоня кувырком облака...
— Ну, давай помечтаем,
Дорогая, любимая Веста.
Ты прости мою слабость,
Поругай-ка меня, чудака!

А собака, ласкаясь,
Тепло так глядит, человечно,
Любопытство трепещется
В умных глазах.

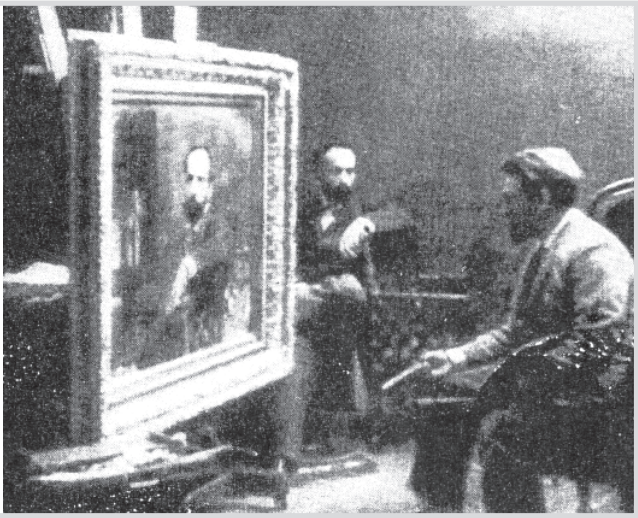
Для неё всё равно:
Кратковременна жизнь или вечна.
Ей бы выследить дичь
Да подранка схватить в камышах.

— Мы пролезем с тобой
Сквозь болота и цепкий валежник.
Захлебнёмся апрельскою синевой.
А кому мы подарим
Смеющийся, милый подснежник,
Если он просияет
Над чёрной, опавшей листвой?

Никому. Ну и ладно.
Опушкою двинемся дальше.
Пусть влюблённые рвут.
И у нас есть влюблённость своя:
Чу!
В зарю золотую
Врывается с хорканьем вальдшнеп,
За подругой спеша
Над лихим воркованьем ручья.

Как целительна свежесть
Сквозистого, тихого леса!
Пахнет зеленью робкой и талой водой.
Мы, ей-богу, богаче
Любого наземного Креза,
И небесный беднее,
Если там отыскался такой.

Да, тоскливо тебе,
Я нечасто бываю свободен.
А порою случается:
Плачь — голоси...
Ничего, дорогая!
Ещё мы с тобою побродим.
Не бродить, не ходить —
Это значит — не жить на Руси.



Валентин Серов пишет портрет Левитана. 1893 год

Размечтались. И легче.
Запутался в собственных тенях,
Как трясинистый лог,
Что ольхою зарос...
И притихшую Весту —
Подругу в охотничьих бденьях —
Он целует в холодный,
Черноватый, с шершавинкой нос.

Осенний букет

Шёл люд, дождя не замечая.
Плыл гроб, обитый полотном.
Пролёткам встречным козыряя,
Жандарм рысил на вороном.

Усы. Лоснящийся. Огромный.
Он послан был сюда не зря.
Покойник им казался бомбой —
А вдруг да в нового царя!

Не подчинён художник страже.
Ему свой суд вершить дано.
Живой не лгал. И мёртвый скажет
Живым, но... умершим давно.

Саврасов знал, кто жал и сеял.
Знал, кто весь век кричал «Ура!»,
Как на Христе и Магомете
Бездарность шла в профессора.

Она трезвонила: — Пропойца!
Сказал ли друг ему: — Алёш...
Тогда б не спал он, где придётся,
Не пил бы так за кровный грош.

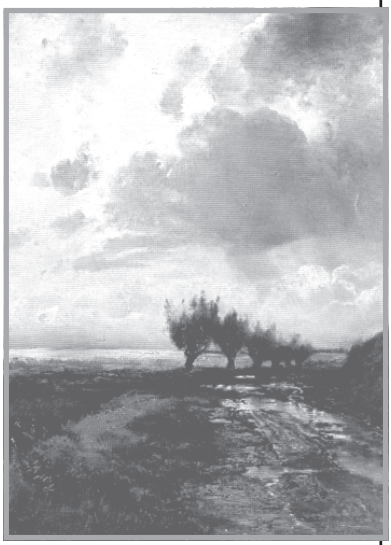
...Ворчал профессор седовласый,
По виду немец иль поляк:
— Катастрофически Саврасоф
Себя закладывал в кабак...

...Ему не сыпались червонцы.
И он доволен был вполне,
Что шёл с этюдником за солнцем,
Не забывая о вине.

И каждый думал, ком бросая:
Пред ним века откроют даль.
Он весь — Россия полевая,
Её отрада и печаль.

Срывались капли дождевые,
Под шёпот листьев холмик рос.
Любовь к земле, любовь к России
Он и туда с собой унёс.

Унёс. В чиновники не вышел.
И Левитан, кладя цветы,
Как будто сызнова услышал:
— Гоните солнце на холсты!



12*

ЦАРСТВО КРАСОК

Солнцем залита мастерская —
Царство красок, холста, кистей.
А за окнами — стужа злая:
Что ни час, то мороз лютей.

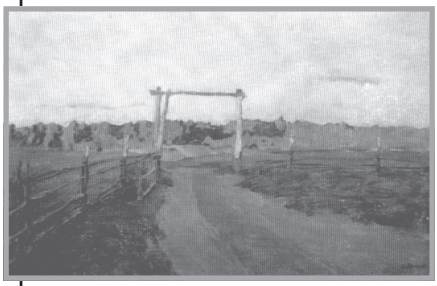
Только здесь и весна, и лето:
Половодье. Голубизна.
Лодки в сумерках ждут рассвета.
Чуть стога не зажжёт луна.

Закудрявилась зелень мая.
На верёвке бельё, как снег.
Чья хозяюшка молодая
Вышла на реку раньше всех?

От веселья, с тоски ли долгой,
Чёрной тенью прижав пустырь,
Куполами воткнулся в Волгу
Белокаменный монастырь...

Красно-розовые ворота
Да глубокая колея
Увели на закат кого-то
От родительского жилья...

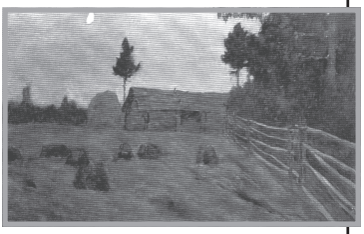
Что ж ты гнёшься, мосток дубовый,
На виду у деревни всей?
Искромсали тебя подковы,
Постарел ты, глядясь в ручей...



Свежий ветер, упруг и весел,
Гонит волны — волна к волне.
И его отголоски песен
Звонче слышатся в сером дне...

Как не хочет с землёй прощаться
Умирающий, бледный луч!
За ракиты не удержаться,
Коль упал на ракиты с туч...

У цветов краток век в неволе,
Увяданию вопреки —
Голубою мечтой о поле
Продолжают жить васильки...



Дворик. Лошадь. В снегу берёзки.
Да бубнит у крыльца капель...
И наброски вокруг, наброски —
Меньше игол имеет ель.

Сердце сжалось.
Покоя просит.
Холст позванивает тугой.
Золотым фейерверком осень
Загорается под рукой.

Виден кисти полёт свободный.
Есть работа.
Секретов нет.
Взмах, другой — и ручей холодный
Отраженьем берёз согрет.

Русь встаёт перед ясным взором,
Слышен выдох и слышен вздох.
С бесконечным её простором
Как художник сродниться смог?

Сколько радости, грусти, ласки,
Нерастраченной теплоты!
Разведённые кровью краски
Заставляют дышать холсты.

Время дорого. Сроки жёстки.
Надо б лечь — подождёт постель!
И наброски вокруг, наброски —
Меньше игол имеет ель.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Глухой овраг ещё листвой завален.
Но травы лезут — первые в году.
Весною даже дятел музыкален,
Когда он вторит певчему дрозду.

Как дышится легко в зелёном мире.
Медвяно пахнет клейкою листвой.
Блестит поляна —
Сразу стала шире,
Сверкает,
Освежённая грозой.

— Исаак Ильич!
А небо-то какое!
Любимым
Раскроить бы на платки.
— Младое племя,
Племя молодое!
Мне самому бы к вам в ученики.
Только, чур, без простоя.
Май не любит покоя.

— Исаак Ильич! Спор меж нами идёт:
— Где берёт
Красота начало?

— Золотою кувшинкою
Пруд зацветёт,
Если солнце
В воду упало.
Мне с далёкого детства
Картина близка,
Что ни слово — душа окрыляется:
«...Звёзды меркнут и гаснут.
В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается»*.

Я вышел в мир, тревожный и унылый,
Ухабистой дорогой нищеты.
Но мне, юнцу, всегда давали силы
Последний снег и первые цветы.

У молодости — крепкие устои,
Но молодость наивности полна.
Ей хочется в один приём освоить
Все краски мира и полутона.

** Из стихотворения И.С. Никитина «Утро».*

Перебродил. Но помню прыткость эту.
И знаю, что в этюд уходят дни...
Земля — она не чёрная по цвету,
Земля по цвету радуге сродни.

Да разве это выдержишь в секрете?
Порой не сплю по нескольку ночей
И думаю, забыв про всё на свете,
О простоте
Саврасовских грачей.

Талант
Не заменить высоким саном*.
Взгляните на берёзу и на пень...
Клубилась
Фиолетовым туманом
В сырых кустах
Душистая сирень.

А день звенел —
Прозрачен и чудесен,
В себя вбирая
Птичьи голоса.
И майский лес,
Поверя в крылья песен,
Казалось, поднимался в небеса!

*В поэму включены этюды и картина И. И. Левитана, А. К. Саврасова, И. Н. Крамского, А. С. Степанова — друга великого пейзажиста.

ПРОПАСТЬ МЕЖДУ ЗЕМЛЁЙ И НЕБОМ

В последнее десятилетие на Мир обрушилась горькая череда техногенных и стихийных катастроф, Планету охватил вирус международного терроризма. Цепь теорий и случайностей, невидимая связь просчитанного и непредсказуемого вновь заявила о себе в Америке в минувший уик-энд, который останется мощной зарубкой в её истории...

Космос — холодно-молчалив, грандиозен и красив, влекущ и печален. Он никому не прощает ошибок, чьи бы интересы не представляли в нём посланцы иных миров. И с первых шагов навстречу покорению межзвёздных пространств Человечество преследует трагедизм, постоянно напоминающий о неминуемой закономерности жертв на неизвестном пути. Он явился спутником космонавтики, пропастью между победами…

«Икарам» вечно плавили или подрубали крылья, а землепроходцам ставили палки в колёса, подрубали мачты и киль, сыпали гадость в моторы и бензобаки, отравляли воду и пищу. Так было с К.Э.Циолковским, когда сгорали его модели, а сам «дедушка ракетостроения» едва не сгинул в подвалах ВЧК, как «душевнобольной контрреволюционер». Творил в «шарашке» НКВД А. Шаргей (Ю.В. Кондратюк), автор книги «Завоевание межпланетных пространств», сподвигнувшей NASA на разработку лунного модуля к «Аполлону-9» с использованием его метода стыковки почти через

полвека. До Второй мировой войны умер при загадочных обстоятельствах великий ракетчик России, создатель «ГИРДов» и автор проектов многоразовых кораблей для путешествий на Луну и Марс Ф.А. Цандер. Десять лет потерял один из пионеров советской космонавтики С.П. Королёв (не спасли от неволи даже ходатайства элиты науки). В США исчез после войны австриец В. Шаубергер, разработавший летаппараты вертикального взлёта и посадки в форме «дисков» с ракетно-турбинными двигателями. Там же, вслед за безвременной смертью многообещающего гения Р.Х. Годдарда берут «под крыло» герра В. фон Брауна, конструктора «ФАУ», позднее ставшего директором спейс-центра Дж. Маршалла в Алабаме. Экскурс можно продолжить...

Россия и США, несмотря на струнную натянутость отношений, ежегодно чтут узким кругом обширную семью космонавтов, погибших в разное время на взлётах и падениях отрасли. Им было не до Белок и Стрелок. Романтикам и смельчакам, отдавшим жизни во благо общенационального важного дела снились не только рокот космодрома, трава у дома, жёны с детьми, лунный ландшафт и марсианские города. Поклон от Земли всем героям и героиням, ушедшим ради цивилизованности Человечества!

Казалось бы, после взрыва «Челленджера» 28.01.1986 г. руководство NASA полностью пересмотрит чересчур запрограммированную эпопею долгосрочного и многократного применения «челноков» «Колумбия», «Дискавери», «Атлантис» и «Эндевер». Конструктивно эти многоразовые, пилотируемые транспортные космические корабли США массой до 2000 тонн при длине 56 метров состоят из двух ступеней. В первой находятся два ускорителя с ракетными двигателями на твёрдом топливе. Вторая, она же орбитальная ступень, есть небесный дом экипажа, действующая при возвращении как «большой самолёт» и как российская ракетно-космическая система «Буран».

Первый пилотируемый полёт с астронавтами состоялся в апреле 1981 года. И неспроста вылет бывалой «Колумбии» долго задерживался — корабль буквально «рентгенили» до последнего дюйма перед стартом. Вокруг твердыни мыса Канаверал (штат Флорида) и без того засекреченной до предела, развернулись небывалые меры безопасности, исходя из уроков крушения «Нью-Вавилона». Однако расчётные «загрузы» информации даже при самом скрупулёзном анализе и теории вероятности не есть нагрузка тех мощностей физики, что срабатывают при старте и работе на орбите, в ходе витков и сверхзвукового планирования к Земле...

Сверхбогатая на средства, готовящаяся к войне с С. Хусей-

ном Америка самоуверенно перегнула временной лимит эксплуатации «звёздных вояджеров». Глубоко вмешиваясь в ритм истории, политику и стратегию многих стран, США запамятовали понятия «амортизация» и «утилизация», по-морскому — «списание на иголки». Почему же работа над ошибками осуществилась ценою жизни и смерти многонационального звёздного отряда? Если на какой-то процент учитывалась аварийность, почему бы янки не оснастить оставшиеся орбитальные ступени (т. е. «Спейс Шаттлы» — «Дискавери», «Атлантис», «Эндевер» и др. эвакокапсулой экипажа с портативным ракетно-тормозным двигателем и защитой из той же огнеупорной спецплитки??? Бережёный сам себя бережёт...

Скорбят Америка, Израиль, Индия, все, имеющие разум, сердце и душу землянина в двух полушариях. На неделю Мир превратят в телевизионного и газетно-интернетного монстра, вокруг которого будут чертыхаться, причитать, злословить, смаковать и пустозвонить кликуши, виновные и невиновные, учёные и дилетанты. Что им песчинки в Галактике, когда важнее обеспечить СЕБЯ созвездием «баксов» и «евро»...

...Сгорели семь профессиональных астронавтов: Рик Хазбенд, Майкл Андерсон, Илан Рамон, Калпана Чавла, Лорел Кларк, Дэвид Браун и Уильям Маккул.

Они спешили поделиться увиденным, детально обсудить общую наработку экспедиции, прикрытой особой гостайной. Они мечтали о единственно-сокровенном земном, но на каком-то этапе, возможно, оказались в плену глобальных иллюзий. Родная атмосфера стала для них оружием смерти, и заверения Дж.Буша-младшего пока ничего не значат...

Спейс-блокбастеры, созданные Голливудом, — вот притяжение чёрных сил негативизма, олицетворение виртуальной человеческой вседозволенности, а точнее — высокоинтеллектуального, авангардного и крепко спонсируемого атавизма. За это притяжение рано или поздно придётся платить, ибо судьба Человечества в его же руках, изменяющих неприятности прожитых лет ради прогресса.

Наяву же государство уравнивает всех духовой медью, надгробиями, лафетами и салютами, наградами и премиями в слёзной кавалькаде траурных процессий. После них остаётся гадать, кто падёт новой жертвой той или иной вопиющей халатности, имеющей икс-число чёрных дыр, словно в безразмерном безмятежье Вселенной...

1 февраля 2003 г.
г. Орёл.

Сказка
Об Иване-
свидетеле
М. Салтыков-Щедрин
Ч. Диккенс
А. Чехов
М. Булгаков
Ч. Чаплин
Я. Гашек
М. Твен
Г. Уэллс
О. Бальзак
В. Гюго
Э. Хемингуэй
М. Нострадамус
Л. Толстой
Иисус Христос
О. Хайям
М. Ганди
Конфуций
Будда

ВСТУПЛЕНИЕ

Здравствуй, пламенный читатель!
Пламя — сызмала люблю.
Не приучен ты к цитате —
Кровь не движется к нулю.

Разбираешься толково,
Знаешь радость и беду,
Потому и любишь слово,
Словно пахарь борозду.

Ритм стиха довольно броский?
Не сочти за плагиат!
И Некрасов, и Твардовский
Оный брали напрокат.

Да и сам я, грешным делом,
Не новатор на язык.
Белый стих? Не смыслю в белом.
От гекзаметра отвык.

Мой герой — Иван Свидетель.
Без рисовки, без прикрас
Записал в своей анкете:
«САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ЛОБОТРЯС».

Сомневался я вначале —
Клонит парень не туда...
Редко всё-таки встречали
Мы героя ВНЕ труда.

Ни мундир ему, ни ряса,
Ни спецовка, ни халат.
Хуже бабы точит лясы —
Чересчур языковат.

Говорят ему: Послушай!
Попадёшь в страну Кильдин.
Богом дадены нам уши,
Уха два — язык один.

— Не пугайте, толку мало,
Всё поили б молочком.
Разве мать меня рожала,
Чтоб я жизнь прожил молчком?

Не стерплю такого срама,
Мне Вселенную давай!
Я и Васко, и Да Гама,
И Миклухо, и Маклай.

Что увижу, что услышу —
Без утайки расскажу.
Петуха пущу под крышу,
Где порядок — погожу...

Завернулся в Плащ скитальцев,
Огонёк сверкнул в глазах:
— Русь я знаю, как пять пальцев,
Каково в иных мирах?!

...Пусть идёт путём геройства,
Зная низость и почёт.
На вопрос трудоустройства
Он себе ответ найдёт.

А вернётся безработным —
Спрос велик с него и мал.
Значит, быть ему свободным,
Как в анкете написал.

Ну а я, для пользы мира,
Иногда из ряда в ряд
Буду, вроде бригадира,
Молодцу давать наряд.

Чтоб не бил где зря баклуши,
Не морочил Белый Свет.
И ловил бы Время в уши,
Как глазами — тень и свет.

Страна украденного смеха

Древний замок у реки.
В замке много люду.
Рты закрыты на замки —
И замки по пуду!

Сразу видно — без суда:
Волю бы беднягам!
Замурованы сюда
По секрет-бумагам.

Будь король там или шах,
Отпрыск фараона —
Хохотали люди так,
Что тряслась корона.

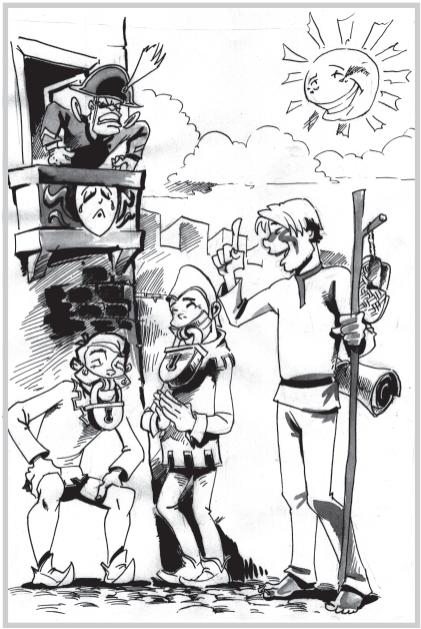
Словом — дух у них такой,
Все прошли печали.
Тиранию, рабский строй
Смехом изживали.

Падишахи-короли,
Брызгая слюною,
Мрачный замок возвели,
Окрестив Страною.

Приглядишься — целый свет,
Разные народы.
Тут за Смех пощады нет,
Где уж до Свободы.

Крутит узников Палач
В чине генерала.
Даже ввёл науку «Плач» —
Только проку мало.

Редко кто сдаёт зачёт,
Разве что калека:
Плач державный,
Плач впричёт,
Плач в масштабе века.



Пусть, как меч, висит гроза:
Не сорвать успеха.
Всё равно горят глаза
Искорками смеха.

Понимай, как хочешь, друг,
Смех похож на знамя.
И герой мой вспомнил вдруг:
«Искра — значит пламя».

Память вмиг перелистал:
...Как у нас в России...
Государства Смех сметал,
А замки осилит!

Обошёл Страну Иван,
Улыбнулся людям:
— Лишь бы на Смех был талант —
Истину добудем!

Вымирают корольки,
В ненависти слепы.
А пудовые замки
Бросьте им на склепы.

СТРАНА БЕСКРЫЛОГО ПЕГАСА

Асфальт похож на плексиглас.
И нет в помине грязи.
Стоит на привязи Пегас
У Главной коновязи.

— Я оказался не у дел,
Мой шеф дошёл до брани:
— Ты без телеги ожирел,
Но есть ещё и сани...

Ни в снегопад, ни в гололёд,
Ни в половодь, ни в слякоть
Не любят здесь, когда растёт
На тонких ляжках мякоть.

Зачем же крылья жеребцу?
Тавришком прицелован?
А там копыта кузнецу
Покажешь, раз не кован.

Не горячись. Таков уклад.
Узнаешь всё подробно.
У нас подкован стар и млад
Надёжно и удобно.

Здесь на лошажью силу спрос,
В стране нехватка хлеба.
Послушай — звёзды не овёс,
Так отвыкай от неба.

Ты, отродясь, не знал сохи,
Впряжёшься — дрогнут ляжки.
И что там басни и стихи
При тягловой упряжке.

За вдохновеньем не спеши —
Конец пустой забаве!
Паши, голубчик, да паши,
Во сне паши и в яви.

...Умолк обиженный Пегас,
Не бьёт соседей задом.
Лишь слёзы катятся из глаз
Солоноватым градом.

СТРАНА ПРИМКНУТОГО ШТЫКА

Граница. Лозунг на штыках
Читается свободно:
СТРЕМИМСЯ ЖИТЬ
НА ГОСПАЙКАХ
ПОВЗВОДНО И ПОРОТНО!

Верны присяге, как один,
На сапогах— подковки.
А вместо яблонь и маслин
Посажены винтовки.

Здесь пулемёт и пушку чтут,
Ракету боевую...
То разберут, то соберут
Под музыку,
Вслепую.

И, если в этом ты мастак,
В капралы попадаешь,
Хотя себя не знаешь так,
Как то, во что играешь.

За строем — строй, за шагом — шаг,
Совсем не для бравады.
Как хлеб к столу, как мясо в щах,
Здесь введены парады.

И утром гул, и в полдень гул,
А в полночь гул слышнее.
И только слышно: НА КР-РАУЛ! —
Затрещиной по шее.

Солдат — надёжный автомат,
А там, где Штаб-квартира,
Висит огромнейший плакат:
ВОЙСКА НА СТРАЖЕ МИРА!

В какие ж всё-таки века
Без выгоды и славы
Народу мир несли войска
От имени державы?

К чему мечтать?
Надежней клин
Военной подготовки.
А вместо яблонь и маслин
В стране растут винтовки.

Не за горами скрыт пример,
Он здесь уместен кстати,
Ведь ни солдат, ни офицер
Не знают о ЛОПАТЕ.

Прочней блестящего штыка,
Мощней любой ракеты,
Она взрыхляет на века
Весь чернозём Планеты.

И там, где камень, где песок
Ручьём стеклянным льётся,
От её имени росток —
Как нерв Земли и Солнца.

И, свой характер не сломав
В работах своенравных,
В такой гуманнейший устав
Занесена на равных.

Какой наградой измерять
Труды твои, ЛОПАТА?!
Сырой землёй за ратью рать —
Укрыла ты когда-то...

И не согнулась ты в дугу,
Лишь в гневе зло сверкала,
Когда заклятому врагу
Ту ж норму отпускала.

Твой подвиг цензор зачеркнёт,
Не даст ему огласку,
Винтовке — честь! Штыку — почёт!
Винтовка любит ласку!

Прочней блестящего штыка,
Мощней любой ракеты,
Взрыхляй, ЛОПАТА, на века
Полезный пласт Планеты!

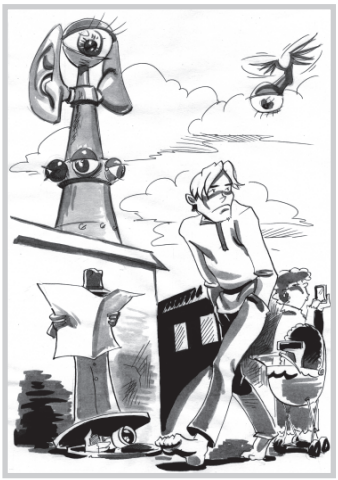
Ну а пока девиз один:
Парады, маршировки...
А вместо яблонь я маслин —
Плодоносят винтовки.

СТРАНА НЕДРЕМЛЮЩЕГО ОКА

— Какой-то Ванька... Лоботряс...
(Видать, добряк, по тону)
Дежурный в выделенный час
Звонит по телефону.

— Присядь. Спокойней на душе.
Дай ослабленье венам,
Хотя на плёнке ты уже
И высвечен рентгеном.

Сейчас в проёме той стены
Твой мозг экран покажет.
О! Как извилины видны!
У нас мозги — поглаже.



Такого сразу на учёт,
Инструкция особа:
Создать пришедшему почёт
И... дать размеры гроба.

— Живёте, видимо, без бед...
— Живём пока — не воем:
И под конвоем на обед,
И в туалет с конвоем.

Порядок строгий испокон,
А жалобы — пустое.
Конвой за каждым прикреплён,
А за конвоем — двое.

Глядит за этими двумя
Придирчиво и стойко,
Неторопливо, не шумя,
На ранг повыше — тройка.

И так до дремлющих верхов
Недремлющего Ока.
В стране давно не видят снов —
За сон казнят жестоко.

Прощай, семья, полуют,
А глянешь дальше носа,
За слежку орден выдают
И знак «Герой Доноса».

— Получше, братец, освети,
Что изучают дети?
— Святые сыщичьи пути
Да их паучьи сети.

Отсюда выбраться нельзя...
Гласит наш Свод законов:
Следи за всем, следи за вся,
У нас здесь культ Неронов!

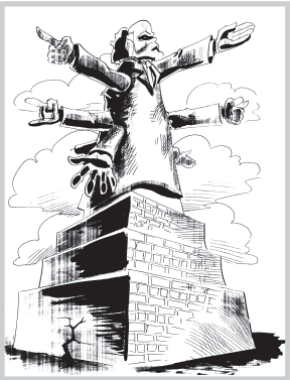
Из трубки голос: Пропустить!
С тройным нарядом стражи.
Пусть гость научится следить —
Наш опыт растиражит!

— Прощайте! Шага не шагну.
Мне жутко от рассказа.
А что оглядывать страну?
Туда нужна проказа!

Страна единого памятника

Едет Ваня по накатанной дороге,
Видит надпись на обтёсанной скале:
ЗДЕСЬ С РОЖДЕНЬЯ ЛЮДИ ДУМАЮТ
О БОГЕ!
И сомненье появилось на челе.

— Чтоб с рожденья?
Это слишком! Неужели?
Чтоб с рожденья?
Не поверю никогда!
Вдруг ребёнка
Он увидел в колыбели,
Что ножонками сучил туда-сюда.



Мол, пройдись из края в край,
Послушай души,
Чья бескрылая,
Чья просится в полёт.
... Ходит Ваня,
Растопыривает уши
И невольно богу здравицу поёт.

Но рассеялась магическая завесь,
Отцепился гипнотический туман.
— Хорошо, что по характеру не заяц...
И о подданных
Задумался Иван:

— Изо дня, из года в год крепчают связи.
Нет угла, куда б он явно не проник.
До чего Иисус Христос однообразен,
До чего же новый Пастырь многолик.

То стоит, простёрши руку в поднебесье,
То улыбкою медовой шлёт привет.
И становят города ему и веси
Каждый год за монументом монумент.

Ставит тот, кто отродясь его не видел,
Ставит тот, кому два шага до петли.
И куда там знаменитой пирамиде —
Монументы пирамиду обошли!

Удивляемся хеопсовой громаде:
— Ого-го! Какой жестокий фараон!
Тот живой был.
Ну а этот — мёртвый жаден:
Дай гранит ему
И бронзу,
И бетон.

Разговоров быть не может о портретах,
Что ни шаг — они микробами кишат.
Глянешь в небо — небеса, и те в заветах,
Вместо звёзд — горят созвездия цитат.

Вся страна — из храмов Храм.
Не курят свечки.
Вроде жизнь, а тянет запахом хвои...
И волнуются, толкутся человечки
У подножия его, как муравьи.

Люди вроде бы, как люди, в синих френчах,
Мудрецы и золотые мастера.
Неужели новый Пастырь будет вечно
Зло в народ нести с фундамента Добра?!

И поморщился, сробев, Иван Свидетель,
И вспотел, как будто побыл под дождём:
— Много ужасов я видел на планете,
Но такого мы в Россию не возьмём!

СТРАНА БЕЗМОЛВИЯ

Здесь ни пуха ни пера.
Видно, кто где помер.
На могилах номера —
Пусть расскажет номер.

1
Спи, мамаша! Море слёз
Пресекла ограда.
Не дарили в жизни роз —
Их теперь не надо.

2
Батя! Век пришёл к концу.
Не услышу брани.
Бито-битому отцу
От сыновней длани.

3
Тосты к предкам привели.
Был на зелье чуткий:
Спиртзаводы всей Земли
Помещал в желудке.

4
Проживала без детей
В обстановке дачной.
А сгорела от страстей,
От любви безбрачной.

5
За доносом слал донос —
Мастером считался.
На себя и то донёс —
От чего скончался.

6
Тех не трогал, кто речист.
Соблюдал порядки.
Ох, и на руку был чист —
Погребён за взятки.

7
Хлеборобу — честь в веках,
Отдал душу полю.
Сам сидел на сухарях —
Да и то не вволю.

8
Не снимал весь век мундир,
Толк не знал в костюме.
Полицейским вышел в мир,
Полицейским умер.

9
Спи, солдат! Печаль светла —
Душу очернила.
Мать для жизни родила —
Хунта загубила.

10
Он, как врач, сказал бы так:
Слушай в оба уха:
Людям так не страшен рак,
Как... пассивность духа.

11
Мирно батюшка почил,
В рае занял нумер.
Прихожан перекрестил —
Некрещёным умер.

12
Утомился журналист,
Шёл по бездорожью.
Вечно путал гимн и твист,
Как и правду с ложью.

13
Сердобольных не любил,
Не терпел отдушин.
Даже дух не испустил —
В жизни был бездушен.

14
Сцену с юности избрал,
Звал к свободе страны.
Натуральный капитал
Вкладывал в карманы.

15
Кандидат-животновод,
Крупная фигура,
До кончины ждал приплод
От быка и тура.

16
Спит, мольберт под голова,
Кисть отдал отчизне.
На картину «Трын-трава»
Не хватило жизни.

17
Высшей выучки судья.
Был дороже глаза.
Знал закон от А до Я,
Сверху — ждал приказа.

18
На Олимпе прожил годы,
Выгнав трагиков метлой.
Мертвецам читает оды,
Как живым читал живой.

19
За народ страдал душой,
Косность метил мелом.
При подвижности большой —
Наливался телом.

20
Здесь уже не до острот,
Не пожать успеха!
Веселил честной народ
Суррогатом смеха.

21
Не чурался я наград,
Торопило «ДЕЛО».
Возбуждать «ДЕЛИЩА» в ад
Отправляюсь смело.

22
Знал прекрасно алфавит,
И учёный вроде.
Педагогикой убит
По своей методе.

23
Непричёсанный поэт
Затомился в клетке.
Сам себя на склоне лет,
Выдал контрразведке.

24
Утончённый адвокат.
Виртуоз лжефакта.
Чох умел подать, как факт
Острого инфаркта.

25
Не страшись могильных ямок,
Ямки тоже входят в план,
Для владельцев этих самых,
Приручающих уран.

26
Композитор. Свой уход
Выразил интимно:
Песней — балуем народ,
Учим — в духе гимна.

. . . . . .

Смотрит Ваня: Ну и ну!
Впереди — ГРОБНИЦА.
Замурованы в стену
Должностные лица.

Видит он к гробнице след,
Плитами мощённый.
Надпись сделана: «ВСЕВЕД»
По бокам — колонны.

— Не слыхать своих шагов,
Тихо у Всеведа.
Спит себе без потрохов
И земле не предан.

Так ему сейчас нужна
Мать земля сырая...
До чего ещё сильна
Слепота людская.

И при этой слепоте
Хуже, чем на тризне.
ВИДЯТ ВСЕ! Но в темноте
Дотлевают жизни.

А кого же здесь винить
За судьбу Всеведа?
Не раскрутишь сразу нить —
От клубка нет следа.

В тайну спрятали концы
О своих деяньях
Захребетники-жрецы
В разных одеяньях.

В честь Всеведа — торжество,
Что там не пророчут!
А над святостью его —
Про себя гогочут.

Прихожанам что ни дай:
Голодны ли, сыты,
В духе пастырей мечтай —
Помыслы убиты.

Взгляд не радует цветы...
Там же, где гробница,
По стене — на полверсты —
Должностные лица.

Профильтрованный народ,
Разных категорий.
А сюда он шёл вразброд
Через крематорий.

Оргмомент не соблюдал
(В распре план с судьбою),
К генералу генерал
И герой к герою.

Поглядим, состав каков —
Все стоят на факте:
Теоретик без трудов,
Непрактичный практик.

1
Зыбок власти ореол,
Зыбок год от года.
Шёл к народу, а ушёл
В дебри от народа.

2
Здесь лежит философ-плут,
Труд его не массов.
Был типичный Кассий Брут
За спиной у классов.

3
Угодил премьер в века
Опочил от страха.
Придавила старика
Шапка Мономаха.

4
Делал шум из Ничего,
Слыл Вселенноведом.
Вся история его —
Завтраки с Обедом.

5
Надорвался на Свободе,
Спотыкнулся на Борьбе.
Думал задом о народе,
А народом — о себе.

6
Маршал. Тысячи солдат
Загубил в расцвете.
На том свете не простят:
И зола — в ответе.

7
Знаменит писатель был,
Кланялся элите.
Фимиам властям курил
На земной орбите.

8

Физик-атомщик. Вполне
Мысль его нетленна:
По-людски жилось бы мне,
Остальным — гиенна.

Не спеши, Иван, беда...
Смотрит — в нише урна.
— Не попал бы сам туда!
Сразу стало дурно.

— И какого мне рожна?!
Вышел бы я сразу.
Что за чёртова стра... на...
Еле кончил фразу.

Закачался. Лёг в кустах.
Храп на полминуте,
Будто не было в глазах
Этой самой жути.

СТРАНА РАЙСКОГО БЛАЖЕНСТВА

Просыпается с ленцою,
Сон ушёл от молодца.
Пальцы бегают рысцою
От подмышки до крестца.

Огляделся. За утёсом
Свежий остов корабля.
И под самым-самым носом
Неизвестная земля.

— И народ совсем не голый...
Наговаривали мне.
Молчаливый и весёлый,
Как во всякой стороне.

Кто внасмешку, кто всерьёзе,
Без чинов и при чинах —
Все застыли в той же позе,
Что была у них в Мечтах.

1
Ест — не может оторваться,
И, как видно, не жуёт.
В пище нечего стесняться:
Не берётся на учёт!

2
Спит. Беднягу сны свалили.
Смачно шлёпает губой.
И поднять его не в силе
Ни «Подъём!» и ни «Отбой!».

3
Обожатель жизни склочной
Изогнулся, как вопрос,
Видно, к скважине замочной
Глаз сетчаткою прирос.

4
С неподдельною охотой,
Красный, сытый — хоть куда,
Лодырь занялся работой —
Мастерит Дворец Труда.

5
Грудку выпятив, как кочет,
На трибуну опершись,
Заразительно хохочет
Несмеявшийся всю жизнь.

6
Бунтари. Глаза, как свёрла.
Чинно выстроившись в ряд,
Тиранию, взяв за горло,
Личной властушки хотят.

7
Расплывается в улыбке:
Дескать, место отдаю...
В Рай попал я по ошибке —
Жил до этого в раю.

8
Дядя с мягкою натурой,
Без копейки живший впрок,
Клеит крупною купюрой
После стенок — потолок.

9
Весь оброс, забыл про пищу —
В «мокром» деле зубы съел.
Тянет к ордену Ручищу
Тот, кого бы... на расстрел.

10
Рядом с ним — музей регалий,
Негде вешать ордена.
На груди мемориальной
Маршеграфия видна.

11
Неулыбчивый рабочий,
Чей желудок вечно пуст,
Мировую злобу точит
На того, кто златоуст.

12
Двое фермеров толковых
Держат лозунг в два стиха:
МЫ НЕ ДОЙНЫЕ КОРОВЫ —
БУДЬТЕ ПРОКЛЯТЫ, ВЕРХА!

13
Приговор за приговором
Сыпал он — не прекословь!
Моет руки тем раствором,
Что легко смывает кровь.

14
Крылья носа — вроде щупа.
За спиной — девчат верста.
Треугольник ниже пупа —
Вот и вся его мечта.

15
На каком посту бы ни был —
Солнце гнал всегда взашей.
И коптил собою небо,
Мысля: с копотью светлей.

16
Не строил на неудачу,
Слушал мнение столпов.
Пирамидой строит дачу
Из бездарнейших томов.

17
Просвещенец гладит шею:
Вот народ. Познал предел.
Был неграмотный умнее,
С грамотёнкой — одурел.

18
Безнадёжный алкоголик
Из последних пьяных сил
Вопреки врачебной воле
Спиртзавод в себе открыл.

19
Рыжий бармен слова просит:
Я за выручку опять.
Виско-водочных подбросить!
Пиво с сельтерской изъять!

20
Протестуют проститутки,
Протестуют против жён,
Протестуют ради шутки,
Каблуком примяв закон.

21
Гласный цензор еле дышит,
Положил на стол печать.
ПИСЬМА!
Кто теперь их пишет?
В душах нечего читать.

. . . . . .

Стой! А где же духовенство?
Кто сюда веками звал.
В это райское блаженство
Ни единый не попал.

СТРАНА БЕЗБОЖНИКОВ

Полноватый, словно Швейк,
Потный, как из бани,
Без чалмы румяный шейх
Пляшет на Коране.

И, не веря в мощь Творца,
Не внимая чуду,
Два озлобленных юнца
Подорвали Будду.

Разметался возле рва,
Рук нет у болвана.
Возле зада — голова,
Вот уж где нирвана.

В туалет ведёт настил
Из камней мечети.
Кто-то Библию прибил
Прямо в туалете.

А седой митрополит —
Борода куделью —
На кресте Христа казнит
Рашпилем и дрелью.

Племена божков своих
Искромсали в рубке.
А когда азарт утих —
Закурили трубки...

Эх, костёр! Под стать заре —
Аж трещат поленья.
Почернели на костре
Новые ученья.

Хватит! Были чудеса:
Догмы — пахли садом.
А к молитвам небеса
Становились задом.

К человеку никогда
Не было любови.
Кровь дешевле, чем вода.
Жалко, что ли, крови?

— Ну а как же здесь живут?
Чем отводят душу?
Пьют, едят, едят и пьют,
Туша любит тушу.

Что им Шива, что им Пий,
Кущи там и чащи.
Здесь забыли «Не убий!» —
Убивают чаще.

Тащат лозунг впереди,
Лозунг на полмили:
УПРАЗДНИТЬ «НЕ УКРАДИ!»
ВОРОВСТВО УСИЛИТЬ!

А в прелюбах — тёмный лес.
Преданы телесно.
Дом Терпимости исчез —
Терпят повсеместно.

Ближний ближнего гостит —
Аж мороз по коже.
Ближний ближнему вредит —
Дальний так не может.

Крепче — нету молодца,
Получив закалку,
Чтит мамашу и отца,
Как собака — палку.

Правда... Ложь... И здесь враги,
Очень злобны обе.
И в ответ на «Не солги!» —
Лгать учись в утробе.

Суверенная страна
Из семейства диких,
Зачеркнула имена
Идолов великих.

Сразу хочется в века
Через все изъяны...
Сел Иван на облака —
И в иные страны.

Страна учёных дураков

Небоскрёбов не видать —
Всё одноэтажно.
Стульчик, тумбочка, кровать —
Прочее не важно.

Что за адская страна?!
Знойно и морозно.
Чует разницу спина,
И вполне серьёзно.

Долго так не простою —
Выползешь увечный.
Может быть, мне интервью
Выдаст первый встречный.

— Мир вам дорог или нет?
Полчаса молчал брюнет.

— Ненавижу тишину
С точки современной.
Я приветствую войну
Скажем... во Вселенной.

Процитирую статью
«Зауми» столичной:
Плоть свою готовь к ружью
Даже в спальне личной!

Второй встречный

— Неужели не поймут
Дураки народы:
Если есть на свете труд —
Значит, нет свободы.

Третий встречный

— Сумасшедшие дома
Умными забиты.
Если ты... сошёл с ума —
Все пути открыты.

Четвёртый встречный

— Я в долгу перед страной:
Поощряю роды.
Трудно нации одной
Выкормить народы.

Иван

— Говорят, печать остра:
Пишет своевольно...

Пятый встречный

— Мало классикам костра!
Книжицам не больно.

Я б живым переломил
Руки на коленке.
Мёртвых вынул из могил
И опять бы — к стенке.

Развелось, как на Земле.
Ноздри тянут в дыры —
Господа Полурабле
И Полушекспиры.

А Иван зарделся весь,
Весь во власти смеха:
— Значит, гении и здесь
Выродкам помеха...

Отошёл потехи час,
Впереди дорога.
— Извините, как у вас
Тут насчёт налога?

Шестой встречный

— За мои прогнозы — честь,
Грудь венчают звёзды.
Вот одна новинка есть:
Госналог на воздух!

И скажу вам, не солгу,
Это не крамола:
Чёртом прём ещё деньгу
Из проблемы пола.

Давим каждую чету.
В-третьих. А в-четвёртых —
Все младенцы на счету,
Не обидим мёртвых...

В интерес вопрос завёл,
Заиграл страстями.
— Может, сесть за круглый стол?
— Все столы с углами.

Седьмой встречный

— Взгляда я не изменю:
Презираю чувство.
Из духовного меню —
Вычеркнуть искусство!

Что там будет впереди?
Сколь теорий пробных?!
Хлеб да соль производи,
Да себе подобных...

Приосанился Иван,
Задержал Восьмого.
Встречный стал, как истукан,
Что возьмёшь с НЕМОГО?

В позолоченных очках.
Держится примерно.
В Генеральных Дураках
Он ходил, наверно.

Знать, заваривал чаи —
Пить не будешь... Или
Доболтался, что свои
Языка лишили.

СТРАНА ЗОЛОТОЙ КОРОВЫ

Луг в росе. Трава по пояс.
Рядом — зеркало реки.
Вышли к нашему герою
Мужики не мужики.

Трое — в шляпах и в костюмах,
Лица постные угрюмы.
А в руках по два ведра —
По доенью мастера.

Под ракитами густыми
Зорька — мордой к мураве.
А уж вымя, а уж вымя,
Как Царь-Колокол в Москве.

Ваня им вопросик с хода,
Не успев руки подать:
— Что же вашего народа
В государстве не видать?

Ай, окончена работа?
(— Нет, у нас сейчас страда.)
Может, здесь не знают пота,
Может, пали от труда?

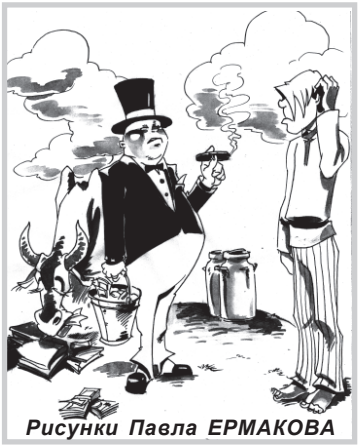
Расскажите-ка мне, братцы,
Чем же занята страна?
В выраженьях не стесняться —
Правда голая нужна.

Те понятливо кивнули,
Дескать, тёртые умы!
— Про народ вы помянули?
— Весь народ — так это мы.

— Ничего... Народец дельный...
Он смекнул, прижав язык.
— А Заря бывает тельной?
— Ни к чему — в обузу бык.

— Это ж противоприродно!
— Так устроено у нас.
— Льётся золото свободно.
— Лишки держим про запас.

— Значит, речкой льётся?
— Речкой!
Но скотина нам жалка...
Ставим, правда, перед течкой
Перед ней портрет быка.



Рисунки Павла ЕРМАКОВА

— Наша Зоренька бессмертна,
Скажем проще, на века...
Как бездонная цистерна
Золотого молока.

— Значит, сами казначеи?
— Казначеи. Пьём, едим.
Зря не трём коровьей шеи,
Ведь на вымени сидим.

— Метод ваш ведётся тонко,
Что там Ильф и что Петров.
Ох, как жутко без телёнка
Этой лучшей из коров.

Ну а если, скажем, осень
Иль суровая зима?
— Сена, брат, она не просит:
Ест научные корма.

— Ясно. Бедная скотина.
По себе сужу я сам:
Чем полфунта маргарина,
Лучше — сливочного грамм.

— Холим, лечим. Есть аптека.
Всё с расчётом, по уму.
Учим грамоте полвека:
Знает буквы «М» и «У».

— Что ещё быть может лучше?
Вразумительно мычит.
Есть надежда, что изучит
Наш нелёгкий алфавит...

...А пока идёт доенье,
Всё жадней и жёстче спрос.
Позабыли воскресенье
(Да простит Иисус Христос).

Руки жмёт Иван — и дальше.
Путь тернист, нелёгок труд.
— Эх бы нашей тете Маше
Этих дояров на суд!

Был тогда бы шум из шума,
Сразу б со смеху сжила
Вечнодойщиков... в костюмах
За бездушные дела.

Чтоб на выстрел на ракетный
Их двойник не подошёл,
Чтобы мык её приветный
Жёг его за произвол.

ПИСЬМО С РОДИНЫ

— Как же там моя Россия?
Дома не был целый год.
Что дела идут большие —
Это знаю наперёд.

Но возьму дела помельче,
Мелочь давит, как ярмо...
Глядь — письмо. И стало легче —
Как же! С Родины письмо!

«...Здравствуй, Ваня! Мы здоровы.
Проводили Новый год.
Возвращайся, друг фартовый,
Всюду перепись идёт.

Нас замучили анкетой:
Кто ты, что ты, чем живёшь???
Ведь твоей забавы этой
Даже в сноске не найдёшь.

А вчера румяный братец
Из милиции пришёл.
Вставил в «Дело» — «тунеядец».
И добавил: «зело зол».

На какие, дескать, средства
В страны дальние умчал?
Незаконные наследства
ВЦИК давно конфисковал.

А по части сбережений —
Сам весь век сижу в долгу.
Кроме форменных движений —
Шага сделать не могу.

Где достал? Ну, ясно: шулер!
Есть особая статья.
За границей лучше б умер —
Спасу нету от ворья!

Участковый выражался,
Не жалея чёрных слов...
...Поскорей бы возвращался,
Наш совет тебе таков:

Оформляй себе трудкнижку
(У покойников лишь нет)
Да впрягайся в должностишку,
Не жалей остатка лет.

По гудку иль по наряду
Раньше солнца выходи.
Хоть начальству, хоть окладу —
Хошь не хошь—поклон клади...»

— Тяжело. Один в Союзе
С биографией такой.
На Таганке, скажем, в ТЮЗе
Лодырь нынче не герой.

Был Обломов... Канул в Лету.
Я иду по целине.
Не за чистую монету
Помогать хочу стране.

Если хлопоты пустые —
Не страшусь ни бед, ни пуль...
Кто и что я без России?
Без России я ведь — НУЛЬ.

Пожимаю крепко руки,
Поступайте по уму.
Я вселенские науки
Через Родину пойму.

Страны тут не из курортных,
Комфортабельность не жди.
Уморился. Нужен отдых —
НАШИ ВСТРЕЧИ ВПЕРЕДИ!

С ВОСХОДОМ СОЛНЦА

(Бригадирские будни)

Великому Крестьянству и моим родителям — Ольге Ивановне и Василию Фёдоровичу РАССОХИНЫМ

Поэма

ЗАРЯ СКВОЗЬ СУМЕРКИ

ПОД ПАРАМИ

Лёд хрустит в тишине низинной,
Пар восходит от рысака.
Человека в санях не видно,
У полозьев — висит рука.

Конь храпит и прядёт ушами,
Фиолетовый глаз косит.
— Вновь Афонюшка под парами.
— Жеребца загнал, паразит!

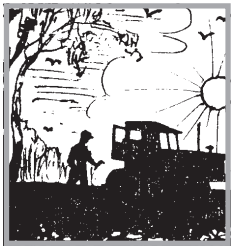
— Как в бездонную бочку льётся!
— Дед на выпивку был смирней...
И черно полукружье солнца
На широком задке саней.

В ПАРТКОМЕ

Секретарь лукавинку прячет,
Да не спрячет её никак:
— Мы не ждали тебя на кляче.
Помню, аховский был рысак!

Ну, садись, Афанасий Палыч!
Не шути и не плачь в причёт.
Если молодость воевала,
Что-то зрелость твоя сдаёт.

Знаю, в танке горел под Курском,
В ночи пасмурные не спишь...
Шёл да шёл бы гвардейским курсом,
А теперь от спиртов горишь?



Торопиться задумал к бесам?
В мирной жизни почуял страх?
— С детских лет я в ладу с железом.
Оставляйте при тракторах.

НАКАНУНЕ

Ох, как бабы собранью рады!
С хлопотливым проворством свах
Ворошат второпях наряды
В шифоньерах и в сундуках.

Электричества разве жалко?
Штапель гладится и шелка.
Розы рдеют на полушалках,
Рдеют розы в два кулака.

Мужики под хмелинкой. Спорят.
Сизой тучей — табачный дым.
— Говорят, во князья... Григорий?
— Что загадывать? Поглядим.

— Бригадира «обмыть» не поздно.
— За него потом не красней.
— Лишь бы в корень глядел серьёзно:
Всё цветение от корней!

А в низинном углу Заречья,
Под навесом добротных крыш,
Как в отместку за эти речи —
Рты хозяев сомкнула тишь.

Ни улыбки вокруг, ни смеха,
Даже кашель и тот — в кулак.
Как печальный итог успеха,
Тает выдох: «Пропал, дурак...»

И зачем утопал в бутыли?
Пил да ел бы в свои лета.
Что таить? За Афонькой жили,
Как за пазухой у Христа.

— Молодняк не глодал будылья,
И корова знала бурак.
И гусыням треножил крылья
Налитой овсяной гусак.

— Жди таперича живодёра.
Свой ли пришлый — уже не наш.
И к тому же возьмёт контора
Каждый шаг твой на карандаш.

НА ЗЕРНОСКЛАДЕ

Сквозь белёсые кольца дыма
Прямо в душу идут слова:
— Поздравляем, Григорь Максимыч!
— Как, не кружится голова?

— Не до жиру, а быть бы живу,
Но не ляжем под образа...
Проглядели мы летось ниву:
На неё теперь все глаза!

Спиридоныч! Прикинь-ка наспех,
Как богаты на семена.
— Что прикидывать? Курам на смех,
Да и тем-то по ползерна..

А на солнце лицо лоснится,
Словно в масле гречишный блин.
— Наберу по сусекам ржицы
Разве что... на Ерохин клин.

— А когда у него хватало?
— Знаем сызмала, первый плут.
— На базаре свиное сало
У мошенника не берут.

И кому оно — в две ладони,
Но и здесь он бывает чист:
По районным столовкам гонит
И деньгу гребёт, как артист.

— У него не ищи излишка,
По Николам курит «Памир».
И раздулась его сберкнижка,
Точно книга «Война и мир».

Шубин шутит: Он брать не бросит,
Не в мешок возьмёт, так в карман.
Но проверкою будет осень —
Зашивай закрома, Степан!

Прав Сергеич, не трожь Егорку.
Мужики-то ещё добры...
Жизнь такая: не всё под горку —
Чаще на гору, чем с горы.

ДОМА

— Зачем тебе должность такая, Гриш?
Гремишь, как Гнедой, бестаркой.
Тебя, ежли в водчище не сгоришь,
Внахлёст обольют соляркой.

Зареченцам нашим нужна гроза,
Да что там гроза — грозища.
Следишь за народом во все глаза,
А за тобой — глазища!

Десяток овечек, да тройку свиней,
Пустили бы в зиму тёлку.
И нервы целей, рублёк повидней,
И в доме побольше толку.

— Довольно, Катюша! И въедлива ж ты!
Дымишь, как сырая солома.
На Выселках завтра вскрываем бурты —
Плетушку захватишь из дома.

— А кто ж со свиньёй-то?
— Решай сама.
Ты сроду не любишь спешки.
К тому ж у тебя —
Палата ума,
А все остальные — пешки.

В ПОЛЯХ

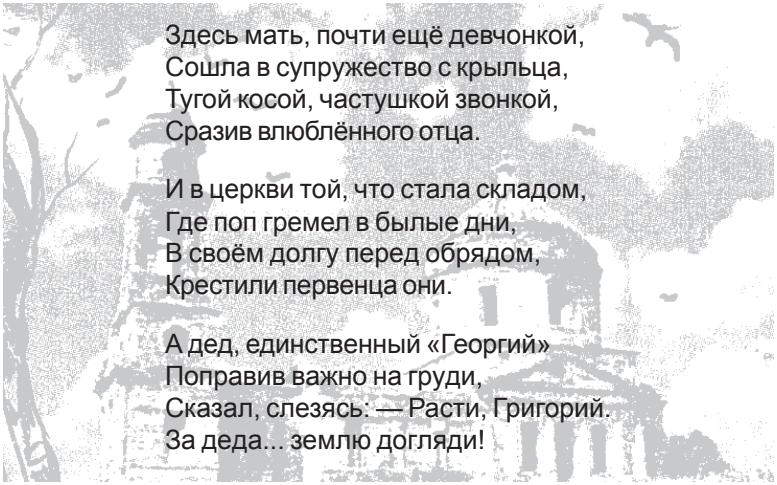
Ручьями вновь земля размыта,
Пора в поля коня седлать,
Чтоб через конское копыто
Почувствовать, когда пахать.

Максимыч выструнил поводья,
Легко привстал на стременах.
Лежали в роздыми угодья,
Под небеса пуская птах.

Но вот беда: опять овраги,
Как волки, рвут бока полей.
В каком лесничестве бумаги
Читают люди веселей?

Пускай работники охраны
Подлечат нашу сторону:
На эти ноющие раны
Пора бы высадить сосну!

...В большом ладу с косой и плугом,
Дороже сказочных земель,
Лежит Заречье полукругом —
Его святая колыбель.



Здесь мать, почти ещё девчонкой,
Сошла в супружество с крыльца,
Тугой косой, частушкой звонкой,
Сразив влюблённого отца.

И в церкви той, что стала складом,
Где поп гремел в былые дни,
В своём долгу перед обрядом,
Крестили первенца они.

А дед, единственный «Георгий»
Поправив важно на груди,
Сказал, слезясь: — Расти, Григорий.
За деда... землю догляди!

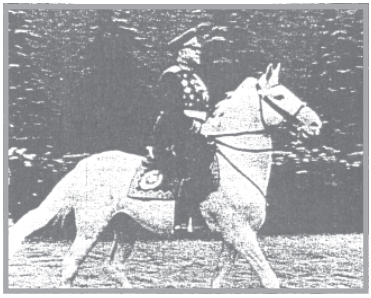
Не зря ж я хаживал в атаки...
Потом уж первые шаги,
Друзья — и кошки, и собаки,
И шишки первые, и драки,
И даже первые враги.

Отец японца бил и финна,
И знать не знал, что свой погост
Найдёт у дымного Берлина,
Чтоб сын поднялся в полный рост...

Он помнит шелест похоронной,
Родню, прижатую бедой.
Мать на крыльце упала чёрной,
А в дом внесли седой-седой.

Какие там зубрить науки,
Когда от яблонь были пни,
Когда глаза и слух, и руки, —
Всё подчинили трудодни.

Но, как бы жизнь нуждой не мяла,
(В нужде не легче, чем в бою)
Она надеждой окрыляла,
Дарила солнечность свою.



Светил в ней дедовский «Георгий»,
Отцова — Красная Звезда.
И звали на гору дороги,
И было жарко от труда.

...В большом ладу с косой и плугом,
Дороже сказочных земель,
Лежит Заречье полукругом —
Его святая колыбель.

Он за росинку здесь в ответе,
Судьбу его не зачеркнёшь.
Пера такого на планете —
Во всей Вселенной не найдёшь!

А конь, селение почуяв,
Спешит на ранние дымки.
— Овраги вёснами лютуют,
Сломаем жёлтые клыки.

Давай, зелёная контора,
Лесную молодь побыстрей!
Волков повытравили скоро,
Но хуже хищников матёрых —
Овраги — хищники полей.

БЕЗ ПЕРЕКУРА

Сгоревшей соляркой несёт со двора,
На лужах — узорные виды.
Чихают и вздрагивают трактора,
Как дети после обиды.

У всех на ремонте набита рука,
Лишь Кузя не понял бригаду:
На чистый четверг завалил боровка —
Печёнка теперь на декаду!

— На Пасху работать? Ядрёна честь!
А дома в грязи погрязли.
Как будто в три горла им пить и есть,
И сыром кататься в масле.

Максимыч фуражкой стирает пот:
— Иди отоспись, балаболя.
Машину угробил! И совесть не жжёт,
Что кормишься... с этого ж поля.

А трактор, поистине, сирота,
Хоть списывай на детали.
И масло стекает из-под моста
Горючей слезой печали.

— Судить!
— Да у чёртушки — детский сад.
— Тамарка восьмым опросталась.
— Ему бы крапивой порадовать зад,
Чтоб пламя в штанах заметалось!

...Который уж час перекура нет.
Народ подгоняет погода.
И Кузинский трактор протёрт и согрет:
К цилиндрам — вернулась свобода.

— А он всё готовил его на тот свет...
— По правде сказать: за такой марафет
Поить надо хлопцев полгода!

У КУЗНИЦЫ

— Надорвёшь слегой животик, —
Усмехается Зуёк.
Перекраивает плотник
Афанасьевский возок.

— Для Григория готовишь?
Прямо барский тарантас...
Помяни на добром слове:
Жилы вытянет из нас!

— Семенихинские жилы?
Их лебёдкой не возьмёшь!
Ты колхозничал вполсилы,
И в совхозе так живёшь.

— Брось, Федотыч! Дело к ночи.
Не дадут по калачу.
Раны точат? Язва точит?
— Я их сам переточу!

На погост — ещё не древний,
И скажу тебе при всех:
Жить я... около деревни
Не могу... как без телег.

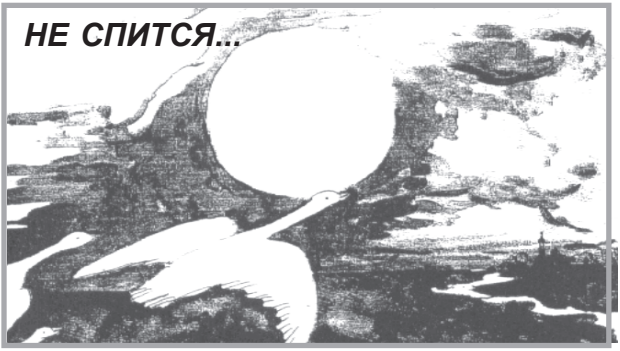
Был я мечен из обреза,
Утопал за Ленинград.
Говорят, я из железа —
Сам в слезах пилил свой сад.

Не готовь на Гришку вилы,
Ведь немалые лета.
У волка излишек силы,
А коня берёт с хвоста.

Ты, Илья, куда умнее.
Есть на книжки аппетит.
К людям... надо быть добрее, —
Так Писанье говорит.

Ай, одна седая прядка?
Знаю швы в твоей судьбе...
Сам твердил насчёт порядка —
Он пожаловал к тебе!

НЕ СПИТСЯ...



Максимыч взволнован — луна за окном,
И в хате блестят половицы.
И вдруг закатилось в оконный проём
Волненье гусиной станицы.

— Летят! — и улыбка не сходит с лица,
Горит веселей сигарета.
Припомнилась сразу примета отца:
Кричат — жди хорошего лета.

Ведь хочется так повернуть дела
Не бранью и ласковой речью,
А так, чтоб Егориха вилы взяла
На диво всему Заречью.

Какой же к Илье отыскать подход?
Толковый мужик, да зыбкий.
Живу по соседству который год —
Не видел его улыбки.

У Глаши — иконами светит стена,
Святая вода Загорска.
А трёх сыновей подкосила война,
Лишь с братской — землицы горстка.

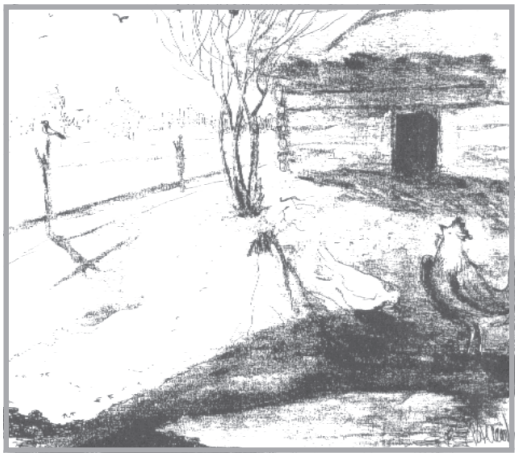
Быть может, устали, судьбину кляня?
Впустую растратили силы?
За что они взгляды вонзают в меня?
Не взгляды — а сущие вилы!

Как будто в округе — мои поля,
Как будто мне — больше чести.
Колодец один.
И одна земля.
И будем на роще вместе...

И сон накатился, забвенье даря,
Свалились заботы земные...
Но тихо толкает в плечо заря,
Как мама в года голубые.

Гремит рукомойник.
Опять в суету —
Навстречу улыбке и брани.
Пора!
Уже солнце клюёт петух,
И ближнего — радует дальний.

А песня-то вся из колен четырёх,
Но сердцу — милей красноречья...
— Должник я ваш вечный.
За мною горох —
Живые куранты Заречья.



СОЛДАТ ВЕРНУЛСЯ

Встречают первые дворы
Зуйкова сына — Генку.
И чемодан у детворы:
Несут напеременку.

— Своих, служилый, узнаёшь?
К твоим услугам хата!
Соседки щурятся: Хорош!
— Держись теперь, девчата!

— Блестит, с иголочки одет,
И Грунькина осанка...
У пацанов один ответ:
— Сержант! Водитель танка!

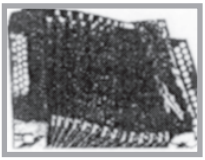
— Петровна!
Брось бельё в тазу.
Домой идёт — четвёртый.
Да ты не сыпь, не сыпь слезу,
И так — глаза протёрты.

— Кошель расстегивай, Илья, —
Смеётся бабка Оля:
Умчались в город сыновья,
И Генке — не до поля.

— Поменьше, старая, гуди.
Язык точи с Петровной.
На вечер в гости приходи —
Налью стакан церковной!

ОТЕЦ И СЫН

Утих гуляночный огонь,
Припевки не разносятся.
Лежит уставшая гармонь
И на руки не просится.



Ремень стянул её, как жгут,
Когда-то к ней приглянутся.
Но розы снова зацветут,
Едва мехи растянутся.

— Садись, сынок, поговорим.
Что мать? Она ведь женщина.
Отец прошёл и Крым и Рим,
И в ад стезя обещана.

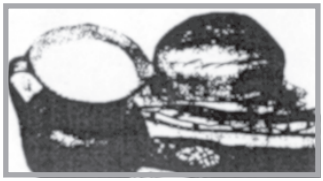
Тебе учёность по нутру,
Знай публику учёную.
Да сёмгу ешь, да ешь икру,
Да колбасу копчёную.

Не говори, что высоко.
Стремись повыше с младости.
А нас поддержит молоко,
Да пензия по старости.

Ищи любовь не по глазам,
Головушки не свешивай.
Глядишь, подкатишь к старикам
На легковушке бежевой...

Смеётся сын: Докуда брать
Десятки да пятёрки.
Платком порадовал бы мать,
И сам вон — в гимнастёрке.

— А что нам с ней на карнавал?
Для нас вы — вся отрада.
— Когда костюм-то надевал?
— Забыл...
— А помнить надо!



Копейка ваша нелегка,
За помощь — вам спасибо.
Мой океан — река Ока,
И раки есть, и рыба.

Моя земля — родной плетень,
Не раз тобою витый.
Колодец наш и даже тень
От дедовой ракиты.

Ты сам рассказывал, что дед
Солгать не мог на волос,
Что исцелял от всяких бед —
Зареченский наш колос.

А что копчёности жуют,
Так ведь они — отсюда.
Квартира — скованный уют,
Простор — вот это чудо!

— Сынок, отбился ты от рук.
А дури-то, а дури!
Не проходил я курс наук,
Но кто шёл против бури?

— Отец... Подслушала я вас.
Прости меня сегодня.
Скажи, зачем ему сейчас
Съезжать с родного корня?

И здесь закончит институт,
Москва не за горами.
Старшие в городе живут,
А Гена будет с нами.

Почти не видела, как рос,
То в школе, то в солдатах...
Ты вспомни, как его принёс —
Как цвёл тогда при сватах!

— Опять поспела со слезой.
Вот слёзы... как отмычки.
Он сам с путёвой головой,
И на погонах — лычки.

Ему все карты. Грамотей!
Сумеет сделать выбор...
А слух остёр твой у дверей —
Спасибо, мать, спасибо!

И встал, нахмурившись, Зуёк,
На сына глянул цепко:
— Ну, что ж? Крестьянствуй, голубок,
Раз такова зацепка.

МУЖСКОЙ РАЗГОВОР

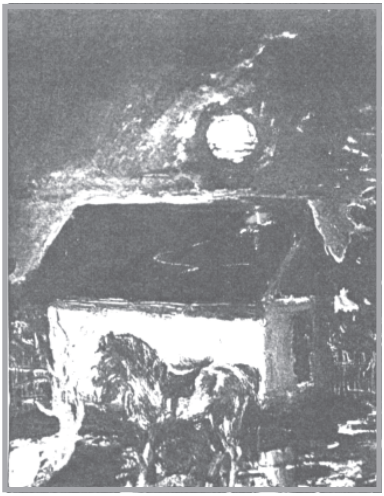
— В бригаду надумал, Геннадий Ильич?
Не в тяготу сельская скука?
Дай бог, что отца не разбил паралич;
Теперь с этим городом — мука.

На старенький сядешь... не будет греха.
Пока не ропщи на судьбину.
Была бы силёнка — с ВДНХ
Пригнал бы тебе машину.

— А мне, дядь Гриш, снились наши поля,
Хлебнул пограничного лиха...
— Работай, покуда зовёт земля,
Здесь тоже не очень-то тихо.

Быстрей разбирайся в вопросах любви,
Оркестр закажу на усадьбе.
А там, хоть на свадьбу меня не зови —
Микстуры не хватит на свадьбе!

Завидую, Генка, твоим годам,
Что гонят в три шеи усталость...
Когда-то луною закусывал сам,
А глянешь — такая ж осталась.



ПОМОЖЕМ...

— Хата Лёнкина присела
И не смотрит на весну.
Помогу ей после сева,
Крыше молодость верну.

Почернела ты, Алёна.
— Вижу, Гриш, осталась треть.
Дочь примчалась из района —
Здесь решила похудеть.

Я и так её и этак,
До больницы — четвертак.
А она, как с того света —
Выгнал из дому, босяк!

Пригрозил: чужой ребёнок!
Кулачищем под бока.
Сам гуляет с разведённой —
Продавщица из ларька.

Знаешь, гладкая такая,
Не по возрасту сдобна.
— Да, Алён, припоминаю:
Всем водителям — жена.

В ней и толку, что в отаве
После знойного денька...
Девку в горе не оставим —
Пусть приносит мужика!

Подрастёт у нас в Заречье,
Вожжи б парню передал...
Я младенческие речи
Года три как не слыхал.

Не слабей, какого беса?
Хворь — работою гони.
— Да ведь я не из железа.
Надломили трудодни.

— Ладно, прошлое не трогай.
Знаю, что не шоколад.
Мы придём к тебе с подмогой
За литых твоих телят.

О тебе молва в народе,
И обрадовать спешу:
Буду жив — получишь орден,
А помру — из преисподней
Наградную напишу.

НА ГОЛОС СЕРДЦА

У ТЕЛЕФОНА

— Добрый вечер, Григорь Максимыч!
Емельянов. Узнал?
— Узнал.
— Только, друг, без огня и дыма:
Трактор новенький вам достал.

— Фёдор Павлович, вот спасибо!
Собирались вам бить челом.
— Как здоровье? Без перегибов?
Не пугаешь народ кнутом?

Может, пряниками задобрил?
Знаю, местного мудреца...
Начинаешь на праздник? Добре!
Не забудь снарядить гонца.

— За машиной пришлю армейца,
Прилетит на одной ноге!
— Молодец! Не жалеешь сердца —
Колокольца тебе в дуге.

ПЕРВОМАЙСКАЯ БОРОЗДА

Нынче Кузя не пивши — пьяный,
До наряда поднял скандал:
— Затемняешь, Максимыч, планы..
Дизелёк-то кому отдал?

Не годится! А сулишь вымпел.
Краснословишь на всё село.
Тихой сапой Афоню выпер,
А приспешников под крыло?

Ишь, деляга! С Зуйком — зуб за зуб,
А сынка его обратал.
Он ещё не пахал ни разу —
Рано парню на пьедестал!

К ветеранам побольше такту,
Их терпенью настал предел:
Не себе же прошу я трактор,
Тит — за рухлядью поседел.

Огонёк промелькнул во взгляде:
— Я, Кузьма, на тебя не лют.
Если дело пойдёт в бригаде —
Сивку-Бурку в табун пришлют!

Не сгоняй у ребят улыбку,
Борозда и твоя мелка...
Тит Сазоныч, прости ошибку —
Пробуй рыженького конька!

Нам поля не пахать на крике,
Крик в хозяйстве — одна беда...
Завтра праздник у нас великий —
Первомайская борозда.

В ПУТИ

— Потише, Крылатый!
На шаг перейдём:
Оставишь в речке
С секретарём.

А конь, словно ртуть,
Под вожжой начеку.
— На Млечный бы Путь
Твоему рысаку!

— Там звёзды колючи,
И воздух иной...
У этих излучин —
Всё щупано мной.

И мягкая пашня,
И в росах — трава.
Свалиться не страшно:
Цела голова.

Что может быть лучше?
— А ты однолюб.
— Дедами обучен,
Воспитывал клуб.

Не такой, конечно, скажем,
Будто здание ООН.
Он всего — одноэтажный
С целой дюжиной окон.

В зале есть доска Почёта,
Стенгазета, домино,
Шашки, шахматы до пота,
А сражаться неохота —
Отдыхай, смотри кино.

Храм культуры...
Святость зала
Нарушается пока.
Я хочу одну лишь малость,
Чтоб уборщица не знала
Ни окурка, ни плевка,
Ни бутылок из ларька.

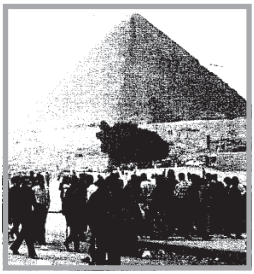
— Старики-то в клуб заходят?
Не подводят ваш финплан?
— Телевизор нынче в моде,
Иногда влечёт экран.

На холсте — невзгоды века,
Опыт наш передовой...
Вспоминают... Как иначе?
А другой, глядишь, заплачет
Над «Судьбою человека»,
Над «Калинушкою красной»,
Как над собственной судьбой.

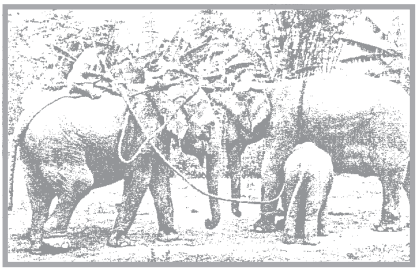
И под кровелькою этой
Не гнездится тишина.
Нет картины — будет лектор,
И — коробочка полна.

Старики тихи, как осень,
Ухо держат, брат, востро:
От кого добро привозим,
И кому везём добро.

Своего бы отпустили,
А приезжий — отвечай:
Что Израиль? Что там Чили?
Бьют ли негров? Что Китай?



Берегись тогда, философ,
Торопи ответ, знаток:
Есть других ещё вопросов
Неразвязанный мешок.



Правду режь без произвола,
Дело мира — не табак...
Хорошо б в заморских сёлах
И о нас болели Так.

Помни, Индия, Египет,
Что спасая вас от бомб,
Не одну ковригу выпек
Наш российский хлебороб!

16*

ПОЗДНИЙ УЖИН

— Обижать не будем жинку:
Хлопотала у стола...
Незаметно четвертинку
Катя к мясу подала.

И с улыбкою несмелой
Предложила холодца.
— Причащаешь, значит, белой?
В грех заводишь молодца?

Не проспи зарю, Григорий,
Выводи на поле рать...
Потолкались у предгорий,
А вершины надо брать.

Не горячкой бестолковой,
На «ура!» и напролом...
Надо технику и слово
Завязать морским узлом.

Проводи меня немного,
И за Млечный Путь прости.
Ведь зарецкая дорога —
Лучше Млечного Пути.

Всё родное...
В смехе, в плаче
Виден каждый человек.
С человеком
Будь помягче —
Нервы ест Двадцатый век.

Помни практику Афони,
Не нужна она живым:
Тень овса — жевали кони,
А кривого — звал Кривым.

Нам здоровый нужен юмор,
Пусть войдёт в бригадный штат.
Ты... о партии подумал?
— Возраст вышел... Староват.

— Снова притчи расписные:
Не гожусь да не гожусь.
А дела-то молодые,
Даже сглазить не боюсь.

Всероссийского успеха!
Значит, сеете на Май...
Вот и «газик» мой подъехал,
Дома — будет нагоняй!

ПАХОТА

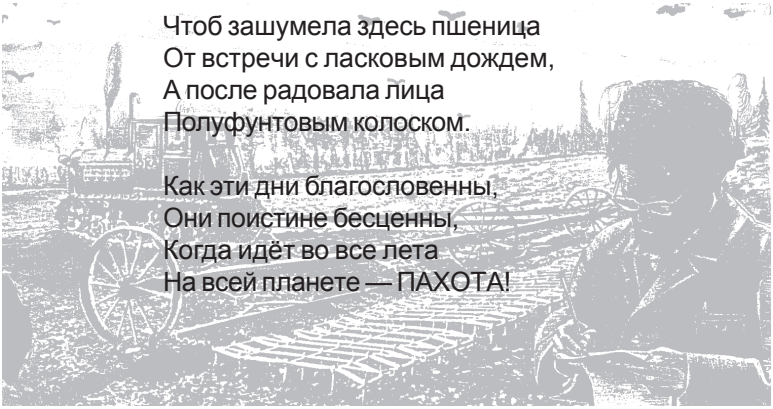
Подвинув жаворонка в небе,
Насупясь, ходят облака.
И песни нет ещё о хлебе,
Земля без голоса пока.

Но вот уже ревут моторы,
Врезаясь в толщу тишины.
И глохнут синие просторы
От мощной музыки весны.

С каким-то пристальным вниманьем
Следишь, как в поле тает дым...
И пашни тёплое дыханье
В одно сливается с твоим.

И не беда, что ты не знаешь
Героя первой борозды,
Что ты его не увенчаешь
Наградой высшей за труды.

Ему лишь крыльев не хватает,
Но и без крыльев он хорош:
Он в пыльном облаке мечтает,
Чтоб до штурвала встала рожь.



Чтоб зашумела здесь пшеница
От встречи с ласковым дождем,
А после радовала лица
Полуфунтовым колоском.

Как эти дни благословенны,
Они поистине бесценны,
Когда идёт во все лета
На всей планете — ПАХОТА!

В ГОРОД...

Два ЗИЛа новеньких дрожат,
Верёвками обвиты.
Хлопочет Букин: — Аккурат!
Со всеми вроде квиты.

Прощай, зареченская жись!
Я вылез, как из пены.
А ты, Максимыч, здесь казнись —
Клей грамотами стены!

— Мне ехать некуда, Гаврил.
Деды отсюда родом.
Квартиру в городе пробил?
— Пробил...
— Конечно, мёдом?

Сверхзвуковые на земле,
А ты, такая туша,
Всю жизнь летаешь на пчеле —
И лёгок ты, Гаврюша.

Хитро прищурился сосед,
Играя желваками:
— Янтарный мёд... от всяких бед,
И в рай — берут с грехами.

— Не торопись попасть туда,
Ведь он ещё не взвешен.
В свои последние года
Милей, где ты был грешен.

Ты не сердись!
— Да не сержусь.
Мы как-никак соседи.
У голодранцев не учусь,
Как золото — у меди.

Мой путь таперча в сторожа,
По учрежденьям — дети.
И мне с шастого етажа
Видней, что на планете.

Прощай, зареченская жись!
Не насолил я людям...
А ты, Гриш, корнем не гордись —
Ещё соседи будем!

ПОСЕВНАЯ

В сплочённых колоннах проходит страна,
Зарю — продолжают знамёна...
А здесь так и требует поле зерна,
Зерна для июльского звона.

Налево — Афоня, направо — Кузьма,
Дистанцию держит Геннадий.
Клубится — сгущается серая тьма,
Но к ней притерпелись в бригаде.

По лицам — чёрные ручейки,
Рубашки — стянули плечи.
На пыльных обочинах тают мешки,
И вроде бы сеялкам легче.

Хотя и у них за крутую страду
Намяты бока и суставы.
Устали, тихонько скрипят на ходу,
И в скрипе по-своему правы.

Машины вдоль рощи идут с хрипотцой,
Рубашки выкручивать время.
И солнце вдобавок сквозь кров жестяной
Безжалостно давит на темя...

А там, где берёзовой пахнет листвой,
Травою и свеженькой щепкой,
Привёз дед Силантий обед полевой —
Махать заремизился кепкой.

— Брыкается рыжий?
— Чуток пропотел...
— Сазоныч, держи естафету.
Ему Емельянов зубёнки смотрел,
Изношенных, стало быть, нету.

Прошу налегать на скоромные щи!
С говядинкой пшённая каша.
Который тут Генка? Невест не ищи —
Готовила внученька Даша.

Подъехал Максимыч, вспотевший, худой.
— Я вам кое-что прогорланю:
Сегодня, когда мы решим с посевной —
Опробуем новую баню!

А то уж давненько по нашим телам
Скучает берёзовый веник.
И пиво плюсуется к общим делам:
Райпо завезло в понедельник.

...В сплочённых колоннах прошла страна,
Зарю — продолжали знамёна...
Отсеялись шубинцы до зерна,
И стало в сердцах просветлённо.

Теперь небесам на дождишко б наряд,
Грозу на весёлой ноте,
А там — яровые заговорят
Об их молчаливой работе.

НАСЛЕДНИКИ

Май и вправду беспокойный,
Но Алёна расцвела:
Подарила дочь ей двойню,
Сразу бабке — два орла!

— Впятером теперь под крышей,
Увеличим чугуны...
Даже муж её погибший
Улыбнулся со стены.

— Не дожил... Слезу смахнула.
Память — молодость вернула.
И Алёнушке седой
Ярко-ярко показала,
Как закутав в одеяла,
Алый сам от ленты алой,
Зинку нёс отец родной,
Вскоре отнятый войной...

— Здравствуй, бабка! Значит, внуки?!
А Максимычу— беда:
Драгоценнейшие руки
Отбирают без стыда.

Мужики в хозяйстве кстати.
Ох, и Зинка — молодец!
Вот гостинец ей от Кати...
Как районный-то отец?

Вспомни прежнюю осанку,
Да оденься помодней.
Да бери мою тачанку,
Но... лошадку посмирней.

— Привезём! Ещё есть горе:
Их крестить придётся вскоре.
Надо крёстного отца —
Где отыщешь молодца?

— Эх, Алёнушка, ей-богу,
Не мешай-ка молодым!
Поторапливай Серёгу —
Поезд праздничный дадим.

...Конный двор. Пришёл племянник,
Щёки блещут от бритья.
— А духи... нежней герани,
Брал их, что ли, из ручья?

Прибыл конюх: стоп, родимый!
Мерин стал, глаза скосив.
— Что, Вьюнка ему, Максимыч?
— Куклу дай... Вьюнок пуглив.

Не забыл, как надо править?
— Что ж я, маленький совсем?
— Не забудь сенца добавить,
Чтобы мягко было всем.

Да вези без произвола,
За вожжами не дремли.
Ты ж везёшь, сказать толково,
Не наследников престола,
А наследников земли.

Что осталось мне, как деду?
Верить в них да в колос ржи...
А с игрушками приеду —
Так младенцам и скажи!

ЗОВ ЗЕМЛИ

РОДНОЕ И БЛИЗКОЕ

В белых садах ворожба пчелиная,
И протодьяконский бас шмеля.
А к вечеру страстная трель соловьиная,
И перепел сон призывает в поля.

В такие часы наслаждаешься пением,
Как будто шагаешь тропинкой удач.
Негромко поёт, но с таким откровением
Хозяин лугов — быстроногий дергач.

И сердце не бьётся, а сердце колотится,
В глубины его снизошла благодать.
И каждому выйти на улицу хочется
На люд посмотреть и себя показать.

Частушки пропеть и послушать «страдания»,
Гармонь развернуть или броситься в пляс...
И кто-то припомнит былые свидания,
И кто-то свиданье назначит сейчас.

А ночь родила уже звёздную радугу,
Луна окрылила несмелых парней.
Как прежде, боясь, замирая и радуясь,
Девчонки целуются у плетней.

Приходят домой от волненья горящими,
Тихонько откроют ворчливую дверь.
Отцы с матерями им кажутся спящими,
Из пушки стреляй — не разбудишь теперь.

Наивная юность, простившись у речки,
Траву на лугу уморившись толочь,
Не знает, что бабкам не спится на печке,
Они в своей юности бродят всю ночь.

И деды на время забыли болезни,
Прошедшую жизнь вспоминая, как рай...
Кому не мечталось — живьём или песней
Прорваться сквозь войны в сегодняшний май?

Смятение чувств перед зрелостью лета,
Доверчивость к светлым, коротким ночам,
Как сильный гипноз... Но с приходом рассвета
Опять всё становится по местам:

Скрипит журавель. Выгоняется стадо.
И первое «Здравствуй!», и первая брань,
И взгляд исподлобья, печаль и досада,
Улыбка, надежда, мечта и отрада,
И зло, и добро уживаются рядом
В чудесную пору по имени — Рань!

У ЮНОСТИ

— Принимай, Катюша, вымпел:
Место первое у нас...
— Что ты розовый? Ай, выпил?
— Пригласил десятый класс!

...Вот и школа — честь района,
Двор девчонки размели,
Солнцем, известью белёна,
Словно церковь на Нерли.

— Как вчера за книжкой мокли,
Вроде не был перваком...
Здесь учительница сопли
Вытирала мне платком.

Много всякого бывало,
Но не вычеркнуть годам
Из батиста чистый-чистый,
Удивительно душистый,
С кружевами по краям.

Где ты, Анна Николавна,
Свет весенне-зоревой...
Доживаешь век свой славный,
Нам пророчишь путь державный,
Иль ограда над тобой?

— Как дела? Привет завхозу!
— А... Максимыч... Забежал?
Узнаёшь свою берёзу —
Пацаном ещё сажал.

— Как же, пятая от края.
Не забыть, пока живу.
Облачёнки подпирая,
Так и лезет в синеву!

В зале — лучшие доярки,
И тюльпаны на столе.
Вскинул крылья лозунг яркий:

ОСТАЁМСЯ НА СЕЛЕ!

Подошёл директор быстро,
Глянул в зал, как командир:
— Вот и весь Совет Министров —
Председатель — бригадир.

Приступай, Григорь Максимыч!
— Наш регламент объяви.
— Не хватает только гимна...
— Он у каждого в крови.

— Что рассказывать? В газетах
Пропечатано давно,
Кто купается в победах,
Кто ленив растить зерно.

Оставаться нынче модно.
Одного лишь я хочу,
Чтоб любой избрал свободно
Специальность по плечу.

Я такой приемлю землю:
Больше рос и меньше слёз...
Говорят, что ловит в петлю
Души юные совхоз.

Хоть сегодня в сельсовете
Забирайте паспорта...
Есть красоты на планете —
Чем же здесь не красота!

Каждый ищет в жизни чуда,
Но послушайте меня:
Ломоносовы — отсюда,
Исаковские — отсюда,
И Гагарины — отсюда,
Нашим пахарям — родня.

Это— пахари науки,
Эти — пахари небес...
А иной, брат, руки в брюки,
Век слоняется от скуки,

И кричит такой балбес,
Что деревня — тёмный лес.

Руки надобны повсюду:
Сталь варить, плести плетень...
Караулить вас не буду —
Вы ж не солнце в Петров день.
Глядь, с меня стряхнёте лень!

Снова смех. Глаза искрятся.
Подают ему букет.
— Значит, лозунг не для глянца?
Пассажиров, значит, нет?

Завтра выпишу наряды!
Никого не запугал?
От земли — идут награды,
Кто-то льёт уже металл!

БУДУТ СТОГА...

Вновь Зуёк налетел, как кочет,
Бригадира вовсю шерстит:
— Управляйтесь, смотреть нет мочи!
Разве сено не в аппетит?

Не хотелось читать мне сказку,
Но кого же пороть лозой
За чудовищную неласку
К нашей вольнице луговой?

— Бригадира пори, Михеич:
Баня с веником в самый раз...
Посевная была на шее —
Мысли вышибла про заказ.

Изуродован луг копытом,
Шрамов множество от колёс,
Но устроим в лугу забытом
Перекличку зарецких кос!

А когда разрешимся с хлебом,
К мураве — подойдём плотней.
И стога повенчаем с небом,
Чтобы в зимы глядеть смелей.

ЯБЛОНЯ — У КАЖДОГО ДВОРА

— Не суди мои затеи,
Я люблю не в бровь, а в глаз.
Говорит Игнат Лексеич,
Может быть, последний раз...

До войны отец твой, Гриша,
Каждой веточке был рад:
И смородину, и вишню
Нёс и в сад, и в палисад.

Может, не было и речи,
И не шли б на ум слова,
Почему ж в моём Заречье —
Вымирают дерева?

Все под дедовы ракиты
Норовят нырнуть в жару.
Прутик высадить? Поди ты...
Многим вряд ли по нутру.

А деревья так приветны,
Каждый листик говорит,
Что корнями век ракетный
В судьбах дедовских ракит.

— Хороши, Лексеич, наблюденья:
Полюбил ракиту человек.
Без её простого шелестенья
Не представлю я грядущий век.

Мне б хотелось, чтобы с нею рядом,
Снегопад встречая и ветра,
Жизнь смягчала праздничным нарядом
Яблоня у каждого двора!

— Приступай, покуда бродит сила!
Сам приду, коль завтра не загнусь,
Чтобы под землёю мне светила,
И тому, кому святыня — Русь!

ОТСЕЯЛИСЬ...

Отсеялись — и с плеч свалилась глыба,
Отсеялись — и счастье в борозде.
И шепчет поле каждому «спасибо» —
Кто в это время думал о страде.

Отсеялись — улыбка в каждой хате,
Отсеялись — зовёт к себе река.
И крылья ощущаешь на закате,
И понимаешь лепет родника.

Острее видишь импульсы созвездий,
Отзывчивей и сам ты, и друзья.
И хочется душе сказаться песней,
Такой, когда вполголоса — нельзя.

ПРАЗДНИК «РУССКАЯ БЕРЁЗКА»

Нынче в пляске — не загвоздка,
Дай дорогу ярому:
Праздник «Русская берёзка» —
Троица по-старому.

Здесь гитара славит очи,
И транзистор шлёт фокстрот.
И Высоцкий, между прочим,
С пленки голос подаёт.

Но над всей музЫкой века,
Несмотря на хрип и звонь,
Уважая человека —
Круг расширила гармонь!

Непривычная к покою,
Не обходит стороной,
Одержимого мечтою,
И увечного душой.

Никогда не будит жалость,
А всегда зовёт в полёт
Тех, чья молодость промчалась,
Тех, чья молодость пройдёт.

— Заберите, марсианки,
Не вертайте сызнова
За неверные свиданки
Голубочка Сизова.

— Я спешил к тебе и мчал,
Аж разбил сандалии,
Но моряк руку держал
У тебя на талии.

— Нынче девки все припевки
В пазуху запрятали.
Пропоют их или нет —
Дело за ребятами.

...А детвора уже с утра
Спустила горы серебра:
Пьют лимонад, штурмуют тир,
Жуют ирис, едят пломбир.

И... бабы вторят тоже им —
Толпятся за мороженым.
На некошеном лужку
Мужики — по «посошку».
И в запасе по «зелёной»
Со ставридою копчёной.

— Под началом быть у Насти,
Тяжелее нету власти,
Тяжелее нету власти.

— Заходи, Максимыч, в круг:
Травка зелена.
Поднимаем дух,
Чем не велено.

...Другу здесь простишь ошибку,
Выпьешь мудрости глоток.
Даже жадный на улыбку —
Улыбается Зуёк.

Он с грустинкою итожит
Впечатления свои:
— Так на ярмарку похоже...
Жаль, что ноги не мои!

...На душе легко и дивно —
Удаль в празднике жива.
Вновь от дождика и ливня
Встанет смятая трава.

И такая есть примета:
Все окрестные леса,
Как игру дневного света,
Будут помнить голоса!

ОБЪЕЗДЧИК

А наутро — ждёт дорога,
Крутовата, нелегка,
Прямо к сердцу мужика.

С этим запросто, с тем строго,
А иной хулы на бога
Так и просит с языка.

— Опустился ты, Алёша.
Вытворяешь чудеса!
Бригадир... твою же лошадь
Выгоняет из овса.

Пролежал бока на пробках,
Пил бы, что ль, да не по всей:
Луг заказанный истоптан
Белым полчищем гусей.

А ведь жаловался: Пе-чень!
Дай Казбека под седло...
Этак, брат, себя залечишь —
Не таких ребят смело!

И молчит хмельной объездчик,
В разговор вошла жена:
— Крой, Максимыч, крой покрепче!
Душу вынул, сатана!

Не коня ему под стремя,
Чести много на совхоз:
Закрепил бы на всё время
От свиней возить навоз!

ТОЧАТ КОСЫ...

Сенокос начинается с вечера,
Когда нет ещё россыпи рос.
И мелодия слышится вечная —
Перезвон отбиваемых кос.

Сразу меркнут все звуки привычные:
Рёв бурёнок да скрип журавля...
И тиха в это время обычное
Разомлевшая за день земля.

Ну, а завтра — зарёю весёлою,
Ослепляя бывалых косцов,
Упадёт разнотравье тяжёлое
На немнущийся ёжик лугов.

Пусть хрустит оно сухо под вилами
И ложится в тугие скирды,
Лишь бы небо дождями и ливнями
Зачеркнуть не успело труды!

ПОМОЩНИКИ

На лугу — полтабуна,
Ребятня верхами.
И ползёт к копне копна —
Пополам с цветами.

— Будет хлопцам на чаи,
Подведём итоги!
Эх, будённовцы мои —
Полукругом ноги!

Не отлынивай, Павлуш!
Ай, дурманит мята?
Сколько сделал волокуш?
— Десять.
— Маловато!

Вместе с мерином не спи,
Догоняй Егора.
Пяткой, пяткой торопи,
Пятка — тоже шпора!

Всех хочу предостеречь:
В сёдлах — недостаток.
Место мягкое — беречь,
Результат не сладок.

Чтобы завтра к полудню,
Не нажив печали,
Вы легко бы шли к коню —
И коня не кляли.

ОХ, И ДЕВКИ!

На скирдовку пришли девчата,
Усмирилась — слегла жара.
В душной розовости заката —
Ароматнее клевера.

И откуда берётся сила
В час вечерне-ночной страды,
Что под звёзды летят на вилах
Не охапки — летят пуды.

Бригадира вогнали в трепет,
Бросил вожжи, откинул кнут:
— Ох, и девки! Луну зацепят,
Золотые бока проткнут.

— Дядя Гриш, докуда ж вилы?
— Вон как Тоня подаёт:
Не работает вполсилы —
Настоящий стогомёт!

— Ты, Маринушка, не смейся,
Сознаю, что виноват.
И на технику — надейся,
Разберётся наш солдат.

...А стогам до марта стыть,
Снег держать плечами.
Будут зайцы приходить
Лунными ночами.

Куропатки налегке
Прилетят с отшиба.
И на птичьем языке
Скажут вам: спасибо!

МЕЧТАТЕЛЬ

Далеко гармонь слышна.
— Это Вася Нюшин...
— И какого он рожна?
— Развлекает души!

Он к совхозу не пристал,
С городом не сжился.
Дух на свадьбах поднимал
Музыкой кормился.

И с открытой наглецой
Опыт свой итожит:
— Грабли путаю с косой,
Ручками — похожи.

Что мне ваша суета,
Как в глазу — ресница.
Я люблю, когда мечта
Рядышком садится.

Вы три дня косили луг,
Кланялись рассвету.
А ведь время будет, друг:
Фюйть — и луга нету!

Без мечты я, как холоп,
И с мечтой не легче...
Говорят, что в небоскрёб —
Вселится Заречье!

До златых ли тут шаров —
Предпочтенье розе.
...Корни дедовских домов
Выдернет бульдозер.

Не поднимутся дымы
От весёлой печки...
Неужели это мы
Ползали у речки?

— Ну, и Вася... Балагур!
Небоскрёбы снятся?
Почини плетень от кур —
Огурцы годятся.

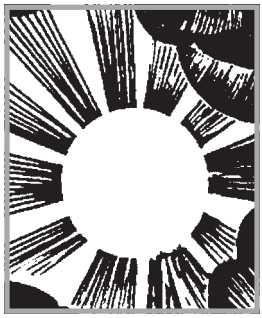
Их всю зиму режь да режь
На тарелку горкой.
И с рассыпчатою — ешь,
И закуска к горькой.

— Шубин! Ты, как дирижёр,
А сельчане — ноты.
— Запишу в крестьянский хор,
В клубе нет работы.

— К свадьбам сызмала привык,
Девками милован.
Много лью за воротник —
Навек проспиртован.

Может, это от потерь,
Может, от сомнений:
На Заречье я теперь
Гармонист последний.

— Не вгоняй, Василий, в дрожь,
Сам лечи изъяны...
Ну, а Туле для кого ж
Выпускать баяны?



Всюду музыка нужна:
В клубе... под оконцем.
Песней жизнь освещена,
Как планета — солнцем!

БУДЕМ ЗОРЧЕ...

Бригадир — один в телеге —
Едет ужинать домой,
Не торопит лошадь в беге,
Рассуждает сам с собой:

— В холода подкормим дойных...
Обживётся наш танкист...
И Орешкины довольны...
И кто на руку не чист.

...На салазочках подъедут,
Угадают под пургу,
Чтобы воровского следу
Не осталось на снегу.

Это Федя будет рыскать,
Зряч, когда густеет тьма.
Лет пятнадцать в чёрных списках —
Не исправила тюрьма.

Нет, нахлебники, довольно
Промышлять по закромам:
Вам не больно — людям больно!
Будем зорче по ночам.

РАДОСТЬ

Сладок воздух деревенский
После схлынувшей жары.
И стога, как перелески,
Выбегают на бугры.

И душа светлеет сразу —
Песню хочется запеть.
А намётанному глазу —
В зиму радостней смотреть.

Нервы крепче перед хлебом,
И, хотя покос угас,
Пахнет солнцем, дышит небом
Золотой сенной запас!

ПОКЛОН ТЕБЕ. КОСАРЬ И ПАХАРЬ...

Теперь, Максимыч, можно помечтать!
Пускай мечта извечно ладит с явью.
И не одна ещё на свете мать
Своё «спасибо» скажет разнотравью.

Вот этому, где ты потел с утра,
Откуда гнал перепелят в затишье,
И где коса, звеняща и остра,
Людей не гнула — поднимала выше.

Поклон тебе, поклон, косарь и пахарь,
За молчаливо-огненный размах!
Как дорога та майка и рубаха,
Что выцвела от пота на плечах.

Они сродни — армейской гимнастёрке,
Наградой первой — соль блестит на них.
И сенокос — в преддверии уборки
В лугах вёл перекличку рядовых.

НА ПАСЕКЕ

— Ну, как там взяток, дед Изот?
Максимыч пасекой идёт.
— Покуда нёбушко без течи,
И облака белы от гречи.

Цветёт... аж воздух плотноват,
Ну, хоть ложись на аромат.
— От разговора не отвык?
— У пчёл понятливый язык.

Работу любят без мытарства,
Что ни ульёк — то государство.
Там не увидишь беспорядка —
Матка!

Умницы-разумницы,
Жнут да жнут:
Крылышки ломаются,
А мёд несут.

Трутням легче,
Спинками к труду.
Не гудят плечи —
Хоботок в меду!

— Что ж, спасибо за урок:
Не нужны спектакли...
Береги, Ильич, медок!
Береги до капли.

Он хорош во все года...
Обеспечим гречей,
Чтоб простуды никогда
Не было в Заречье.

ДОКТОРИЦА

Сверкая плоской черепицей,
Белеет в яблонях медпункт.
Зовут девчонку — докторицей,
По-самобытному зовут.

Одна — на целую округу
И гинеколог, и хирург.
Познала ростепель и вьюгу,
Смягчая страждущим недуг.

Бывает, чуточку поплачет,
Напишет матери письмо
Про неудачи и удачи,
И пребывание само.

А мать волнуется часами:
— Никак я с ней не разберусь...
Одно письмо: Встречай с вещами!
В руках другое: Остаюсь!

А в нём — светла и откровенна:
Прости за строчки невпопад.
Люблю я... Кто он? Просто... Гена.
Душа — как яблоневый сад!

А бригадир, того не зная,
При встрече шутит каждый раз:
— Раиса Викторовна... Рая,
Кого мне высватать за вас?!

Есть у меня один разбойник,
Но с ним не боязно в глуши.
Поставим за день финский домик —
И диссертацию пиши!

Когда-то в городе квартира,
Когда-то сыщется жених...
А здесь над вами — звёзды мира,
Дышите счастьем за троих!

К СВАДЬБЕ

— Заженишился, я смотрю:
Гулять стал дольше...
— Гостей к Седьмому ноябрю
Зовите больше!

— Да ты нас, Гена, не пугай,
Цыплята — гости.
Собрать гостей — зёрен лишь дай
Из щедрой горсти.

А кто ж она? Ты не молчи!
Неужто тайна?
Пускай берёт мои ключи
Ручьёва Таня.

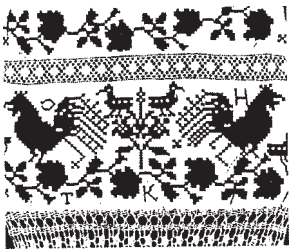
Она во всём быстра, как лань,
Или вот... Даша...
— Не угадала ты, мамань:
Медичка наша.

— Лечила... Знаю, не горда.
Привычна к ладу.
Немного с личика худа,
Но это смладу...

И рад отец, а мать уж там
Не сыщет места,
Ведь скоро в избу к старикам
Придёт невестка.

Стал сразу центром дом Зуйка:
— Готовься, старый!
— Село не знало за века
Подобной пары!

ПРИГЛАШЕНИЕ



— Разогнись, Илья Михеич,
Да тряхни-ка стариной!
— Долго, что ль? Помолодею,
Дай оженится меньшой.

На Михайлов день — стыдится,
На Октябрьскую — решил.
Не невесту, а жар-птицу
Генка в избу заманил.

Так что я теперь в дорогах:
Где подарок, где харчи...
Упросила Грунька бога:
Есть кому отдать ключи.

Всем открытки рассылаю,
Пусть съезжаются гуртом...
Вас на свадьбу приглашаю —
Как без власти за столом?!

Такова вперёд наука,
Окажи, Максимыч, честь...
— Сам, наверно, бредишь внуком?
— Пусть плодятся — место есть!

С ЖЕНОЙ

— Люблю рассыпанные звёзды,
Как васильки в родных полях.
И тёплый сумеречный воздух,
Что цветом липовым пропах.

И за прибрежным красноталом
Разливы зреющих хлебов.
Они вот-вот девятым валом
Ударят в стены закромов...

— Поспи-ка, Гриша... Эк, неволя.
Как Вася Нюшин — возмечтал!
И мир не видишь, кроме поля,
Жену давно не обнимал...

До лета бабьего застыну,
Опять, что ль, юность вспоминать,
Ведь в картузе носил малину,
Чтоб только рядышком стоять.

А я-то, дура, разомлела,
А мать вовсю меня кляла:
— Гришутка твой не знает дела!
И в шею к мельнику гнала...

Смеётся муж, аж ходят плечи:
— Не знал про тёщины блинки.
И променяла б ты Заречье
Через годок на Соловки.

Играла б там на патефоне,
По свету странствовал бы я.
...Ещё чего-нибудь напомни,
Катюша, Катенька моя...

ПЕРЕД ЖАТВОЙ

Духмяная полночь. Какие тут сны!
Вот-вот заиграют зарницы.
И свет прибавляется к свету луны
От света июльской пшеницы.

И лёгкая тень от неё улеглась
На стынущие тропинки.
В остинках колосьев застряли, искрясь,
Мерцающие росинки.

И перепел бойкий не выпел себя —
Аж стебли качает пеньем.
Срываются капли, чуть-чуть серебря,
Его черноту оперенья.

— Поклон тебе мой, золотистая даль!
Шуми и волнуйся на воле...
Ещё не одна отольётся медаль
Тому, кому дорого поле.

И Генка получит, и Зинке носить,
И класс выпускной не отстанет.
А тот, кто старается легче прожить —
Себя потеряет в тумане.

Плескайся, пшеница, тяжёлой волной,
Тока — подготовлены к лету.
Недаром гусей я услышал весной:
Спасибо, отец, за примету...

Духмяная полночь. Какие тут сны!
Вот-вот заиграют зарницы.
И свет прибавляется к свету луны
От света июльской пшеницы.

СПЕШАТ

Не за воздухом деревенским,
А на праздник на «козырной»,
То долиной, то перелеском
Горожане спешат толпой.

Их родители ждут с повинной,
И подмигивают родне:
— Ешь, сынок, холодец гусиный,
Лапки розовые на дне...

Не на блюдцах, а в ёмких чашках
Темновато-янтарный мед.
— Что ж ты, Шурочка, Саша, Сашка,
Бесквартерная кой уж год?

— Может, к нам возвратишься, дочка?
Хата наша на пять семей.
— Генка здесь укрепился прочно,
Дочь Афонькина... а уж ей

В институте учиться надо!
А гляди, как пшеницу жнёт...
Значит, осенью — быть с наградой!
В годы юные-то... Почёт!

— Не нужны мне её медали,
Лучше красненького налей.
Сами в город меня толкали,
Так что в городе веселей.

Розовеют в застолье гости,
Хочешь радуйся, хочешь плачь.
И подарком от тёти Фроси
Вместо водки стоит первач.

А под вечер схлестнутся в драке
Голос хромки, спидольный лай,
Так взъерошатся в полумраке,
Что не только себе — собаке
Уши ватою затыкай.
...Отъезжают уже не гордо,

Кто на лошади, кто пешком:
Зарюкзаченные по горло,
Успокоенные рублём.

Ждут автобус и ждут машину,
Зубоскалят по пустякам.
Горожане — наполовину,
Горожане — по паспортам.

Их судьбина сродни отаве,
Зелень та же, да не сочна...
Глядь, отец белый свет оставил,
Мать за ним поспешать должна.

И уже никакая сила
Не воротит к родной избе,
Где их мать на руках носила,
Где отец обучал ходьбе.

...Леденцовое было детство,
Вместе с яблонями росли...
Прямо в руки пришло наследство,
Жаль, что чуткость не обрели.

Может статься, стыдясь знакомых,
По-особому их любя,
Вы найдёте в своих альбомах
Корень ваш и... самих себя

Голиком, в одежонке пёстрой,
Эх, фотограф, живи в раю!
Мать искалывала напёрсток,
В светлой радости за семью.

...Неокрепшие горожане,
Уходя в поэтажный быт,
Не забудьте про их сиянье —
Пусть во внуках их свет горит.

НЕ ПЕРЕЙДИ ЧЕРТУ...

— Поедем, Ген, на волюшку,
Сними ярмо с души.
Привязан, что ли, к полюшку?
Состаришься в глуши!

Заречье лопуховое,
Крапива да осот.
Домишки вроде новые,
Да в них тоска берёт.

— Я здесь поднялся на ноги
Под выщелк соловья.
От ландыша до радуги —
Люблю свои края.

Твои вопросы смелые,
Не перейди черту:
Я видел ночи белые,
Когда сады в цвету.

А что сказать о золоте
Июльского зерна?
В родном серпе и молоте
Вся мощь его видна.

Не обижайся, Колюшка!
С тобой мы заодно:
Твой цех — частица полюшка,
И ты — растишь зерно.

ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА

— Как живёшь, Капитоныч?
С вешних дней не видать.
— Взял бы, что ли, сезонным:
Надоело хромать!

Мне ж не в пляс под гармошку,
В душу поле вошло.
Хлеб подходит к окошку —
Ночью в хате светло.

Не считался я крайним,
Век в трухе и в пыли...
Дай забыть на комбайне
Про свои костыли!

— Заберу без разговоров,
Мы ж с тобой кадровики,
Если в группе комбайнёров
Подведут выпускники.

Афанасий вместе с нами,
Делу дочку обучал.
И теперь она, как знамя,
Держит бережно штурвал.

Глянешь: худенькие плечи,
А машина ей верна.
Первой ласточкой Заречья
На миру наречена.

Так-то, брат, и в сельской жизни
В силу входит комсомол...
Институты б к ним приблизил,
В академии бы ввёл!

Не экзаменов бы ради,
Чтоб воспрянуло село:
Ведь поля у них — тетради,
Сразу пишут набело.

ХЛЕБА ПОСПЕЛИ

— Богато, шубинцы, живёте!
Уже весной не шить суму...
Как урожай — одни возьмёте?
А то я... трубку подниму.

И секретарь, седой от пыли,
Сказал устало и всерьёз:
— Не подводить! В прорехе — были.
За вами двинулся совхоз.

— Возьмём без дружеского класса.
— Максимыч, верить мне в ребят?
Вот хитрецы! Жалеют мясо.
Кормить рабочих не хотят.

— Их и кормить порою жалко, —
Кузьма вмешался, как везде:
Идет картофелекопалка —
А шефы спят на борозде.

Жаль, что деды на погосте,
Ох, и высекли бы нас!
— Брось, Кузьма! Они же гости:
Послабей хозяйский глаз.

— Гости, верно, но не боле.
Много холода в крови.
Поглядишь порой на поле —
Из ЦК контроль зови!

Там картошка остаётся
Покрупнее, чем орех...
Но... как в практике ведётся —
Плуг заваливает грех.

Что таить? Скажу, как было:
Чтоб морозом не убило,
Бульбу-матушку в подвал
Сам плетушками таскал.

А весною на Донбассе,
За весами лишь смотри.
И к моей крестьянской кассе
Есть приварок — сотни три!

Ими стены я не клеил.
Но покрыл железом дом...
— А тебе не мылил шею
Их шахтёрский исполком?

— Ты не жми на все педали,
Или выжил из ума?
Все очкарики стояли,
Антильгенция сама...

...Если шефов — посерьёзней!
Можно в спешке так набрать,
Что придётся на морозе
С ними жатву дожинать.

— А не зря Кузьмой назвали!
— Подкузьмить люблю с пелён.
— Сами справились вначале,
Не терзайте телефон.

— Днём и ночью будем биться,
Потом вспоены поля.
Хорошо, что под пшеницей
Прогибается земля.

НАС УЧИТ ОПЫТ...

Опять Кузьма с припевки начал,
Едва ль его угомонишь:
— Максимыч... Сложная задача.
Страду — угрюмым не решишь.

Не раз, не два ты брил мне шею,
На честность — камень не держал.
Не робок был, сейчас — робею,
И к молодежи — зорче стал.

Душа и рада, и не рада,
И не спешил, теперь спешу:
А вдруг в полях обгонит младость,
Где четверть века я пашу?!

— Кузьма Егорыч, и не диво,
И мы не вечны у руля...
Нас учит опыт коллектива,
А там, где молодость — красиво,
И это — чувствуют поля.

Зернинку бросил — встанет колос,
Посеял горсть — готовься, жнец...
Земля сама идёт на голос,
На зов распахнутых сердец.

В РАЙЦЕНТРЕ

Предвечерняя истома,
Знойно-пыльная пора.
Все машины — у райкома,
Еле видны номера.

— Емельянов! На минутку!—
Окликает секретарь.
Кто-то вслед подбросил шутку:
— На ковёрчик, голубарь!

— Убегаешь от начальства?
Устный выговор давать?
Поровней веди хозяйство:
Смотрит пристально печать!

Бригадир у вас бедовый,
Не видал портрет в «Заре»?
— Не пришла ещё...
— Хреново.
Почтальон
Хлебнул десерт?

А насчёт газет, послушай,
Будь внимательней к строкам.
Мы уйдём с тобой, Федюша,
Но строку — читать векам...

Знаю, там у вас непросто,
И скажу наверняка,
Что партийного-то роста
Не заметил я пока.

Начинал я с публикаций:
Шубин — смотрит молодцом!
Если нет рекомендаций,
Бригадиру даст райком.

— Пётр Михаилыч, есть ребята:
У совхоза на виду...
— К белым мухам — поздновато.
Принимай ребят в страду.

Бой за хлеб — как за высотку,
Отличившимся — что есть!
О зерне давайте сводку —
По работе вам и честь.

Это первый будет камень,
И второй ему чета:
Как дела с выпускниками?
— Трое взяли паспорта.

— Ладно. В город тоже нужно,
Пусть готовит молодцов,
Вместо этих... золотушных,
Что на шее у отцов.

За девчонку очень рады.
— Трудновато ей одной...
— Может, девичьи бригады
Зацветут у вас весной?

Ты устал и я усталый,
Но примчусь на пироги...
Управляйся, Фёдор Палыч!
Хлеб... мякину береги.

Надо взять его сегодня,
Пусть ребята не поспят,
Так... и с помощью господней,
Как в народе говорят.

СТРАДА

Луна прибавилась, окрепла,
Сияньем вечер изнемог.
Седая пыль, как осыпь пепла,
Неровно дышит у дорог.

То с серебром, то с золотинкой,
Чтоб в срок попасть на жернова,
Зерно с приятною шуршинкой
Течёт-струится в кузова.

И бригадир, довольный жатвой,
Кричит шофёру на ходу:
— Пускай полнеет элеватор,
Роскошный ужин — раз в году!

...Страда всегда необычайна,
Роднит и юных, и седых.
И красным звёздам на комбайнах
Гореть при свете голубых.

И, как пружина, время сжато:
Часы, спидометр — всюду счёт.
А за рекою элеватор
И ухом вроде не ведёт.

Но это — ложная примета,
Вся суть его не на виду:
Он, как гигантский улей лета,
Гудит без умолку в страду.

И вечно жадными глазами
Глядит в бескрайние поля,
Где щедро горбится скирдами
В июльском мареве земля.

И жаждет солнечной погоды,
Напоминая за версту,
Что на планете есть народы,
Где крошка хлеба на счету.

И НЕТ ЛЮБВИ СВЕТЛЕЙ И КРЕПЧЕ...

Село охвачено страдою:
И днём, и ночью слышен гуд.
Здесь, словно брат с родной сестрою,
С негромкой песней ладит труд.

Куда ни глянь — народ достойный,
Он время меряет зарёй,
Хотя свои миры и войны
Ещё ведёт между собой.

А разве вся иссякла сила?
А разве кончились дела?
Жизнь по заслугам наградила
Великих жителей села!

И нет любви светлей и крепче,
Ей — все заветные слова,
Когда Лужки или Заречье
Нас окрыляют, как Москва.

Попробуй, вычеркни из сердца
Места, где вырос и живёшь.
Пера такого, как ни бейся —
Во всей Вселенной не найдёшь!

Мы с ними в старости — моложе,
Мы с ними в зрелости — юны.
И с каждым днём они дороже
При свете солнца и луны.

Иван ПОДСВИРОВ

ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Нелегко складывалась творческая судьба Виктора Рассохина. В то время, как иные его собратья по перу довольно напористо осваивали поэтические «дали», пользуясь набором броских метафор и не менее броских рифм, на поверку оказавшихся всего лишь повторением пройденного, молодой поэт среди множества тропинок и дорог упорно торил свой путь, иногда сбивался с него, впадал в заблуждения, порою даже в наивное ученичество, но эти временные ошибки не только не останавливали его, а, наоборот, прибавляли в нём дерзости, крепкой уверенности в себе, страстного желания обрести подлинный голос.

Что ж, удовлетворимся старой формулой: не ошибается лишь тот, кто не работает. Отраднее знать, что Виктор Рассохин состоялся как поэт, причём интересный, остро воспринимающий токи современности. Свидетельство тому — новый сборник стихов «На ветру»*. Сошлёмся на авторитетное мнение поэта фронтового поколения Николая Агеева, высказанное в предисловии к сборнику: «...Традиционные русские размеры стиха, а Виктор Рассохин работает в пределах именно этих размеров, начинают всё больше и больше «слушаться» автора. Он не стремится выходить за рамки избранной ритмики, да в этом и нет особой нужды. Стихи его строятся просто, звучат естественно. Радует в них то, что поэт всегда откровенен с читателем, а откровенность — это черта характера. Общеизвестно, что если в стихах нет авторского лица, авторского характера, то нет и самих стихов. Почти каждое сти-

* В. Рассохин. На ветру. Стихи. Приокское книжное издательство. 1977 г.

хотворение Виктора Рассохина — это маленький рассказ о человеке, и не абстрактном, а конкретном...». Добавим от себя: это взволнованное повествование автора, крайне заинтересованного в судьбе своих героев, сопереживающего с ними. Именно потому никого не оставят равнодушным стихи о герое гражданской войны Сергее Лазо, о селькоре, до конца уверовавшем «в совесть эпохи, в её строгий, но праведный суд», о ветеране двух войн Фёдоре Павловиче Аверкине с «багрово-синеватым иероглифом от плоского японского штыка» на груди, о плотнике Евсеиче и скромной военной медсестре, которая ныне живёт неприметно «в избёнке крайней», а в сороковых-роковых «ходила, не надеясь выжить, за ранеными — под шрапнель...».

Исполнена строгого звучания «Баллада о комиссаре», открывающая наиболее удачный раздел «Совесть», точны портретные характеристики многих трудовых людей. При их обрисовке автор широко пользуется бытовыми подробностями. Изнутри освещённые светом искреннего чувства, они вдруг обретают философский смысл и становятся фактом поэзии.

Следует особо подчеркнуть, что в творчестве поэта произошёл качественный сдвиг, более весомо, нежели раньше, зазвучали, гражданские мотивы. Лирический герой не ощущает себя избранным одиночкой, а стремится жить всеми болями и радостями века, в сообществе родных ему по духу людей.

Трудно одному в поющей роте
По дороге песню не запеть.

Не могут не взволновать сердце читателя строки, посвящённые кремлёвским стенам, где «вмурованы в вечность останки товарищей»:

Пусть кто-то гнусавит:
— Все люди тленны,
Велик или мал —
Ожидай конца...
Прислушайтесь!
В красных, как знамя, стенах
Бесперебойно стучат сердца!

Верность революции, святым кремлёвским стенам обязывает поэта быть строже к себе и окружающему миру, яснее видеть друзей и врагов — словом, быть советским гражданином, умеющим столь же глубоко, и неподдельно любить, сколь и гневно ненавидеть. Поэт открыто выражает свою позицию, он непримирим ко всякого рода стяжателям, пьяницам, хапугам.

Лирический герой Виктора Рассохина живой, во плоти чело-

век, такой же, как мы с вами, читатель. Он замечает, что

Соловей всё так же, как и раньше,
Пьёт росу с кленового листа.

Даже пыль становится предметом поэзии:

Седая пыль, как осыпь пепла,
Неровно дышит у дорог.

Образ встретившейся на пути женщины, вызывает у него пронзительное в грустной изумлённости сравнение:

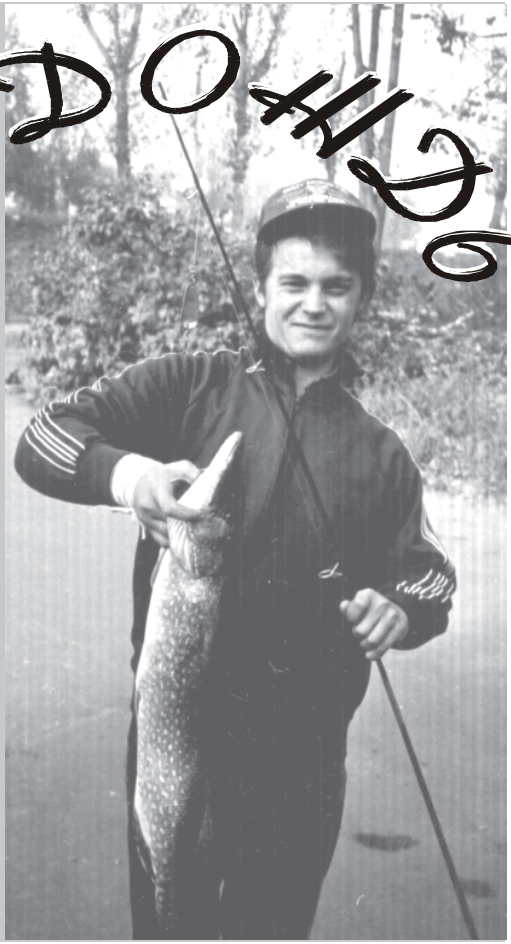
А ты всегда светись перед глазами,
Как лилия на утренней воде.

Виктору Рассохину удаётся передать тонкие ощущения и краски, свет и тени — это вечное движение природы, всегда поражающей нас бесконечными переменами. Недаром поэт любит пейзажи Левитана и сам рисует этюды и картины, что, несомненно, помогает ему зорче видеть и чувствовать, находить более точное слово. В небольшой рецензии меньше всего хочется говорить о недостатках сборника — заданности, декларативности отдельных стихотворений, неточности той или иной строки. Не будем заострять на них внимание. Отметим главное: в творчестве поэта наступила серьёзная пора. Ещё не однажды он порадует нас открытиями. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть хотя бы стихотворение «Пленные», в котором отразились не только факты личной биографии Виктора Рассохина, но и ясно прослеживается обострившееся социальное отношение к сложным явлениям мира. Поэт всеми нервами ощущает неумолимое течение времени, иногда в нём вспыхивает вполне объяснимое человеческое желание хотя бы на миг удержать, продлить «прекрасное мгновенье», но это невозможно, и сознание необратимости дней наводит его на грустные и вместе с тем глубоко оптимистические, исполненные философского смысла раздумья:

Может, так же пойти мне навстречу
И, как прежде, почувствовать май.
Но потом, что я сердцем отвечу,
Если вздрогнет оно невзначай?
И всплывёт, его ранив глубоко,
Твой уход на вечерней заре...
Что далёко — пусть будет далёко.
Есть цветенье и в зрелой поре.

Думается, вечное цветение жизни ещё долго будет вдохновлять Виктора Рассохина, и мы не раз станем свидетелями его новых, всегда неожиданных открытий. В том убеждают нас возросший уровень и культура его поэтического мышления.

Добрый дождь



Как-то очень захотелось порыбачить. Погода была пасмурная, щучья. Нежданно прорвались тучи, хлынул дождь, долго не утихая до мороси.

— Может поблесним? — сказал я любителям спиннинга. Они громко рассмеялись:

— Да она спит под корягами! Жора нет в проливной.

Не поверив в их прогнозы, прихватив болотники и накидку, я уехал на Зушу. Поставив машину на взгорке, спустился к помутневшей реке. Дождь то затихал, то опять набирал силу. От пляски крупных капель пузырилась вода. На время приютился у ракиты и открыл подарочную коробку. Там красовались ювелирные снасти на хищников — судака, окуня, жереха и голавля. На пятнистую — выбор был больше.

Глаза разбежались: какую забросить? Внимательно посмот-

рев на золотящийся виброхвост, решил остановиться на «Трофимовской».

Полоскать рябь пришлось недолго. Окунь граммов на триста, погнавшись за блесной, промахнулся и стремительно вылетел почти у самого берега. Факт активности рыбы придал мне уверенность, и я улыбнулся непоехавшим скептикам. Поклёвок не было с полчаса, а дождь набегал то слева, то справа в зависимости от гулявшего ветра. Водители грузовиков, иномарок иногда притормаживали, с любопытством, видимо, глядя на мою одинокую фигуру в зелёной блестящей накидке. Может быть, первое, что им приходило в голову, были слова «чудак» и «фанат». Возможно, они были частично правы. Вскоре моё упорство увенчалось успехом. В металлическом садке бунтовали три щурёнка.

Потом лихо развернулся ветер, плотной полосой дождя окатил лицо и мне показалось, что он из рук вырывает спиннинг. Он согнулся в дугу.

— Взяла!!! — мелькнула мысль, озаряя меня всего. Резкая подсечка и — началась борьба. Леска звенела от напряжения, я даже боялся, что катушка не выдержит. Туго, рывок за рывком, изредка создавая буруны, внушительная «бандура» из глубины подтягивалась на мель. Но и на мели она продолжала отчаянно сопротивляться и могла бы сойти, дав «свечу», если бы не жадный захват тройника. От напряжённой работы и радости я не замечал сильного дождя. Зушинская гроза плотвы и мелочи не помещалась в садок.

Рюкзак сразу потяжелел. На глаз в ней было килограмма четыре…

Домой сразу не поехал, зашёл к рыбакам-суховикам, побоявшимся дождя. Они смотрели футбол. Ещё больше их поразил улов. Кроме цоканья языком и расширенных от удивления глаз я ничего не слышал и не видел. Опомнившись, домоседы почти одновременно произнесли:

— С тебя магарыч!

А за что? Они ж не поверили в клёв при дожде.

Назавтра было солнечно и тепло. А вечером я их увидел уставших, в репьях и в «собачках». Они пролазали весь день по течению под Лыковкой, оставив на корягах и камнях десятки дорогих блёсен.

Клёв пропал. В чём мне тогда повезло — надежда на добрый дождь или вера в рыбный водоём — сказать трудно. Знаю одно — оптимизма терять не надо!

ПОДСТАВНАЯ

«Эти — с Богом, а эти — с бесом.
На знамёнах то Бог, то бес.
И сознанье сдавили прессом:
Шмотки. Ужас. Жратва и Секс».

«На лжи не мчитесь в новый век».
«Последняя дуэль», 1997.

Бывшая отличница-комсомолочка, мадемуазель Анжелика Симановская мертвецки спала после внезапной и буйной секс-идиллии прошедшей ночи.*

С тех пор, как её выгнал из дома отец — большой ферзь по партлинии — она жила, подвешенная неизвестностью, не зная, каким образом будет существовать в обозримом будущем. Сны давно не посещали её биологический остов, брошенный ею добровольно ради мужицких прихотей и мелких подачек. Девка она была со школьной скамьи хоть куда на выданье, ан нет — пове-

* Совпадение инициалов — случайно.

лась за теми, кто кулаком своим блеснёт, мало задумываясь над тем, к у д а она загоняет родителей.

Рассвело, но для неё новый день начался привычной рвотой. Много, много выпивала до совершеннолетия, любила покушать и веселиться на чужие гроши, а потом начала дуреть от анаши и мака, радуясь тому, что её сексапильное тело по-прежнему востребовано холостяками и залётными женатиками-водителями.

Нынче с нею баловался всю ночь Сева, втайне уже подумывавший о сутенёрстве над дюжиной таких, как знойная Анжелика. За свои 25 он не научился ничему, кроме «гоп-стопов», мотал срок за разбой, когда ровесники призывались в армию...

Он понимал, что рано или поздно ловушка, поставленная его же наглым авантюризмом, на нём и захлопнется. Талантливо вербуя путан для крутых и не очень, Сева не первый месяц обдумывал «мощное дело», способное дать возможность воплощению мечты — свалу за кордон и обязательно с Анжеликой.

Он обожал её, а она его — люто ненавидела. Схождение этой пары напоминало спектакль, до которого не додумался бы ни один из столичных или провинциальных драматургов. Здесь можно было бы намалевать целый романище, но... в жизни всё решали Севушкины деньжата.

Не то, что их было многовато и постоянно, однако алчной его подружке, щепетильно любившей тряпьё, хватало с гаком. Она прощала ему затяжные «командировки», потому что сама была ветрена и шла по жизни, словно перекати-поле. Зато фешенебельная квартира, шикарная «750-я» BMW, дача и независимость грели её выпотрошенную душу: «Смотрите, люди, не такая уж я и дура!»

Люди не разумели, что соседи — бандиты, ибо распутствовали они образованно — малым кружком и без криков. Вот и вчера Севочка многозначаще гутарил с дружком. Беседа текла спокойно, а закончилась вечеринка системно: пьянкой, порно на видео, а затем и в спальне. Она вскочила с кровати, вспомнив слова Андрея — «Если надо, так надо!»

— А ну вставай, щенявый! — толкала она его, и её оттянутые чужими руками груди болтались, словно коробки спичек в океане.

— Поднимайся, «муженёк»! Дело у вас с Андрейкой какое-то срочное, а что и как не припомню...

Сева вскочил, и захлопывая себя в джентльменский набор, рявкнул в обычной манере:

— Ты, Анжелка, гляжу, сдобна и умна. Поедешь со мной, иди точи морду свою смазливую перед зеркалом. Клиентик у нас есть — выйдет чего, аборты прекратишь делать...

Сладкая парочка не успевала по времени. Для «дела» им ещё предстояло заехать к подружке Анжелы за ребёнком, которого, по замыслам Севы, следовало укутать побогаче.

На трассе Сева обрисовал в двух словах схему преступления. Клиент продавал «Линкольн», свежий, из Пенсильвании, по ломовой цене. Зная его местожительство, Сева с Андреем решили «бомбануть» парня, кстати, честного торговца чужой просроченной колбасой и прочей мясистой снедью.

«Бомбануть» — это отобрать аппарат и «включить» нуворишу «счётчик». Акулы в людском обличье оказались поистине коварны, как будто выплыли из повести Хемингуэя «Старик и море»: для того, чтоб оттяпать «кусок», требовались ребёнок и богатая баба.

Анжелика не заканчивала голливудских курсов по каскадёрству, и сразу же захныкала, давясь дымом «Мальборо»:

— Как ты мог! Позови своих московских блядей, пусть они тебя выручают. Я не хочу на капот прыгать, даже если лимузин какого-то дурня не ехать, а стоять будет! Тебе хочется в Женеве осесть, так сам под колёса прыгай! А лучше — путёвку в кишялту закажи...

— Ах ты, сука! (Далее последовал мат объёмом в страницу). — Я тебя, как в песне, змею подколодную, от лосьонов до крылышек содержу, живёшь, как у Христа за пазухой! А ты меня за дауна прокатываешь, душонка ты ленинская!..

Немного порычав и дав Анжелике для трезвости крепкую оплеуху, Сева сосредоточился — под колёсами лёд, помела по стеклу пурга.

В гробовом молчании они закончили приготовления, захватив ребёнка и хмельного Андрея. Подрулили ко двору — «Линкольн» был на месте, поменяв цвет с чёрного на белый. Пацанва подворотняя, смахивая с него снег, волтузилась тут же, дружно радуясь, что их проказы заставили петюкать сигнализацию и горланить с окна хозяина.

Клиент вышел — встреча была оговорена. Он явно не ожидал, что на выезде, из-за арки на него шаркнет подставная шлюха не со своим дитём.

Не вышло у паразитов ничего. На «тачках» с президентским именем лохи не ездят, а если и катаются, то с оружием...

Потенциальная жертва сбила Анжелику с ребёнком, хладнокровно давя на газ: коробка-автомат собиралась за океаном на славу.

Вечером, когда она, боднувшая дом головой, пришла в себя, к ней в палату пришёл Андрей и сказал, что Севу застрелили. Она рванулась к окну расквитаться с жизнью, потому что ненавидя, всё-таки любила его, планировала рожать. Не знала Анжелика, что и сы́ночка подружки тоже погиб...

Андрей суетился, собираясь в бега. Тут их и накрыли мужчины-спортсмены из ФСБ. Головой в пол и конечностями нараскоряк, чтобы на людей больше не прыгали. Наутро в тереме-борделе нашли шесть паспортов. Но ни в одном из них не было фамилии — Симановская.

* * *

Признаться, я долго думал, достойна ли столь жгучая трагедия публикации. Я услышал её от серенького торговца подержанными иномарками на авторынке столицы, и почти ничего не изменив, перенёс на бумагу. Наверное, всё же достойна, если хотя бы одна будущая мать задумалась бы о своих — матери и отце. Может быть тогда она бы не украсила себя робой и «макияжем в клеточку», осознавая, что Женское Начало в ней не потеряно.

Редактор просил меня, известного писателя:

— Тащи, что актуально и желательно, как можно круче! Ты же всю страну объездил, а подался в её историю!

Я принёс ему правду. Опубликует он её или нет, на его «не разделяющей мнения» совести.

Февраль 2001 года.
Орёл — Москва,
«Путевые заметки».

ТИГРИЦА ЦЕНЗУРА

О, как она спешит на запах
Животрепещущей строки,
Что даже за когтями в лапах
Частенько отстают клыки!

МЕДАЛЬОН

В гостинице спать было невозможно. Пахло дустом и мастикой. Он потеплее оделся, надвинул на лоб серую фетровую шляпу и по тропинке, белеющей в зелени полянки, спустился к реке. Мокрый песок, плотный и кое-где искрящийся, почти не проминался под ногами. Золотая лунная каёмка на воде медленно бежала впереди его. Пахло свежим стираным бельём и тиной.

— Закурить не найдётся? — окликнул его старческий голос. Огляделся — никого, но присмотревшись, увидел у освещённого куста лозняка чёрную фигуру рыболова.

— Что, папаша, идёт?

— Сом.

— Ну и как?

— Вчера по-царски. Сегодня — хужей. Двадцатифунтового в ту ночь выхватил. Так пропотел — озяб на заре.

— А на что ж вы его?

— Воробушка жарю. Палёное любит… Вы, я вижу, ненашенский…

— Угадали.

— Как не угадать — округу знаю на память. А город что? Дюжина домков да столько ж замков.

— Не сказать… У вас знаменитостей было здесь, как в Ельце церквей.

— Ето да, ето да… Вот хотя бы купец Мишин! Ростом с ерша, а ведро шампанского в два приёма вымахивал. И не в глазу. Нос, как струч красный, да и только… Или кузнец Михеич. Из соседних губерний жеребцов приводили ковать. А жеребцы! В

ноздри — кулак пролезет, глазища, что головешка пылающая, на дыбы — чёрта подымут. Ему — хоть бы хны! Накидывает подковки сизые, держит в лапище конскую бабку, как дитё сдобный калач. У зевак — аж мурашки по телесам.

— У вас писатели, художники тут живали… Помните?

— Нет, дорогой мой, не встречал. Я так разумею — народ они скрытный. Книжечки да картинки впереди себя, как хоругвь, несут. А самих копни — сто чертей в душеньке.

Один случай помню. На Пасху музыкант у нас помер. Холостой. Раза в полтора меня старше. В дому — птичье молоко и то было. Ухаживал я за ним. Как ни приду — всё про любовь толковал… Рехнулся, думаю… А он своё — даже ночи называл белыми. Постарел — и всё ему белым казалось. О барышне своей часами рассказывал. Пела дюже здорово! Подумай только, — говорил он мне — её царь с Петербургом стоя приветствовал, а она мне голос одному дала. Одному! Тяжело вздыхал и гладил жёлтой высохшей рукой блестящую крышку рояля.

Я, говорит, захлёбывался от восторга, как будто всё счастье мира в груди собралось, потому что невесту мою Песней зовут.

Да, да — Песней, он так говорил. Ну, явно рехнулся, думаю. Таких имён-то не сыщешь, хоть и свет велик… Поддакиваю ему, не возражаю… Какая тут Песня — когда у одного — Дашка, у другого — Машка, Палашка у третьего. Наряды лишь разные да кусок в рот положенный.

Перед смертью мне пять золотых дал и вот эту штукенцию. Она, говорит, бессмертна. Ну, я открыл — посмотрел: баба, как баба. Лет двадцати. Сотлела, небось, годов за тридцать до него…

Луна вышла из-за облака. Дед чиркнул спичкой, и молодое вдохновенное лицо поразило собеседника удивительным сходством блиставшей некогда столичной певицы.

— Да это же Воскресенская! Папаша! Это же Вос-кре-сенская!

— Слышишь?!

— А я почём знаю. Так безделица. Чуть в омут не бросил…

Затрещала катушка. Старик напрягся, помолодел. В лунном свете ярко блеснула натянутая леска.

— Не уходи, подсоблять будешь. Сидит оковалок с телячью ляжку.

СТЁРШИЙСЯ ЖИКЕЛЬ

Лет пять назад в домик на Пушкарной, утопающей в зелени старых садов, всё летело на крыльях: белые медвежьи полости, персидские ковры, кольца из золота высокой пробы. Мать двадцатилетней Саши, худенькая, при трёх пальцах на левой руке, раньше времени поседевшая женщина, отложив шитьё в сторону, говорила:

— Брось, Шурка! Доиграешься!

Отдохнуть не могу в своей комнате. Всю ночь фары легковых по стенам шарят. В кого ты пошла, изверг! — Та хохотала. Приносила, шумя своим новым сверкающим платьем, шампанского, выпрастывала из пахучей кожуры сочные жёлтые дольки апельсина, совала их в рот матери, целовала её молча и тут же выпархивала к своему компаньону, томящемуся в собственной «Волге».

Недавно я проведал Татьяну Юрьевну, которая в студенческие годы познакомила меня с букинистами города. О как я был тогда ей благодарен, когда дрожащими руками брал пожелтевшие с померкшим тиснением и с магической буквой «ять» прижизненные издания Фета и Бальмонта, Андреева и Бунина...

Чёрно-оранжевый чай, приготовленный по моему вкусу, стоял на столе. Тускло поблёскивал в стакане потемневший кружочек лимона. В комнате было тихо и уютно. В углу, под большой в серебряной оправе иконой, горела ровным светом чёрная древняя лампадка, с зубчатым узором по краям.

— Шить не бросили?

— Что ты! Ночами строчу. Работы теперь прибавилось. — Она всхлипнула и высохшей рукой смахнула набежавшие слёзы.

— Сашу из петли вынула.

— Как?

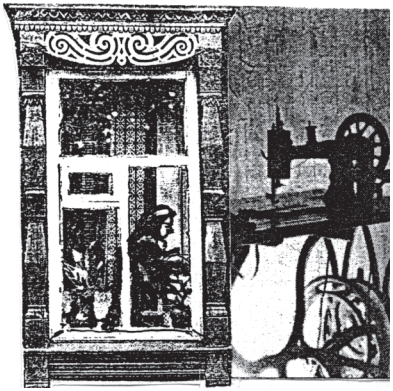
— Да вот так. Пойдём к ней.

Щёлкнул ключ. Сквозь дешёвые клетчатые шторы воскового цвета сочился свет. Серели голые стены, старые обои выгорели. На тумбочке из красного дерева, где когда-то стоял огромный телевизор, в узкогорлой сине-фиолетовой вазе стояли пыльные бумажные розы.

— От стыда поставила, — сказала мать. Безжизненно поблёскивал под «Детьми, бегущими от грозы» Маковского не тронутый временем уцелевший сервант без хрустальной и золочёной посуды, вместо которой за рисунчатым стеклом стояли в коричневых пузырьках лекарства.

— Ведь ошалела же дура! Шестимесячного дитя в себе зарезала. И кто взялся за это — тому б голову с плеч! А теперь Сочи... Евпатория... Гагры... Ну, бог с ней... Помогу... Куда денешься...

Я пожелал ей всего доброго и простился. Она открыла мне калитку и долго провожала слабеющим взглядом. На улице всё было пронизано солнцем, у ног шмыгали, чирикая беспрестанно, воспрянувшие воробьи, благоухали сады, а у меня никак не могла выйти из головы старенькая чинёная-перечинёная швейная машинка Татьяны Юрьевны со стёршимся никелем на кругу. «Зингер!» О сколько ею было обшито маленьких и взрослых горожан... И, вероятно, ещё придётся бежать игле на радость землякам всех возрастов, подтверждая добротность «Дома моделей на Пушкарной».



МАШИНА СЛАВЫ И ПЕЧАЛИ

Её народ запомнил крепко,
Познали медик и нарком.
Была лирическая «эмка»,
Но стала... «чёрным
воронком».

ПЕЧАЛЬ И РАДОСТЬ ВЗДЫБЛЕННОГО МИРА

Всегда аккуратный, с профессорской бородкой и очках в тонкой оправе, орловский поэт Виктор Рассохин напоминает интеллигента прошлого века. Но он может быть и резким, в чём убедишься, когда возьмёшь в руки томик его стихов. Недавно в Приокском книжном издательстве вышел новый сборник Виктора Васильевича под названием «Круговорот».

В первом же стихотворении мы сталкиваемся с неравнодушным, глубоко переживающим за судьбу своей страны, своего народа поэтом:

Но мне художник дорог
только тот,
Кто не юлит ни влево
и ни вправо.
Кто в хомуте — пока
не упадёт.

«Лира — как хомут» — согласитесь, смелое сравнение для поэта. Но Виктор Рассохин всем своим сборником доказывает право говорить именно так. Он может откровенно любоваться своим героем, находить в обыденности прекрасное. А может и жестоко ненавидеть. Такова наша сегодняшняя жизнь, и Виктор Васильевич, как тонкий художник, исследует её, обостряет, чтобы было понятнее нам, читателям.

Рассохин выступает как продолжатель славной плеяды поэтов прошлого. Мы прекрасно помним его проникновенные стихи о А.А. Фете. А за такие две строки я просто перед ним преклоняюсь:

Когда убили Пушкина
в том веке,
Я в этом веке
целый день ревел.

Рассохин — певец родной природы. Он охотник, рыбак, человек, хорошо знающий русские обычаи. Поэтому так созвучны нашему сердцу стихотворения «Баня», «По чернотропу», «Ярмарка» и другие.

Сейчас в работе находятся новые книги В.В. Рассохина. Будем с нетерпением ждать их выхода из печати. Автор показывает то, что больше всего необходимо нам сегодня — «печаль и радость вздыбленного мира».

Александр ВОРОБЬЁВ.

ДЕРЕВЕНСКАЯ СЦЕНКА

Вышел из застолья дед смурной:
— Знаем демократию... с кобурой.
То бронежилет, то бронекостюм.
Где ж тут демократия? Только шум.

* * *

Ах, высокие эти заборы
Возле белых ухоженных дач!
К нам направлены взгляды и взоры,
Вас не видит лишь тот, кто незряч.

Вас обходят тропинкою новой,
Здесь овчарок холёных не счесть.
Как иголки на ветке сосновой,
Так на них поднимается шерсть.

Грибники не живут без улыбки,
Мигом шутку подбросят в уют:
— Исправляем всё время ошибки,
А заборы растут и растут.

* * *

Ракетный век нам рвёт аорты,
А где-то в дачной тишине
Художник пишет натюрморты,
Глухой и к миру, и к войне.

Уже забита мастерская
Холстами с грушами в кулак.
Но он, оскомины не зная,
Их продаёт за четвертак.

Спроси его, и он в протесте,
Тряхнёт палитрой: — Я... как все!
А приглядеться: бег на месте —
И вспомнишь белку в колесе.

ДРУГУ — ШОФЁРУ

Тебя потянуло
К воде родниковой
От цепких удобств
Городского угла.
И вот перед взором твоим —
Кошелёво,
Деревня, где мать
Тебе имя дала.
Всё так же на юг
Убегают ракиты,
Но бег замедляется
У большака.
Всё тот же ручей,
К луговине пришитый
Зелёными иглами
Тростника.
В приземистых хатах —
Забиты оконца,
Плетни сиротливо
Глядят на сады.
И некому утром
В глубоких колодцах

Ударить ведёрком
По глянцу воды.
Не здесь ли твоё
Голенастое детство,
Смеясь, ликовало
В пыли и в грязи?!
Родимое место,
Наследствам —
Наследство,
Не кузовом меряй,
А в сердце носи.
Скупая слеза
Родилась у порога,
И в ней заиграл
Переливчато свет.
Ты выключи «дворник»,
Он здесь не подмога.
Дорога сухая
И дождика нет.
А в памяти ярко:
Отец на обозе,
И мать выбегает,
Выходит родня..
Я знаю, что горько:
Не врежься в бульдозер!
Пускай вместо хат
Прорастут зеленя.

ПОЛИТИКИ

Есть в спорах истина. Она
Видна не только в «речи».
Заречье — дивная страна:
Есть свой Хрущёв и Черчилль.

Глядишь, то Маркса постригут,
То Сталина ославят,
То засупонят так хомут
Тому, кто плохо правит.

О, если б знали наверху —
В столице миллионной,
Как разбивают власть в труху
В горячке самогонной.

— Спасибо, Дуня, за первач!
И скажет местный гений:
— Исчез палач, исчез стукач,
Хотя живы их тени.

Прошу простить, что захмелел,
Но знайте, все правилы:
Очистить зёрна от плевел
Пока у нас нет силы.

А, если станем за рулём,
Крах — лживейшему следу.
Мы землю к людям повернём,
Почти по Архимеду.

ЩЕЛКОПЁРАМ СМИ

Объявив себя российским рупором,
Греясь у печатного станка,
Что ж вы от деревни мчитесь кубарем,
Как паршивый пёс от кипятка?!

«Волги» вам и даже «джипы» дадены,
На колёса намотайте грязь.
Знайте, коль духовно не обкрадены,
Что крестьянин, в сути, — царь и князь.

Так что не прельщайтесь дивидендами,
Любящие булки и бекон.
Не премьеры кормят с президентами,
А мужик — суровый испокон.

КЛУБНИКА

Хозяин рад — повеяло теплом,
И, уважая дачные порядки,
Старательно, как истый агроном,
Спешит удобрить
Считанные грядки.
Он выждет эту ягодку-гибрид,
Обзаведётся поутру весами,
И областной базарец покорит
Румяными и сочными плодами.
А что глазёнки детские горят,
Пускай горят, — от них ему
не худо.

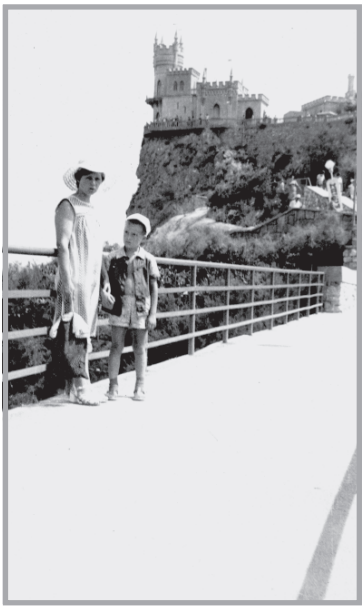
У взрослых даже вспыхивает
взгляд,
Когда увидят лакомое чудо!
О, как ему щекочет нервы гам:
Мелькают шляпы, кепочки, платочки,
И денежки плывут к его рукам,
Сующим с дрожью ягоды
в кулёчки.
Пройти бы мимо — ломит, чёрт возьми!
Цена кричит, но мужественны
лица.
У одного — ребёнок слаб
с зимы,
Другим — вчера
оставлена больница.
Уже карман стыдится
располнеть,
Рука полсотни новенькие топит:
— Эх, ягодке бы за ночь
покраснеть...
И мысленно краснеть её
торопит.
Ну, ладно, был бы ветхий
старичок,
А то ж в руках недюжинная
сила.
Я так хочу, проворный толстячок,
Чтоб ягода, как детский
кулачок,
Тебе хоть раз бы с грядки
погрозила.
А люди что, — они опять
придут,
Столпятся дяди, бабушки
и тёти...
— Что дорого? Не цените вы труд!
А труд, известно, у людей
в почёте!

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Куда ни глянь — везде дымит
сирень,
От влажности ускорилось
цветенье.
И понедельник — вроде
трудный день,
А всё равно похож
на воскресенье.
Стоят букеты в банках,
в хрустале,
В бутылочной и глиняной
посуде.
И ничего, что корни не в земле —
Любовью их поддерживают
люди.
И так просторно в булочной сейчас,
В троллейбусе, на рынке и в аптеке:
Сирень стремится звёздочками
глаз
Себя увидеть в каждом
человеке.
О, как сиренью город мой
пропах!
Густы вокруг сиреневые тени...
И невозможно передать
в стихах
Внезапного нашествия сирени.

ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО

Сыну Сергею



От Ялты замок недалёк,
И море сходно с изумрудом.
Торопишь белый катерок,
Чтоб повстречаться с этим чудом.

Не потому ли день и ночь,
Меняя плёнки и кассеты,
Соблазн не в силах превозмочь,
Снуют фотографы планеты.

Благословенные места!
К ним человек всегда стремится.
И видишь въявь, как красота
Облагораживает лица.

ПОСЛЕ НОЧЛЕГА

По размытой, развороченной тракторами дороге шли двое. Женщина и девочка. Дождь не прекращался дня три, позволяя себе лишь короткие передышки. Он буйствовал неистово, и не помогали радуги, по народному поверью — предвестницы хорошей погоды. Их он отрезал где-то на полпути и вымочил до нитки. Тёплые струи энергично хлестали по лицам. Испуганно, как сумасшедшая, выскакивала то там, далеко в поле, то почти рядом голубовато-белая молния, слепила глаза, отражаясь в огромных лужах, перехватывала у идущих дыхание и исчезала с появлением сотрясающих ударов грома. Казалось, всё дрожало — и деревья, и придорожный тощий кустарник, и эти фигурки, одиноко бредущие в поле.

К вечеру, усталые и голодные, они добрались до деревушки, опоясанной берёзовой рощей, и постучались в первую хату. Оттуда донеслось резкое:

— Цыгане?! — и мясистое красное лицо с крупным, как картофелина, носом показалось в окне. Женщина вздрогнула и отошла, девочка крепко вцепилась в мокрую юбку и потащила мать за собой.

— Откелева будете? — мягкий старушечий голос привёл её в себя.

— Белгородские.

— Вон как. Дальние! — пропела старушка в синем платке горошком. — Зайдите. Обсушитесь. Дочка-то продрогла. Сама, вижу, тоже.

В небольшой горнице пахло сухими травами. На стене висели пучки мяты и зверобоя. Ярко блестели начищенные иконы, среди которых выделялся лик Спасителя, писаный масляными красками понимающим толк мастером.

Полина невольно перекрестилась.

— Что господа не забыла — хорошо! На душе легче. Садись-ка сюда, дочка. Кофтёнку сними. Пусть провянет. К утру всё высохнет.

Бабка Наталья загремела ухватом и вытащила из печки чугунок со вспотевшими боками.

— Баснями, говорят, не кормят.

Через минуту на столе задымилась похлёбка, светло-коричневая от долгого томления, три лепёшки, неизвестно из чего сделанные, а тонкий ломтик ноздреватого пахучего хлеба подала девочке. Та быстро протянула беленькую с синими жилочками руку и не взяла, а скорее схватила его.

«Ишь, бедная», — подумала бабка Наталья.

— Как тебя кличут-то?

— Света.

— Ну, ешь, ешь, — и погладила её по золотистой головке.

Полина ела и плакала. Слёзы изредка попадали в чашку.

— Ты, бабуся, узел возьми мой. Тряпчонки там разные. Сама вышивала. Пригодятся в хозяйстве. А мне они ни к чему — удавили.

— Сиди, раздавашка. Ешь вон. Неча щёки слезой солонить. Переночуешь, а завтра с богом в дорогу.

Бесхитростная еда подняла дух у Полины. Она, благодарная и довольная, вышла из-за стола.

Весь вечер Поля рассказывала, как сложилась у неё жизнь, как стали было на ноги подниматься, да война помешала. Как ножом под сердце ударили похоронкой. Бомбёжки. Эвакуация. Тут девчонка почти на руках…

Бабка Наталья вздыхала и тихо уговаривала Полину.

— Всяко случается. Нынче всем превеликое горюшко выпало. Деда своего сама из петли вытаскивала — лётчика раненого спас. Так донёс кто-то. И того, и хозяина прикончили нехристи. А теперь лебеда и крапивка в почёте. Прояснится, бог даст…

— Моченьки больше нету. Устала я. Даже руки на себя наложить хочется. И наложила, если б не Света. Ничего не мило…

Утро озорно заглянуло в окна. Красный, ядрёный петух с круто изогнутым хвостом голосисто и отчётливо выводил своё кукареку. Куры, склонив головы набок, слушали его внимательно.

— Мамочка, помнишь лису с петушком на картинке? И этот на него похож, правда?

— Правда, Света, правда, — ответила сухо мать и поставила на лавку вёдра с прозрачной колодезной водой. — Наталья Ивановна, где вы?

— Здеся! — донёсся голос из ветхого амбарчика.

— Наталья Ивановна, я вот что подумала. По деревне прогуляюсь — может, рушники на что выменяю. Не удастся — до соседней добреду.

— Ну, так что ж, сходи, коли охота. Девчонку только за собой не дёргай. Пускай смородину ищет…

Полину ждали к обеду. Не вернулась. Долго тянулось время до вечера.

— Ай, случилось что-нибудь? — думала хозяйка. — Дитё как томится!

— Светик, иди ко мне. Мамка, может, к утру явится.

Девочка подошла. Её лицо было грязно-розовым. Глаза покраснели от постоянного растирания их тыльной стороной ладошки.

— Ничего, не плачь. На-ка тебе вот. — Она подала ей старинную расписную шкатулку. Неизвестный мастер постарался так, что время эту шкатулку побоялось тронуть. Краски светились. И Светлане хотелось схватить Жар-птицу за хвост — уж очень красиво она его веером распустила. На другой стороне — тройка белых гривастых коней летела во весь опор. И струи пара из горячих ноздрей, казалось, могли пробить серебристый наст снега.

— Неужели такие лошадки и вправду есть, бабушка?

— А как же, Светочка, есть. Будет время, и сама, как эта Снегурочка, на таких вихрях примчишься. Меня, старую, прокатишь.

— Ух, страшно! Бабушка, а вот у этой лошадки хвостика не видно… — щебетала она. Так и уснула в обнимку со шкатулкой.

Наталья Ивановна не спала. Где же Полина? Неужели?! Ведь с виду баба-то неплохая. Надёжная. Разговор откровенный. Всю жизнь, как на духу, рассказала. Муж, муж… мало ли в нашей деревне солдатиков похоронено? А кто всех помнит пофамильно?

На ходу всё делалось. Спешка. А в спешке порой столько главных дел забывается. Может, и её хозяин так же в другой деревне похоронен. Терпи, баба. Дависъ слезой. Лошадям теперь легче, чем бабе… Аксюта Боёва с четвериком, Парашка Халютина с двойнятами, у Дуньки Митряковой — трое, да свёкор — обоих рук нет. Работают. А едят? Почти жареные гвозди… Почти… жареные… гвозди.

Проснулась она раньше обычного. Управилась по хозяйству. В печке доваривалась картошка в мундире. Начатая четвёрка сброженного конопляного масла стояла на столе.

Девчонка тихо посапывала в деревянной кровати с отполированными шарами на дугах — работа покойного мужа хозяйки.

В сельсовете никого ещё не было, когда Наталья Ивановна пришла туда. Присела под ракитами на уголок влажноватой скамейки.

— Вы спозаранку что-то! — сказала, улыбаясь, Саша Субботина, секретарь, весёлая, худенькая девушка в цветастом ситцевом платье со вставными плечиками.

— И придёшь спозаранку. У меня вопрос к вам. Пришелица у меня была. Сама белгородская. И девочка с ней, дочка. Вчера ушла менять вещички свои. Нету вот. Коли что — у меня пущай девчонка будет, за внучку. Найдётся мать — заберёт. Сердце болит. Растерялась. Не знаю, что делать. Вот и вам тревожную весть принесла, чтоб знали.

— Хорошо, Наталья Ивановна, может быть, всё кончится благополучно. Ну, а если что — тогда решать будем…

Наталья Ивановна шла домой так легко, как будто с неё свалился тяжёлый мешок.

— Небось, встала, голубушка, — думала она. — Накормить надо… — и заспешила, не заметив даже поклона своей крестницы, шедшей сторонкой с полными вёдрами.

— Мамки нету, бабушка? — услышала она, едва приоткрыв дверь.

— Ты ела хоть что-нибудь? — задала ей встречный вопрос Наталья Ивановна. — Вот я тебе…

Так шли дни. Сначала Света скучала по матери. Выбегала на широкую улицу, где в сухой горячей пыли утопали по щиколотку её босые ноги.

Смотрела — и ничего не видела, кроме спешащих по разным делам людей да ленивых, покряхтывающих гусей, переходящих дорогу и отправляющихся на серый луг. Ознакомившись с деревней, выходила за околицу, выбирала повыше пригорок и смотрела вдаль, где по булыжному шоссе, словно большие жуки, тащились навстречу друг другу машины и телеги.

— Может, мамка… С надеждой глядела она туда, и вспоминались ей пряники, белые-белые булочки, конфеты, похожие на

таблетки, которыми угощала свою большую краснощёкую куклу с выразительными голубыми глазами…

Вскоре Света подружила с соседским мальчиком Мишей. Черноволосый, подвижный, с глазёнками-пуговичками, он постоянно таскал всевозможные железки к дому, возле которого лежала жёлтая горка песка. Миша, фырча как машина, возил железку по песку, насыпал его пригоршнями в неглубокую выемку наподобие кузова и сгружал по другую сторону горки. Когда проезжала по деревне случайная полуторка, он, сломя голову, летел за ней, еле видимый в завесе пыли. Едва останавливалась машина, Мишутка уже подскакивал к шофёру и просил его:

— Дядь, бибикни!

И если попадался хороший шофёр и давал ему возможность самому нажать сигнал — радости не было предела. А матери и отцу он прожужжит уши до тех пор, пока не ляжет где-нибудь калачиком, сбросив во сне с себя либо одеяло, либо старый отцовский пиджак.

Подружились они неожиданно для себя, когда гусей отгоняли на пруд. Там и по лужам бегали, там и прыгали, хлопая в ладошки при виде зардевшейся радуги. Вместе возвращались домой, забрызганные почти до глаз.

Однажды Мишутка подошёл и сказал:

— Пойдём за колосками? Он деловито вытащил из-за пазухи непомнящий стирки мешочек и показал его Светлане.

— Пойду, если возьмёшь, — не задумываясь, сказала она. И они отправились.

Пшеница шумела за дворами, через дорогу, которой часто пользовались, когда нельзя было проехать низом.

— Светка! А объездчик у нас злющий. Одного глаза нету. Поймает — выпорет. Его в деревне Ежовой рукавицей дразнят. А мы — Ежом.

— Разве он и нас выпорет? — в недоумении спросила Света.

— Ещё ка-ак! Гусей сюда не велено пущать. А нас гоняет — лошадь мокрая.

Они зашли в пшеницу. Поспевающие тугие жёлтые колосья еле-еле покачивались.

— Ой, цветочки! — вскрикнула Света.

— Это небесники.

— Так и зовут?

Так и зовут. Синие — как небо.

Вдалеке послышался топот. Миша прислушался.

— Кажись, Ёж. Ложимся. — И только он успел это проговорить — мимо промчалась взмыленная белая лошадь с всадником в гимнастёрке, давно потерявшей свой цвет. Пыль, клубясь, оседала, щекотала ноздри, отчего ребята почти одновременно чихнули.

— Точно. Ёж! — перевёл дух Мишутка.

— Смотри! — и он подставил к уху девочки свою грудь, где часто, как пойманная птичка в клетке, билось сердце.

— А у тебя?

— И у меня тоже…

— Он отжучил нас с Колюхой Сониным, знаешь?

— И ты испугался?

— Больно было. Отец так не бил ни разу…

Ловко сновали ручонки, и они быстро набили мешочек.

— И зачем ругаются за пшеницу? Её тут много. Не уберёшь!

— Ха-а. Не соберёшь. Вот увидишь.

— Увижу, — вздохнула Света и стала рвать васильки.

Возвращались довольные. Мишутка старался скорей прошмыгнуть открытое место, а когда поравнялись с кустиками бузины — стало легче. Света несла большой букет, окунала личико в синеву, и от этого оно выглядело голубоватым…

У Натальи Ивановны в это время была гостья, Алёнушкина Ефросинья, из соседней деревни. Пока девочка отсутствовала, они о многом переговорили. В основном разговор шёл о ней. Алёнушкина работала кладовщицей. Грубое лицо, большие мужские руки, раньше времени изрезанный глубокими морщинами лоб — сами собой подсказывали, что этой женщине редко приходилось смеяться. Муж умер. Осталось двое детей. Она-то и пожелала взять Светочку вместо дочери, когда слух докатился и до них.

— Присматривала бы за наречёнными сестрёнками. Обувать, одевать буду. Вырастить — выращу, а забудет — так что ж — и на том спасибо, — говорила она.

Наталья Ивановна сначала не соглашалась.

— Привыкла. Нас и водой не разольёшь…

А потом, перекрестившись, сказала:

— Бог с ней. Тебя, Фрось, я знаю. Буду проведывать…

В дверном проёме неожиданно выросла Света.

— Вот, возьмите, — сказала Света, подавая букет бабушке.

— Вы там колоски не рвите! — насупила брови хозяйка. — Обдерут.

— А мы рвали. И ничего. Никто нас не ободрал. А небесников там сколько!

— У нас вот тётя Фрося. Гостинцев тебе принесла.

— Бери-ка, дочка, — встрепенулась Алёнушкина и протянула ей двух красных петушков на палочке и плетёную булку, обсыпанную маком. — Конфеты бери, кушай!

Девочка не отказалась. Яркий румянец выступил на лице, и она села на лавочку, свесив ноги.

Жалко было расставаться. Алёнушкина помолодела, а Света почему-то сразу почувствовала к тёте Фросе привязанность. Прильнула к ней доверчиво-доверчиво, как будто она её выхаживала сызмала. И пошли они в Никольское. Хозяйка проводила их до бывшего барского луга.

— Ты, Светушка, ко мне заглядывай. Да и ты, Фрось, меня не забывай. Вам веселее — четверо. Я — опять одна осталась… Она поцеловала девочку. Навернулись слёзы. Сквозь дрожащую пелену видела Наталья Ивановна, как всё дальше и дальше уходят от неё близкие сердцу люди…

Прошло три года. К бабушке Света наведывалась не часто, но всё-таки наведывалась. Принесёт ей гостинчика: то сахару, то селёдочки, то варенья из вишен из свойского сада. Если что в хозяйстве не ладится — поможет. Глядишь — картошку окучивает, смородину обрывает, чтобы куры не склёвывали, а вечером встречает овечек на выгоне. А старушка рада — место ей получше ищет. — Как ваши? — спрашивает, — чем занимаются… Одним словом, долго беседуют, особенно Наталья Ивановна интересуется… Потом как-то вся съёживается и спрашивает:

— А Мишутку-то помнишь? Недели две назад схоронили. В лесу гранату нашёл. Крутить что-то стал. Ведь охоч до железок был… Так на кустах клочьями и повис. По частям собрали…

Светлана ходила на его могилку. Принесла огромный букет небесников.

О матери Наталья Ивановна не поминала, боясь растревожить этим девочку, а последними новостями делилась всегда.

— Пусть мамка приходит! — напутствовала она Светлану. — Глянь вон ты какая выросла. Хорошая стала. Румяная. Слушайся. Неслухов всегда господь наказывает… — и совала ей в узелочке какой-нибудь ответный гостинец.

После Ильина дня приехала откуда-то неожиданно Полина. Пополневшая. Интересная собой. В чёрных томных глазах угадывалась кокетливость натуры. Когда она шла деревней, некоторые девчонки и ребята говорили ей «здравствуйте», думая, что приехала новая учительница.

В душе Полина была довольна, только, подходя к покосившейся немного набок знакомой хате, почувствовала, как выше стала подниматься грудь и кровь сразу ударила в лицо. Щёки и уши горели.

Хата оказалась на замке. Она присела на лужаечку под сиренью. Осмотрелась. Вроде всё так же. Потом обошла хату кругом, заглянула в окошко и опять села. Большой, не по цепке, ржавый замок был повёрнут скважиной к двери.

Вскоре появилась Наталья Ивановна. Полина заметила её издали.

«Уходит в землю… — отметила она про себя, — но ещё подвижная…» Не усидела — поднялась навстречу.

— Не узнаёте? Здравствуйте!

— Как же — узнала, — сухо ответила старушка. — Подобрела. Пышная. Духи с ног валят!

— А Светочка где же? — с тревогой в голосе и, боясь, как бы ей сразу не ответили что-то грубое, спросила она.

— История, Полюшка, большая. Да не середь улицы рассказывать. В хату пойдём.

Пока Наталья Ивановна что-то искала в чулане, Полина открыла свой небольшой потёртый чемодан. Вытащила оттуда подарок: чёрное платье и чёрный платок с неяркими розами. На стол поставила бутылочку красного вина, положила коляску говяжьей колбасы и две банки рыбных консервов.

— Мы сейчас яишенку сделаем, — засуетилась бабка Наталья. — По такому случаю сегодня выпью…

Когда же всё было готово, сели за стол.

— Ты мне, Польк, теперь ничего не таи. Рассказывай, где блудила. Что, как?.. А уж потом моя очередь…

— Да ты душу хоть не терзай! Жива, нет ли она?

— Жива, жива…

— Ну, слава тебе, господи!

Чокнулись. Полина выпила стакан. Наталья Ивановна — глотка два.

— Только говорила, что выпью — нельзя больше. Не пью

ведь. Лишь из-за уважения. За тебя. Сегодняшнюю. За прежнюю бы — ни капли. Да за девочку.

— Поломала меня жизнь. Поковеркала. За воровство в тюрьму угодила. В Забайкалье была. С одним чёртом спуталась, и… компания вся попалась. Не скажу, что слишком и виновата была — но пришили два года. Ему — пятнадцать.

После в столовой официанткой устроилась. Шофёр пристал один. Сошлась. Живём. Пока ничего вроде…

— Да ты не плачь. Это пьянь у тебя слезу вышибает. Бабёнка ты путёвая. Только хвоста накрутить тебе вовремя некому было.

— У него мальчишка на год постарше Светы. Я ему тоже призналась, что девчонка у меня есть. У бабушки в деревне. Что ж, говорит, вези… Еду, а сама не знаю, зачем еду. Времени-то пролетело сколько? Что с ней? Ехала, как на суд божий. Иду деревней, девчонки здравствуются, а сама думаю: «И за что мне здесь почёт такой». Земля горит под ногами… По одёжке встречают-то. Так ведь у нас.

— А Светушку твою у меня вскорости забрали. Тоже вдовушка. С двумя детьми осталась. Я бы девочку у себя оставила — не помеха. Да они как-то сразу друг друга поняли. В соседней деревне живут, куда ты счастья искать ходила. Вот скоро в школу должна пойти. Кажись, в пятый. Частенько меня проведывает. Надысь вот была. Книжки новые показывала, кур зернецом кормила. Смышлёная. Про тебя поначалу спрашивала. А потом ни она, ни я ей не намекала. Всё думала: раз закрутилась родимая — так что же ребёнка за сердце дёргать.

Полина плакала, вздрагивая.

— Виновата. Сечь… бы меня… дуру…

— Теперь ума не приложу — каково дальше-то будет. Проводить я тебя провожу до них. Недалече.

Всю дорогу они разговаривали. Наталья Ивановна припоминала всё до мелочи. Вот и деревня. Садов не видно, только кустарник на задворках и возле хат.

— Вырубили. А в цветень-то что здесь было… — вздыхает старушка. — Дорога белая. Идти по красоте не осмелишься… Глянь-ка, Поль! Во-он она. Крыльцо подметает.

Света в розовом платьице без рукавчиков. Одна косичка лежала на спине, другая — свесилась.

Заметив бабушку, она весело спрыгнула с крыльца и тут же почти остановилась: узнала мать.

Потом резко повернулась и исчезла в хате. Закрылась на задвижку. Сердце её учащённо билось, как будто хотели с ней сделать что-то страшное. «Так у Мишутки тогда», — подумала она, забившись за грубый некрашеный шифоньер, стоявший далековато от стенки, чтобы сырость не портила. На стук в дверь не отвечала. Сидела не дыша.

Они больше не стучались. Ждали Алёнушкину.

Прибежала она. Сообщили ей, что бабка Наталья пришла с женщиной какой-то. Не мать ли? Дух так и перехватило. Трясь какая-то пошла по ногам…

Разговор состоялся тяжёлый и крупный. На Алёнушкину сыпалась отборная брань, хотя и та не давала спуску. Девочка, дрожа всем телом, робко посматривала из окна. И в этой толстой разъярённой женщине Света не могла признать мать. Даже самая заядлая деревенская ругальщица Глаша куда была спокойней.

— И на порог не пущу, — стояла на своём Фрося.

— Судом возьму, сволочь, — сотрясая кулаком воздух, вопила Полина. Бабка Наталья не знала что делать. Металась между двумя огнями и шикала на зевак:

— Собрались-то что? Ай, невидаль?

К вечеру вернулись домой. Полина послала Наталью Ивановну за водкой. Но пить почти не пила. Всю ночь проплакала. Лишь под утро соснула часочка два. Бабка её не узнала. Лицо опухло. Под глазами засинели проёмы, и веяло от неё какой-то отрешённостью.

Распрощавшись и оставив дочери гостинцы, она уехала на станцию с попутной машиной. Серая непроницаемая завеса пыли

долго оседала на скучную однообразную растительность, и не было видно, как спешащий грузовичок свернул на большак. Всё ожидало благодатного дождя.

За чёрным, намокшим забором хрипло залаяла собака. Слышно было, как глухо лязгала цепь, как сытый, откормленный пёс тяжело танцевал, шлёпая мощными лапами по влажной земле. С крыльца кто-то сбежал, засуетился, и чей-то глаз пронзительно посмотрел в волчок калитки.

— Ах, это вы! — расшаркалась перед стоявшим хозяйка добротного особняка, красивая, полнеющая женщина лет сорока, но которой при её интеллигентности и умении держать себя можно было дать едва ли тридцать.

— Проходите, проходите. Лена дома.

Собака уже виляла хвостом, красно-фиолетовый язык лодочкой лежал в её пасти, сверкавшей белыми клыками.

— Он уже знает вас. Как смотрит приветливо? Орион, О-рион! Умница! И тут же вынесла ему недоеденную куриную лодыжку.

В комнате, чистой до ослепительности от зеркал, порядка, искрящихся безделушек, было уютно и даже солнечно, хотя в огромные окна гляделся пасмурный день.

У раскрытого рояля, чёрного с белым пополам от лежащего на нём света, сидела Лена, перелистывая ноты туда-сюда. Она что-то сосредоточенно искала, углублённая в свою мысль, и даже не заметила Сергея, который робко, чтобы не спугнуть её, остановился у притолоки.

«Какая она хорошая! Милая…» — мелькнуло у него в голове. Так бы и стоял, наслаждаясь только её видением. Он даже чувствовал, как упругий золотой завиток её волос едва-едва касался щёк, загоревшихся от какого-то внутреннего, только ей знакомого состояния. Тонкие пальцы с розовым маникюром легко коснулись клавиш. На безымянном пальце правой руки всеми цветами радуги вдруг блеснул бриллиант перстня, попав в полоску света слабого солнечного луча.

Небо в окне изменилось. На краях фиолетовых облаков по-

явилась оранжевая каёмка. Они раздвинулись и там, где минуту назад были сплошные лиловые пятна, открылась такая невинная глазурь, которую не передашь акварелью.

В эту открывшуюся чистоту трепетно и живо, почти журча, вошли звуки «Вешних вод». Вместе с ними, казалось, стремилась в беспредельность к чему-то возвышенному и божественному напряжённая, лёгкая фигура Лены, удивительно похожая на ласточку, только что слетевшую с проводов.

Комнаты уже для неё не существовало. Капризным, изящным ртом она как бы ловила резкие струи свежего воздуха и опять устремлялась и устремлялась вперёд с этими бурлящими звуками, расширившими стены до вольного простора, уже запахшим оттаявшей вербой и последним, ослепительным снегом, задержавшимся кое-где…

Напряжённый рояль ещё звучал, когда она плавно и устало опустила белые руки.

— Восхитительно! — выпалил Сергей, не нашедший сил быть молчаливым созерцателем.

Она испуганно оглянулась, но знакомые ноты голоса заставили её улыбнуться.

— И давно стоишь? — вопросительно подняв чёрные брови, обратилась Лена к Сергею.

— Всю жизнь бы так стоял!

— А толку?

— Мне толк не нужен. Всё моё существо в трепете — я счастлив!

— Ну, хорошо. Тогда представь: я играю всю жизнь — ты всю жизнь стоишь. Скучно…

— Нет, здорово!

— Романтик ты, Серёжа, как дворовый мальчишка, готовый за фабричную хоккейную клюшку продать весь мир.

— Зачем ты так, Лена!

— Может, тебе повторить этот романс?

— Повтори…

Игра была прежней, талантливой и яркой, резонный разговор забылся, душе хотелось взлёта, но этому взлёту мешало одно необъяснимое чувство, которое выразить было трудно. Сергей почти физически чувствовал, что Лена стоит рядом и смотрит на себя — играющую, со стороны, как бы проверяя и оценивая пластику своих то взлетающих, то замирающих рук.

— Слушай! Что же ты отвернулся? — и глаза её вызывающе блеснули.

— А Дёмин вчера защитился! Знаешь?

Она оставила рояль.

— Я его поздравила. Ещё розовее стал и этакая кандидатская жилка в нём запульсировала. Счастливец! Сейчас бы куда-нибудь в Гагры! Под утомлённое солнце…

— А толку? — с иронией в голосе повторил Сергей слова Елены. — Чтобы там вспоминать о тюленеподобном Орионе, гремящем ржавой цепью, об этом жутком, тюремном волчке в калитке… Лена? Что с тобой происходит? Лена!

— Оставь меня. Ты всегда был дерзок. Я повторяю: был…

Мать на цыпочках отошла от двери, каким-то женским чутьём предугадывая выход Сергея.

— Орион-то причём? Орион-то причём… — ворчала она. И, право, дерзок! В чужом дому — у…

— Лена, я пришёл за тобой. Слышишь? — отозвалось за дверью. Ответа не последовало.

— Лена, слышишь?

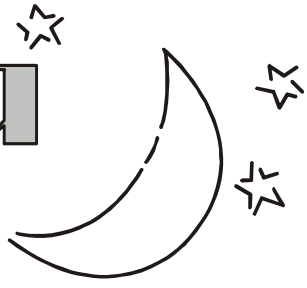
— Нет… Не хочу… С тобой можно и перстень этот заложить! — драгоценный камень вспыхнул и погас на опущенной руке.

— Сбрось его. Всё оставь здесь! Собери только звуки, хоть пригоршнями, но собери и опять брось в мою душу.

Она стояла у окна, узкой ладонью бесцельно протирая чуть запотевшее стекло, сквозь которое были видны воспрянувшие берёзы, иссиня-чёрные хлопотавшие грачи у прошлогодних, слежавшихся гнёзд.

А там, внизу, куда не проникал взгляд, в зеленеющем лозняке, густом и разросшемся, бурные и тёмные, совсем не похожие на светло-голубое очистившееся небо, шумели воды, никем не положенные на музыку.

ТЁПЛАЯ НОЧЬ



- Ань, открой! Христом богом прошу!

— Проваливай! Хватит! — слышно из сенец.

Он долго топчется у дверей, бесполезно вертя щеколду.

— Слышишь?

— Нет!

— Ань...

Почуяв шорох и треск сухой ветки, залаяла собака так громко и отчётливо в тишине июльской ночи, как будто перед пастью дворняжки поставили усилитель.

— Чёрт! На вилы тебя! — вырвалось у него. Он поёжился от неприятного ощущения, словно кто-то в упор посветил фонариком. Вспыхнула спичка — и лай откатился назад, переходя на высокие ноты.

Домой идти не хотелось. Лежала больная жена.

— Опять притчи выслушивать. А что из этого?

Озлобление одно. Нет помолчать — либо о делах, о детях поговорить... Ведь и я не вечный, не сегодня, так после — помру.

«Не стучи! Не звени! Не греми! Не скрипи! Не кури!» — Болячками в мозгу слова эти стали — раздумывал он. — Всё сделаешь, а где-нибудь стукнешь, всё сделаешь, а где-нибудь звякнешь, всё сделаешь, а где-нибудь выпьешь. Откуда слова приказные выплыли? Сверлят голову — терпения нет.

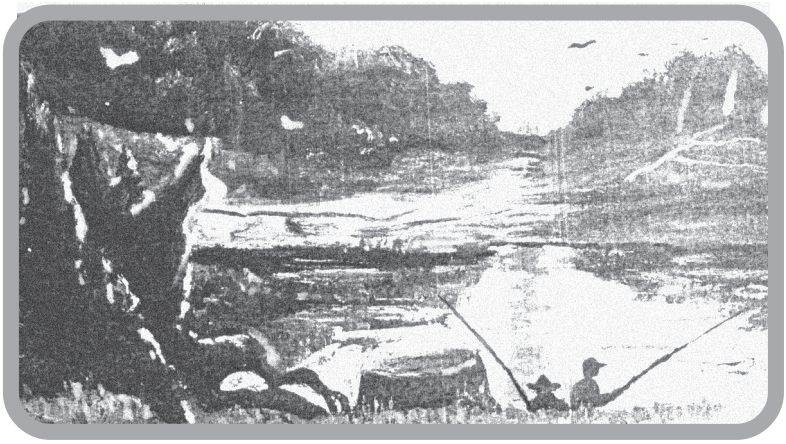
На старом барском пруду было тихо. Его не чистили лет пятьдесят, хотя поговаривали ежегодно. Пепельно-голубая вода, от высокой луны, обрамлялась густыми зарослями камыша, бросавшего вертикальную фиолетово-чёрную тень. Серебряные тонкие кольца часто поблескивали то у берега, то на середине —

играл карась, поднятый со дна теплотой глубокой ночи. В хвосте пруда, как бы спросонок, хрипло крякнул залётный селезень. И снова тихо. Кажется, что слышен шорох падающей зелёной звезды. Огромный ободранный липовый пень, с которого ныряли ребята, белел на берегу.

И я с него нырял... Цел. Хоть бы хны! Только глаже стал. Пятками и задницами отполировали... Он усмехнулся себе — тому далёкому, что вмиг возникло перед глазами.

Сюда и с Танькой ходил... Что вьюн была. Ночь гоняешься, а залучишь — тогда держись! Губам напухать, а тут ещё пах черёмушный из лесу... то ли сказка, то ли корова всё языком слизала...

Он курит сигарету за сигаретой, обжигая коричнево-жёлтые пальцы, которым теперь не больно, и медленно выпускает дым навстречу зарождающемуся туману.



* * *

Майский жук в непрогретой земле,
Как в ангарах, чуть-чуть шевелится.
День-другой, будет он на крыле,
И округа покоя лишится.
Не проспи тогда зори, рыбак!
Собирай ночников на осине.
В руку — удочку, заплечь — рюкзак,
И — лови голавля на стремнине!

ПЛЫВУЩАЯ ДАЧА

Лида стояла на мосту. Толпы любопытных перебегали от одного парапета к другому. Восклицаниям, сожалеющим возгласам не было конца. И только она стояла молча, до глубины души радуясь этому разыгравшемуся половодью, залившему низменные места городка. Скажи она сейчас толпе о своей радости, придавленные, скованные одной мыслью люди оживились бы и с животной яростью сбросили бы её в реку, в серо-сизую темень стеклянной воды, сжиравшей всё на своём пути.

Но она молчала и своим внешним видом ничем не отличалась от возбуждённой, ахающей массы, на которую иногда находила минута спокойствия.

Буланая лошадь, запряжённая в сани, как вкопанная, боком к зрителю стояла на грязно-жёлтом куске бывшей дороги. Льдина плыла посередине, сопровождаемая сколотой мелочью.

Сотни взглядов устремились на животное. Жертва была очевидна, и спасти её не представлялось возможности.

— Сани утянут! — кто-то сострадательно выдохнул. Но люди были уже привлечены чем–то другим, каким-то другим, каким-то весело-насмешливым криком:

— Дачи плывут! Дачи!

Одну из них Лида заметила раньше всех, ещё до лошади. Голубая, с высоким зауженным верхом с двумя зияющими окнами. Она молниеносно напомнила ей светлую августовскую ночь, когда прохлада уже ощутима…

— Зайдём! — предложил он ей. — Коньяк согреет!

— Если бы коньяк? — Туда, в недальнюю память бросила она эти слова и представила себя трясущейся от рыданий, в сорочке, съехавшей с одного плеча, представила себя на жёстком багрового цвета диване.

— Разве ты собиралась замуж? Не знал… Прости… Я думал, что пошалим и будем друзьями.

— Куда мне теперь? Куда?

— Надо было дать мне пощёчину. Сама виновата.

— Зверь… Зверюга! — захлёбываясь слезами, выкрикнула она.

— А мне замужество — щёлк… и нету. Я — себя не люблю, где нам вдвоём ужиться. Моё дело угостить, отдохнуть на даче, расстаться по-человечески, чтобы при случае опять стукнуться рюмками.

— И много подруг у тебя было?

— Ты — десятая. Остальных не считаю…

— Мерзавец! — вырвалось у неё, и она с неистребимой яростью вцепилась напряжёнными, негнущимися пальцами в лицо и волосы обидчика…

Что было дальше, она не помнила. И будничность, и праздничность её настораживали, обращали мысли в себя, не давали им взлёта, просветления их до полувоздушной радужной мечты. А как тяжело было смотреть прямо в глаза родным, близким, подругам, утаивать это чувство от них, отчётливо понимая, что им, видимо, уже известны последствия. А когда всё случилось, в январе ли в августе — это для них безразлично. Важно было то, что женщину — в девичестве спрятать почти не возможно…

— Плывёт! Вот её полузатопленные двери. Боже! Сколько туда вошло! Сколько слёз прожгло тот жуткий диван, сколько проклятий сорвалось с губ, сколько надежд похоронили эти стены, расписанные позолотой внутри и выкрашенные в небесный ангельский цвет снаружи, ради прихоти развесёлого ценителя девичьих тел.

А, может быть, всё идёт так, как рассуждал он: Все красотки — ему подружки. И где их теперь новая пристань?!

До слуха её долетели слова: — Вчерашние — до бревна растащены… Узорным дачкам у берега не стоять…

— Кому горе, а кому разбой! — возразил мужчина с бритым розовым лицом.

— Нешто вам горе… — последовал ответ.

И почему-то в эту минуту, тем людям, которые на реке промышляли, и которым по всем статьям закона надо бы садиться на скамью подсудимых, Лида мысленно посылала благодарность за то, что и эта островерхая голубая дача не проскользнёт через их ловкие, натруженные руки, и даже явственно видела себя вместе с ними в качающейся лодке с тяжёлым, но цепким багром.

«А ты, хороший мальчик... никогда не выдавай простых людей; потому что простых людей ведь надо беречь, простые люди все ведь страдатели...»

Н.С. Лесков. «Тупейный художник».

Думающий читатель, небезразличный к той земле, что его родила, сразу вразумляет по заголовку: речь пойдёт о Свердловском районе Орловской области. Как и всюду, здесь проживают тысячи наших соотечественников (цифровой язык статистики намеренно опускаю) — труженики от земли, действующих производств, политики себе на уме, ветераны войн и пострадавшие от национализма, прекрасные женщины и завуалированный криминал-элемент, пенсионеры и дети...

Мне, как писателю, хочу я того или не хочу, люблю я Природу или что-то ещё, вменяются обязанности, включающие встречи со всеми сословиями независимо от идеологических ориентаций. Важнейшее место занимает просвещение подрастающего поколения, в целях его вывода на истинный, общечеловеческий путь.

В ходе таких встреч (объезжено всё, что можно объехать)

мною уловлено немало сердечных болей жителей района. Не буду тащить известный мусор из избы; многое говорит — там — о деградации, а тут — о возрождении и заботе о земле, людях и — куда же на селе без неё? — животинушки, кормящей всех нас животинушки... К тому же я был несказанно обрадован принятию от детей, юношества, взрослых пап и мам не менее сотни стихов, рассказов, наконец, иллюстрированного красочного бытия, выполненного всеми видами красок.

Глубинка — наш корень, наша святость, наша вековая выручательница и спасительница Деревня — к большой моей радости, продолжает вспаивать на своих мелких водах одарённых людей — нашу действующую и будущую опору. Сожалею, но Рассохин — не типография...

Меня постоянно просят помочь по всем вопросам тяжкого ныне общежития — от болезней до устройства на работу и даже... об адвокатстве в судах. — Сограждане! Писательское сердце одно, оно и так надрывается, превращаясь в каталог жалоб и радостей. Я не могу подписать рецепт под жизненный эликсир, могу только лишь посоветовать: не отчаивайтесь, работайте. Чеканьте знания, находите время поднять глаза к небу, не обвязывайте себя цепями пороков, дайте волю творчеству детей, укрепите их досуг и сознанье патриотичной заинтересованностью начинаний.

Одно из них, по многочисленным просьбам тысяч жителей и мигрировавших от ущемлений за веру и по признаку нации приезжих, я обозначаю и сегодня.

Не знаю, говорилось ли об этом в местной печати официально, но констатирую: люди не хотят больше жить и работать под именем Якова Свердлова, родоначальника репрессионных методов внутренней войны против русского народа.

Мы не будем вспоминать, кем он был и что сотворил конкретно. Орловское локомотивное депо с честью хранит почти вековую тайну. Так и надо, но очевидно: председателя ВЦИК не только наша земля прямо ненавидела.

Общество кричит мне в лицо, а потом я не могу уснуть: «Виктор Васильевич! Помогите нам вывести клеймо безбожников, проведите линию в обладминистрации, Вас знает пресса и народ, что надо, подпишем!»...

И приводятся, раскручиваются заново седые и кровавые примеры: Свердловск, Троцк, Ленинград, Сталинград и Ворошилов-

град, Молотов, Брежнев, Андропов, Устинов, и многие, уже не боясь, рифмуют град на гад...

Да простит меня население названных и не названных облцентров, с коими Время, история — допустили действительно необходимую перевёртку. Нам много не надо! У нас есть Афанасии — Никитин и Фет; Александры — Невский и Суворов; Дмитрии — Донской и Пожарский; Семёны — Дежнёв и Раич; Иваны — Крылов и Бунин... Ну и так далее по ухабистой истории России, окроплённой кровью невинных великомучеников, флагманов армии и флота, солдат и матросов, религиозных деятелей и национальных меньшинств.

Итак, подвожу к финалу главную мысль статьи: до каких пор, чистейшая, однако немножко подбитая током и тайными охотами страна Неручания — малая родина очарованных странников и левшей будет жить под вымпелом кровавой эпохи беззакония?!

И здесь, поверьте, я не одинок: В.М. Катанов и В.А. Громов — не нуждающиеся в рекламе глыбины сегодняшнего орловского краеведения — прекрасно знают цену слова на бумаге, ибо наши мысли в едином источнике правды обязаны призывать к ответу сегодня, а значит их прямой смысл будет жить вечно.

Трофей спиннингиста у д. Степановка

Молния рассыпалась под ногами. При яркой вспышке прозвучал резкий Маринкин крик. Она так испугалась, что казалась неживой на руках Павла, когда он внёс её в полутёмный сенной сарай с такой концентрацией тёплого воздуха и аромата, словно здесь его утаптывали целый день.

Маринка очнулась, и первое, что она заметила, были мокрые Пашины руки и неловкие длинные пальцы, которыми он застёгивал чёрные пуговицы на потемневшей белой кофточке. Тугая грудь хмелила его, и на ней просматривался тонкий узор рюши розовой сорочки.

— Ты цел? Какой ужас!

— Пустяки. Лихорадка в природе. Дрожишь?

Её руки покрылись мелкой сыпью. Тонкой кожей своих ладоней он даже почувствовал, как на запястьях и выше к локтю поднялись рыжие волосики, и так ему захотелось прижать её к себе, что она, как бы поняв его мысль, выгнулась животом вперёд, обвила его крепкую шею, топя в своих губах его губы. Мокрая от дождя юбка и его мокрые брюки дымились от пылающих ног и близкого прикосновения. Рука Павла трепетно держала в изгибе упруго-мягкой спины подружки ослабленную резинку.

Он отошёл, шатаясь и жадно глотая воздух. Прислонился плечом к широкой, серой от времени дубовой стойке, туманными глазами посмотрел на свою избранницу.

Она полулежала на охапке хрустящего сена разбитая, огневая, но довольная, держа тонкую травинку в тёмно-красном венчике набухших губ...

В просветы под крышей, в широкие щели дверей, напоённые послегрозовой влагой проникали солнечные лучи, такие мягкие на вид, что их с удовольствием хотелось погладить, как рыжих голубоглазых котят. Мельчайшие пылинки сенной трухи плясали в золотом разливе света.

— Паша! — с дрожью в голосе прошептала она. — Иди! — и протянула зовущие крепкие руки. Он подошёл к ней, в одно мгновенье взял в охапку, слился в магнитном завораживающем поцелуе и вынес её навстречу свежести. Прижавшись к нему, она смотрела в его синие, глубокие, манящие в себя глаза и, как бы роднясь и понимая его мысль, читала в них чуть ли не по слогам: «А что же мы будем делать в брачную ночь?!»

ТЕРРОР ТРЁХ ВЕКОВ

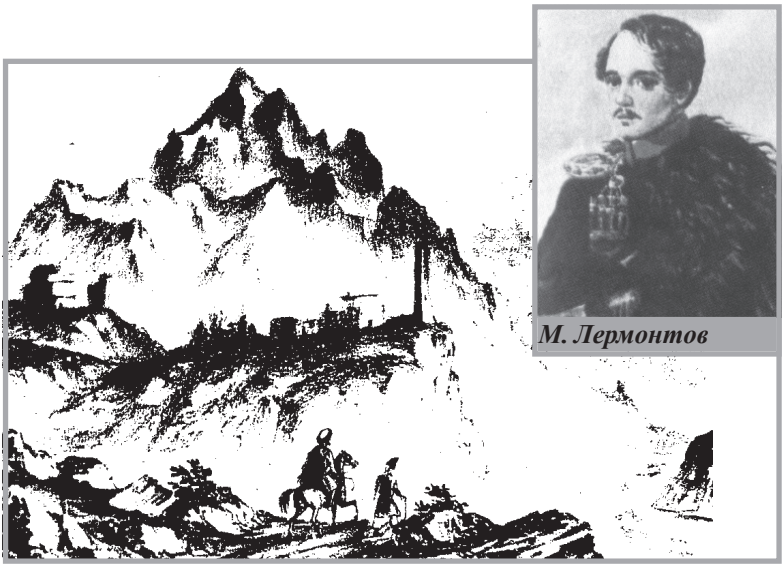
Николай I

Любое производное, факт человеческой жизни, есть отпечаток их предыстории, методично «опускаемой» людьми тех ступеней, что представляют сегодняшнюю власть, снимающую пенки переводом стрелок по поясам.

В моих руках апофеоз «Блеск дагестанских сабель в некоторых Шамилевских битвах» Мухаммеда-Тахира аль-Карахи — половина малоизданного документа XIX века прямо ассоциируется с бегущим днём. Знаменитого и авторитетного имама Чечни заточат в Калуге за оружейное взбрыкивание самодержавию. Сына заласковят блеском эполет и подконтрольной (царской) свободой. Тупоголового обывателя больше интересует гарем, а ведь сквозь израненный глава повстанцев, по-своему уважая убийцу муфтиев и муэдзинов Ермол-пашу, после стихотворения М.Ю. Лермонтова «Валерик» приказывал не стрелять в поручиков. Что это было? Проявление демонизма или геройства своего, тогда нашего времени???

А. Ермолов

«Хаджи-Мурат» Л.Н. Толстого, «Черкесы» погибшего на дуэли гения, «Буйный Терек» Х.-М. Мугуева, работы Мариам Ибрагимовой и других мастеров и ныне доказывают вековую непримиримость детей Кавказа,



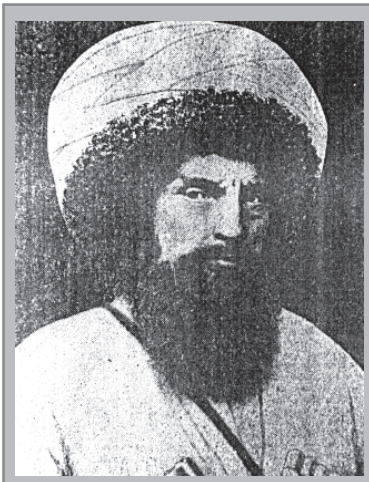
М. Лермонтов

тысячно убитых и выдворенных в никуда режимом кавказца (горийца) Сталина и тем же мегрелом Берия. Прошли годы, и лично мне тяжко понять молчание светила культуры Дагестана Р. Гамзатова, посмеявшегося надо мною в Кремле после разговора о будущей моей работе «Шамиль в Калуге», вошедшей позднее в книгу «Шапка Мономаха», дружески встреченную в двух полушариях...

Произошедшее в Москве — адское подтверждение вечно живущей мусульманской «вендетты». Никто из журналистов не заглянул в глубь и не перелистал корни исходящего зла, работая лишь по факту в спешке подачи окровавленного репортажа с места событий.

Наглядно-подавляющее, «милосердное» использование трагедии освободило вроде бы здравомыслящую элиту от понимания катастрофы, начатой в бытность Д. Дудаева, отпрысков брежневской сусловщины и проельцинской военкамарильи, приведших к внутренней войне православия с мусульманством. Несмотря на режущую боль после терактов, напомню, что те же чеченцы сложили сотни тысяч голов за дело народа в Гражданскую, Великую Отечественную и позорную (ввиду ненужности) Афганскую войны, кое-кто сражался во Вьетнаме и Египте.

В этой взрывоопасной, эмоциональной нации, почитающей



Шамиль — имам, генералиссимус, пленник

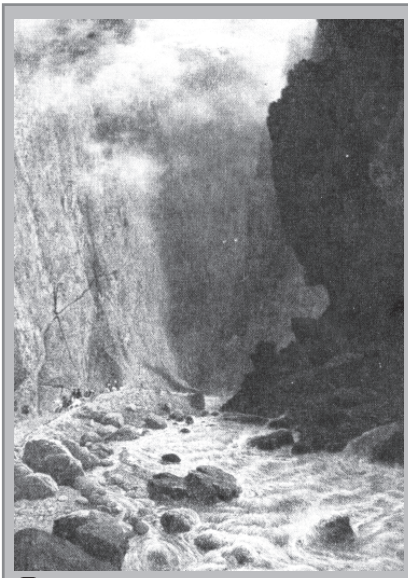
Коран, были и есть одарённые художники, поэты, врачи, технари, учёные, политики, просто порядочные люди, не разменявшие силу слова и творчества на патронташ автоматов Калашникова, к сожалению, разработавшего средство уничтожения всех ныне живущих рас. Не потому ли наш народ страдает за свою мармеладность? Не оттого ли крепка вооружённая провинция, для которой трудодень круглосуточен ежегодно?

Для полного понимания террора как антигуманного, опасного явления, следует показать длительно крупным планом разрушение Чечни, расширение погостов, внутриаульный крик, плач, стон матерей, отцов, братьев, сестёр, жён, любовниц и детей, в бесцензурном реализме выявить преступления «контртеррористической операции-зачистки» сроком около десяти лет. Нужно исключить понятие «бандиты с Кавказа».

Что, разве богатейшая Россия оголодает, предоставив Чечне суверенитет? Генерал Дудаев перед боевыми действиями здраво предлагал взаимовыгодный договор по всем энергетическо-геополитическим вопросам. Его по-теневому убили «неизвестной ракетой» при московском госте, но пустившие её в ход аннулировали версию того, что Алла Дудаева достаточно умна, чтобы возглавить «Женское общество отмщения» или «Союз ваххабиток Кавказа»...

Шамиль и сыновья

Автор гневно осуждает позиции и дела «язычников-духов», считает глупым помилование исламистов, лично участвовавших в убийстве служащих Российской регулярной армии, а также во многом ошибающихся контрактников. Ратный труд наших ребят — энциклопедия мужества и взаимовыручки «Если не мы, то кто?». На этом фоне «вахтенный» по стране, обязан спросить:



Дарьяльское ущелье
Р.Г. Судковский

— Почему передовые муфтии страны, их значение и влияние были показаны России только после операции с заложниками в «Норд-Осте»?

— Отчего наместник Христа на Земле Алексий II занял проправительскую ориентацию, при невозможности стыковки Церкви с государством после сверхтрагедизма периода богохульства и репрессий?

— Зачем в криминализированное общество «обригадированное» пальбой — трюками всех калибров, так продуманно и цинично дозируется страх просто дышать?

— Кто подписал секрет-указ о вводе Чрезвычайного положения по всей «завихрённой» державе, а также кто дал право подписчикам прятать своё нутро в броневиках, супер-дачах, эксклюз-клубах и под охраной неусыпной новой армии телохранителей?

Вопросы, мучения без ответов... Они многолики, разноцветны, бесконечны, неуместны и нахальны, ЗАТО ПРАВДИВЫ. Покоряя пространство в командировочных выездах по стране, экскурсируя её творчески, в ряде городов и сёл я читал аудитории поэму «Шамиль в Калуге». И где бы ни находился, беженцы плакали, говоря, что освещённые события, как и их общенациональный хадж в Мекку, были словно вчера...

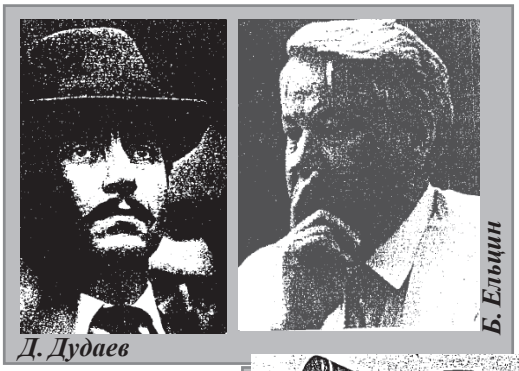
Да, Терек, Аргун, Бзыбь, Кура, непредсказуемые ледники, уклад быта и понятий по традициям породили ярых воинов Алла-

Свидание генерала Клюгенау с Шамилем **Г.Г. Гагарин**

ха, фанатично преданных его заповедям. Судя по тротиловой доктрине, они решили бить Москву за Грозный, превосходя в стратегии арабских радикалов в Палестине и Израиле. По А. Масхадову надо понимать: «Этого мало, ждите!».

Программирование будущих суток чревато обвинениями во «вредительстве». По-честному, выход из вселенского тупика прост. Лавирующими в лабиринтах братоубийства он не оглашается по причине того, что признание свободной Ичкерии подтолкнёт, не в обиду, чукчей или нанайцев к созданию своих оленье-лососё-

Штурм аула Гимры **Ф.А. Рубо**



во-меховых республик. Неожиданно для ООН и НАТО могут заявить о своей «небесной предначертанности» Одесса и Биробиджан, а негры могут потребовать от Англии и США многовековую компенсацию за рабовладельческую эксплуатацию предков (в миллиардах, конечно, долларов). Япония ещё раз напомнит о Курилах и Сахалине...

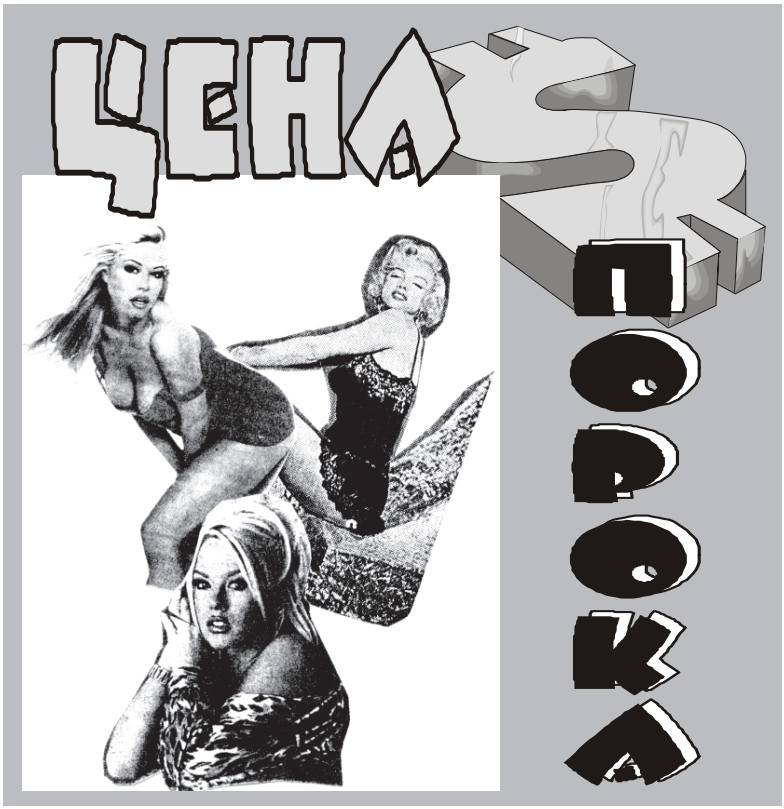
Залог будущего братства народов — понимание, оценка, знание тысячелетнего пути каждой нации, в Вере которых (при изучении их истории) присутствует одна и та же деталь — ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЕ...

Иначе сброс накопленных вооружений, озвученный по закону вождями и калифами, укажет землянам новые лица неугодной национальности, либо вынудит их строить колонии в Антарктиде, а может быть, кислород-купол на Луне или на Марсе.

«Террор плодоносит террор!» — говаривал опрокидыватель всех Вер неупокойный В.И. Ленин...

Пойдём ли мы заново по старому пути???

25 октября 2002 г.
Орёл — Ливны — Долгое — Орёл,
«Путевые заметки».



Юлия Лужкова недавно окончила родную сельскую десятилетку и решила поступить в школу манекенщиц, где принимали за размеры, а не за высшее образование. Отгремел выпускной, прошло лето, точно в басне про стрекозу, и пошла её дорожка по кривой траектории...

Природа наделила её редкостной мордашкой, изумрудными глазами и золотым волосом, певчим голосом, очаровательной улыбкой и броской, словно выточенной фигурой. Училась Юля на «тройки», и не по годам чётко оценила притягательность собственного «Я» среди разновозрастных мужиков-селян, любивших покутить между зимами и урожаями. До совершеннолетия приняла она массу знаков внимания...

Отец её залился в пруду, свалившись на «Кировце» с плоти-

ны — зашибал после Афгана круто. Недолго мучилась и мать Юлии: целина ещё здоровье-то подорвала, плюс покойный Макар взял Полину вдовой. Осталась непохожая на отца дочурка с бабкой Устиньей огород содержать и малую животинку водить...

Рано увлеклась девчушка Мопассаном, Дюма, Бальзаком и Арцыбашевым. Просиживала вечера в сельской библиотеке, мечтая о возвышенной, придуманной ею же любви и о своём принце.

Он пришёл — ночной голубчик, главагроном колхоза, седеющий красавец-бобыль Расстроев. Принёс невиданного ею шампанского, купил мармеладу и чешские босоножки, на размер больше, чем у бесприданницы. Говорил сладко. Обещал многое. Разыграл трагедию одинокого бездетника. Бабка Устинья в те дни занемогла, в облбольницу на неделю слегла. А внученька всё хотела самостоятельности, да и лишилась девственности во хмелю за просто так, дура наивная...

Вскоре снесла бабушку Юленька на запущенный, заросший чертополохом Подберёзовский погост. Продала потом за бесценок дом на слом, сдала за деньгу скотину на мясо. Ну и подалась в топ-модели по случайно попавшемуся на глаза объявлению.

Город встретил, как и всех чужаков — дистанцированным непониманием, заставил её — Королеву двадцати деревень, комплексовать перед мегаполисом, жителям которого было наплевать, что где-то «там» из-за неё сворачивались челюсти и вылетали зубы. Работать «киска» умела, но от рождения была страшно, даже болезненно ленива. Куда б ни пошла, больше двух недель не удерживалась, а для поступления в школу моделей требовались прикид, денежки и связи...

Так, в поиске химерного счастья, пропорхала Юля год, стала нервной и за неимением средств гулящей. Познакомившись с местным портным, она стала его любовницей. Выкачав из него колоссальную сумму шантажом, Юля принялась за наряды, сшитые им для столичной выставки. В общем, парень влюбился, на том и опустился…

Здесь в полной мере раскрылись её таланты перевоплощения с элементами артистизма, собственной режиссуры и изученного куртизанства. Ночами она выходила «на Бродвей» в шикарном котиковом манто почти на голое тело и красной мини-юбке стиля «выше некуда». Стройные ноги в просвечивающихся чёрных колготках венчали белые полусапожки с «крендельками-вен-

зельками». Искусство правильного, не цинично-убойного макияжа провинциалки, полной сарказма, а не шарма, дополнялось белой широкополой французской шляпой и годовалым овчарёнком на поводке, которого она изредка брала «для приличия». В зависимости от сезона «куколка Барби» преображалась, оставаясь броско фотогеничной, магнитно притягивающей взгляд девой.

«Кутюрье» жил напротив администрации региона, в ста метрах от отеля «Вояж» где частенько гостили иностранцы. Поначалу были проблемы с конкурентками здоровей, сексапильней, моложе, и, вероятно, умней. Более лихо решались «дилеммы» с дебиловатыми, но наглыми сутенёрами и их «крышей», но красота и тело вновь спасли Юлию, вскружившую голову местному криминальному авторитету Черняшке.

Щёголь, обскакавший Остапа Бендера в воздушных проектах по гону «баксов» из наркоты, макулатуры и краденых металлов, принимаемых от бомжей, именовался как Абрам Самуилович Фюрстенберг. Нетрудно догадаться, почему крещёный еврей-толстосум пользовался коленопреклонённым уважением в кругу бюрократ-чинуш города и региона.

Он звал знойную диву с собою в Израиль, четверть века воюющий не так за мощи Христа, как за свою автономию. Может, Юля схитрила, сославшись на незнание иврита, может кровь вокруг Иерусалима ей была не по душе, — она кокетливо-жеманно отказалась. Абрам был нужен ей лишь как ступень для осуществления её мечты — создания легального борделя по типу тех романов, что она запоем читала чистым подростком...

Черняшка умчал, выделив ей около ста штук «зелёных» и приставив охрану. Он вообще запретил ей секс, обосновав табу клятвой в том, что она станет его женой как только вернётся. Не знала Юлька-троечница, что на телохранителей Абрам возложил слежку и приказал в случае измены «пустить даму на дно»…

Пока бордель обустраивался, она подыскивала строго элитных, смачно-мажорных девочек, известных лично ей по ночным клубам и казино, придерживалась международных стандартов, отсеивая слабоинтеллектуальных фигуристых «лохинь» и «гейш». Через местную прессу эгоистка-бандерша скупала печатные листы на рекламу открытого внеакционерного общества «Суженые». Соря пиаром в оппозиционных изданиях, «поставщица двора» прикрылась благотворительностью и лицензиями, открывшими «шлагмаум» пробного пункта знакомств.

Дело, поставленное на контроль медицины, ладилось по часам и праздникам, в период войн и отпусков. Скоро должен был возвратиться из Тель-Авива Абрам, пробивавший в священных землях автосалон по продаже свежих (и ворованных) престижных иномарок.

Новорусская Юля заскучала — ведь у неё почти год никого не было. Холод одинокой постели был для неё мукой, воспитывавшей садизм по отношению к попавшимся на крючок «рабыням», безбедно кайфующим благодаря ей. Оторваться или сманить кого-либо она физически не могла, ибо была под надзором. Телохранители тоже не вились на её чары, и она всё чаще отходила ко сну в полуистерике.

Юля пошла по стопкам с содержимым всех алкогольных видов, дебоширила и разыграла попытку кинуться под грузовик, но свита Черняшки ценила гонорары и держала её в жёстком хомуте.

В субботу Абрам вылетел в столицу. Первый раз корешки оставили его подружку без присмотра, но под замком. «Мерс-500» и «Лянча» под прикрытием «Чероки» и «Лэнд-Крюйзера» въехали во двор арендуемой дачи часа через два. Поднявшись на второй этаж виллы, бригада застала Юленьку в койке голой и остывшей...

— Чёртова Мурлин Мурло, — только и сказал Фюрстенберг после раздавленных двух литров виски с водкой. «03» вызывать не стали, погрузив неудавшуюся «мисс» в багажник джипа. Подвязав пару пудовых гирь, её сбросили по пути на «Бродвей» в глубокий заброшенный пруд, из числа тех, где не рыщут ОСВОД и милиция...

Февраль 2003 г.
Орёл — Москва — Орёл,
«Путевые заметки».

ТЕРПИМОСТЬ

От государственных путан
Не стал светлее наш экран.
Аж до небес разросся штат,
Но... миллионы жён молчат.

ЧУВСТВО ИСТИНЫ

Осенью дерево на опушке пожелтело, и один махонький мальчик, преисполненный чувством добра и сострадания, стал ходить к нему со своим красным ведёрком, поить дерево влагой, и тропинка становилась с каждым разом заметнее. И пусть листья к зиме всё же слетели, но тропинка осталась, жива и под снегом.

Этот детский рассказ вспомнился мне, когда я прочитал книжку стихов орловского поэта Виктора Рассохина, выпущенную московским издательством «Современник» осенью текущего года под названием «Тропинка».

Само это слово даёт понять, что автор стремится проторить к читателю свою тропинку, вести его по ней в мир своих открытий, образов, восприятий. Зная поэта в обыденной жизни, легче читать его, чувствовать «извивы» души. Виктор Рассохин, кроме поэзии, увлекается ещё и... живописью. Пишет маслом картины, черпая материал в орловских полях и перелесках, по которым не прочь в сезон побродить с ружьишком или просто с блокнотом, чтобы не упустить подвернувшуюся стихотворную строчку. Отто-

го в стихе у него зримы детали, целые картины, ощутимо авторское присутствие.

Сова, сова... Загадочная птица,
Взлетает — тишь.
На ветку сядет — тишь.
Секунда — и уже не шевелится
В комочек серый сдавленная мышь.

В ожидании уток у д. Алёновка

Однако если бы автор двигался только в таком направлении, в лучшем случае его ожидали бы достижения в традиционной манере писать о природе — берёзах, травах и орлиных крыльях. Для В. Рассохина это — нечто боковое, не главное.

Вот что пишется на этот счёт в аннотации к книжке: «Виктор Рассохин в своих стихах обращён к жизни, современнику: он не сторонится сложных социальных и нравственных проблем, осуждает безнравственность, равнодушие, чёрствость, утверждает идеалы добра».

«Гены беспокойства», переживания за всё, что вокруг и рядом, ведут поэта в сложный мир общественных отношений, расширяют его дыхание, делают стихи интереснее читателю тоже неравнодушному, ищущему, взыскательному.

Душевное затвердение, чёрствость сердечная — вот начальный источник всякого бесчеловечного действия.

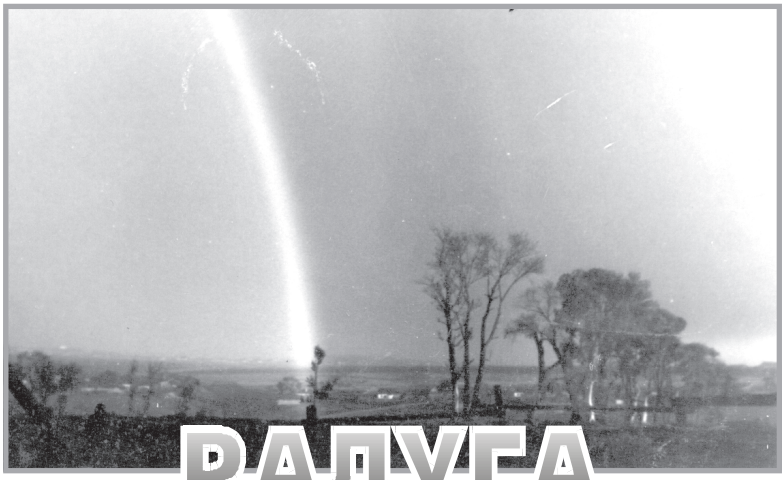
Вот едет мать к сыну («В поезде») и делится с пассажирами своими опасениями, как примет её невестка. И автор, глубоко переживая за неё, телеграфирует её сыну стихами: «Сердца откройте — едет мать!». Стихотворение «В гостях» тепло воспринимается во всякой аудитории, где читает его автор: механизаторами в поле, заводскими рабочими во время обеденного перерыва, учителями после школьных занятий.

В работе над стихом Виктор Рассохин идёт не от слова, не

от формы, а от содержания, от мысли, от стремления словесно оформить то, что увидено, понято и прочувствовано. На этом пути автора и поджидают трудности: мастерство поэта, владение словом нуждаются в совершенствовании. Порой в дело пускается слово двояко осмысляемое, из другого плана по стилю, настрою, из иного культурного слоя (например, «Травлю пудами коноплю», «Я подняла их теплотой»). Если бы автор был построже к себе, к каждой стихотворной строке, выиграли бы отдельные четверостишья, даже целые стихотворения.

И однако тропинка, по которой к древу поэзии идёт Виктор Рассохин, с каждой книжкой заметнее. Упорно торит он эту свою тропинку к читателю.

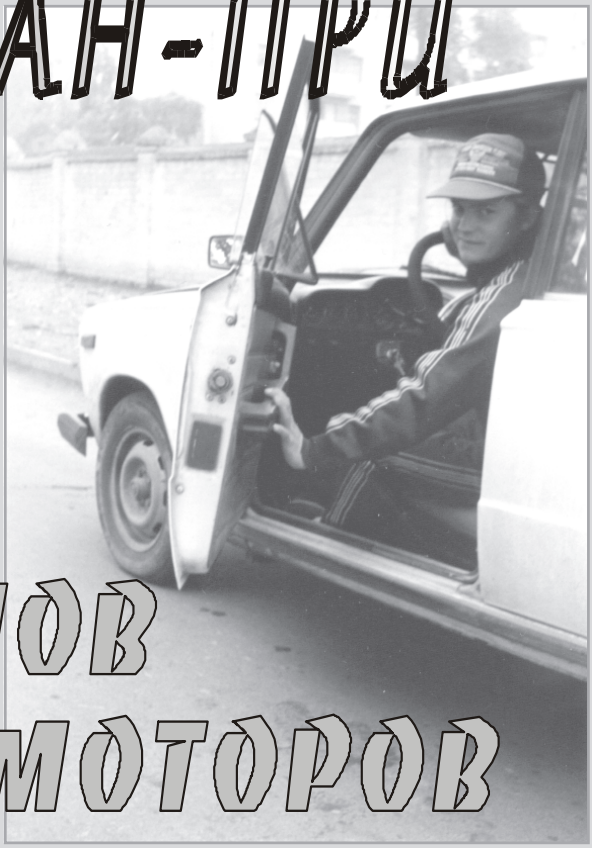
Леонард ЗОЛОТАРЁВ.



РАДУГА

Умчались тучи рваные,
И вышла, погодя,
Невеста без приданого —
Дочь солнца и дождя.

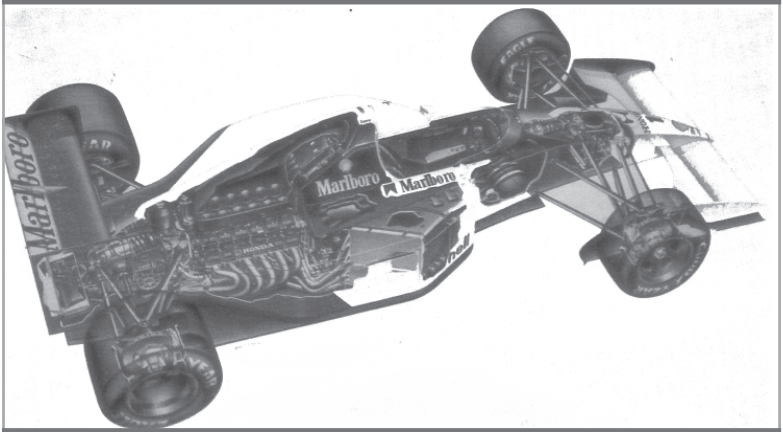
ГРАН-ПРИ УМОВ И МОТОРОВ



Стремительная эволюция мирового автомобилестроения, стартовавшая на освоение обжитых и затерянных земель, благодаря стараниям Отто, Ж.Э. Ленуара, Бо де Роша, Г. Даймлера, В. Майбаха, К. Бенца, К. Бискаретти и Д. Анъелли, Г.А. Лесснера и И.П. Пузырёва, а также благодаря У. Стэнвею, Г. Форду, Ч. Дьюри, В. Лянча и Э. Феррари, имеет свою незабвенную историю, окаймлённую триумфом побед и горечью поражений.

На протяжении всеохватного бума моторизации, охватившего, в первую очередь, передовые страны Европы и двух Америк,

FORMULA ONE



Совместное детище «Мак-Ларена», «Хонды», «TAG Электроник», «Компьютнрвизтон», «Кенвуда» и «Геркулес Айроспейс» — «Мак-Ларен»-MP4/7A» был окрещён «электронной смертью «вильямсов» (сделано в Уокинге, Англия, 1992-94 гг.).

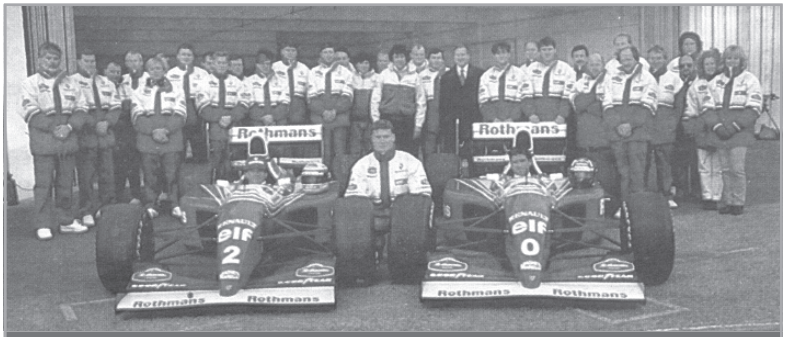
«дети» омашиненного века, начинавшие с малолитражных двигателей, рессорных подвесок, цепных передач, а также с паровых и электрических конструкций, столкнулись не только с техническими проблемами, но и с понятием «автомобили требуют жертв».

Однако ещё на стадии ручной сборки, когда умницы машиностроения видели конвейер лишь в мечтах, логично назрела срочная необходимость жёстких испытаний фаэтонов, купе, ландо и кабриолетов, лимузинов и грузовиков в условиях гонок. Французские фирмы «Панар-Левассор», «Братья Рено», «Пежо», «Де Дион-Бутон», «Леон Болле», «Дековиль», «Де Дитриш», «Даррак», «Делайе», немецкие «Даймлер» и «Бенц», «Адлер», «Фафнир» и «Бреннабор», итальянские «Фиат», «Лянча», «Бугатти», английские «Ланчестер», «Роллс-Ройс», «Воксхолл», «Хиллман»,

«Нэпир», «Волслей» и «Хамбер», испанская «Испано-Сюиза», штатовские «Стэнли», «Аутокар», «Олдсмобил», «Кадиллак», «Пирс-Эрроу» и «Форд», русские «Хрущовы, Лесснеры и Руссо-Балты» — открыли эру сверхзатяжного чемпионата в целях захвата обширных рынков более отстающих стран. Обладание ими означало не только баснословные прибыли, но и ускорение конструкторско—производственного процесса, совершенствование и рождение новых технологий, снимало напряжённость по безработице, наконец, делало человека более мобильным...

Практика первых ралли, кольцевых погонь и длительных пробегов на выживание имела мало общего при сравнении с голливудским опусом «Большие гонки» и, уж тем более, с «Антилопой-Гну» из «Золотого телёнка». Хотя канва обоих фильмов претендует на достоверность, а число приверженцев авто росло, как на дрожжах, широкая публика приходила в ярость, если гибли сограждане и животные «по вине вонючих карет». Заслуживает внимания рапирный выпад одного из анархистов того лошадиного века: «Автомобиль — это тиранический символ избыточного богатства. Инструмент усиления классовой ненависти между массой эксплуатируемых и горсткой привилегированных снобов». Великолепная формулировка, не правда ли? Зато Ленин конфисковал «Роллс-Ройс» Императора Николая II в первый же день «царствования», да и Махно, Петлюра, Деникин, Сталин и Ворошилов с Троцким были не прочь покататься, позабыв седло...

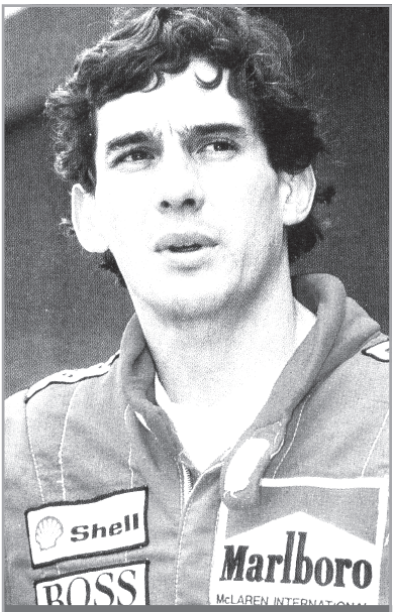
Самовлюблённо—авантюрную Америку тоже не обошла кампания по борьбе с «избыточным богатством» или средством массовой опасности для окружающих. Крупнейшая деловая (!) газета



Команда «Вильямс-Рено» (ген. спонсор «Ротманс»). Внизу (слева направо): А. Сенна, Д. Култхард и Д. Хилл (1994).

разразилась негодованием по отношению к «чуме XX века» так: «Ради бессмысленного удовольствия глупого спортсмена или истеричной дамы полусвета на дорогах калечатся и гибнут здоровые люди и даже дети — надежда нации; тысячи жизней, которые заслуживают защиты!»

Авария на дороге — трагедия для семьи. И всё же важно отметить, что сотрудники редакции, используя накал в обществе, очевидно, выполняли заказ магнатов железных дорог, главных конкурентов автомобилизации страны. Конечно, они приложили все силы, чтобы надежда и старость нации не знала о том, что, например, только в 1906 году на железных дорогах США погибло 3969 человек, тогда как на грунтовом бездорожье автомобили унесли жизнь 135 человек...



Трёхкратный чемпион мира Айртон Сенна да Силва (21.03.1960 - 1.05.1994)

Испытание Первой мировой войной показало приверженцам традиционных и эксклюзивных схем высокую эксплуатационную пригодность как поршневых двигателей, так и всего, что связано в подшипниково-шестерёночном зацеплении с ними. Выросло значение боевой и гражданской авиации, которая летает не на дровах и угле, а всё на тех же двигателях внутреннего сгорания, в чём видится заслуга автомобильного моторостроения. Совершенствование карбюраторов, механизмов газораспределения, трансмиссий и разного типа подвесок охарактеризовало мощный скачок индустрии, способствовало творческому росту автоинженерии, пуску конвейерного производства и влюблённости масс в «стального коня». При этом, ведущие автофирмы, на протяжении своей короткой либо многолетней родословной никогда не забывали назначения автогонок как с технической, так с коммерческой стороны. (Во все времена требовались хлеб, женщины и зрелища).

После Второй мировой войны наиболее передовыми, с точки зрения технической интеллигенции, явились состязания автогигантов в классе «Формула-1». С самого рождения эти соревнования, ещё на стадии разработки правил и требований, показали не только авангардизм конструкций, но и выявили высокое мастерство гонщиков и профессионализм механиков. «Мальборо», «Кэмел», «Шелл» и «Канон» — миллионов не жалели...

Бешеный рывок в мощности, литраже двигателей и скорости, установка системы вспрыска топлива, эксперименты с подвеской и аэродинамикой, газовыми установками и автоматическими коробками передач, а также с высококачественными маслами и суперэтилированным горючим унесли на пути к чемпионскому титулу горестное число «укротителей болидов». Немало красоток со всего мира, будучи «окольцованными» с лучшими водителями Земли, безвременно овдовели, ибо их мужья гоняли на износ и погибли в «формулах поменьше», на трассах международных ралли, картинга, Ле-Мана, Индианаполиса, за рулём НАСКАР, драгстеров, при рекордных заездах и постановке сложнейших трюков всем известных кинофильмов. Такова автопилотская судьба-жизнь, классно показанная С. Сталлоне в фильме «Гонщик».

О Петерсоне, Мак-Ларене, Кларке, Фанхио, Нуволари, Брэбхеме, братьях Андретти, Лауде, Фиттипальди, Хилле и Стюарте, как и об их знаменитых коллегах — властелинах скорости родом из двух полушарий — за рубежом сказано и красочно отпечатано с лихвой. Автором собран фундаментальный материал, который при его обобщении в книгу перешагнул бы трагичными фактами знаковый роман Э.М. Ремарка «Жизнь взаймы». Но на одной из звёзд первой величины — гонщике милостью Божьей, хотелось бы остановиться особо, чтобы хоть немного узнать сверхзасекреченную изнанку «конюшен».

В эпоху КПСС, когда С. Ческидов крутил педали велосипеда, я был приглашён друзьями в Венгрию, причём

«Вильямс-PW16-Рено»

попадал по времени под первую (обкатную) гонку на недавно построенной трассе «Хунгаро-ринг». Радовался, мечтая захватить с собой сына Сергея, но… родная властушка беспричинно не пустила. «Железный занавес» распространявший своё влияние и на соцстраны, заставил задуматься тогда о многом. Особенно о поколении воинов, их родственников, которым было кровно необходимо посещать места боёв и захоронений...

Репортаж с места событий не удался. Потом — как-то закрутилось, забылось, но за неукротимым бразильцем Айртоном Сенной, его тяжёлой работой я всегда следил с интересом, не переставая восторгаться его многократным успехам, независимо от того, в какой команде он состоял.

«Бенеттон-B194-Форд»

Он родился в семье состоятельных родителей и, казалось, судьба с самого первого шага благосклонна к нему. Ему исполнился год, когда полетел к звёздам Юрий Гагарин, планету лихорадил Карибский кризис и сводила с ума сексуально-наркотическая революция. Пройдёт немного времени, и он, не обременённый в средствах, освоит велосипед, мопед, карт, с любовью подаренные родителями, интуитивно понявшими его призвание.

В тринадцать лет малыш Айртон официально дебютировал в картинге. Именно этот микро-автомобильчик с маломощным мотоциклетным мотором стал «университетами» подростка на трассе, позволил отчеканивать до автоматизма приёмы вождения, натренировал глазомер и боковое чувство помех при старте и маневрировании. За рулём обычного, но хорошо подготовленного карта Сенна проходит искусство виражей и выхода из заноса, учится управлять одной рукой, экспериментирует с разными по мощности моторами, познаёт, что без огромного числа тренировок невозможна Победа. Так им была доказана теорема успеха личности, главная догма коей — заниматься любимым делом с

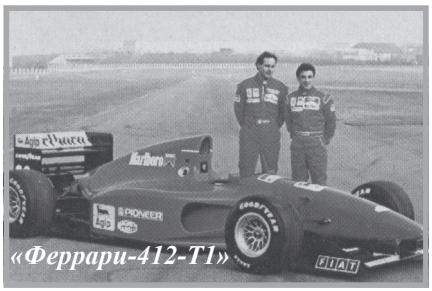
раннего детства, что можно укрепить многими примерами из истории...

Он продолжает интенсивно работать, благо средства, выделяемые отцом, позволяют не тратить силы и время на поиск заинтересованных спонсоров, в большинстве случаев весьма приземлённых при взгляде в будущее. Утром — трасса, в обед — трасса, вечером — «потрошение нутра» наземного «истребителя». Сбитые руки и ноги, шишки сквозь шлем и перевороты, ноющая грудная клетка от ударов руля — всё познал он сполна, но молчал и не плакал, не курил марихуану и не играл роль стойки в многочисленных барах. Увлечение неопытными и заматерелыми пассиями, конечно же, было, однако цель — призовое (никак не меньше!) место в южноамериканском чемпионате по картингу исключала долговременность объятий и поцелуев...

«Мак-Ларен-МР4/9-Пежо»

Таким образом сила воли, детальное знание техники, филигранность вождения при собственном «почерке» и вера в Победу «привезли» симпатягу Айртона к первому месту чемпионата в 1977 году. Затем он стартует и ведёт напряжённую борьбу на чемпионатах мира, где ум, карт и опыт выводят его на вторую ступень пьедестала в ряду маститых соперников. Уже тогда он понимает, что нельзя зацикливаться на достигнутом и решает участвовать в кольцевых автогонках в Великобритании, славящейся своими давними и прочными традициями в многомоторном покорении тысяч сердец и миль.

Отважный и напористый, Сенна крепко тренируется и побеждает на чемпионате «Тоунсэнд», заставив говорить о себе вечную монархию в 1981 году. С ходу, шокировав конкурентов, он меняет кокпит «Форда-1600» на формулу «Форд-2000», причём, не оставляя противникам никаких шансов, вновь выходит в лидеры. В 1983-м он за рулём «Формулы-3» выигрывает



«Феррари-412-Т1»

первенство Англии, тем самым «отрулив» себе путёвку в супермир технологических новинок, фаворитов техники и сверхвысоких скоростей, мир её величества — «Формулы-1»...

В 1984 году на Гран-При в ЮАР Сенна непостижимым образом зарабатывает в свой актив зачётные очки, несмотря на неполадки с машиной. Здесь, во второй гонке на пути к Автоолимпу в «Формуле-1», его подвело здоровье: он обратился в медцентр из-за судорог в шее и плечах. Нервничая по поводу «шоссейных вирусов» — первых отголосков опасной профессии, Айртон ни в одном из кошмаров не мог предположить, что в конце этого сезона его настигнет парез Белла. В переводе с медицинского диагноз звучит приговором не только для автогонщиков: вирусное поражение лицевого нерва. У Сенны парализовало часть лица, перекосило рот, не закрывался глаз...

К счастью, друзья посоветовали ему обратиться за помощью к страстному поклоннику автогонок, нейрохирургу, профессору Сиду Уоткинсу, практикующему в Лондонской королевской больнице. На протяжении многих лет он работал в медслужбе на гонках Гран-При. Как выяснится, курс стероидов, выписанный им Сенне освободит его от недуга и сыграет важную роль в их дружбе, продолжавшейся десять лет.

По воспоминаниям друзей и врагов, руководства Международной федерации автоспорта, механиков, родственников и сходивших с ума фанатичных «мисс», Сенна не мыслил себя без гонок. Колоссальные перегрузки на старте и виражах, риск и монотонность квалификационных заездов, личное вмешательство в конструкцию машин и бесценные рекомендации её создателям, аварии и призы, ежегодная кругосветка чемпионата были его жизнью. Ни женитьба, ни учёба в университете Сан-Паулу, ни бизнес и ни звёздность не прельщали бразильца — они были попутным явлением, хотя и в «пешей» жизни он был очень добрым человеком. Однако будучи натуральным автоголиком, он фокусировал все свои качества на Успех, разрабатывал и вводил в практику «дрессировку» баланса между силой сцепления шин и трассой, внёс свою тактику и стратегию в торможение, разгон, прохождение поворотов и пит-стопов, не уважал неоправданный риск и автоматические коробки передач, поддерживал начинающих «формулистов»...

Ему довелось стартовать и соперничать с признанными асами тех лет — Н. Лауда, А. Простом, Н. Мансэллом и Н. Пике,

Р. Патрезе и М. Альборето, К. Росбергом, Г. Бергером и многими другими. Анализируя их работу и сопоставляя её со своей, Сенна стремится к идеалу, ищет свою команду и машину, пройдя школу «Тоулмен-Харт», «Лотос-Рено», «Лотос-Хонда», «Мак-Ларен-Хонда», «Мак-Ларен-Форд» и «Вильямс-Рено». 160 раз Айртон Сенна участвовал в Гран-При, 65 раз были лидером на старте, 41 раз финишировал первым, 19 раз становился рекордсменом, показав лучшее время прохождения круга. Три титула чемпиона мира (1988, 1990, 1991 гг.) он завоевал титаническим напряжением за рулём красно-белого «Мак-Ларена». В нём смешалось всё: он мог быть бесстрашным и осмотрительным, непредсказуемым и рассудительным, артистичным и грубым. Сплав этих качеств, умение владеть ими, зоркий глаз и интуиция позволили ему закрепить свой дар в 1989-м, 1993-м и 1987-м годах, когда он дважды поднимался на вторую ступень Почёта и однажды на третью соответственно.

После несчастного случая с автогонщиком Мартином Донели в Хересе (Испания, 1990 г.), кумир автопоколения и просто зевак, не смыслящих в «железках», стал замкнутым, недоверчивым, недолюбливающим прессу. Но Сенна был ещё и общительным, любил встречаться с боготворившими его мальчишками, и что удивительно, был неплохим оратором. Епископ Трурский (Великобритания) впоследствии признавал, что «Айртон Сенна и словесно, и духовно оставил его, как проповедника, далеко позади».

Гран-При в Сан-Марино (Имола, Италия) 1994 года обещал быть очень захватывающим. 31 апреля, к ужасу собравшихся и участников квалификационных заездов, погиб австриец Роланд Ратценбергер. После случившегося «товарищи по несчастью» сохранили молчаливое спокойствие, и только один — Сенна — рыдал. Неужели у него было предчувствие, что и с ним случится что-то страшное??? Двенадцать лет Гран-При не знали смертельных исходов, хотя все помнили Жюля Вильнёва...

1 мая выдалось по погоде прекрасным. Сенна возглавил круг почёта перед трибунами, предстоял его 161-й старт.

Зелёный свет! И машины, неподражаемо «голося» звуком растревоженного улья, чадя копотью от шлейфов визжащей резины, в мгновение ока — устремились к первому виражу боевого круга. Тут же произошло столкновение, но к счастью, никто из двух пилотов повреждённых «формул» не пострадал. Темп гонки

был приостановлен, чтобы машины безопасности смогли очистить трассу от коварных обломков.

Вскоре гонка продолжилась. Лидировал трёхкратный чемпион мира, за ним, не жалея мотора, вовсю мчался талантливый немец Михаэль Шумахер. Они пронеслись на следующий круг, всё равно что две молнии. Через секунды загорелись красные флажки — бедствие!!!

Рассказывает профессор Сид Уоткинс, автор книги «Жизнь и конец: Триумф и трагедия в Формуле-1» (Лондон, 1996):

«Каким-то образом я почувствовал, что это Сенна. Когда я добрался до места происшествия, он беспомощно лежал в кабине своего болида. Врач из машины «скорой помощи» уже был рядом с ним, придерживая его голову в шлеме.

Мы спешно перерезали ремень под подбородком и, поддерживая шею, стащили шлем. Глаза Сенны были закрыты. Он был без сознания, лицо ничего не выражало.

Я приподнял его веки. По зрачкам было ясно, что у него серьёзно повреждён мозг. Мы аккуратно извлекли его из кабины болида и положили на землю. При этом он издал громкий вздох. Мне показалось, что в этот момент его душа простилась с телом.

Мы вызвали вертолёт, и моего друга доставили в больницу. Но я уже знал, что он не выживет».

Сверкнув огненным росчерком на небосводе, так погасла звезда мирового автоспорта. Великий гонщик Айртон Сенна да Силва, мечтавший, чтобы все гонки на планете проходили без катастроф, говоривший о слишком сильном увлечении организаторов гонок их коммерциолизацией, долларомaнией прибылей. Его жизнь, состоявшая из миллионов миль, прожитых в риске и страхе, — тридцать четыре года — взметнулись фейерверком и рассыпались тысячами осколков, воткнувшихся в сердца тех, кто любил, ценил и даже ненавидел его.

Видится, вспоминать Мастера по перемещению в наземном пространстве будут постоянно и долго, хотя он не воспитал учеников, оставив тысячи автографов, столь же стремительных, как он сам...

От хорошего знакомого в «ЮКОСе» как-то слышал о планах бразильских кинематографистов снять фильм о выдающемся земляке. Не знаю, вышел ли он, и мог ли справиться с такой сложной ролью дружок Мадонны А. Бандерас. Было бы классно, если бы «Роскиносервис» прокатил бы эту ленту с новейшей си-

стемой звука «Dolby Surround», в назидание малышам-нуворишам, бездумно маневрирующим на «Меринах», где не пролезть «Оке» или анекдотичному «Запорожцу».

Без шуток старается разве что В. Путин, подписавший бумаги о строительстве российской трассы «Формулы-1» в пригороде Санкт-Петербурга (ещё до озвучивания Программы оздоровления нации).

Сможем ли мы полноценно участвовать в Гран-При умов и моторов — вопрос большого времени и ещё больших денег.

Апрель 2002 г.,
Орёл — Тольятти — Орёл,
«Путевые заметки».

Логотип компании «Ройял Датч-Шелл Груп» — крупнейшего производителя ГСМ и спонсора автогонок

Раздумья перед стартом

Айртон среди «Мисс-эскорт»

Тропинка в жизни

В пятой главе своего основного литературного труда «Сочинения Александра Пушкина» В.Г. Белинский писал: «Искусство не допускает к себе отвлечённых философских, а тем более рассудочных идей: оно признаёт только идеи эстетические…» Вслед за этими словами критик говорит о пушкинской «удивительной способности делать поэтическими самые прозаические предметы…»

Справедливая мысль «неистового Виссариона» вспомнилась мне, когда я читал книгу стихов орловского поэта Виктора Рассохина «Тропинка», выпущенную в прошлом году московским издательством «Современник».

Почти весь этот сборник посвящён жизни теперешней деревни. Многие её аспекты отразил в своей поэзии талантливый поэт-орловец. Быт современного советского села, взаимоотношения его жителей, их труд, любовь, заботы, огорчения, радости и удачи — эти темы постоянно присутствуют в запоминающихся, образных лирических стихах. Всё это многообразие рисуется в тесной связи с жизнью среднерусской природы, которую В. Рассохин изображает сочными, точными словами. Вот, к примеру, рассохинское стихотворение «Отстал». В нём поэт пишет:

С желтинкою листья-звёзды
Срываются в темноту.
Колючий осенний воздух
Задерживается во рту.
А там, где луна сияет,
Над полем теряя грусть,
Отстав от родимой стаи,
Кричит в мирозданье гусь.

Умеет Виктор Рассохин передать сокровенные мысли современных советских крестьян, проникнуть в их душу и найти в ней

то основное, что движет их трудом и помыслами. Доказательством этого может служить его прекрасное стихотворение «Мать». В нём нарисован колоритный образ старой русской женщины, всю жизнь проведшей в деревне, «где она любила, где мечтала, где спасалась от грозы, где и ростом меньше стала от работы и слезы». Оказавшись в шумном незнакомом городе, оторванная от земли, скота и деревенской детворы, к которой она «тянулась повиликой», старушка мечтает об одном: «перед смертью по местам пройтись родным».

С гневом и горечью пишет Рассохин в своей книге о человеческой жестокости, лжи, стяжательстве, скаредничестве, обмане, призывает хранить светлую память о тех, кто в суровые годы Великой Отечественной войны пал в смертельных боях за нынешнюю земную радость.

Сборник стихов Виктора Рассохина «Тропинка» — отрадное явление в литературной жизни Орловщины. Знатоки поэзии, несомненно, встретили её с вниманием и любовью. Этого она вполне заслуживает.

Дмитрий ШЕСТАКОВ,
д. Черемошное.

Писатели Виктор Рассохин, Александр Логвинов и Леонард Золотарёв на встрече с тружениками колхоза имени Калинина Малоархангельского района. Июль 1980 года.

ЛЮСИХА

Мне пришлось учительствовать в одной из отдалённых деревень. С неделю я привыкал. Осматривал достопримечательности живописного уголка. Стоял март, но снег и не думал продвигаться в лощины. Солнце не показывалось, прячась где-то так далеко, что, казалось, оно никогда не вернётся. Всё это сковывало настроение, хотя весёлый обманщик — первое апреля — был уже на носу.

— Затяжная весна! — сетовали крестьяне. Снегу-то сейчас подниматься надо, как тесту на дрожжах.

— Ай, обиделась на что? — Но март был самолюбив и морозен.

Квартировал я у опрятных хозяев. Изба была добротная, крытая железом, с новым сосновым полом, который так и светился, ещё сохраняя аромат леса. Школьники, зная, что я живу у Анны Андреевны, у Нюрки Васёнковой по двору, частенько заглядывали в окна, желая посмотреть на нового учителя.

И вот однажды, когда сумерки ещё не загустели, в избу вошла девочка в сереньком, длинноватом не для неё пальтишке и в чёрной барашковой шапочке. Я был дома один. Остановилась у порога и, видимо, немного смутившись при виде меня, она ничего не спросила. Ей было лет восемь.

— Чья ты, девочка? — нарушил я молчание.

— Бакренёва.

— А зовут?

— Люсиха.

Так, больше мне ничего не сказав, сверкнув глазёнками, чёрными, как смородина, она выпорхнула на улицу. Когда пришла хозяйка дома, я сказал, что была Люся, а зачем и что промолчала.

— Я у них корову дою. Мать в больнице. А семейство — семь душ. Один одного меньше. Люсиха-то в первый ходит.

Мне почему-то сразу стало не по себе. И я мысленно увидел её. Стоящую молчаливо у притолоки.

— Возит хлеб в магазин Люсин брат. Мой куманёк, — пояснила хозяйка. — По американам и азиям — хват. Забьёт любого... Я его трезвым и не помню. Сивухой за версту разит. Тьфу ты! И вот надысь так свою хозяйку уздечкой высек, ажно голову проломил. В больнице теперь.

— Так что же вы его к хлебу допускаете? А жену избить? Это ведь, вообще, дикость! — горячился я.

Но Андреевна с усмешкой протянула слово «дикость» и принялась вышивать болгарским крестом полотенце.

Я старался как можно быстрее познакомиться с ней. И она, как бы узнав мои намерения, стала чаще бывать у нас.

— Что, Люсиха, не поможешь крёстной пол-то помыть? — шутила хозяйка.

— Помогу, — отвечала она, и её личико, словно зажжённое изнутри, становилось розовым.

— Мыть я знаю, ты умеешь. А вот по часам до сих пор не соображаешь, — Анна Андреевна окончательно пристыдила девчонку, выдав мне спроста её детскую тайну.

— Пропало дело, — подумал я, — сейчас убежит! Но в этот миг выскочила кукушка и трижды пропела своё ку-ку. Маленькие дверцы на узорчатом циферблате захлопнулись, и птица исчезла. Люся стояла с открытым ртом и глядела на часы.

Вскоре мы вникли в это нехитрое дело, казавшееся чем-то необыкновенным. Потихоньку, с запинками, Люся всё-таки освоила эту часовую проблему. Глазёнки её лучились, как у всех ребятишек, узнавших что-нибудь новое, мимо которого они не раз проходили, не придавая никакого значения.

— Люся, скучно без мамки?

— Скучно, — односложно прошептала она, и весёлость её моментально угасла.

Заметив перемену, я успокаивал её, думая: какой же чёрт меня дёрнул спросить об этом. Мама, мамочка, мать... Без матери не скучно, без матери — страшно! Мать — короткий праздник на земле... вспомнились мне удивительные слова одного поэта.

Когда уходила Люся, мне самому становилось скучно, как будто уходило от меня детство.

Снег всё-таки набухал. Солнце и не выглядывало, но тёплое дыхание весны чувствовалось, как чувствуется пульс, который находишь пальцами, и пальцы ещё не привыкают к его ритмичным ударам.

— Не заходит что-то твоя любимица? — обращался ко мне муж хозяйки, невероятно скупой человек трезвый и невероятно щедрый сразу же после стопки.

— Надоели ей твои книжки. В школе — книжки, ты — про книжки. Радио там, телевизор... Этак можно и грамотёнку забыть. Вот на природе дитё — копается себе. И ничего не надо. Ни-чегошеньки!

Мы вышли. Ребятишки возились около лужи. Одиноко белел кораблик на масляно-чёрной воде. Кто-то уже похныкивал: по всей вероятности набрал в сапоги. Тут же, звеня, рассыпался смех.

— Люська! Иди с Веркой займись! — крикнул её отец, появившийся в проёме двери, худой и заросший.

Он курил и, заметив нас, пожелал нам доброго здоровья. Я всматривался в него. Нет, Люся на отца не похожа. Она круглолица, с постоянно румяными щёчками, с весёлым быстрым огоньком в глазах. — Мать вылитая! — пришли на память хозяйкины слова. Вся в неё!

И я представил эту женщину, лежащую в больнице. Совсем неизвестную, незнакомую мне женщину. О чём сейчас она думает? Легко ли ей, трудно? Вернётся ли она в родную деревню

Автор книги — сельский учитель.

этой дорогой, по которой её увозили сани морозным ветреным днём...

А вечером, управившись с делами и уроками, влетела к нам Люся, как ласточка, и защебетала на своём, полном почти одних вопросов, наивном языке.

— Хватит болтать! — одёрнула её Андреевна. Садись-ка ужинать с нами.

— Не хочу. Райка суп сегодня варила. Ха-а-ро-ший. А картошку я чистила.

— Скоро чистить не будешь. Вот мать помрёт — отец приведёт вам Клавдию Ромашину! — черпая длинной ложкой щи, сказал Василий Иванович.

— Сиди, чёрт! — вступилась Андреевна. — Дитю хотя бы этого не говорил. Типун тебе на язык.

Мы почти не заметили, как Люся открыла дверь и закрыла её за собой. Я выскочил на улицу. Она стояла у веранды и плакала. Плечики её судорожно вздрагивали.

— Да разве можно так? Ты же большая! Это Верке ещё простительно, — успокаивал я её. — А мама твоя приедет.

— Когда? — Слёзы опять почувствовались в голосе.

— Скоро. Совсем скоро. Она повернула ко мне своё личико и кулаком растёрла слёзы.

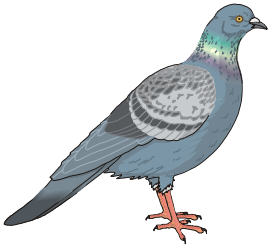
— И ты приходи к нам тогда. Придёшь?

— Конечно. Обязательно приду.

И, сказав мне «до свидания», Люся побежала к избе, из окошек которой пробивался свет сквозь весенний туман.

Утро выдалось погожим. Солнце, по которому стосковались, неясно заулыбалось. И от этой, ещё неясной улыбки всё преобразилось: зачастила капель, играя цветами радуги, задымились ещё не освободившиеся от последнего снега поля, зазеленела травка, едва-едва пробившаяся на взгорьях, деревья как-то подтянулись, и на лицах людей появилась такая же улыбка.

А как я был счастлив, когда узнал, что из больницы привезли Люсину мать, что здоровье у неё поправилось, что весна, наконец, осмелилась. И что Люсино сердце чаще бьётся от радости.



ЧЁРНЫЙ ГОЛУБЬ

Я часто хожу по утрам в маленький благоухающий скверик. Намокшие за ночь деревья кое-где уже роняют росу. На жёлтом песке она оставляет округлые ямки. Лёгкая прохлада бодрит и радует. Густые, не спугнутые осмелевшими лучами тени ложатся почти на всю асфальтовую дорожку. Каждый раз возле синего миниатюрного киоска, где переплелись ветвями две пахнущие мёдом липы, я вижу голубя. Он деловито что-то выискивает, семеня красновато-фиолетовыми лапками по прибитой остывшей пыли, оставляя отчётливые следы. Сначала я принял его за галку, но, присмотревшись, обрадовался и недоумённо задал себе вопрос: «Почему чёрный?!»

Такого я видел впервые. Держался он всё время сторонкой, явно видя меня своим глазком-пуговичкой, но почему-то близко боялся подходить. С двумя перьями на хвосте, нахохлившийся, всегда готовый к взлёту, запомнился он мне при первой встрече. Случалось, сюда прилетали другие голуби. Они напористо вели себя, шумно наскакивали на попавшуюся крошку, наиболее рьяные ворковали вокруг голубок, и, заметив моего знакомого, гнали его до тех пор, пока он не поднимался на крыло!

— Не попадайся под горячую руку, — говорил вид победителя.

Но, несмотря на такие выходки, этот уголок был его излюбленным местом. И мне приходилось его чаще всего заставать в одиночестве. Клюёт себе спокойно, однако, услышав шорох моих шагов, старался просеменить подальше. Заметив что-нибудь, он подходил ближе и тут же отбегал.

О том, что голубь был голодным, я не думал. Лето. Там и

сям кое-что отыскать можно. «Почему он такой робкий?» — вставал второй вопрос. И на решение его уходило множество догадок.

Однажды, когда я читал голубой томик Бунина, моё внимание привлекло хлопанье крыльев. Возле киоска я увидел небольшую, недавно севшую стайку. Вся она была возбуждена. Крылья у некоторых были широко расставлены, и особенно взволнованным казался белый голубь с красивым высоко стоящим хохолком. Красные ободки вокруг глаз подчёркивали его нервозность. Схватка продолжалась. Но когда я подошёл, голуби неохотно поднялись, а на земле лежал на боку мой знакомый и, судорожно дёргая лапками, хотел подняться.

— Досталось! — подумал я и без труда взял его. Он было дёрнулся, но затих. Пальцы ощущали, как часто бьётся его сердечко. На голове недоставало нескольких пёрышек, возле переносицы, там, где белые надклювные бугорки, сочилась кровь.

— За что тебя обидели? — вслух вырвалось у меня. В моём сознании никак не укладывалось, что голубь может обидеть голубя. С детства, по букварю, по стихотворениям я знал об этих мирных птицах, якобы несущих счастье. И будучи мальчишкой, когда приходилось стрелять из рогатки по воробьям, никогда даже не целился в них, хотя соблазн был велик: они крупнее и ближе подпускали.

Всё лето голубь пробыл у меня. Покруглел. Перья отросли. Молодцевато держал голову. И, замечая меня, изредка, правда, нахохлившись и переливаясь на солнце, топтался на месте и доверчиво ворковал. Потом подходил, внимательно заглядывал в мои ладони: нет ли там чего? И, если что усматривал — взлетал на руку и, не торопясь, не озираясь, склёвывал крошки хлеба или зёрна пшеницы. Всего было вволю, но меня начинало тревожить одно обстоятельство — я стал замечать в нём этакую леность, отсутствие порывистости, не чувствовалось силы в крепких, но слегка опущенных крыльях.

— Испорчу голубя, — иной раз охватывала меня мысль. Постепенно она становилась назойливой. Ему нужно небо! Ему бы сейчас летать! Но, когда я, громко хлопая в ладоши, пытался повоздействовать на него — он убегал за сарай, где густо переплелась крапива. Это начинало раздражающе действовать на меня. Вспоминался тот белый голубь, и даже хотелось, чтобы он чёрному почистил пёрышки…

После таких мучений, вооружившись шестом и обмотав его тряпкой, клочья которой торчали во все стороны, мне удалось поднять черныша на крышу. Однако и здесь он бегал из конца в конец, едва вспархивая. Долго бы ещё возился я с моим ослушником, если бы не помогла соседская жёлто-оранжевая кошка. Кем-то напуганная, она быстро вскарабкалась на карниз и опрометью бросилась вверх по крыше.

Голубь молниеносно взлетел. Мне показалось, что крылья его звенят. Отчётливо слышалось, как они рассекали нагретый воздух. Красивыми кругами он то набирал высоту, то, складывая крылья «лодочкой», устремлялся вниз и опять продолжал полёт. По его поведению в небе чувствовалось, что там для него всё ново, и эта безоблачная синева, по которой быть может, стосковалось его голубиное сердце.

Я стоял и думал: как давно не бывал он в небе, не ронял в воздухе отжившего пера, не радовал зевак своим стремительным полётом.

— Улетит! — кольнула меня мысль. И голубь действительно улетел. Дня три мне чего-то недоставало, как будто кто-то взял самую лучшую черту в моём характере. — Теперь его обижать не будут, — успокаивал я сам себя. — Не поддастся! Грудь как у бойцового петушка, — и я видел, как на ладони, весь его путь — от бесхвостого и забитого до красавца-виртуоза.

И каково было моё удивление, когда где-то в середине дня я увидел на коньке крыши своего знакомца. Рядом с ним сидела милая рябенькая голубка с мохнатыми лапками. Она вертела аккуратной головкой и постоянно осматривала одним глазком вниз, как бы знакомясь с новым местом.

Я улыбнулся, каким-то доселе неизвестным светом озарилась моя душа, и мне показалось, что у самого прорезались крылья.

МУДРОСТЬ — МУДРОСТИ

Сказал пророк: — Вам мост не перейти!
Но белый дед, познавший с детства воду,
Сказал в ответ: — Да, мост не перейти,
Но есть река, где можно выйти к броду.

МОСТ

Вчера половодьем снесло заоколичный мост. Грязно-зелёно-желтые льдины, громоздкие и огромные, каких с незапамятных времён не видели в деревне, подмяли его под себя, исковеркали, заставив торчать в разные стороны набухшие брёвна со стёсанными белыми краями.

Николай долго стоял и смотрел на эти обломки, вдобавок облепленные наносной мелочью: подсохшей серо-охристой соломой, спутавшейся с пухом и пером выброшенных в речку гусиных гнёзд, свежей щепой и пёстрыми ситцевыми лоскутками.

Он опять, уже в который раз, вытащил письмо из затёртого конверта, развернул тетрадный лист, исписанный быстрым, но каллиграфически красивым почерком, и стал читать, облокотясь на старую ветлу с выжженным дуплом, где летом постоянно ребятишки пекли на костре раков.

Читал он выборочно, и те части письма, где наиболее искренне изливалась её душа, ему почему-то казались крупнее, хотя почерк был везде одинаков.

«Прости меня, Коля. Я знаю, ты шлёшь сейчас в мой адрес тысячи проклятий. Сердце твоё готово разорваться от злости, жгучей и чёрной. И нет на земле в данный момент женщины омерзительней меня по твоим понятиям. Мажут меня дёгтем и грязью мои бывшие подруги и твои же друзья. Что только не вливается в твои уши! И сколько ещё выплеснется всякой нечисти. Но я люблю тебя. Пронесу это чувство, покуда хватит сил. И знаю — ты выше ярости, охватившей тебя, когда сообщили тебе обо мне.

Письма твои я сожгла. Пятьсот писем! Сожгла, не читая, боясь разреветься на весь дом. И откуда появилась у меня в то время эта жуткая холодность и жестокость к себе и тебе?

Вырвать из сердца этот миг невозможно. Он так и останется в глазах: раскалённая плита, чёрные обуглившиеся листки, слёзы, буквально закипающие на щеках...

И как бы в награду за это — я жду ребёнка... Его... ребёнка. Мужа ты, вероятно, помнишь! Он был в деревне на Троицу, играл на аккордеоне... А мы с тобой кружились... И кто бы мог подумать, что наши пути так перехлестнутся.

Коленька, милый! Пусть будет светлой твоя жизнь и дорога. Как я теперь тебе благодарна, что в минуты близости, переходящей в единое дыхание, мы не упали оба. Помню, как сейчас помню пропахший антоновкой бабушкин сад. Душистый стожок сена у тёмно-зелёного вишенника, росу, сбитую с трав и остужающую мои ноги, которым было легко и приятно в сползающих босоножках...

Мы долго тогда разглядывали, как на яблоках, светящихся в темени листвы, играл тёплый, обвораживающий лунный свет, а там, где на боковинках антоновок застыли капли росы, вспыхивали голубые звёздочки с ослепительно-белыми точками в середине.

Ты обжигал губами без того уже огненные щёки, припадая к шее, часто дыша, пробивая дыханием тонкую блузку и краешек лифа. Я уже не могла, была в забытьи, была вся в твоей власти, но какая-то святая сила удерживала тебя от последней дерзости.

Поникшую, слабую ты держал меня в своих объятиях и уже остывающим ртом ловил сухие травинки, попавшие мне за пазуху...»

Читать было невозможно. В глазах рябило. И перед ним как будто не было яркого весеннего дня, а было то благоухание ночи, мгновенно возникшей в его памяти от милых, до буковки знакомых строчек...

А ведь всё началось с моста. Уже давно и будто вчера. Скажи вот так и смешно кому-то покажется, — размышлял он. Ведь все стёсанные сучки на брёвнышках считаны и пересчитаны мной. Сколько встреч на мосту! Сколько счастья!

За спиной послышался деловой разговор. Мужики, поблёскивая топорами, приближались к речонке. Впереди, шлёпая по мокрому лугу, высыпала детвора, удивляясь и радуясь извечным проказам полой воды.

— Что, Коль, крыги считаешь?

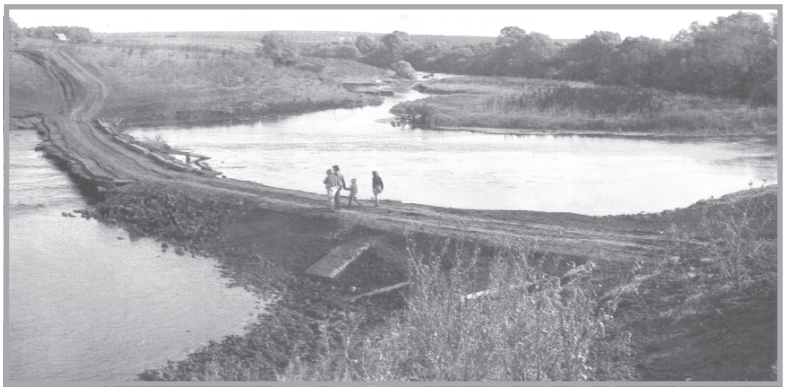
— Пробовал, — шутливо отозвался он.

— Не выдержал, чёрт! Отгрохали, вроде, на век: белых держал, немец шёл, казаки проскакивали. А теперь — дровишки.

— Дровишки? Нет, не дрова!

И, тяжело вздохнув, Николай посмотрел на сбегающий почти к берегу белоствольный лес. Шла рубка. Эхо, рождаясь внизу, умирало на взгорье. Густыми солнечными бликами горела щепа на прошлогодней рыжей траве. «А деревьям вечно ложиться в речку», — думал он, направляясь к деревне, освещённой голубизной апрельского неба с изломанным клином усталых журавлей.

И, может, вон тот сопливый крепыш не миг, не мгновенье проведёт на этом мосту, дубочки для которого так ещё на него похожи.



МЕЧЕНЫЙ

Косясь на власть, презрев Победный май,
К реке выходит бывший полицай.
Он десять лет в Сибири отмахал,
Где руку отхватил лесоповал.
Хатёнка на отшибе, словно скит.
На берегу он сумрачный сидит.
У меченого рыба не клюёт,
И на мели он ставит перемёт.

ГОЛУБОЙ ГОРОД

Колька Егоров окончил восьмилетнюю школу. Сколько было радости, когда он появился на пороге дома.

— Мам, вот я и вырос, а ты говоришь я всё маленький!

— Эх, Колька, Колька. Где ты вырос… — сокрушённо покачала головой Ольга Ивановна, ещё молодая женщина с начавшими отцветать карими глазами. — Садись-ка, молочка выпей. Тоже мне взрослый.

— А ты посмотри, мам, свидетельство, — сказал Колька, и сам стал пить молоко торопливыми глотками.

Мать взяла и внимательно с каким-то едва заметным трепетом посмотрела на него: гербовая печать, оценки, стоящие против непонятных ей некоторых предметов, размашистые подписи преподавателей подействовали на неё магически. Она долго смотрела в свидетельство, не говоря ни слова, где значилось: «Егорову Николаю Васильевичу…»

Так весомо, так по-взрослому, а Ольга Ивановна видела Кольку то в пелёнках, то едва начинавшим ходить, первые приготовления в школу, плачущим у гроба отца, а теперь на тебе! Парень. Да какой парень. Правда, с бритвой не занимался ещё.

— Что теперь делать-то будем? — обратилась мать к сыну, концом косынки в зелёную крапинку вытирая повлажневшие глаза.

— Как что? — спросил удивлённо Колька. — В город поеду. В техникум поступлю. А не поступлю — работать останусь, — мигом выпалил он.

— Да не мельтеши ты, не мельтеши…

В эту минуту в дверях появился Колькин товарищ, черноглазый и черноволосый мальчишка — прямая противоположность Егорову. У Кольки были мягкие льняные волосы и, казалось, что при лёгком ветре они могли слететь с головы. В его доверчивых материнских глазах постоянно проживали наивность и восторг.

— Коль, пошли. Ждут нас. В лапту на лугу поиграем…

— Не вовремя ты, Серёжка! — полушутливо, полусерьёзно сказала Ольга Ивановна, но ребята уже вылетели из избы, и куры, то и дело заглядывавшие в сенцы, долго не могли угомониться и растревожено кудахтали.

Колька вернулся поздно. Луна, казалось, выплеснула всю свою силу света на пол. Тишину нарушали старые «ходики» с гирями, похожими на еловые шишки, да неугомонный сверчок, приютившийся где-то под печкой. Бесшумно раздевшись, чтобы мать не услышала, он быстро нырнул в кровать.

Потом перевернулся, лёг навзничь и заложил руки под голову. События дня не давали уснуть. Перед глазами маячила Надька в беленьком платьице, словно бабочка у огня. Это она всё время ловила «свечи», это она его подсекала мячом на полпути, это она ему прожужжала уши, когда играли в третьего лишнего.

— Не догонишь, не догонишь! — ещё звенело в ушах. Потихоньку она уплыла из воображения, и Колька представил, как он вырвется, наконец, из деревни в город, далёкий голубой город, где много интересного, заманчивого, сказочного. Вон Лёнька Ромашкин… когда-то раков вместе ловили… сейчас машина у него… совсем новая… Он уже видел, как идёт по широкой улице, как приветливо протягивает к нему ветки постриженные аккуратно, по-городскому, деревья, как разноцветные рекламы кинотеатров манят к себе своими волшебными надписями… Вот он, робея, заходит в здание техникума и белокурой секретарше с накрашенными губами подаёт документы. Как она вежлива! Не верится даже, что здесь строго спрашивают. Со стены ласково смотрят Ломоносов, Менделеев и другие бородатые учёные, не-

известные Кольке, рядом с ними почему-то Надька Ручьёва, розовая от смеха и ставящая ему всевозможные рожицы…

Мать слышала, как Колька кричал во сне: «Принят!» — но ничего не могла понять из услышанного. Не спалось ей в эту ночь. Не спалось. Она слышала, когда он вернулся с улицы и не стала его ничем беспокоить. Как и любую мать, дальнейшая судьба сына больше тревожила, чем радовала. — Да и как не тревожиться! Колька был в городе один раз, да и то, когда крестили. Перед Троицей. Книжки-то книжками, а жизнь — жизнью, — думала она. Останусь как без рук. А в городе — не у родной матери. Водички испить — копейка, в баню сходить — другая, в трамвае проехать — третья…

А тут речка, земля аж самого носит, вода родниковая… Работы, правда, у нас больше. Привычен он у меня. Она и подняла его так. За два лета выше на голову стал. Затеряется в городе — люди чужие, разные, что делать? Что посоветовать? — Такие мысли наскакивали одна на другую и не давали покоя Ольге Ивановне.

Она тихонько поднялась. Нащупала шлёпанцы ногой и подошла к сыну. Колька спал, разметавшись, как будто продолжал лететь куда-то. На его лице была такая безмятежность, что, пожалуй, опытный психолог прочитал бы все его видимые и невидимые движения пульсирующей и дремлющей мысли.

— Не пущу я тебя, не пущу, — шептали её губы, но какой-то трезвый и ощутимый внутренний голос, как будто стоял кто-то рядом, говорил:

— Нет, Ивановна, не удержишь ты сына. Не удержишь! Ты жизнь прожила и знаешь, что легко нигде не бывает…

Ольга Ивановна смахнула незаметно выкатившуюся слезу, что-то ещё прошептала, потом неслышно отворила окошко, и изба наполнилась предрассветной свежестью.

Урок поэзии в сельской глубинке. Кромской район

Спасское-Лутовиново.
На 170-летии И.С. Тургенева.
Сентябрь 1988 года

ВСТРЕЧА С ПОЭТАМИ

В молодёжном общежитии завода алюминиевого литья состоялась встреча с поэтами-земляками Игорем Крохиным и Виктором Рассохиным.

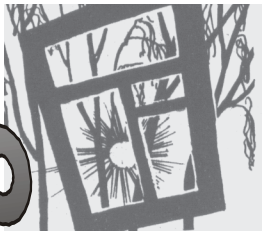
Игорь Крохин прочитал свои новые стихи.

Виктор Рассохин познакомил присутствующих со своим сборником стихов «На ветру». Для автора характерно умение передать внутренний мир человека, его настроение и в то же время показать своё отношение ко всему, что он видит и слышит. Так, в стихотворении «Хрусталь» он обличает мещан, преклоняющихся перед модой. Своё мнение о назначении писателя автор высказал в стихотворении «Селькор», живое восприятие окружающего мира он отразил в стихотворении «Последний рейс». Тепло были встречены стихи о трудном послевоенном детстве поэта, о людях, окружавших его в то время. Людям разных профессий, но одинаково красивых своим трудом и щедростью души, посвящено большинство стихотворений поэта-орловца. И конечно, они нашли живой отклик в сердцах молодых рабочих.

С большим вниманием книголюбы восприняли стихи на нравственную тему. Токарь А. Хрычиков, инженер А. Градобаев, заливщик Ю. Борисенко и другие участники встречи задавали вопросы и выразили свои пожелания поэтам — больше писать о вдохновенном труде молодых рабочих.

Т. ПЛАТОНОВА,
заведующая библиотекой
завкома МЗАЛа.

СВЕТЛО И ГРУСТНО



Этой весной ходили мы в рощу пить берёзовый сок. Апрель веселил нас открытым небесным простором, прозрачностью и точностью рисунка во всём. Чёрно-фиолетовые грачи на пашне заметны не были, и только блестящие бока и белая наросты надклювья выдавали их деловитость. День насквозь был пронизан солнцем, на берёзы больно было смотреть, и так жалок был последний снег, подточенный талой водой, возле которого уже проклёвывалась желтовато-белая зелень.

Но пустота ещё чувствовалась в роще — сорочий стрёкот заглушал пока робкие птичьи запевки, хотя иногда, довольно бойко насвистывали в три колена щеглы. Мой незабвенный товарищ — охотничий нож — служил нам безотказно и быстро. Женя бегала по лужайке в поисках пустотелого стебля. Найдя, откусывала концы бело-голубоватыми острыми зубками, продувала и радостно щебетала:

— Первый раз в жизни! Первый раз!

Из глубокого надреза быстро выступала мутная влага.

— Бежим! — почти с визгом от восторга кричала она. Совала соломинку и тут же смачно всасывала в себя прохладу набегающего сладковатого сока. Мы переглядывались, молча улыбались и продолжали своё ребячье занятие.

Я ещё ни разу её не целовал, и это расстояние между нами хотелось мне преодолеть, но где-то в глубине души зарождалась боязнь, боязнь того, что поцелуй может быть долгим.

— Я хочу, чтобы так было всю жизнь! Ты хочешь?

— Нет.

— Почему «нет»?

— Дня через три сок остановится. Смотри, как заметно набухли почки. Я наклонил ветку. И сколько было удивления и трепета, когда она, разъединяя коричневатую чешую, увидела кро-

шечные нежно-зелёные зачатки будущих листьев. Посыпались вопросы: как... что... почему... От нахлынувшего волнения, наивной хлопотливости, просыхающей земли, особого запаха отзимовавшей листвы — кружилась голова, и так невыразимо светло было вокруг, что дух захватывало...

На каникулах она уехала в Ялту. Я томился её ожиданием, сходил с ума, ревновал ко всему Крымскому полуострову, к морским волнам, бесцеремонно обнимавшим её упругое, точно резиновое тело, мысленно уводил её с кипящего страстями и болезнями пляжа...

К осени она вернулась. Похудевшая, стройная и как бы на четверть выше. Голубая поволока в глазах растаяла, зрачки обозначились резче, выразительнее. Косы не было, мягкие золотисто-русые волосы красиво полуспадали на шею, коричневую от загара.

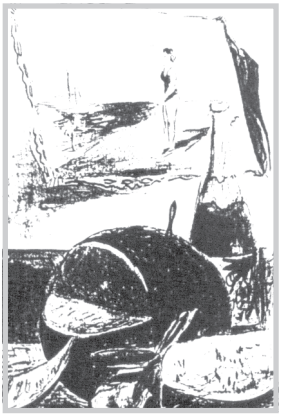
— Узнаешь? — спросила она и повернулась кругом так, как делают это манекенщицы, пряча, как мне показалось, свой блуждающий взгляд.

— Что ж я с тобой не поехал? — подумал я и впервые в жизни солгал:

— Узнаю...

Костюм цвета какао с молоком изящно облегал её ладную фигуру с округлившимися выступами молодой приподнятой груди.

Она увлекательно рассказывала о прелестях юга, жестикулировала, необычно для меня, блистала категоричностью своих суждений, и, если мне приходилось в чём-то возражать — в узенькую полоску вытягивались её маленькие губы, нервная горячность раскрывала формирующийся характер, с оттенками, не знакомыми мне до сих пор.



По какой-то интуиции, не слушая её абсолютно, я предложил пройти в рощу, ослепительно желтевшую в спокойном, женственном свете сентябрьского солнца.

— Сок прошёл, — засмеялась она. — Грустно смотреть на увяданье. Каждый падающий лист душу ранит... — И такой практичностью повеяло от неё, как будто она была лет пять замужем.

На вилах

Ему тридцать пять. Худощавый, маленький, ловкостью в чём-то похож на хорька, глаза карие с блеском. У него дочь-невеста такого же роста с его глазами, смуглая и вёрткая. Пятиклассник-сынишка похож на мать, курносую миловидную женщину с постоянно синими кругами под глазами почти доходящими до крыльев носа.

Он в хате один. Семья гостит в Алексине у брата. Хождение из угла в угол надоедает. Ему кажется, что вся деревня смотрит в окошки, наблюдает за ним, хихикает, злословит и просто безудержно точит лясы. Даже круг жёлто-оранжевого заходящего солнца напоминает ему хохочущую физиономию пьянчужки Дуни, закоренелой самогонщицы, у которой днюют и ночуют мужики четырёх деревень.

— Тьфу, ты! До чего же похожи! — Он снимает с гвоздя серый картуз и раньше времени идёт на выгон, чтобы встретить корову.

— Родила! Малого родила! Дура! Какая ж дура! Ей-то что — сама дура! А тут? Что Ольге-то говорить? — И нарастающий ужас охватывает его, и, хотя за спиной никого нет, он чувствует взгляды, прилипшие как бы к спине.

— Теперь что? Вся деревня знает. Врачи, наверное, со смеху трясутся… Ну и залетел, ядрёна палка!

Пахнет нагретой за день травой. Ласточки стригут косяками крыльев розовое с остатками голубизны небо. Чёрная мошкара толчётся высоко над головой, вероятно, улавливая приближение прохлады, ползущей низиной. На огромном дубовом пне, следя за птичьими зигзагами, сидит дед Евсей с самодельным костыликом, до блеска отполированным постоянной неразлучностью. Жёлто-сизые волосы его чуть серебрятся у висков.

— С прибылью тебя, Андрей!

— И старик знает… — вспыхнуло в мозгу.

— Согрешил, папаш, согрешил, — перешёл на шутку Андрей, стараясь замять свою неловкость.

Дед осклабился. Редкие, съеденные наполовину зубы чётко обозначились в провале рта.

— Муторно, небось?

— Провалился б куда-нибудь…

— Не спеши. Ни одного б мужика на земле не было.

— Совестно

— А где она была у тебя, когда ширинку расстёгивал? Теперь поздно. Горько, ни горько — всё одно несмышлёныш… Все — божьи дети! Одного лишь я в толк не возьму, хоть и жизнь прожил верстовую. При Христе — свёкор к невестке подкатывался, при сыне от свёкра рожала. Нынче — твоя вот басня.

— Два время — а похоть одна. На чей лик грех относить — сказать трудно… Отчество, говорят, твоё записала…

— Да не только отчество, даже имя взяла моё…

— Значит, Андрей Андреич?

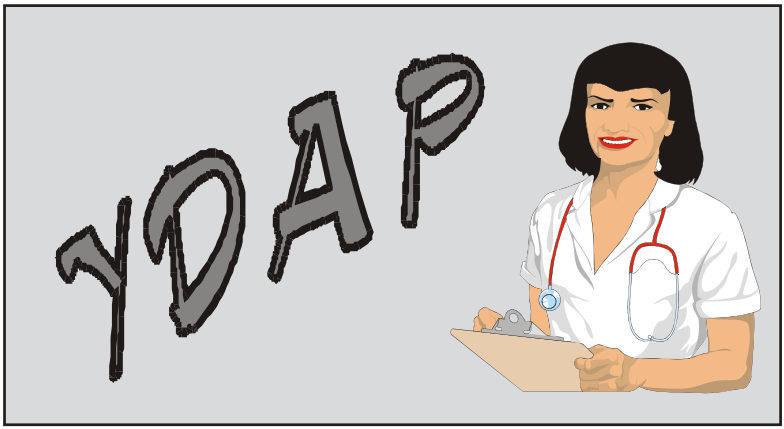
— Выходит так…

— Бутылку готовь! Приду на крестины… Ну, покеда — молоком запахло…

Над старым Грунькиным садом, где вот уже лет сорок как пни выкорчевали, показался бледно-зелёный месяц. Ракиты в два-три обхвата, со всех сторон окружавшие лужайку, бросали густую тень. Корова звучно щипала росистую траву, облегчённо вздыхала, сливаясь с тёмным фоном деревьев. Мягко, приглушённо белел её бок, напоминая шерстяной платок, растянутый для сушки.

— Оно-то и верно. Дитё не виновато — захлёбывался он дымом. Но что Ольге говорить послезавтра на станции?

В родных местах писателя Ивана Новикова. д. Ильково Мценский район.



— У меня рак, Михаил… Рак! И ни-ни — тут возражений и сожалений не надо, — говорил Алексей Алексеевич своему зятю. — Знают об этом трое: доктор, я, ты.

— А дочь?

— Зачем бросать тень на её розовую дорогу. Мне кажется, она слезы не уронит, когда будет бросать ком земли на крышку моего гроба. Познакомься с моим завещанием.

У Михаила, худого, тонкошеего парня, до неузнаваемости округлился единственный глаз, когда увидел сумму с несколькими нулями…

— Нет, нет, не возьму! — почти испуганно выкрикнул зять. — Вика ваша дочь. И вообще… сына я сам воспитаю. У меня мама…

— Знаю, что Вика моя дочь…

— Аспирантка?

— Знаю.

— Frau fur alle?

— Знаю.

— Курит гашиш?

— Знаю. Вы мне роднее… с внуком… роднее. Какой она человек науки? Она для себя — не человек. А ведь наука кремнёвых людей в порошок стирает…

Через неделю он скончался. Вика приехала. Мельком взглянула на острый остов отца, а потом долго рылась в бумагах и

вещах его кабинета. Михаил пытался с ней заговорить, разговора не получалось.

Она его язвительно одёргивала и продолжала свою изыскательскую работу. На полу валялись её детские фотографии в различных позах, табели успеваемости по начальным классам, довоенный, пожелтевший от времени портрет её молодой матери…

— Сожги весь этот мусор! — приказала она Михаилу.

— Вика, ты с ума сошла!

— Это ты помешался! Завещанье у тебя?

— Нет.

— Завещание у тебя?

— Нет!

Она истерически захохотала, бросилась на диван и, кусая себе губы, завыла надсадно и жутко. На его успокоение из-под чёрной чёлки над высоким желтовато-пигментным лбом колюче и зло сверкали её глаза, налитые местью. Потом отошла и сказала тихо и холодно:

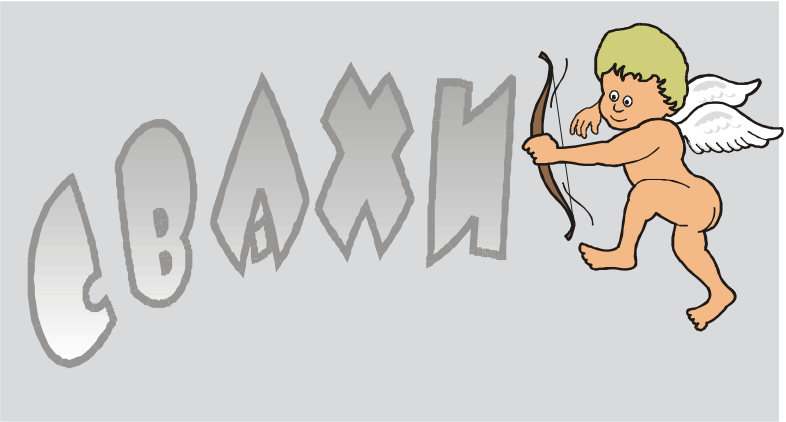
— Отца схоронишь сам. Не люблю эти сцены. Да и поминки мне делать не на что. Кусище огро-омный отхватил! Тестя, поди, за горло держал?

Рука у Михаила сорвалась, и тяжёлая пощёчина Вику свалила на пол.

РЕЦЕПТ НЕ ВРАЧА

Всю жизнь к деньгам стремится человече,
По-разному, но мается душа,
Отдав соблазну утро, полдень, вечер
Под тяжестью мильярдов и гроша.

Проблема в мире будет не обуза,
Необходимо лишь одно учесть:
УРЕЗАТЬ до предела хищность пуза
И разум ОБРАЗУМИТЬ, коль он есть.



Бабка Анисья подкидывала шестимесячную девчонку в застиранной жёлтой кофточке. Та падала на перину, широко улыбалась, суча белыми полными ножками, полными до того, что, казалось, они у щиколоток перехвачены чёрной ниткой. Выцветшим сморщенным ртом пробегала бабка по её упругому пузочку. Девочка радостно попискивала, агукала, раскрывая розовый ротик, где влажно поблёскивали крошечные бело-прозрачные зубки.

— У, ша-ла-ва! У, ша-ла-ва! — тормошила её Анисья, довольная и забывшая про свой возраст.

— Ну и величаешь ты свою внучку! Аж за дверьми слышно, — сказала сваха, обивая последний снег с чёрных, свойской работы, валенок.

— Сношеньки нет?

— След простыл. А зятёчка?

— Спросила! Миколой ещё уехал. Даже за стол не сел. Стыдно в деревне стало.

— Ну и бог с ними! — хлопотала Анисья, снимая с горячего кожуха твёрдые, как будто накрахмаленные пелёнки.

— И ругала её, и святыми грозила — не берёт! Это уж воистину шалава. Мне, матери, так и говорит: Сенечки одного маловато — я молодая ещё погулять хочется.

— Дура! — говорю. Грудной ведь у тебя. Что ты мелешь? Головушку мою не позорь! Она своё. Соски горчицей намазала, кроху к пузырю приучила. И фють! На стройку... Да ближе к столу

присаживайся. Грушёвый отварчик есть, блины стряпала, ещё не остыли.

В тарелке с золотым ободком горкой лежали и дымились блины, тонкие, как лист кленовый. Рядом, в матовой чашке, желтело топлёное, не успевшее застыть масло с белой пеной, осевшей по краям.

Прихлёбывая густой, терпко пахнущий лесом и дымом коричневатый отвар, вторая сваха жаловалась, не скрывая досады:

— А мой голосил. Да... Из него, из чёрта, колом слёзы не вышибешь, а тут на тебе. Удавлю, кричит, и всё. Ай, случилось что? Хоть матери расскажи! Наш корень такой страсти не знал никогда. Признался. Тамарушку с Ваньком Авдеевым прихватил. Обоим дал моева, чтоб на соломе мягко не лежалось.

Я, конечно, сыну поверила. Хотя тоже омуток хороший. И тихий вроде. А поди ж вот...

Девочка сидела в люльке, крутя перед голубыми глазёнками оранжевую погремушку — кольцо с нанизанными на него светло-зелёными шарами, в которых перекатывался горох.

— Иди ко мне, внученька, иди! — Бабка протянула землистые, жилистые руки и сразу вся осветилась от сияния голого тельца. Она нянчила её, подбрасывая кверху, и концы распашонки, волнуемые струями воздуха, были похожи на крылышки.

— Пусть с ума сходят!

— Может, перекипят! — всхлипнула Анисья.

— В обиду не дадим, — уверенно и с радостью в голосе ответила сваха.

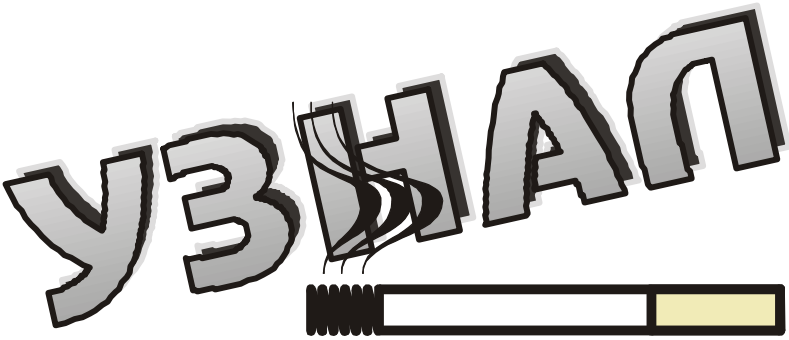
— Меня снесут на погост, ты вырастишь... — И проворно засуетившись, сказала:

— Погоди, Анис, обнову примерим!

Тут же из чёрной сумки, набитой снедью, как будто клочок весеннего неба, выхватила бабка Матрёна васильковое платьице, с видом которого на мгновенье забылось всё, что раньше тревожило и терзало душу.

ПОСЛЕВОЕННОЕ

Пчелиный гуд внёс живость в хуторок,
Цветут сады — бои отгрохотали...
И детвора играет в расшибок,
Бросая в пыль трофейные медали.



Природа не наделила Василия Фёдоровича Сбитнева ни талантом писателя, ни талантом певца, ни талантом живописца. Жил он на Посадской улице, в старом домике, осевшем на фасад и утопающем в зелени отживающего сада. По вечерам, а иногда и ранним утром можно было видеть его на огороде. То он что-то копал, то что-то сажал, то постригал подрастающие ракиты. По профессии был он повар-кондитер. Посторонний человек, посмотрев на него, никогда бы не подумал об этом. Худощавый, подвижный, состоящий из одних костей и нервов, как гончаровский Штольц, он постоянно являлся предметом юмора дотошных соседок.

— Василь Фёдорыч, когда полнеть будете? Общепит не смешите!

— Э… — отшучивался он. — Полнеть не болеть. Через неделю не узнаете…

Жена от него ушла, не нравился «безалаберный характер», как она выражалась.

Иногда он, возвращаясь с работы, подзывал к себе ребятишек своего двора и протягивал им в жилистой руке либо по котлетке, либо по пирожку, в которых утопали их нежные пальчики. И они бегали, довольные, громко выкрикивая:

— Дядя Вася, спасибо! Дядя Вася, спасибо!

Другие дети, лет на двенадцать постарше, говорили ему наоборот:

— Спасибо, дядя Вася! — Он показывал воспитанникам кулинарной школы, как надо оформлять блюда, чтобы они радовали глаза.

На кухне Сбитнев чувствовал себя лучше, чем дома. Тут была его стихия. В белом колпаке и халате он то исчезал, то снова

появлялся, как восточный маг, возле бушующих котлов с шапками клубящегося пара. Даже женщины, привыкшие с незапамятных времён к этой работе, завидовали ему и отходили от жарких участков розовыми и потными.

— Василь Фёдорыч! Завтра вам предстоит возможность отличиться… — говорила заведующая столовой, полная брюнетка с накрашенными губами и с приятно блестевшими коронками.

— Что такое? — поднимал он ни голубые, ни серые глаза, в которых просвечивало ожидание.

— Выставка! Будет всё ОРСовское начальство.

На другой день он пришёл на работу раньше обычного. Дождавшись зав. производством и кладовщика и справившись о наличии нужных продуктов, он вскоре приступил к делу. Молоденькая его ученица, Танечка Берёзова, помогала своему шефу. Он так увлёкся, что, казалось, ничто не могло его вывести из этого состояния. Из-под длинного, матово поблескивающего ножа, выскакивали тонкие кружочки моркови, репчатого лука. Воздушная горка зелёного лежала рядом. За какие-то считанные минуты на неглубоких тарелках красовались овощные, рыбные, мясные салаты. Аккуратно разделанная сельдь с узорчатым пучком петрушки во рту, заливной язык, приправленный зелёным горошком и терпко пахнущим хреном. Сказочными казались салаты из фаршированного перца, капусты и огурцов, увенчанные миниатюрными розами из свежего картофеля и свёклы. Танечка только прищёлки-

вала языком, а когда появились эти розочки — перехватило дух.

— Дядя Вася! Меня… меня так научите… — буквально пролепетала она, и обычная резвость на мгновение оставила её.

— Придётся… — отвечал он. — Замуж выходить собираешься. Не будешь ведь всё время на стол тяп-ляп ставить. И российская кухня впереди должна быть. Не всегда же придётся выезжать на шницелях и бифштексах.

— Дядя Вася, а правда Бернард Шоу, благодаря вегетарианской пище, прожил почти что сто лет? — спросила острая на язык Берёзова.

— Танюша, кто твой Шоу — я не знаю. А вот вегетарианцы долго живут. Это точно… Бери-ка нож да вон ту картофелину, что на тебя смотрит. Не получилось в первый раз — слёзы лить не будем. Картошек-то ворох. Не ленись!

Тонкая очистка желтовато-серой змейкой начала спускаться вниз от картофелины и только тогда упала, когда та стала белорозовой. Минуты через две в руках Василия Фёдоровича светилась розочка с нежными лепестками, будто и въявь она была сорвана с куста. Танечка долго ещё орудовала ножичком, но у неё получилось что-то наподобие распускающегося бутона. С досады она бросила нож и тут же подняла.

— Не горячись, для начала неплохо, — как будто не заметив её нервного выпада сказал Сбитнев и выровнял работу.

— Держи.

Таня сияла.

— Ничего, Татьянка, скоро меня перегонишь, коли дома потренируешься…

В завершение выставки было сделано пять тортов, где Василий Фёдорович опять прилип к ним, как пчела к цветку, расписывая их цветным сливочным кремом. И опять розы — ароматные, благоухающие.

— Обязательно, обязательно на день рождения закажу! Сделаете?

— Постараюсь. А ты учись. Я ж мужчина, в узорах не силён. У вас больше фантазии…

Ко второй половине дня выставку оформили. Сотрудники возбуждённо обменивались мнениями.

— Его давно бы надо в ресторан пригласить!

— Приглашали. Отказался. Говорил, что столовая тоже рестораном должна быть.

С минуты на минуту ждали начальство. Вскоре зазвонил телефон. Заведующая — лёгкая, сияющая, взяла трубку и, удивлённо раскрыв глаза, непонятно почему спросила: «Как?» — Потом добавила вяло: «Завтра в десять…» — и лёгкость ей изменила. Сотрудники посетовали, что, мол, немного вид потеряется, мол, начальству не укажешь — и потихоньку разошлись.

Утро выдалось солнечным. Косые, яркие лучи сквозь огромные окна врывались в зал столовой и наполняли его светом и радостью.

Сервированные столы выглядели превосходно.

Комиссия, состоявшая из ответственных орсовских работников, мастеров и трёх учащихся торгово-кулинарной школы, показалась, и ожидающие облегчённо вздохнули.

Эльвира Викентьевна, знакомая нам по золотым коронкам, почти подплыла к председателю и пригласила его и сопровождающих в зал.

Они подходили то к одному, то к другому блюду, то возвращались снова к оставленным. На лице председателя комиссии, располневшего, средних лет мужчины, постоянно вытирающего лысину, растворилось блаженство.

«Гостей бы удивить на именинах… Не знал о волшебнике…» — мелькнула у него мысль и тут же погасла. И он невольно щёлкнул пальцами.

— Может быть, вы устроили нам сеанс гипноза? — вставила сухопарая женщина, показывая в неестественной улыбке длинные передние зубы. Учащиеся большей частью молчали, видимо, стеснялись выказывать свой восторг, но глаза, ах эти глаза, выдавали их с ног до головы.

Когда осмотр кончился, все заметили, что виновника торжества нет.

— Куда же он запропастился? — удивилась заведующая.

— Он обычно приходит минут на десять-пятнадцать раньше…

— В овощном нету?

— Не-а, — последовал ответ.

Эльвира Викентьевна побагровела от неловкости и от неуместной мысли: не соблюдается дисциплина труда.

Но почти тут же, придя в себя, послала Танечку к Сбитневу.

Старый домик она нашла сразу. Во дворе её встретили ребятишки.

— Вы не доктор? — обратилась к ней девочка с бантом в косичке.

— Нет, а что? С мамой что-нибудь?..

— Нет, — ответил за неё пухленьких мальчуган с заплаканным лицом. И, поднеся кулачок к глазам, продолжал:

— Дядя Вася заболел…

В комнате не пахло лекарством. Занавески на окнах слегка шевелились от проникающего ветерка.

— А-а, Танюша, — заулыбался Василий Фёдорович и хотел было приподняться, но побледнел и вяло откинулся на подушку.

— Да что вы? — забеспокоилась Таня.

— …Пройдёт… Старое… Помнишь, в «Тёркине»: «Нам осколки даже в кашу попадали…»

— Я врача вызову!

— Сядь. Сядь. Как там? Рассказывай.

— Ой, все рады. Особенно толстенький один, плешивый.

«Хоботов», — подумал Сбитнев.

— Я рядом с Эльвирой Викентьевной стояла, слышала, что вас они пожелали в верха забрать. И ещё они спросили, не закладываете ли вы за галстук. А почему у вас здесь лошадь такая большая стоит?

Василий Фёдорович засмеялся.

— Это сосед мой, Серёжа, хотел меня в больницу на ней отвезти.

Таня тоже засмеялась.

— Не кругленький такой?

— Да, да. Он самый… На работу, пожалуй, я завтра выйду. Осколок проснулся. Беспокоит. Прага…

— На рентген надо. И вообще, берегите здоровье!

— А сама почему не бережёшь?

— Как не берегу?

— Палец-то!

— Это я вчера… дома. Гора очисток!

— Да разве так можно, стахановка?!

— Не получилось, неумёха я, — грустно ответила она. — Но вы увидите мои розы! — вспыхнул в её глазах задиристый огонёк.

Уходила она довольная тем, что Василию Фёдоровичу стало лучше...

— Тебя только за смертью посылать, — огорошила её заведующая. — В чём причина?

— Он заболел. Но сейчас ему полегчало, и сказал, что завтра появится.

— Вот приспичило, — пробурчала Эльвира Викентьевна, —

а тут расхлёбывайся… — И кокетливо поглядевшись в зеркало, ушла по своим делам.

Но ни на следующий, ни на другой день Василий Фёдорович на работу не вышел. На третий — принёс заявление об уходе. Коллектив, уважавший его, был в шоке. Однако заведующую поздний приход мастера возмутил, и она сорвалась на фальцет:

— Как вы смеете?! Вас хвалил и восхищался выставкой сам Кузьма Лукич Хоботов! Он встречал столичных гостей! Вы подвели Кузьму Лукича!

— Не волнуйтесь, не Хоботов он…

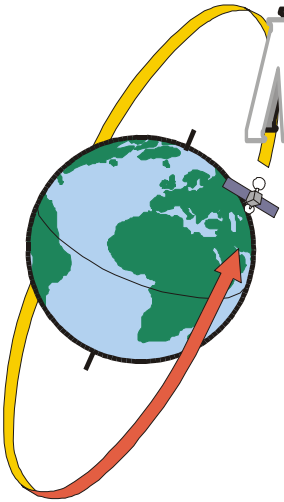
— А кто же по-вашему?

— Власовец!.. У походной кухни душил меня тыльной стороной «шмайссера». Спасибо чехам, спасли… — и задыхаясь от нервного перенапряжения, он рванул воротник. На горле полукольцом обозначился фиолетово-багровый шрам военной поры от соотечественника, который теперь ценил его искусство и собирался пригласить мастера для сервировки праздничных и именинных столов.

В глазах сотрудников стояли слёзы. Таня Берёзова подошла к растерянной заведующей, взяла заявление и порвала его на клочки:

— Ваша боль — наша, и мы вас никуда не отпустим!

Власовцы в Праге.



МИРУ — ПЕСНЯ НУЖНА

Читателей порадовала своим патриотическим звучанием поэма Степана Щипачёва «Высокое небо», опубликованная в газете «Правда». Появилось много откликов в различных изданиях, где подчёркивалось пристальное внимание поэта не только к сегодняшнему дню, но и к тому, «что день грядущий нам готовит».

Другая работа большого мастера слова, с которой он выступил на страницах журнала «Знамя», продолжает генеральную линию вышеназванного произведения, теперь уже вводя читателя в раскалённое пекло войны через восприятие лирического героя, осматривающего реликвии Центрального музея Вооружённых Сил СССР. Поэма «Несмолкшая тишина» небольшая. Написана в традиционной для автора манере — кратко и образно. Степан Щипачёв остаётся верен в ней самому себе, своему афоризму, ставшему крылатым:

Кричать не надо,
Если даже
Ты с целым миром говоришь.

Да, именно здесь поэт говорит с целым миром — взволнованно, доверчиво, с позиций сегодняшней требовательности и ответственности к вопросам войны и мира. Говорит так, что порой перехватывает дыхание. Это улавливается по пульсации слова и строки, в которых, несомненно, высокий заряд энергии:

Распахнуты залы,
но я не спешу.
Тут время само —
вместо гида —
со мною.
В музее стоит тишина,
но дышу
Историей. Не тишиною.

Герои здесь, действительно, знакомые: Гастелло, Талалихин, Зорге, Матросов, снайперы Шляхова и Прядко, комбат Потёмкин, маршал Рокоссовский... Исторические образы подчёркивают масштабность авторского видения. И как они поданы! Ёмко, проникновенно. И всё это делается живыми штрихами, выпуклой выразительностью стиха, чего порою не могут передать многочисленные страницы беллетристики, посвящённой этим людям:

Мы верой в себя
не ослабли.
Уже декабрём обожжён,
Доватор студёную саблю
Выплёскивает из
ножон.

Или:

Напомнила медь
трубачей полковых
О том, что метели,
свистя над страной,
Матросова стриженной
головы
Не тронут уже сединою;
Уже не состарят
ни слава, ни даты.
Каким
к амбразуре
метнулся в бою,
Таким и остался.
Солдатом.
Навечно в строю.

Невозможно не привести в этом отзыве пронзительные строки из блокнота комбата Потёмкина, поистине, как отметил поэт, ставшие клятвой:

Я клянусь — не ворвётся
Враг в траншею мою.
А погибнуть придётся —
Так погибну в бою,
Чтоб глядели с любовью
Через тысячу лет
На окрашенный кровью
Мой партийный билет.

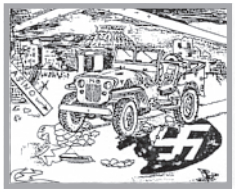
Они звучат как завещание, как символ беспримерного мужества, на котором не случайно заострил внимание автор.

Патриотизм в поэме всеобъемлющ. Степан Щипачёв ясно даёт понять, что о ратных делах воинов будет писать ещё не одно поколение художников слова:

Стена — это мрамор,
бела и чиста,
За тенью знамён
предо мной вырастает,
И слава,
будто с листа,
На ней имена читает.

Большое гражданское чувство руководило поэтом при написании этого произведения. И, вероятно, не сразу пришли к нему строки, которые мгновенно осветили всё содержание поэмы. Пришли они после долгих раздумий о судьбах Родины и планеты. Строки эти не выделены так, как первые строфы в третьей и четвёртой главах, но они, как магнит, притягивают к себе, придавая поэме не только глубоко национальное, но и интернациональное звучание. Мудры и трогательны слова, дышащие надеждой и верой в то,

Чтобы там, где таились
разведчиков тропы,
Шла песня
Открыто
в страну
из страны,



Чтоб стёрла, светлея,
Европа
С лица обожжённого
тени войны.

Возникает вопрос: да только ли Европа? И мысленно представляем те горячие точки земли, где давно стосковались по тишине, по родному очагу.

Поэма «Несмолкшая тишина» проникает в сердце читателя. Это говорит о том, что Степан Щипачёв всегда чутко слушает Время.

28 декабря 1974 года.

Поэт и космонавт. 1961 год.

МОЕМУ УЧИТЕЛЮ

Берёзам радуясь и вербам,
И славя жизни торжество,
Дышите впредь чистейшим небом —
Вселенским воздухом его.

Чтоб приходя в дома и страны,
Высоковольтная строка
Сжигала зло, лечила раны —
Последние за все века!

7 января 1975 года

(по рассказу участницы семинара Ляли Невинной)

Всё у него было: красный диплом об окончании института, звание кандидата филологических наук, красная книжка, чуть светлее партбилета, с патриотическим названием «Солнечная жизнь». Начитавшись «Вопросов литературы», других специфических изданий, Алексей Пташкин (назовём его так) на всех перекрёстках дорог и тропинок при разговорах с собратьями по перу бил их новыми данными, как огромный шереспёр серебряную мелюзгу во время жора. Собратья жора не замечали. Но, расходясь, говорили:

— Титан мысли!!!

— Геракл!

— Душитель реакции!

— Феномен!

— Защитник!

— Спаситель!

— Наш гений!

Но Алексей Пташкин никого не спасал, ни за кого не заступался на писательских собраниях и был абсолютно равнодушен к тому, что на них происходило. Хотя многие литераторы, видя, что их обижают, что с каждым разом наглеет верхушка, работающая на себя, смотрели на него, как на Александра Невского… Но ни один мускул не дрогнул на его лице.

Литераторы расходились с думой: «Сгоряча не хочет говорить. Вынашивает план против тёмных сил! Ну, даст он им!» и с этой верой жили до другого собрания. В промежуточные дни сотоварищи отыскивали его, чтобы думы выплеснуть. Брали бутылку, вторую… На берегу реки он принимал их откровения и «горькую» и пламенно выступал против наседающего зла то поднимаясь до Сократа, Робеспьера и Троцкого, то от имени забитого крестьянина, задавленного не петлёй, а тросом отечественной экономики… С горящими глазами, окрылённые его словом, люди шли на следующее собрание, чтобы выявить и восстановить истину.

От них летели искры. Алексей Пташкин на собрание приходил под конец, когда затихали страсти. Извинялся учтиво, мол, ничего не поделаешь: кафедра… И почему-то садился ближе к ответственному секретарю.

Ответственный секретарь Светлоугрюмов, фигурою два Бальзака вместе, ухо держал востро: заступись полусловом Алексей Пташкин за тех «правдолюбцев» — всему хана! Хана его правлению, хана его газете, хана его издательству! И потому: «Алексей Дормидонтович, пожалте Вам рукопись на рецензию. 30 листов. Высшая ставка».

— Алексей Дормидонтович! Получите денежку! — спешила к нему с ведомостью бухгалтер издательства, сладенько улыбаясь. — Обычно спешат к ведомости… — отмечал про себя критик. И этот жест ему нравился, хотя корректору Поспешаевой не дали ничего. Эти деньги он не тратил. Аккуратненько клал на сберкнижку, как сено в плотный стожок.

Мечтал о Крестьянском банке. Пайщик — не голытьба перекатная! Деньги сами всё пишут. Им таланта не надо. Надоели эти Помяловские, Решетниковы, Успенские… со своей властью земли...

Того, кого предлагали ему рецензировать, он ненавидел. Для себя он окрещивал их так: «боксёр», «партийный функционер», «технократ», «смесь пепси-колы с самогонкой». Однако всем давал положительные рецензии, вознеся какую-нибудь финтифлюшку, на которую пародия нужна, до прозрения в масштабе Бунина, Платонова, Булгакова, Гумилёва… Никогда в жизни не подходивший к роялю, не выносивший его игры, на клавишах чувств он играл виртуозно! А уж ахматовок было!!!

Бунинцы, платоновцы, булгаковцы, гумилёвцы спешили к нему домой, отыскивали его на кафедре, возили на шашлык в

ягодные места, вытаскивали из ледяных родников — прозрачную жидкость в бутылках. В тени деревьев, на лужайках своих поильцев и кормильцев он возводил в ранги, вёл их по иерархической литературной лестнице.

— Дышать вам в затылок будут все нынешние Крупины, Распутины, Личутины, Маканины… Кто там ещё?! Про Беллу забыли! А ты что, хуже?!

— Я выше Носова! — кричал один литератор, долгое время кормившийся и ютившийся у Евгения Ивановича.

— Кто против! — поддерживал его Алексей Пташкин.

— Все вы таланты божьей милостью, — сказал ответственный секретарь, — я счастлив, что я с вами! — и активно принялся за сочный окорок.

Поэт Брусникин, обросший «под Фета» до неузнаваемости, как одна из пород собак, у которой лишь видны глаза, прохрипел строфу о ночном разбойнике-волке.

— Как?! — спросил он у критика, гипнотически прося похвалы. Гипноз сработал. Похвала пришла сразу.

— Поймите меня правильно… «Жираф» у Гумилёва хуже прописан, чем «Волк» у Брусникина.

— Ура! — завопила братия. Выпили. Начались лобызания.

— Литература делается в провинции! — изрёк критик, — вы её достойные продолжатели.

— Господи, как я рад, что у нас есть Алёша! — благостно сказал прозаик Черноволгин, бывший областной партийный работник, ныне думающий податься в крестьянскую партию несуществующего крестьянства.

— Силища! Белинский, одно слово!

— Ну, я с Белинским кое в чём не согласен…

— Тогда ты Ва-аль-тер! — заплетающимся языком прицокнул литератор из захолустного городка и уронил лицо в траву.

Все эти имена давно были известны Алексею Пташкину. И ему самому хотелось, чтобы кто-нибудь несколько раз назвал здесь его фамилию с почтением и с неким ореолом:

— Пташкин! Птахин! Птахов! — пусть даже с ошибкой.

В конце концов милая вылазка на шашлык по поводу семинара молодых закончилась потасовкой. Брусникин пинками был Черноволгина, а потом Мэтру кто-то смазал в глаз, беспробудно храпел тот, кто выше Носова.

Поэтесса Белкина возвращалась из молодой берёзовой рощицы с шестидесятилетним московским поэтом-рыбаком, бывшим сотрудником журнала «Юность», и сегодня охотно любящим юность…

— Ну, хватит, классики! — успокаивал публику критик.

— Когда это вы успели! — театрально-наивно возмущалась поэтесса, отряхивая с юбки стебельки сухой травы. — Плесните!!!

— Пойдём, расскажу! — взяв её за руку, сказал Брусникин и повёл экстравагантную подругу к маячившему невдалеке стожочку сена.

— Наливай! — громыхнул прозаик Себялюбкин, назвавший свои романы под стать Брэдбери и Пикулю: «Цветочная сладость» и «Фаворитка».

Налили. Ещё раз налили. И песня полетела над лугом: «Летят утки и два гуся…»

— Мою любимую поют… — утопая в мягком душистом сене, шептал на ухо Белкиной Брусникин. Московский поэт-рыбак обещал всё напечатать в альманахе «Поэзия», в котором с самого основания не было понятия о жизни. Жизнь сам редактор отлавливал по кустам, маленьким речкам и озёрам, у провинциальной литературной братии, которая ради строчки в оном издании какое-нибудь Козюлькино для избалованного москвича могла сделать Багдадом с сонмом наложниц… Да и фамилию носил он странную — Паровыпускаев.

— Водку забудет, — рассуждали они, — а голых девочек в лунную ночь никогда…

Гости и свои были довольны. Щедро дал «на лапу» москвичу ответственный секретарь за областной семинар, проведённый на природе. За редактирование Белкиной хорошо получил Брусникин. Себялюбкину выплачивалось за пропаганду романса на семинаре. Все помнят его «Утро туманное, утро седое» и «Вдоль

по Питерской». За показ фокуса с коробкой спичек на ладони был удостоен высокой чести и крепкой выплаты юрист-неюрист, поэт-непоэт, но человек, за которым прочно укрепилось прозвище «Батька Махно».

— Исторический наш семинар, — подвёл итоги краевед Сундуков, — заключается в том, что он проходил на русском лугу, под русским небом, у русского родника и даже с… русской водкой! За Русь!

Гром аплодисментов!

— Качать Сундукова! — Но восторг погас. В Сундукове было шесть пудов. Пташкину хотелось добавить: «И с русской потасовкой», — но зубы вовремя легли на язык. Пташкин получил хороший куш за гениальную режиссуру «отдыха на траве». «Многая лета…» — кричали ответственному секретарю.

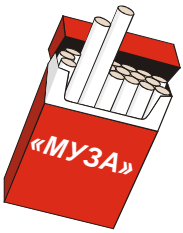
Но слухи просачивались. И когда один из постоянно обиженных упрекнул критика: «Что же ты всегда молчишь?!» — критик, будучи под хмельком, выдал себя с головой:

— Умное телятя двух маток сосёт…

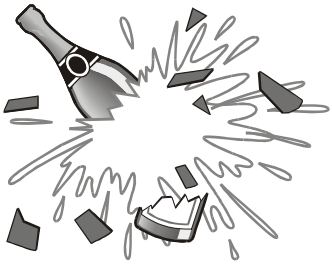
— Понятно, — ответил оскорблённый, веривший в чистоту помыслов Алексея Пташкина. — Бычку с дипломом особый рацион нужен… Жаль, что ты не заметил мои стихи, где вождю на голову голуби садятся.

— Заметил. Тебя ж издают ежегодно. Боятся, чтобы ты на Бога не попёр!

— Жди, скоро кольцо в ноздри вставят!



И кольца в ноздри начали критику вставлять и с той, и с другой стороны. Не знаю, выдержат ли ноздри, а совесть давно у него осталась под кафедрой, и жизнь пошла простая, как мычание…



В ЮВЕЛИРНОМ

Древняя благообразная старушка из старой интеллигенции. Серебристо-белые волосы, розовое, удивительно молодое лицо для её возраста. Два ряда жёлтых коронок — ни один зуб, кажется, не потерян.

— Все высшей пробы, — пришипётывая говорит она скупщику ценностей, юркому, с пронзительными карими глазами мужчине лет сорока.

— Хого-ши, колечки! Чьи ж это, бабушка?

— Как чьи? Мои!

Вон то — от студента Петербургского университета…

Второе — от поручика Измайлова.

Третье, потолще, — нэпман Ованесов пожаловал.

А что в руках у вас — комиссаром НКВД.

С брильянтом которое — Сергей Аркадьевич Зорин дарил…

— Академик?

— Он самый, сынок, он самый… Всех пережила, всех… — отрешённо вздохнула бывшая красавица.

— На что они мне?! Хватит одних коронок в могилу. А деньги — правнукам. Может, кто оградку поставит…

ДАЛЁКИЙ МИДУЭЙ

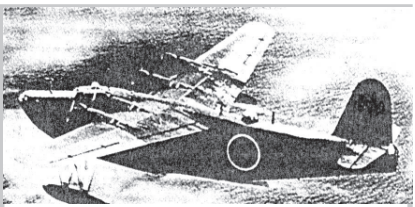
К годовщине Тихоокеанской кампании

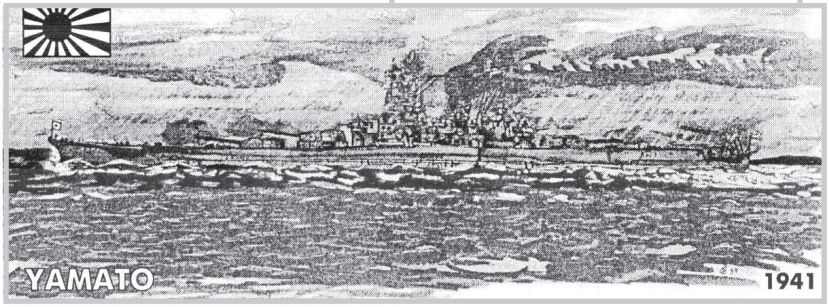
Этот очерк навеян событиями, которые происходили в годы Второй мировой войны в районе Тихого океана. Здесь тогда развернулись боевые действия между вооружёнными силами Японии, США и их союзников. Военные действия начались в декабре 1941 года, когда японская авиация нанесла неожиданный удар по Гавайям. (Пёрл-Харбор — Мидуэй.)

•ИЛЛЮЗИЯ ПУТИ

Первая июньская неделя 1942 года вошла в историю Императорской Японии трагической страницей, несмотря на захватническо-триумфальные успехи её армии и флота. Прошло столько лет, и о дате 4—6 июня 1942-го упоминается сдержанно и кратко. Напомню, что Мидуэй входит в ещё не опубликованную антологию «Жертвоприношения XX века» так же, как Нанкин, Шанхай, Герника, Брест, Таранто, Севастополь, Пёрл-Харбор, а позднее — Эль-Аламейн, Сталинград, Орловско-Курская дуга...

Немногие знали об этом крошечном острове, ища его на карте после Пёрл-Харбора, Сан-Франциско, Гонолулу и Гонконга. Президент США, бывший зам. министра ВМС, Ф. Д. Рузвельт в послании Конгрессу 8 декабря 1941 года отметил его сразу же и печально: «Сегодня утром японские силы атаковали остров Мидуэй». 48 штатов перевернула всеобщая мобилизация... Главком понимал, что враг коварен,





жесток и неумолим. Прикованный к инвалидной коляске, любитель океанской рыбалки, президент внёс оптимизм в души сограждан: «С верой в наши Вооружённые Силы, с несомненной решимостью нашего народа, мы неизменно восторжествуем. И да поможет в этом Господь Бог!»

Вскоре его пророчество реализовалось на Тихоокеанском театре военных действий — в мидуэйских водах и небе. Коралловый атолл площадью 5,2 кв. километра входит в северо-западную группу Гавайских островов. Климат тропический, пассатный. Население — коренные жители, военнослужащие с семьями, обслуживающий персонал, знающий гавайский и английский языки. В гарнизоне насчитывалось свыше 3600 человек. Остров имел стратегическое значение, находясь почти на середине линии Йокогама-Гонолулу протяжённостью в 3150 миль. Когда-то здесь проплывал на лайнере «Чичибумару» А. Вертинский, вспоминая стихи Г. Иванова...

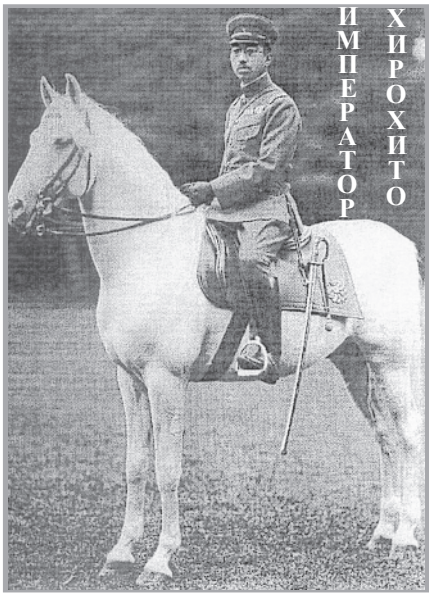
Х. Того

К. Окада

К. Судзуки

С. Симада

О. Нагано



ИМПЕРАТОР ХИРОХИТО

И. Ямамото

М. Кога

Д. Одзава

Н. Кондо

ЯПОНСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ ФЛОТ

Т. Нагумо

Т. Ониси

Т. Ямагути

М. Хосогай

Г. Микава

И. Ямамото

Р. Танака

С. Иноуэ

М. Йонаи

С. Тойода

Главнокомандующий Объединённым Флотом адмирал И. Ямамото у океанской карты на борту «Нагато».

М. Хасимото

М. Гэнда

Т. Такаги

К. Какута

К. Курита

М. Футида

Береговая оборона укреплялась мощными артбатареями. На Мидуэе расположились казармы, электростанция, самолётный ангар, топливные цистерны и вспомогательные сооружения. Имелись базовые и палубные самолёты разных типов. В 22-й авиагруппе корпуса морской пехоты было 55 самолётов. В 221-й эскадрилье истребителей насчитывалось 28 «Уайлдкэтов» и «Брюстер Буффало». В состав 240-й эскадрильи пикировщиков входили 34 «Даунтлесса» и «Виндикейтера». Шесть «Дэвастейторов» представляли 8-ю эскадрилью торпедоносцев. Эскадрилья летающих лодок «Каталина» обладала 32 машинами двух модификаций. В 7-й авиаармии находилось 17 «крепостей» Б-17 и четыре двухмоторных Б-26. Таким образом на Мидуэе базировалось около 120 самолётов в основном устаревших конструкций. Надежда на новейшие «Уайлдкэты» была невелика, ибо в случае воздушного боя ветераны ново-светской авиации уступали в скорости и маневренности вездесущим авианосным истребителям «Мицубиси-Зеро». Для подкрепления предусматривалось перегнать единицы Б-17 с пострадавших ранее Гавайев. Они могли быть задействованы только с горизонтального бомбометания и большой высоты. Шанс попадания в эсминцы, линкоры, крейсера и авианосцы оставался маловероятным.

Новый командующий Тихоокеанским флотом, сменивший Х. Киммеля, адмирал Ч. Нимиц, командующий подводными силами контр-адмирал Б. Инглиш, военно-морская элита, находившаяся в Пёрл-Харборе, знали, что судьбу предстоящего сражения разрешит авианосная сеча с большим количеством самолётов, а также сил поддержки — эсминцев и субмарин. Большое внимание уделялось танкерному снабжению и разработке ударов береговой авиации по кораблям «красно-солнечного» противника.

Ещё в середине мая адмирал Ч. Нимиц был уведомлён разведкой о возможном десантировании японцев на Алеуты. Отвлекающий замысел ясен: пригвоздить заносчивых янки и выбросить их с Мидуэя раз и навсегда. Главком Императорского объединённого флота адмирал И. Ямамото вместо виски пил чай, встречаясь с морскими авторитетами О. Нагано, Н. Кондо, Т. Ониси, Д. Одзава, С. Ямадзаки и М. Угаки...

Оперативная разведка, наученная разгромом в Жемчужной

гавани и на аэродромах острова Оаху, пережив шок и стопор действий в начале декабря 1941-го, теперь работала более углублённо. Вашингтонский спрос был велик, ибо Ф. Рузвельт объявил войну до конца. Только что заступивший на должность командующего ВМС США Э. Кинг, которому ещё предстоит встретиться с наркомом ВМФ СССР адмиралом Н. Кузнецовым, отправляя меморандум комитету начальников штабов союзников, ежедневно взывал к тому же...

Японское командование, следуя выработанной стратегии под кличем тигра, по-самурайски решало гамму уравнений, способствующих проведению операций в Тихом океане. Оно искало вторую точку опоры, чтобы поговорить с Америкой на более близком расстоянии. Наследники традиций Х. Того планировали отсечь от неё и Англии огромные сырьевые источники и, помня о нефтеэмбарго, включили в «блицкриг по-токийски» Австралию, Новую Зеландию, Океанию и Южную Африку. Ставка на атолл Мидуэй и его захват обеспечивали воплощение давней мечты — своей военно-морской базы в центре великого океана.

Не сразу морская и армейская знать определилась в выборе иллюзорного пути. Однако реваншизм не жалел душ сограждан, «белых варваров», рабов и, конечно, моторов.

Несмотря на успехи Японии на суше и на море, стало выясняться, что второй этап войны переходит в длительную стадию и вместе с тем ставит перед Вооружёнными Силами вопросы оборонительного характера. Продвижение вперёд связывалось с укреплением на завоёванных территориях. «Демократы» и «консерваторы» после ошеломляющих ударов не упали навзничь. Стиснув зубы и пересилив скорбную боль, союзники изготовились к сопротивлению, укрепили уязвимые места. Распрямление противника было фактом, а уцелевшие авианосцы, не попавшие под внезапность, удручали тех, кто заранее представил их затонувшими...

Западный вариант экспансии разработал капитан I ранга К. Куросима, служивший в оперативном отделе штаба Объединённого флота. Основная мысль проницательного оперативника, поддержанного самим И. Ямамото, сводилась к уничтожению английского флота и захвату его форпостов, а также к установлению более крепких связей с военщиной стран «Оси» и их

сателлитами. Планом предусматривались вторжения на Цейлон, контроль над Индийским океаном, закрепление за собой голландской Восточной Индии и Малайи, с выходом на соединение с воюще-лязгающим монстром Рейха на Ближнем Востоке. Оружейный союз потомков Токугава и Барбароссы мог стать умопомрачительной явью.

Расхождение во мнениях и точках зрения объединяла общая цель — наступление. Изучение планов вменялось в обязанности сослуживцам, чтобы с элементами дополнений они могли как можно скорее перейти в реальность. Обсуждение новой попытки перекроить мир вызвало оживлённый резонанс в политической и военной среде родины хризантем под флагом диктатуры Х. Тодзио и «миротворчества» Сына Неба — императора Хирохито.

Квинтэссенцию дискуссионных перипетий лаконично выразил участник Цусимского сражения, любимец морских авиаторов, адмирал И. Ямамото, десятки раз прокрутивший в своём сознании «за» и «против» очередного натиска. Формулировка вымученных мыслей заслуживает цитирования и ныне: «Итоговый анализ обстановки показал, что успех или провал нашей стратегии в районе Тихого океана будет зависеть от того, удастся ли нам разгромить флот Соединённых Штатов, особенно его авианосные оперативные соединения. Морской генеральный штаб настаивает на необходимости прервать коммуникации между Соединёнными Штатами и Австралией. Этого хотят добиться путём установления контроля над некоторыми важными районами. Однако прямой и наиболее эффективный путь к достижению этой цели состоит в уничтожении авианосных сил противника, без которых эти коммуникационные линии при любых обстоятельствах не могут быть сохранены.

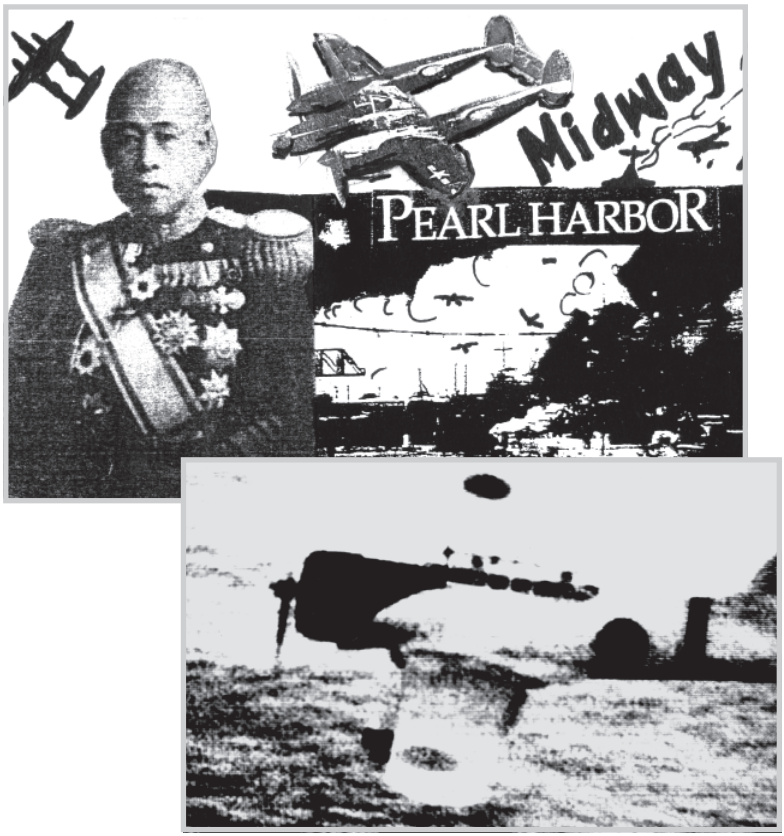
Мы полагаем, — подчеркнул выпускник Гарварда И. Ямамото, — что путём проведения операции по захвату о. Мидуэй нам удастся вынудить авианосные силы противника принять решающее сражение, в котором мы уничтожим их. (Авантюрная самоуверенность и дальность действия захватнической мысли поразительны, хотя «гоп» был промолвлен не пред рекой Синано, а перед длительным и опасным плаванием даже в мирное

время. — **В.В.Р.**). Если противник и не примет вызова, мы беспрепятственно расширим периметр обороны о. Мидуэй и западной части Алеутских островов».

После апрельской бомбардировки Токио и других городов группой Б-25 подполковника Д. Дулиттла начальник Морского генштаба адмирал О. Нагано издал приказ № 18. В сжатой форме от имени Хирохито документ утверждал проведение операции. Избранные не удивились, ознакомившись с ним 5 мая 1942 года: «Во взаимодействии с сухопутными силами осуществить оккупацию о. Мидуэй и ключевых пунктов в западной части Алеутских островов».

Оперативная игра, прошедшая накануне императорского указа на флагманском линкоре «Ямато», показала множество сильных и слабых сторон, обнажила реалии флота. Его силы были огромны и вбирали в себя более 200 кораблей и судов. Сюда входили 11 линкоров, 8 авианосцев, 22 крейсера, 65 эсминцев и 21 подводная лодка. Авиамощь измерялась арсеналом 700 самолётов трёх типов. Своё отношение к Мидуэйской операции продолжали высказывать «академисты» — контр-адмирал Т. Ямагути, капитаны II ранга М. Футида и М. Гэнда, вице-адмирал Н. Кондо, начальник его штаба контр-адмирал К. Сираиси и многие другие...

В День 70-летия флота Страны Восходящего Солнца морякам было не до праздника — начинался новый виток агрессии, колонизаторский поход во имя «процветания» по кодексу «Бусидо». 27 мая флагман ударного соединения «Акаги» снялся с якоря, дав понять взаимодействующим корсарам, что мирная передышка подошла к концу. Японский хитроумный циферблат показал шесть утра, и мало кому пришло в голову, что начался последний отсчёт жизни по обе стороны океана. Эйфория от мечтаний была высока, она освещалась фейерверком первых побед, медленно ведущих к гибели. «Да здравствует император!» — гремело над волнами, и никто не хотел думать о завещании...



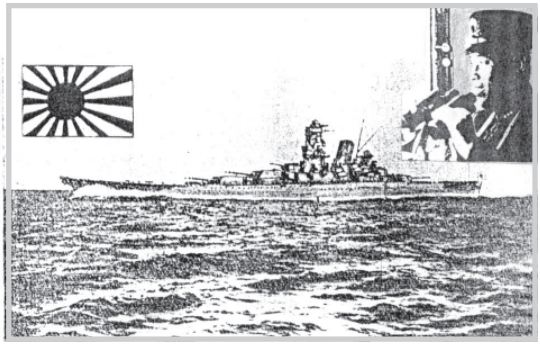
•СКРЕЩИВАНИЕ МЕЧЕЙ

Американское командование подозревало о намерениях японцев ещё до выхода соединения с о. Хасира-дзима. Сопоставление сил во второй фазе войны, сложно-специфичной, названной «второстепенным» театром военных действий, вынуждает к их полному восстановлению, поскольку московская идеология учила не проявлять интереса к Большой океанской войне по причине её «малой жертвенности». Ответственность за политику неуважения союзников лежит на «рулевых» Советской России и её народе, до сих пор не знающем о гибели 300 тысяч американцев, о пропаже 20 тысяч янки в ГУЛАГе, наконец, о веко-

вом долге — 722 млн. долларов, не уплаченных за Ленд-лиз 1 июля 2001 года по соглашению от 1972-го.

Потери ВМС США в Пёрл-Харборе и в сражении в Коралловом море не возместились, ибо корабли, в отличие от самолётов, строятся годами, иногда — десятилетиями. Чтобы задержать ослабление сил, увеличить активность и укрепить моральное состояние, было решено возобновить деятельность в водах Австралии и Океании. Исходя из первых уроков-баталий между авианосцами, американцы предпочли не вводить в бой линейные корабли, переведя козыри на авианосцы, базовую авиацию и субмарины. Считаю важным аспектом более глубинно рассмотреть стратегически жизненный вопрос — сопоставление ВМС Японии и США для того, чтобы русскоязычный читатель уяснил себе насмешку «вождей» в термине «второстепенный».

Ямамото кроме флагмана «Ямато» располагал лёгким авианосцем «Хосё», линкорами «Мутцу» и «Нагато», крейсером «Сэндай», девятью эсминцами, гидротранспортами «Ниссин» и «Тиёда», несущими карликовые подводные лодки. В кильватере линкора «Хьюга» шли три линкора, аврально модернизированные в середине 30-х гг. Помимо лёгких крейсеров «Китаками» и «Ои» в соединение входило 12 эсминцев. На «плавучих аэродромах» вице-адмирала Т. Нагумо имелось 93 бомбардировщика, 84 истребителя и 84 пикировщика, причём все бомбардировщики могли применяться как с бронебойными бомбами, так и с торпедами. Не считая разведмашин, ударный кулак насчитывал 261 палубный самолёт. По запасному варианту, в случае захвата Мидуэя, на его аэродроме закреплялось по 36 истребителей для дальнейших операций. Вице-адмирал Н. Кондо, руководивший перехватом и уничтожением «Принс оф Уэллса» и «Рипалса» в декабре 1941-го, контролировал силы вторжения и охранения, держа флаг на тяжёлом крейсере «Атаго», которым командовал капитан I ранга М. Идзюин. Авторитетному стратегу подчиня-



У. Леги

Г. Стимсон

Ф. Нокс

К. Хэлл

Г. Старк

Президент США
Ф.Д. Рузвельт

Э. Кинг

Дж. Маршалл

АМЕРИКАНСКИЙ ФЛОТ

Г. Арнольд

Ч. Нимиц

У. Хэлси

К. Спаатс

Р. Спрюэнс

Ф. Флетчер

М. Митчер

Т. Кинкейд

Г. Лири

Р. Тёрнер

А. Крамер

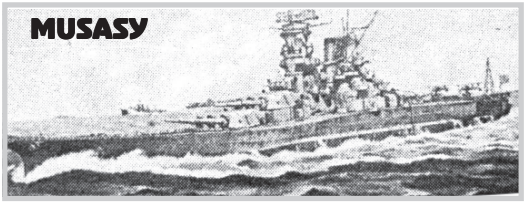
А. Фридман

Дж. Рошфор

Д. Макартур

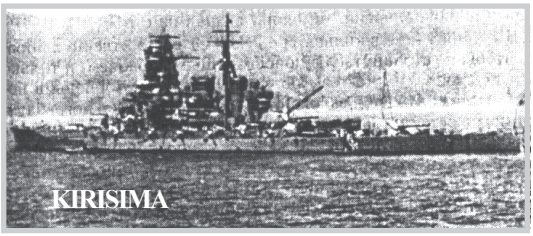
Смертельная атака

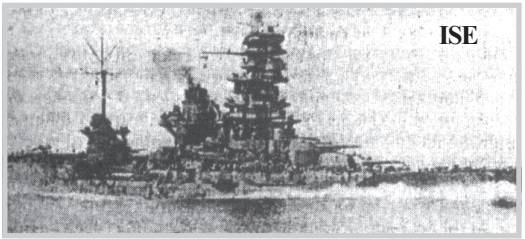
Л. Саффорд



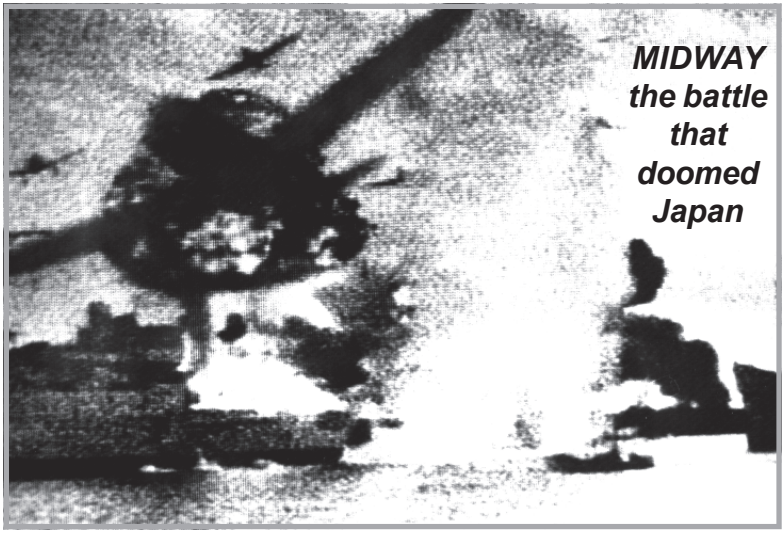
лись линкоры «Конго» и «Хиэй» контр-адмирала Г. Микава, а также 4-я эскадра эсминцев контр-адмирал С. Нисимура.

Для усыпления бдительности американцев, также усиливших подход к Мидуэю завесой из субмарин, вовсю раскручивался алеутский (отвлекающий) вариант. Японцы заявили о себе в конце мая, потопив два транспорта в проливе Ванкувер. Теперь северные ВМС, входящие в состав 5-го флота вице-адмирала М. Хосогая и его начштаба капитана I ранга Т. Накадзава, олицетворяли защиту и нападение. Командующий находился на тяжёлом крейсере «Нати», а контр-адмирал К. Какута верховодил 2-м ударным авианосным соединением, имея «под мечом» авианосцы «Рюдзё» и «Дзунъё», крейсеры и эсминцы. Соединениями вторжения на острова Атту и Кыска командовали контр-адмирал С. Омори, капитан I ранга Т. Оно, вице-адмирал Т. Комацу и контр-адмирал Т. Коно. Базовую авиацию и 24-ю воздушную флотилию патронировали вице-адмирал Н. Цукахара и контр-адмирал М. Маэда. В ведении Т. Морита находилось 36 «Зеро» капитана III ранга М. Кокуфуда. Эти истребители временно стали палубными.

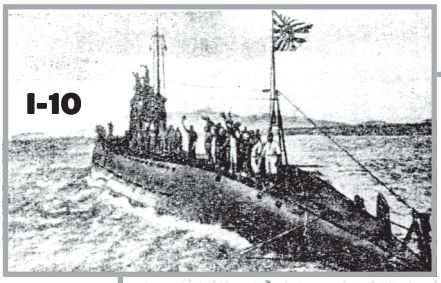




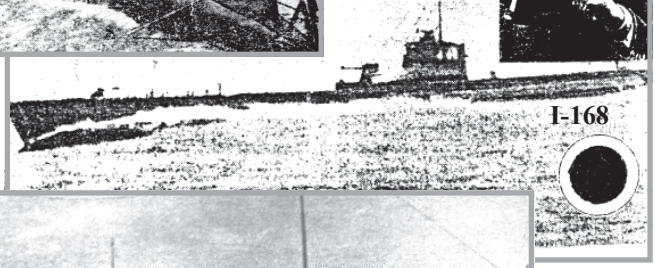
3 июня намечался удар по Датч-Харбору, а 4 июня основной шквал огня должен был обрушиться на Мидуэй. В Токио, как и на Хасирском флоте, считали, что «северный инцидент» вызовет растерянность в США. Они знать не гадали, какая сила уже поджидала их для возмездия.

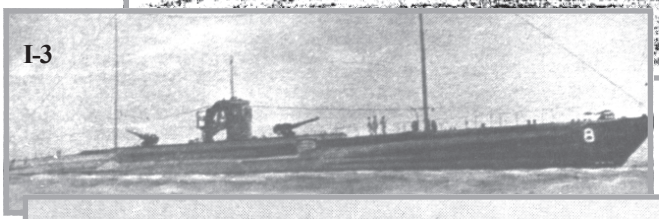


ЯПОНСКИЙ ПОДВОДНЫЙ ФЛОТ



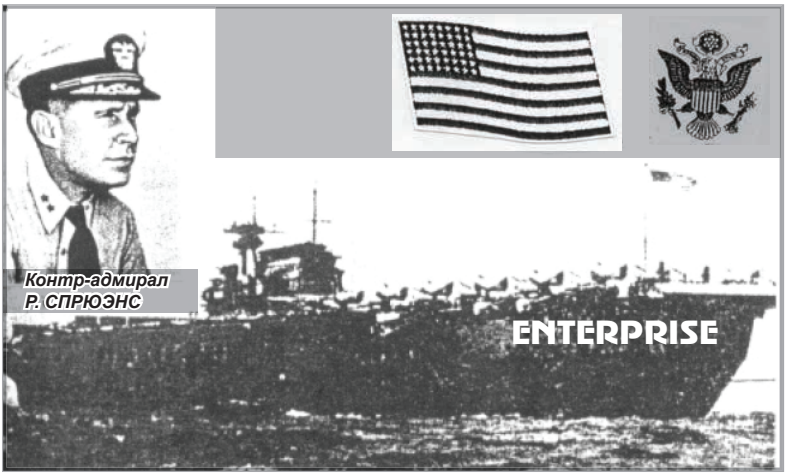
Впереди у М. Хасимото — потопление «Индианаполиса».





26*

Состав американских сил, выставленных на фарватер войны, выглядел не столь устрашающим, как японский, однако он обладал не менее убойным калибром, боевыми плавединицами и самолётами. Авианосцами «Энтерпрайз» и «Хорнет» командовал контр-адмирал Р. Спрюэнс, тяжёлыми крейсерами «Пенсакола», «Нью-Орлеанс», «Нортгэмптон», «Винсенес» и «Миннеаполис» — контр-адмирал Т. Кинкейд. Сюда же входили крейсер «Атланта», эсминцы «Конингхэм», «Фелпс», «Уорден», «Балч», «Эйлуин», «Бенхэм», «Мори», «Эллет» и «Монагхэн». Опытный контр-адмирал Ф. Флетчер, находившийся на авианосце «Йорктаун», прекрасно знал корабельные расписания и походный ордер тяжёлых крейсеров «Астория», «Портлэнд», а также эсминцев охранения «Хамманн», «Рассел», «Моррис», «Хьюз» и «Эндерсон».



Боевая задача № 1 возлагалась на подопечных стратега подводной войны контр-адмирала Б. Инглиша. Немногие из команд дизель-электрических «барракуд» типа «Гренадьер», «Драм», «Гаджон», «Пайк», «Гэтоу», «Финбэк», «Гроулер», «Помпано», «Траут», «Планджер», «Тэмбор», «Групер», «Порпойз», «Тарпон», «Долфин», «Триггер», «Флаинг Фиш», «Наруэл», «Поллак», «Грейлинг», «Кэшэлот», «Наутилус», «Туна» и «Каттлфиш» вернулись на базы надводным ходом после войны. Ещё меньше приоткрыли тайны океана в мемуарах, как это удалось адмиралу Ч. Локвуду в книгах «Морские дьяволы» и «Топи их всех!»...

На войне выигранные минуты, часы, дни часто приводят к роковым результатам. Авианосцы «Рюдзё» и «Дзунъё» под командой капитанов I ранга Т. Като и С. Исии 3 июня атаковали Датч-Харбор. Но в планы властно вмешалась природа, и только погода помешала разгрому — основная самолётная волна вернулась ни с чем.

«Рюдзё» повезло больше. Этим же днём 30 бомберов и 6 истребителей прошли мглу и вышли на цель, основательно «распотрошив» Датч-Харбор. Какута ликовал, оценивая мастерство своих пилотов, но поспешил. Американские «Каталины» капитана I ранга Гереса и атаки бомбардировщиков генерала Батлера отбросили врага на 400-мильное расстояние. Японцы потеряли 4 самолёта, что подтвердило репутацию контр-адмирала Р. Теоболда.

Замысел противника был разгадан, флот не попал в ловушку благодаря разведслужбе Дж. Рошфора на Гавайях, предупреждавшей, что Алеуты — Мидуэй — коварная западня. Расшифровка японского кода и свободное чтение зашифрованных радиопередач принесли неоценимую пользу.

Как ни велик океан, а 3 июня лодка-разведчик «Каталина», пролетая в 700-х милях юго-западнее Мидуэя, обнаружила соединение вице-адмирала Т. Нагумо. Тайное стало явным. Грозная наступательная сила являла собой одно из трёх стратегических соединений, следовавших на атолл. Нежданных гостей встретили немедленно, подняв в воздух группу Б-17. Ввиду ухудшения видимости, спешки, проливного дождя и нервного азарта американцы не поимели лавров, хотя японцы потеряли 24 человека убитыми и ранеными.

Стоя на мостике, Нагумо понял, что последствия от преждевременного контакта с врагом непредсказуемы. Но силища за его спиной была столь велика, что возникавшие сомнения стёрлись в порошок, как растираются в руках сухие водоросли. Удручала болезнь стратегов-помощников М. Футида и М. Гэнда. После жизни, проведённой в штормах и учениях, у него ныли ноги, и сейчас он забыл о них, слушая своего начштаба, адмирала Р. Кусака...

Время и командование спрашивали быстро и на ходу. После ночной стычки с «Каталинами» пришлось нарушить радиомолчание для передачи приказа. Его перехватили и при скорости 24 узла армада оказалась рассекреченной. Обстановка ежеминутно осложнялась.

4 июня в 5 часов 45 минут летучий патруль американцев донёс о приближении к Мидуэю группы самолётов с северо-запада, а

затем обнаружил авианосцы «Кидо Бутай». Очевидно, японцы перехватили это донесение более позднее, в четвёртом часу дня. Через полтора часа с крейсера «Тонэ» капитана I ранга Т. Окада получили нерадостную весть: по пеленгу 260° летят 10 самолётов американских ВВС. Наступившая ночь усилила нервозность личного состава, напомнив, что Япония далеко.

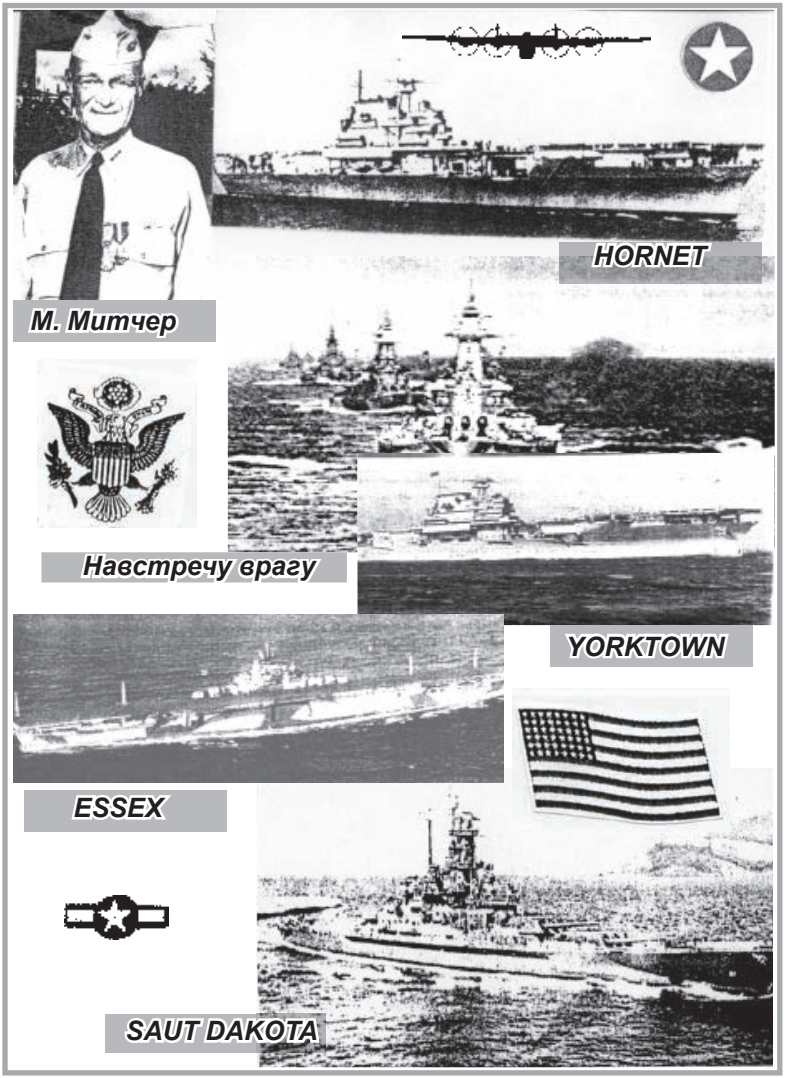
5 июня в 4 часа 45 минут утра, несмотря на ночную тревогу, принесённую лейтенантом Р. Джеком на крыльях «Каталины», в воздух стартовала 1-я ударная волна с четырёх авианосцев под командованием капитан-лейтенанта Ё. Томонага. За ведущим шли асы, опрокинувшие Тихоокеанский флот США в Пёрл-Харборе: капитаны III ранга Т. Егуса, С. Мурата, С. Итая; капитан-лейтенанты С. Огава, М. Суганами. Лидер 21 торпедоносца «Накадзима» Р. Кикути не чаял скорее раскрыть замки убийственно-бронебойной ноши.

Оглушительный рёв 108 самолётов с отборным лётсоставом подчёркивал — началось исторически эпохальное морское сражение. По классификации, работа, которую должны были произвести «небесные рыцари», определялась 36 бомбардировщиками и тем же числом истребителей и штурмовиков. Скоростное смертельное «шило» нельзя было утаить и не заметить в предрассветном куполе неба…

Вскоре после взлёта воздушный патруль американцев засёк нарушителей вечной тишины. Внезапно появившись над строем «Зеро» в 30-ти милях от Мидуэя, «Каталина» сбросила светящуюся бомбу. Условная сигнализация была воспринята сослуживцами, рванувшими навстречу японцам.

Завязался бой, с каждой секундой переходящий в немыслимую ожесточённость. Теперь эти люди, полные светлых и тёмных надежд, становились кровоточащей, горяще-дымной бесформицей в воздухе, пеплом, масляными пятнами на воде…

Натиск «джапов» разорвал оборонительную оболочку: пилоты устремились на бомбовую «распашку» коммуникаций. К печали захватчиков, самолётов на аэродроме не оказалось. Офицеры, зная об угрозе, поторопились поднять машины в воздух, в целях контратаки противника с меньшими затратами. Топливо берегли, иногда больше, чем жизнь.

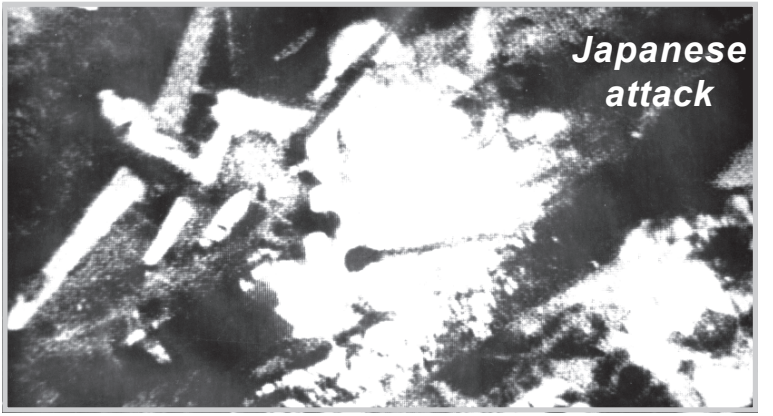


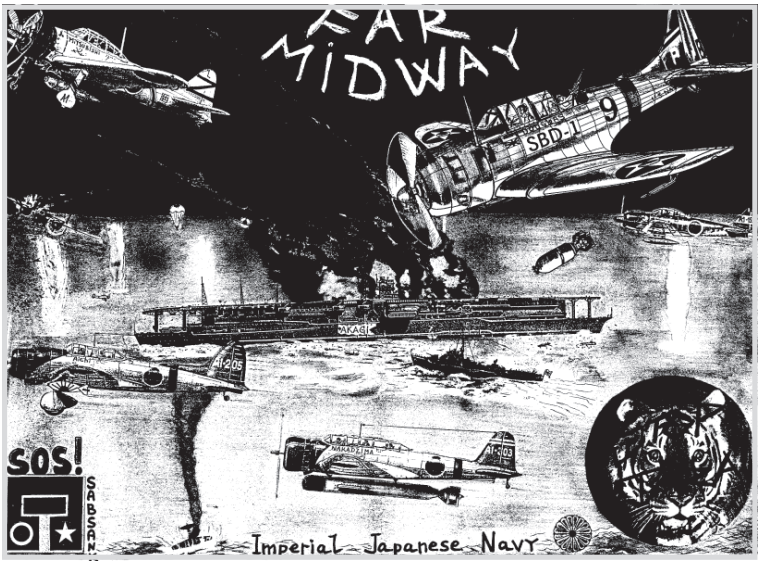
Атака японцев всей мощью обрушилась на взлётно-посадочную полосу и сооружения о. Истерн-Айленд. В результате вышла из строя теплоэлектростанция, сгорел ангар, тлел ряд строений, а также были уничтожены командный пункт морпехов и столовая. Командир рукотворного «торнадо» Ё. Томонага сожалел, что бомбовый удар вышел незначительным. Считая, что задача не решена, он радировал на «Акаги»: «Необходима вторая атака. Время — 07.00».

Нагумо ответил не сразу, но послал в поддержку вторую волну. К этому времени он потерял 5 бомберов и истребителей, попавших под зенитки и истребители Мидуэйской ПВО. Досталось и «звёздно-полосатым»: 24 самолёта исчезли безвозвратно, превратившись в раскалённый, шипящий и остывающий лом… Нападение вывело из строя систему снабжения авиации топливом, вследствие чего пришлось производить заправку горючим вручную.

Утром против авианосцев были брошены торпедоносцы и «Мародёры». Пройдя сквозь зенитный ад и «корриду» с истребителями прикрытия, атака торпедистов вышла безуспешной. Уцелевшие экипажи были вынуждены отойти от броневого щита, который представлял собой веер, злобный частокол корабельных орудий всех наличных калибров…

Внезапность, как в Пёрл-Харборе, у японцев не получилась, но инициатива пока была в их руках. Врождённые коварство и воинственность взывали их к действию, нарушившему пословицу «Море не может научить плохому». Они забыли (почитая дух предков) о мудрости веков: «Недолговечны гордые и обречены могучие»…





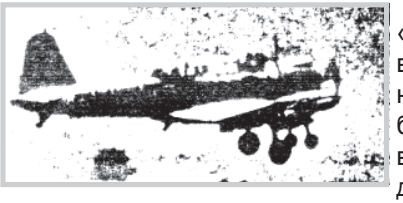
•НА ВОДЕ НЕКУДА БЕЖАТЬ

Штурм второй авиагруппы стойко отбивали истребители морской пехоты, но тройной перевес в наличии стволов и более совершенных машин говорил о том, что посланцы микадо господство не уступят. На о. Сэнд-Айленд кроме 250-килограммовых сработали 800-килограммовые бомбы. Гидросамолётное пристанище торчало вывернутыми каркасами в дыму и догорающих головешках. Страшным взрывом напомнили о себе две цистерны с горючим, разметая вокруг себя всё, что можно было поднять в воздух. Пожар уничтожил госпиталь. В огневом кольце оказался склад. Две платформы зениток перестали существовать. На аэродроме жертвами бомбёжек и обстрела пали 20 человек...

Авианосное соединение противника, крушившего Мидуэй около трёх часов назад, зацепить так и не удалось. Потеряв в пучине вод несколько самолётов, янки верили в удачу, но она просто отвернулась. В это время разведчик с «Тонэ» поставил

офицерский состав перед фактом: «Вижу десять кораблей, очевидно, противника. Пеленг 10°, раст. 240 миль от о. Мидуэй, курс 150°». Через десять минут последовал уточняющий ответ с самолёта, согласно требованиям адмиралов: «Силы противника состоят из пяти крейсеров и пяти эсминцев». В 5.30 поступило дополнение к этому донесению: «Колонну замыкает корабль, похожий на авианосец».

Этот «огнедышащий айсберг» резко изменил координацию действий японских флотоводцев. Уведомив И. Ямамото о решении идти на сближение, умудрённый Т. Нагумо молча следил за посадкой самолётов, возвращавшихся после первой атаки Мидуэя. Около шести часов утра намечался подъём второй волны, торопились со временем на вылет. Было доложено, что первая дивизия авианосцев — «Акаги» и «Кага» — готова вступить в бой в 7.30, а вторая — «Хирю» и «Сорю» — поднимет самолёты в последующие полчаса.

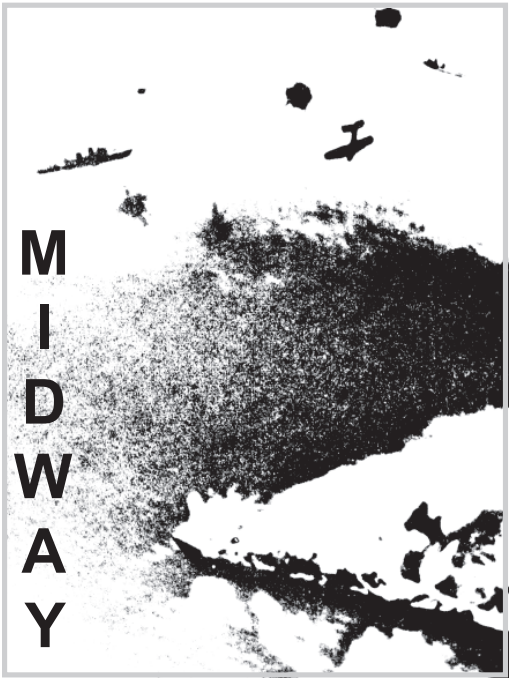


В столь важный момент с «Хирю» оповестили об атаке вражеских бомберов. За огромными водяными столбами от бомб скрылся «Сорю». Ровно в восемь сигнальщик с «Акаги» дал знать о приближении группы самолётов с Мидуэя. Едва завершился приём машин первой волны, а вторая волна, уже прогрев моторы, готовилась к взлёту, около 30 пикировщиков «Даунтлесс» бомбардировали элитные авианосцы. Неожиданный бомбовый шквал с пикирования сокращал американцам промахи. Взлёт мстителей за префектуры срывался...

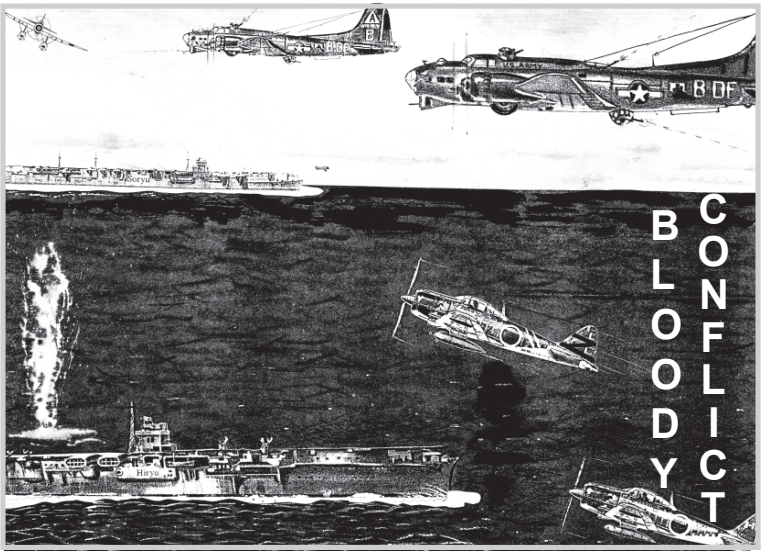
Ч. Нимиц

Свидетельствует лидер авиагруппы «Акаги», в тот день бескрылый (по болезни) пилот, опытнейший капитан II ранга

М. Футида: «Я взглянул вверх и увидел три вражеских самолёта, в крутом пике идущих прямо на корабль. Вот несколько чёрных капель отделились от их крыльев. Бомбы! Они летели прямо на меня! Инстинктивно я упал на палубу и пополз за щит управления. Сначала я услышал ужасающий рёв пикирующих бомбардировщиков и затем страшный взрыв. Прямое попадание! Вслед за ослепительной вспышкой раздался новый взрыв. Волной горячего воздуха меня отбросило далеко в сторону. Ещё один взрыв, но уже менее сильный. Бомба, очевидно, упала в воду рядом с авианосцем.



Лай автоматов неожиданно смолк, и наступила необыкновенная тишина. Я поднялся и взглянул на небо. Американских самолётов уже не было... Оглядевшись, я был потрясён разрушениями, произведёнными за считанные секунды. В полётной палубе, как раз позади центрального люка лифта, зияла огромная дыра. Сам лифт скручен, как полоска фольги. Искорёженные листы палубной обшивки причудливо

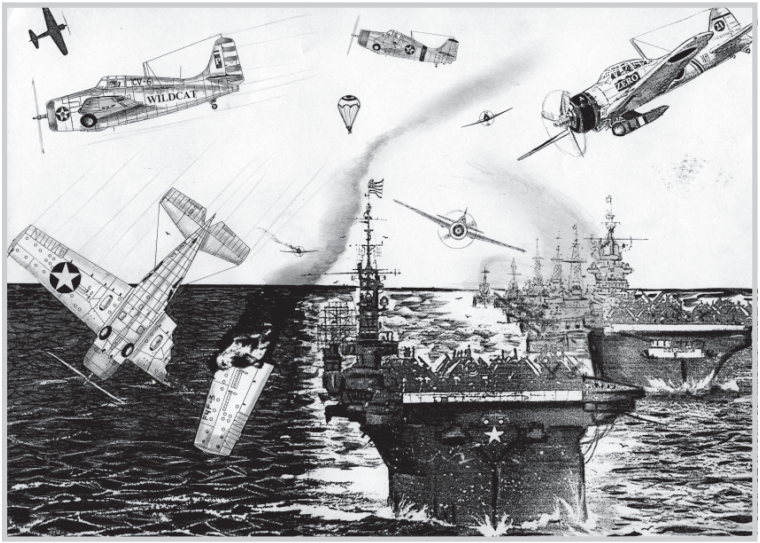


свернулись. Самолёты горели, охваченные густым чёрным дымом. Пламя разрасталось всё сильнее и сильнее».

Футида умалчивает, что фатальное разрушение вызвала детонация своих же бомб и торпед, скопившихся не только на палубах, но и под крыльями самолётов. Мицуо сломал обе ноги, но, выжив в тихоокеанских битвах, вспомнит об этом на допросах в Аннаполисе, позднее — станет священником.

Теперь же флагман доктрины «Захват» агонизировал. Он «натворил» на суше и воде столько, что кровь погибших могла бы подняться выше ватерлинии. Он останется «чёрным кораблём» в памяти жителей Гавайев, Целебеса, Явы, Цейлона, Австралии, других районов Тихого и Индийского океанов. Это его шесть 203-мм орудий, двенадцать 127-мм орудий, 28 малокалиберных зениток и 91 самолёт утверждали «Восходящее солнце», погружали во мрак небытия человеческие судьбы, разрушали города и селения, поднимали на дыбы землю, скалы, леса, воду и песок, истребляя всё живое и сущее...

Некогда блистательный «Акаги», из иллюминаторов которого не прекращаясь валил дым чернее сажи, а борта сжимали объятия смертельного огня, был неузнаваем. То и дело «ахали» бомбы своего же производства, взрывные волны сметали за борт матросов и офицеров. Авианосец перемалывал кости экипажу,

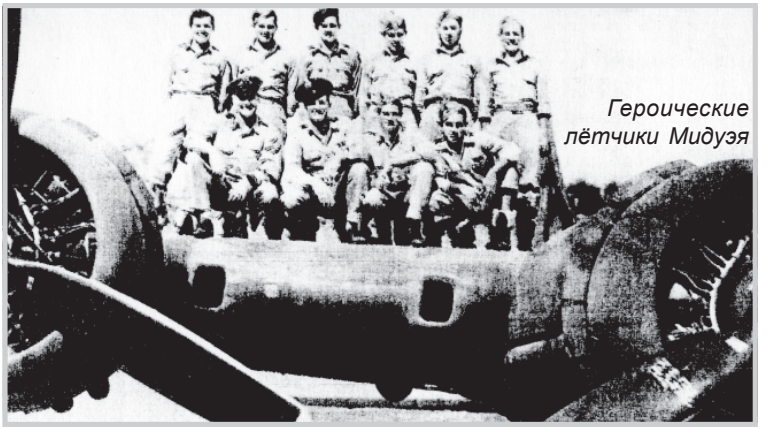


жгя его и топя, как соучастника неслыханного разбоя под глумящимся вымпелом «процветание». Мгновение — и для сотен неуспевших спастись навсегда исчез запах родного очага, навечно отцвели сакура и орхидеи, отзолотились клёны, погибла рыбалка, и погасли глаза родных и близких, в последний момент почему-то ставших немыми. Некоторые из них, охваченные огнём, вряд ли живыми долетали до воды. А те, кому пришлось спасаться на волнах, молились на спасателей, которые тоже попадали в перекрестие прицела и под осколки...

Самолёты на «Акаги» продолжали взрываться и гореть, а бомбардировщики с «Энтерпрайза», «Хорнета» и «Йорктауна» наседали, освобождаясь от смертоносного груза. В их надрывно оглушающем рёве чувствовалось торжество над неприятелем, хотя японские самолёты и корабельная артиллерия расстреливали отбомбившиеся и безоружные «Дэвастейторы», «Виндикейторы», «Даунтлессы» и «Летающие крепости». Пылающими метеоритами уходили в синюю толщу воды «Буффало» и «Уайлдкэты». Тихоходные «Накадзима» и увёртливые «Зеро» тоже спешили расквитаться, но попадали в смерч и уходили из жизни, добивая своих обладателей на пути к вечному пристанищу — железному дну. О ложных тревогах накануне забыли исключительно все.

В машинном отделении было не легче. Кто они, эти безы-

мянные мотористы, на слуху которых было сердцебиение корабля? Они были слепыми в одном — не видели ужаса, свирепствующего по палубе и бортам. После каждого взрыва они понимали, что не землетрясение 1923 года и не тайфун ворочает ими в океане. Они не знали, что в момент атаки на «Акаги» и «Кага» на их палубах скопилось около 70 самолётов, но по эху разрывов и сотрясениям осознавали телом бомботрясение 1942 года, которое было страшнее и сильнее, чем стихия...

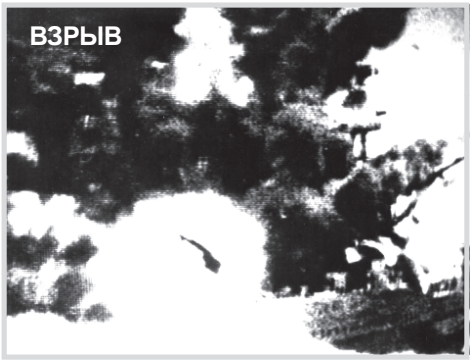


Героические лётчики Мидуэя

Разве думал лейтенант-коммодор К. Маккласки, что судьба преподнесёт ему возможность первому отомстить за Пёрл-Харбор? Под прикрытием истребителей он вывел эскадрильи пикировщиков с «Йорктауна» и «Энтерпрайза», ударивших «Акаги» с правого и левого борта. Зенитчики авианосца сбили два бомбардировщика, третий, не выйдя из пике, врезался в левый борт. С двух заходов в разное время бомбы и торпеды сбросили три пикировщика и пять торпедоносцев, причём из семи бомб удачными и одновременно роковыми стали две. Могли ли защитить свои «гаражи» всего лишь 18 «Зеро»?

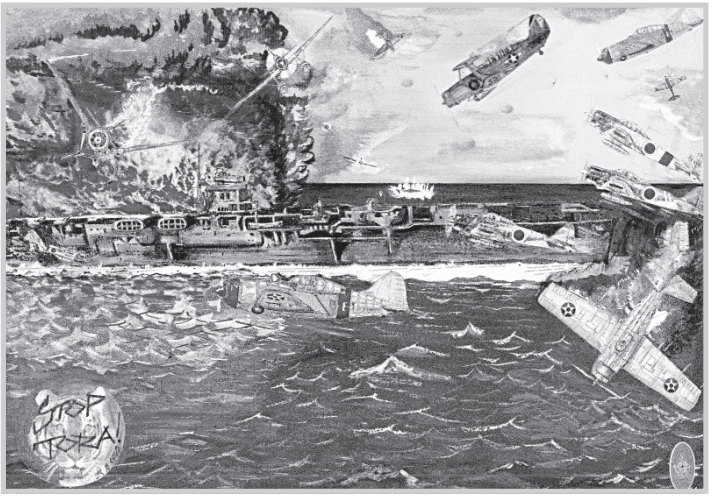
Первая торпеда, сброшенная при заходе с кормы, не достигла цели. Тут же в десяти метрах от левого борта параллельно носовой части упала бомба, не вызвавшая осложнения. Вторая бомба смяла угол центрального элеватора, а третья попала в левый угол оконечности полётной палубы. Успех трёх авианосных штатовских пикировщиков стал началом сокрушительного разгрома японского флота. Затопление «Акаги» продолжалось. «Умнеешь после случившегося» — учит пословица.

Вице-адмирал Т. Нагумо не захотел покидать корабль, следуя долгу морской чести и воинской доблести. За эти минуты в свои 55 лет он стал ниже ростом и постарел на десяток лет — срослись человек и корабль. Фраза морского волка и его начштаба Р. Кусака вывела командующего «Кидо Бутай» из «харакирного» состояния, после остужающих слов, сыгравших роль спасательного жилета: «Большинство наших кораблей невредимы. Вы должны командовать ими». Разбитый физически и морально, адмирал, потерявший управление соединением, перенёс свой флаг на крейсер «Нагара», надеясь на остаток разобщённых сил, прежде всего на контр-адмирала Т. Ямагути. Сражение входило в новую фазу, усугублённую критическим положением авангарда флота. Казалось, вчера — 16 апреля — в него так верил император Хирохито, одобряя план по захвату Мидуэя за два дня до налёта на Токио «Митчеллов» Д. Дулиттла...



Между тем из боевого порядка помимо «Акаги» были выхвачены авианосцы «Сорю» и «Кага». Во время первой атаки, несмотря на ураганный огонь зениток и заградительно-расстрельную функцию «Зеро», к «Сорю» прорвались три «Летающие крепости» — Б-17. Бомбы легли в 50—100 метрах от кормы и в 200 метрах по правому борту. 11 огромных столбов тяжеловесной воды, полукругом опоясавшие корабли, утвердили положение — смерть идёт по пятам. Команда авианосца, воспитанная капитаном I ранга Р. Янагимото, не ошиблась, что второй налёт будет более прицельным. Зенитные расчёты вертелись, как юла, — бить в «молоко» означало идти на дно.

Через полчаса после «ознакомительной» бомбардировки в утреннем небе показались американские торпедоносцы. 17 тяжелогружёных машин под эскортом истребителей прикрытия шли на «Сорю», потрясая гулом пространство. Дежурные «Зеро» вылетели на перехват, злобным темпом «закашляла» зенитная ар-



тиллерия. Жестокий бой разворачивался при явном перевесе японцев. Спешно разрядились торпедоносцы «Хорнета», произведя малоприцельную атаку. Четыре торпеды цели не достигли. Лишь по правому борту и у носа «дракона» взметнулись два близких разрыва. Ощетинившись стволами, авианосец оказывал сопротивление, а детища Д. Хорикоси «Мицубиси-Зеро» спешили приводнить торпедоносцы, но уже с распоротым фюзеляжем и хвостом, однокрылым остовом в пламенной окантовке...

Многих американских лётчиков приняли горько-солёные воды у атолла Мидуэй, смельчаков, знавших, что шанс выживания в пекле схватки один из ста. 10 торпедоносцев не дождались на «Хорнете», не увидели своих мужчин семьи на материке. Их накрыла океанская волна, а сослуживцы — матросы, офицеры, адмиралы — со скорбью поняли, что отважные потомки «пилигримов» выполнили свой долг перед Отечеством до конца. Кара за коллег по штурвалу не заставила себя долго ждать.

В 7.25 двенадцать пикировщиков с авианосцев «Йорктаун» и «Энтерпрайз» нанесли мощный удар по авианосцу «Сорю», пройдя огненные клещи палубных перехватчиков и свинцовый ливень зенитных автоматов. Взрыв трёх бомб вызвал смятение и панику на корабле. Они легли, минуя корму, так прицельно,

словно морские боги провели линию от левого борта к носу. 500-килограммовые «гостинцы» уничтожили и смыли за борт часть команды, видевшей агонию «Акаги». Жуткой участи не избежали артрасчёты, невзлетевшие лётчики, офицерский состав, знатоки турбозубчатых агрегатов и бойлеров, службы снабжения, жизнедеятельности, связи и корабельный лазарет. Дико визжала сирена, заглушая стоны и крики раненых.

Горящий и чадящий «Сорю», исковерканный до чудовищности, продержался на воде почти семь часов. Около девяти утра на исполин, ставший бесполезным, как гора металлолома, вышла субмарина «Наутилус» под командой Брокмэна, с ходу атакованная обнаружившими её эсминцами ПЛО и линкором. Экипаж, проявив мужество и настойчивость в толще воды, продолжил преследование и к двум часам дня сблизился с авианосцем на расстояние 2500 метров. Час пробил!

Авианосец «Soryu» перед гибелью.

Три торпеды точно шли к неуправляемой цели, но радость была недолгой — японский эсминец начал зондирование глубинными бомбами, очевидно, запеленговав не капитана Немо, а врага № 1. Своевременное погружение на 90-метровую глубину и точность в выборе манёвра спасли брокмэновцев от неминуемой гибели.

5 июня 1942 года авианосец «Сорю», спущенный на воду в 1937-м, значимое звено в крупных морских операциях, скрылся с глаз в 16.10, унеся с собой командира Р. Янагимото и 720

человек экипажа. Гроза океанских просторов и побережий превратилась в крупнейшую потерю Императорского флота Японии, возомнившей о своём «священном предначертании» слишком многое. Преступно многое...

Дерзкое «выдёргивание лучей из восходящего солнца» посредством мастерства, опыта и смелости американских пилотов и моряков ещё до гибели «Сорю» смертельно сдавило более тяжёлый по вооружению «Кага». Авианосцем командовал капитан I ранга Д. Окада, как и вся команда, не крещённый атаками пикирующих бомберов неприятеля. В ходе первой штурмовки в 5.30 на него сбросили несколько бомб. Три из них разорвались в 20—50 метрах от кормы, чуть не обрубив её. Хэйнеманновские «Даунтлессы», ведомые бесстрашным К. Маккласки, вышли из набегавшей облачности примерно в 7.30 и уверенно держались за своим командиром, отличившимся у Маршалловых островов в начале 1942 года. Сейчас он возглавлял лётный состав «Энтерпрайза».

Команда авианосца «Кага» работала во взвинченном состоянии, готовясь к отражению новой атаки, имея на борту 30 спешно перевооружаемых самолётов. Вскоре 11 пикировщиков плотно зажали авианосец, сбросили 11 500-килограммовых бомб. Три бомбы взорвались по левому борту, две — по правому, ближе к корме. Роковые четыре бомбы, попавшие в корабль — две с левой стороны палубы и две с правой — вызвали волнообразный, всё пожирающий пожар. С десяток оранжево-дымящихся холмиков, ближе к нему от надстройки, напоминали о тех матросах, кто сгорел заживо. На их скрюченные останки хаотически наступал огонь, усиленный ветром и адской температурой. Цистерны с горючим, пробитые осколками бомб, подливали в огонь не масло, а авиагазолин. Столбы клубящегося и бушующего пламени были настолько велики, что очевидцам с ближних и дальних кораблей соединения было больно смотреть на беду, цепная реакция которой ещё долго будет посещать самобытную и самовлюблённую Японию в кошмарных снах...

•КООРДИНАТЫ ГИБЕЛИ И ТРИУМФА

Первоначально задуманный как линкор, «Кага» вступил в строй 31 марта 1926 года и являлся старожилом японского флота, «сэнсеем» для выпускников Академии «Эта Дзима». Противокорабельное вооружение было сверхопасным: 10 203-миллиметровых орудий. Они размещались по три с каждого борта на уровне главной палубы, остальные четыре устанавливались попарно в двух орудийных башнях в носовой части средней взлётной палубы. Последняя была трёхступенчатой, причём дым от котлов отводился через две горизонтальные вытяжные трубы над кормой, что было тогда редкостью. Двенадцать 120-миллиметровых зениток были спаренными и монтировались в средней части авианосца на отдельных платформах.

После модернизации 1935—36 гг. на «Кага», как и на «Акаги», демонтировали две носовые взлётные палубы и оставили одну во всей 247-метровой длине корабля. Поскольку выхлоп мешал пилотам возвращавшихся машин, изменили его проводящую систему, установив одну наклонную трубу по правому бор-

ту, на котором размещался «мозг» корабля — островная надстройка. Носовые башни убрали, зато возросло число бортовых орудийных башен: их стало четыре. Оборону усилили четырьмя 127-миллиметровыми зенитными орудиями, разместив их попарно на консолях, выступавших за края взлётной палубы. Увеличение числа принимаемых на борт машин до 91 боеединицы (бомбардировщики типа «97», «99», истребители типа «Ноль») вынудило корабелов ввести в конструкцию третий лифт, поднимавший самолёты из ангара на палубу. Личный состав в количестве от 2019 человек отчётливо понимал, что есть четыре паровых двигателя и четыре турбины суммарной мощью 127400 л. с. При водоизмещении в 42 541 тонну они позволяли мастодонту шириной почти 33 метра «роджерствовать» со скоростью до 29 узлов, причём радиус действия при автономном плавании составлял 10000 миль.

И вот теперь, в июне 1942 года, авианосец, при всей стойкости команды, не мог преодолеть магнетизма океанского дна, до которого было не менее пяти километров. Бензиновые ручьи мчались в трещины и зияющие дыры полётной палубы, цепко «хватались» за самолёты, обслуживающий персонал, медиков и смертельно раненых. Охрипшие зенитные автоматы беспощадно кромсали утреннее небо, делая его похожим на дуршлаг. Пилоты «Зеро» хладнокровно атаковали «Даунтлессы», пытаясь снять с себя вину за их внезапно-сокрушительное наступление собственной обречённостью и фанатичной верой в победу. Они споро набирали высоту, пикировали, накручивали высший пилотаж, и очередная жертва очередей с несбиваемым пламенем и свистящим грохотом врезалась в сизо-багровую воду...

Девять американских пикировщиков не вырвались из этой схватки. Лёгкие догорающие части самолёта, словно буи, торчали на гребнях волн, за них пытались зацепиться чудом уцелевшие матросы и лётчики. Увы, гаки и аэрофинишёры им уже не были нужны...

Через несколько часов взрыв потрясающей силы, вызванный детонацией цистерн с горючим, размещённых под бомбохранилищем, вывернул нутро «Кага» наизнанку. Слётанность палубных самураев под девизом «Действие — удел настоящего мужчины» становилась легендой.

Командира авианосца Д. Окада уговаривали срочно оставить корабль, но он не изменил морскому закону: «Капитан покидает судно последним». На мостике вместе с ним держались

офицеры штаба. Тут их настиг убийственный вихрь из осколков торпед, бомб, обломков самолётов и бензоцистерн — командный состав погиб. Ему не суждено было знать об американской подводной лодке, отправившей залп торпед. Акустики и бомбардиры с эсминцев «Хагикадзэ» и «Майкадзэ» обстреляли её глубинными бомбами, не дав субмарине развернуться. Командам миноносцев досталась тяжкая работа — спасение людей с горящего «Кага». За обломок неразорвавшейся торпеды субмарины ухватились счастливцы...

Капитан II ранга Амагаи, принявший штурвал власти после гибели Окада, предпринял попытку спасти корабль, но при всём героизме команды обречённость была неотвратима. Разорванный изнутри последними двумя взрывами, недавний оплот боевой и агрессивной славы затонул в 19.25. Погибли 800 человек, треть экипажа, формировавшегося годами. Воды атолла Мидуэй стали для него вечными.

«Кага» падал на дно первым. Следом за ним 6 июня в 2.00 своей командой будет затоплен «Акаги», начавший войну с подъёма национальной реликвии — флага броненосца «Микаса». Личный приказ И. Ямамото гласил: «С дистанции 1000—1500 метров четырём эсминцам стрелять торпедами типа «93», — что и произвёл в полном шоке лидер «Новакэ» капитан II ранга М. Кога.

Потеряв в бою много друзей и чуть не став добычей океана из-за нехватки топлива, на «Энтерпрайз» возвратился К. Маккласки. Все, кто был с ним, были героями дня, морскими защитниками США. И хотя ноющая печаль по погибшим давила мозг и душу, осознание того, что авангард японского флота смят и уничтожен, поднимало тонус жизни лётчиков и всей команды авианосца. Контр-адмирал Р. Спрюэнс быстро сошёл с мостика и, не скрывая радости, по-отцовски обнял ведущего, без конца повторяя: «Thank you!» «Благодарю вас!» Подвиг Маккласки и его боевых друзей передали в эфир, позднее он стал символом Виктории на страницах передовых газет и журналов мира. В разбитом Пёрл-Харборе, в Гонолулу и на Мидуэе, на Азиатском флоте и в Австралии с благодарностью восприняли весть о бесстрашии и снайперстве пилотов «Энтерпрайза», «Хорнета» и «Йорктауна». Тысячи похвал были высказаны устно и письменно в адрес профессионалов — капитан-лейтенанта Д. Уорлдрона, Д. Гэя, лейтенантов С. Стронга, Ч. Ирвина, С. Вейтаса, капитан-лейтенанта Д. Ли. Рядом с ними вынесли сущий ад Р. Корри, Ф. Габрески, К. Кэн-

филд, Ф. Уайт, истребитель Кэри, майор Парк и подполковник Каймс, ведущий торпедоносец Эрнос и многие другие, чьи имена остались в истории морских баталий.

Их боевой опыт, выдержка, разработка ведения воздушных боёв над Великим станут путеводителем для будущих асов белозвёздной авиации — Р. Бонга, Дж. Фоса, Р. Хансона и Р. Хэрмера, Д. Маккембелла, Г. Бойнингтона и Т. Макгвайра. Они воспитают новую плеяду, касту небесных орденоносцев, всегда поддерживаемых генералитетом ВВС Г. Арнольдом, М. Майлом, Г. Дэвидсоном, Д. Кенни, К. Спаатсом, Р. Шулгеном, самим президентом Ф. Д. Рузвельтом, требующим постройки 60000 самолётов в год, часть их которых шла нам по Ленд-лизу через Атлантику и перегоночный маршрут Аляска—Сибирь. Забыть доброту невозможно...

...Последним оплотом, дравшимся всеми калибрами и типами самолётов, волею судьбы станет «Хирю» — флагман контр-адмирала Т. Ямагути. Участник Гавайской операции, причинивший огромный ущерб флоту США, авианосец представлял собой 2-ю авианосную дивизию, входившую в «Кидо Бутай» Т. Нагумо. Корабль 1937 года рождения олицетворял собой авианосный тип нового поколения, располагая арсеналом в виде 73 бомберов-торпедоносцев «Накадзима», пикировщиков «Айти» и истребителей «Зеро-сэн», более известных под английскими именами «Кейт», «Вэл» и «Фишер». Почти 228-метровый корабль водоизмещением 20250 т. двигали 153000 л.с., «рождаемых» четырьмя турбинами. При ширине около 23 метров и осадке 7,7 метров «Хирю» развивал 35 узлов полного хода при дальности действия 10300 миль (больше, чем «Кага» и «Акаги»). Мощь стволов измерялась двенадцатью 127-миллиметровыми орудиями и 28 пулемётами калибра 25 мм. Экипаж был внушительным — более 1100 человек, присягнувших Империи.

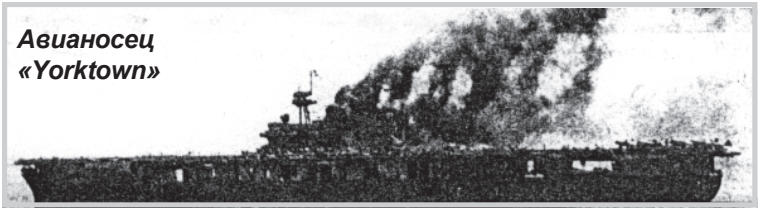
Взлётно-посадочная палуба не составляла единого целого с корпусом и поддерживалась в корме и на носу на пилонах, причём надстройка нашла своё место по левому борту. По вопросу с авиаматчастью важно заметить, что 16 самолётов из вышеназванных требовали сборки по ходу плавания, т. е. числились резервными. Авианосец был оборудован тремя самолёто-подъёмниками и двумя горизонтальными выхлопными трубами, размещёнными под палубой на правом борту.

21 истребителем командовал старший лейтенант С. Мори,

пикировщиками — старший лейтенант Р. Кикути. Главе авиагруппы Ё. Томонага вменялись обязанности ведущего в ходе атак и охранения, а капитан II ранга Кавагути отвечал за состояние палубного дивизиона.

Сотни вылетов совершили истребители и торпедоносцы, неся смерть и разрушения ещё до мидуэйских вод. Контр-адмиралу Т. Ямагути было что вспомнить: учился в США, был военноратташе в Берлине и Москве, встречался с военной элитой многих стран и крепко дружил с главнокомандующим Объединённым флотом И. Ямамото. Его уважали и ненавидели, ценили и недолюбливали как в морских, так и сухопутных кругах. Он познал винтовую «нарезку» судеб, изучил хитросплетения дипломатических шагов, но зная, что вода и небо — друзья и враги, больше находился в своей стихии, отстаивая линию сильного флота.

Командир «Хирю», капитан II ранга Т. Каку, внимательно слушая собеседника, помнил о его аристократическом происхождении, как и о знаменитом портсигаре с четырнадцатилепестковой хризантемой. И вдруг, словно барабаны инквизиции, донёсся угрожающий гул, улетучивший ностальгию по префектурам. Вражеские самолёты произвели заходы с носовых и кормовых курсовых углов, начав бомбометание и торпедирование. Тротиловая масса смерти, подняв на дыбы океанскую воду, пока не дошла до авианосца. Прижатая налётом, спружиненная команда вращалась на износ, готовясь ко второй атаке, а зенитчики с крейсеров и эсминцев без продыха вели отражающий огонь, помогая воздушному охранению. Техники падали, спеша доставить боеприпасы. Лётчики на палубе, словно в тетиве ожидавшие приказа командира, услышали его крик и стартовали курсом на американские корабли. 18 пикирующих «Айти» в сопровождении шести «Зеро», мелькнув красными кругами на крыльях и фюзеляжах, взлетели и шустро скрылись в облаках. Они, действительно, оказались асами, когда восемь самолётов вышли на смертельное рандеву с соединением неприятеля. Янки сразу и наве-



Авианосец «Yorktown»

ки приводнили двух прорвавшихся смельчаков. В этот момент шестёрка с «Хирю» молниеносно обрушилась на «Йорктаун», подожгла и повредила его. Команда сделала невозможное, в сжатые сроки и под огнём ликвидировав очаги поражения. Зенитчики сбили 16 самолётов из 24-х взлетевших японских машин, однако «Йорктаун» получил три попадания и с негодной полётной палубой вышел из боя.

Донесение гидроразведчика о близком нахождении «Энтерпрайза», «Хорнета» и «Йорктауна» даже при соотношении сил 1:3 не охладило пыл зачинщиков бойни на Тихом океане. По приказу Т. Нагумо и Т. Ямагути в 13.00 во вторую атаку были брошены 16 самолётов — всё, что могли собрать от авиагруппы «Хирю». Они летели так низко, что казалось, пропеллеры вот-вот подкинут вверх брюхом какую-нибудь верховодную рыбу или случайно сами летуны забарахтаются в волнах. Восемь самолётов из этой группы не вернутся — сгорят и затонут...

Т. Ямагути

Теперь вместо колоды козырных карт у Т. Ямагути было 8 самолётов: 5 бомберов и 3 истребителя. Перед строем героев Японии он выяснил, что противник потерял 8 машин, что торпедирован авианосец и повреждён крейсер. И всё-таки адмирал, находясь на линии огня, видел бой в двух измерениях — в бинокль из нормального положения и в перевёрнутый бинокль. Он переживал за участника походов Кобаяси, за судьбы матросов и офицеров.

Отход на север не удался. После полудня «Хирю» настигли около 80 самолётов, сбросивших на него почти сотню бомб и торпед. Шесть бомб достигли цели, но корабль не потерял хода, плюс Ямагути решил атаковать в сумерках.

В это время дюжина самолётов с «Энтерпрайза» и «Хорнета» осуществляла спирально-кинжальный натиск с трёх заходов. Четыре бомбы угодили в «Хирю»: две в центр и пара — к носу по левому борту.

Герои Мидуэя. Среди них адмирал У. Хэлси и начальник штаба М. Браунинг.

Страшный пожар охватил переднюю часть, дополняя свой «аппетит» разрядами боеприпасов и горючего. Дым, как дёготь, встал стеной над палубой, он проникал всюду. Заклинило машинное отделение, люди задыхались, варились заживо, тонули в воде и горячем мазуте...

К половине десятого вечера «Хирю» превратился в огромный факел. Вода проникла в отсеки, кубрики и каюты, в котельное отделение. «Летающий дракон» стал. Рули, противопожарное оборудование вышли из строя, умолкла связь, как будто кто-то сверху приказал: «Стоп, машины!» Ещё немного — и авианосец дал крен, достигший 15°.

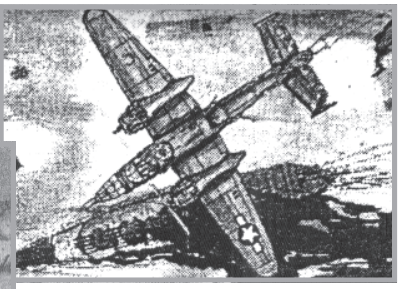
С тяжёлым сердцем Ямагути известил Нагумо о решении: «Команде «Хирю» покинуть корабль», ибо считал, что только он ответственен за гибель 2-й авианосной дивизии. Около восьмисот человек экипажа слышали слова командира, пожелавшего остаться на корабле вместе с Т. Каку до конца. Вскоре команда перебралась на эсминцы «Кадзагумо» и «Югумо». В шестом часу утра 5 июня капитан I ранга Т. Абэ торпедировал «Хирю», выполнив завещание-приказ адмирала...

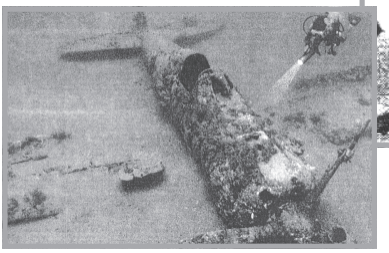
«Хирю» затонул, унеся на дно 418 жизней, о чём будет долго молчать цензура эры «Сёва» под штандартами Хирохито. Американцы, развив успех, преследовали отход японцев и потопили крейсер «Микума», сильно повредив крейсер «Могами», эсминцы «Таникадзэ» и «Арасио», а также транспорт «Акэбоно Мару». Лишь провидение спасло пятитысячный десант. Японцы потеря-

ли 3500 человек, 4 авианосца и 253 самолёта. Страну охватил траур, она захлебнулась в рыданиях...

Так, ценой потери 307 человек, 150 самолётов, «Йорктауна» и эсминца «Хамманн», потопленных субмариной И-168 кептэна Танабэ, союзники СССР в войне с антигитлеровской коалицией обеспечили тыл Дальнему Востоку и вынудили противника перейти к обороне...

Выживших и только призвавшихся ожидали три года сложной, большой океанской войны, преступно увенчанной атомным вандализмом в Хиросиме и Нагасаки. Наверное, то была Небесная Кара за бесчинства захватчиков в Китае, Маньчжурии, Ост-Индии и Французском Индокитае, на островах Индонезии, Океании, у берегов Австралии и Мадагаскара.





YAMATO

Май — июнь 2002 г.
Орёл — Москва — Орёл,
«Путевые заметки».

МАТЬ-И-МАЧЕХА

В детстве, бывало, бегаешь по луговинам и оврагам, валяешься в травах, утопаешь в тончайшем запахе цветов, а потом сорвёшь лист, похожий на кленовый, одной стороной приложишь к горячей щеке — холодно, приложишь другой — так и чувствуешь, что кто-то в этот миг приласкал тебя. Так было легко и мило. Мать-и-мачеха… Никто не вникал, не задумывался о том, почему два слова пишутся через чёрточку, и только детской интуицией понимали, что тепло — хорошо, а когда холодно — плохо.

Почему я вспомнил об этом? Случаем этот факт не назовёшь, сенсацией тоже. Но вот с чем пришлось мне столкнуться в сельской школе.

Был у меня в классе Алёша Цветков. Парнишка разбитной, а ленью зарос, как старый пруд ряской. Двойки против его фамилии в журнале толпились, наступали одна на другую. Как с ним быть, что с ним делать я не знал, кроме того, не знал хорошо и ребят, учил которых всего лишь неделю.

— Познакомитесь со всеми на классном часе, — сказала директор, женщина пожилая и одинокая.

Знакомство наше началось. Я рассказал о себе.

— Я с бабушкой живу, — ответила Таня Морозова, тоненькая, как стебель щавеля. Руки её почему-то были в чернилах, как будто она писала пальцами.

— А где же отец и мама?

Девочка, густо покраснев, ничего не ответила. Класс, по непонятной причине, слегка зашумел. Когда очередь дошла да Алёши Цветкова, он поднялся и, склонив голову к парте, буркнул:

— Отец у меня и братья.

— Мать ещё есть у него, Владимир Сергеевич! — почти хором крикнули ребята.

— Не мать, а мачеха… — поправил Цветков.

— Она мать вон Таньки Морозовой. — Та сидела ни жива, ни мертва, тем более я сам был сбит с толку этой странной и неожиданной для меня развязкой.

Домой я шёл не торопясь, обдумывая происшедшее. Невидимая на первый взгляд трагедия детских сердец взволновала меня и в таком виде появился на пороге.

— Ай, случилось что-нибудь? — спросила хозяйка, заметив, видимо, беспокойство на моём лице. Я обо всём рассказал. Она в свою очередь поведала мне вот что…

— Катюху Морозову я давно знаю. Ещё в детстве по буграм в лапоточках бегали. Что молонья. Бывало, когда в девках ходили, всем ребятам головы замутит. А на святой неделе… Бусы горят. Сама в лентах этаких, как радуга. Проплывёт в пляске перед носом ребят — у тех аж глаза искрятся. Женихи к ней из других деревень приходили, случалось и на тройке прикатывали. Всё выбирала. Правду скажу, девки, да и я сама в зависть бросались…

Перед войной засватали. Свадьбу сыграли. Загляденье! Звон бубенцов с неделю в ушах стоял. Откуда мёды-вина повыкатили?! Но не повезло Катьке. Через полгода или месяцев через семь забрали её Ивана. Говорили, на Соловки. Вроде он цкист какой-то был и к делу кулацкому причастен. Отец его мельницу до колхозов имел. Она к своим перешла уже тяжёлая…

Вскорости и родила малого. Подтянулась немного, строже стала. Горевала по мужу. Сам понимай, кровь молодая, горячая. Ей застой вреден.

Ходила я к ней. Кружева вязали, подсолнухами сорили. Голосит, бывало. Эх, мол, девки, зря завидовали…

Тут, как на грех, всё на неё навалилось: сынишка помер от младенческой, а Ивана лесиной придавило. Письмо товарищи прислали.

Кое-кто и обрадовался этому случаю. Стали гости появляться, вроде посочувствовать. Ну и как бывает в молодости — погорюешь, погрустишь, а жить всё-таки надо…

Гармонист наш, Афоня, ох и бес, по пятам так и ходил за ней. Она — косить, и он — косить! Она — скирдовать, и он — скирдовать! Парень он неплохой был. Чернявый, худощавый,

вёрткий, что юла. И не только умел пальцами бегать по пуговицам гармошки. Дело знал!

Одна беда — пьяный был нехороший. Репей!

— Уведёшь ты от нас музыку, — шутили мы.

— Ничего не поделаешь, — отвечала Катюха, — другого заведёте. Афонька пусть теперь на моих нервах играет…

Повеселились после выпивки да и счастья пожелали. А счастье-то скоро всем выкатило. Будь оно трижды проклято!

В Заречье мы косили, возле Белого колодца. Трава — по пояс, сочная. Перепела — ну шагу не шагнёшь, то здесь, то там вспархивают. Глянешь на ряд — перина. Помню, мы лишь водицы испить наладились, глядим — бригадир к нам летит навстречу. Конь на дыбы, а сам дух перевести не может. Взъерошенный. Рубаха прилипла.

— Война! — говорит. — Немец напал… — Мы в голос. Мужики к сельсовету хлынули. Цепляемся. От них не отстаём. А дня через три, утром, мужиков всем селом провожали. Гармони. Слёзы трезвые и пьяные… Афоньку тоже забрали. Ох и резал на прощанье — не слыхала от него игры такой до этого, точно, знал, что играть ему больше не придётся…

Не успели слёзы просохнуть — немчура пожаловала. Тут и охвостье нашенское хлебом и солью их встречало. А им кур да молока подай, а там и девкам покоя не стали давать. Животами наградили многих…

А войска шли да шли. То зелёные, то чёрные с засученными рукавами, при автоматах. «Стеньку Разина» на губных гармошках наяривали, черти…

Как-то в воскресенье всех в церковь согнали. Начальник ихний пришёл, чёрный паук на рукаве. Лопочет что-то, аж повизгивает, как грешная баба, которую мужик за позор дубасит. Батюшка тут. Староста. Бороду успел отпустить. Розовый. Откашлялся и говорит, что в Германию должны ехать работать девки и здоровые бабы. Я в то время Николку в себе носила. Как раз месяца полтора оставалось… И что ты думаешь? Опустело село. Катя тоже в этот список попала. Поголосила, поголосила — время боль сгладило.

После войны потихоньку люди возвращались. Одни погибли. Часть затерялась. Всех причин — не прикинешь на аршин. И однажды, едва заря глаза открыла, иду лошадь запрягать. Глянула на бугор: Боже мой! Я так и ахнула. Катька! Узелок на боку.

Дитё малое на руках… Обнялись. Я малышку взяла. «Вот, дочка, говорит, у меня. Таней зовут. Там родилась. Мериканцы, говорит, освобождали». А сама плачет. Потом уж к нашим попали. Сколько радости и нервотрёпки было! Идёт — шатается. Худющая, худющая — еле платье держится, огонёк из глаз туман вытеснил… На ферму она устроилась. День и ночь там. Мать со внучкой сидела, за крохотным хозяйством приглядывала. Встретишься, бывало, — разговаривать некогда! «Катька ты, Катька, — скажу, — куда наша молодость делась?» Она улыбнётся такой мученой улыбкой и ответит: «Горе, Нюрк, горюшко съело.» И пойдёт себе, ветер того и гляди её повалит.

Танюшку любила, души не чаяла. Выкроит времечко — всё с ней да с ней. То ли от этой любви, то ли от родного воздуха посвежела вскоре наша Катя. Косьба началась. Хоть и тяжело, но как-то весёлось на лицах появляться стала.

Вместе собирались. Поплачем, пожалуемся друг другу, пошутим, не без этого. Вдов-то много осталось. У одной Катьки что ль жизнь была разбита? У некоторых по пять-шесть гавриков держалось за материнскую юбку.

Первым на селе появился Андрюшка Цветков, что через пять дворов жил от неё. Раненый. Без руки. Ухаживал за Катей когда-то. Потом Егоров зять пришёл, Матрёнин мужик, мой сосед и другие. Будто свежим ветром подуло. Бабы наши отпрянули. Головы подняли.

Катюша с Танюшкой всё под вечер на взгорок выходила, думала, может быть вернётся без вести пропавшее счастье. Возвращаясь, ко мне заходила. Погасшая. Прижмёт девчонку к себе, голосит. Одна ты, говорит, у меня для любви осталась. Весь огонь мой в тебя на чужой земле перешёл… Она с военнопленным из Рязани дружбу вела, когда у немца работала. Кто ж знал, как жизнь дальше сложится…

Как-то навеселе Андрюшка к нам заглянул. От семьи у него трое ребят осталось. Лёшка — последний…

Поговорили, часок в карты поиграли. Потихоньку привязывалась к нему Катюша. Дальше — больше. Прибегает однажды розовенькая, то ли от волнения, то ли от радости. Нюрк, говорит, выручай!

— Что выручать-то? — спрашиваю. А она не осмелится. — Ну что, что?

— Эх, Нюрка… Андрюшка хочет, чтоб я хозяйкой у него была.

— И что ж ты думаешь?! Мужик он дельный. Пчёл держит. В самогончищу не ударяется. Дети у обоих. Жить будете…

— Да не спеши ты! — оборвала она меня. Он хочет, чтоб я девку у матери оставила. А своего старшего Андрюшка решил бабке в помощники отдать… Без девки-то как я буду? Она уже смышлёная стала. Не могу, ой, не могу! Сердце разрывается!

— Не знаю, Кать. Заварили кашу — расхлёбывайте. В жизни-то как бывает? Скажешь так, а выйдет сяк. Ищи виноватого. Подумай да и решай сама. К берегу причаливаться надо. Лодка без лодочника — не лодка. Смотри, Кать, сама.

Она в слёзы. Мужиком, говорит, я стала без мужской ласки, загрубела. Привыкла к Андрюшке. Пусть бабы судят. Пойду. А Танюшку свою, кровиночку свою, в беде не оставлю. И ушла. Решилась. Девчонка у бабки осталась. Пусть Бог судьёй будет…

Живёт Катька. На две стороны разрывается. Своё дитё, как ни говори, жалко. Ча-асто к матери заходила. А там, на радости что ли, от долгой тоски затяжелела. Сына принесла. Ближе друг другу стали. Кровь-то общая. Реже Танюшку стала проведывать. Заботы новые. Всё ребят Андрюшкиных приласкать хотела. Старшие ничего. А последний, Лёшка, всё на своём стоит. Норовистый. В мать-покойницу. Хоть всю душу выложи — неслух отпетый! Говаривала Катюха при встречах:

— И гостинец ему несу, и так дома кусочек стараешься дать получше, приласкать хочешь… Нет. Ёжик да и всё! Невезучая я, — скажет, смахнёт слезу, пригласит в гости и отправится домой, часто оглядываясь назад — не бежит ли за ней Танюшка…

ТАК БЫЛО…

(Послевоенные годы)

Хрипел помятый репродуктор,
Нечётко слышались слова,
О том, что цены на продукты
Снижала матушка Москва.

Светились высохшие лица,
Шли разговоры без конца:
Своей заботою столица
Лечила души и сердца.

СОН ГУБЕРНАТОРА

«Доброе дело и искренняя,
душевная инициатива во всём —
премируется бессмертием».
Эссе «Зов горизонта», 1988.

Глеб Иванович Ёлкин — добрейшей души человек, избранный народом на высокую должность губернского правителя, по не понятной ему причине ни с того ни с сего захворал.

Освободившись от пут резиденции, лгущих секретарей, помощников и массы прилипал к его имени и заслугам, Глеб Иванович ушёл вчера с работы пешком и был счастлив, что город растёт, а жители и гости губернии ему улыбаются.

Пройдя к дому не менее трёх километров, он никак не ожидал того, что соберёт своим поступком столь обширную уличную толпу. Здесь были все, и — как назло — все объединились в одно целое, представляя тех, кто нужен и даром не нужен. Однако губернатор был действительно с большой буквы и как человек-растение думать не мог...

Объевшись заграничных явств и отсмаковав все виды спиртного, многие из нагло-сытой богемы уже хамили, выкрикивая непристойности и требуя отсоединения губернии от Империи.

Ёлкин молчал. От отца он унаследовал этот великий дар — умение слушать человека, — не притворяться слушателем, а именно слушать. Из часа в час, изо дня в день, из ночи в месяц и месяц и так далее десятилетиями, он слушал и слушал, не замечая того, что сердце его превращается в губернский аккумулятор жалоб, несчастий и радостей. Он давно переступил тот порог, когда кто-то впопыхах, по ошибке, мог окликнуть, не зная его: «Молодой человек!», и заметно стал уставать, чувствуя в себе всёвозрастающий рост нервного переутомления и физического истощения.

Внутренняя боль была внесена в его организм древнейши-

ми способами — элементарно. Сетка болезни забрасывалась завистниками, врагами, друзьями, знакомыми, и сами они — те и эти — не понимали того, что когда-нибудь наступит черёд оплаты долгов. Тех долгов, что не имеют счетов — долгов здоровья, чести, памяти, дружбы, науки, культуры, долгов праведности, религиозности, наконец, уважения друг к другу...

Каждый день в тоннаже документации, в эмоциональных и официальных встречах, в ажиотаже поездок и ворохе отсеянных пресс-службой писем его преследовал страшный зверь под именем «ДАЙ!»

Это чудовище — дальнозоркое и слепое, наглое и добрейшее, лживое и правдивое, массовое и эксклюзивное, жестокое и милое, вредно-коварное и преступное, мстящее и льстящее — «ДАЙ!» — находило немыслимые лазейки в и без того расстроенном народном общежитии. Супермонстр мог прикрываться войной, болью, гневом, роднёй и её телом, трагедиями, радостями, счастьем и ужасом, потерями и драгоценностями, женьшенем и ядом заради одного: чтобы Ему д а л и...

Ёлкин, не зная того, родился в рубашке. Он имел пророчески-ясновидящее чутьё, знал траекторию взлётов и падений, трепетно чтил Землю, вотчину и всех предков без исключения. Понимая значение слова, он любил людей, как завещала ему мать, уважал Веру и верил в Веру людей, старался изо всех сил, хлопоча о народе перед Верховным Правителем.

С тех пор, как седина сжала виски, а потом полностью обелила голову Глеба Ивановича, метеорами сгорели десятилетия. Несколько Верховных Правителей, Главных цензоров и прокураторов легли на покой, не сделав для жителей Большой Родины абсолютно ничего, кроме безостановочного Горя...

И вот сегодня, держа речь перед народом в его защиту, проводя линию не краснобайщины, а конкрет-

ных дел, Ёлкин говорил с людьми, хотя уже было далеко за полночь. Ему очень хотелось, чтобы его поняли, что кроме «Дай!» существует ещё и «Отдай!» — полярная сила на чаше весов Добра и Зла. Не вышло; толпа неистово продолжала реветь: «Глеб Иванович, дай!», «Глеб Иванович, выручи!», «Глеб Иванович, спаси!», «Глеб Иванович, защити!» Синонимы, сотенные преобразования «ДАЙ!» рвали его душу, мозг, сердце, били по перепонкам ушей и слепили глаза и, казалось, что эхо над площадью повалит статую последнего инквизитора...

Больше говорить о росте самосознания нации административный лидер не мог. Вежливо пожелав спокойной ночи наэлектризованной публике разных сословий, вероятно, подумавшей, что губернатор ряженый или напился для «аттракциона», он, не зная сего, но догадываясь, вошёл в собственную квартиру, не заметив, что одна из старух съела его глазами и бросила в ноги чёрную кошку.

Он жил один. Ему невесть с чего, как малышу, которому не купили велик, хотелось плакать. — Почему они такие? Каждый из них рождён для мощных, хороших дел... Вроде как сыты, одеты, деньжатами, как могу, всячески помогаю... Неужели всё повторяется — одна белковая оболочка... базарно-валютное, эротично-предметное быдло... Зачем мучаю себя? Молчать надо, не видеть, иначе не выдержу. А доктор прав: «Сон — великое лекарство»...

Он заснул мгновенно, — свежий воздух при эмоциях и красноречии сделали своё дело. В эту ночь ему приснилось, что с завтрашнего дня в Империи будет введён закон Всеобщего равноправия, братства и уважения, закон, освободивший нации от сора — бумажек и железок, за которые убивают. Безмятежно похрапывая и улыбаясь, Ёлкин спал не ворочаясь, видя то, что позднее назовёт «сон с небес».

...Он стал Верховным Правителем и отменил все кодексы. Он один — Глеб Иванович Ёлкин — разрушил тюрьмы и отменил госграницы, разрешив народам и расам обмениваться на время детьми, чтобы в их взрослых головушках не зарождалось желания хвататься за курки и рычаги той или иной изрыгающей смерть машины. В его правление разыщут Атлантиду, найдут новый вид безвредного топлива, а уничтожение ядерного оружия даст возможность официальным приземлениям звездолётов Великих Цивилизаций ИКС-Галактик. Гуманоиды из других Вселенных, осво-

ившие бесконечность — помогут увеличить жизнь Человека, излечат Землю от озоновых дыр и загрязнений Мирового океана...

— А сколько экзотических птиц и зверей привезут они с собой, — сладко мнилось Ёлкину. — И кругом цветы, цветы, цветы вне сезонов, улыбающиеся безболезненные лица и счастливые дети, и слово «война» становится безумным анахронизмом...

... Утром за ним бесшумно подкатит лимузин, устало окружит, в принципе, ненужная охрана. Он промчит с кортежем как это было 15, 10, 5 лет назад, но только не так, как вчера, когда он, маленький губернатор, полночи провёл с народом.

В этот же день, в возрасте 85 лет, он застрелился по неопределённым мотивам. Узкий круг приближённых решил, что Старик выжил из ума, судя по его предсмертной записке:

«Я не могу жить для того, ради чего живёте вы. Честь имею, и больше ничего не дам, кроме как хлопот по панихиде. Черкните на камне: «Здесь упокоился от невежд преступного века добрый человек Глеб Иванович Ёлкин».

* * *

Спустя 10 лет губернию разворовали и затравили, частично уничтожив род Ёлкиных. Пришёл голод, эпидемии, сонм пороков и две неизвестные доселе вирусные болезни. Верховным Правителем стал захвативший власть демагог, выдвинувший теорию национализации и исключительности расы. Инопланетяне приземлялись, но не вступили в контакт Дружбы и в этом тысячелетии. Накопленное оружие готовилось к выходу. Озоновые дыры расширились. ДАЙ временно победил, но в пещерах Тибета уже ожидал Хозяина двухпудовый меч, который вскоре навсегда отсечёт мерзости голову...

Предсказание Небес свершится, и все честные люди обретут себя в новом облике и измерении.

БУХГАЛТЕРА

— О нас не пишут. Давят нас вериги.
— Отчёты часто мы берём в дома...
— О вас напишут следственные книги,
Кому с брошюру, а кому с тома.

Ситцевый полог

Льёт бесконечный серый дождь. Сыростью пахнет в доме, даже перина стала немного волглой. Сумерки стояли недолго, потом наступил непроницаемый мрак, словно весь дом окунули в чёрную тушь. Он лежит с открытыми, ничего не видящими глазами, и только ухом фиксирует едва уловимые шорохи и звуки.

Вот и сонный щегол потёрся клювом о жёрдочку и опять затих, у стеклянной глади окна назойливо мечется муха.

За ситцевым пологом вздохнула, потягиваясь, молодая хозяйка. Муж её в Архангельске зарабатывает лес для нового жилья. Когда-то они были соперниками. Оба умирали по Катьке... А сейчас, волею случая заглянул к ним Сергей с неудачной охоты проведать, так и остался.

— Кать, ты довольна, что за Петра вышла?

— Что-то тебе взбрело, — послышалось из-за полога.

— Так... О тебе думаю...

— Обо мне думать нечего. Спи давай! Я тебя, лешего, знаю. В чужой постели затискаешь.

— Нет, Катенька, отгорел. Пусто на душе, как в поле.

— А ты и тогда полным не был. Всё бы губы, как телёнок выпячивал, да руками по девичьим грудям шарил! Ведь меня, бывало, вымучивал до колик.

— Бывало... — Он сам себе улыбнулся.

— Настораживал ты меня. Зыбкий был. Со мной на кругу танцевал, а Маняшу Устинову в мягкий бочок поталкивал. Думаешь, я не видела. Сквозь землю увижу, когда полюблю...

— Значит, любила?

— Страдала... Себе-то, поди, кралю сыскал в городе?

— Холостяк.

— Тебе ли по этой части сводню иметь?

— Глазастый я. Ты права. Да иголку в стогу легче найти, чем девку.

— Ты бы не терял. В нашем краю у тебя их было — пальцев на руках меньше. Что пенять на мир, если сам сир...

— Сир. Это верно. Раньше-то как — и я губами тянулся и девки. Горячо было. Туманно... Всё впереди. А теперь-то поцелуй по-разному расценивают. Для молодых — постарел, для ровесников — о достатке спрашивают: зарплата какая, есть ли квартира или там книжечка сберегательная.

— Неужто об этом сразу?

— Почему же? Издалека, издалека, милочка. Я тоже, ведь, стал осторожным. В голове-то теперь не талия девичья...

— Ветреный ты, Серёг, ветренный. Так и гнезда не совьёшь. Брал бы Маняшку...

— Опоздал я и к ней. Твой Петя когда-то её умаслил.

— Не бреши!

— Ей-богу. Мне-то что от этого... Ну, спим! Устал я сегодня...

Она лежит за пологом горячая и взвинченная. Ей хочется говорить, даже разбудить, растолкать его за плечи, позвать к себе.

Но ситцевый полог так тёмен и тяжёл, как будто вобрал в себя всю массу дождя.

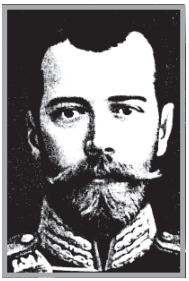
ПОЭТЕССЫ

О, как они болтливы на стихи!
От них Олимп стал просто незаметен.
В чужие так вливаются грехи,
Что падают до низкопробных сплетен.

Спят по лаврам
Святые ушедшего века,
Живота не жалевшие во имя Христа.
В новом храме
Отвыкшие от божества —
Жадно ловят в апостолах дух человека.
Луч Творца возвратился сюда...

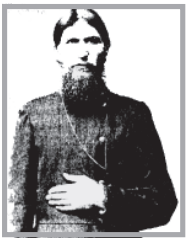
Дневник поэта «Поругание вечности».
60-е годы XX века.

...Когда в 1917 году грянула великая октябрьская революция, известившая полушария выстрелом «Авроры», которую честнее было назвать «Бедой», никто и не предполагал, что с падением самодержавия братья-дворяне схлестнутся в жесточайшей сече с братьями-простыми мужиками. К чему привела надуманная революционная ситуация (см. 55 томов) — эта горе-



Николай II

мычная из горемычнейших трагедий нашего Великого, однако, заблудшего народа — болезнейшим образом стала известно массам лишь к закату 20-го столетия. Величайшая авантюра истории под прикрытием «добропорядочности» по отношению к «малым» смертным, к глубочайшему сожалению, привела к тому Ужасу, что до сих пор не осознан религиозными конфессиями и псевдонаучными флюгерманами атеизма...



Г.Е. Распутин

Разорванная, истощённая, голодающая, овшивевшая, изнурённо-порочная Россия потеряла свой многовековой праведный лик,попав в жесточайшие руки эмигрантов-большевиков и под страшный гипноз их лозунгов, открывших путь идеологическому глумлению над всеми слоями общества, независимо от расовой принадлежности и установившихся форм вероисповеданий, необходимых народам ежедневно как воздух, вода, хлеб, солнце, как продолжение рода во благо его жизни на Земле...

А.Ф. Керенский

Катастрофичность событий на фронтах Первой мировой войны сорвала строившуюся веками дамбу терпимости, что привело к подрыву народного возмущения на гражданской мине, а также к беспощадно-противостояниям Юденичу, Корнилову, Деникину, Колчаку, Врангелю, Махно, Дутову, Энвер-паше, Сейиду Алим-хану, Унгерну, разномастным интервентам и многим другим, не посмевшим поднять головы и оружие при главной опоре — Императоре Николае II.

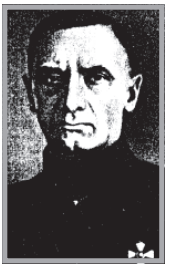
Н.Н. Юденич

А.И. Деникин

Л.Г. Корнилов

П.Н. Врангель

Н.И. Махно



А.В. Колчак

А.И. Дутов

Р.Ф. Унгерн

Сейид Алим-хан

Да, внешняя и внутренняя политика самодержавия была крайне ошибочной, где-то антинародной и, вероятно, фальшивой, но глупо было бы забывать о Гришке Распутине и попе Гапоне, коему верующие с большим удовольствием отбивали бы щелчки, — как Балда из пушкинской сказки, и не допустили бы тех грехов, что имели место в жизни князя Ф. Юсупова и депутата Думы В.М. Пуришкевича. И вот на фоне последующего демонического хаоса и мародёрства, даже при микро-проценте истинных патриотов от Красной Армии и Флота — верующих соотечественников — заметим, что тем, кто находился по ту сторону баррикад, чистым и грязным на руку, интеллигентам, священнослужителям и далёким от них мещанам оставалось одно: бежать...

Куда? К кому? Для чего и зачем? Почему и ради кого?! Ответы на бесконечные вопросы для большинства пройдут через дуло к виску или в рот; другие погибли в пути, а те страдальцы, что любя Россию, остались терпеть с нею муки — позднее подводились к реям, обрывам и ямам.

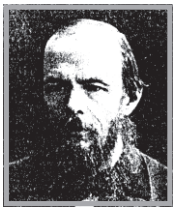
Помните Хлудова, Сашу Брусенцова, «Сорок первый» реалиста Лавренёва? Мы уж помолчим о документальных лицах, творивших историю вопиющим братоубийством, которое изничтожало напрочь высоты духа и воли Общероссийского трудолюбивого населения. Да и «Тихий Дон» далёк от штилей зорь — Шолохов, как бы новые идолопоклонники не покрывали его грязью, высек кровопад потоков простейшим слогом! «Окаянные дни» борца за правду воронежца Бунина, буквально вчера униженного на Родине новым витком «бунинианы» при пустозвонстве — это ещё мягко сказано; бег проклятой самой собой нации превратится в

окаянную дистанцию не промерянных никем трагедийных миль с последующим многолетним стартом во сверхокаянную эпоху, о которой и не мечтали — Батый, Герман фон Зальц, Карл XII и Наполеон...

6 августа 1921 года Иван Алексеевич, рвя душу, оставит потомкам: «И как надоела всему миру своими гнустями и несчастьями это подлая, жадная, нелепая сволочь Русь!» А разве ждали сонмища осиротевших и обездоленных — Анкара, Стамбул, Константа, Берлин, Париж, Рим, Иерусалим, Харбин, Шанхай, Токио, Сан-Франциско и Нью-Йорк??? Чужие далёкие страны и города...

Кто их гнал в никуда? Конечно, иностранные ножи революции — бронштейны, бланки, землячки, рейснеры, дзержинские, эйдуки, саёнки, шварцманы, розенфельды и несостоявшиеся вундеркинды извращённого ими же марксизма, не желавшие работать лопатой на собственном огороде, круглогодично пачкаться в навозе из-за здоровья животинушки и по 12 часов стоять у станка, вытачивая «болванки» войны.

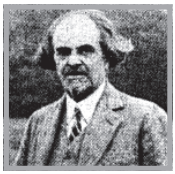
Расследование данного момента всероссийской истории — захвата власти изучившими Веры высокообразованными бесами — не имеет освещения ни в одном из учебников новейшей истории, хронически и продуманно разлагаемой нашей в бытность Великой державы. Революционеры прибыли сюда не только для того, чтобы построить новое государство с нечитаемыми аббревиатурами для крестьянства и рассчитаться с потомками Владимира Мономаха, пророчески предсказавшего падение страны в случае госпереворота во главе с иностранцами. Психологически верно рассчитав посулы безграмотному народу, жаждущему свободы, они привезли с собой динамит для будущей репрессионной войны с родным населением, — войны, погубившей своими осколками не менее 50% их самих вместе с семьями...



Ф.М. Достоевский

И.А. Бунин

М.А. Булгаков



Н.А. Бердяев

М.А. Шолохов

А.Н. Вертинский

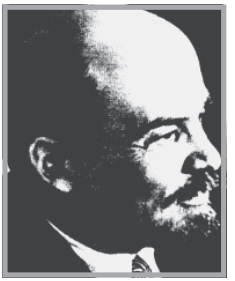
Пока динамит был еще сырым, а новая партаристократия наслаждалась возможностью понежить себя видом золотых штабелей рублёво-валютного запаса России — её сыны, чьи пращуры создавали сие — бывшие дворяне, белое духовенство, баре, князья с армией почитателей вошли в измерение душевных мук, попав в тупик вопросов, поставленных перед ними капитал-владыками зарубежья. Те, кто выжили, в позоре и унижении не наложили на себя руки, слёзно ставили зеркально-сверкавшую мембрану патефона с новенькой острой иглой совсем не для того, чтобы посмаковать буржуйные песенки. Наглядный пример — потрясающий по откровению репертуар «Печальныя песни Александра Вертинскаго»...

Была, надо сказать, ещё одна «проблема» — Внутренняя война новых инквизиторов с христианством Руси, проводимая под девизом «Религия — опиум народа» (идеологи не заметили, что сбросив «опи» остаётся УМ). Забыли они и о том, чему учит Евангелие от Марка (гл. 4:22):

«Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным: и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу».

Однако ЧТО могли бы сказать ясновидящие и пророки, прорицатели, мудрецы и святые старцы, узнай они о приводимых ниже устрашающих и ныне фактах?!

Самым страшным проявлением «религиозности» здесь видится то, что когда в православие, католицизм, протестантизм, ислам, иудаизм, буддизм и синтоизм постоянно шёл новый приток верующих и почитателей, в это же время в России, получившей чёрное клеймо безбожников, проводился в жизнь вопиющий декрет совнаркома Ленина «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», опубликованный в январе 1918 года.



В.И. Ульянов-Бланк (Ленин)

Я.М. Свердлов

Л.Д. Троцкий (Бронштейн)

Лидеры отечественного и мирового марксизма, погибшие в основном насильственной смертью в схватках за власть.

Атеистически глумясь над религиозными вековыми канонами, «свет нации» без Отечества проявил максимум маниакальной изобретательности при строительстве гильотины былому духовному величию державы. Имена сотен «германских путешественников», среди которых русские считались по пальцам од-

ной руки, называть не будем по причине их «высококультурного» хамства и бездушья. Но и они ответят позднее перед всеми теми, перед которыми отвечают: сталинский бумеранг лишит большинства жизни, потянув в рай иль ад и невиновные семьи...

И.В. Сталин и В.И. Ленин.
«Два сокола ясных на дубу зелёном...»

Тогда же, когда ещё был жив «гений» террора, а попросту красный мафиози Камо, пополнивший бездонные карманы «девственной» партии, лидеры «свободы», идущей из-под пули, пыток и штыка, не задумывались об ударах дружеских товарищей — ВЧК, ОГПУ и по этапу т. д. — исподтишка, в затылок и спину. Развязывание рук голытьбе-лентяям, карьеристам и злопыхателям со «всемирной сумасшедшинкой» при объединении с великолепно продуманной идеологией, играющей на земельных и низменных чувствах под прикрытием плакатно-трафаретных «измов», привело к безумству трагедий задолго до взрыва Храма Христа Спасителя. Потом, более чем через полвека, его восстановят и это прекрасно, но никто из здравствующих партейцев так и не выйдет на площадь Покаяния с тремя словами: «Простите ВКП (б) и КПСС!»

В 1922 году расстрелян митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский). Причислен к лику святых.

...Под прикрытием первой б... в 1918 году в Петрограде алчные красногвардейцы пытались разграбить Александро-Невскую Лавру и убили взывавшего не совершать тяжкий грех протоиерея отца Петра Скипетрова; затем был расстрелян невиновный настоятель Санкт-Петербургского собора, один из образованнейших людей своего времени протоиерей Алексей Ставровский; в купеческой Елабуге умерщвлён протоиерей отец Павел Дернов,

безвременно ушедший вслед за тремя мучениками-сыновьями; в оружейной Туле и в столице УССР Харькове безжалостно расстреляны крестные ходы; на совести 5-го отдела народного комиссариата юстиции несмываемы-неокупаемы подлейшие злодеяния: изрубленный шашками на станции Вятка, взывавший к умиротворению епископ Дионисий Измаильский; немыслимый по жестокости расстрел собравшихся верующих при ревизии церковного имущества в Пермской епархии; три дня блюстители революционного «порядка» истязали священника станицы Усть-Лабинская Кубанской епархии Михаила Лисицына, замучив его насмерть; убиты видные представители православной церкви —митрополит Владимир Киевский и Галицкий (Богоявленский) и протоиерей Иоанн Восторгов, привечавший паству в московском соборе Василия Блаженного (Покровском), который, позднее, по слухам, «кожаные» лоббировали взорвать...

Архиепископ Орловский и Ливенский Паисий.

Преосвященнейший епископ Макарий (Гневушев) руководивший Орловской кафедрой в труднейший период истории Русской Православной Церкви, перед лицом врага воззвал к умиротворению и терпимости, за что не без подписи Свердлова был лишен общения с паствой и сослан в Спасо-Преображенский монастырь города Вязьма. Многоуважаемого Владыку, образованнейшего патриота Отчизны, арестуют в августе 1918 как «контрреволюционера». Просим читательского внимания к выдержкам из его статьи, впервые опубликованной в ...1999 году в «Сборнике Орловского церковного историко-археологического общества» с благословения Московского Патриархата. Расследующий антихристские злодеяния, неутомимый архивариус, товарищ председательствующего упомянутого общества протоиерея Иоанна (Троицкого) Дмитрий Краюхин при поддержке Архиепископа Орловского и Ливенского Паисия в союзе с малым числом помощников делают святейшее, воскрешая священномучеников истинно по словам Апостола: «...нас почитают умершими, но вот мы живы, нас наказывают, но мы не умираем...» (2 Коринф, 6,9).

По афористичному выражению «религиозного гения» XX века, замечательного ливенца, отца Сергия (Булгакова), «в России не было и нет культуры вне религии, и с разрушением её остаётся варварство».

о. Сергий (С.Н. Булгаков), переживший тиски репрессий.

Так прислушаемся к голосу солидарного с ним по многим вопросам мудрого философа и провидца Преосвященнейшего Владыки Макария, прозревшего непостижимое задолго до своего расстрела в сентябре 1918 по предательски-коварному обвинению ЧК Западной области...

«Церковь Христова и Православное русское государство, несомненно, стоят перед лицом самого страшного врага, нередко меняющего свой вид и наименование, но в существе являющегося одним и тем же. Это враг — враг христианства и всего созданного им, — это воскресающее язычество...

Нет нужды указывать те стадии, которые уже пройдены, и очень успешно врагом христианства в его борьбе с последним...

Потрясая устои христианской жизни и мировоззрения, язычество к XX веку в глазах так называемого образованного мира явилось во всеоружии и особенно ценимой привлекательности... В области государственного быта — почти полное и почти повсеместное разрушение бывших непоколебимыми и освящёнными свыше авторитетов и водворение на месте власти, Богом освящённой, — авторитета единичной личности гражданина, как высшей, непререкаемой в области законодательства и государственного строительства, причём такая фикция государственной власти, как парламент, народное представительство сведено до явного для всех нуля, ибо для всех стало уже понятным, что парламент и народное представительство есть ничто иное, как более или менее обширное поле для проявления не столько партийных даже вожделений, сколько вожделений отдельных личностей...

Механизм, отсутствие одухотворённости, высших земных начал жизни, естественно, должны были и в области морали всё низвести до такой же механической, грубой борьбы за существование, за права. Ставши на такую точку миропонимания, нетрудно уже оправдать всё грубое и жестокое и снять с человека ответственность за злобу и её проявления...

Забыто всё действительное значение науки, оставлена только форма её, так сказать, флаг; забыты интересы учащихся; приложены все усилия к тому, чтобы смешать интересы знания, дальнейшего развития ума человеческого, жизни общественной, всех сторон её с интересами идущей борьбы».

Справедливости ради важно подчеркнуть, что волеизъявление, стремление Владыки Макария раскрыть глаза народу российскому, — что ни строка — золото мышления, праведности, высоконравственности и сочуствия к заблудшим в хаосе революции, деградации собственных душ и характеров нации, попавших в мотню идеологического бредня многоликих общественных, также лживых партий, и уголовно-анархистких ответвлений, с назначением — ЗАХВАТ власти любой ценой.

Это, мягко говоря, сорнячное явление более кратко обозначено в моей книге «Шапка Мономаха», вышедшей с великими тяжбами в Орле при отеческой поддержке честного борца за крестьянство, тружеников производств, ныне губернатора Орловской области Егора Семёновича Строева. Однотомник избранного, увидевший свет в труднейшее для страны время — в 1992 году, состоит из поэм и стихотворений, среди которых имеются и такие (строки 1965 года, зацензурены тогдашними фискалами):

* * *

Бунтари! Глаза, как свёрла.
Чинно выстроившись в ряд,
Тиранию, взяв за горло,
Личной властушки хотят.

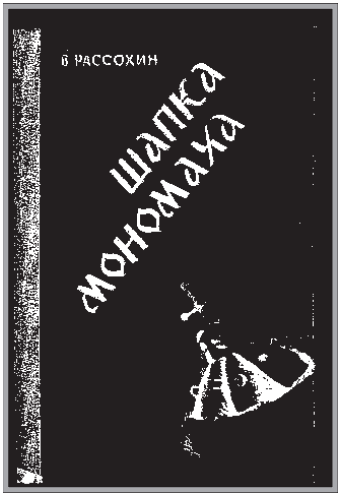
* * *

Говорят: «Печать остра!
Для властей — забота.
Мало классикам костра:
Ждите эшафота!»

* * *

Эх, костёр! Под стать заре —
Аж трещат поленья.
Почернели на огне
Новые ученья...

*



*30-тысячный тираж книги обошёл мир.

Смиренный Тихон, Божиею Милостию патриарх Московский и всея России, января 19 дня 1918 года обращается к Возлюбленным о Господе архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Церкви Российской:

«Да избавит нас Господь
от настоящего века лукаваго
(Гал.1.4).

Тяжкое время переживает ныне Святая православная Церковь Христова в Русской земле: гонение воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины, и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово и вместо любви христианской всюду сеют семена злобы, ненависти и братоубийственной брани.

Забыты и попраны заповеди Христовы о любви к ближним, ежедневно доходят до нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чём неповинных и даже на одре болезни лежащих людей, виновных разве только в том, что честно исполняли свой долг перед родиной, что все силы свои полагали на служение благу народнему. И всё это совершается не только под покровом ночной темноты, но и въявь при дневном свете с неслыханною доселе дерзостию и беспощадною жестокостью, без всякаго суда и с попранием всякаго права и законности, — совершается в наши дни во всех почти городах и весях нашей отчиз-

ны: и в столицах и на отдалённых окраинах (в Москве, Петрограде, Иркутске, Севастополе и др.).

Всё сие преисполняет сердце наше глубокою болезненною скорбию и вынуждает нас обратиться к таковым извергам рода человеческаго с грозным словом обличения и прошения по завету св. апостола: «согрешающих пред всеми обличай, да и прочие страх приимут» (1 Тям. 5, 20).

Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, — это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной.

Властию, данною нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите ещё имена христианския и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви православной (90% лжемиссионеров марксизма приняло псевдонимы и официально дало возможность перевирания собственных фамилий на 70 лет. — **Р.С.В**.).

Заклинаем и всех вас верных чад православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческаго в какоелибо общение: «измите злаго от вас самих» (Кор. 5, 13).

Гонение жесточайшее воздвигнуто и на Святую Церковь Христову: благодатныя таинства, освящающия рождение на свет человека, или благославляющия супружеский союз семьи христианской, открыто объявляются ненужными, излишними, святые храмы подвергаются или разрушению через разстрел орудий смертоносных (святые соборы Кремля московскаго), или ограблению и кощунственному оскорблению (часовня Спасителя в Петрограде); чтимыя веруюшим народом обители святыя (как Александро-Невская и Почаевская Лавры), захватываются безбожными властелинами тьмы века сего и объявляются каким-то якобы народным достоянием, школы, содержавшиеся на средства Церкви православной и подготовлявши пастырей Церкви и учителей веры, признаются излишними и обращаются или в училища безверия или даже прямо в разсадники безнравственности. Имущества монастырей и церквей православных отбираются под предлогом что это народное достояние, но без всякаго права и даже без желания считаться с законною волею самого народа. И, наконец власть, обещавшая водворить порядок на Руси, право на правду, обезпечить свободу и порядок, проявляет всюду только самое разнузданное своеволие и сплошное насилие над всеми и в частности — над Святою Церковью православной.

Где же пределы этим издевательствам над Церковью Христовой? Как и чем можно остановить это наступление на неё врагов неистовых?

Зовём всех вас, верующих и верных чад Церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой матери нашей.

Враги Церкви захватывают власть над нею и ея достоянием силою смертоноснаго оружия, а вы противопоставьте им силою веры вашей, вашего властнаго всенароднаго вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называть себя поборниками народнаго блага, строителями новой жизни по велению народнаго разума, ибо действуют даже прямо противно совести народа!

А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовём вас возлюбленныя чада Церкви, зовём вас на эти страдания вместе с собою словами святого апостола: «кто иы разлучить от любве Божия: скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или бедн, или мач?» (Рим. 8, 35).

А вы, братие архипастыри, пастыри, не медля ни одного часа в вашем духонном делании, с пламенной ревностью зовите чад ваших на защиту попираемых нынье прав Церкви православной, немедленно устройте духовные союзы, зовите не нуждою, а доброю волею, становиться в ряды духовных борцов, которые силе внешней противопоставят силу своего святого воодушевления, и мы твёрдо уповаем, что враги Церкви будут и посрамлены и расточатся силою Креста Христова, ибо непреложно обетоване Самого божественного Крестоносца: Созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолеют ей».

Какова мощность Послания!

И здесь же, за инициалами мудрого патриарха имеется примечание: «Патриарху было указано присутствующими при составлении этого воззвания на резкия выражения, предлагая их несколько смягчить. Патриарх, подумав немного, перекрестился, подписался и заявил: «Готов на всякия страдания, даже на смерть во имя веры Христовой».

Заметьте: «это» только первые годы Советской власти! Какими добрыми трудами можно смыть позор невежества и наиподлейшего кощунства, когда в 1922 году одетых в лохмотья и побритых, чтоб не опознал народ — митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского) и трёх новомучеников Российских — без суда и следствия расстреляли на станции Пороховые, что по Ириновской железной дороге?! Продолжаться же война с «опиумом народа» будет, как вы помните, десятилетиями...

Очевидно,что руководство пролетариата Советской России,

призывающее к повиновению девизами «Земля — крестьянам!», «Мир хижинам — война дворцам!», «Фабрики — рабочим!» — напрочь забыло о той святой роли Церкви, которую она имела в Императорских Армии и Флоте. А может быть, эмигранты русско-еврейского происхождения с высокообразовательными грабительскими наклонностями, пустив корни в Германии, Франции, Швейцарии и др., не вникали или не хотели вникать в суть церковных разработок и начинаний по причине пожизненной симуляции собственного «становления» под ружьё? Существовали и готовились к выходу в мир сотни призывающих к милосердию церковных изданий, и задумываешься: какими же надо быть ненавистниками религии, изучив её годами раньше, можно сказать досконально, какими надо быть сыновьями-дочерьми, чтобы с террором в голове и в руках нагло идти против отцов и дедов?!!!

Семья Романовых.

Апогеем клятвопреступничества, отречения от вековых традиций народа и максимумом убожества бесов, присягнувших Идолу — первому врагу Бога — Рогатому ангелу, явится ничем не обоснованное убиение коронованной семьи Романовых и её ближайшего окружения. Да, и царь, основавший подводный Флот, был не святым, пусть недобрым, но он был Русским, а не иностранцем, гадящим на вскормившей его земле! Мы не монархисты и не космисты, однако не вызывает сомнения, что Екатеринбургская трагедия была отголоском многолетней злобы общего мозга Ульяновых-Бланков, воплотившейся в последнем отпрыске рода, наказанного непреданием земле. Тогда же ему надо было отомстить за брата Сашу, за клубок вамп-девиц со сдвинутой психикой (киллерш Императорской династии), за ссылочные унижения; беспримерному лидеру умопомрачительного по всеохватности движения, поддержанного баснословным «эннским» капиталом — было кровно необходимо доказать всему миру мощь его силы. Силищи, для которой не существует никаких тормозов — ни духовно-нравственных, ни физических, а уж тем более морально-психологических...

На лету бил и на гнёздышке — жалость с «Роллс-Ройса», конфискованного в гараже Императора — в кювет... Передачи включены в одном абзаце, и тот, кто верен и не верен, перечитают его дважды.

Убийцы Царской семьи, не достойные даже упоминания по фамилиям.

В годы ленинско-сталинской диктатуры будут расстреляны по суду и без суда тысячи представителей белого духовенства, монахов и монахинь, послушниц и звонарей, а также ядро интеллигенции, сочувствующее Учению Христову, церкви, именно люди, глубоко веровавшие в её житейскую роль. В стране, извращённо идущей по пути социализма, были взорваны и вандалистски разграблены тысячи храмов и монастырей — архитектурных и духовных памятников России, места многовекового паломничества...

...Спустя более полувека начался возврат нации к религиозным канонам христианства, мудрость и значимость коего ковалась лучшими умами ушедшего ныне тысячелетия и, конечно же, много ранее...

Возвращение здравствующего, вновь униженного народа к Истокам Веры есть высшая материализация подвижничества великих святых, праведников и великомучеников Всея Руси. Честь и хвала им в веках: мы шлём им своё слово и поклон из будущего!

Но и сегодня мы стоим на распутье перед лицом истинного врага Края Предков, ибо при малопроцентном и «модном» покаянии с отсутствием искренней исповедальности, мы видим новый захват власти сатанинским язычеством, нередко настолько завуалированным, что граждане, мечущиеся между Истиной и Ложью, не замечают того, что они в капкане для душ, прикрытом якобы патриотизмом и болтовнёй вокруг праведного пути воспитания.

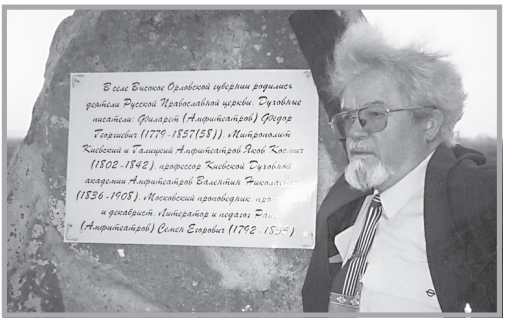
Примеры? Да хватит единого: Справочник школьника по истории России в XX веке не содержит не то что заслуг, а даже имени... Великого Патриарха, Его Святейшества Тихона...

Автором этих строк ведётся широкомасштабная общественная работа в районах Орловщины и далеко за её пределами в целях поднятия хоть на вершок общего самосознания тружеников глубинки, брошенных на произвол естественного отбора, наших Героев Провинции, вспоившей собою индустриальную (былую) мощь СССР. Мною официально, но с искажениями редакции «Сельской нови» (натурально Змиёвка), предложено по просьбам жителей и гостей переименовать Свердловский район в Неручанский или какой-либо другой по желанию жителей, однако главное — без его принадлежности любой из партий либо движений. Ведь это же прямое безбожие, именно то идолопоклонничество, что по легенде сгубило народ атлантов, знаменитую Атлантиду!.. Сожалею, что читатели не видели подлинника статьи и других разработок автора, направленных во благо их же самих...

Даже через столько лет не утихают страсти, затонированные «Терпимостью и Согласием» Б. Ельцина, обвиняющие меня в разжигающей беспорядки «голословности» и «олигарховости» по поводу разоблачения антихристского заболевания революционных времён — псевдонимии (вирус жив и сегодня). Это они — носители псевдонимов под «друзей народа», прямо способствовали и санкционировали всеохватное братоубийство, разорение, обезглавливание Веры и уничтожение генофонда нашей многострадальной, великой нации.

Сегодня многие из долгоживущих «праведников»,пережившие на многие лета современников, неустанно вторят о «счастье народа», пришедшем благодаря стройкам и другим завоеваниям пролетариата, позабыв о том, кто в них вселился, исключив из памяти миллиарды доносов, наконец, тех, кто был положен костьми семей вместо фундамента ради этого пресловутого счастья, именуемого ВСЕНАРОДНЫМ ГОРЕМ...

Глубоко жаль живущих слепцов, так и не понявших к седине, что коммунизм в советском виде привёл не только к жесточайшим репрессиям, но и к Второй мировой войне нашего многонационального народа с итало-германским фашизмом и самурайским милитаризмом, слабо видимых при «буржуинах» и Николае II. Стройки... Камням не больно! Хотя кричат и они, как осквернённая глыба духовников Амфитеатровых, что в селе Высокое на Орловщине.



Обладая огромным количеством архивов по истории стран «Оси» и Антигитлеровской коалиции, я мог бы цитировать такое, отчего многие пережили бы инфаркт, а это, как вы понимаете, прямопротивопоказано читателям любого возраста. Кроме того, имеются материалы о причастности Я. Свердлова и других товарищей с хамелеонской «совестью» к госпереворотy внутри РКП (б) и разоблачительные документы, касательно умерщвления В.И. Ульянова-Бланка.

Однако я говорю соотечественникам и выкинутым Родиной эмигрантам: «Спасибо за внимательное прочтение!»

Помните: ни в одной стране Мира не было столь позорного, повторного распятия Христа в таком, наиубийственном, злодейском масштабе, как в так любимой нами России! Всмотритесь: отголоски происшедшего Апокалипсиса на каждом шагу! Сие обозначает, что язычество внутри нас... И на тысячи марионеток бюджета, режима, криминала у нас творит один герой своего времени.

Докричится ли он? Поймут ли его те, кто считает себя Человеком, а не балластным животным или растением-одногодком?!

Ответ, он же совет, прост: «Дерзайте, други и недруги! Дуэль не кончается!»

Ноябрь 2000 г.
Орёл — Козельск — Оптина Пустынь — Троице-Сергиевская Лавра, «Путевые заметки».

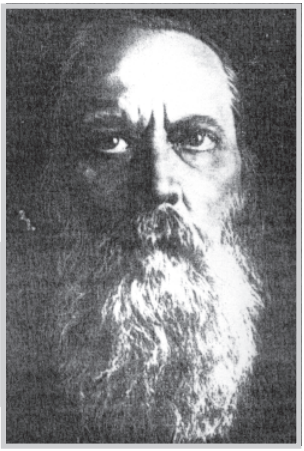
<u>От авторов.</u> Сокращённый вариант опубликован в «Орловском вестнике» (№ 4, январь 2002 года). Остальные, в том числе патриархальные и епархиальные СМИ, ознакомленные с работой, не дали ей хода к читателям и пастве.

СОВЕТ

Помни, люд, диктатуры штурмующий
Ради истины, ради Творца,
Этот кобровый Перст Указующий,
Гнувший пращура, деда, отца.

Я скажу тебе мысль несекретную:
Спрятан ужас в холёной руке.
Может кнопку нажать он ракетную
И планету держать на курке.

Ответ на вопрос читателя



Спасское-Лутовиново, Ясная Поляна, Тарханы — великолепно! Но есть ещё родина великого сатирика. Кто о ней помнит? (Из письма.)

Как бы жизнь нас ни крутила
От зари и до темна,
Почему страна з а б ы л а
Салтыкова-Щедрина?

Знаю, он не станет другом,
Тем, кто кровь людскую пьёт.
Есть в глуши село Спас-Угол,
Где родился патриот

Не России, а планеты...
Это он, живя вдали,
Дал блестящие портреты
Осквернителей Земли.

И сегодня давят души,
Мир утаптывая в грязь,
Помпадуры, помпадурши,
В тогу истины рядясь.

Побесились власти с жиру,
Но мы видим из углов,
Кто готов стрелять в Сатиру
Миллиардами стволов*.

*Редакция «Орловского вестника» отказала в публикации в год 180-летия писателя-ясновидца.

«Рамзай»

Дважды премьер-министр Японии, принц Ф. Коноэ

Глава кабинета и военный министр в 1941-44 гг. Х. Тодзио

Виктор Рассохин

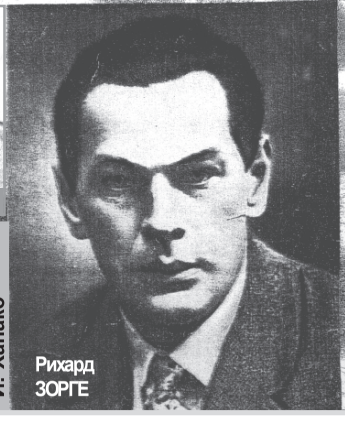
Посол Германии в Японии Э. Отт

Токийский прокурор М. Иосикава

Я. Берзин

Е. Максимова

Х. Одзаки

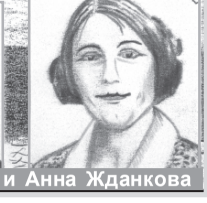


Рихард ЗОРГЕ

Б. Вукелич с женой Иосико

Ё. Мияги

И. Ханако



Макс Клаузен и Анна Жданкова

Молчанья подвиг зачеркнут,
Предав его забвенью.
А для народа пустят дым
«Семнадцати мгновений».

«Опасные патриоты»
(набросок стихотворения
«Страна Примкнутого Штыка»
к поэме
«Сказка об Иване Свидетеле»).
1992 г.

Рихард Зорге... Он же Ика Рихардович Зонтер. Одарённый журналист-международник, интернационалист и талантливый разведчик, работавший в логове противников Коминтерна под псевдонимами Флерис, Инсон, Леонард, И.К.З. и просто доктор Зорге. До недавнего времени жизненный путь уроженца посёлка Сабунчи, что в предместье Баку, был покрыт налётом недосказанности, пылью совершенно секретных архивов и парадоксальным столкновением противоречивых мнений, исходящих от действующих членов многоликих политическо-идеологических лагерей. Для зримого восприятия исторической действительности сжато изложу известные факты из его биографии, обобщив источниковую базу Японии, Германии и США с ранее недоступными советскими материалами. За чертою кулис эпиграфы далеки от спонтанности...

Отец Рихарда, Герман Зорге, прибыл в Россию в 1885 году, трудился техником нефтепромыслов в Балаханах. Укрепившись финансово и войдя в мир представителей «чёрного золота», он приобрёл механическо-чугунолитейный заводишко на Апшеронском полуострове. В Сабунчах он познакомился, а затем и женился на дочери железнодорожника — Нине Семёновне Кобелевой.

Матери Рихарда досталось от жизни сурово не по летам. Подрядный рабочий Семён Кобелев, папа миловидной Нины, умер от тяжёлой болезни. Вслед за ним не выдержала жалкого существования мать, оставившая в миру шестерых сирот. Нина одна поднимала сестёр и братьев на ноги. Ну а после переезда в двухэтажный особняк мужа 22-летней жене прибавилось забот: 4 октября 1895 года родился малыш Рихард.

Не прошло и трёх лет — последовал переезд семьи в кайзеровскую Германию. Здесь старший Зорге купил дом в пригороде Берлина —Вильмельсдорфе, откуда вскоре его сын будет посещать реальное училище. Перемена языка и Родины долго не воспринималась сознанием мальчика…

В 1907 году судьба наносит внуку соратника К. Маркса жестокий и безвременный удар: скончался отец, приверженец идей «железного канцлера» О. Бисмарка. Скорбя о потере, наивный юноша, попав в круговорот национального течения, взрослеет, как на дрожжах. Скрытно от матери он поступает в Берлинскую школу военного обучения и, окончив её, попадает на Западный фронт, в Бельгию...

Шёл кровопролитный 1914 год. Во Фландрии Рихард сражается против солдат Антанты и получает три ранения. Вспоминая те годы при написании автобиографии в 1927 году, переосмысливая роман Ремарка «На Западном фронте без перемен», Зорге отметит: «Если бы у меня не было никаких убеждений, одной ненависти к войне было бы вполне достаточно, чтобы я стал коммунистом... Как мой дед, так и его братья, особенно Фридрих Альберт Адольф Зорге, а также братья отца, были до и после революции 1848 г. действительными революционерами».

Третье ранение под Верденом вышло самым тяжёлым. Три дня с осколками в раздробленной снарядом кости ноги, он пролежал у высоты № 304. Был вовремя подобран своими, лечился в Кёнингсбергском военгоспитале, перенёс операцию. Там он впервые услышал об Ульянове-Ленине, но психологическое напряжение и тупиковая безысходность от последствий хирургического вмешательства истрепали его внутренне, ибо правая нога стала немного короче. Долгих костылей и ущербной хромоты на годы было не избежать. Ухаживавшая за ним сестра милосердия, знакомая по отцу с Р. Люксембург и К. Либкнехтом, не скрывая слёз, плакала, рассказывая о трагическом поступлении новых и новых калек и раненых — тысячах обманутых немцев...

Обратная сторона войны, гнетущее давление её молоха после заключения перемирий, личное участие в баталиях, предопределили жизнелюбивую позицию Зорге — он обращает свой взор на медицину. Ещё находясь в отпуске после ранения, Рихард поступил на медицинский факультет Берлинского университета, где увлёкся основами теорий Маркса-Энгельса. Ему казалось, что

нужно лечить общество не по-латыни, а политической борьбой, революцией...

Российский переворот подтвердил направление «народного вектора», доказав воинственную, несознательную мощь пролетариата, вверившего свои жизни «германским путешественникам». Очаги всеохватного буйства малообразованных бунтарей, лавина «мировой революции» посетили и Германию. Сочувствующих и присягнувших после Брестского мира оказалось более чем достаточно. Однако правда была лишь красивой ложью, гигантоманским авантюризмом босоногих, обманутых людьми из ряда профессиональных болтунов, мечтавших погреть руки на пламени войны и на холодных «кирпичах» Мирового валютного золота. Для сотен Шикльгруберов это был наглядный урок, как манипулировать массами...

Зорге шёл двадцать третий год, когда он оказался в эпицентре революционного урагана в Европе. Веря в светлое предназначение социальной перестройки сродни позиции Эжена Потье, он оставляет медицину. Демобилизовавшись из рядов армии, молодой, но тяжело израненный человек ищет себя и поступает в Кильский университет на факультет государственно-правовых наук.

Матросский Киль лихорадило. Вступив в ряды социал-демократов, Зорге принимал участие в митингах, переросших в Кильское восстание, поддержанное рабочими и солдатами Бремена, Любека, Гамбурга и других городов. И всё-таки, несмотря на бегство Вильгельма II в Голландию, буржуазия задушила революцию, узаконив правительство правых социал-демократов Эберта — Шейдемана — Носке. Зорге чудом избежал расстрела в Берлине. Были зверски убиты Р. Люксембург и К. Либкнехт. По счастью, жандармы Эберта не нашли у Рихарда оружия.

В августе 1919-го Зорге защитил диссертацию «Имперские тарифы центрального союза немецкого объединения потребителей» в Гамбурге, где он познакомился с Э. Тельманом. Вступив в Компартию Германии, доктор государственно-правовых наук встречается с рабочими, крестьянами и солдатами, агитирует помогать Советской Республике.

Впоследствии Зорге консультировал партгазету, а с усилением репрессий перешёл на нелегальную работу среди шахтёров Аахена, в период капповского путча в составе вооружённого отряда рабочих защищал его центр. За участие в всеобщей забастов-

ке против монархистов преподаватель Высшей технической школы автоматически выдворяется из её стен администрацией...

Так доктор Зорге стал рабочим-горняком. Его преследуют за коммунагитацию, вынуждают покинуть Аахен. Переехав в Золинген, часовой революции редактирует партгазету «Бергише арбайтерштимме», находит соратников в лице Дангеля, Пленнге, Зюскина, Шумана, Стенела и других.

С 1922 года подающий надежды журналист преподаёт в партшколе Вуперталя, ищет единомышленников в Франкфурте-на-Майне и... арестовывается, как «враг Германии». Отбыв заключение в застенках Эльберфельда, Зорге отправляется в Берлин в ЦК КПГ. Друзья подыскали ему работу ассистента соцфакультета во Франкфуртском университете с правом чтения лекций. Работа была лишь официальным прикрытием. На деле «ассистент» числился членом горкома, осуществлял нелегальную связь, ведал вопросами пропаганды и воспитания, хранил денежные фонды, секретматериалы в угольном погребе...

После апрельского съезда КПГ, прошедшего нелегально в 1924 году во Франкфурте-на-Майне, в партии произошёл раскол по российскому трафарету использования ревситуаций. События в Руре, Рейнской области и Саксонии, а затем и в Тюрингии указали на важность объединения сил, но знаменитая притча об отце, сыновьях и венике сработала и здесь. Что ж, партийные распри в борьбе за власть были и будут всегда, я в этой «домашней» грязи не вижу смысла копаться...

В том же году воплотилась давняя мечта — Рихард Зорге приглашается на партийную работу в Москву. Иностранец, немец, родившийся в России, профессиональный революционер стал гражданином СССР.

В период 1925-29 гг. политолог и учёный углублённо изучает вопросы и проблемы мировой политики, международных отношений и экономики. Раскрывается его умение мыслесложения на чистом листе бумаги: появляются объективные, призывающие к действиям материалы в журналах «Мировое хозяйство и мировая политика», «Красный интернационал профсоюзов», «Большевик», «Коммунистический интернационал». Война пером и умом говорит сама за себя даже по заголовкам: «Материальное положение пролетариата в Германии», «Лондон и Вашингтон», «Национал-социализм в Германии», «Экономические статьи Версальского договора и международный рабочий класс». Увидели свет

глубоко интересные и содержательные работы: «Новый германский империализм» (часть книги автора), памфлет «Накопление капитала» (анализ труда Р. Люксембург), «Позиции II Интернационала в отношении послевоенного империализма», брошюра о плане Дауэса.

Такие труды не могли быть не замеченными людьми, связанными с обеспечением государственной безопасности и с внешней разведкой усиливающейся диктатуры пролетариата. Люди «касты Зорге» были тогда нарасхват. Особо ценилось не так высшее образование, как личные качества и знание языков. Учитывались — бескорыстность, неординарность, одарённость, артистизм, внешность, умение управлять эмоциями и инстинктами, наконец, главное — **здоровье**.

Очевидная ложь московских захватчиков печатного, идеологического и исторического станка состоит в том, что Зорге пришёл в разведку по «велению сердца, защищая СССР — отечество трудящихся всего мира». Он был вызван на беседу с главой контрразведки Я.К. Берзиным (П. Кюзисом, он же П. Берзин) в 1926-м. Ясно, что Рихард дал согласие на работу в ведомстве «исполнителя разных поручений ЦК в 1917-м» (вспомните фактаж контртеррора) не ради денег. Как протекала беседа-вербовка можно только догадываться, хотя Зорге жил по принципу Гёте — «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идёт за них на бой». Ветеран Гражданской войны, ссыльный латыш, Старик, известный под псевдонимом Папус был своеволен и умён, согласно песне «Нас водила молодость в сабельный поход…»

Так или иначе, агент Коминтерна, партийный деятель и журналист первый раз расписывался под анкетой и в ведомости Разведуправления РККА (4-е управление). В то время большой политический резонанс произвёл геоглобальный меморандум лидера самурайства, премьер-министра Императорской Японии барона Г. Танака, с идеей через Китай подчинить «расе Ямато» весь мир. Реакционное офицерство и мощный флот поддерживали агрессивные устремления сподвижника императора Муцухито. Руководители Советской России были заинтересованы в усилении Госграницы между Монголией и Китаем, хотя власти Гоминьдана проводили враждебную политику по отношению к нам. Камнем, вернее стальной полосой преткновения служила геополитически важная Китайско-Восточная железная дорога, пережившая то же число провокаций, что и лежащих под нею шпал. Кро-

ме того, японских милитаристов и симпатизирующих им китайцев пугала активизация Морских Сил молодой республики при строительстве баз и зарождении Тихоокеанского флота...

Советская разведка была обязана знать если не всё, то хотя бы 40% информации о Дальнем Востоке, о событиях,людях и планах потенциальных противников, с непомерно ссузившимися от хитрости и коварства глазами. Уроки русско-японской войны после страшнейшей братоубийственной мало кому пошли впрок, что подтверждает прокол гения Ленина относительно не восстановления, а разбазаривания и распродажи плавединиц флота убиенного Николая II.

Скалисто-вулканическая Япония тоже пережила «рисовые бунты», гонения на марксистов и других лиц от простого народа. В стране кипела оголтелая полицейщина, закреплённая узаконенным беспределом налоговых кодексов при всеобщем бесправии, нищете, проституции, 12-часовом трудодне. Монополисты концернов «Мицуи», «Сибудзава», «Кухара» и «Мицубиси», выворачивая нутро согражданам, гнали финсредства на полное перевооружение Империи во «благо» сопроцветания с родственными расе народами. Зная влюблённость японских реваншистов в «синряку-какутё» (агрессию), Зорге отправляют на полпути к ним — в Шанхай, славный не только рикшами с опиумом, но и мощным центром белогвардейской эмиграции, мечтавшей о возвращении двуглавого орла. Это было первое задание, опасная работа сроком в три года...

Да, он «заболел Дальним Востоком», хотя ехал в его земли через... Германию. В окнах купе экспресса смешивалась в красках и очертаниях яркая осень ноября 1929 года. Центр документально обожал прикрытия, не жалея купюр всех видов, если можно было попользовать приверженность многих людей догмам коммунизма. Выйдя на давние каналы во Франкфурте-на-Майне, Рихарду удаётся аккредитоваться в журнале родного университета «Социологише мэгэзин» с удостоверением спецкора в Китае. МИД Германии рекомендовало журналисту посетить генконсула в Шанхае Колленберга с тем, чтобы тот помог ему в сборе необходимой информации на территории Поднебесной...

Париж, Марсель — быстро летело время пути, в набросках статей для газеты «Дойче гетрайде-цайтунг». Прибыв в Шанхай, Зорге за короткий срок был потрясён неповторимостью и загадочностью этого города всех национальностей, крупнейшего пор-

та с населением шесть миллионов человек. Здесь он знакомится и работает с радистом Максом Клаузеном и его женой Анной Жданковой, зрелым японским журналистом Ходзуми Одзаки, имевшим выход на принца Фумимаро Коноэ. Японский Лоуренс, полковник разведки Кэндзи Доихара, планируя похищение императора Суан-Тунга в предверии создания марионеточного правительства Генри Пу-И в Маньчжурии, просмотрел советских разведчиков буквально под ногами. Вскоре 300-тысячная армия Чжан Сюэ-ляна под флагом Чан Кай-ши пропустила японские войска без единого выстрела в земли Маньчжурии, императора заточили в Харбин. Зорге доносил в Центр о нападении Японии в январе 1932 года...

Анализ действий Нанкинского правительства, перипетии отношений Японии, Англии, США, Китая,Франции и Голландии, проводящих единоличную (корыстную) политику в Юго-Восточном Азиатском регионе, усиление влияния этих держав, составляли канву данных, поставляемых Рихардом в Центр до января 1933 года. Этим же месяцем ГРУ неожиданно уведомило его о вызове в Москву и передаче «хозяйства» новому резиденту.

Планом Берзина предусматривалось перебросить Зорге на разведработу в Токио, поскольку приход к власти А. Гитлера подразумевал сближение и контакт антисоветских сил. Памятуя о журналистском кредо и налаженных связях, Старик, незадолго до назначения на должность заместителя командующего Особой Краснознамённой Дальневосточной Армии, советует Зорге ехать в Японию через Германию. За два месяца, проведённые в Берлине, ему пришлось обойти многие препоны, прежде чем получить необходимые документы от «Франкфуртер цайтунг», «Дойчен фольксвирт», «Бёрзен цайтунг» и журнала «Цайтшрифт фюр Геополитик», издаваемого генерал-майором-геополитиком К. Гаусгофером. При этом, перед отъездом Зорге напомнили о трениях с руководством Отдела международных связей ИККИ — любая излишняя инициатива преследовалась режимом на уровне самого Хозяина, знавшего Рихарда по участию в заседаниях Секретариата и Президиума Информотдела Исполкома Коминтерна...

Китайская «стажировка» не прошла бесследно. Помимо работы с четой Клаас (Римм), американкой А. Смэдли и её другом Х. Одзаки, выполнявшим поручения редакции «Осака Асахи», Зорге привлекает к себе сыскное око в лице шанхайского резидента Абрама, сообщившего Центру о «шаткости и неблагона-

дёжности» разведчика, чересчур увлёкшегося спиртным. Трактовка пьянства Зорге образно двулика: Запад считает, что таким образом создавался образ плейбоя для сокрытия истинных намерений гросс-шпиона; Советская Россия вообще молчала более 50 лет (и ныне часть «Дела Зорге» засекречена и хранится в ГРУ Генштаба Российской армии). Возможно, порок посетил Рихарда из-за интуитивного предчувствия высочайшей гослжи и действий большевиков, похоронивших марксизм в правильном понимании на корню,ведь он пять лет прожил в СССР, видя, что в нём происходит не по газетам. Вероятно, лавирование между двух огней (в России — опасно, в Германии — Гестапо) привело доктора, человека, фактически оставшегося без Родины, к осознанию значимости собственного труда на дальних рубежах взрывоопасного мира. В любой момент его манёвры могли стать крахом всего дела, всей жизни. Поэтому злоупотребление алкоголем столь видного коммуниста важно понять, а не баснописно интерпретировать, поскольку Зорге не был эгоистом ни в отношениях с первой женой Кристиной, ни при попытке спасти фаворитов Дальневосточного бюро ИККИ в Шанхае, супругов Руэгг (Нуленс). Нелегал ГРУ в Китае Я. Виртанен, случайно встретившись с Рихардом в Москве перед его второй поездкой в Японию, удивил госпожу Л. Куусинен: «Ему было невмоготу шпионить на русских, но он не знал, как вырваться, как начать новую жизнь».

Официально занимая пост пресс-атташе германского посольства в Токио, Зорге тесно сотрудничает не только с вышеназванными изданиями, но и с газетами «Тэглихе рундшау», «Алхемеен хандельсблад» и др. После профашистских путчей самурайства «Правда» и «Известия» также опубликовали его материалы по причине отсутствия в Токио собственных корреспондентов. Дополнительная информация о дальневосточном агрессивном соседе была весьма кстати, найдя своё отражение в последующих выпусках советской прессы.

Будучи в курсе секретной переписки посла, генерал-майора Э. Отта, Рихард добивается его доверительно-товарищеского расположения. Трудна и филигранна была работа. Столь большую информационную нагрузку не мог выдержать один человек даже с извилинами ума, похожими на тройное сито. В ворохе сведений и документации, подлежащих мгновенному уничтожению, следовало выявить важное и истинное, увидеть продуманную противником «дезу», отсеять схоластику. Важным аспектом

выступала конспирация, знание окружающих людей и местности, трезвая оценка международного положения страны, в которой изо дня в ночь приходилось крутиться, как белка, в колесе. Причём на глазах конкурирующих «фирм» (Интеллидженс Сервиса, Абвера, ПИДЕ, Сигуранцы, «Кемпейтай», «Дзехокеку», Ультра и т. д.). Моральную и деловую поддержку окажут «борцы невидимого фронта» — жена, Екатерина Максимова (письменно, ибо находилась в России), супруги Клаузен и Вукелич, художник Ётоку Мияги, элитное окружение Ходзуми Одзаки, работница токийского ресторана «Золото Рейна» симпатичная Ханако Исии...

Боевая подруга героя жива, здравствует в токийском районе Китидзи-одзи. Исии-сан за 80, и она, волнуясь, вспоминает первое рандеву с Рихардом, произошедшее в «осевой» ресторации на его день рождения, 4 октября 1935 года. (Привожу её рассказ в сокращении. — **В.Р.**).

«Спустя 29 лет после войны о Зорге узнал мир, Москве понадобился герой. Из Максимовой сделали его жену (Екатерина погибла в годы войны в сталинских лагерях по одному из пунктов 58-й статьи, т. е. обозначалась, как спутница жизни «врага народа». — **В.Р.**), а обо мне просто-напросто забыли. Помню, Зорге был в компании немецких друзей, а меня усадили за стол,чтобы ухаживать. Он пообещал, что подарит мне пластинку, у него была большая коллекция, хотя русских в ней не было. Зорге жил в квартале Нагасака, дома ел европейские блюда, но и японскую пищу переносил нормально. Много курил трубку, предпочитая турецкий табак, иногда дымил американскими сигаретами. Пил умеренно. Картошка и алкоголь — это то, что любят русские, но я не видела его напившимся до беспамятства.

Такое случилось только раз. В 1938 году, здорово выпив, он чуть не разбился на мотоцикле, врезавшись в стену американского посольства. Разбил лицо, остались шрамы на лбу и подбородке. Выбил зубы и месяц лечился в больнице. Потом купил автомобиль, который больше стоял в гараже».

Редкостные, никому неизвестные моменты биографии... Ничтожная малость, и всё-таки много! Теперь у всех в памяти пророческая радиограмма группы «Рамзай»: «Нападение пройдёт на широком фронте на рассвете 22 июня». И никто не напишет, не вспомнит и не предположит гипотезу, что в случае с германским драндулетом, которыми торговал один из его соратников просматривается возможное решение Зорге уйти от проблем через само-

убийство. Напомню, почему: в 1937—38 гг. расстреляны видные партийные, военные, общественные и культурные деятели страны советов. Среди друзей Р. Зорге — Я.К. Берзин, К.М. Римм, Л.А. Борович («Алекс»), передавший Рихарду фотоплёнку с содержанием нормативных актов «Антикоминтерновского пакта», шеф Международного отдела Коминтерна И.А. Пятницкий и, разумеется, многие другие. Из Москвы Краснокаменной последовал отзыв сотен резидентов со всего мира, в числе их — и Зорге. Рихард осмелился взбрыкнуть режиму, сославшись на сверхценность получаемых его группой данных, а те, что остались дисциплинированными, подчинившись приказу, почти все были умервщлены НКВД или позже умерли за колючей проволокой ГУЛАГа. Учтём сюда икс-число убитых при попытке к бегству, отравленных, замученных, а также диагнозы — «инфаркт», «эпилепсия», «несчастный случай», «умалишённый-душевнобольной», и мы поймём,почему рванул к японцам лидер НКВД по Дальневосточному краю Г.С. Люшков, ушли за кордон уважаемый востоковед ОГПУ, знаток арабов, басмачей и Афганистана Г.С. Агабеков, опытный сотрудник МИД, дипломат Г.З. Беседовский...

В 1941 году цепкая врагомания принесёт свои трагическогорестные плоды, семена которых были рассажены ранее — в Китае, Монголии, Испании, в Польше и Франции, в Битве за Англию и страны БЕНИЛЮКС. И.В. Сталин посчитал многих «опасных» патриотов «двойниками-провокаторами», а Л.П. Берия и глава разведки Ф.И. Голиков на упреждающих донесениях размашисто ставили резолюции: «Глупость», «Ерунда», «Подшить в дело», «Пошлите информатора к ё... матери». От этих посылов навечно пострадает Родина-Мать, её сыны и дочери вместе с предками и детьми. Миллионы исчезнут в плену, лагерных резервациях, при бомбардировке городов, сёл, деревень, в ужасе оккупации, в трюмах конвоев и эшелонов, под обломками автомототехники, в ходе партизанской войны и конвоирования тысяч работоспособных россиян на «нужды строительства Тысячелетнего Рейха». Дурноватым резолюциям в шаге от Великой Отечественной подвергнутся радиограммы Ш. Радо, А. Самохина, донесения Бозера и Рёсслера,Треппера и Воронцова под единой формулировкой: «Источник не пользуется нашим полным доверием, однако его некоторые данные заслуживают внимания»...

Военизированная реакция на материках цвела и не давилась плодами, полученными через кровь, пот, жизнь и смерть своих

народов и терзаемых всеми калибрами наций. Финальной радиограммой Зорге из токийского далека была «Япония не нападёт на СССР», в чём видится не только знание Рихарда о «репетициях» по налёту на Пёрл-Харбор, но и то влияние, которое он оказал на посла Германии Э. Отта, вскоре отозванного «по полному служебному несоответствию».

18 октября 1941 года «Кемпейтай» арестовала Зорге и его радиста Клаузена по подозрению в шпионаже в пользу СССР. С этого момента стартует вечный трагиспектакль под названием «Концы в воду»...

Жива версия, что Зорге выдали японцам по совету Сталина. Полярно мнение шефа политической разведки Рейха В. Шелленберга в его книге «Лабиринт» (Нью-Йорк,1956). 7 ноября 1944 года Зорге повесят во дворе тюрьмы Сугамо вместе с Одзаки. Шелленберг, помня, что только в 1940 году Рихард послал в Москву 300 000 групп закодированного текста, пишет: «...хотя в 1947 году японское правительство утверждало, что приговор приведён в исполнение, ходили слухи, что Зорге жив и здоров и живёт в Советском Союзе».

Сплетни обывателя и «слухи» человека, знавшего максимум о берлино-римско-токийских тайнах, отличаются друг от друга, как капли дождя от горошин града. Автор целой главы «Дело Рихарда Зорге» корпел пером перед смертью не ради «утки». Видимо, хороший друг мадам Коко Шанель знал о проницательном коллеге нечто большее, чем его заокеанские друзья. Голос, взывающий к истине, не всегда рождает эхо, но надежда услышать его остаётся за каждым...

Вращаясь бумерангом в летах, эхо от громкого дела, нашумевшего во всём мире, «прилетело» через полвека с острова Хонсю. В течение последнего десятилетия авторитеты из адвокатской палаты Йокогамы изучали материалы, чтобы уяснить причины осуждения и казни. На документах все эти годы лежало «табу» под печатью давно умершей диктатуры Х. Тодзио, но недавно они поступили во все адвокатуры Японии. В многостраничном заключении говорится, что смертный приговор, вынесенный немецкому журналисту самурайской Фемидой, является грубейшей юридической ошибкой. Да, Зорге шпион, он передавал свои сообщения из небольшой парусной лодки, постоянно менявшей местонахождение, но был ли он чрезвычайно опасен именно для страны Ниппон?

Нынешний председатель «Комитета Зорге» в Йокогаме жёсткий юрист Тосиакэ Манабэ, вместе с десятью адвокатами из Ассоциации этого города провели немалую работу в целях восстановления исторической справедливости, призываемой верхушкой правящей либерально-демократической партии. Но им перекрыли доступ к дополнительным данным, мотивируя это тем, что «Дело Зорге» не сохранилось. По мнению Манабэ и его коллег, передача сведений государству или его органу по прошлому закону не является преступлением, за которое можно было бы приговорить обвиняемого к смертной казни. Если бы Зорге радировал в Центр Коминтерна, то он мог быть казнён. Однако он связывался с центром Красной Армии, которая не информировала штаб Коминтерна, особенно после его повального роспуска Сталиным и Берия. Манабэ считает, чтобы поднять эту проблему, требуется уточнение российских специалистов. С ним солидарны сын Одзаки — Хоцуми, родня Вукелич и Клаузенов.

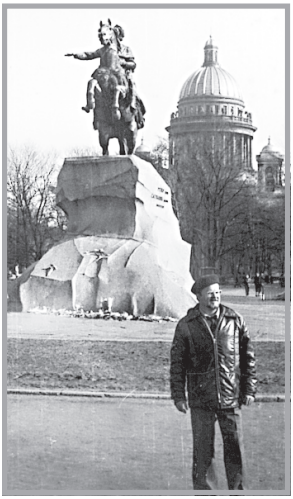
Не всё могут знать и российские профессионалы — замки архивов неусыпно охраняются во все века, в точности, как на картине Василия Верещагина «Двери Тимура-Тамерлана». Тонкую ниточку от интернационального подвига человека-легенды с одной стороны, и двуликого гросс-шпиона о другой, кто-то из живых держит крепко, время от времени разматывая клубок. Не исключено, что сенсационный ответ на всемирную головоломку может неожиданно вынырнуть из какого-нибудь южно-американского архива, прошедшего через секретный фарватер времени, знаменующего XX век кровопролитных войн.

Разговор о провале группы «Рамзай» — отдельное объёмное исследование. Зорге открылся лишь раз, указав Ханако Исии идти в советское посольство после его смерти при какой-либо нужде, будь то деньги или что-либо другое. Он не был гонцом, пророком и даже послом, но являлся «послом особого назначения», лично внёс вклад в разгром фашистско-милитаристких сил, ищущих Центр Вселенной.

Верится, Рихард Зорге, когда-нибудь, может быть у Фудзиямы или в Москве, смотря на горизонт, вспомнил слова оратора античной Греции Демосфена: «Послы не имеют в своём распоряжений ни боевых кораблей, ни тяжёлой пехоты, ни крепостей; их оружие слова и благоприятные возможности. А, следовательно, в их руках отчасти и власть над событиями».

Октябрь 2002 г., Орёл — Москва — Орёл,
«Путевые заметки».

ПОГОДНЫЙ СИНДРОМ



Чёрный вертолёт
и белый снег —
В глубине сибирского селенья.
Кто-то политический разбег
Бойко начал с этого паденья.

Он пока без звёзд и без лампас,
Не влезает в мантию кумира.
Зло — его надёжнейший компас
В злости обозлённейшего мира.

И по курсу вряд ли будет «ясь»,
Жёсткий курс лежит между штормами,
Если, по-татарски матерясь,
Мы клянём безвременье веками.

В РЕЖИМЕ СКОРОСТИ

Поспешный выбор президента
Иль выбор нового вождя
Напомнил мне авто без тента —
Где нет спасенья от дождя.

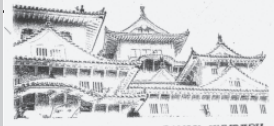
* * *

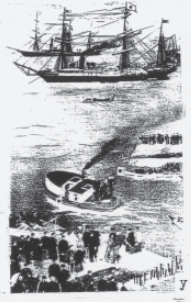
Ох, Страдалица — Земля!
Предали нас вместе
Академики вранья,
Кандидаты лести.

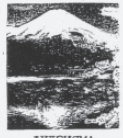
А Оратай и Кузнец,
В темноте инстинктов,
Вместо хлеба — ест свинец
Мировых конфликтов.

АКАДЕМИК НИКОЛАЙ КОНРАД

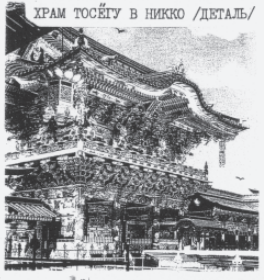
ЛУЧИ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА В ЗАСТЕНКАХ


ЗАМОК ХИМЭДЗИ


ПОРТ ИОКОГАМА


ФУДЗИЯМА

У ПОБЕРЕЖЬЯ О.МИЯДЗИМА


ХРАМ ТОСЁГУ В НИККО /ДЕТАЛЬ/

ПРОМЫСЛОВЫЙ ЖЕМЧУГ — СОКРОВИЩЕ ЯПОНИИ

ПОРТРЕТ КРАСАВИЦЫ КИСТИ У.КИТАГАВА

ГРАВЮРА УКИЁ-Э К.ТОЁХАРА /СПЕКТАКЛЬ КАБУКИ/

ТЕАТР КАБУКИ /ПОСТАНОВКА В СТИЛЕ АРАГОТО/

НЭЦКИ

КИМОНО ИЗ ПЛАТИНОВОЙ НИТИ, СТОИМОСТЬЮ 280 МЛН. ИЕН

МАСКИ ЗЛОГО ДУХА

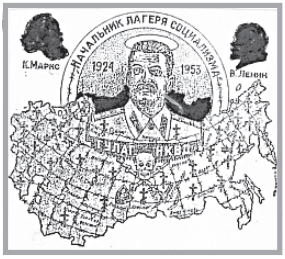
И ВОИНА-ЗЛОДЕЯ /КЁГЭН/

МЕККА СИНТОИЗМА — ХРАМ ЯСУКУНИ В НАРА

ТОКИЯНКА В ГЭТА

МАСКА БОГА ГРОМА /ТЕАТР КЁГЭН/

АКАДЕМИК КОНРАД.
ЛУЧ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА В ЗАСТЕНКАХ



Во лжи веков стремится перевод
Раскрыть нам боль чужих отцов.
Эссе автора «Зов горизонта».
2002 г.

В среде бездарностей, лелеющих мечту причаститься ко всему великому в искусстве, науке, культуре, в технике и религии витает обывательская точка зрения об интеллигенции. С позицией «Учёный (писатель, художник, врач, музыкант, мастер) — это лентяй, который убивает время работой», было и остаётся важным бороться всегда, ибо опыт учит нас заново перечитывать старую Книгу Жизни, когда выходит новая.

Представленная работа о крупнейшем востоковеде России Н.И. Конраде не есть рецензия на его труды и лит-теле-пасквили, пришедшие много позже. Употреблять чужие слова для самолюбования и увековечивания в титрах нового поколения прилипал ко святому — автор не видит смысла по причине того, что учение — штудировка правил. А вот опыт — изучение их исключений.

Коротко изложу некоторые вехи биографии Николая Иосифовича, более подробно остановившись на тех параграфах, о которых так и не узнала ни одна из его знакомых провинциалок, независимо от собственного ума, красоты и происхождения в ореоле тургеневской «стихопрозы», исключившей понятие «надрыв пупка крестьянина».

…Уходящий XIX век дал России большое число талантов, как и будущих госбандитов. 13 марта 1891 г. семья Конрад, проживающая в Риге, в кругу друзей-служащих железной дороги, отметила важное событие — рождение сына. Скоротечно, как составы, шло время. Николай, проявив себя достаточно смыш-

лёным ребёнком, вскоре окончил местную гимназию. Родителями была замечена его усидчивая тяга к гуманитарным предметам, и, с их благословения, юноша оставляет Ригу, чтобы поступить в Петербургский университет на китайско-японское отделение Восточного факультета.

Шёл 1912 год, судьбоносный для Николая Иосифовича. Никогда не знаешь, в какое время живёшь — в довоенное или послевоенное. Мир лихорадило не только от последствий русско-японской войны, но и от красно-марксистских бунтов. Конрад успешно экзаменуется как в Петербургском университете, так и на японском отделении Практической восточной академии. В результате, при поддержке авторитетного учителя А.М. Позднеева, Николая командируют в земли столь заманчивой Родины Хризантем, путающей своей многовековой самоизоляцией.

Ещё до заступления на стезю научной деятельности его интересовало всё: древняя история расы Ямато, искусство, театр, события, связанные с ранением царевича Николая мечом полицейского Сандзо Цуда и взаимоотношения военатташе Ц. Нокото, Р. Ясиро и Т. Хиросэ, в разные годы служившими в Северной Пальмире. Кто-кто, а они, досконально изучившие русский язык и флотскую элиту Николая II, знали немало о русских звёздах кораблестроения и авиации. Николай Иосифович не вдавался в прения по поводу бездарности правящей верхушки. Он подчёркивал единственную, по его мнению, правильную версию: Россия проиграла Японии в лице Х. Того по мотивам полного незнания своего врага от корней нации до её оперативного вооружения по программе Муцухито (реализация дальних походов Соединённого флота).

В ходе поездки по живописным и местами весьма бедным префектурам, родилась и вышла в свет стартовая работа Н.И. Конрада «Современная начальная школа в Японии» (1913 г.). Кто бы мог подумать, что другой учитель в это же время (если ещё был жив) напутствовал на верный путь сына — будущего главкома императорских ВМС Японии И. Ямамото! Воистину жизнь как депеша: полна ошибок и так коротка…

Разумеется, молодой знаток азбуки слогов Катакана и Хирагана ясно понимал дилемму «оригинал неверен по отношению к переводу» или «переводчик сдаёт слова по счёту, а не по весу». По протекции Русско-Японского Общества он систематически посещает Корею и Японию. Неоднократно бывал в Китае, изучив

работы И.К. Россохина о Маньчжурии и её войске, в «осьми знамёнах состоящего». Знакомился о местным укладом жизни, быта и с наследием буддизма и синтоизма, подмятых неравноправными Ансэйскими договорами и шантажом посланников США Т. Харриса и М. Перри. А главное — Николай проводил много времени в беседах с современниками и «живыми сокровищами» — носителями фольклора и традиций воинственных и трудолюбивых народов Юго-Восточной Азии. Познание устоев бытия, легенд и сказаний, жертвенности междоусобиц феодальных времён, живое общение, а также изучение подлинников классиков, посещение театров, понимание труда гейш и рикш способствовали расширению границ миропонимания Конрада, вследствие чего ему присуждается степень магистра азиатской филологии.

В горестные 1917-18 годы, торпедировавшие, либо выбросившие за рубеж осколки монархии, интеллекта, дворянства, Веры и Мысли нации, Николай Иосифович глубоко переживает смуту, тяжко болеет. По морозам и слякоти зимы 1918-го он переезжает в грозный Орёл по месту жительства родителей, осевших здесь с 1915 года. Не стремясь понять причины поражения самодержавия и гнусность братоубийства на всех Фронтах Центра России, Средней Азии и Приморья, учёный обрёл бессонницу из-за переживаний за судьбу начатого им дела, за жизнь и творчество плеяды выдающихся востоковедов начала века — Е.Д. Поливанова, Н.А. Невского, М.Н. Рамминга и братьев Плетнеров. Он знал: всё сказанное ныне об исследователе Арктики, последователе Седова и Русанова адмирале Колчаке — ложь (Троцкий умел лично править всероссийский печатный станок). Принимая активное участие в организации Университета пролетариев в 1919-м, он мучил себя мыслями «как, где, что» с его друзьями-коллегами С.Г. Елисеевым, О.О. Розенбергом и многими другими сподвижниками, знавшими цену труду, времени, мыслям. Почти все рано уйдут из жизни. Будут репрессированы вместе с семьями. Покинут Отечество, чтобы жалко существовать (нищенствовать) на чужбине, о чём слёзно напоминала мембрана патефона с записями из «Печального репертуара Александра Вертинскаго»...

При «закладке фундамента» Орловского пединститута, в котором автору в скором будущем довелось самостоятельно пройти путь к диплому учителя, Конраду пришлось решать массу организационно-материальных задач. Сказывались нехватка кадров

и финансов, оборудования и достаточно ёмкой (в его понятии) библиотеки, фондов исторического наследия и богатства цивилизации. Привыкшим к стремительности Интернета может показаться смешным, что Конрад курсировал между Орлом и Москвой по вопросам жизнеобеспечения «храма науки» вплоть до карандашей и гвоздей. Ему удалось разыскать и привлечь на орловскую «ниву» великолепных единомышленников, ошибочно поверивших в гуманизм коммунизма, в предназначении которого мог сомневаться и сам ректор университета...

Ведя курс истории культуры и философии, Николай Иосифович, несмотря на значение вопросов-дров для отапливания комнат и обуви для преподавателей, продолжал интенсивно заниматься научными изысканиями и переводами восточной классики. Так, в вышедших в Орле «Записках Орловского государственного университета» (1921 г.) представлялся труд мудреца Камо-Тёмэя «Записки из кельи» в искусном переводе Конрада. Через уникальный лаконизм японского трёхстишия «хокку» и пятистишия «танка» пытливый ум стремится познать рифмованный полёт почти непереводимых мастеров лирики, словесной живописи и боли народа — Кёрая, Басё, Иссё, Кикаку, Рансэцу, Дзёсо, Оницура, Бонтё, Рёта, Тиё, Какэя, Бусона, Сико, Кито, Гёдая, Исса и трагично ушедшего автора «Памяти адмирала Макарова» молодого Исикава Такубоку.

В следующем году Николай Иосифович покидает Орёл по ряду профессиональных и личных причин. Однако позже он часто посещал вторую Родину, навещал родню матери, вспоминал Марию Артемьеву, выступал перед повзрослевшими учениками.

Прибыв в суету революционной разрухи и «мировых» речей в Петроград, молодой учёный возглавил кафедру японского языка.

«Я впервые услышала его голос в 1928 г., в стенах аудитории Восточного отделения Историко-филологического факультета, — вспоминает своего «сэнсея» кандидат исторических наук Ф.А. Тодер. — Николая Иосифовича окружали мы — недавние школьники, слыхом не слыхавшие о таком предмете, как история, знавшие лишь о «борьбе классов» и о том, что надо искоренять в себе все «буржуазные предрассудки».

Крепко связанный с аудиторией, Конрад уделял большое личное внимание безграмотным студентам, севшим за парты после демобилизации из армии и флота, по направлению партячеек фабрик и заводов. Болезненно-рваное, эмоционально-взрывоо-

пасное было время. Но Учитель твёрдо держал курс «Учиться, учиться и учиться», провозглашённый беспримерным разрушителем-революционером. Вот бы глянул он на рекламу сегодняшних «стрелочников-беспартийцев», отправивших его в дебри поголовно безграмотной Африки...

В Ленинграде Николай Иосифович защитил учёную степень доктора филологических наук по специальности «японский язык и литература», закрепив за собой звание первопроходца в истории русского японоведения. Последующие годы жизни видного учёного, как и всей выпотрошенной страны, омрачены наиподлейшим клеймом СССР — эрой репрессий, борьбой со «вражьём», не существовавшим таковым с рождения. Трафарет обвинения лицемерно фокусировался на личностях, как «шпион японской разведки»; «агент империалистических сил»; «контрреволюционер-народоволец» (т.е. «кулак»); «эсэр и меньшевик»; «антиправительственный троцкистский агитатор»; «сочувствующий белому движению и попам» (и чёрт ЧК-ОГПУ знает, «какие» ещё т. д. и т. п.)...

В 1938-м «вороном» году Конрада арестовали, накинув ему «железную маску» на три года. О чём думал, мечтал, чем изнурял себя фаворит российского востоковедения, для которого ничего не стоило обучить взвод русско-дальневосточной контрразведки задолго до появления печально известной группы Рихарда Зорге? Что мог создать в этом периоде и ЧТО КОНКРЕТНО СОЗДАЛ вообще, без учёта архивных сносок потомков разного рода «симановских» и «вышинских»? Памятуя о Большом Терроре в Царстве Лжи, очевидно, что на рождённое в заключении наложили вето. Ещё вернее, что рукописные произведения тысяч «конрадов» изымались, ликвидировались, либо оставлялись за пудовой дверью и платными слугами режима под грифом «Совершенно секретно до 3000 года». Закономерно задаёшься вопросом: «Каким образом бывший капитан артиллерии А. Солженицын спас в течение десятилетий жёлтый чемодан с рукописью «Архипелага ГУЛАГ»??? Без занудности и самозванства, КТО утверждал издание детского писателя А. Рыбакова? Какой «Крош» счёл «Детей Арбата» настолько своевременными и актуальными, что до сих пор не издан коллективный сборник лагерных писателей-журналистов 30-х???

Вопросы, вопросы, вопросы без ответов навсегда. По теории вероятности привлечём логику и учтём, что полное эписто-

лярное наследие не столь Конрада, как российских индивидуумов в рамках книгопечатной, даже брошюрной серии «Труд выдающихся людей» нереально фактически. В понятии известной категории лиц ОНО (НАСЛЕДИЕ) опасно вечно, согласно ершистой фразе Оноре де Бальзака. Образно глаголя, бесцензурно-фискальной правды мы не дождёмся ни от губернатора, ни от президента, причём вынужден констатировать: обозначенная проблема распространяется на все страны...

Больно, что кроме Конрада суровый удар судьбы и сталинской опричнины примут на себя семьи авторитетнейших людей науки — Ландау, Фока, Вавилова, Королёва, Кондратюка, Ланге-мака, Калинина, Поликарпова и других мучеников «культовой эпохи», «зацепившей прицепом» того же Солженицына, Лихачёва, Сахарова, Бродского и других.

В этих тисках член-корреспондент Академии наук СССР Николай Иосифович Конрад нашёл силу духа и воли, проявил мудрость не ударять заправилам власти по глазам, которым «всё божья роса». Он с головой уходит в иероглифические лабиринты манускриптов и собственных мыслей, обдуманно погружаясь в специфику. В её диапазон входили японоведение и история, театр и синология, лингвистика и философия, переводы, краеведение и литературоведение, становление и воспитание «конрадовской» школы учеников. Продолжением труда «Японская литература в образцах и очерках» (1927 г.), а также «Японский театр» (1929 г.), появляется новаторская работа «Синтаксис японского национального литературного языка», изданная в Москве в 1937 году. Значительно важны его переводы святых в Японии книг «Исэ-моногатари», «Гэндзи-моногатари», романа Нацумэ «Сердце» и многих других произведений классиков с Японских островов.

В годы Великой Отечественной самурайская Япония с трудом удерживала нейтралитет с СССР — случались провокации на границе, задержание судов и команд в портах, их затопление палубно-базовой авиацией и субмаринами Передового флота Хирохито. Руководство Советской России нарушит пакт о нейтралитете после Тегеранских и Потсдамских соглашений глав правительств Антигитлеровской коалиции. Конрад в эти годы по-своему пытался примирить державы, опубликовав «веер» статей о дружбе А. Чехова и В. Белинского с японскими писателями. Позже найдут массового читателя работы «О национальном языке в Китае и Японии», «О перспективах развития советского язы-

кознания», «Толстой в Японии», издаётся двухтомный словарь под его редакцией, состоявший из 100 тысяч слов. Помимо цикла статей о театрах Кабуки и Ноо, драме «Йокёку» Конрад участвовал в создании 10-томной «Всемирной истории», вёл обширную международную переписку (в частности, с английским историком А. Тойнби), мечтал написать небольшую книгу о монахе-востоковеде, которого он посетил в Оптиной пустыни в 1922 году. Золотым венцом его колоссальных трудов является интереснейший однотомник «Запад и Восток» с идеей общности развития Человечества. Особняком, предметом более детального исследования стоят заслуги Конрада в области издания академической серии «Литературные памятники»...

Николай Иосифович ушёл от нас 30 сентября 1970 года в Москве, но цель и смысл его жизни и творческо-подвижнической деятельности бессмертны. На гражданской панихиде присутствовали лучшие умы страны, иностранцы, поседевшие ученики и студентки первых выпусков востоковеда, простецкого, добродушного в быту человека. Выступавшие друзья, академики Д.С. Лихачёв и В.М. Жирмунский не умолчали о «бочке дёгтя», пролитой на изыскания учёного «вундеркиндами» журнала «Иностранная литература». Ещё живой, но уже слабый герой повествования методично отмечал, что прессовая травля неприемлема с точки зрения человеческой морали и простой порядочности...

Да, умели у нас треножить, а если и отпускали в галоп, так чтоб голова отлетела. Встречаясь в Орле, Москве, Риге, Владивостоке и Спасском-Лутовиново с представителями Страны Восходящего Солнца на Международной конференции «Пушкин и Тургенев», с потомками рода Толстых в Никольско-Вяземском, я рассказал им об явлении «пытливой мысли — эшафот», говорил о специфике режимного зажима инакомыслия по сценарию секрет-саги «Жизнь и смерть выдуманной оппозиции». Признанные авторитеты от Канады и Хоккайдо, от Европы до Австралии были несказанно и наглядно удручены давлением авторитаризма лжегениев, поставивших на кон перекрытие свободы творчества профессионалам. Заметьте, **живым**, а не ушедшим на покой асам своего дела, будь то журналист, писатель, автогонщик, певица или начальник рыбоохраны.

Выходит, флаги не будут в гости к нам??? Будут! Но убитый на дуэли гений предупреждал: «Беда стране, где раб и лжец одни приближены к престолу».

Сожалею о недалёкости сограждан, не понявших как своего, так и чужого языка хотя бы в переводе. И о каких флагах может вообще идти речь, когда сюсюкающе ворочаются личные дела репрессированного академика, награждённого двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и высочайшей наградой для иностранца — японским «Орденом Восходящего Солнца»?

Светило ли оно, грело ли душу, или радовало глаз владельца — не так важно. Главное — с 1945 года его лучи проникали в застенки, не подчиняясь вождям, конвоирам, закону и «паханам»...

Июль 2002 г., Орёл — Рига,
«Путевые заметки».

ГЕНИЙ КИСТИ

Сейчас, когда в боях госфлаги,
Планета жаждет тишины.
Со мной — Василий Верещагин,
Защитник мира, враг войны.

Не спорю, кто-то пишет море,
Леса, кувшинки на воде...
А он писал людское горе —
ОНО ВЕЛИКОЕ ВЕЗДЕ.

«Смертельно раненый».
1873 год.

Начальник Главного Разведывательного Управления РККА Филипп ГОЛИКОВ

АБВЕР НА ОРЛОВЩИНЕ

Носитель тайн держав Вильгельм КАНАРИС

Дерзновение — великий дар Божий и великое сокровище души! В земной брани или войне смелость или храбрость много значит, ибо она творит чудеса, а в духовной брани и тем паче.

Святой Праведный Иоанн Кронштадтский.

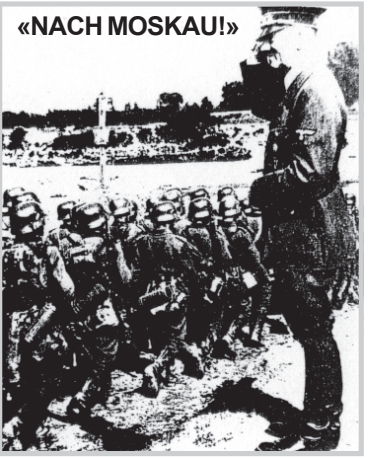
1. У ИСТОКОВ «БЛИЦКРИГА»

Древний китайский полководец Сунь-цзы, а за ним и Александр Македонский и его тёзка, великий Суворов, в своё время мудро сформулировал воинскую заповедь, не потерявшую актуальности и ныне: «Не знающий врага обречён на поражение».

Следуя вечному наставлению, более детально пройдём по истории нашего главного противника во Второй мировой и Великой Отечественной войнах — гитлеровской Германии. В бытность КПСС глубоко аналитическое раскрытие и афиширование логова врага не особо приветствовалось, хотя первостепенным изучаемым языком в стране назывался немецкий. Тогда никто не предвидел тихий развал СССР...

31 Заказ № 4422

Итак, датой образования ведущею органа разведки Третьего Рейха — Абвера — считается 1919 год, когда правительство Веймарской республики вверило генералу фон Шлейхеру объединить все секретслужбы под опеку министерства обороны. Несмотря на запрет, исходящий из положений Версальского договора, рождение и становление организации пропустили сквозь пальцы, поскольку официально она занималась контрразведкой в Рейхсвере.



К приходу А. Гитлера Абвер (от нем. — оборона, отражение) нажил себе массу врагов в ходе междоусобных интриг, казнокрадства и пр. пороков общества. Самыми опасными и непредсказуемыми из них были СД и Гестапо.

Зимой 1935 г. гранд-шефом учреждения назначается авторитетный адмирал Кригсмарине Фридрих Вильгельм Канарис. Отстояв «вахту» вплоть до покушения на фюрера в 1944-м, опытный разведчик превратил Абвер в грозную силу при Верховном командовании вооружёнными силами Германии (ОКВ). С 1938 г., реорганизованный в Управление разведки и контрразведки, Абвер обеспечивал секретность приготовлений к войне. На его обширный контингент ложились задачи подрыва и развала потенциальных противников, дезорганизация и дезинформация объектов нападения, вербовка и выгодное использование новых слуг Рейха в двух полушариях.

Пропаганда по Геббельсу

«Мозг» Абвера включал 5 отделов. 1-й (А-I) налаживал, добывал и систематизировал работу агентуры. 2-й (А-II) занимался диверсиями за рубежом и в тылу в случае военных действий. 3-й осуществлял полити-

ческий сыск в Вермахте, Люфтваффе, Кригсмарине и промышленности Германии, а также вёл военную контрразведку. Центральный аппарат делился на подотделы: «Вест», «Ост», «Зюйд-Ост», «Аусланд», «III-Ф», «Абверштелле», «Кригсорганизатион» и др.

Подотдел «Вест» работал по странам Запада, «Ост» — ведал трудоспособностью разведки в державах Востока, где внедрялись агенты во все интересующие их сферы общества под многоликими прикрытиями. Были организованы спецподразделения для диверсионно-террористической деятельности, подрыва морального духа войск и тыла противников. Например, отдел A-II ведал формированием «пятых колонн», планировал и проводил захваты важных лиц и объектов, дезинформировал население, политическое и военное руководство.

«Щупальца» Абвера к 1939 году имели поистине глобальный размах, ибо дошли до Франции, США, Англии, Норвегии, Швеции, Финляндии, СССР. Искусно разветвлённая резидентура скрытно обосновалась в Китае, странах Африки, Ближнего и Дальнего Востока, на островах Океании и даже в Австралии. Отдел «Аусланд» и подотдел «III-Ф» специализировались (во взаимодействии с МИД) на проникновении в разведслужбы почти всех государств, выявляли планы их разработок, собирали и изучали литературу, прессу, радиопередачи, обрабатывали донесения атташатов и дипломатов. Центральный отдел патронировал финансовые, организационно-административные мероприятия, контролировал архив и картотеку разведагентуры. «Военные организации» с острым оком и нюхом функционировали в Греции, Турции, Болгарии, Румынии, Югославии, в Иране и Японии, в Швейцарии, Португалии, Испании, Аргентине...

Достойно выдержав заговорщеское противостояние со службой безопасности нацистской партии и с небездарной военэлитой СА и СС, Абвер занял прочные позиции в военной иерархии Фатерланда накануне Второй мировой войны. Не вкусившие проблем обеспечения и финансирования, «питомцы» В. Канариса укрепили фундамент Рейха за рубежом и сыграли горестно-значительную роль в деле аншлюса Австрии. Следуя догмам «Майн Кампфа» и кличу «Хайль Гитлер!», они спровоцировали Глейвицкий инцидент, открывший вторжение в Польшу по плану «Вейс». Реализуя доктрину террора, саботаж, распространяя антисемитизм и смуту среди населения, подкрепляя дезертиров и рекламируя «счастье нового порядка», они «удобрили» почву агрес-

сии против стран БЕНИЛЮКС, участвовали в подготовке операций «Морской лев» (блокада Англии) и «Барбаросса» (вторжение в СССР).

После заключения лживого пакта о ненападении, подписанного И. Риббентропом и В. Молотовым. Абвер развернул широкомасштабную деятельность в землях Страны Советов, народ которой поставлял Рейху всё необходимое для «блицкрига» (пшеница, уголь, стратегические металлы). Были сформированы диверсионные группы, на оккупированных территориях открывались разведшколы, принимавшие ненавидевших коммунизм, строго по выверенной конкурсной основе. Часть немалых сил была брошена на маскировку приготовлений, оставшихся в памяти, как «внезапность» и «вероломство», от которых не отмахнёшься парашютизмом, «Катюшами» и «Т-34»...

С улыбкой на смертельный Восток!

В кровопролитнейший месяц за всю историю Мира — июнь 1941 года — с протекции и по директивам ОКВ Абвер создаёт оперативный «штаб Валли», подбирает соотечественников — знатоков Русланда, воспитывает новый контингент сочувствующих в кругу недовольных сталинизмом, ищет пути к выходу на советское подполье в целях его истребления. Преступно попирая международные законы и концепции человеческого общежития, ру-

ководство разведдеятельностью на советско-германском фронте разделяло антигуманную тактику «выжженной земли» и в союзе с другими видами войск сокращало население нашей Родины, ещё не отошедшей от репрессий ГУЛАГа, смертоносного добровольчества в Испании, Китае, Монголии, а также в позорной финской кампании...

Через год поражений, отступлений, ужаса многомиллионного плена, неописуемого бега сотен тысяч с родных земель и варварского ига оккупации, учреждается «Зондерштаб Р». Подчинённые ему силы боролись с партизанским движением, вели агитпропаганду, поддерживали среду националистов в захваченных регионах, вели поисковые операции советских разведгрупп, заброшенных с самолётов, катеров и лодок у прифронтовой полосы. Это было сложнее японского разгрома ВМС США в Пёрл-Харборе...

«Подвиг разведчика», «Щит и меч», «Семнадцать мгновений весны», «Мерседес» уходит от погони», «Их знали только в лицо», «Шёл четвёртый год войны», «Конец «Сатурна» — советский кинематограф оставил высокохудожественное наследство, жестокое и патриотичное одновременно. И при неопределяющейся демократии из сотен миль документальных лент народу не показано практически ничего. Образ врага — человека и нечеловека, изменившего самому святому — Матери-Родине, подбирался по принципу С. Герасимова и С. Бондарчука: бандитский тип лица, полная безграмотность, звериные повадки, пожизненная фанатичность и стопроцентная обречённость судьбой, которую сотворил сам при неминуемом расколе войны на два лагеря...

Всякий, уклонившийся от боевого долга перед Отчеством, преследовался вплоть до погоста. Многие оказались запуганными НКВД, СМЕРШ и народными мстителями. Часть отторглась от земли-матушки по бездушию и слабохарактерности. Другие — присягнули свастике из-за «шмайссера», поставленного в затылок отца, матери, братьев, сестёр, мужей и возлюбленных. Ещё не забыли про раскулачивание, взрывы церквей и «воронков», ещё жила родня, потерявшая всех за Полярным кругом и при стройках пролетариата. «В законе» матерела уголовщина...

Предательство советского гражданина — это парадокс, не освещённый мастерами союзов писателей, журналистов, кинематографистов, артистов, певцов. Ибо сложилось так, что справедливость в России приправляется щепоткой мести, посетившей и нашу Орловщину.

В боевую задачу настоящих «исаевых» и «вихрей» входила борьба не с карикатурным врагом-сеголетком, а с умным, изворотливым, предельно оснащённым противником, отнюдь не мечтавшем о героизме.

Не всех предателей знали в лицо, ведь прошлое — чужая страна, где всё от А до Я абсолютно по-другому. Однако приказ командования, разума, сердца, Отчизны, сама война выявила лица изменников, и тот момент истины стоил многим и многим нашим пращурам собственной жизни. Той самой обыкновенной довоенной жизни, тысячекратно осветившей салютом Май Победы, ради которой погибло ТРИДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ граждан Союза Советских Социалистических Республик...

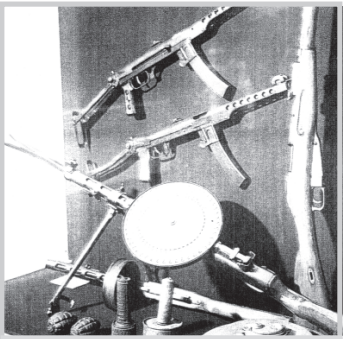
2. ДИВЕРСАНТЫ

О катастрофичности 1941 года, вступлении лязгающих полчищ Г. Гудериана в Орёл, героизме орловского подполья (известного не только по взрыву в отеле «Коммуналь»), как и о других событиях первого этапа Великой Отечественной войны, сказано и написано довольно подробно и много. Местная пресса с момента освобождения Земли предков от захватчиков, считала святым делом поиск и разработку материалов, приоткрывающих занавес над закулисьем фронта, тыла, оккупированных владений и логова противника. После войны прошёл ряд показательных процессов над предателями и убийцами своего народа. По фактам, рассказанным мне ветеранами, я попытался отобразить преступников в стихотворении «Вор чести воинской» и новелле-были «Узнал...»

А задолго до празднования побед, чествования и антисыновьего унижения воинов, калек и героев тыла ледяным бездушием бюрократ-аппарата партии, министерств обороны и внутренних дел Абвер забросил в советскую Россию теперь уже неподсчётное число диверсионно-разведывательных групп. Изощрённо подготовленные подразделения в составе от 10 до 50 человек (в зависимости от фак-

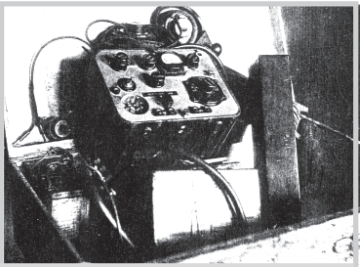
Погоны на выбор.

тора обстановки и цели поставленных задач) добывали и классифицировали разведданные, укрепляли резидентуру, привлекали к сотрудничеству новых лиц, развивали сеть внедрения в советскую армию и её учреждения, способствовали открытию либо изменению конспиративных явок и подпольных типографий. Многонациональный, смешанный состав групп вооружался спецдиверсионным снаряжением, стрелковым оружием, иногда — миномётами, лёгкими арторудиями и обязательно — портативными средствами радиотехнической разведки и связи. Перед скрытым переходом линии фронта наиболее важным персонам «нон грата» вручались крупные суммы денег, безукоризненные поддельные документы (часто из обмундирования ими же убитых советских военнослужащих), холодное оружие, мини-фотоаппараты, химикаты и яды для мгновенного уничтожения в случае обнаружения или захвата неприятелем.



Средства убийства своих и чужих.

В переводе с латинского «диверсия» — отвлечение, отклонение. Толкуя с общевоенного — это действия отдельных лиц и групп в тылу врага, обеспечивающие вывод из строя военно-промышленных объектов, кораблей и баз ВМС. Под диверсиями подразумевают разрушение аэродромов, береговых и гидротехнических сооружений, коммуникаций, боносетевых заграждений, узлов и линий связи, важнейших транспортных артерий страны. Кредо диверсантов — ликвидация пунктов управления и руководства, пленение комсостава противника, истребление крупных группировок живой силы и боевой техники меньшим числом при снижении собственных потерь. Указанное едино для «Д. Бондов» под любым флагом. Как говаривал Роберт Зенд, общее у людей одно: «Все они разные»...



Ключ диверсий.

По сути огромного дела по задержанным шпионам-диверсан-

там в границах обширной тогда Орловской области давно плачет фундаментальный том, к сожалению, упущенный сонмом пенкособирателей сюжетов из пустоты (птички и фиалки в их «трудах» важнее истории человеческих взаимоотношений). Поразительно и показательно, что даже в демократическое время дипломированные, премируемые и шибко оплачиваемые эрудиты обходят лабиринтную проблему околицей, чересчур увлекаясь нескладушными ладушками напоказ. Профессионалы наук и академий при допуске к архивным богатствам, если и дорастают до диссертаций, держат их в секрете под подпиской, причём исключают возможность построения версий и субъективизм, без которых нереально приблизиться к истине. Отечествоведы, краеведы, публицисты, журналисты, писатели и очеркисты, телевизионщики и фотокорреспонденты уморили пастилой вдоль проторенных автобанов и молочных рек с кисельными берегами. Учитывая трусость, лень и подкупность «конструкторов» общественного мнения, сегодня частично восполним «немой» пробел представленной публикацией...

Парашюты людские и грузовые агентов-диверсантов.

В годы оккупации в Орле были созданы спецшкола диверсантов (часть 0049) и школа разведчиков при разведотделе штаба «Виддер», которыми руководили граф Тун и капитан Фурман.

В 1942 г. органами госбезопасности СССР при попытках и переходе линии фронта неоднократно задерживались агенты немецкой разведки. Так, в мае выявили и пресекли деятельность Козьмина В.Л., Шолохова Б.А, Сергиенко Н.С., Терехова И.Ф. и Антонова А.М. Бывший помощник командира батареи, лейтенант РККА, бывшие сержант и штурман авиации, бывшие командир роты и сапер, младший лейтенант соответственно, будучи в форме Красной Армии, имели фиктивные документы, справки, штампы и удостоверения, изготовленные в Орловской спецшколе. На допросах они пояснили, что в её стенах работает особая лаборатория по взрывчатым веществам. При аресте у группы изъяли: тол, находившийся во флягах и коробках проти-

вогазов, револьверы «наган», гранаты РГД-33, винтовки «СВТ» с батареями капсюлями-детонаторами в прикладах.

В июле 1942 г., вслед за этой группой, мышковавшей в районе с. Красные Лужки, обезоружили диверсантов во главе с бывшим командиром отделения, сержантом А.М. Трофимчуком. В боевые обязанности его подчинённым — Курскому В.В., Титенко В.И. и Соболеву А.М. (все — дезертиры, бывшие красноармейцы) вменялось уничтожение железнодорожного полотна у ключевых станций и важных военобъектов.

Все четверо в начале войны оказались в плену, позже попали в Орловский централ, где были завербованы людьми графа Туна и направлены в его школу на ул. Георгиевской (Тургеневской) в г. Орле.

Окончив её в ритме спаренных двоек в начале июля, они были переброшены на самолёте под Нижнюю Любовшу (последние двое), а Трофимчук с Курским — в район развилки ж/д Елец — Ефремов и Елец — Лебедянь. Врагов снабдили двумя головыми шашками по два килограмма каждая.

Одетые в форму красноармейцев, диверсанты имели сфабрикованные Орловской спецшколой документы — аттестаты продовольствия, справки о лечении в госпитале, командировочные предписания. Трофимчук страховался справкой эвакогоспиталя на имя Богаткова. Этой группе удалось провести ряд диверсионных актов, до того как она была установлена, прослежена и арестована.

Ночью с 5-го на 6-е сентября 1942 года с немецкого самолёта парашютировался неизвестный, приземлившийся у одного из населённых пунктов Иэмайловского района Орловской области. В ходе оперативно-розыскных мероприятий его быстро схватили. Выяснилось, что он — агент немецкой разведки, радист «Б», прикрывавшийся фиктивными документами на имя уроженца г. Краснодара Лебедева Ф.Л., комиссованного от воинской службы приказом НКО СССР № 184 от 1/VIII 1940 года. Ряженый старший лейтенант, бывший помощник командира батальона связи, «прописался» в Ростове и Воронеже. Вместе с ним для сбора шпионских сведений был сброшен агент «П», однотипно экипированный и снабжённый ложными документами. Как доказательства, изъяты и предъявлены в качестве улик — парашют, портативный радиопередатчик в портфеле, запасные батареи к нему, личное оружие.

Продукты питания.

В ночь на 12-е ноября 1942 года в радиусе 50 км в районе Тулы кружил немецкий самолёт, взлетевший со Смоленского аэродрома. На его борту находился некто «Дуров» — он же П. Данилевский, П. Данильченко, М. Горшков. Покинув машину, он собирал информацию о передислокации советских войск на ж/д Епифановского района. Паспорт, свидетельства об освобождении от воинской обязанности на разные имена были отштампованы германской разведкой.

Всего три месяца назад, после потери 70 миллионов человек под игом оккупации, после потери более 800 миллионов пудов хлеба и более 10 миллионов тонн металла в год, до сведения командования Красной Армии, ВВС, ВМФ и военнослужащих доводится Приказ Народного Комиссара Обороны Союза ССР И. Сталина. Помимо вопросов организационного характера и успехов боевого применения штрафных рот, в нём, в частности, говорилось (привожу Приказ № 227 выборочно и с сокращениями):

«...б) сформировать в пределах армии 3 — 5 хорошо вооружённых заградотрядов (по 200 чел. в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникёров и трусов;

в) сформировать в пределах армии от 5 до 10 штрафных рот от 150 до 200 чел. в каждой (в пределах фронта от 1 до 3 штрафбатов по 800 чел. — В.Р.), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной»...

Не за этой ли горестной страницей в нашей истории кроется всплеск фронтовых самоубийств, членовредительство, рост дезертирства, саботажа, клеймо обречённости власовцев, бандеровцев, «лесных братцев» Прибалтики? Никто не хотел умирать...

В январе 1942 года к шефу сыскотдела полиции Орла Г. Коху пришёл мрачно известный на Орловщине душегубец М. Букин

— злейший враг коммунистов и советской власти. Выполняя задания Гестапо, преследовал местных жителей, разыскивал евреев и комсомольцев. При нём арестовали свыше 250 человек — почти все были расстреляны или погибли в концлагерях.

В отличие от злостных дезертиров А. Полеева, В. Шемлянникова, Н. Данчука и др. изгоев, скрывавшихся в Калабинском лесу близ Ельца, убивавших себе подобных для пропитания, Букин скроется от правосудия и будет бесчинствовать в каунасском концлагере «Провинишки». Возмездие настигнет отребье запоздало, но обязательно. Букин, Романников, Марунов, Швейгер, Серебряков, Мельник, Макрушин, Лунёв, как исполнители злодеяний, в ходе которых было расстреляно и уничтожено около 1150 ни в чём не повинных граждан, уйдут в землю в 1976 году так же, как диверсанты Абвера в опалённых сороковых.

И всё же повременим ставить точку, памятуя о том, что первой жертвой войны становится правда. Впереди сжатый рассказ о немецкой резидентуре в Колпнянском районе, о деятельности агентов «Сатурна» на Елецком, Воронежском и Тамбовском направлениях, о захвате диверсантов-парашютистов под Комаричами и Навлей. Более подробно рассмотрим многие забытые события и дело антисоветской фашистской организации «О.З.Р.Н.» — «Общества защиты русского народа», разрабатывавшей планы «русского порядка» в Клинцах, а также дело ячейки «Истинно-православных христиан» в Красненском районе. Вспомним и о разгроме монархической организации «Иоанитов» в Орле…

3. ПРОКЛЯТЫЕ ВРЕМЕНЕМ

До войны Колпнянский район входил в административное деление Курской области. Здесь, на берегах суетливо-каменистой Сосны, родился один из первых Героев Советского Союза лётчик-истребитель Владимир Бочаров. Добровольно сражаясь в небе Испании, он проявил себя асом, сбив несколько франкистов и нацистских «кондорцев», но был пленён и изрублен извергами на куски, «в назидание красным собакам-коммунистам». Позже здесь едва не погиб один из лучших пилотов страны, тактик и исполнитель таранных атак Герой Советского Союза Борис Ковзан, спасённый колпнянцами...

Кто бы мог подумать, что германец, прошедший огнём и ме-

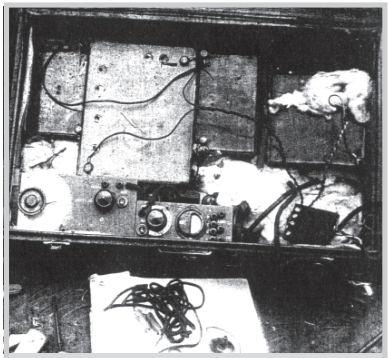
чом Европу и часть Северной Африки, «вбурится» на такие глубины пролетарско-аграрной России! Кто из смертных по обе стороны фронта предвидел, что молох, эшафот, каток, гильотина и душегубка сверхтяжелейшей войны будут давить их жизни долгих-долгих четыре года?

Немцы прекрасно понимали стратегическое расположение района. Сразу же после захвата его земель Вермахтом сюда командируются тёртые офицеры: комендант Майер, его заместитель Клепп, специалист парашютного дела Ланг, бывший польский генерал Горин. Они координируют работу разведки и контрразведки, не скупясь спонсируют организацию сети осведомителей, вербовку шатко настроенных местных жителей. Один из значимых разведпунктов находился в Даниловке, где проживала предательница и резидент немецкой разведки П.Е. Белякова-Токарева. Подыскивая верных единомышленников, она сплотила вокруг супругов Тамбовцевых, а также А. Агееву и Ф. Коптева. По разным причинам или изломам жизни все они ненавидели советскую власть и, как тогда говорили, являлись социально-чуждыми, контрреволюционо-прокулацкими элементами.

С первых дней оккупации Колпнянского района они переступили понятие «Родина-Мать — зовёт!», вступив в преступный контакт с лидерами карательно-разведывательных органов всенародного ворога. Активно занимаясь пропагандой «пряника нового порядка», они лично применяли «кнут» против своих соотечественников, мирных сограждан. Изменники, тайно действуя на пользу фашистской Германии, выслеживали, вылавливали и выдавали наглой и заматеревшей немчуре коммунистов, евреев, партизан, комсомольцев и других советских граждан, не успевших уйти от бронированного нашествия «цивилизованных» варваров, либо осознанно оставшихся для борьбы с врагом методом диверсий и отстрела наиболее отъявленных палачей. Проинструктированная Майером Белякова-Токарева совместно с членами своей группы запугивала, грабила и издевалась над местными. Сотрудничая с немецкими разведчиками, она переодевалась старухой, а затем «бродяжничала» по деревням и хуторам в поиске раненных бойцов Красной Армии и забрасываемых парашютистов. Та же система слежки культивировалась в кругу подчинённой ей резидентуры, в оформлении документов которой ощутимо помогали капитаны Маркс, Фишер и лейтенант Лойтш. Вся группа была арестована и предана суду в период освобождения Колпнянского района с 10 по 22 февраля 1943 года. Капкан захлопнула опергруппа УНКВД по Орловской области.

В мае того же года в семи километрах от Ельца, ночью были сброшены с самолёта агенты «Н» и «Д», окончившие разведшколу при штабе «Сатурн» (разведпункт «Ольга», отдел 1-ц; взлёт со Смоленского аэродрома). Целью заброса в советский тыл являлись подрыв ж/д полотна на путях Елец — Ефремов, а также поджоги военскладов. Диверсанты укомплектовывались 10 килограммами тола и 4 зажигательными снарядами с жидкой смесью, имели красноармейские книжки от имени ОО НКВД 48-й армии и числились в партизанском отряде «Волкова».

По легенде, «Н» и «Д» двигались к партизанам, идущим в тыл противника (уже после совершения диверсионных актов), однако для обратного перехода линии фронта их снабдили спецпропусками. Маленькая бумажка заворачивалась в тонкую непроницаемую резину и пряталась между пальцами ноги. Мандат был короток: «Особое задание, немедленно доложить 1-ц (разведотделу)». Кроме того, агенты надеялись на командировочные предписания от 209-го отдельного сапёрного батальона, по которым они ехали в Ефремов якобы за сапёрным имуществом. Лазутчики скрывались под формой старшего сержанта и рядового в погонах. Были вооружены винтовками Мосина образца 1891/1930 гг. и имели при себе продовольствие: прессованный хлеб, сыр в тубике, колбасу, ветчину, сахар, галеты. Даже махорку и спички они получили от снабженцев Абвера...

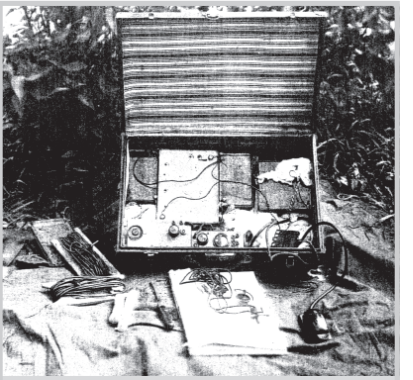


Надёжная связь.

Разведчик-парашютист «Хлебников» олицетворял ту же «сатурнскую» школу, расположенную в Катыни Смоленской области. Вышколившие его кадровики из Отдела 1-ц, в котором хватало умниц и подонков, направили Иванова М.П. в Задонский район не пешком, а на «Юнкерсе-88». В задачу «раненого красноармейца, следовавшего из госпиталя», входил вояж по ж/д от Ряжска до Ельца через Мичуринск. «Командировка» сроком 7 — 10 дней включала выполнение следующих поручений: а) проверка состояния ж/д ст. Елец, анализ прохождения эшелонов и погрузки-разгрузки складов; б) сбор данных о всех перемещениях на ж/д ветке Елец — Ливны; в) разведка в Ливнах о гарнизоне, скоплении войск и техники; г) детальный шпио-

наж по маршруту Ливны — Коробеш — Кослюковка — Моховое — Ивановка — Жерская — Мурсино — Александра; д) переход линии фронта у д. Ивановка у позиций 409-го полка.

Небольшого росточка «Хлебников» имел при себе немецкий компас, «наган» с семью патронами, 2000 рублей и харч ровно на неделю. При задержании изъяты поддельные документы: справка из эвакогоспиталя, продаттестат, требование на проезд по ж/д и записки о передвижении воинских соединений Красной Армии.



С поличным.

Гнали немцев с израненной и оплаканной Орловской земли, а суровым мужчинам из РО НКВД Колпнянского района предстояло потратить немало сил, смекалки и матсредств, прежде чем арестовать и ликвидировать резидентуру во главе с Д. Пушечниковым в составе М. Логачёва, А. Прокопова, А. Еськова, И. Русанова, А. Савонина. Во время оккупации, действуя под «крышей» капитана Майера и «пинкертона» Турсика, работник Гестапо, предатель Гала, лесник Пушечников, староста Русанов, бывший старшина Прокопов и другие «борцы с большевизмом» производили аресты и обыски, глумились над населением, распространяли нацистскую литературу. Они несли в дома ложную информацию о положении на фронтах, повсеместно утверждали о непобедимости германских войск и оружия, клеветали на советское правительство, партию и её вождей. Грифом местной комендатуры Крутое Майер выбил им привилегии, которые и привели предателей к должной мере наказания за содеянное зло, не имеющее покаяния и оправдания.

Уроженец д. Каменка Моховского района Орловской области В.И. Фомин обучался радиоделу в облцентре под надзором начальника разведшколы капитана Фурмана. 19 февраля, успешно окончив курсы, он был доставлен в Малоархангельск по секретному заданию штаба «Виддер» под псевдонимом Деев. К этому времени немцы оставили Малоархангельск, поэтому «Деев», как квалифицированный разведчик, был необходим «секьюрити»

Рейха в облике его глаз и ушей. Парню 1919 года рождения вручили радиостанцию типа «Север», 9.225 рублей, револьвер «наган» и обильный запас продуктов при всеобщем голоде. Местом хранения портативного передатчика и его выхода в эфир выбрали подвал разрушенного дома, бывшего... райотдела милиции. Чтобы «Деев» мог передвигаться по Малоархангельску более легально, а также на случай провала, его «подстраховали» метрикой на имя С.П. Машенина, по которой он значился душевнобольным, эвакуированным из госпиталя № 3653. Прикинутый по одёжке умалишённым, в миру Василий, успел разработать шифр и другие условности, до тех пор пока не был запеленгован и обезврежен как вменяемый враг народа...

В конце мая 1943 года, в результате чётко продуманных оперативно-агентурных комбинаций, 2-м отделом при УНКВД Орловской области были выявлены и арестованы парашютисты-радисты Абвера, разведчики «Репин», «Бойко» и «Перов». Наилучшие качества защитников Отечества в ходе розыска особо опасных госпреступников, продолжительное время шпионивших в Тамбовской, Воронежской и Орловской областях, проявили «волкодавы» отдела А.Е. Никульников. П.В. Райков, М.М. Исаев и Н.Н. Миронов. Все документы, изъятые у задержанных, фабриковались мастерами фальшивопечатания Германии от имени 409-го стрелкового полка Красной Армии и управления 60-й стрелковой дивизии. При них имелись: немецкая радиостанция, закамуфлированная под гражданский чемодан, график выхода на определённую волну, доппитание в батарейках, шифр метеорологических сведений, подробные топографические карты и шифровки из Центра. Группа вредительски проживала 10 дней в Ельце и официально могла квартироваться в Мичуринске. Из дома у ж/д ст. Елец «художнички» контролировали движение поездов, за что поплатились жизнью по законам военвремени...

Меч возмездия.

Несмотря на череду провалов, штаб «Сатурна» и разведчики диверсионной школы «Ольга» не успокоились в своих притязаниях на советскую территорию. Ночью с 15 на 16 июня 1943 года а Краснозоренском районе Орловской области были десантированы агенты «Ж» и «В». Приземлившись в двух

километрах от совхоза «Красный Октябрь», диверсанты не стали искушать судьбу, явившись с повинной. Обладая 12 кг тола, минами замедленного действия и зажигательными смесями в порошке, Г.З. Жуков и И.В. Волков легендировались именем штаба 41-й стрелковой дивизии и рембазы № 82, выступая в роли автоинтендантов, закупающих имущество для «ЗиСов», «ГАЗов», «Студеров», «Доджей»… У опомнившихся перебежчиков были отобраны: красноармейские книжки, аттестаты на продовольственное и денежное довольствие, удостоверения личности, справки и немецкие «аусвайсы» для беспроблемного перехода линии фронта при возвращении. Участь раскаявшихся осталась неизвестной...

В далёкой Германии, ежеминутно терявшей своих сыновей, в драматической прострации холил лошадок Вильгельм Канарис. Операция «Эрих» (взрыв Беломорканала), «Эрна» (террор совойск в Эстонии), «Тамара» (переворот в Грузии), казались шуткой на фоне гитлеровской программы уничтожения пяти миллионов российских евреев. Дороги войны и поход на Восток усилили давление СС, СД, РСХА. Адмиралу пришлось уступить элитную дивизию «Бранденбург», брошенную в самое пекло в кризисную зиму 1942-43 гг. На фаворита — основателя Абвера — пошли в наступление Г. Геринг, Г. Гиммлер, Г. Мюллер, В. Шелленберг и другие профи по укладке своих проблем на чужие плечи. «Тысячелетний Рейх» лихорадило изнутри, и это было предвестие надвигающейся агонии и катастрофы, обесчестившей трудолюбивый германский народ...

4. ОЧИЩЕНИЕ РОДИНЫ

Жители Орловского края поднялись на священную войну с крестоносцами с первого дня Великой Отечественной. В противовес вандальскому установлению оккупационного режима, фарисейски прикрывавшегося воскрешением православия, действовало классически организованное партизанское движение. В Орле, на глазах у врага, работала школа партизан и кадров подполья, подготовившая более 3000 подрывников, минёров и разведчиков. Основные отряды формировались под Брасово и Тросной. В Навлинском районе побывала делегация С.А. Ковпака. Началась сокрушительная рельсовая эпопея...

Глубокий рейд.

В бессмертной памяти Человечества остались подвиги и заслуги патриотов, ведомых А.Д. Бондаренко, Н.А. Алёшинским, Д.В. Емлютиным, А.П. Матвеевым. За два года войны в тылу противника партизаны взорвали 81 железнодорожный мост, пустили под откос 841 эшелон, 832 паровоза и 7 бронепоездов. Они уничтожили 175 танков, 70 самолётов, 63 танкетки, 1837 автомашин, 164 арторудия, а однажды, взорвав 64 км путей, парализовали врага на срок больше месяца. Защитники Края Предков истребили 147835 захватчиков (в том числе трёх генералов), пленили 1683 «рейховцев». Тысячи партизан награждены орденами и медалями СССР.

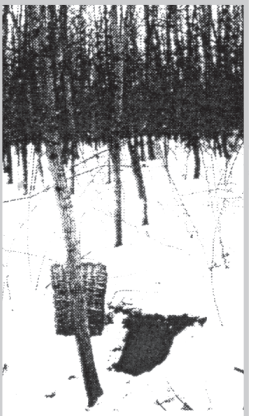
Германское командование, активизируя областные репрессии, решило перейти к аналогичной практике диверсий, для чего с Минского аэродрома в Брянские леса под село Игрицкое Комаричского района были заброшены на «Юнкерсе-88» шестеро парашютистов. Во главе группы, имевшей задание осесть в Брянских дебрях с целью организации банд из дезертиров, предателей и немецких ставленников, стояли «Кравченко» (он же «Доронин») и радист «Колосов». Помимо сплачивания вокруг себя от-

Партизанский натиск.

щепенцев, на них возлагались теракты на ж/д, против советско-партийного, партизанского актива и командиров Красной Армии.

В ходе проработки агентурно-оперативных сведений, мерами, принятыми начальником Комаричского РО НКГБ, майором госбезопасности Поповым, группу разыскали и обезвредили. «Кравченко» и «Коришкову» удалось скрыться, но были схвачены их напарники, агенты Абвера «Фёдоров», «Андреев», «Пермин». У всех были при себе фальшивые книжки красноармейцев, бланки поддельных документов — аттестатов, предписаний, требований, удостоверений и справок. Так, на имя бежавшего «Кравченко» немецкая контрразведка сфабриковала удостоверение от имени СМЕРШа 1-го Белорусского фронта, предоставлявшее ему неограниченные полномочия при передвижении, особо если оговаривалось «секретное задание». Диверсанты располагали рацией, вмонтированной в чемодан, ППШ, финками, топорами, противогазами, крупным запасом продуктов и 40000 подлинными рублями. После десантирования в ночь с 19 на 20 июля 1944 года к ним повторно высылался самолёт, сбросивший подробную топографическую карту для облегчения дальнейших действий. В письме от обер-лейтенанта-инкогнито сообщалось: «Посылаю несколько ремней и палатку, чтобы починить чемодан. Автомат тебе тоже нужен. Не падай духом, продолжай хорошо работать и ты спасёшь положение. В деревне Ямное замечены огни, значит, есть жители. Привет от всех и много счастья. Прилагаю письмо друзей».

Ещё до «пришельцев» из Вильно явились с повинной с повинной «Стельмахов» и «Касинский», прилетевшие на ночном разведчике в Навлинский район севернее деревень Пролысово и Сытинка. Благодаря помощи спецпеленгаторной машины НКГБ и в результате розыскных мер, выяснилось, что агенты входили в бандгруппу из 18 человек. Ею руководил крайне опасный изменник Родины, участник многих операций «Отнашев». Связь с Центром осуществлялась через ключ радиста «Сабирова». В задержании и ликвидации диверсантов-парашютистов в течение нескольких дней отличились работники Трубчевского РО НКВД и Орловского УНКГБ Гадаев, Зайцев, Кугучев,



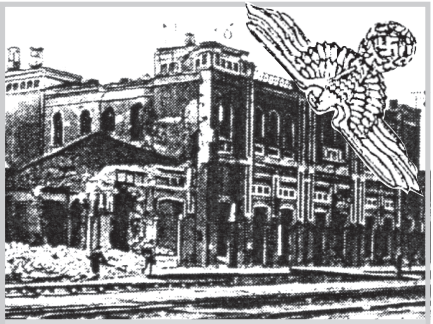
Логово обречённых — лесная землянка.

Шарабурин и Исаев, впоследствии награждённые правительственными наградами.

Согласно выверенному сценарию, эта группа представляла серьёзную опасность, ибо была мощно вооружена: 5 автоматов, 3 ручных пулемёта Дегтярёва, 4 бесшумных винтовки и несколько ручных гранат. Имея продовольствие на 10 суток, шанцевый инструмент и радиопередатчик, она готовила мини-аэродром для приёма самолётов и затем планировала произвести вербовку лиц из числа способных на террор своего народа, а также на убийство командиров Красной Армии и видных начальников советского тыла. Задуманное зло пресекли...

Атака под Орлом.

Война шла огненным валом на Запад, уже как год освободили Орёл, а в Германии наиболее здравомыслящие офицеры предприняли отчаянную попытку освободить Фатерланд от главного виновника кровопролития всех времён и народов — А. Гитлера. Война могла окончиться раньше, были бы спасены тысячи и тысячи жизней по обе стороны фронта, но заговор провалился 20 июля 1944 года. Фюрера легко контузило и ранило. Расстреляли генералов Ф. Фромма, Ф. Ольбрихта, полковника К. Штауффенберга.



Освобождение пришло!!!

На переплавку.

Покончили жизнь самоубийством генералы Х. фон Тресков, Л. Бек и «лис пустыни» — фельдмаршал Э. Роммель. Казнили около 200 человек. Среди них — фельдмаршала Э. фон Вицлебена и

адмирала В. Канариса. Из-за неудач в войне с Советским Союзом шеф Абвера и создатель беспрецедентного загранразведаппарата ещё в феврале был уволен в отставку, а вверенные ему силы в связи с падением доверия к его руководителю перепрофилировали в Главное управление имперской безопасности (РСХА). Адмирала повесили в концлагере Флоссенбюрг, доказав всему Рейху, что при диктатуре правды не существует. Ефрейтор, которого слишком долго лелеяли и повышали в звании, поздно переосмыслил Хельмута фон Мольтке: «Ни один из планов не выдерживает встречи с противником».

Возмездие неумолимо приближалось к Берлину, оно ускорилось с открытием Второго фронта, но монстроподобные силы Империи Зла двигали «пешками» и «ферзями» на чёрно-красной «доске» Второй мировой войны. На Орловщине опергруппы НКВД ловят поляка «Чеховича» и парашютиста «Каюмова», радировавших о передвижении советских войск. В конце июня 1944 года в Почепском районе с трёхмоторного самолёта немцы сбросили группу из 16 человек, приземлившихся вблизи деревушки Пьяный Рог. Они подчинялись предателю «Курбанову», не раз выполнявшему задания «барбароссовцев», и вооружённые и экипированные до зубов, шли на рандеву со шпион-группой «Хасанова», которая скрывалась в чащах Навлинского района. Усилиями НКВД, НКГБ, СМЕРШа и лично зам. начальника УНКВД по Орловской области подполковника Зайцева банду разгромили за неделю…

Генерал-лейтенант А.А. Власов — автор антисталинского манифеста.

В деревне Красный Стяг сдаётся парашютист «Демухамедов», задерживается правая рука «Курбанова» — агент «Украинов», 12 лазутчиков кладут оружие в Ромасухинском лесу. Наголову разгромленные и распотрошённые на Орловско-Курской дуге, фашисты зондируют почву для новых реваншей, сбрасывая повсюду грузы для агентуры. Так, для радиста «Х», вредительствовавшего под Шахово Кромского района, доставили немецкий радиопередатчик нового типа, каучуковые штампы, печати и чис-

тые бланки частей Красной Армии, закреплённые деньгами в сумме 100 тысяч рублей. В посёлке Локоть Брасовского района Абвер санкционировал рождение «национально-социалистической партии Всея Руси», известной как «Викинг». Представители Локотского округа самоуправления комбриг РОА Б. Каминский, обербургомистр К. Воскобойник и другие самовлюблённые аферисты под надзором главы штаба «Виддер» зондерфюрера Гринбаума и лидеров 2-й танковой армии, мечтали о всероссийском объединении антисталинских сил. Новоявленные господа собирались с визитом к А. Гитлеру, но почти все обрели смерть в ходе дерзкого налёта партизан и чекистов, отомстивших за издевательства над народом не только в Брасовском концлагере. Это они повернули наизнанку сознание ученику Локотской неполной средней школы Ивану Меркелову, по подростковой дури ставшему распространителем листовок. Разыскал заблудшего отрока начальник 6-го отделения 2 Отдела УНКГБ Орловской области майор Новосёлов. Неизвестно, остался ли юный борец жив после ареста, ибо в листовках значилась приговорная для него пуля. Вот что не учёл М.М. Мартынов в книге «Фронт в тылу»: «…В чём заключается «Сталинская свобода»? В том, что нас за малейший прогул судят и штрафуют. Нас с завода не выпускают. Выходит, как поступил на работу, так и помирай на ней. Товарищи! Чтобы предотвратить голод, который неизбежен при существовании нынешнего строя, вступайте в наш союз. Союз борьбы против колхозов».

Вот вам, бабушка, пойми, чей тут день... Был я в Брасовском районе в недельной командировке. Народец там прелюбопытнейший: больше хитровато зыркает, чем говорит, хотя к 60-летию освобождения Орловщины ох как многих не стало. Оттуда я привёз стихотворение «Бывшая», вошедшее в однотомник «Шапка Мономаха»...

Бывшие подлецы, вставшие наперекор общечеловеческим канонам в ряды тайной полевой полиции (ГФП) вновь взорвут мирный ход жизни в конце 70-х годов, когда на суд новых поколений выведут предателей А. Рындина и Г. Голубева. Попав в плен, оба забыли о клятве Верности Отечеству, продали остовы и души врагу, вступив в команду 580 под патронаж полицайкомиссара Грамша. Эта группа хладнокровно учинила жесточайший расстрел в Медведевском лесу. На руках злодеев невинная кровь сотен комсомольцев, подпольщиков, партизан, коммунистов,

евреев и местных жителей не только Орловской, но и Брянской, Смоленской, Могилёвской областей. Участники зверств и карательных походов, немцы Редигер, Клееберг, Бендикс, Горни были уже давно схвачены, а их приспешники-русские скрывались под святым ликом героев-ветеранов. В суровую годину преступники рядились окруженцами, ездили на облавы, арестовывали и расстреливали несчастных соотечественников, в некоторых случаях с неописуемым словами садизмом...

Именем Союза Советских Социалистических Республик, именем трагедии, боли и слёз нашего народа, жизнью своей победившего нацизм и милитаризм, нелюди в человеческом облике станут мишенями по негласному Закону Справедливости. Его тайна тысячелетиями хранится в народной памяти — в крови, сознании и генах. Исполнителей-палачей однозначно казнят, но мы обязаны помнить, что в любом противоборстве наций виноваты дипломаты, политики, вожди, премьеры, короли и царевны, знающие когда и как подкинуть массам хлеба и зрелищ...

Вопрос — какой ценой и по каким ценам доведут они Человечество до вечного планетарного милосердия?

5. ПРЕДАТЕЛИ ПОД ВОПРОСОМ

В завершение новейшего экскурса о деятельности шпионской сети германских вооружённых сил на Орловщине необходимо повернуть в фас ещё одну форму предательства. Проблема символизируется тем, что в период расцвета советских карательных органов широко практиковалась фальсификация уголовных дел в угоду провозглашённой линии Компартии: «Все на борьбу с троцкистами, контрреволюционерами и врагами народа!». Облзачистки, раскулачивание, насильный сгон в колхозы и конфискация имущества крестьян в пользу государства, дьявольские методы расправы над священнослужителями, подрыв храмов и их разграбление, расстрелы невиновных в Липовчике и Медведевском лесу, бесправие осуждённых и «временно» заключённых в Орловском централе и СИЗО, трагедийное этапирование граждан всех прослоек общества по стране и, наконец, повышенная смертность за «колючкой» ГУЛАГа — вот вехи, из-за которых часть населения ошибочно уверовала в «гуманность» завоевателей...

Горько признавать, что фашистская (!) антисоветская организация появилась за три года до войны в Клинцах. В Уставе «Общества защиты русского народа» значилось (приведу документ выборочно и с сокращениями): «Борьба с Советской властью и вообще с идеями большевизма в интересах защиты русской нации от жидовского ига — основное направление группы (...). Наша группа стремится к уничтожению еврейской власти в России, что, конечно, является желанием русского народа (...). Похабный Сов. строй, чувствуя свою гибель, старается и как можно скорее ликвидировать свободолюбивых людей, изолировать их от остальной обманутой массы, для быстрейшего построения второй Палестины (...). Мы им напомним, что наша родина — это будущая свободная Россия, а не существующая Советская Палестина».

Яро выраженный русский национализм под девизом «Смерть жидам!», к сожалению, был не нов. Он шёл параллельно истории страны аж со времён великого князя Владимира Мономаха, пророчески предсказавшего окаянную смуту в случае госпереворота во главе с иностранцами. Родоначальник династии самодержцев расейских, боровшийся с язычеством ради укрепления христианства, знал, за что Сын Божий проклинал предавший его народ. В пустыне зачали зародыш Утопий.

Антисемитизм в действии.

Вдохновителем клинцовских антисемитов был бывший брянский кулак А.С. Щёлоков. Украв на рабфаке печатную машинку, он вместе с «русскими патриотами» И. Кашкиным, К. Непши, Г. Фёдоро-

вым, Я. Марченко, В. Максименко и др. (все — дети служителей культа и кулаков, к тому времени расстрелянных НКВД) распространял шовинистские прокламации, призывая быть готовыми к вооружённому бунту. Вот, например, контрреволюционные вирши тогдашних скинхэдов:

Отчизна — мать Россия
родная ты моя,
сыны твои проснулись,
восстанут для тебя.

Фактически сироты, объединившиеся в злобный союз из-за потери кормильцев, естественно, не созрели до понимания общенациональной кровожадности итало-германского фашизма и уж тем более самурайского экстремизма, провозгласивших «избранность» двух рас. Они не предусмотрели, что русские нацисты, не имея самостоятельности, в стане покровителей всё равно останутся рабами, в лучшем случае сыграют роль дворовых собак. Вредная правда аукнется на РОА Андрея Власова, отрядах Степана Бандеры, Ивановского и Акинчица, на Евгене Коновальце, убитом НКВД, на программе и жизни Йонаса Жемайтиса и Карлиса Ульманиса. Карающая длань большевизма настигнет представителей казачества — Петра Краснова, Ивана Кононова, атамана Григория Семёнова, лидера русского фашизма Константина Родзиевского, ударит бумерангом атеизма по главам духовенства и мусульманского движения Средней Азии. Но до предательства 2-й Ударной армии, репрессий на инакомыслящих «язычников» и переселения народов Ставкой ГКО, товарищи Холин, Пономарёв и Столяров, служившие при УНКВД по Орловской области, поставят крест на фашистах в Клинцах в сентябре 1938 года...

Власов в школе пропагандистов РОА. Надежда не сбылась.

В Красненском районе, уже в годы оккупации, пресекли ячейку антисоветской организации «Истинно-православные христиане» (ИПХ) во главе с нелегалом В.Ф. Сериковым. Будучи под следствием в 1938 г., он бежал из-под стражи и продолжил «мис-

сионерские проповеди» в положении «вне закона». По агентурному делу «Паутина» проходили 17 человек, руководимых также нелегалом С.С. Денисовым. Десять «истинно-православных христиан» проживали в подполье, образно названном «Закут». В ходе оперативных мероприятий, проводимых майором Андреевым, старшим лейтенантом Гамолиным, майором Новиковым и другими «шерлоками холмсами» были обнаружены тайники. Группа была ликвидирована, причём конкретных дел и формулировок её жизненного кредо, доказывающих архиопасность для коммунистического строя, автору разыскать не удалось. Одним словом, «религия — опиум для народа»...

Непосредственно перед вступлением армад Вермахта в Орёл «приказал долго жить» филиал монархической организации «Иоанитов», занимавшийся антисоветской работой с 1935 г. Благодаря сотрудничеству с НКГБ и НКВД соседних областей было установлено, что филиал имеет пять домов, приобретённых за свои средства. В них оборудовались конспиративные тайники, где скрывались нелегалы, церковно-монархическая литература, товары, ценности и продукты. Бразды правления нёс Старец, он же Черенков М.И., Самойлов И.П. и Корольков Я.Ф. — нелегал, руководивший «Иоанитами» с 1907 г. В миру вне псевдонимии то был Василий Фёдорович Пустошкин, с 1925-го возглавлявший Союзное сообщество «Иоанитов» на подпольном положении. Схроны находились в доме № 9 на Бригадной улице в квартире М.А. Васильева, в квартире сына Пустошкина — Павла по улице Первомайской, 35, на улице Революции, в доме № 40, в квартире Л.А. Логвина, а также у Д.А. Дубовского и А.Е. Маслик. Организация ставила целью существования свержение Советской власти и возвращение самодержавия — каким образом (не со свечками же!) — осталось загадкой...

В результате произведённых с пристрастием обысков, у сектантов изъяли фотоколлекцию. На бережно хранимых фото были запечатлены: упокойная Матрёна Киселёва, религиозная фаворитка, умершая в 1906 г. и вознесённая в святость Иоанном Кронштадтским как Парфирия; проповедник Кронштадтского собора Назарий, сподвижник и правая рука И. Кронштадтского; матушка проповедника и духовного писателя Иоанна Кронштадтс-

кого, от рождения Ивана Ильича Сергеева (Сергиева); сам протоирей и настоятель Андреевского собора в Кронштадте отец Иоанн, превозносимый, как святыня (портрет и фото вместе с матерью и тётей). Там же конфискованы сочинения «народного святого» и других мудрых старцев Русской Православной Церкви, нарукавники, пояса, передники для совершения религиозных обрядов, утварь, ценности и сбережения. У Луки Логвина арестовали Жилину Пелагею, Брюхнову Евдокию и их друга, оставшегося неизвестным. Неужели они молились за Гитлера и Абвер?

В июне 1941 г. 19 членов филиала организации «Иоанитов» расстреляли как «врагов народа» по приговору Орловского облсуда. Вопрос о посмертной реабилитации, ставшей возможной после XX съезда КПСС, вряд ли кем поднимался...

До и после рождения Будды, Христа, Магомета — тайное становилось явным, доставляя душевные муки живым и освобождая от мук души мёртвых. Предательство и ныне живо не только в отрицающем всё Мире, но и в буддизме, синтоизме, мусульманстве, иудаизме, христианстве, в среде протестантов, баптистов, католиков и кришнаитов. У предательства нет родины, тела и лица. Однако, как одно из реальных проявлений демонизма на Земле оно под контролем, хорошо обучено, вооружено и щедро оплачено. В нём заключены рождение, эволюция и эксплуатация планетарной лжи о «пятых колоннах». Ибо ни одно из производных человеческой жизни не действует без составляющих деталей общего механизма госмашины, использующей предательство и ложь для убиения генофонда соб-

Книга издательства «Центр-полиграф» о секретах разведслужб Рейха. 2002 год.

ственного народа якобы для его же блага. Внутренняя и внешняя дуэль Человечества с самим собой пока ещё не кончается...

Не о том ли предупреждал Святой Праведный Иоанн Кронштадтский верующих и неверующих на века:

Дерзновение — великий дар Божий
и великое сокровище души!
В земной брани или войне
смелость или храбрость много значит,
ибо она творит чудеса,
А в духовной брани и тем паче.

Январь-февраль 2003 г.
Орёл — Ливны — Елец — Липецк —
Ефремов — Тула — Брянск —
Оптина Пустынь — Орёл.

НА РОДИНЕ АВИАКОНСТРУКТОРА Н.Н. ПОЛИКАРПОВА

Светлой памяти
Марианны Николаевны —
его дочери.

Разбита церковь... Колокол беззвучен.
Металл и тот — был новой властью скручен.
Обломками глядит на нас с укором,
Как мы ещё не справились с позором.
За божьим храмом быстрая Сосна —
Татарщиной **своих** потрясена!

* * *

Мы все под Шапкой Мономаха
Живём под страхом и без страха.
Но страшно, что во всех веках —
Сам человек рождает страх.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Затягивание узлов

К волне претензий нет через века,
Она покрыла смерть и ураганы.
Но океан бушует иногда,
В цунами проворачивая беды...
«На воде некуда бежать»,
2002 г.

К осени 1944 года стремительный и неуклонный натиск американских ВМС, ВВС и Армии поставил перед Императорской Японией проблемы и вопросы уже не наступательного, а оборонительного характера. Переход баланса сил в пользу Нового

Света, с трудом поднявшегося на ноги после Пёрл-Харбора, диктовался успехами в сражениях при Мидуэе, у Западных Алеутов, в акватории Соломоновых островов, у мыса Эсперанс, острова Санта-Крус, Гуадалканала, Вельи-Лавельи, при захвате острова Бугенвиль и авианосных ударах по Рабаулу. После тяжёлой и кровопролитной кампании у Новой Гвинеи (весна 1943 г.), потери многих крейсеров и эсминцев в ночных и дневных боях, противостояния японской базовой и палубной авиации и гибели тысяч американцев в ходе высадок десантов, выяснилось, что армейское и морское самурайство будет «фехтовать» оружием до конца.

Операции в Центральной части Тихого океана (включая острова Гилберта и Маршалловы), проходившие с 1 июня 1943 г. по 1 марта 1944 г. доказали профессиональную выучку плавсостава ВМС США. Заокеанское военное судостроение достигло небывалых в истории масштабов по личному требованию прижавшего монополистов Президента Ф.Д. Рузвельта. На стапелях монтировались новейшие авианосцы, десятками тысяч уходили в небо все виды боевых самолётов, доставлялась на острова и базы модернизированная и новая бронетехника. Непомерно рос танкерный, вспомогательный и «москитный» флот обеих сторон, подкрепляемый ускоренным строительством больших и малых субмарин, вооружаемых усовершенствованными торпедами, электрикой и дизелями.

Гибель штаба Объединённого Флота во главе с фаворитом, адмиралом И. Ямамото в авиакатастрофе от пуль «Лайтнингов» у о. Бугенвиль нанесла непоправимый моральный удар по контингенту японских ВМС, ещё не отошедших от авианосной сечи близ Мидуэя. Инициатора потопления янки всем убойным калибром вверенных ему сил сменил авторитетный во флотских кругах адмирал М. Кога, имевший дипломатическую выучку и обширные связи в Европе в кругу со-

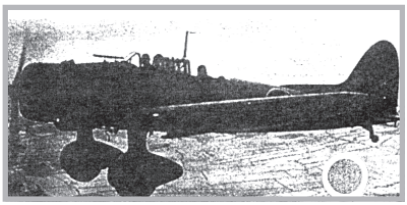
Один из последних снимков адмирала Ямамото.

М. Кога

братьев по оружию. Однако вскоре непримиримый флотоводец, решивший удерживать линию Марианские острова — Палау любой ценой, исчез в бескрайности океана вместе со свитой на четырёхмоторной летающей лодке «Кавaниси» в зоне плохой погоды между Палау и Минданао…

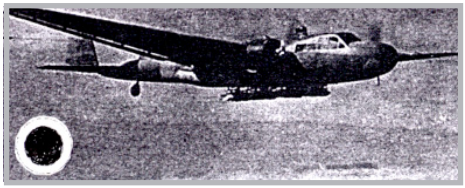
Захват острова Сайпан, сражение в Филиппинском море, оккупация Гуама и Тиниана, авианосные рейды и атаки палубной авиацией Иводзимы и Бонина, по единодушному мнению японской военэлиты, оказали решительный и бесповоротный перелом в ходе Тихоокеанской войны. Кабинет премьер-министра, жестокого диктатора при Императоре Хирохито генерала Х. Тодзио, 18 июля 1944-го подал в отставку...

Оперативные мероприятия и тактико-стратегическое планирование набирали темп, что виделось невооружённым глазом как внешне, так и в текстах совершенно секретных приказов, директив, в общих схемах операций развёртывания, наступления, обороны, уничтожения и преследования противника независимо от госфлага. В конце лета — сентябре американцы реализовывали цель захватить и удержать контроль у Филиппин, Формозы и побережья Китая, обливавшегося кровью под каблуком и мечом агрессора. Были организованы и осуществлены прикрывающе-обеспечивающие операции: рейды к о. Минданао и о. Визайяс, авианосные удары по о. Лусон, высадка десанта и оккупация о. Улити. Отличились бесстрашием, смекалкой, собранностью и напором Оперативное соединение адмирала У. Хэлси, Объединённое экспедиционное объединение вице-адмирала Т.С. Уилкинсона, Западное экспедиционное соединение контр-адмирала Дж.Х. Форта и подчинённая ему Штурмовая группа Пелелиу. А также многие другие офицеры, морпехи, моряки, лётчики, зенитчики, коки, мотористы, штурманы и оружейники, гаковые и сигнальщики, радисты, минёры, торпедисты и радиометристы…



К тому времени коварные и воинственные азиаты, располагая сильно поредевшим флотом и авиацией, планировали противопоставить движению «звёздно-полосатых» около

1150 самолётов, базировавшихся на Филиппинах, Рюкю и в районе Токио. При возможности подкрепления авиации резервами из Китая и метрополии, летучие подданные Микадо ежедневно угнетались нехваткой топлива, ибо война на материке и в океане требовала колоссальнейших запасов «чёрного золота» или же постоянно действущих «помп» на завоёванных территориях.



Сокращённое битвами число громад-авианосцев томилось на якорных стоянках в военно-морских базах «красно-солнечного» вулканического Отечества в ожидании прибытия новых пилотов и самолётов. Ощущался недостаток эскадренных миноносцев и особенно танкеров, но оставались в строю тяжёлые надводные корабли — линкоры и крейсеры.

Серия альтернатив под кодовым наименованием «Сё» («Победа») включала в себя четыре плана, трактующих оборону Филиппин, Формозы, Рюкю, южной части Кюсю, Сикоку, Хонсю и Хоккайдо. Изъяв у торговых, гражданских и армейских организаций ряд танкеров, командование Объединённого флота приложило усилия обеспечения боевых кораблей топливом в целях сплочения сил в точке рандеву Линга. И всё же по-прежнему давала о себе знать катастрофическая нехватка сухопутных и морских лётчиков, опытных небесных «рыцарей», а не безусых юнцов, впервые севших за штурвал самолёта...

Армия Хирохито, засевшая на островах и материке по пояс в преступлениях, частично охваченная малярией и тропической лихорадкой, оставалась мощной по численности, а главное — фактически не знавшей поражений. При этом она была «расквартирована» на неохватных владениях бывших колонистов («белых варваров») столь разбросанно-хаотично, что костью в горле вставали вопросы и дилеммы её своевременного снабжения. Бананов и рыбы хватало на месте, а вот патронов и штыков... Империя подхватила вирус нацистских захватов...

Император Японии Хирохито

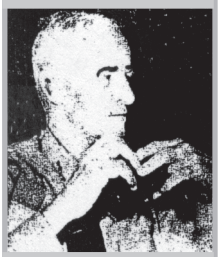
Новый главком адмирал С. Тойода, комментируя понятие «можно ли быть сильными, не зная где быть сильными?», не без сар-

казма заметил, что «...без участия флота у сухопутных сил на Филиппинах не было вообще никаких шансов на отражение американских сил. Было решено пойти на риск и послать весь флот. Мы могли бы добиться неожиданно хороших результатов, но при худшем рисковали потерять весь флот... Если бы мы проиграли Филиппинскую операцию, а флот остался целым, морские пути сообщения с Югом были бы полностью отрезаны, и флот, если бы он возвратился в японские воды, был бы лишён возможности получать необходимое ему топливо. Оставшись в южных водах, он не смог бы получать боезапас и снаряжение. Не было никакого смысла спасать флот за счёт потери Филиппинских островов».

С. Тойода

Для Штатов обстановка складывалась более благоприятно. Американцам не было нужды распылять силы во многих направлениях, сражаясь везде «по чуть-чуть». Хотя японцы, уяснив уроки Гуадалканала, создали оперативное контрдесантное соединение и перекинули все транспорты для укрепления гарнизона Лусона, янки оказались на распутье: «Перерезать ли Японскую Империю в её центральном пункте на Филиппинах или проделать это в более северном пункте, к северу и западу от Марианских островов с одновременным продвижением к метрополии?»

Президент Ф.Д. Рузвельт

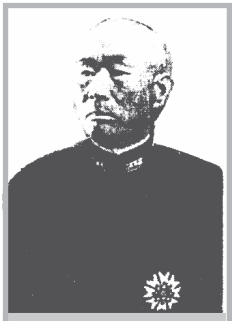


Ч. Нимиц

«Ахиллесовой пятой» для «посланцев демократии» оставалась специфика снабжения крупных сил материально-техническими ресурсами на сверхудалённом от метрополии театре военных действий, между которыми пролегало 6000 миль. Источники «довольствования» находились в месторождениях и портах Карибского моря и Персидского залива. При переходе через Атлантику суда попадали под перископ и торпеды подопечных К. Дёница. У западного побережья страны стали патрулировать и атаковать японские субмарины. А по требовательному зап-

росу ВМС, только в октябре 1944 г. эскадрам и авианосным соединениям было доставлено 4,5 миллиона баррелей нефти. Несмотря на то, что ключевая база с переходом с атолла Эниветок на о. Улити удалилась на 1000 миль, именно своевременное нефтеобеспечение позволило союзникам завоевать превосходство в воздухе.

Вслед за удачными бомбардировками Филиппин палубной авиацией, Объединённый комитет начальников штабов вооружённых сил США пересмотрел планы операций против Минданао и Талауда и поручил адмиралу Ч. Нимицу и его коллегам штурм, развёртывание и закрепление на центральных Филиппинах. Во взаимодействие с флотом привлекались: 50250 человек XXIV корпуса; 20000 человек из гарнизонных войск; резервная 77-я дивизия; 4 группы транспортов с десантными, эскортными, тральными силами; 6 линкоров-ветеранов, 3 тяжёлых и 3 лёгких крейсера, а также корабли эскорта. В группу поддержки входили 18 эскортных авианосцев с охранением. Имелись различные по применению многочисленные вспомогательные суда. Армейский контингент подчинялся генералу Д. Макартуру, так или иначе выполнившему обещание «Я вернусь!», провозглашённое им в 1941-м при бегстве от «джапов».



Т. Курита

Д. Одзава

Сравнительные данные о силах Японии и США накануне сражения за стратегически важный залив Лейте позволяют заключить о крупнейшей концентрации военно-морской мощи этих стран за всю историю современности. У командующего 1-м Диверсионным ударным соединением вице-адмирала Т. Курита были четыре линкора, шесть тяжёлых крейсеров, два лёгких крейсера и одиннадцать эсминцев. Главными силами Оперативного соединения в составе тяжёлого авианосца, трёх лёгких авианосцев, двух авианосцев, переделанных из линкоров, трёх крейсеров и восьми эсминцев руководил вице-адмирал Д. Одзава. Двумя линкорами, тяжёлым крейсером и двумя эсминцами командовал флагман Соединения «С» вице-адмирал С. Нисимура. Во главе 2-го Диверсионного ударного соединения из двух крейсеров, двух лёгких крейсеров и четырёх эсминцев стоял вице-адмирал К. Сима, руководствовавшийся, как и все, Директивой императорской ставки № 431 от 21 июля 1944 г.

Родина Дж. Вашингтона и А. Линкольна к указанному выставляла к барьеру 26 эсминцев из Оперативных групп 77.2 и 77.3 под флагом контр-адмирала Дж. Олдендорфа. За контр-адмиралом Спрэгью, помимо 16 авианосцев, числились 11 эскортных и 9 эскадренных миноносцев. В 38-м Оперативном соединении вице-адмирала М. Митчера находились 10 авианосцев двух типов, 6 линкоров, 2 тяжёлых крейсера и 7 лёгких под охраной 44 эсминцев. Они входили в 3-й флот адмирала У. Хэлси.

По состоянию на 23 октября 1944 г. приблизительная численность авиации, вылетавшей на уничтожение друг друга, составляла для Японии 600 самолётов базовой и 117 машин палубной авиации; для США — 1290 авианосных бомбардировщиков, торпедоносцев, истребителей и пикировщиков. Противники имели по дюжине разведмашин-гидросамолётов, а также предусматривали действия подводных лодок.

Что происходило на кораблях крупнейших держав мира в их многотысячных экипажах? Что обсуждалось «звёздами» штабов в Токио и Вашингтоне? О чём задумались Франклин Рузвельт, императорская семья и миллионы родственников, насильно призванных на ненужную народам войну? О чём мечтали современники и ровесники в нескольких днях и милях от гибели, триумфа, позора и счастья вернуться, пусть калекой, домой???

У. Хэлси

Никому из вышедших на фарватер и тропу войны не мнилось, не снилось и не ясновиделось, что гребные валы и энергетические установки втянут их в стремительно вращающуюся «воронку» событий с 22 по 27 октября 1944-го. Пять суток, днём и ночью, будет кровоточить, кричать, тонуть, гореть, плакать и смеяться беспрецедентная баталия, превзошедшая по ужасу и трагизму Ютландскую битву мая 1916-го. Пять суток будут стонать и бесперебойно грохотать орудиями, торпедными аппаратами и зенитками 231 корабль, и столько же дней небо будет «освобождаться» от вспарывающих его авиаторов, жесточайше владеющих почти двумя тысячами самолётов...

Эти дни войдут фатальной, не рубцующейся зарубкой в скрижали Планетарной Истории, попадут в аннотации мировых энцик-

лопедий под эпитет или рубрику «Величайшие морские сражения». Извечные и авторитарные враги, по-объективному, репрезентанты последнего колониального передела Мира не только на сферы влияния, но и его выкачки руками малосознательных «отстающих» рабов, будут топить и сжигать друг друга со звериной, античеловеческой жестокостью, чтобы спустя год подписать «великий мир» на линкоре «Миссури», не облегчивший судьбы убиенных атомом в Хиросиме и Нагасаки...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Вне оптики биноклей

Из века в век — копьё против копья,
Отточенные злобой бытия.
Как жаждут крови эти острия,
То с Запада, сверкая, то с Востока…
«Шапка Мономаха», 1992 г.

Предварительные рейды 7-го флота вице-адмирала Т. Кинкейда, авианосные удары по Окинаве и Лусону, а также не имевшие аналогов воздушные сражения над Формозой в сентябре и начале октября 1944 г. оказали знаковое влияние на базовую и палубную авиацию Страны Восходящего Солнца в преддверии битвы в заливе Лейте. 22 октября 1-е Диверсионное соединение, пополнившее запасы топлива в заливе Бруней, двинулось к бе-

Т. Кинкейд

регам о. Палаван, позднее разделившись на две группы, шедшие к проливу Сан-Бернардино и в море Сулу для блокирования залива Лейте с юга. 2-е Диверсионное соединение японцев, покинув Пескадорские острова, шло на юг к западному побережью Лусона, а передовой отряд субмарин, патрулировавших близ Формозы, скрываясь толщей воды, сосредоточивался в восточной акватории Филиппин. Главные силы Объединённого флота, оставившие якорную стоянку в проливе Бунго накануне, изменили южный курс, свернув на юго-запад, к Лусону. Туда же направлялся 2-й Воздушный флот в составе 450 самолётов и «москитные» флотилии, обеспечивающие подкрепление японского гарнизона. Таким образом «увядающая» Империя бросила все силы Флота в направлении залива Лейте. «Владыки» морей — Одзава, Нисимура, Курита, Сима — и экипажи подчинённых им кораблей с лётсоставом с напряжением ожидали первую контактную встречу с врагом...

Р. Спрюэнс

Американский десант, прикрываемый корабельной артиллерией и авиацией, закреплял плацдарм на о. Лейте, предоставляя обслуживающим командам возможность выгрузить запасы, технику и оборудование на побережье. В это же время самолёты с авианосцев бомбардировали о. Визайяс и север Лусона, сковывали авиацию противника и поддерживали «рейнджеров» и пехоту, стремясь захватить господство над заливом.

Предполагая, что адмирал Р. Спрюэнс не станет отвлекать свои корабли от о. Сайпан, а его коллега У. Хэлси неминуемо уйдёт из залива Лейте на уничтожение японских рейдеров, адмирал С. Тойода не ошибся, предсказывая гибель северного соединения, исполнявшего роль приманки. Кому-то придётся навсегда проститься с храмом Ясукуни и Фудзиямой...

Первая кровь пролилась на рассвете 23 октября, когда Т. Курита был атакован двумя штатовскими «барракудами» «Дэйс» и «Дартэр», бороздившими воды на подступах к Филиппинам. Бывший флагман Н. Кондо, тяжёлый крейсер «Атаго», ушёл

на дно от четырёх торпед «Дартэра», совершившей сотни погружений-всплытий у Борнео, Палавана и Манилы. Одновременно из «йогэки бутай» (ударного соединения) выпал тяжёлый крейсер «Такао», позднее ушедший под охраной двух эсминцев в залив Бруней. 18-узловый ход противолодочным зигзагом не спас от гибели и крейсер «Майя», торпедированный «Дэйсом» и затонувший из-за взрыва артпогребов в семь утра. Оставшихся в живых приняли на борт эсминцев «Акисимо» и «Кисинами». Курита вместе со штабом перешёл на супердредноут «Ямато», на короткое время утратив власть над событиями, ибо понимал, что после столкновения с субмаринами его силы рассекречены, несмотря на функции радиоохраны флота. Вспомнился подвиг радиомолчания «Кидо Бутай» Т. Нагумо.

Н. Кондо

На лицах вице-адмирала Т. Кинкейда, генерала Д. Макартура, адмиралов У. Хэлси, Керни, Спрэгью, Маккейна, Дэвисона, Митчера, Шермана и Богана, Спрюэнса и Олдендорфа мелькнуло кратко-сдержанное воодушевление. Битые штормами, войной, морскими болезнями и бюрократическими неурядицами чинуш в департаментах, офицеры отдавали себе ясный отчёт в том, что случившееся — многообещающее начало. В повседневных вахтах дальних и ближних исторических походов стратеги и исполнители выработанной ими же доктрины «господства на море», возможно, представляли себя «нью-нельсонами» и «мэхенами». На вверенных им кораблях «Уосэтч», «Нэшвилл», «Нью-Джерси», «Лексингтон», «Принстон», на линкорах, поднятых и реставрированных после Гавайского разгрома, и других боевых плавединицах, как и в кругах пилотов Авиакрыла каждого авианосца, уважали и побаивались сморщенных бурями и горечью от потерь — подтянутых, запредельно дисциплинированных седых «старичков». Для большинства призванных, резервистов, волонтёров и профессионалов они были по возрасту папами, а то и дедулями, но влияние их опыта и авторитета на флоте было столь мощным и почитаемым, что исполнение задач и приказаний этих сэров выглядело автоматическим. US.NAVY жил по своим законам...

Между тем кодекс чести сминали и истребляли правила специфичной океанской войны, названной совисториками «второстепенной».

Всем названным и не названным предстояло пройти сквозь азы мужества, галсы, узлы, главные калибры орудий и торпед, сквозь высший и геройский пилотаж защитников Отечества, завоевателей в лице «камикадзе». В круговороте разноязычного человеконенавистничества, воспитанного веками, традициями и устоями, далёкими от политики и идеологий, американцам и японцам выпадала редкая честь, аннулирующая третью трактовку — честь выжить или умереть. «Пропасть без вести» было тогда несложно. Страх заключался в том, что в этом «кроссворде» войны, в этом диком ребусе непредсказуемости войны, родня ждала не живших на берегу до собственного последнего вздоха…

24 октября с группы быстроходных авианосцев, оперирующих у о. Самар, разведмашины обнаружили Центральное Соединение японцев к югу от о. Миндоро. Боевые самолёты этих групп нанесли также удар по отряду у о. Негрос, повредив линкор и эсминец. Кратковременная стычка в море Сулу, вызванная дальнозоркостью опергруппы Дэвисона и бомбардировщика 5-й Воздушной армии, подсказала Т. Кинкейду, что отряды кораблей Нисимура и Сима движутся к проливу Суригао для проникновения в залив Лейте и последующих манёвров.

В девятом часу утра воздушный патруль из группы Богана уведомил адмирала У. Хэлси о приближении эскадр Т. Курита ко входу в море Сибуян. Ветеран американского флота отдал приказ Шерману и Дэвисону: «Максимумом узлов идти на сближение!» Дислоцируясь у пролива Сан-Бернардино, сконцентрированная мощь палубной авиации работала на пользу США в течение всего дня, с успехом используя отсутствие авиаприкрытия у адмирала Курита. В ходе непрерывных налётов силами 3-го флота было нанесено пять ударов. В результате скоординированных атак тяжёлый крейсер «Мъёко», кренясь в дыму, уходил на запад. Получили попадания различной степени тяжести четыре линкора, в том числе гордость японских корабелов линкор «Мусаси» — один из четырёх крупнейших дредноутов в мире.

С 8.30 до 17.30 пилоты ВМС США совершили 350 боевых вылетов, получив «награду» к половине восьмого вечера — «Мусаси» скрылся в крови, соляре и огне. С частью погибшего и ещё жившего экипажа он канул на вечную стоянку в этих опасных отмелями водах, перевернувшись от попаданий 17 бомб и 19 торпед...

Телеграфируя главкому С. Тойода, измочаленный и опусто-

шённый Т. Курита с трудом формулировал спешные уроки потери авангарда: «Наша авиация не добилась результатов, на которые рассчитывали, что привело к постепенному росту наших потерь. Мы пришли к заключению, что самым лучшим решением будет временный отход за пределы радиуса действия самолётов противника и пересмотр своих планов».

Поздней ночью на однотипный с «Мусаси» линкор, флагман «Ямато», С. Тойода послал депешу для подъёма морального духа зароптавших моряков: «Всё соединение будет атаковать с верой в небесное провидение!»

Сама природа воспротивилась людскому самоуничтожению, принесла в облаках сильнейший ливень в эти края. Он стоял стеной, когда адмирал Ф. Шерман приказал убрать торпедоносцы и бомбардировщики в ангары, заменив их палубными истребителями. Благодаря интуитивным действиям командира, получившего донесение о приближении самолётов с японских баз, удалось парализовать авиацию, о которой жаловался Т. Курита по радио...

Утром и в течение дня 24 октября ни один из летучих самураев не смог пробиться к «плавучим гаражам» янки, если не считать прорыва «Накадзимы», сумевшего поджечь авианосец «Принстон». Разлившийся бензин от исковерканных самолётов на палубе перекинулся огнём на ангары с шестью стоявшими в них снаряжёнными торпедоносцами «Эвенджер». Торпеды взорвались, уничтожив машины, разворотив лифты с внушительной частью полётной палубы. Проигнорировав приказ Хэлси, исходя из обстановки (объединение с группой Богана), Шерман выставил крейсерско-эсминскую охрану вокруг чадящего «Принстона» с надеждой, что службы пожаротушения и жизнеобеспечения локализуют всёпожирающее пламя. К сожалению, к середине дня оно достигло торпедного погреба, мгновенно сдетонировавшего чудовищным взрывом, который оторвал кормовую часть ВПП и корму. Убийственный шквал снарядно-самолётных обломков, осколков стали, рикошет деталей навесного оборудования сошёл лавиной на дрейфующий поблизости крейсер «Бирмингем», убив наповал 200 человек. Вдвое больше оказались легко и тяжело-

ранеными, погибла часть команды авианосца, в связи с чем его командир приказал всем уцелевшим срочно покинуть корабль...

А незадолго до трагедии, вперёдсмотрящие гидро-авиаторы северного Оперативного соединения адмирала Д. Одзава, уже имевшего горький опыт Филиппин после гибели своего флагмана, авианосца «Тайхо» в июне 1944-го у острова Ян, радировали о соприкосновении с противником у мыса Энгано (остров Лусон). Известный куратор Академии ВМС «Эта Дзима» немедленно поднял в воздух около 80 самолётов — ударный кулак из всех наличных у японцев авианосных машин. Тихоходные торпедоносцы «Накадзима», пикировщики «Айти» и истребители «Зеро» эшелонировались по высоте согласно последовательности и несли каждый свою функцию по выработанной годами тактике применения. Шерман задумывал повторно атаковать соединение Т. Курита, и в этот момент радиолокаторы его авианосцев засекли приближение крылатых меченосцев. Памятуя о беззащитности кораблей Т. Курита, крещёный в Коралловом море и отличившийся у Марианских островов, Ф. Шерман направил бомбардиров по назначению, обязав «Хеллкэты» и «Корсары» охранять родные палубы. Бешено завращались расчёты зенитчиков, готовых продырявить небо и приводнить хоть самого чёрта...

Истребители блестяще справились с задачей, нанеся врагу жестокое поражение, хотя надо признать, что сражались они с новым, неопытным поколением неприятеля. Из авиагруппы «сэнсея» Одзава обратно к Лусону вернулись лишь двадцать боеспособных самолётов…

Командующий 3-м флотом адмирал У. Хэлси, как и другие командиры соединений, не знал о столь значительном успехе, ослабившим и нарушившим планы противника. Прикрывавший десант в заливе Лейте 7-й Флот, по мнению руководившего им Т. Кинкейда, «ни в коей мере не был подготовлен к ведению морского боя».

Опасаясь японских палубников, американские авианосцы и линкоры всю ночь отходили на север от Сан-Бернардино. Корабли Дж. Олдендорфа остались в заливе Лейте у его южного входа в ожидании линкоров Микадо. Закрепившись на берегу, десант стянулся в линии в полном неведении происходящего за горизонтом, красоту которого в этот вечер никто не видел. Этой же ночью японцы прошли Сан-Бернардино, и выйдя в Филиппинское море, взяли курс на Лейте.

Как покажут дальнейшие кровопролитнейшие события, обе

стороны допустили ряд непредвиденных для самих себя глобальных ошибок, чересчур увлёкшись разбрасыванием ложных приманок друг перед другом. В них входили не только несогласованность действий, непонимание приказов высшего командования и имевший место вакуум информации, но и цепочка, грубо говоря, состыковавшихся случайностей. Они наложили характерный отпечаток на боевые операции в ходе последующих дней и на сам исход войны, идущей к своему неминуемому финалу.

А пока впереди у тысяч современников, не поделивших землю, небо, хлеб и воду были ночной бой в проливе Суригао, сражение у мыса Энгано, бой у острова Самар, тысячи самолётовылетов и тысячная гибель соотечественников на глазах.

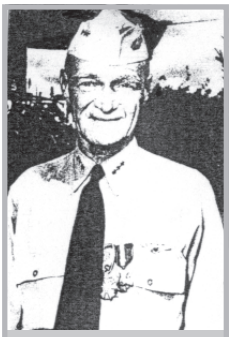
Решающие факторы, триумф и поражение, недостатки внешней политики, военно-стратегического планирования, салюты, дети, красавицы, шампанское, Токийский и Хабаровский процессы — всё это будет предворяться бессмысленным кровопролитием наций, на которое ни той, ни другой стороне при всём аналитическом мышлении не хватит одного: — ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СЛЁЗ...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
Экваториальная эпопея

Промчал тайфун.
И плачут тихо чайки над волнами,
О том,что ураган пришёл сюда
С торпедами и расчехлёнными стволами.
«Венок через полвека
шлю я вам...»

Планируя форсирование Сан-Бернардино ночью, Т. Курита не предполагал, что У. Хэлси, оценивая значимость задачи ликвидации авианосных сил, допустил крупный просчёт, не отреагировав на донесение ночного разведчика с авианосца «Индепенденс». Долгие часы следуя с потушенными навигационными огнями и соблюдая радиомолчание, адмирал исполнял безоговорочный приказ главкома С. Тойода. Выход в просторы Тихого океана, по соображениям японских флотоводцев, подставлял корабли под удары штатовских сил, и в то же время давал возможность более свободного маневрирования, освобождая эскадры от скученности.

К полуночи 24 октября 1944 г. объединённые силы Шермана, Дэвисона и Богана были готовы к бою. Проигнорировав замечания вице-адмирала Ли, контр-адмирала Богана и горделивую самоуверенность адмирала Митчера, Хэлси полным ходом преследовал авианосцы Д. Одзава, рассчитывая тремя группами атаковать их на рассвете, как раз в то время, когда Т. Курита шёл позади него...



М. Митчер

Ещё в полдень адмирал Т. Кинкейд привёл 7-й флот в боеготовность № 1. В дозоре на выходе из Суригао в залив Лейте находились 7 эсминцев. Команды этих кораблей и 40 торпедных катеров, сосредоточенных в проливе, были предупреждены о возможной ночной атаке надводных сил противника. Контр-адмирал Дж. Олдендорф заблокировал северный выход из Суригао артмощью 6 линкоров, 8 крейсеров двух типов, а также торпед-аппаратами 21 эсминца. В просторечии это был смертельный для японцев капкан, поскольку американские силы могли свободно маневрировать, тогда как неприятель сковывался в действиях конфигурацией и глубинами пролива.

Слабость корректировщиков огня и авиаразведки, разгром авиагруппы Д. Одзава и многочисленные радиопомехи в эфире, амбициозность и удалённость базовой авиации, предрассудки должностной иерархии не позволили морякам Его Величества правильно и объективно взвесить сложившуюся обстановку. Соединения адмиралов Нисимура и Сима, сохраняя радиомолчание, продвигались к Лейте в 40 милях друг от друга, вспенивая море Минданао, уповая на внезапность удара. Их задачей являлось уничтожение надводных сил, конвоев и десантов потомков «чёрных кораблей» Мэтью Перри.

Адмирал Т. Ониси — создатель отрядов камикадзе.

Обеспокоенность Нисимура усилилась в конце дня, когда он узнал о зажиме сил Курита в море Сибуян. Решив входить в залив Лейте в темноте, вице-адмирал перевёл стрелки относительно рандеву своих кораблей вперёд. Вице-адмирал Сима, продолжая играть в «молчанку», по-старшинству мог принять командование эскадрами, но, не зная программы опера-

ции в полной форме, предпочёл мореходничать самостоятельно.

С 23.00 до 02.00 25 октября Соединение «С» вело тяжёлый бой с торпедными катерами американцев. Их шустрота в ночи при всей массе летящих в воду и буравящих её торпед, успеха не принесла, вследствие отсутствия опыта ночных боёв, однако Олдендорф теперь знал о дислокации японцев в проливе.

В пол-третьего два дивизиона эсминцев, шедших параллельным курсом, на полном ходу сбросили 47 торпед, предварительно предупредив сигналом об отходе свои катера. Под прикрытием дымовой завесы эсминцам удалось выйти из-под плотнейнего града снарядов, обрушившегося на них со стороны японских плавучих цитаделей. Передать в строке рукотворный хаос, душераздираемую какофонию ночной дуэли и кошмар происходящего на кораблях, практически невозможно. Два линкора содрогнулись от торпед, замедлив ход. Два эсминца, повреждённые до неузнаваемости, вышли из боя. На полном ходу затонул с частью команды ещё один миноносец. Флагман разом постаревшего Нисимура линкор «Ямасиро» с зияющей пробоиной от торпеды не свернул с северного курса, двигаясь средним ходом под защитой тяжёлого крейсера «Могами» и эсминца «Сигурэ». Модернизированный линкор-ветеран «Фусо», вынужденно покинув кильватерную колонну, позже взлетел на воздух и пошёл ко дну...

Дж. Олдендорф не оставлял «синдбадам» никаких шансов на выживание, помня о возмездии за Пёрл-Харбор. С флангов от его группы тяжёлых кораблей мчались эсминцы второй атакующей линии. Развивая успех первой, они всадили три торпеды в подранка «Ямасиро» и потопили повреждённый эсминец. Людей разрывало заживо, они варились в высокотемпературном котле под именем Суригао, горевшие, покидали палубы. Остывшие, изувеченные и обессилевшие, захлёбывались водой и мазутом, крича последние слова, исчезали с поверхности, покрывая телами корабельный мусор на дне. Ужас потопленных был неописуем...

Ранним утром остатки соединения Нисимура приблизились к главным силам Кинкейда и попали под сокрушительнейший огонь артиллерии линкоров и крейсеров. От бесчисленных попаданий снарядов «Ямасиро» вобрал в себя тонны воды; загорелся «Могами»; потеряв ход, вышел из строя «Сигурэ», пронзённый неразорвавшимся снарядом. Вследствие приближения линии огня к левому флангу своих кораблей, Олдендорф приостановил расстрел японцев. Радость победы омрачалась убитыми и ранены-

Питомцы адмиралов Т. Ониси и С. Фукудоме.
Улыбки на память перед смертью...

ми с эсминца «Эльберт У. Грэнт», застопорившего машины из-за попаданий 19 снарядов...

Отряд Сима, разбросав заслон торпедных катеров, был вынужден замедлить ход после торпедного попадания в крейсер «Абакума». Вскоре его Соединение, не изменившее направления, прошло мимо трагичного зрелища горевших и дымящихся обломков «Фусо», принятых адмиралом по ошибке за останки двух линкоров. Пройдя левым бортом мимо пылавшего «Могами», Сима развернул крейсера вправо на 90°, получив донесение о радиолокационном контакте с врагом, находившемся после манёвра прямо по курсу. При этом из-за внезапности перестроения и жёсткости его исполнения, произошло столкновение флагманского крейсера «Нати» с «Могами».

Рассудив, что его коллега оказался в ловушке, вице-адмирал Сима лёг на обратный курс, взяв под опеку «ковылявшие» корабли. Стареющий морской волк не хотел бесславной гибели преданных ему самураев и отходил в целях выждать момент для объединения с силами Одзава-Курита, чтобы совместно нанести решающий удар по врагу.

Распалённый сражением Олдендорф отдал приказ пресле-

довать и истребить противника силами нескольких крейсеров и эсминцев. На восходе солнца они настигли колонну и вновь подожгли настрадавшийся тяжёлый крейсер «Могами». Эта же группа позднее уничтожила «полуживой» эсминец из состава Соединения Нисимура. Четыре крейсера и пять эсминцев, беспрерывно огрызаясь орудиями, вошли в море Минданао, где были атакованы самолётами с авианосцев 7-го флота. Результатом налётов «на добивание» стало затопление «Могами» своей командой. Кроме крейсера «Абакума», Сима сохранил все корабли, тогда как отряд Нисимура (за исключением эсминца «Сигурэ») оказался разгромлен и обескровлен полностью...

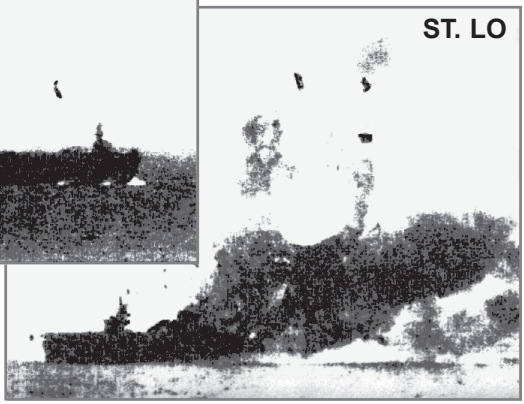
Параллельно этим событиям 1-е Диверсионное соединение Т. Курита атаковало эскортные авианосцы 7-го Флота, входившие в Северную группу. Ситуация осложнялась тем, что на борту этих авианосцев не было бронебойных бомб и торпед, поскольку они комплектовались бомбами для поражения живой силы противника из морского транспортного отряда и Соединения снабжения (около 20 судов). Настырный Курита, проскочив пролив Сан-Бернардино, поставил Кинкейда в затруднительное положение, потому что 3-й Флот Хэлси ушёл далеко на север на поиски и ликвидацию авианосцев Одзава. Осознавая опасность, Кинкейд приказал Олдендорфу прекратить погоню за кораблями Сима, чтобы перебросить его группы в залив Лейте. Авиации, крушившей «Могами», предписывалось пополнить запасы горючего в Таклобане и быть готовой к ударам по центральному соединению Курита.

Сима мог вернуться в Суригао в любой момент и при удачных обстоятельствах мог нанести артудар по десантным «сестершипам», сосредоточенным в заливе Лейте. Задача, поставленная Олдендорфу, являлась сложной по исполнению, ибо его корабли были тихоходными и в основном устаревшими. К тому же имела место нехватка снарядов, выпущенных по Нисимура без акцента на «голодание».

Между тем, рвение У. Хэлси вывело адмирала к мысу Энгано. Глубокой ночью 25 октября локаторы разведсамолётов «Индепенденса», летевших впереди 38-го Оперативного соединения, нащупали местонахождение двух групп японских кораблей. Изучив депешу, сообщавшую о рандеву сил противника в 06.00, недавний участник воздушных гонок экстренным темпом сформировал 34-е Оперативное соединение, включающее 6 линкоров под своим личным контролем.

Удар под девизом: «АТАКУЯ, АТАКУЙ!»

Гибель корабля и камикадзе



Едва забрезжил рассвет, с палуб, оглушая округу, стартовали один за другим 180 самолётов. Спустя час, четыре авианосца, два линкора — «Исэ» и «Хьюга» в роли авианосцев, три крейсера и восемь эсминцев упорного морского воина Одзава были обнаружены. В быстротечной воздушной «потасовке» янки приводнили почти все истребители «джапов», а пикировщики и торпедоносцы марок «Кертисс» и «Грумман», сметя заградливень зенитчиков, раскрыли замки бомб и торпед. В ходе налёта авианосцы «Титосэ» и «Дзуйхо» получили повреждения, затонул эсминец и был торпедирован флагман, участник многих походов, тяжёлый авианосец «Дзуйкаку». Последующая атака, начавшаяся в 10.00, сжала клещи на всём пытавшемся рассредоточиться соединении. Две группы бомбардировщиков замедлили продвижение крейсера «Тама» и подожгли авианосец «Тиёда». Последний сразу же застопорил ход и стал угрожающе крениться, сводя с ума находившихся в трюме...

О произошедшем в Суригао Хэлси узнал запоздало, как и о том, что наглый агрессор наконец-то отброшен. В 8.10. адмирал принял шоковую радиограмму. Она пришла с задержкой, а лидер группы авианосцев Т. Спрэгью, атакованный кораблями Т. Курита, взывал о помощи. Хэлси в любом случае не успел бы подойти к о. Самар, считая,что 16 эскортных

Океанская жертва

авианосцев имели достаточно самолётов для успешной обороны до подхода кораблей Олдендорфа.

Японцы, перехватив незашифрованные тексты радиопереговоров Спрэгью, Хэлси и Кинкейда, поняли их неадекватно, предположив, что крупное авианосное соединение «звёздно-полосатых» совсем рядом.

На самом же деле Хэлси удалялся от Лейте, отослав в помощь Спрэгью соединение адмирала Маккейна, причём его азарт не остановило вмешательство командующего ТФ США Нимица, радировавшего из Пёрл-Харбора: «Где находится 34-е Оперативное соединение?»

Гибель авианосца «Дзуйкаку»

Не воспользовавшись возможностью, о которой мечтал ещё кадетом, Хэлси, будучи в 42-х милях от Курита, решил добивать главные силы Одзава самолётами Соединения Митчера, к тому времени совершившими четыре налёта, рассмотренные выше. Пятым налётом американцы планировали уничтожить линкор «Исэ», однако удача на этот раз отвернулась...

При кажущейся катастрофичности положения Д. Одзава, он искусно справился с задачей привлечения авианосных сил противника для высвобождения дул Т. Курита, который проявил нерешительность в шаге от выполнения главной цели операции. Будут добивать артиллерией «Тиёду», субмарина из эскадр Ч. Локвуда торпедирует «Тама», но суть провала плана «Сё-го» заключалась в руководящей элите Императорских ВМС, местами требующей невозможного. Сильно отставая от Америки в области электроники, финансовых богатств и сырья, Япония хронически страдала от несовершенства радиосвязи, хотя имела лучшие торпеды, чем США...

В бою у о. Самар 25 октября 1944 г. было доказано, что война в Мировом океане требует прежде всего сплочения и взаимодействия скоростных авианосных соединений в союзе с линкорами и крейсерами. Роковая ошибка Т. Курита, столкнувшегося с

оперативной группой Т. Спрэгью, скрывалась не только в переоценке сил противника, но и в спешной перестановке всего соединения в ордер ПВО. Японский адмирал, не имея эффективной поддержки с воздуха, мог отдать приказ лёгким кораблям и эсминцам перейти в торпедную атаку под прикрытием линкоров и крейсеров. Однако всё сложилось вне замыслов японцев, вероятно, в назидание за недавние преступления...

Видя напор артиллерии и быстроходность кораблей Курита, адмирал Спрэгью отвлекающим манёвром изменил курсовой угол, чтобы быстрее поднять самолёты. Выставив дымовую завесу, он также ввёл свои корабли в полосу дождя и именно в тот момент запросил Хэлси о помощи, чувствуя, что не устоит перед таким калибром.

Курита стремительно развернул преследование этой группы, известной под кодом 77.4. Американский контр-адмирал шёл на юг к Лейте, веря в мощь стволов 7-го флота и силы Хэлси, курсировавшего в 300-х милях севернее. При выходе из полосы непогоды он вновь оказался недалеко от японцев, но Курита не смог нанести ему урон и упустил слагающие разгрома, любой ценой пытаясь сорвать взлёт самолётов, перед которыми был беззащитен.

Головокружительная «регата» продолжалась, и вскоре линкоры и крейсера «дышали» Спрэгью на корму, с одновременным приближением крейсеров по левому борту. К 9.00. возникла угроза окружения и американцы атаковали японцев арсеналом шести эсминцев.

Торпеда «Джонстона» вывела из строя крейсер «Кумано», за ним были торпедированы крейсера «Тёкай» и «Тикума». Линкоры «Ямато», «Харуна», «Нагато» и «Конго» разошлись во избежание попаданий торпед, дав Спрэгью оторваться.

Впрочем, не всё шло на пользу землякам статуи Свободы. Мощнейшая артиллерия японцев изрешетила эсминец «Хоул» и уничтожила эскортный миноносец «Робертс». Оставшийся без боезапаса, сильно повреждённый «Джонстон» стал мишенью и был

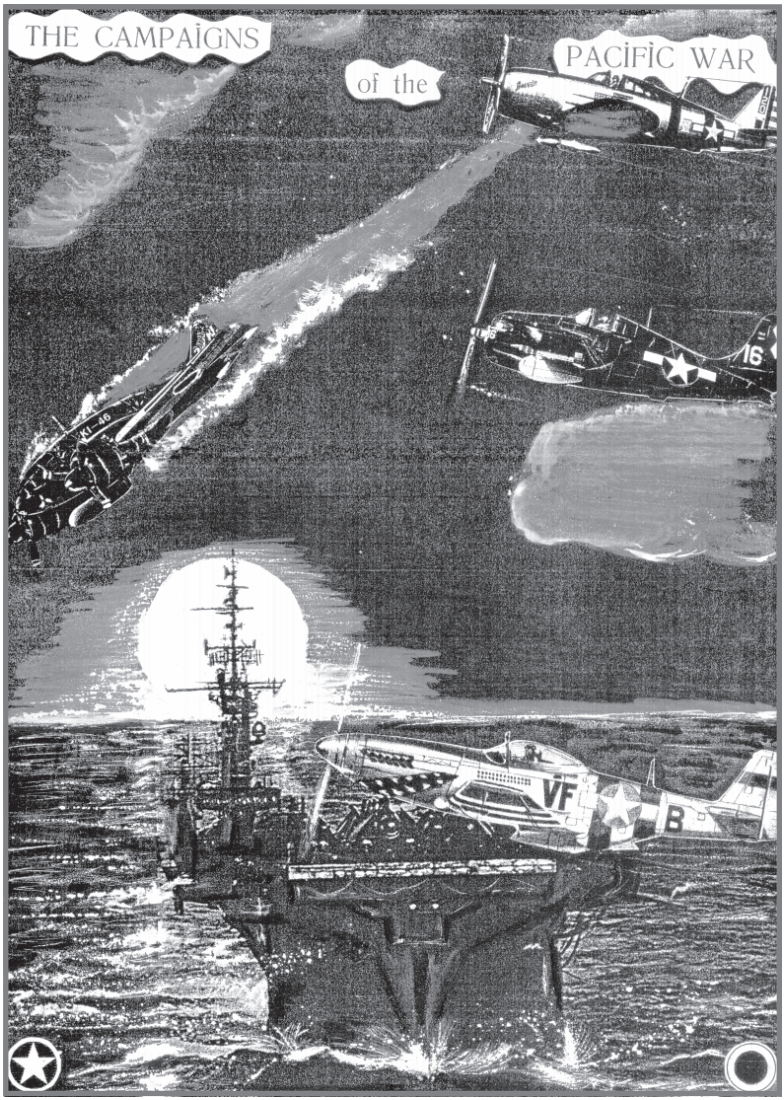
потоплен. Ещё два эскортных корабля были покалечены артогнём противника. Тяжёлые бронебойные снаряды линкоров и крейсеров прошибали небронированные корпуса конвойных авианосцев насквозь, не нанося значительного ущерба. «Хасирский флот» был ещё далёк от агонии, заставляя шесть эскортных авианосцев идти по ветру. В начале десятого опрокинулся и ушёл на дно авианосец «Гэмбиер Бэй». Остальные удержались на плаву благодаря силе духа и воле своих экипажей.

Палубная авиация Т. Спрэгью, Стампа и К. Спрэгью беспощадно молотила бомбами, торпедами, снарядами и пулемётными очередями корсаров Курита. Авиаторы добили крейсера «Тикума», «Тёкай», потопив их вместе с собратом «Сидзуя». На кораблях возрастало замешательство, несмотря на полную самостоятельность при уклонении от атак самолётов согласно предписаниям ордера ПВО.

Остатки могущественного соединения отвернули, задумавшись о спасении, когда американцы сами уже молились о нём. «Провидение» С. Тойода сыграло злую шутку над его соотечественниками, не сумевшими развить контратаку при всех имеющихся преимуществах.

Особо отмечая побоище у о. Самар, уважаемый адмирал Флота США Честер Нимиц в своих мемуарах о войне на море 1939-1945 гг. пишет: «Изгнание японцев в нескольких милях от залива Лейте — заслуга авианосной группы контр-адмирала К. Спрэгью, поддержанной действиями кораблей и авиации контр-адмиралов Стампа и Т. Спрэгью, которая использовала всё, что было возможно, — ветер, дождь, дымовые завесы, манёвр, торпедные и воздушные атаки, — чтобы расстроить замысел противника и отбить атаки его значительно превосходящих сил».

Исследуя противостояние ВМС США и Императорской Японии, мы должны помнить о полной неосвещённости этой сжатой цензурой темы, не годной к афишированию по мнению историков не только названных стран. Более всего это коснулось документа-



ции о полном боевом пути и поимённом списке экстремальных «Камикадзе», а ведь только в Филиппинской кампании их погибло 722... Бои в архипелаге унесут в вечность 68 японских кораблей и свыше 6000 самолётов. Далёкая Америка только у Лейте лишится 21 корабля, 736 самолётов палубной авиации и 231 машины из

состава ВВС Дальнего Востока. Обе стороны будут лгать Миру о людских потерях и гибели «неучтённых» подводных лодок, хотя, экипажи океанских субмарин доходили до 100 человек...

Утратив Филиппины — важнейший южный сырьевой район, лишившись надводного флота в былом величии и нефти, оставшаяся без опытных пилотов Япония не собиралась мириться с Миром даже после крушения режима А. Гитлера.

Воинственная устремлённость двух наций, совершенно разных рас, территориально ущемлённых и независимых, принесла в их жизнь многомиллионные страдания, кладбища, разрушения и безымянные захоронения на суше и под водой. Битва армад у Лейте разве не подтверждение???

Д. Макартур, Ф. Рузвельт и Ч. Нимиц на Гавайях. 1944 г.

«Лечение» оружием не проходит бесследно даже по прошествии немалого отрезка времени. Сухая цифирь отчётов не освобождала от ответственности ни тех, кто развязал войну, ни других, использовавших её для достижения господства в Тихом океане путём сожжения и испепеления мирных граждан.

Забывающие об этом при всём могуществе, гордости, уме и силе обречены на поражение в будущем, в котором и ныне просматривается желание смертных установить «своё царство» на костях и черепах себе подобных...

Октябрь 2000 г. — март 2003 г.
Орёл — Москва — Транссиб — Владивосток — Орёл,
«Путевые заметки».

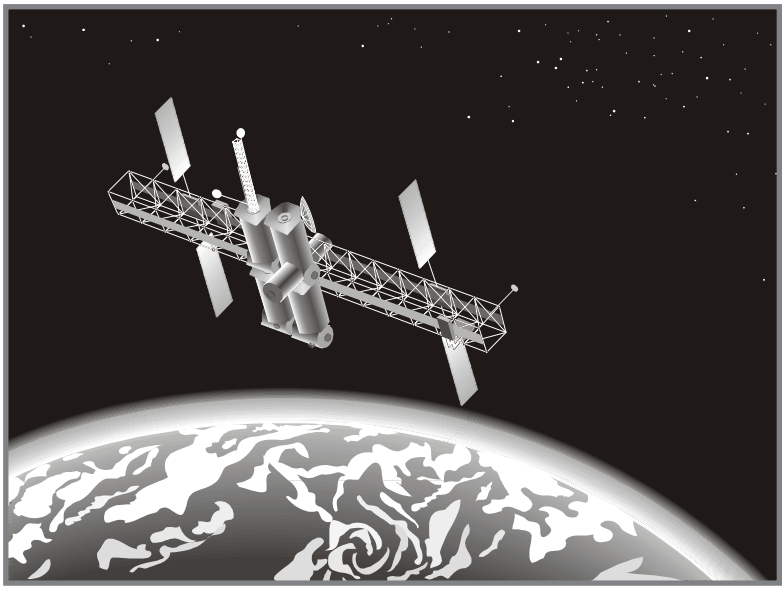
В ПОДВАЛАХ ЛУБЯНКИ

К.Э. Циолковскому

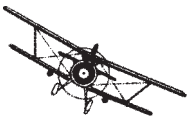
Тринадцать дней томился там,
Бросала в дрожь людская косность,
За тягу к синим небесам
За мысль, что мчалась в чёрный космос.

Швыряли в лик его слова,
Что пахли сыростью клозетной.
Ходила кругом голова
От одичалости планетной.

Средь государственных зверей,
Живущих кровушкой и пьянством,
Он верил всё-таки в людей,
Что дружат с солнечным пространством.



НЕБОПРОХОДЕЦ



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

На взлёте лет промчат нас озаренья.
В пике судьбы вращаются года…
Но как простить давление режима,
КАК вычеркнуть полёт творца?

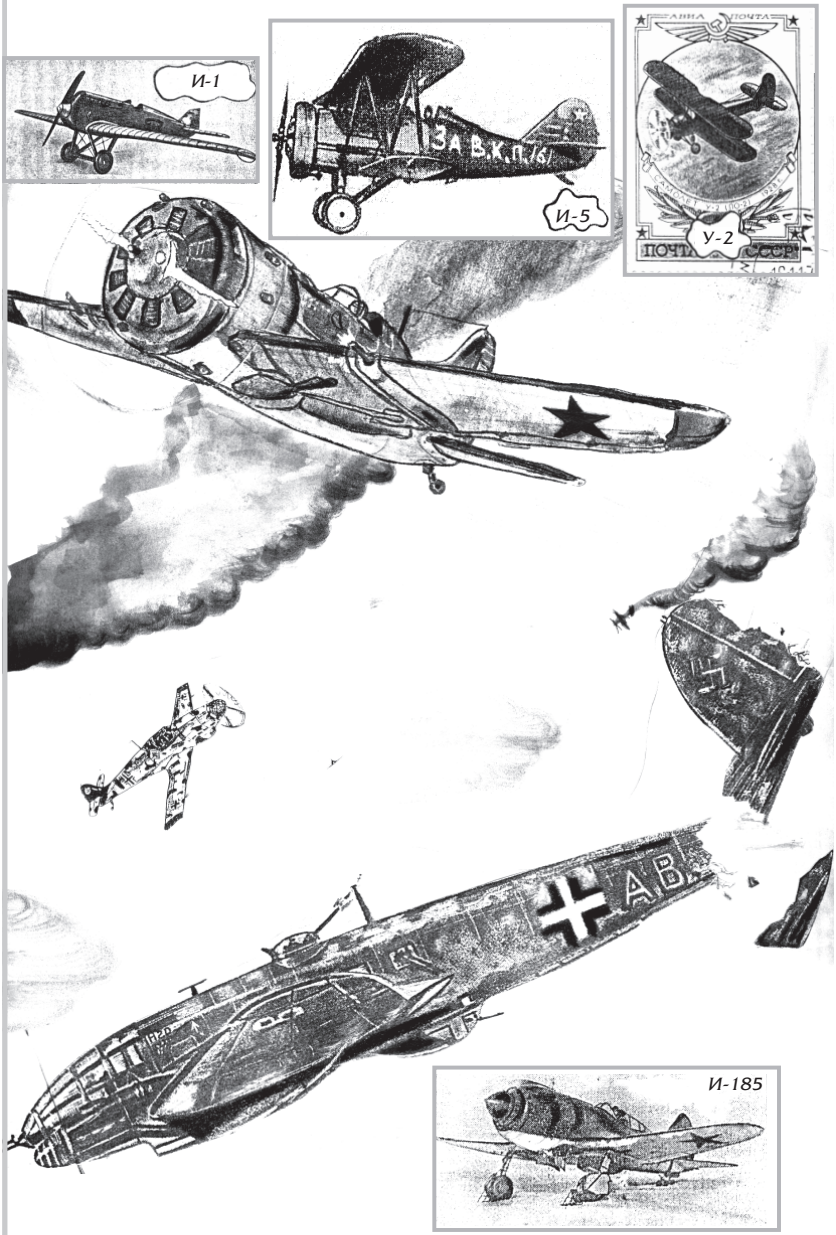
Ранним утром 9 Мая я ехал по Московскому шоссе, будучи приглашённым на празднование 56-й годовщины Победы в город-герой Тулу. Ещё не взошло солнце, а таксомотористы уже во всю накручивали жизнь на асфальт, промелькнули бомжи, полупьяные невыспанные проститутки и почему-то поголовно седые садоводы-огородники. 9 Мая!

Остановившись у кинотеатра «Родина», чтобы купить воды на дорогу, невольно засмотрелся на памятник Поликарпову, решил подойти поклониться замечательному земляку. Но праздничный настрой и гордость моя за наш народ, его ратный и трудовой Подвиг, — были тут же омрачены. Ни малого букета, ни большого венка, ни одного искусственного цветика, ни единой публикации в прессе, превратившейся в клоунаду критиканов коммунизма, национализма и демократии…

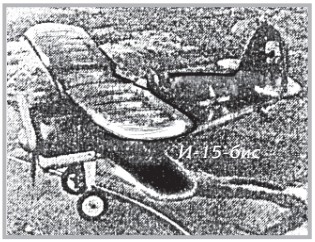
Что же вы так, ребята? Чему вас мама и ректор учили? Критиковать или созидать? Очевидно, интеллектуальное торможение нынче в моде.

Не выдержал я, развернулся. Пара минут — доехал до молочного рынка, купил букет тюльпанов только что с грядки. Иду вновь к подножию. Смотрю, пока был на базаре, кто-то несколько цветиков бритвою с клумбы смахнул…

Долго, не смотря на то, что уже не успеваю, гляжу на конструктора и мысленно с ним разговариваю. Высший пилотаж мысли не удаётся… В голове одни тупые вопросы: «Почему так?», «От чего?», «За что?» и «Кто же здесь крайний?», «Кто родил автора циркуляра, воскресившего ледяную бесчувственность зрячих людей?»

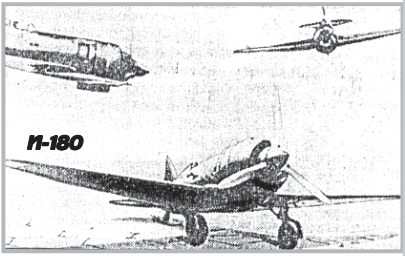

И-1
И-5
У-2
ПОЧТА СССР
И-185

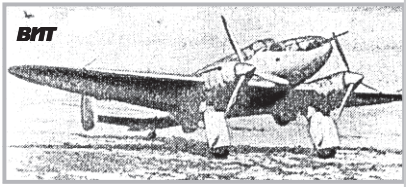
АВИА ПОЧТА
Р-5
ПОЧТ СССР


И-15-бис

АВИА ПОЧТА
И-16
ПОЧТ СССР

ДАЁШЬ
5
И-153 «Чайка»


И-180


ВИТ

Проектный ВП

Реактивный «Малютка» (проект)

* * *

Не раз и не два бывали мы на родине пионера советской истребительной авиации. Поклонились земле, породившей его, полуразрушенной церкви, о всесоюзном разгроме которых пророчески предупреждал Божию Милостию патриарх Московский и всея Руси, Его Святейшество Тихон ещё в 1918 году. Вспомнили добрым словом мудрого философа отца Сергия (Булгакова), с неослабевающим интересом переступали порог музея авиаконструктора, всего лишь класса 9-летней школы. Потом — беседовали с местными жителями, для которых всё, что связано с именем земляка, свято и лучезарно. Слушали незабываемые рассказы старейшего ливенского писателя Д. Головина, редактора районной газеты Н. Барабанова, краеведа Ф. Ковалёва, поэта М. Беляева, секретаря горкома А. Якубсона…

…Будущий главный конструктор крылатых машин впервые заставил говорить о себе тружеников-односельчан своим тоненьким голоском в день рождения — 28 мая 1892 года. Радостный миг переживала семья сельского священника, выбравшая своей обителью живописное село Георгиевское Орловской губернии, что на крутом берегу лопочущей что-то вечное реки Сосны, без которой бы и Дон не был бы Тихим Доном.

Почитающий библейские заповеди отец Николай Петрович, ранее опекаемый княгиней Л.В. Букановой-Голицыной, светился и шутил:

«Ей-богу, матушка, вот так крепыш! Николай-второй — кормилец…»

Помогавшая супругу Александра Сергеевна Аракина, знала, «что» есть трудные дороги христианства и всячески поддерживала благотворительные мероприятия отца Николая, будь то учёба детей прихожан или престольные праздники. Да и сами названия поселений, жители которых спешили на службу по воскресеньям, будням и праздникам в церковь великомученика Георгия, говорят сами за себя, обнажая ироничную самобытность наших позабытых предков: Парный Колодезь, Овечьи Воды, Круглое, Апушкино, Ровенка, Костомаровка, Окунёвы Горы, Дубровка, Положенцево и Петровка, Викторовка, отдалённые Шереметьево и Грязцы…

«Вот здесь, на огороде, был когда-то выгон, — вспоминал старожил нынешнего Калинино С. Калинин. — Вместе с Колей

мы тут играли в прятки. Потом он уехал учиться в Ливенское духовное училище — тогда, известное дело, эта была единственная возможность получить бесплатное образование. Что касаемо карьеры священнослужителя, то Николка даже и не помышлял. Нам, мальчишкам, это было доподлинно известно. О крыльях он мечтал».

О — да, красочная окружающая природа, кристальная лазурь неба, изобильная на перекаты и поклёвки подустов, голавлей, рыбцов и клинков островная Сосна с впадающими в неё ручьями, само ощущение огромного простора Родины, не блещущий баловством крестьянский быт, воспитали в отроке русский характер. Вероятно, именно с крутояров Сосны Коля запустил своего первого воздушного змея…

В 1907 году Николай с положительными оценками оканчивает Ливенское духовное училище. Спустя 4 года он приезжает в Орёл, где, посещая семинарию, решает приступом брать «бастион» — 1-ю классическую гимназию, «вспоившую на своих мелких водах» учёных, писателей, государственных деятелей и революционеров. Старательно изучая предметы, он часто вспоминает Поповку, народную библиотеку батюшки, врачевание матушки, одногодков-крестьян и рыбалку…

Пока юноша готовился к сдаче экзаменов, в жизни города произошло чрезвычайное событие, наложившее мощный отпечаток на мировоззрение и жизненный путь молодого человека.

В один из августовских вечеров шёл он по Воскресенскому переулку и, залюбовавшись искрами заката на куполах церкви Михаила Архангела, решил полчаса прогуляться по берегу мерно текущего Орлика.

С.И. Уточкин

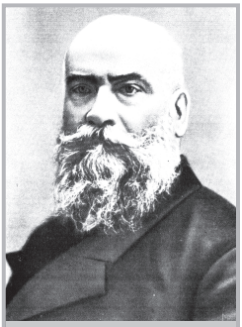
Вдруг из-под арки моста выбежал «гаврош» с объёмистой пачкой газет. Николай вздрогнул, когда он срывающимся голосом прокричал: «Граждане! Впервые в истории! Русский Икар — Сергей Уточкин покоряет небо! Спешите видеть!»

«Орловский вестник», являясь каталогом губернских событий, в популярной форме извещал об ожидаемом прилёте Сергея Исаевича, верившего в радужную перспективу российской, да что там — Мировой авиации…

С этого момента юный Поликарпов решительно и упрямо повторял себе днём и ночью: «Я тоже буду летать!»

Блистательным экстерном сдав экзамены на аттестат зрелости, он со свойственной ему обстоятельностью хлопочет о дальнейшем образовании. Вскоре бывший неприметный сельский паренёк Николка покидает Орёл под встречно-прощальные свистки паровозов. Впереди Санкт-Петербург…

В то время инженер-кораблестроитель К. Боклевский был известен не только как основатель-декан кораблестроительного факультета Петербургского политехнического института, но и как «отец» курсов воздухоплавания. Среди студентов он славился неприступностью и требовательностью по всем дисциплинам и по самой Дисциплине.



Н.Е. Жуковский

Однако, студент механического отделения Поликарпов приглянулся ему сразу. Ещё бы! Георгиевец просил зачислить его на авиационное отделение без отрыва от механического.

«Ну, впрямь — орёл! Усердный математик, далеко пойдёт!» — вполне мог подумать профессор.

Бесспорно, ежедневная самоотдача, «творческий пожар» разума — были просто обязаны привести черноволосого красавца к награждению за его труды. Большую радость испытала семья, когда он, в апреле 1916 года получил из рук декана удостоверение об окончании курсов, диплом инженер-механика и направление в отдел воздухоплавания Русско-Балтийского вагонного завода, которым руководил И. Сикорский. Николай Николаевич позднее вспоминал, что «все братья и сёстры мои — семь человек — учились, и отец с матерью отказывали себе во всём, чтобы содержать нас. Мы это понимали и учились изо всех сил».

И.И. Сикорский

Полёт мысли, энтузиазм, царившие в коллективе, участие в постройке богатыря-четырёхмоторника «Илья Муромец», опыт «общения» с иностранными моторами послужили фундаментом при становлении почерка одарённого авиаинженера.

К.К. Арцеулов

После перехода (захвата) власти Красным Советам, Поликарпов, зная лживость анархистско-товарищеских и эсеро-меньшевистских политиканов, не стремился примкнуть к идеологической ереси, разодравшей нацию. Он продолжает заниматься любимым делом и переезжает в Москву, не обращая внимания на «швондеровские пения».

Здесь в должности руководителя техотдела авиазавода «Дукс» он проектирует лыжи для 4-тонных самолётов, авиавинты, следит за сборкой «Де Хэвиллендов-4», «Фарманов-30», «Ньюпоров» 17-й и 24-й моделей. Здесь ему вручают первую в жизни премию…

В 1919 — 20-х годах, ведя колоссальную работу на производстве, Поликарпов, осознавая значение кадрового вопроса ВВС РККА, встречается с лидерами Вооружённых Сил и принимает приглашение в Авиационную техническую школу ВВС на почётное место преподавателя. Окружавшая действительность в виде разрухи, голода, отсутствия крупных капиталовложений, нехватки комплектующих и, наконец, грамотных специалистов, разъехавшихся по всему Миру, — несказанно удручали тупиковой безысходностью и разрушением православия. Обстановка явно не способствовала и крупносерийному выпуску «Гномов», «Сальмсонов», «Ронов», «Клерже», «BMW», «Мерседесов», «Испано-Сюиз» и «Оберуселей». Пролетят, как птицы, года, и всё же Поликарпов ещё не раз столкнётся с проблемой выбора силовой установки для своих истребителей при всей разнопортретности их компоновок и схем…

В 1923 году круто изменилась и личная жизнь Поликарпова, повстречавшегося с Шурочкой Самышкиной, врачом, весьма схожей с молодой Клавдией Шульженко. Вскоре после женитьбы в их тесной квартирке появился родной «пилот» — дочь, наречённая счастливыми родителями редким именем — Марианна…

Ну а партия умела ставить задачи и сроки: люди — население бывшей царской России, остались у разбитого корыта Империи, плача у тысяч могил гражданской. Люди — бурлаки диктатуры пролетариата, потрясли Мир, увы, не за десять дней.

1-й пятилетний план, включавший в себя и авиапромышленность, захлестнул начальника отдела опытного самолётострое-

Николай с сестрой Лидией

ния в стремительный вихрь событий, перекраивающих страну от Владивостока до Мурманска, от Питера до Кушки. Поликарпов, как умелый организатор, проявил недюжинные способности, разбив проектирование по конвейерному принципу. Это было справедливо: кустарность в инженерных кругах ощутимо мешала штурмовать небеса.

Пахари КБ Поликарпова за короткий срок поняли смысл задела и убедились в результате того ускорения, что задавал Генеральный, или «Батяня». Последовательно проектируются, строятся и испытываются истребители ИЛ-400 (1923 г.), ПМ-1 (1925), ДИ-1, И-3, ДИ-2 (1925 — 26), имевшие множество модификаций, различавшихся моторами, конструкцией фюзеляжа и оперения. Некоторые машины пошли в малую серию, другие — были «заморожены» после катастроф и гибели лётчиков-испытателей. Конструктор переживал потерю друзей неимоверно, а ведь тогда и не знали, как бороться с врагами авиации — штопором, флаттером, бафтингом и многими другими! Аэродинамика — наиковарнейшая наука, особо, если ты — первопроходец, поставивший жизнь на покорение Пятого океана.

В 1927-м Николай Николаевич, будучи фаворитом среди конструкторов при Авиатресте, побывал на Международном авиаконгрессе в Риме. Возможно, увиденные успехи лидеров авиамысли Европы и Америки подтолкнули его к идее создания многоцелевых самолётов, а затем к её реализации в жизнь. Вместе с тружениками И.М. Косткиным, В.Д. Яровицким, В.М. Ольховским, Д.И. Сутугиным, П.Ф. Фёдоровым и многими другими уважаемыми товарищами, которым ещё предстояло сказать своё оригинальное слово в самолётостроении, он плодотворно работал над бипланом У-2, полуторапланом Р-5 и истребителем И-6. Никто из них ни в одном из кошмаров не мог предположить, что за обвинения и «чистки» обрушатся на них вместе с семьями…

Чего только не пережили! «Буржуазные перерожденцы, вредители, контры, старые кадры, сочувствующие Промпартии и шпи-

оны» — термины ОГПУ-НКВД — сократили жизнь фактически, лагерно, смяли души, взорвали изнутри родню. По доносу «тихой гадюки», подсаженной в ЦКБ, прокатились по авиаторам обыски, конфискация, аресты, приговоры и этапирование.

Горькая чаша не миновала Поликарпова: лишь только чудо спасло его и соратника Д.П. Григоровича от расстрела. Смерть «заменили» 10 годами исправительно-трудовых лагерей. К наипечальнейшему сожалению, коллектив Николая Николаевича был в своём горе не одинок: немногим позднее будет творить в «шарагах» А. Туполев, В. Петляков, Р. Бартини, И. Неман, С. Королёв, Л. Курчевский, К. Страхович; расстреляют более половины руководящего состава ВВС, ветеранов партии и наркоматов, талантливых авиаконструкторов А. Пороховщикова и К. Калинина. Верхушка «айсберга» РККА, ВМФ, Гражданской авиации, сам исполнитель — НКВД — ВСЕ попадут под карающую костодробилку, разработанную мировыми революционерами. То было царство явного и секретного террора, накрывшего даже ОСОАВИАХИМ…

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Вон ястреба и те над рощей,
Забился перепел во ржи…
Ты мне, сынок, о жизни прошлой
Без гениальности скажи!

Несмотря на повсеместное закручивание «шурупов» свободомыслия и всесоюзную войну с «троцкистами» и «саботажниками» идолопоклонники тоталитаризма понимали, что без усадки пролетариев в самолёт мировая революция — декретный опус. Инженерная когорта Н. Поликарпова была с ходу загружена заданием партии и правительства СССР — проектировкой и испытаниями манёвренного и скоростного биплана И-5. Девиз един: «Летать дальше, выше и быстрее всех!» О том, что «вредители трудящихся» были лишены номинанты естественного быта, вслух не говорилось — деятельностью ЦКБ-39 при ОГПУ был заинтересован Хозяин — вождь трудового народа И. Сталин.

Результат «рационально» принимаемых решений виден по паспорту данных летучего «борца за В.К.П. (б)»: мощность мотора М-22 — 480 л. с.; вес — 1260 кг; площадь крыльев при размахе крыла 10,24 м — 21 метр: скорость — 286 км/ч; потолок —

7300 метров; дальность полёта — свыше 500 км. Подтверждением того, что самолёт удался, служит факт его постановки в серийное производство, ибо поликарповская формула истребителя была преобразована в «тираж» в количестве 800 экземпляров…

Летом 1931-го разом постаревший Поликарпов и его соратники были освобождены. В дальнейшем, совмещая накопленный опыт, замечания лётчиков и коллег, а также приказные пожелания командования ВВС РККА, король истребителей развивает кипучую деятельность, направленную на улучшение У-2, Р-5 и модификаций, много времени уделяет новому истребителю И-15. Он стал угрюм, молчалив, всё меньше говорил, — видно, сказывалась затравленность ума и души. Даже через 55 лет многоуважаемая Марианна Николаевна Поликарпова, после получения дарственных книг автора этих скромных строк, видимо, очень-очень волновалась, «рецензируя» мои выстраданные вирши:

«Особенно большое впечатление произвёл на меня «Приговор». Прошло много лет, как всё коснулось Н.Н. и нашей семьи, а кажется, что всё это случилось только вчера. Я всю жизнь живу под этими страшными воспоминаниями детства».

А между тем её папа — авангардист по теории и практике в разработке истребителей боя — был добрым человеком. Он прекрасно играл на рояле ещё в бытность мамы, ушедшей вместе с тётушкой на покой из-за революционного отголоска — тифа. Великолепно рисовал — натюрморты, пейзажи, не говоря о чертёжном строительстве крылатых машин. Любил классическую музыку, играл на флейте, обожал рыбачить в редкие выходные, — золотой, всесторонне одарённый человек!

Анализируя триумф в ореоле большинства неудач, достойный сын Орловщины уже тогда считает, что будущее авиации за монопланами, но в «переходном» периоде чеканит бипланную схему, «гравируя» её в своём стиле «чайка».

Период испытаний И-15 был началом дружбы с Чкаловым. Именно Валерий настоял на том, чтобы вся команда Поликарпова училась летать, напомнив Главному И. Сикорского, звавшего Николая Николаевича с собой в США, куда он уехал, не выдержав вакханалии чекизма…

И-15 послужил прототипом для быстрого биплана поликарповцев И-153 «Чайка», отличившегося во время воздушных сражений на Халхин-Голе. Однако самое невероятное, что к концу 1933 года бывший инженер-расчётчик ЦКБ, наращивая продук-

тивность самосжигающей работы, смог завершить Главное дело своей жизни — он создаёт новый истребитель, не имевший аналогов-стереотипов.

По-простецки — моноплан — самолёт с двумя крыльями, а биплан с четырьмя. На собственном примере Поликарпов доказал, что творческий поиск и пыл исследователя способны нарушить мнения, взгляды, профессиональный консерватизм и пустозвонство.

И-16 (ЦКБ-12) виртуозно испытал «дрессировщик» многих поликарповских машин В. Чкалов, веривший в будущность истредителя с мощным мотором воздушного охлаждения и убирающимся в полёте шасси. Как выяснится впоследствии, ас, на которого было совершено семь покушений в одной из избирательных кампаний, словно в воду смотрел…

Вообще, самолёты Н.Н. Поликарпова были для своего тяжкого времени эпохальными машинами. Чего стоит только легендарный У-2! Он возил пассажиров и почту, служил «фотографом», нёс дозор над лесами и вдоль побережий морей-океанов, полюбился учлётам, медикам, стоял на «вооружении» колхозов, связи и рыбацких хозяйств.

А вот другой пример из героического, ещё мирного прошлого, не менее знаменитый покоритель Заполярья Р-5. Один из первых Героев Советского Союза В. Молоков посвятил ему часть жизни и простые слова: «Честь и хвала самолёту Р-5. Он оказался очень прочным и допускал возможность работать при наличии неблагоустроенных аэродромов. В пилотажном отношении машина также обладает отличными качествами».

Не всем моделям и модификациям самолётов, разработанным в КБ Поликарпова, повезло так выйти в массы, как влетел в них И-16. Не пошёл в серию перспективный, очень аэродинамичный истребитель И-17, «летающие танки» ВИТ-1 и ВИТ-2, фронтовой бомбардировщик «Иванов». Не реализовались некоторые задумки по самолётам моря, лишала фантазии политика уничтожения соотечественников соотечественниками при сравнении, к слову, с панибратской тогда Германией, забросившей «троянского коня» в виде наикощунственного пакта с А. Гитлером.

В авиационных, инженерно-технических кругах и по сей день расхожа версия, трактующая «пикирование» Н.Н. Поликарпова как конструктора после сногсшибательных катастроф с истребителями И-180. С человеческой точки зрения, это вполне возмож-

но, — кроме Чкалова, на машинах «короля» разбились и стали калеками многие лётчики. Но полным опровержением «теоремы истощения» служит малоизвестный проект И-200 — предтеча всех «МиГов» времён Великой Отечественной…

В 1940 году документация на эту машину с многообещающим потенциалом при двигателях А. Микулина была передана только сформированному ОКБ А. Микояна и М. Гуревича без ведома Поликарпова, который в конце 1939-го находился в длительной служебной командировке в Германии. Приехал — не успел отойти от факельных торжищ, как при загадочных обстоятельствах ушёл из жизни нарком авиапромышленности М. Каганович.

«В Германии можно жаловаться Герингу, у нас некому!» — в сердцах бросал тогда Николай Николаевич, по счастью, в ближнем кругу.

Он начал проектировать новый истребитель с мощным пушечным вооружением — И-185. Это был исключительно передовой самолёт по всем параметрам лётно-тактических и технических характеристик. Однако камень преткновения на всём пути Поликарпова — моторы — вновь подвели и здесь. Не будем исключать процент диверсий на производстве с целью дискредитировать авторитет конструктора «доброжелательной» стороной в фокусе линзы НКВД.

А потом — война, эвакуация, болезнь, переживания, бесконечные командировки по маршруту Новосибирск — Москва и наоборот; изыскания в области реактивного истребителя «Малютка», задумки штурмовиков и даже высокогрузоподъёмного планёра…

Теперь он с грустной улыбкой вспоминал «труд по нужде», — посещение семинарии, а заодно и отца Николая Петровича, ушедшего в 1938 году, и своего деда, Петра Михайловича Поликарпова, первого священника в Сергиевском-на-Кшени. Он, конечно, не знал, что держатель его традиций, почти ровесник И. Высотский, был расстрелян в ливенском подземелье УНКВД, но мог помнить высоту разрушенной колокольни под 30 метров. Вот где может скрываться причина штопора, так это в подрежимном пике…

Но волею судьбы всем боевым и мирным машинам Н.Н. Поликарпова довоенного выпуска будет предписана яркая на события и трагедии боевая жизнь. Тысячи похвал заслужат его самолёты в Испании, Китае, Монголии. Там, где того требовало лихолетье и интернациональная миссия освобождения народов от

паучьего гипноза свастики, «нового порядка» дуче и окровавленного с начала века меча самураев.

В годы Великой Отечественной, несмотря на беспрецедентный разгром советской авиации в первые дни войны, И-15, И-15-бис, И-153 «Чайка», все типы И-16 и даже единицы И-5 достойно встретили агрессора, оставляя ему минимум шансов на спасение. «Мирянин» У-2 стал избранником прекрасной половины человечества, народным мстителем от лица всех матерей, жён, сестёр, возлюбленных и дочурок. Сотни тысяч раз он спасал раненых партизан. Работал связным, летая на бреющем, продолжал нести на себе функции разведки и воспитания новых авиакадров, которым ещё предстояло трагедийно вступить в строй.

Многие машины оставались на вооружении ВВС, ПВО и авиации Флотов вплоть до середины войны, нещадно привлекались к боевым действиям почти повсеместно. Чтобы читатель яснее увидел масштабы производства машин КБ Поликарпова, приведём заставляющие задуматься цифры: с 1933 по 1940 год советской авиапромышленностью было выпущено 6,5 тыс. И-15 и более 8 тыс. И-16; за 30 лет после появления «кукурузника» на 10-ю годовщину октября было построено 33 тыс. машин. Вот и подумайте теперь о России, выключив телевизор с лживой рекламой и смакованием трагедий. И не надо полоскать грязью евреев с Америкой — они нам здорово и вовремя помогли, как могли, поставками по Ленд-лизу!

Самолёты Поликарпова подняли к небесам и воспитали лучшую истребительскую школу в Мире. Яковлев, Лавочкин, Горбунов, Сухой, Микоян — все учились у «короля», и все их конструкции пришли позднее, либо несли в себе отголосок многолетней наработки поликарповского содружества инженеров-ратоборцев, многие из которых стали самостоятельными авиаконструкторами или позже вступили в область вертолётостроения.

Среди неподражаемых бесстрашных асов пролетарских ВВС — наши великолепные прадеды, деды, отцы, братья, сыновья, мужья и Герои, выступившие против диктатурной сцепки держав «Оси». Тот, кто не прокажён беспамятством, многое знают о П. Рычагове, Я. Смушкевиче, Ф. Аржанухине, В. Бочарове, А. Герасимове, А. Серове, С. Грицевце, С. Тархове, Е. Кондрате и Г. Захарове, И. Копеце и А. Таюрском. Помнят Е. Птухина, П. Пампура, М. Якушина, И. Солдатенко, П. Бутрыма, И. Леонова, Г. Кравченко, П. Харитонова, М. Жукова, А. Ворожейкина, Б. Сафронова, Н. Звона-

рёва, Н. Гринёва, И. Грачёва, В. Голубева, С. Луганского. Достойные потомки чтут память А. Мошина, Ю. Лямина, Н. Власова, В. Сталина, Д. Кокорева, Г. Костылёва и многих, ОЧЕНЬ многих дорогих защитников Отечества. Большинство из них не вернулось...

* * *

30 июля 1944 года вследствие пережитого и болезни Николая Николаевича Поликарпова не стало. В последние четыре года жизни депутат Верховного Совета СССР занимал пост директора и главного конструктора опытного завода в Новосибирске, где так мечтал запустить в серию И-185. Ему было присвоено звание Героя СоцТруда и докторская степень, правительство дважды премировало его. Он назначался зав.кафедрой «Конструкция и проектирование самолётов» Московского авиационного института, был утверждён в звании профессора. Затем он состоял в руководстве научно-методического совета при Главном управлении учебных заведений Наркомата авиапромышленности СССР.

Лишь через 12 лет Николая Николаевича реабилитировали, но к стыду потомков и это замалчивалось несколько десятилетий. Что там ещё раскопают, если не будет ядерной войны???

Ровесники и конструкторская молодёжь всегда вспоминали его добрым словом, постоянно напоминая об отеческой заботе конструктора по отношению к каждому: от шофёра до детей сотрудников. Вместе с единомышленниками Поликарпов создаст около 70 опытных и серийных самолётов, каждый из которых нёс в себе многие новшества, был строго индивидуален и обладал «изюминкой». Даже звёзды на Боровицкой и Никольской башнях Кремля были изготовлены умельцами из КБ Поликарпова, чем он по праву гордился, как впрочем, и проектом одноместного дальнего бомбардировщика с расчётной скоростью 585 км/ч.

Очевидно, что по законам тогдашнего времени конструктора, небопроходца от души, заставили или обязали напрягать геркулесовую мощь своего гения только лишь на военщину. Видится, если бы сложилось в истории всё по-другому, творец грозных машин мог выпустить в небо скоростные пассажирские лайнеры, а может, что и ещё…

Талант есть чудо не случайное; не все плоды падают на головы «ньютонов». Ясно одно: Николай Николаевич Поликарпов — конструктор, летящий впереди времени.

ПОКЛОН ЗЕМЛЯКУ

* * *

Не могут передать слова
Всего того в горниле века,
Что сделал самолёт У-2,
Освобождая человека!

35*

…Я стою в раздумье на Московском шоссе под ливнем возле его памятника, заслуженного умом, кровью и болезнями. Положенные накануне цветы (не могу молчать) снова украли. В руках прославленного земляка, с великой помощью которого зарождались, строились и воевали советские ВВС, его любимец — И-16…

Миряне и недруги! Будете рядом, не отворачивайтесь, отбросьте личностное. Просто поклонитесь и снимите шапку перед Героем, на чьих машинах завоёвывалась наша и не только наша свобода!

Вопрос о всемирном статусе торжеств, посвящённых будущему юбилею, мы ещё поднимем. Дай-то Бог, чтобы святому делу не помешали известные в России и в Орле люди…

9 мая — 10 июня 2001 года,
Орёл — Тула — Орёл,
«Путевые заметки».

* * *

Тех, кто любит корысть и наживу,
не назовёшь ни отцами, ни гражданами,
ни друзьями, ни христианами.
Они, пожалуй, даже не люди.
Зато у них есть деньги.

Жан де Лабрюйер, XVII век.

Есть доллар, евро.. Не секрет.
Есть миллиарды, кланы, клоны.
Но вот рождаемости нет,
Как вызов — в брюках ходят жёны.

В стране свирепствует недуг
Страшнее лжи, страшнее СПИДа:
Не нужен дух, не нужен друг,
И шлюхой сделалась Фемида.

К 100-летию со дня рождения В.П. Чкалова (1904 — 1938)

Валерию — 15 лет.

Колыбель легендарного аса — Васильево Нижегородской губернии.

Наталья Георгиевна и Павел Григорьевич Чкаловы

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЧКАЛОВ

Летать выше всех,
быстрее всех и дальше всех!
Девиз 30–40-х годов XX века

Жизнь, метеоритно прожитая одним из лучших лётчиков-испытателей ВВС СССР Валерием Павловичем Чкаловым, редчайший пример достижений простого человека при его упорном рвении к реализации идеи и цели. Виртуозности пилота, его инженерным знаниям, характеру и взаимоотношениям с коллегами и конструкторами авиатехники посвящено достаточно много книг, статей, художественных и документальных фильмов, полотен и радиопередач с момента его нелепой гибели...

В разные годы уважаемому лидеру пришлось крепко поработать-поспорить с лётной элитой страны, а уж знали его, конечно же, все. В рядах ведущих асов Страны Советов стояли Г. Седов, М. Громов, А. Павлов, К. Арцеулов, Ю. Пионтковский, Б. Бухгольц, В.Коккинаки, А. Анисимов. К. Груздев, П. Стефановский, В. Евсеев, Э. Преман, С. Супрун, В. Раков. Познали суровую трагичность будней А. Залевский, И.Козлов, Т. Сузи, А. Прошаков, Б. Кудрин, А. Томашевский, А. Гринчик, А. Екатов, Г. Головин, И. Антошин, И. Петров, Г. Байдуков, С. Шестаков, С. Анохин, А. Юмашев, Г. Шеянов, А. Кочетков, М. Алексеев, А. Якимов, А. Никашин, М. Нюхтиков, Н. Журов, И. Спирин, Е. Стоман, А. Филин, А. Кржижевский. Не отставали от них в небе и на

воде А. Ершов, Ф. Усачёв, Н. Кастанаев, С. Рейдель, М. Коровкин, К. Ганулич, Ф. Болотов, Б. Агров, Т. Рябенко и Н. Благин, Н. Котяков, И. Погосский, Д. Ильинский, Г. Полозенко и Б. Чухновский — разве всех назовёшь? Сколько слюнявых и сопливых «чкаловых» смотрело на общенародных кумиров как на богов, не представляя себе понятия «господство в воздухе», за которое им придётся, обливаясь кровью, сражаться в Испании, Китае, Монголии, а затем и на Родине??? Наяву же — штудировали труды Д. Дуэ и Ч. Линдберга.

Горестно, что не за 20 дней, а за ***годы*** до Второй мировой войны, в будни испытаний будет не до романтики, что список рыцарей неба будет трагически сокращаться, покрывая родню сединой и слёзами. Ещё печальней было выжить, чтобы попасть в... ГУЛАГ...

Каждый из них знал, что их профессия подразумевает не только чистое небо и возможность наслаждаться полётом, но и вероятную, и что самое страшное, непредсказуемую смерть…

А на деле? «Нам разум дал стальные крылья, а вместо сердца пламенный мотор?» Все знали, но молчали. Улыбались, балагурили, пели любимые песни и выпивали, обожали детей и жён, в редкие часы выбирались порыбачить на места, известные им ещё с детства, охотились на кабана и дичь, ударяли за комсомолочками, влюблёнными в них «от тайги до британских морей». А как они гоняли наперегонки на мотоциклетах «Триумф», «Индиан», «Кавалер», «Харлей», ленинградских «Элах» и на «ИЖах», без преувеличения, мог позавидовать знаменитый мотогонщик тех «вороных» лет С.И. Карзинкин! Кстати и В.П. Чкалов считал своим долгом шефство над всеми патриотично-оборонными мероприятиями ОСОАВИАХИМа, неоднократно встречался с разновозрастной (иногда неграмотной) аудиторией, агитировал за повышение технических знаний, чтобы народ из «слепого» стал «зрячим», смелым, боеспособным...

Приходилось снимать с себя ежедневный перегрузочно-психологический стресс, усугублённый узаконенным беспределом «пикировщиков» официально подгонорарных НКВД. «Первым делом, первым делом самолёты!» А так как самолётов к тому времени у СССР было не меньше девушек, давить на педали фортепьяно и вымученно рассказывать слабые анекдоты будущим истребителям армад Люфтваффе не оставалось времени. Лётчики продолжали гибнуть, а самолёты — им что, они ведь железные (пусть хоть фанерные)...

Вдумайтесь, сколько режущей скорби в словах профессионала высочайшего класса М.М. Громова:

«Кто же первым встречал, встречает и будет ещё встречать неведомое в воздухе? Лётчики-испытатели!

Могли ли предвидеть Поликарпов и Косткин, что их «Истребитель Либерти» окажется таким неустойчивым, что при первой же попытке подняться в воздух К.К. Арцеулов, блестящий лётчик, потерпит аварию? (Самолёт после отрыва от земли, не слушая рулей, пошёл на петлю. Константин Константинович, внук великого мариниста И.К. Айвазовского, к счастью, остался жив, сломав руку и ногу. По воспоминаниям Г.Ф. Байдукова, В.П. Чкалов также видел, как выпрыгивал с парашютом из попавшего в штопор И-1 длинный, огромный Громов — **Р.В.В.**).

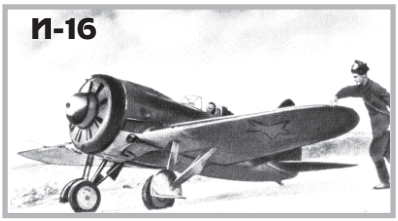
— Могли ли они предвидеть, — продолжает Михаил Михайлович, — что лётчик Шарапов на том же самолёте серийного выпуска войдёт в плоский штопор и не выйдет из него?

Не только Поликарпов и Косткин, но никто в нашей стране не знал, отчего самолёт попадает в штопор, тем более — в плоский. Не знали, что такое самовращение самолёта (авторотация) и по какой причине она возникает. А ведь штопор лётчики уже делали в течение нескольких лет и выходили из него благополучно!..

А кто открыл первым вибрацию типа бафтинг? Кто первым попал в вибрацию типа флаттер? Лётчик-испытатель в воздухе! Могли ли конструкторы предвидеть эти явления? Нет.

Мог ли Поликарпов предвидеть, что у его двухместного истребителя (2И-Н1 — одностоечный полутораплан с фюзеляжем-монококом круглого сечения с двигателем «Нэпир-Лайон» в 450 л. с. — **Р.В.В.**) на максимальной скорости сорвётся обшивка с крыла и лётчик Филиппов со своим хронометражистом Михайловым погибнет? Не мог!» — справедливо подчёркивает покоритель Полюса Неприступности...

Несмотря на обвинения в «воздушном хулиганстве» и отстранения от полётов, Валерий, уже будучи ведущим лётчиком-испытателем НИИ ВВС РККА, очень сдружился с нашим замечательным земляком, авиаконструктором Николаем Николаевичем Поликарповым. Время было архисложное: процветали донос, шапкозакидательство, партийный эгоизм, эйфория от идей, не материализованных успехами, нездоровый глобализм и грабёж «опиумной религии». Не надо говорить, как переживали из-за беззакония соратники по Центральному конструкторскому бюро



— они ведь лично знали всю лётную элиту периода И.В. Сталина. Но сказать тогда вслух что-либо было равносильно самоубийству, ибо говорящий подрубал себе «крылья», подвергал риску семью, родственников и знакомых. И, хотя человеческое доверие кощунственно разлагалось на корню, многие шептались, что неспроста погиб в авиакатастрофе начальник Управления ВВС РККА П.И. Баранов. Молнией промчат года, и заберут его зама, сменившего его на этом посту, организатора и разработчика структуры ВВС страны, спасителя Чкалова, бывавшего в Орле Я.И. Алксниса. Так «раскручивался пропеллер» Эры репрессий…

«Шельмец Валерьяшка», как называл его ближайший друг, отважный пилот А.Ф. Анисимов, напоминал Н.Н. Поликарпову своего учителя И.И. Сикорского, который перед отъездом в США часто повторял:

— Николай Николаевич, Вы непременно должны научиться летать!

Герой Советского Союза, член чкаловского экипажа во время перелётов на остров Удд и через Северный Полюс, ас-полярник Г.Ф. Байдуков вспоминал, что Валерий говорил конструкторам:

«Побывайте в нашей шкуре, будете строить машины такие, какие нужны советским лётчикам. — И он предложил при аэроклубе завода создать небольшую школу для работников завода и добился, чтобы для занятий выделяли самолёт У-2. Первыми его учениками стали конструкторы. Прежде всего сам Николай Николаевич Поликарпов, затем Дубровин, Таиров, Буксаков и другие, всего 11 человек (то есть, вся команда «короля истребителей» — **Р.В.В.**). Летали перед работой с шести часов утра и после её завершения до захода солнца. Валерий Павлович не зря затратил на это много энергии — все его учлёты сдали экзамены в Центральном аэроклубе и получили права на самостоятельное управление самолётом».

Действительно, Чкалов, как никто другой, знал, что вкус победы придаёт человеку силы. Силы, чтобы быть сильнее собственного страха, сильнее железа, сильнее самого себя, поскольку помнил истину — чтобы научиться управлять самолётом, нужно

научиться управлять собой. Он не раз говорил ближайшим друзьям, что иногда полезно испытать безумную опасность, до конца испугаться, а затем — до конца разозлиться, выложиться до предела возможностей, напрячься так, чтобы каждый нерв, каждая клеточка кричали. Как теоретик высшего пилотажа боевых машин (в первую очередь истребителей) уроженец Василёво ясно понимал, что без этого победа в борьбе с воздухом, неполадками и подлыми случайностями так же расплывчата, как инверсионный след, оставляемый самолётом...

Сотрудничество с авторитетным КБ Н.Н. Поликарпова плодотворно продолжится на пользу наступлению и обороне соединяющихся пролетариев. Дальнейшим развитием бипланной схемы, внедрённой на И-5 и И-6, стал опытный ЦКБ-3 с видоизменённой формой верхнего крыла, что улучшало обзор из кабины. Чкалов не нарадовался одноместному манёвренному истребителю, причём установил рекорд, пройдя с умиротворённым рёвом вираж на высоте 1000 метров за 8 секунд. Сам ЦКБ-3, более известный, как И-15, вероятно, «радовался», выдавая «двадцать пятой эмкой» все свои 715 лошадиных сил, когда он, «чувствуя» пилота, стремительно поднимался на пятитысячную «планку» за шесть минут. После успешных испытаний самолёт был запущен в крупную серию, завоевав уважение и любовь у пилотов и техников (всего было выпущено 674 И-15 и 2 408 И-15-бис в 11 модификациях).

Чёрный для мира 1933 год пролетел, словно визг, оставляемый экстренным торможением на взлётно-посадочной полосе. Поликарпов мрачен: теперь у его КБ были настоящие, а не дутые из чепушинок «враги». Враги, ставшие под штандарты каудильо Франко, противник, в виде «Фиатов», «Капрони», «CANTов», «Саетт» и «Хейнкелей». То был зловещий период чёрного двухлетия, ибо Испанская фаланга под лидерством Хосе Антонио Примо де Ривера и генерала Санхурхо, ездивших в конце октября за фюрерской поддержкой в Берлин, открыла путь войне в 32 месяца…

Фашиствующие триумфаторы из «Стального шлема», НСДАП наседали на Вилли Мессершмитта, «центурионы» дуче — на Челестино Розателли, а скромный орловец не без давления партии и правительства к концу года завершил проект авангардного истребителя. Это была замечательная машина, будущая победно-трагичная знаменитость всех крылатых противостояний между госидеологиями и системами — истребитель-моноплан И-16.Так было сломлено консервативное мнение ряда авиаграндов, зак-

лючавшееся в том, что биплан является традиционной схемой самолёта.

Первым, кто испытывал ЦКБ-12 с убирающимся в полёте шасси, был искусный укротитель боевых болидов Валерий Павлович Чкалов, и на этот раз безжалостно рисковавший жизнью. Почерневший от горя после гибели «народного лётного артиста, кинозвезды Фролыча», как он окрестил своего лучшего друга А.Ф. Анисимова, он «отрывался» под облаками так, что какой там адреналин — кровь закипала в жилах. Создатели машины, присутствующие здесь же лидеры ВВС, НИИ, наркоматов, представители самолётостроительной отрасли и смежных с нею производств, холодели изнутри от головокружительных пируэтов компактного «курносого», с честью выдержавшего колоссальные нагрузки и перегрузки. Благодаря их деятельному участию и вмешательству в судьбу многообещающей машины, она была тут же, без проволочек документационно оформлена для постановки в крупносерийное производство.

Новый самолёт вскоре станет всеобщим любимцем лётчиков за счёт своей лёгкости, чуткости в управлении, манёвренности и высокой скорости. Однако, чтобы полноправно владеть этим шустрым истребителем (модельный ряд моторов представлял собой мощь от 460 до 1100 л. с.), многим «сталинским соколам» придётся основательно пересмотреть не только технику пилотирования, но и тактику и стратегию ведения воздушного боя как на малых, так и на средних высотах.

«Шестнадцатый» ошибок не прощал. К глубокому сожалению, участились катастрофы даже среди «стариков», а «безусые кузнечики» с малым налётом часов могли изучать «ишачок» в едином положении — на земле. Многих тогда бросала в дрожь приговорно-сухая отписка комиссий по расследованию несчастных случаев — «не справился с управлением»… Ау, шрифтостанки просторов России!

Как бы там ни было, опыт качественной сборки, детальные инструктажи кудесников лётного искусства, теоретические и практические занятия-манёвры удобрили почву для приёма этих истребителей в спешно создаваемые формирования ВВС СССР. Чкалов, по воспоминаниям соратников и родни, был очень доволен, но мало кто знал, как ему пришлось «воевать» за будущее самолёта ещё в мирное время и в каких «заоблачных» инстанциях он доказывал необходимость его скорейшего внедрения в массы...

Самосжигающий труд Николая Николаевича Поликарпова и Валерия Павловича Чкалова будет замечен и высоко оценен правительством. Простые слова наркома тяжёлой промышленности Григория Константиновича Орджоникидзе, позднее загадочно ушедшего из жизни, говорят, как закалялась сталь:

«Конструктор авиационного завода тов. Поликарпов Н.Н. является одним из способнейших работников нашей авиации. Им сконструированы И-15 и И-16. Оба самолёта приняты на вооружение. Лётчик В.П. Чкалов ведёт испытания этих новых истребителей и считается одним из лучших лётчиков. Я прошу наградить орденами Ленина конструктора авиазавода Поликарпова Н.Н., лётчика Чкалова В.П.».

Награды — наградами, общественное признание — это одно (как говорится, штрих биографии), а направление деятельности «Антикоминтерновских» побратимов по «Оси» вынуждало тружеников Советской России спать начеку, ускоряло развитие промышленных производств, экономики, открыло путь антинародной политике в ореоле культа личности и лживому марксизму в обрамлении искажённого ленинизма.

Одним из ярких примеров, олицетворяющим гигантоманские идеи революционеров, следует назвать одномоторный АНТ-25 А.Н. Туполева, бензоцистерны которого задумывалось использовать под химическое оружие массового поражения. Кому оно было предназначено, мог и не знать один из руководителей химического Управления РККА Я.М.Фишман; однако он знал о ёмкости крыльевых баков покорителя Страны снега и айсбергов, составлявшей объём от четырёх до пяти тонн...

Знал ли об этом «рекордном ляпсусе» Чкалов? Трудно сказать. А так как проект приказал «долго жить», более важным видится то, что с 1933 по 1939 год маленький, похожий на бочонок, И-16, развивавший скорость 490 км/ч, стал главной опорой истребительной авиации Советского Союза как в сухопутных частях, так и в базовых формированиях трёх флотов (всего выпущено 6555 экз. в 18-ти модификациях).

Отрадно заметить, что КБ Н.Н. Поликарпова, в противовес разработкам Вилли Мессершмитта и других потенциальных «врагов», вновь отличилось в проектировании истребителей, выпустив в свет любопытный моноплан И-17 (ЦКБ-19). Самолёт представлял собой развитие на основе И-16, однако был настолько выведен по аэродинамике — глаз колол! Плавность внешних черт

не имела ничего общего с И-16 — не самолёт, а нарицательно, Анна Павлова!

Работа над ним развернулась в полную силу с зимы 1934 года, всем хотелось поскорее вывести его на испытания. Оставляя в стороне скелет и материалы конструкции, отметим, что моноплан вышел удачным в лучших традициях воздушной акробатики. Правда, были проблемы с мотором, но вскоре и этот весьма важный вопрос был решён положительно. Рождался самолётище! С учётом скоростной заявки, его ожидало большое будущее...

Чкалов перед испытаниями неутомим, взвинчен не меньше авторов. Ему нравилось в безоружном истребителе всё: нормальная длина хвостовой части, сдвинутая вперёд центровка, усиленный лонжерон крыла, сваренный из стальных труб; полированный пропеллер «Ратье», сдвижной фонарь и окна для освещения приборов, и сам кумачовый цвет машины с тёмно-синим капотом и коком винта.

Случилось так, что партийная аристократия решила воочию лицезреть показательные полёты. Не будем рассматривать, кто что указал, направил, прозрел, кому кивнул, что подал или кого увёз. Замкнуло у Чкалова на финальных литрах: надо садиться, в руках мечта любого пилота мира (минута назад — 424 км/ч), а тут — эта очередная «петрушка», мать её через Иммельмана!

Убирающееся шасси оставляло желать лучшего ввиду прежнего (как и на И-16), «шарманного» привода. Механический привод не устраивал «всю королевскую рать» ЦКБ из-за своей ненадёжности по типу «в тихом омуте черти водятся». Заедание шлицев и, как всегда, внезапный отказ амортизации систематически одолевали инженер-группу то анальгином, то валерианой из-за Валерия...

Он спасёт и в этот раз себя и машину, хотя мог спикировать на антинародных лидеров аналогично попытке Н. Благина, угробившего «Максим Горький» (АНТ-20) с 40 невиновными несчастными (думал, наивный, будет лететь Сталин). Но как он спасал И-17, себя, авторитет поликарповцев — это господа, надо было не в хронике под ширпотребовский пирожок глазеть, а в натуре...

...Стрелка уровня топлива — нуль, а жить хочется и красную «ласточку» чуть не до слёз жалко! Плавный разворот, газ по стуку сердца, лёгкий крен в сторону вышедшей стойки... касание земли... внеплановая эффектная рулёжка на одном колесе (!) и

бег по полосе! Где же вы, «звёзды» беспроблемно-улыбчивого кинематографа?!

Всё обошлось, — текст не кинофильма. Валерий Павлович, мокрый, как мышь, неизвестно что мысленно пережил и о чём думал, вылезая «из стойки боком», как он подсмеивался над своим любимцем за тесную кабину и малый мидель только вчера. Поликарпов, наверное, как и все, плакал от счастья, что лётчик, Друг — жив. А может быть, он подумал, что чёрт с ним, с опытным экземпляром? Или наоборот: «Вложим по-новой душу в железяку бездушную! Лишь бы потерь не было...»

Немногим позднее, на «фундаменте» «семнадцатого», побывавшего в Париже и Милане на авиавыставках, зарождается, строится и испытывается (опять же Чкаловым) пушечный истребитель ЦКБ-19. За рубежом только вызревали планы пушечного перевооружения «Мессершмиттов»-109 и 110, «Спитфайров» и «Харрикейнов» «Кертиссов», «Буффало», «Грумманов» и меча воздушного самурайства, пока бумажного «Зеро-сэна», авторства Д. Хорикоси. Союз поликарповцев актуально выступил законодателем пушечных «вееров» на борту самой «москитной» авиаформации — истребительной. Здесь заслуга советской школы боевого самолётостроения неумолима.

Дело не в тезисной, убаюкивавшей глаз транспарантности, а в самом резюме Чкалова, основоположника скоростных полётов на бреющем: «Перейти с самолёта И-16 на самолёт И-17 — это всё равно, что с «Форда» пересесть на «Линкольн». Мнение большого друга Поликарпова и других авиаконструкторов не везде адекватно ценилось. Мешали завистники, даже когда он вальсировал на паркетах или ужинал с секс-бомбами Совдепии под ласкающее уши ностальгичное танго.

Что же дальше? А ничего хорошего: хода работе по И-17 и И-19 не дали. Испытанный В.П. Чкаловым самолёт, показавший изумительно положительные лётно-тактические и технические достижения (скорость — 500 км/ч и потолок — 9700 м), был затуркан в архив-ангар Поликарповского коллектива по соображениям якобы тесноты рабочего места пилота. Видя, какая размалёванная ассовская саранча воспитывается в Люфтваффе, глупо не уразуметь того, что 1000 выпущенных И-17 и соответственно подготовленных к ним низкорослых индивидуумов, могла полноценно и полнокровно вступить в ряды в составе перехватных эскадрилий ПВО. Налицо один из многих промахов кремлёвских

воротил, веривших в «честность и порядочность» пакта Риббентропа-Молотова и предшествующие ему фальшивые соглашения с крестоносцами.

Перед отзывом на покорение Полюса Неприступности бесстрашный Чкалов неустанно работал с И-17 касательно «приручения» плоского и управляемого штопора. Ему многое удалось, причём он душою полюбил высокоскоростной моноплан, заступался за него и Н.Н. Поликарпова при личных встречах с авиапромышленниками и пр. заседательной кастой из числа многопишущих (в пустоту) инстанций. А.Н. Журавченко и В.С. Пышнов — авторитеты ЦАГИ (Центрального аэрогидродинамического института им. Н.Е. Жуковского), лётчики НИИ ВВС, инженерная когорта ведущих и отстающих ОКБ так или иначе видели в И-17 и его модификациях переворот в мировом авиастроении и повсеместно голосовали «За!». Но не досмотрели, не доглядели, под преступное убийство руководящего «кулака» ВВС — было не суждено, хотя идея реализации названных проектов-планов обязывала приложить все усилия связующих звеньев (от аппарата до производителей) раньше старта АНТа-25 по маршруту Сталина на США...

Сверхмужественной чкаловской эпопее, растопившей лёд не только американских сердец, посвящено весомое число произведений в России и за рубежом. Всепланетное признание — это

Волнующая встреча в Ванкувере 20 июня 1937 года.

Семейная радость. 1937 год.

был пик, своего рода гимн русской технической оснащённости, русским небопроходцам, покорившим вечную мерзлоту и стужу. Это была хотя и пропагандисткая, но высокопорядочная, дружественная попытка объединить народы в преддверии зарождающегося хаоса Второй мировой войны.

Между тем, в декабре 1938 года предполагалось облетать новый истребитель поликарповцев И-180, но с ним на авиазаводе в Горьком не ладилось, без конца обнаруживались «детские болезни» — дефекты. Поликарпов, вместе с единомышленниками З.И. Журбиной, Д.Л. Томашевичем и многими другими, «налегал» на сдвинутую вперёд центровку, мощный двигатель воздушного (или жидкостного) охлаждения, продольную устойчивость истребителя и высокую нагрузку на крыло, обеспечивающие боевой машине её первый показатель — скорость.

Главное управление авиапромышленности оказывало давление, требуя скорее решить вопрос о пригодности истребителя, дабы оперативно запустить его в серию в будущем году.

Морозным днём 15 декабря для всех, кто задумывал, изготовлял и готовил самолёт к полёту, наступил самый переживаемый момент. Наконец-то, после детальных доработок и устранения дефектов (например, оборванный трос акселератора), спо-

ров с Поликарповым, ведущим инженером по испытаниям Лазаревым и главмехаником 180-го Барским, Чкалов вырулил на край аэродрома. Яркокрасный И-180, мощно взревев мотором М-88, пошёл на разбег. Все с непередаваемым волнением смотрели, как он бежит по полосе всё быстрее и быстрее, вслушивались в звук работы 14-цилиндрового двигателя. И вот — второй в его судьбе отрыв от земли, шаг навстречу неизвестности...

Последняя поездка домой. 1938 год.

Стремительно набрав высоту, виртуоз воздуха сразу же начал с машиной «серьёзный разговор», пробуя её в разных скоростных режимах. Отмечая про себя чуткость рулей, их жёсткость и манёвренность выстраданного детища, он поначалу делал плавные развороты, затем — покруче.

Факт, что скоростной истребитель импонировал лётчику, как в своё время и другие машины Поликарпова, с которым он держался на равных. Кто знает, может в тот миг он вспомнил кого-то из своих деток или Марианночку Поликарпову, вечером просившую его взять её в полёт чуть ли не до слёз...

Его ровесник, известный лётчик-испытатель В.К. Коккинаки, позже будет рассказывать, что к его машине приблизился Чкалов. Радостно качнув крыльями в знак приветствия, Валерий широко улыбнулся, показав большим пальцем: «Отличный истребитель!»

Очевидно, Чкалову хотелось поскорее поделиться мыслями с теми, кто был на земле, кто создавал сие чудо, но связи с ней не было. Лишь слегка подрагивали стрелки на приборной доске...

По пилотской сути, полёт прошёл нормально, и Чкалов начал снижение, чтобы достойным образом завершить его.

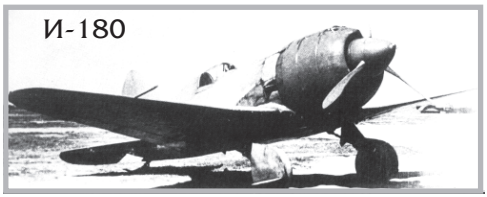
«Сделав большой круг по границе аэродрома, Чкалов пошёл на посадку, — рассказывает тогдашний начальник отдела НИИ ВВС, инженер и лётчик-испытатель И.Ф. Петров. — Дальше всё произошло в какие-то секунды. Лётчик, чтобы сесть в расчётном месте, убрал газ — мотор переохладился; заметив, что до границы аэродрома не долететь, он решил, видимо, подтянуть

газком. Обычная работа. Но вот тут все обратили внимание, как за самолётом вырвался и потянулся большой столб дыма. Это означало, что мотор переобогатился горючим. Затем уже было видно, как остановился винт…

Произошло всё это на малой высоте. Практически лётчик уже ничего не мог сделать с мотором. Не долетев метров 200-250 до границы аэродрома, самолёт Валерия Павловича ударился о землю, лётчика выбросило из кабины и он погиб».

Погиб не только лётчик-испытатель и комбриг, мужественно испытавший более 70(!) типов самолётов, но и неустрашимый патриот-новатор, главной целью жизни которого было совершенствование воздушного боя в возможной войне, по его мнению, для СССР неминуемой... Асовский почерк, аналитический и не испорченный околотронной интригой ум, бесшабашная удаль с элементами трюкачества сделали его любимцем народа по тяжело заработанному праву. Вдобавок, Валерий Павлович, проигнорировав сталинские намётки в отношении назначения его наркомом внутренних дел, выступил поборником бреющих полётов, считая их одним из лучших манёвров для эффективного поражения наземного врага. Властитель дум советской молодёжи, поразивший с друзьями всю Америку, создал новые фигуры высшего пилотажа — восходящий штопор и замедленную бочку, осуществил выход из пике и набор высоты в перевёрнутом положении, безгранично рискуя, спас десятки машин, построенных в одном экземпляре, за что был одарён правительством голубым «Паккардом».

И по сей день, уже в третьем тысячелетии, не улегаются споры, гипотезы, разговоры, обоснованная и необоснованная дезинформация относительно версии-теории «переохлаждения двигателя». Отметая «специалистов» по созданию шума из ничего, предлагаем читателю пойти методом профессионала лётных наук С.П. Супруна, испытывавшего в тот день двухместный Ди-6 С.А. Кочеригина. Он мчался на своей «Эмке» к месту трагедии, но никогда не узнает того, что раскроется нации более чем через полвека — погибнет, как и тысячи лётчиков, в начале Великой Отечественной войны...


И-180

Составленный автором испытательно-жиз-

ненный отчёт содержит в себе достоверные факты, рассказанные или записанные очевидцами и участниками рассматриваемых событий. Многие из них — не обнародованы и поныне, что прямо указывает на нежелание властей сжечь гриф «Совершенно секретно» раз и навсегда.

§ 1. По неофициальным данным, на Чкалова было совершено семь покушений в ходе одной из избирательных кампаний, предшествовавших катастрофе.

§ 2. Сын Чкалова, полковник авиации И.В. Чкалов, впервые услышавший об аварии от сына легендарного В.И. Чапаева, военлёта А.В. Чапаева, так же, как близкий друг отца (оба — его ученики) А.К. Серов, придерживается мнения, что Валерия Павловича убили (т. е. трагедия с И-180 — «удачное» покушение № 8).

§ 3. Дочери Валерия Павловича — старшая В.В. Чкалова и О.В. Чкалова — считают, что Сталин не мог быть замешан в гибели отца, поскольку папа был частым гостем Хозяина и имел на него положительное влияние, говоря, что «ваша жизнь — дороже любой машины». Однако, вспоминая рассказы матери, Ольги Эразмовны, отмечают: король пилотажа спал с именным пистолетом под подушкой.

§ 4. Товарищ специалиста по авиадвигателям Туманского, представитель Запорожского завода № 29, Е. Гиндзбург, чудом избежав расправы, исходящей от бериевско-меркуловских костоломов, отменял полёт устно и письменно по причине отсутствия на моторе бензопомпы (была установлена гидравлическая).

§ 5. И-180, по сути не совершивший ни одного вылета (не считая подскоков на несколько метров и рулёжки 12 декабря), попадает не в письмо, а в прямо стенографическое досье Берии, где он запрещает испытания тем же числом, ссылаясь на 48 дефектов (обнаружено Валерией Чкаловой в закрытых спецархивах).

§ 6. В течение продолжительного времени после падения истребителя команда по оказанию первой помощи не могла приблизиться к нему из-за боязни вероятного взрыва, хотя и знала о приблизительном остатке горючего.

§ 7. Никто не знает, куда делись обломки, последняя бригада авиамехаников, готовивших самолёт к вылету при морозе около - 30 С°, а также настораживает факт, запрещающий освидетельствование «смерти» мотора, сам запуск которого, как видим по погоде, был крайне нежелателен.

§ 8. Авиационная элита прошлого и настоящего считает, что гибели В.П. Чкалова можно было бы избежать, если бы он совершил посадку на «брюхо», но и этого ему не дали, шасси было... законтрено, т.е. «превратилось» в неубирающееся (подтверждение версии Игоря Чкалова).

§ 9. Прославленный ас часто заступался за друзей и малознакомых лётчиков в НКВД. Теперь все причастные к испытаниям оказались в тюрьме. Ведущий инженер Лазарев, представлявший лётчику акт о готовности к вылету, для всех внезапно стал «тяжелобольным»; на самом же деле его на полном ходу выбросили из электрички...

§ 10. Близкий друг волжанина, участник перелёта на АНТ-25, Г.Ф. Байдуков неспроста пишет в книге о нём: «Я убеждён, что Чкалов сумел бы вывести И-180 на большую дорогу, не попади он в ловушку, в которой оказался не по своей вине или оплошности».

Тяжко «всё это» осознавать даже спустя время. Втройне обидно, что в России воспитывается забывчивая нация, тогда как в США председатель Чкаловского трансполярного мемориального комитета А. Коул, один из основателей комитета П.С. Белов, кинорежиссёр и продюсер У. Уэйдман ищут материалы о замечательном русском пилоте и его экипаже, приземлившемся на аэродроме Пирсон-филд 20 июня 1937 года. Цель заокеанских изысканий — создание художественного фильма.

Приём героя перелёта генералом Дж. Маршаллом.

Помнится, президент США Ф.Д. Рузвельт сказал тогда историческую фразу: «Никакая работа дипломатов не могла бы сделать и за десять лет того, что сделали вы своим перелётом для сближения народов».

Американцы жаждут узнать побольше о жизни Валерия. Что ж, я отослал данную работу в Ванкувер (штат Вашингтон). Не знаю, долетит-доплывёт ли? Надеюсь, «Юниверсал», «Коламбиа пикчерз», «Твентис сенчури Фокс» и «Парк-авеню продакшнз» заинтересуются освещёнными событиями, которые первостепенно обязана чтить-помнить Родина, бывший Союз Советских Социалистических республик.

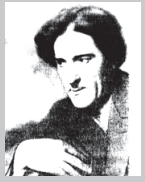
Апрель 2002 г. Орёл — Волгоград — Чкаловск — Орёл, «Путевые заметки».

ЖЕРТВА РЕЖИМА

Посвящается Павлу Васильеву, Николаю Клюеву, Борису Корнилову и Сергею Клычкову.

Не на рассвете, в темноте,
Где одиночка в слизь одета,
Из воронёного «ТТ»
Скосили цвет земли — поэта.

Он возвратился к людям вновь,
Прекрасно изданный в столице,
Но всё равно сочилась кровь
Сквозь отбелённые страницы.



ЧАСТУШКА ИЗ ГУЛАГа

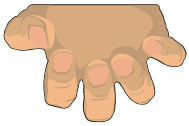
Без вождя, как без рук,
Спим с цитатами.
Ты наш Главный Паук
С паучатами.

Не косил, не пахал
С приближёнными,
Но людей укладал
Миллионами.

1953.

Карл Великий
Ричард I
Львиное сердце
Тамерлан
Карл XII
Наполеон
Муссолини
Сулейман
Писарро
Аттила
Чингис-хан
Гитлер
Тодзио
Цезарь
Александр
Македонский
КТО
следующий
?

ПОЧТИ ПО ТЮТЧЕВУ



И впрямь Россию не понять,
И вкось Россию не измерить.
Она — из люльки может брать
И, хапая, — не лицемерить.

АГРЕССИЯ

Куда ни глянь — она всегда такая:
Сначала — рык, потом в ходу —
клыки...
Как хочется, в новейший век вступая,
От дикости спасти материки!

КТО СЛЕДУЮЩИЙ?

(Монолог Обезьяны)

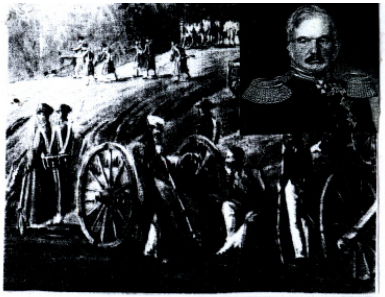
Смеётся над тиранами примат:
Ужели вы так умственно убоги,
Заливши кровью шар земной стократ,
К добру разрушив все пути-дороги?

Народы! Уничтожьте сей порок.
Не гнитесь под секиру и цитату,
Чтоб в дружбе жили Запад и Восток —
Скажите «НЕТ!» извечному диктату!

НЕБЕСНО-ЗЕМНОЕ ЯВЛЕНЬЕ

Всех волнует ЗАТМЕНИЕ СОЛНЦА,
И не спрячутся в воду концы:
До сих пор в человеке живётся —
КАК ПУГАЛИ ЖРЕЦЫ И ЛЖЕЦЫ.

ДЕЛОВОЙ ВТОРНИК



ИЗ ПОЧТЫ «ДВ»

ПООСТОРОЖНЕЙ БЫ С ЕРМОЛОВЫМ

В последнее время в Орле развернулось широкая кампания по установлению памятника генералу от инфантерии А.П. Ермолову. Памятник планируется боевой: на коне, с обнаженной шашкой. Зачем?

Да, в тысячелетнем Смоленске стоит Кутузов, разгромивший Наполеона (не на коне). В Москве - выстраданный памятник маршалу Жукову (конный). Но ведь это герои войн Отечественных, а не захватнических. Что касается генерала Ермолова, то это, как говорится, совсем другая песня. В истории, конечно, невозможно мерить все и всех одной меркой, но ведь даже царя шокировала жестокость, с которой его наместник покорял Кавказ, и многие современники Ермолова писали и говорили о том же: о подвешенных за ребра муллах, о сожженных вместе с жителями аулах, о детях, взятых в заложники...

Может, не стоит так рьяно подчеркивать воинские заслуги, в которых столько сомнений? Была бы моя воля, я бы предложил поставить скромный обелиск в селе Лукьянчиково, родовом имении генерала - это было бы куда уместней.

Виктор РАССОХИН,
писатель.

ОРЕЛ.

неральный директор **Ф.Сизый.**
овный редактор **В.Симонов.**

Адрес редакции: 125993, ГСП-3, Москва, А-40, ул. «Правды», 24, 8-й этаж.
Телефон для справок: (095) 257-59-17.
Телефон/факс отдела рекламы: (095) 257-59-17.
E-mail: vtornik@adi.ru, www.vtornik.ru

Номер подписан в 15.00. По графику в 15.00.
Общий тираж 1.640.191 экз. Цена - бесплатно.

еловой вторник». Перепечатка без согласования с редакцией не допускается. Приобретение прав на перепечатку и использование материалов тел./факс (095) 257-59-17.

Труд», «Ежедневные новости. Подмосковье» (Московская область), «Советская Белоруссия» (Белорусь), «Европа-Экспресс» (Германия), «Архангельск» (Архангельск), «Комсомолец Каспия» (Астрахань), «Пульс Аксарайской» (Астрахань), «Белгородская правда» ород), «Брянский рабочий» (Брянск), «Волгоградская правда» (Волгоград), «На смену!» (Екатеринбург), «Панорама» (Зеленогорск), «Калининградская правда» (Калининград), «Вольная Кубань» (Краснодар), «Курская правда» (Курск), «Красноярский рабочий» :ноярск), «Липецкая газета» (Липецк), «Нижегородские новости» (Нижний Новгород), «Новая газета» (Новосибирск), «Советская Сибирь» (Новосибирск), «Северная вахта» (Ноябрьск), «Поколение» (Орел), «Конкретная газета» (Озерск), «Вестник-Наша Пенза» за), «Вечерняя Пермь» (Пермь), «Северный курьер» (Петрозаводск), «Наше время».Ростов-на-Дону), «Красный Север» (Салехард), «Волжская коммуна» (Самара), «Земское обозрение» (Саратов), «Северный рабочий» (Северодвинск), Ставропольская правда» ропольн), «Тамбовская жизнь» (Тамбов), «Тюменская правда» (Тюмень), «Республика Башкортостан» (Уфа), «Челябинский рабочий» (Челябинск), «Забайкальский рабочий» (Чита), «Советский Сахалин» (Южно-Сахалинск), «Якутия» (Якутск)

ПООСТОРОЖНЕЙ БЫ С ЕРМОЛОВЫМ

*В последнее время в Орле развернулась широкая кампания по установлению памятника генералу от инфантерии А.П. Ермолову. Памятник планируется боевой: на коне, с обнажённой шашкой. Зачем?**

Да, в тысячелетнем Смоленске стоит Кутузов, разгромивший Наполеона (не на коне). В Москве — выстраданный памятник маршалу Жукову (конный). Но ведь это герои войн Отечественных, а не захватнических. Что касается генерала Ермолова, то это, как говорится, совсем другая песня. В истории, конечно, невозможно мерить всё и всех одной меркой, но ведь даже царя шокировала жестокость, с которой его наместник покорял Кавказ, и многие современники Ермолова писали и говорили о том же: о подвешенных за рёбра муллах, о сожённых вместе с жителями аулах, о детях, взятых в заложники.

Может, не стоит так рьяно подчёркивать воинские заслуги, в которых столько сомнений? Была бы моя воля, я бы предложил поставить скромный обелиск в селе Лукьянчиково, родовом имении генерала — это было бы куда уместнее.

Виктор РАССОХИН,
писатель.

ОРЁЛ.

СУДЬБА КАВКАЗА

Ахмату-Хаджи Кадырову

Уходят горцы в даль святых ущелий,
Становятся водою буйных рек.
Их дети, что в неволе помрачнели,
Войдут туда же душами калек.

И флаг добра не будет чист от крови,
И стяг от зла не станет зеленей,
Когда народы выглядят суровей,
Когда в ущельях жизней, как камней...

8 марта 2005 г.

*Опубликовано в сокращении.

ЗДРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ТАЧКА

«Если ты здоров,
будь готов уяснить, что ты болен».
«Золотое»
правило аптекарей.

Ранним утром, порадовавшись звучанию могучего нового гимна по старым нотам, страна встаёт навстречу трудодню, и, толком не раскрыв глаза, попадает под колоссальнейший прессинг коммерческой фармацевтики.

Чего только не сулят беспардонные рекламные «нувориши» СМИ, присягнувшие препаратно-таблеточной эквилибристике! Тут и чистка желудков, печёнок, почек, кишечников и вен, снятие жира с бёдер, наращивание и сокращение ошибок природы, промывка носов, ушей, глаз, обеззараживание ногтей и гениталий, суперпротезирование и оволосачивание на века. Молодость, красота, Голливуд-стандарты, импотенция, фригидность, «венерные» болезни и инвалидность — обеспечиваются и лечатся без проблем за неделю, а то и три дня. Человек усаживается глотнуть чайку перед рабочими сутками, школой, ВУЗом, судом, мэрией или редакцией, а ему: «Прямо сейчас мы доставим вам «Женьшень для скелета», кремы «Не усыхай!», «Спи со мною...», омолаживающую воду «Хвойная Анастасия» и лосьон-оберег «Кышь, нечистая!..»

Поперхнувшись, выхожу на балкон перевести дух, а у соседа по этажу воет радио экстрасенсорикой: «Закажите Корень Мудрости, быстро и дёшево! Скидка без доставки»... Тампоны разных видов в изобилии!

Терапевтический и прочий околобольничный репертуар трез-

вонит звонче будильников. Хорошо ещё, если «конфетки-бараночки» озвучиваются на русском! Но, если в ход пускается исковерканная до неузнаваемости латынь, с примесью английского, франко-итальянского и иврита, к моменту выхода из дома в мозгу начинает что-то шевелиться и сопротивляться такому «гуманному» лечению. Жалко тех, кто ещё дрыхнет: того и гляди, вскочат в кошмаре с браслетами Кикабидзе и Куравлёва под жеманные улыбочки Валерии с Мирошниченко...

После новостей, состоящих целиком из катаклизмов, аварий, катастроф, убийств и терактов, после отрицательного, антисозидательного, избирательского и рыночного скулежа по поводу «неблагоприятных» дней и лживо-надуманного гороскопа — сердце сжимается от боли за живущих в России. Мало того, что многие хворают с зарплатой и пенсиями с гулькин нос, так их ещё и обирают через московский телефон-код и наложенные платежи. Сам Гиппократ уколол бы воздухом эксплуататоров живых и мёртвых душ, а Уильям Гарвей разработал бы новый метод лечения «баксового вируса» кровопусканием тех, кто с перестройки дозирует нам здоровье...

Профи челночной фармацевтики под крышей «народных» аптек аргументированно прикроются «заботой» о народе, упрекнут автора в непонимании рыночных отношений или в разжигании недовольства. А между тем службам менеджмента, маркетинга и околпачивания в дружбе с УВД стоило бы выпускать почаще бесплатные рекламные брошюры о новинках отрасли, а не мучить организм и саму жизнь сограждан.

Конечно, можно выключить радио и телевизор, не читать газеты, прыгнуть в прорубь по Иванову, обойти аптеки прабабушкиным знахарством. Но, когда на общество прёт нашествие «эликсиров», когда лицедеи и актриски «голодают» без участия в медрекламе, многоуважаемой и многомиллионной России остаётся пожелать психологического здоровья, за которым, наверняка, придёт всё остальное...

ВЕРНОСТЬ ИСТИНЕ

Имя орловского поэта Виктора Рассохина давно известно читателям. Он — автор многих книг. Его стихи публиковались в журналах «Москва», «Октябрь», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Советский воин», «Техника — молодёжи», в газетах «Сельская жизнь», «Комсомольская правда», звучали по Всесоюзному радио.

Поэт зорко всматривается в судьбы наших современников, в корни отечественной истории, стараясь ярче высветить образы хлебороба и художника, героя и предателя, тирана и палача, стремится пристальней взглянуть на вечную тему «отцов и детей». Виктор Рассохин обращается в своём творчестве ко всем цветам радуги. Без этого, считает он, нет объективного анализа и отражения жизни.

В ближайшее время на прилавках книжных магазинов появится новая работа Виктора Рассохина — однотомник «Шапка Мономаха». Кроме стихов о природе, о любви, о судьбе страны на крутых дорогах истории, в книгу включено несколько поэм.

Василию Андреевичу Жуковскому, спасшему и сохранившему для потомства архив Александра Сергеевича Пушкина, посвящена драматическая поэма «Посмертный обыск». О горячих событиях на Кавказе в прошлом веке, о предводителе горцев знаменитом имаме идёт речь в цикле стихотворений «Шамиль в Калуге».

Исаака Левитана, подарившего людям такие картины, как «Вечерний звон», «Март», «Весна — большая вода», знает весь мир. О замечательном мастере кисти написана поэма «Золотая кувшинка». Известно, что символом власти является «Шапка Мономаха». Кто её владелец? Как она держится на голове обладателя — сползает ли на затылок или на лоб, набекрень, тесна ему или просторна... Разумное использование власти — основная мысль одноимённой поэмы.

В поэме «Анфисина больница» тепло и сердечно говорится о бабушке — травнице и повитухе, которая в годы коллективизации и в годы войны спасала страждущих. «Сказка об Иване Свидетеле» — это юмористическо-сатирическое произведение, где герой, пролетая над странами мира, видя изъяны того или иного общества, не желает брать в свою страну опыты тирании и мракобесия, равнодушия и разврата... Одним словом, диапазон автора очень широк.

Книга написана образным, точным и ёмким языком. Многие вещи афористичны и легко запоминаются. Книга выходит в твёрдом переплёте. Она хорошо оформлена художником Юрием Козлёнковым. Смело можно сказать, что читатель с интересом прочтёт однотомник поэта.

Галина КУРЛЯНДСКАЯ.
Доктор филологических наук.

Музыка
Души

Анастасия ВЯЛЬЦЕВА

Откуда это колдовское соло,
Романсово-цыганистый размах,
Когда сам царь со слугами престола
Рукоплескал, забыв, что он монарх.

Стремительно о ней летела слава,
Красавица — лебёдушкой была.
Но сцена — очень тонкая отрава,
Сломала ей упругие крыла.

Бег времени не властен над искусством,
Не оборвал он песенный полёт.
И до сих пор весь мир вздыхает с чувством!
И слушает, как Вяльцева поёт.

Фёдор ШАЛЯПИН

Завистливо-безжалостные силы,
Увидев в нём враждебный рецидив,
В Париж его толкнули до могилы,
Лишив всего, на голос наступив.

Народ молчал.
Пришёл правитель жёсткий,
Надолго став у властного руля.
Но выше был гигант нижегородский
Чужого и высокого Кремля.

Выплёскивали всё на эмигранта.
Но имя опорочить не смогли,
Поскольку свет глубинного таланта
Лучами бил со всех концов Земли.

Юрий МОРФЕССИ

Кумир Одессы, черноглазый грек,
Московский «Яръ»
влюбил в себя всецело.
С годами повсеместно и навек
Его искусство миром овладело.

Рукоплескали Лондон и Париж,
Изысканная публика Белграда,
Хотел домой... Но разве полетишь,
Когда в престольной душится эстрада?!

Стреляет по «цыганщине» в упор,
И «княжьи» корни ищет у артистов
Вся голытьба, что вылезла из нор
Под лозунги ЧК — вэкапэбистов.

Но песню — никогда не запретить,
И, если в ней есть искренность и нега,
Она, как бриллиантовая нить,
Как первоцвет, глядящий из-под снега.

Александр ВЕРТИНСКИЙ

Ему знакомы штили, бризы,бури,
Причудливая вязь людского зла.
В бананово-лимонном Сингапуре
Экзотика его не увлекла.

Летел через гонконги и шанхаи,
Надеясь на упругость слабых крыл,
Как лебедь, приотбившийся от стаи,
Как странник, что по дому загрустил.

И в год порохового лихолетья
Вернулся он на горькие хлеба,
Соединив забвенье и бессмертье,
Сняв пыльный плащ всемирного раба.

Вадим КОЗИН

Не думал тенор искренний и яркий,
Знаток любовной ласки и тоски,
Что есть в стране колымские овчарки,
Тулупы у охраны и штыки...

Зажатый в однокомнатной квартире,
Отбыв свой срок — где солнца жадно ждёшь,
Певец, чей голос нежен в жёстком мире,
Пропел в века: «Я ненавижу ложь!»

Пётр ЛЕЩЕНКО

О, как жасмином пахнет пряно,
В жасмин — распахнуто окно.
И танго юности «Татьяна»
Звучит отрадно-неземно.

И я не чувствую пластинки,
Меня всего берут в полон
И волшебство цыганской скрипки,
И незабвенный баритон.

Алла БАЯНОВА

Когда поёт — мы все бываем немы,
В себя мы смотрим глубже и смелей.
Певица щедро дарит хризантемы
Под оклик запоздалых журавлей.

Я в зал глядел, где не было местечка,
Где люди забывали про года,
Как бирюзовым таборным колечком
Она их кольцевала навсегда.

Лидия РУСЛАНОВА

Под Новый год мело и выло,
И в эту заверть, в эту выть,
Начальство лагеря решило
В свой круг певицу пригласить.

Коньяк. Шампанское. Лимоны.
На ёлке — алая звезда.
— У вас я чувствую стеснённо,
В бараки, может быть... туда?

И замполит замялся вроде,
Потом промолвил: — Всех собрать!
Кому придётся на свободе
Билет на «Валенки» достать?

А месяц, крашенный багрянцем,
И милый терем, где светло...
От непредвиденных оваций
Барак приземистый трясло!!!

Мечтами жизни довоенной
В режимный быт вошла она.
И между зрителем и сценой
Стояла счастья пелена.

А во дворе — на свет неяркий
Буран бросал колючий снег.
Да часовые и овчарки
Ловили плач его и смех...

Константин СОКОЛЬСКИЙ

Не позабыть сценического мига.
Он был в букетах астр и георгин.
Его талант приветствовала Рига,
На «бис» встречали Загреб и Берлин.

Внимали дамы, кёльнеры, матросы.
Смягчалась предвоенная гроза,
Когда он пел «Дымок от папиросы»,
Про тройку и про чёрные глаза.

Мир клокотал, не всё в нём было чисто,
Но разве с пушкой сладит скромный стих?
И пел он о румяных гимназистках
И про гостинцы-прянички для них.

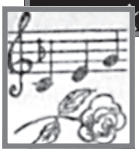
... Пластинку ставлю.Голос издалёка.
Как солнечного ливня полоса...
Как в этом мире ни было б жестоко —
Не прячьте в фонотеки голоса!

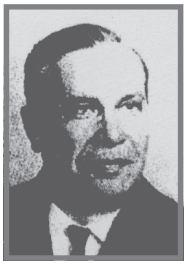
Георгий ВИНОГРАДОВ

Он был отличный луночник-рыбак,
И в глухомань сбегая из столицы,
Ловил ершей. Брал иногда судак,
В снег зарывались резвые плотвицы.

Так целый день — от зорьки до зари —
На льду речном, где тени от подлеска,
Певец светился счастьем изнутри,
Когда, звеня, натягивалась леска.

По январю он шёл, по февралю
Сквозь вьюги и крещенские морозы.
А после танго подарил «Люблю»,
Такое, что мы слышим запах розы.





Марк БЕРНЕС

Я был заядлым из кинолюбителей,
Экран вбирал мальчишеский порыв.
Он в нашу жизнь шагнул из «Истребителей»,
В любимый город каждого влюбив.

За сердце голос брал его лирический,
Солдаты крепче били по врагу.
Без «Тёмной ночи» светлой и трагической
Артиста я представить не могу.

Дорога жизни — с пашнями и долами,
Ухабистой бывает и крутой.
Не все с войны пришли тогда весёлыми,
А кое-кто пришёл с пустой душой.

Шипели: «На эстраде делать нечего...»
Начальственные лица на посту.
Но пел певец душевно и доверчиво,
И мир ловил те песни на лету.

Изабелла ЮРЬЕВА

Завистливы духовные уроды,
Терзали песню даже в божий день.
Но светится и светит через годы
В росе алмазной
Белая сирень.

Ты устояла в хаосе жестоком,
С теплом сердец не потеряла связь,
Когда тебя за нежность и за локон
Режимная охаивала мразь.

Оскар СТРОК

Мелодия — красивая вакханка,
Она хмелит, как крепкое вино.
Быть королём
сердечнейшего танго
Не всем маэстро Господом дано.

Звучал рояль. Какая вроде малость,
И что ни нота — искорка в крови.
О сколько пар
под музыку влюблялось,
Перегорело в сполохах любви?!

И нынче из туманного далёка
Былая слава вновь пришла к нему.
Я имя повторю Оскара Строка
За вечное «Скажите, почему?»

Так слушай, новый век, его дыханье,
Оно летит в эфир во все концы,
Как радовались в краткий час свиданья
На танцах наши мамы и отцы.

Потом война усилила утраты.
Казалось, не пройдёт огонь и стон.
Но брали офицеры и солдаты
«Вельтмайстер» — дорогой аккордеон.

По клавишам тугим скользили руки,
И звали к мирной жизни голоса,
Не веря, что с любимыми в разлуке,
Надеялись на чёрные глаза.

Для многих — счастье виделось в тумане,
Других — терзало собственное «я»...
Властитель нот — талантливый рижанин
Спасал людей от каверз бытия.

Клавдия ШУЛЬЖЕНКО

О, море в Гаграх в ночь очарования!
Старинный парк, где льются смех и речь,
То вас закружит плавно вальс «Молчание»,
«Записка» намекнёт о тайне встреч.

И голос, откровенный до наивности,
Захватит вашу душу целиком...
Она смогла на крыльях песен вынести
Тех, кто был ранен пулей и штыком.

В новейший век, когда глаза — полтинники,
Когда в ходу стрельба из-за угла,
Мне кажется, её платочек синенький
Трепещет одиноко против зла.

Леонид Утёсов

Раскинулось море широко,
И льды подпирают ГУЛАГ.
Враг с Запада лезет, с Востока,
Не дремлет и внутренний «враг».

Под взором кремлёвского глаза,
Где ноту лишь знают одну,
Внедренье заморского джаза
Подвижнику ставят в вину.

Тасуют ему инструменты,
Как шулеры карты в кругу.
Стремясь, обозначив акценты,
Согнуть музыканта в дугу.

Блюстители соло-порядка
При силе — понять не хотят:
— У Лёни — джазменская хватка,
Смотрите «Весёлых ребят»!

Александр ЦФАСМАН

В Гурзуфе цвёл миндаль,
На море не штормило.
«Мне бесконечно жаль», —
Как танго было мило!

Потом звучал «Джозеф»,
Ритмический и южный.
Развеивал он блеф,
Что композитор — чуждый.

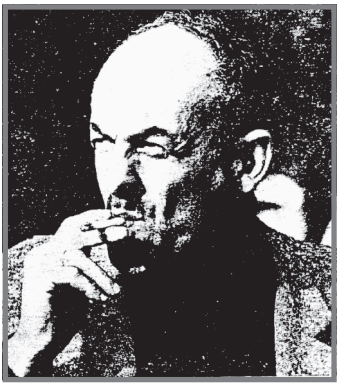
Поэт и пианист —
Нёс людям свет и счастье
Под оголтелый свист
Глухонемых от власти.

Эдди РОЗНЕР

На Колыме и вьюжной, и морозной,
Скулят овчарки, караул продрог.
В Кремле — тиран,
а здесь в фаворе Рознер,
Труба, как солнце, да и сам он — бог.

Играет с блеском Дюка Эллингтона,
При лютой стуже —
жаркий «Караван».
И, кажется, что отступает зона,
Теплеет Ледовитый океан.

Булат ОКУДЖАВА



К сердцам людей
он шёл от эпатажа,
Когда в стране
чуть-чуть качнулся страх.
Его концерты осаждала стража,
Но в форме милицейской,
на конях.

Очнувшись от всемирного пожара,
Восславил бард всю воинскую рать.
Но не всегда «смирновская» гитара —
Сумеет боль и радость передать.

И радиоредакторы спецназа,
Дав микрофон, решили под шумок:
— Пускай себе поёт дитя Кавказа,
Поскольку песня — всё же не клинок.

К нему пришла прижизненная слава,
Но скажем не для красного словца:
— Свободою великая держава
Умело ограничила певца.

Виктор Рассохин.
Дальний Восток. 1962 год

После наряда.
Капустин Яр. 1959 год.

Владимир ВЫСОЦКИЙ

С чьего мановенья центрального,
В глаза сверхзаботой пыля,
Певца и поэта опального
Свели к индустрии рубля?

Тюльпаны теперь над останками
Кладёт фарисейская рать.
Вчера его исповедь — танками
Она же хотела распять.

О, как его душенька мается,
Смотря на торги с высоты!
И глина уже возмущается,
И краски марают холсты.

Как молния, шёл он,
зигзагами,
Оборваны тысячи струн...
А кони по-прежнему загнаны —
Над пропастью сбились в табун.

Николай СЛИЧЕНКО

(Экспромт, написанный после встречи с певцом в Орле)

Может, это и самообман,
Но в минуты тупого бессилья,
Почему-то при слове «цыган»
У меня появляются крылья.

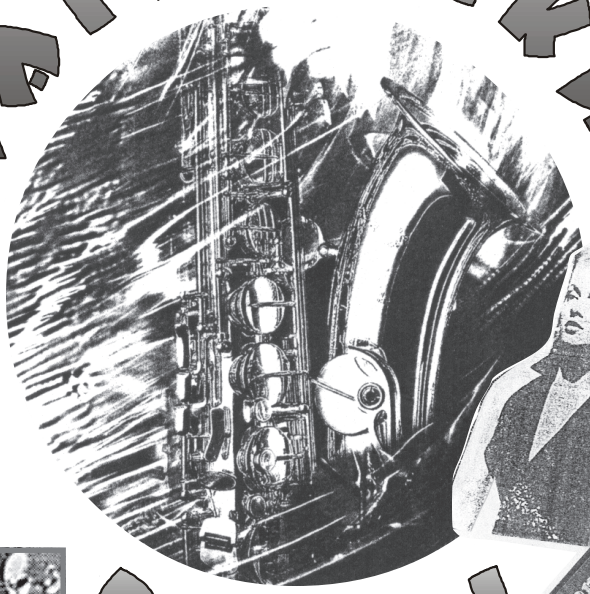
Слышу бубен, призывы монист,
И, хоть сам не цыган по анкете,
Я тогда на весь мир — гитарист
И единый плясун на планете!

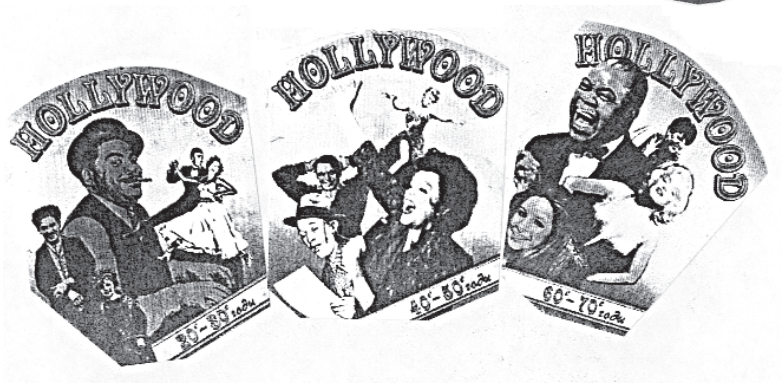
Нани БРЕГВАДЗЕ

Тонет вишенник в лунном тумане,
Кто-то крутит пластинку подряд.
Чудный голос волнует и манит —
Даже звёзды глядят в палисад.

И такая в нём тайная сила,
Что бескрылый рванётся в полёт!
Сколько жизней в «Калитку...» входило,
Сколько счастья в «Калитку...» войдёт?!

Магические ритмы

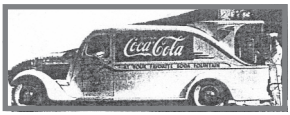




ДЖОРДЖ ГЕРШВИН

Влюблённый в фортепьяно и в аккорд,
Работая почти что на пределе,
Спешил он за рапсодией в народ,
Спешил туда,где плакали и пели.

Знал Гарлем,был в притонах,в кабаре,
И,обладая памятью отменной,
Соединял он в клавишной игре
Земные звуки с звуками Вселенной.



БЕННИ ГУДМЕН

Его загадочный кларнет
Порою спросит и ответит,
Что может сделать лунный свет,
Когда он чью-то жизнь осветит.

Алмазный луч упал в траву.
Надежда вырвалась из плена.
И нет предела мастерству
Неповторимого джазмена.

«В джазе только девушки».
Мэрилин Монро.

На даче элитной под кронами лип
Я слушал великого мэтра.
С пластинки слетал его «Скачущий джип»,
Звучали мелодии ретро.

И образ его, воплощённого в звук,
Я видел сквозь синь океана.
Искрилось во мне от магических рук
Прозренье творца «Каравана».

Представил Сахару, жестокий самум,
Оазис и жвачку верблюда,
Людей, потерявших надежду и ум,
Увидевших пальмы — как чудо!

В словах не опишешь и кисть не возьмёт,
Но музыка, если вглядеться,
Спешит совершить гениальный полёт
Не в космос — а в самое сердце.

Лави Остин

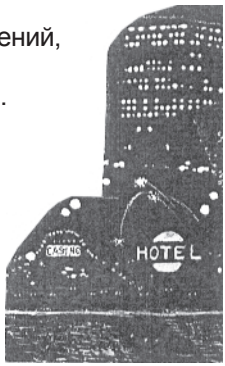
Коулмен Холкинс и Дюк Эллингтон

Луи Армстронг

Милдред Бэйли

Трудно негру
в Новом Свете
Бледнолицых
превзойти,
По Бродвею
бродит гений,
Меценатов —
не найти.

Лил Хардин



Ходят слухи,
Аль Капоне
«Бьюк» джаз-банду
подарил,
— О, Край Предков!
В саксофоне,
В трубном звуке
дай мне сил!
Сквозь туманы,
сквозь ненастья
Свет вам солнечный
несу.
«Сент-Луисом»
с блюзом «Счастье»,
Может, белых
я спасу,
«Сент-Луисом»
с блюзом «Счастье»,
Может, белых
я спасу!

Женская магия

ГЛЕНН МИЛЛЕР

(Сражающийся оркестр)

Идёт война, где смерть на каждой миле,
Вода и небо взяты на прицел.
В Британию торопится Гленн Миллер —
Маэстро с этой мыслью посветлел.

Земля в крови под бомбой и под миной,
Слух режет свист осколков и свинца.
А он стремится «Солнечной долиной»
Вернуть тепло в разбитые сердца.

Он знает,что теперь не до кларнета,
Труба в тени, в опале саксофон.
Но всё же хочет музыки планета,
Ей чужды марши с дедовских времён.

Он мечется, он не находит места,
Его задумке — не хватает слов.
Он хочет инструментами оркестра
Отсечь калибры пушечных стволов.

И час настал — летит над островами,
Он выбрал БЫТЬ из «быть или не быть».
И никакими жуткими смертями
Героев-музыкантов не убить.

В волненьи виртуозы и маэстро,
Под самолётом — взрывы сплошняком.
Но им дороже взрыв аплодисментов,
Что прогремит в победе над врагом.

ЭЛЛА ФИЦДЖЕРАЛЬД

Буйной радостью экстаза,
Красотой нюансов смелых,
Знойный голос Леди джаза
Чёрных трогает и белых.

Даже в Токио суровом,
Где к чужому есть ревнивцы,
Слышат за английским словом
Откровение певицы.

Пусть сближает песня страны,
Пусть короче станут мили,
Чтоб моря и океаны
Не сражались — а дружили.

ЧАРЛИ ПАРКЕР

Альт-саксофон он с детства обожал,
И в юности,улыбок видя мало,
На нём не музицировал — играл,
Да так играл,что сердце замирало.

Всю силу духа он вложил в квинтет.
Не струсил в музыкальных поединках.
С годами рос его авторитет
И до сих пор остался на пластинках.

ЭДИТ ПИАФ

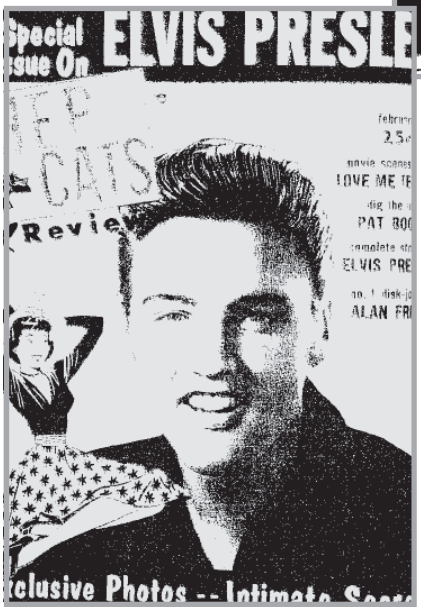
Певица так нежна,
Как радуга над морем.
Но жизнь опалена
И радостью, и горем.

Она вошла в шансон
То светлой, то печальной,
Где царствует закон
Души исповедальной.

И даже сквозь года,
Впитав судьбу народа,
Парижская звезда
Не сходит с небосвода.

ЭЛВИС ПРЕСЛИ

Есть идол и кумир,
Но есть толпа и стая.
Есть Мир и просто мир,
В чём разница большая.

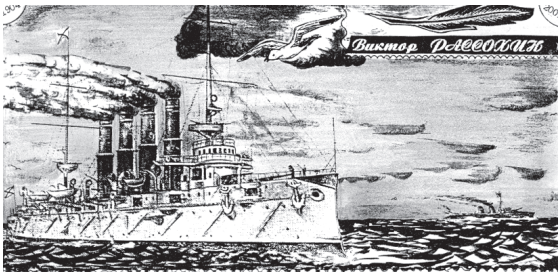


Певец был обнажён,
Артист-канатоходец,
Как сабля из ножон
На фоне алчных модниц.

Не всё вошло в тираж
В час госпереполоха.
Как сказочный мираж
Была его эпоха.

Он в каждый дом вошёл
С экрана и эфира,
Оставив рок-н-ролл
На параллелях мира.

В.Ф. Руднев



ПОД АНДРЕЕВСКИМ СТЯГОМ

Яркая и одновременно трагичная история Российского флота насчитывает более трёхсот лет. Его рождение и становление на воду Петром Первым за короткий срок вывело нашу Родину в число главных морских держав мира. Неимоверным трудом всего народа, ценой гибели и увечий простых смертных были достигнуты не только качество на верфях России, мореходность судов и их передовая вооружённость. Основательно изучив кораблестроительный, мореплавательный, захватническо-боевой опыт Голландии, Великобритании, Италии, Франции, Турции и Скандинавии, русские разработали собственную школу победоносной войны на море.

У Азова и Керчи, в устье Невы, у Выборга и Гангута, у Гренгама и острова Эзель, во всех сражениях с турками и шведами были рождены и заложены традиции русского флота — высокая боеготовность, крепкая дисциплина, отличное владение оружием, отвага и героизм, уверенность в своих силах, верность Отчизне и её военно-морскому флагу.

Звучит знаменитая песня

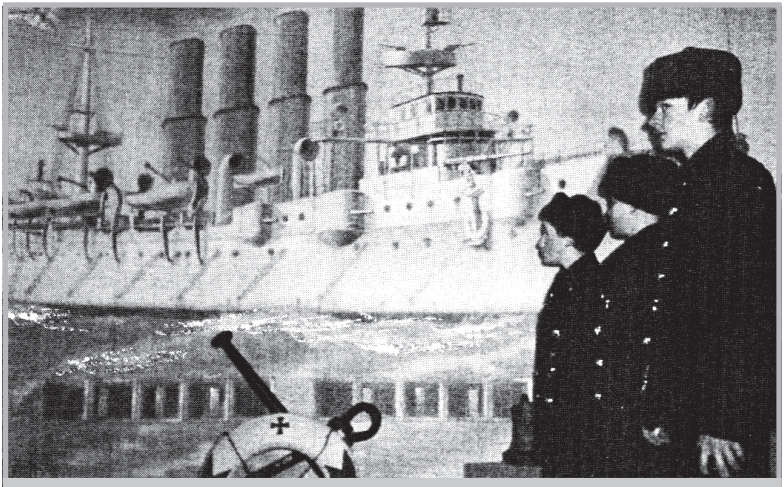
Мероприятия в честь 100-летия Рус-

Выступление губернатора Тульской области В.А. Стародубцева и вице-адмирала О.В. Бурцева

ско-Японской войны стартовали в городе-герое Тула в конце января. До открытия выставки «Военная слава России» в музее имени Н.П. Крылова, в городе почти месяц уже ведётся оборонно-массовая работа с привлечением широких слоёв общественности.

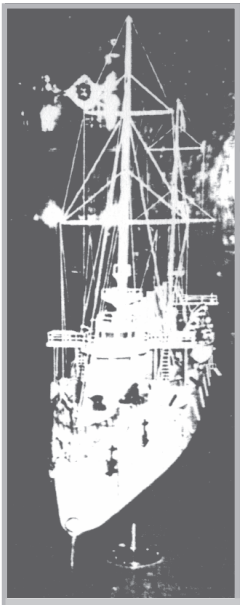
В залах музея жителям и гостям родины Левши, великих писателей, учёных, оружейников, воинов и артистов представлены экспонаты о Куликовской битве и сражении под Полтавой. Много интересного и забытого поведают экскурсоводы о морских баталиях Петра Первого и героях Отечественной войны 1812 года.

Экспозиция графики и акварели приверженца верещагинской школы живописцев Николая Самокиша посвящена событиям Рус-

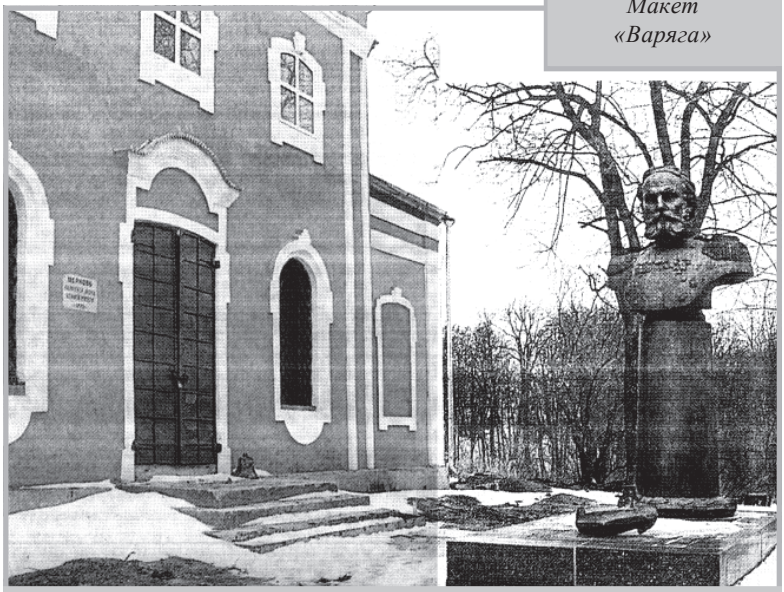


Почётный караул нахимовцев в музее В.Ф. Руднева

ско-Японской войны. Плодовитый художник увековечил сражения в Китае и позднее не раз наведывался на Приокский конезавод для зарисовок лошадей с натуры. А вот баталист от Бога Василий Верещагин, писавший правду о войне и мечтавший изобразить японский Императорский флот в действии, погиб с частью экипажа броненосца «Петропавловск» и адмиралом Степаном Макаровым в первые дни противостояния эскадрам Муцухито под флагом флотоводца Хэйхатиро Того. Ключевой экспонат выставки — проект памятника Всеволоду Фёдоровичу Рудневу, командиру легендарного крейсера «Варягъ». Сам бюст при орденах, авторства его земляка Арнольда Чернопятова, установлен в селе Савино Заокского района на могиле контр-адмирала. По соседству — музеи А.Т. Болотова, В.Д. Поленова, Ясная Поляна, Спасское-Лутовиново...



Макет «Варяга»



Село Савино. Последний приют героя

Ранним утром 9 февраля 2004 года здесь состоялся торжественный митинг, собравший и сплотивший многих россиян. В нём приняли участие губернатор Тульской области Василий Александрович Стародубцев, его заместители, ветераны Флота, священнослужители Русской Православной Церкви, Российского Дворянского Собрания и его Морской секции, гости из Москвы, Санкт-Петербурга, нахимовцы и армейский оркестр. Ожидали приезда мэра Москвы Ю. Лужкова и полпреда Президента РФ в ЦФО Г. Полтавченко, приглашённых в Савино ранее. Но из-за теракта в метро и всестоличного траура их познавательная поездка не состоялась, наложив на событие суровый отпечаток действительности.

Авторы очерка Виктор и Сергей Рассохины у музея В.Ф. Руднева

В выступлениях губернатора, заместителя начальника Главморштаба ВМФ России вице-адмирала О.В. Бурцева, наследниц величия своих предков — Л.Б. Головниной и Г.В. Корниловой звучали слова о патриотизме, героике Руси, о целенаправленном унижении всего русского потенциальными врагами извне. После богослужения, отпевания погибших и усопших в осквернённой в 30-х годах церквушке, местное духовенство отметило большое благородство, отечестволюбие, значение и назначение бессмертного подвига моряков, волею судьбы и приказа оказавшихся далеко от Родины. Милицейское оцепление не отодвинуло горячих аплодисментов и засуетившихся теле-фото-репертёров. Гости вручили администрации Тульской области памятные издания и подарки...

Всего на семь месяцев здесь, на вечной «якорной сто-

янке» В.Ф. Руднева, построили красавец-музей его имени. Благодаря личному вниманию В.А.Стародубцева, из облбюджета выделили двадцать миллионов рублей, несмотря на экономические неурядицы, переживаемые регионом, и его уважаемыми тружениками. Лучшие художники, архитекторы, реставраторы, строители, краеведы и водители приложили максимум сил, изобретательности, трудовой смекалки, чтобы увековечить память о подвиге «Варяга» и «Корейца» на высшем международном уровне. Мемориал стал первостепенным по значимости местом паломничества, переняв эстафету от музея В.Ф. Руднева в деревне Русятино, созданного местным краеведом А.И.Трошиным и офицером облвоенкомата Ю.И. Черновым при содействии Центрального военно-морского и Тульского областного краеведческого музеев. Он закрепил уважение и почёт земляков-современников к своим историческим корням, дополнил собою памятник командиру «Варяга» в Новомосковске, неподалёку от которого, близ деревушки Яцкой, располагалось живописное родовое имение Рудневых. Думаю, к юбилейной дате стоило пригласить ветеранов Объединённого, Хасирского и авианосного флотов Японии, военморатташе стран НАТО и бывшего СЭВ, дабы они помнили и чтили не только Пёрл-Харбор, Мидуэй, войну в Атлантике, Гуадалканал, Лейте, высадку в Нормандии, штурмы Иводзимы и Окинавы, «камикадзе» в небесах, на суше и на море...

В единстве — сила

После перерезания традиционной красной ленточки на пороге музея, от имени Орловщины я выступил перед собравшимися в его великолепных, выполненных в морском стиле стенах, со словами благодарности. Как автор документально-исторических работ о ВМС России, Германии, Японии, Англии, США и Голландии, я рассказал о том, как тяжело переживали у нас гибель экипажа АПРК «Курск», сказал о дружбе с командованием Северного флота и опеке подшефного Орловщины АПРК «Орёл». На-

помнил об обезглавливании флагманов ВМФ СССР в период античеловеческих репрессий сталинского коммунизма и зачитал слушателям письмо из Хотынца от Берты Ивановны Соиной, чей дядя служил на крейсере 1-го ранга «Паллада»...

Память живущих о прошлом сама но себе Святыня, как бы не пытались её очернить близбогемные околокультурные негодяи. Залрещено забывать, что традиции царского флота были многократно умножены под флагами Э.С. Панцержанского, П.Е. Дыбенко, Р.А. Муклевича, Г.П. Киреева, М.В. Викторова, Ф.Ф. Раскольникова, Н.Г. Кузнецова, Л.М. Галлера, В.А. Алафузова, И.С. Юмашева, А.Г. Головко, И.С. Исакова, В.Ф. Трибуца, Ф.С. Октябрьского и С.Г. Горшкова ценой жизни и смерти тысяч советских моряков. Все они — Герои ВМФ СССР — потопили свыше 2500 вражеских кораблей и судов в 1941-45 гг. Немцы, итальянцы, японцы знали, что русские моряки не сдаются и боялись атакующей «чёрной смерти» не меньше «Катюш». 513 офицеров, старшин, матросов стали Героями Советского Союза, семь из них — дважды, 350000 военных моряков были награждены орденами и медалями. А сколько тысяч подвигов морпехов, артиллеристов, подводников, катерников, зенитчиков, морских авиаторов, героев снабжения ВМФ всем необходимым — остались за порогом безымянной неизвестности! После войны только в Севастополе минёры обезвредили свыше 1115 тысяч мин, бомб, снарядов...

Рассказывая аудитории об откликах родственников, чьи предки не по своей вине угодили в Дальневосточный молох, присутствующей элите я подарил широкоиллюстрированный очерк «Живъ «Варягъ!», опубликованный в «Орёл-Курьере» и других российских изданиях. Все знают, кто победил в той ненужной войне 1904-05 гг. Помнят о Порт-Артуре, Цусиме, Чемульпо и об «отколе» Южного Сахалина в пользу Империи Восходящего Солнца, давно мечтавшей называть его целиком — Карафуто. До сих пор не подписан российско-японский договор о Мире. Курильская гряда и по сей день служит волнорезом преткновения в военных и политико-экономических отношениях Японии и России...

Инженер-кораблестроитель, член Российского Дворянского Собрания капитан II ранга Игорь Козловский, учёный секретарь объединения «Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей» Елена Васильева, потомственный дворянин, пострадавший от репрессий, председатель Правления «Общественного фонда для создания в Москве Храма, Музея и других

сооружений в память о жертвах политрепрессий» Сергей Зуев, краевед-маринист Вячеслав Боть, заместитель начальника департамента культуры Надежда Калугина, организатор Юрий Лончаков и многие другие говорили о вечном, насущном, земном. По всей стране, но более всего в Туле и Владивостоке, пройдут митинги, лекции, вечера памяти и отпевания. Будут раскрыты новые и забытые факты. Тридцатый «Варяг» в истории ВМФ России посетит Инчхон вместе с большим и малым противолодочными кораблями «Адмирал Трибуц» и «Кореец».

Как и наши земляки, несущие вахту на АПРК «Орёл», на этих кораблях служат многие туляки. Некоторые из них остаются на ТОФе по контракту. Тульский регион шефствует над ракетным крейсером, крещённым столь почётным и ответственным именем. Гвардейцы салютуют героизму предков на месте сражения, пустят по волнам церемониальные венки, в увольнительных посетят Инчхон. Участвующие в походе ветераны и общественные деятели, возложат венки от своего имени, от имени Президента РФ и его полпреда в ДФО, венки от народов России. В Сеул на ИЛе-76 доставят 20-тонный монумент из гранита по эскизам Сергея Присекина.

Во владивостокском музее им. В.К. Арсеньева действует выставка под знаком 100-летия Русско-Японской войны, унесшей тысячи жизней по обе стороны океана и фронта. Любители истории, краеведы, энтузиасты и жертвователи собрали массу документов, предметов флотского быта и фотографий, представили общественности журнал «Летопись войны с Японией». Рядом — картина пошедшего по стопам отца Юрия Репина: «Тюренчен. В славной смерти вечная жизнь».

В савинском музее-мемориале тоже появились уникальные новинки — личные вещи В.Ф. Руднева (дар его старшего сына Николая Руднева-Варяжского Русятинскому музею). Посетители впервые увидят стакан с подстаканником и ложку адмирала, поднятые воинственными самураями в 1906 году и переданные Рудневу в Санкт-Петербурге. Налётом недоговора и неизвестности остались покрыты многие личные вещи и архив Рудневых, «экспроприированные» безграмотными разрушителями после октябрьской революции. В числе их — золотой кортик, подаренный лидеру «Варяга» в Орловской губернии по возвращении из Чемульпо через Одессу и Севастополь, и японский орден Восходящего Солнца 2-й степени, вручённый Всеволоду Фёдоровичу от имени Микадо, реставратора Японии Муцухито...

Личные вещи В.Ф. Руднева

9 февраля в Тульском академическом театре драмы состоялась премьера исторического представления с участием губернаторского оркестра, государственного хора, танц-коллектива «Визави», артистов филармонии и дружины «Крепость». Тульские дизайнеры-полиграфисты издали красочные буклеты, приглашения, конверты и открытки в честь «Варяга» и «Корейца», а всемирно известные кондитеры испекли «Визитный» пряник с оттиском крейсера. Вечером зазвучал «Марш наследников «Варяга» Вячеслава Сладкова.

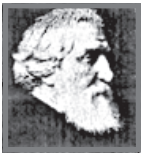
Увы, уставшие от саморекламы центр-телеканалы проявили недальновидность, оказавшись неучтиво слабыми в освещении военно-морской славы России в рамках спонтанно-урывистых репортажей вокруг увиденного и услышанного мною События. Они забыли завещание адмирала Степана Осиповича Макарова, выдающегося моряка России: «Помни войну!».

Неужели хранители традиций Хэйхатиро Того, Сотокити Уриу, Исороку Ямамото и Нобутакэ Кондо в лице «Киодо Цусин», «Джапан Таймс», «Иомиури» и «Майнити симбун» и через 100 лет окажутся более внимательны к наследию предков???

9 февраля 2004 г.,
Орёл — Тула — Савино —
Поленово — Орёл,
«Путевые заметки».

НАЧИНАЮЩИМ ПОЭТАМ, ПРОЗАИКАМ, ДРАМАТУРГАМ И КРАЕВЕДАМ

(Навстречу съездам Союзов писателей России в Орле и Смоленске)



И.С. Тургенев

М.И. Кутузов

Советский период литературного, публицистско-исторического творчества широко известен в Отечестве и за рубежом. К печали неизданных современников партийной эпохи, созданные ими наисложнейшие по структуре повествования труды остались за бортом официоза, несмотря на то, что многие подали свои многожанровые работы в ряд авторитетных редакций и издательств.

Лихолетье грандиозного на преступления тоталитаризма комкало национальное богатство страны, давя жерновами энкавэдизма интеллектуальный потенциал запуганного и позднее сокращённого войной общества. Многие писатели, не мечтая о Союзе, пытались идти самостоятельной творческой стезёй, стараясь быть менее зависимыми от госоков. Но, к горечи самих себя и семей, они сбрасывались под откос цензурой под ярлыками: «тунеядцы», «психически неуравновешенные», «антисоветчики», «кулацко-эсэрские поэты», «наёмные рабы развращённого Запада», «диссиденты» и «сочувствующие вере христовой»...

Объективно анализируя периодику, публичные выступления и литпроцесс названного исторического отрезка, вдумчивый исследователь, критик или философ однозначно коснётся монополизации книгоиздания лицами, не достигшими в умозаключениях и проектах даже редакторского внимания и газетных публикаций.

По-человечески отдавая дань ушедшим и не желая нарушить сердечный ритм здравствующих авантюристов секретарской (оплаченной провинцией) «литературы», сфокусируем взгляд аудитории на обратной стороне их «самосжигающей деятельности».

Культивация тарабарщины посредством внедрения старцев в детскую литературу, смысл многожурнальных публикаций, дублиро-

вавших одно и то же, ход мысли в ореоле изучаемых СВЕРХУ — журналистики, публицистики, краеведения, искусствоведения и т. д., систематизировались благодаря вмешательству государства в рифму, строки, рисунки и междустрочья. Перспективные, с оглядкой на будущее, дарования, независимо от тематики, стиля, опыта и возраста, ожидали «добра» от Москвы десятилетиями (реже — пятью-семью годами). Тогда же «собратья по перу» вкладывали гонорары от многотысячных тиражей в новые однотипные (непереработанные) издания, их приём во внеклассную литературу, учебные пособия, распределение через Посылторг, Внешторг, полнометражную и краткометражную экранизации. Давя телефонправом, связями, завязанными в беспечной порочности ВУЗов, плодовитые оккупанты всесоюзного печатного станка фундаментировали полную бездарности ахинею, премиально приравняв себя к «Богом избранным». Символично, что навязав свои калейдоскопные пасквили населению, коршуны и ястребы отечественной литературы оказались искромётно забытыми, невостребованными и нечитаемыми, непереиздаваемыми, непонятными и неизвестными краснобаями. Время и эволюция прогресса безжалостно закоксовали рецензентов, академиков словесности, фиговых издателей без станка и прочих литшаболтаев-версификаторов, плачущих о культурной революции в ходе антикультурной войны. Надо недосыпать, а не насиловать людей ностальгией...

Что же дало пустопорожнее размножение армии писателей, а также многомиллионное тиражирование их букв, запятых, дефисов и многоточий жителям подорванного изнутри СССР, с детства верившим, что творец слова — первопроходец, полусвятой, флагман, бескорыстный заступник??? Что произвели любвеобильные ладушата и чистоплюйные крестьяно-писаки для снятия тысячепудовой трагично-будничной доли народов и как облагородили их умы, души, быт и характеры?!

Фискальный колпак литературоведения, отзеркаливающий убийствами и унижениями Н. Гумилёва, С. Есенина, Н. Клюева, В. Маяковского, С. Клычкова, А. Гастева, М. Булгакова, Б. Корнилова, П. Яшвили, П. Васильева, Т. Табидзе, А. Платонова, И. Бунина, М. Шолохова, М. Горького, Д. Кедрина, Б. Пастернака, И. Стаднюка, В. Пикуля, Д. Лихачёва, Н. Конрада, А. Солженицына, В. Высоцкого, Н. Бурляева и многих других, открывался только для строго мягкостелящих графоманов-пролетариев, умевших правильно писать, говорить, голосовать и аплодировать.

Москвичи — Валентин Берестов, Николай Родичев, Юрий Кузнецов
на семинаре у орловских писателей. 80-е годы

Москва. Георгиевский зал Кремля. VI съезд СП РСФСР. 11 декабря 1985 года. Делегаты съезда Василий Катанов (Орёл), Вениамин Заломкин (Тула), Евгений Туинов (Ленинград), Виктор Рассохин (Орёл), Леонард Золотарёв (Орёл), Валерий Ходулин (Тула)

Перед выступлением на телевидении Волгограда и показом документального фильма «Утренний народ» (автор сценария В.В. Рассохин) о тружениках ОСПАЗа

Встреча с Д.Н. Ветровым, руководителем агрофирмы «Краснорябинское» перед районным семинаром у главы администрации В.И. Семёнова в Хотынце. 2005 г.

Среди гостей: Николай Старшинов, Леонид Моисеев, Пётр Сальников, Валентин Сорокин, Юрий Прокушев, Виктор Рассохин, Сергей Поликарпов, Валерий Ходулин и другие

Языкознание, военная тематика, гражданская поэзия, почитание быта села и религий, национально-корневая (фольклорная) мудрость народов и нацменьшинств ставились на второй план ради безболезненной лиричности строительства социализма в рамках идейного вдохновителя и патрона — вездесущей КПСС.

Линия, провозглашённая идеологией, самодистанцировавшейся от критики, подразумевала полное отсутствие пороков в стране, оказывающей давление на международную политику и стратегию, будучи под «железным занавесом». Да, положительного было немало! При этом глобализм и предназначение писательского труда вследствие подконтрольности исходящей от партэлиты вошли в ипостась посредственности, глубинного упадничества и «поднародного» бумагомарания. Одновременно были созданы (или написаны ранее) крупнейшие произведения житейско-социальной направленности, осмысленные и переработанные годами труды, посвящённые людям и интеллектуальному наследию цивилизации. Все они, как и их авторы, остались безымянными, а их сохранность, без разного рода самозванцев, сокрыта тайной под пятнадцатью замками при молодой антитеррористической охране…

Школа писателей-фронтовиков располагала колоссальнейшим кладезем выстраданных, раненных и оплаканных горькою слезою талантов. С. Гудзенко, П. Шубин, А. Недогонов, А. Твардовский, К. Симонов, Я. Смеляков, Н. Старшинов, С. Эмин, С. Щипачёв, Л. Афонин, Е. Зиборов, И. Озеров, А. Яновский, С. Орлов, Э. Межелайтис, К. Кулиев, А. Лапонов и сотни других тоже несказанно-непечатно мурыжились и истязались номенклатурой. Тогда ещё молодые, они воевали с тупоголовой бюрократмашиной «Чиновниковщина» покруче, чем с врагом; они рыдали и запивали из-за бессердечной корректировки своих жёстко-правдивых, дневниково-документальных произведений…

О молодой поросли, почуявшей ветер перемен и весеннюю прыть после XX съезда КПСС, о взлёте общенародного интереса к поэзии, и вообще литературе, нельзя сказать под одну гребёнку. Дети культа личности в виде сталинской опричнины преждевременно уверовали в свободолюбие, союз рас и демократизацию власти. Позднее Е. Евтушенко, Р. Рождественский, А. Вознесенский, И. Бродский, В. Шукшин, Ч. Айтматов, О. Сулейменов, А. Гладилин, Д. Блынский, А. Кузнецов так или иначе пострадали, пройдя сквозь горнило цензурования, непечатания, га-

зетно-журнальной травли и пантомимность интриганских издательско-писательских собраний. Многие канули в лету, оставив за собой бессмертные эпистолярные архивы, опережающие своим гротеском и пророчеством наступивший день третьего тысячелетия. Другие (а их немало) — навсегда эмигрировали, читают лекции, пишут сценарии для «мыльных» кинофильмов за крохи прожиточного минимума. Третьи сотрудничают с передовыми изданиями Англии, Франции, Италии, США, Канады, Австралии, Океании и Израиля, живут от гонорара до гонорара или стипендиями, выделяемыми русскоязычной и еврейской диаспорами…

Автор полюбившейся песни военных лет «Эх, дороги...» поэт Лев Ошанин и Виктор Рассохин в Доме творчества Малеевка. 1991 год

Раньше писателям выдавались квартиры с кабинетами по выслуге лет со дня первой публикации. Они жили и умирали в загородных правительственных пансионатах, санаториях, дачах и здравницах, состояли в Литфонде и катались по стране за народные деньги, обрастали льготами и премировались. Был у них спрос, да спрос с них был нешуточный…

Состав редколлегий, консультантов, рецензентов, технических редакторов, ответственных за выпуск, полиграфистов-наборщиков, корректоров и ретушёров, привлечение наёмных художников (иногда без согласования с автором) формировались согласно сексотскому планированию. Его служащие целенаправленно изничтожали массу дальновидных самовыдвиженцев, отдавших им на растерзание свои умы, души, сердца, время и Божий дар. Имена, их малая толика, без учёта созданных ими трудов, почти неизвестны народу…

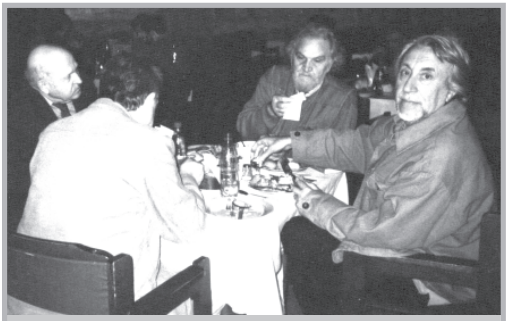
Разнополярность писательских организаций РФ — квинтэссенция титанических нравственно-исторических противоречий, живущих во многонациональном обществе до и после разрушения СССР. Союз писателей России олицетворяет анахронизм системы подавления и период застоя. По сути, он — тот же номен-

клатурно-идеологический аппарат властных писателей, урезанных естественным отбором по законам дикого рынка. Окончилась Эра бестолковой полемики и банкетов…

Его главный оппонент — Союз российских писателей — ещё более малоимущ, менее масштабно разветвлён, зато вошедшие в него после раскола державы на «наших и не наших» значительно требовательней по вопросам справедливости, законотворчества, миропонимания и осознания своей ниши в обществе. Бремя разрушения заматеревших стереотипов легло свинцовой тяжестью именно на его плечи. Причём, разрушение было вызвано не желанием почивать на руинах, а искренним стремлением бесповоротного раскрытия Истины о кроваво-узурпаторской Лжи прошлого, чтобы оно никогда не повторилось…

В обоих, надо сказать, поседевших Союзах и нынче хватает самовлюблённых трубадуров, «гениев» абракадабры, демагогов и косноязычных эгоистов. Мало работая с населением под псевдонимами и без, «глашатаи» придворья и рекламаторы собственного «Я» рановато подзабыли под спиртами КТО есть писатель!!!

В преддверии заумных восседаний с элементами хронического недосыпания от «верхотурных забот» и басенно-елейного красноречия за счёт налогоплательщиков, злободневно попросить культиваторов тарабарщины, продавших или арендующих писательскую недвижимость, спросить торговцев чужими поделками и картинами о проделанной работе за 10 лет в письменном виде на передовицах нейтральных изданий. Ибо владеющий пером и словом обязан ежесекундно помнить об ответственности перед народом, Родиной, Миром, Христосом, Буддой и Аллахом, наконец, действующей властью.



Смоленск. Писатели Николай Зыбин (Курск), Александр Егоров (Владивосток) и лауреат премии А.И. Солженицына поэт Юрий Кублановский (Москва)

Благодарим думающих читателей за оказанное внимание.

Орёл — Москва — Курск — Железногорск. «Путевые заметки», март 2004 года.

ДЕБЮТ

Сергей Рассохин — молодой литератор и художник. Родился в Орле. Его рассказы и рисунки публиковались в ряде изданий.

Будучи отличником ВМФ — увлёкся романтикой и суровостью моря.

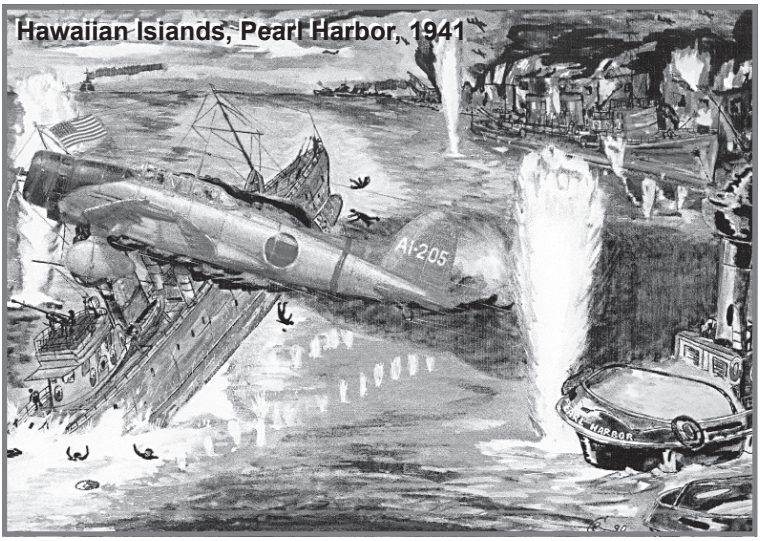
После службы учился в институте. Долго работал с архивными материалами, освещающими пути развития Родины и мира. В результате — появилась панорамная работа «Тихие Гавайи?» В ней отражены фрагменты Второй мировой войны — противостояние Японии и Соединённых Штатов Америки. Здесь ещё много неясностей и загадок.

К сожалению, у нас мало показаны мастерами пера, кисти и дипломатами события 40-х годов, развернувшиеся на параллелях и меридианах Великого океана.

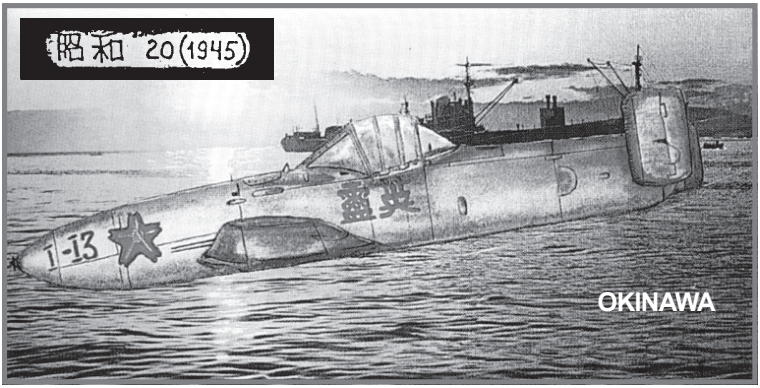
Острота взгляда автора на них, умение перекинуть Мост Справедливости в современность, стремление чужую боль почувствовать своей — укрепляет его позицию при анализе Добра и Зла. Весомо помогли дебютанту работники типографии «Труд».

Кроме того, Сергей Рассохин является соавтором фундаментального труда о взлётах и падениях цивилизации на рубежах XX столетия монографии «ВЕК ИКС».

В начале плавания опытные моряки, закалённые бурями и штормами, желают молодым — ветра в паруса! Пусть будет так, ради мирного освоения воздушных и водных просторов в третьем тысячелетии.



Пикирующий вандализм подопечных капитана III ранга Симадзаки, руководившего налётом второй волны смерти, стартовавшей с палуб 1-й и 2-й авианосных дивизий (1-й Воздушный флот).



Смертельное пике меча «Камикадзэ» — «Ока 11» — обеспечивало путь в рай,карму и нирвану, или увековечивание в храме Ясукуни только при удачных атаках военно-десантных «шипов» США. Надпись под фонарём «Душа Героя». Акватория острова Окинава. 1945 год.

ЭСТАФЕТЧИКИ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

БЕСФАМИЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ПОРОКА

На исходе человеческой жизни любая система, впитавшая в себя более молодых её представителей, порождает заговорческо-теневое предательство, из которого может вытекать измена Родине даже на высочайших госпостах. Зарубежная и отечественная история разных веков изобилует красноречивыми и убедительно-трагичными примерами, когда люди, пережившие войны, хаос и чуму, революции и реформы, оставались якобы чистыми по оценке гражданства и патриотизма, отечестволюбия и религиозной терпимости. На самом же деле эстафетчики гособмана, то бишь общенационального предательства, будучи при том же лице и фамилии, но при новых должностях, ни что иное, как шлак общества, видоизменяющийся от температуры обжига...

Хамелеонность и ящеризм, шапкозакидательство и хлестаковщина, десятирушничество и шивавластие, клановое триллионерство и порочное кровосмешение браков за неимением возможности передачи награбленного, как и многое другое из знаемого народом предательства, могут отождествляться «святостью избранников», родившихся и работающих для «блага народного». Ах, пресса! Сколько же вины на тебе!

Современник, имеющий неподкупную душу, волевой характер и трезво мыслящий разум при честно бьющемся сердце, прекрасно видит, что есть химера разночтимых и разнопонимаемых бюрократических словоблудий, вкупе с совещательным синдромом и помпезной кортежностью. Не отсюда ли повышенная смертность любимых и нелюбимых соотечественников? Не потому ли среди русских нет русских?!

Жизнь каждого россиянина или несмирившейся эсэсэсэрочки, к сожалению, продумана платными слугами предателей за-

долго до наступления завтрашних суток, месяцев, лет. Оппозиционная и даже финансовая среда интеллектуалов всажена в дикость и хамство рыночных отношений, «гайки» терпения закручены до предсрывных миллиметров. В призме обязательного страхования живых и мёртвых душ, в уничижительных проектах, направленных против творцов и ветеранов, нашлись «лидеры», прямо заявляющие, что «народ не хочет работать руками», вместо того, чтобы дать ему труд с достойной зарплатой. В общинах аборигенов справедливости было больше, хотя и у них хватало жестокости...

Схватка в борьбе за власть, о чём должны помнить самовлюблённые (неизвестные населению) профессора-эксперты, уже является формой предательства, ибо не вхожие в кулуары власти не способны войти в неё. Жизненное составляющее стряпчих, жандармов, скоморохов и просто рабов при любом режиме заключается в изощрённости человеческой изворотливости, пойманой на аркан фиктивных демократических свобод и перманентного накопительства в обход законов.

Казуистическая планировка законодательства, работающего на пользу кучке «народолюбивых» предателей вкупе с их семьями, пожизненными подхалимами, кунаками и флажковыми выручателями, замечательна интриганством заградотрядов, секретариатов и умением пропиарить рабочие сутки за казённый (народный) счёт.

Лица, работающие на закон, покрывают государственно-политический бандитизм, взяточничество, наркотрафики, автомафию и порноиндустрию. Тюрьмы переполнены мелкими фраерами и бытовыми убийцами. Школьницам и студенткам импонирует возможность обогатиться за счёт своих тел и мужицкой похоти. И в это время НИКТО из эстафетчиков государственного предательства так и не предстал перед судом за антинародные преступления, за сброс богатств страны за границу.

Уже сегодня стоит серьёзно задуматься, кому и когда они передадут свой сатанинский факел?

Ноябрь 2004 г., Орёл — командировка по РФ и странам СНГ. «По ухабам Отечества» («Путевые заметки»).

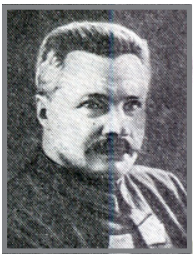
Басмачи

(Отрывок из повести «Зелёное знамя Ислама)

Племена Богов своих
Искромсали в рубке.
А когда азарт утих —
Закурили трубки.
«Шапка Мономаха»
(«Страна безбожников»),
1992 г.

К 1920 году басмаческое движение в Средней Азии достигло грандиозного размаха, несмотря на жесточайшее проявление «освобождения народов» под стягом диктатуры пролетариата. Умудрённо-реакционное мусульманское духовенство, лидеры племён и родов, байство, феодалы и чиновники, придворные, примкнувшие недовольные русские крестьяне, остатки армий Деникина и Колчака, наконец, местное население, ненавидевшее Советскую власть и Красную Армию, яро следовали политике «газавата» (священной войны против неверных). К разномастным отрядам и бандам примыкали уголовщина и матёрые авантюристы, поэтому их численность постоянно менялась и в основном росла, ибо бурно кипела народная злоба в связи с безобразиями регулярных частей Красной Армии (особо — будённовской, ставшей карательной). Правда... Ложь... И здесь враги. Очень злобны обе. К человеку никогда не было любови. Как вода, течёт в веках кровь гражданских боен. Поглядите, брат и сын семье вредят — чуждый так не сможет...

Идейными вдохновителями борьбы и главарями басмачества являлись Иргаш, Мадамин-бек, К. Осипов, Куршермат, Махкам-ходжи, Акбар-али, Парпи и Муэтдин-бек в Фергане (Туркестан). В Туркмении, близ Хивы и Каракумов, верховодил Джунаид-хан, поставивший на трон Хивинского ханства своего наместника Сейида Абдуллу, вместо хана Исфендиара. В Восточной Бухаре, после падения Бухарского эмирата, беки, муллы, вожди племён и эмир Сейид Алим-хан выдвинули на линию огня



М.В. Фрунзе

непримиримого Ибрагим-бека вместе с Бадра-оглы и Исанходжи. В Самаркандской волости центром басмаческих банд, их базой служило Матчинское бекство, расположенное в верховьях реки Зеравшан, со столицей-кишлаком Обордон. По-

Сейид Алим-хан

здней осенью 1921 года во главе басмачей Восточной Бухары стал приверженец «всемирного халифата», виновник армянской резни Энвер-паша, пытавшийся объединиться с Джунаид-ханом и Курширматом. В Южной Киргизии поднимал голову командующий Кулацкой армией К. Монстров. Повсюду имели место эсерское и анархистское движения, справедливо осуждающие дьявольские устремления новой власти, действующей более кроваво, чем самодержавие Императора Николая II.

В разные годы мусульманская армия повстанцев «растворялась» в народе, имела осведомителей во всех кастах преобразуемого общества. Мастерски используя давние и родственные связи, ландшафт местности и верность заповедям Всевышнего, она практиковала тактику набегов и уничтожения конкретных марионеток Москвы или из числа присягнувших ей местных — батраков, которым вручили наган, скакуна, ятаган и «Максим». Они предали Мекку, Каабу, Минарет Смерти, предков...

Однако истинная мощь исламистов, опекаемых правительствами и разведками Англии, США, Турции, была более чем опасной и внушительной. Вооружению и финансированию оппозиции ощутимо помогали американский консул в Ташкенте Р. Тредуэлл, один из руководителей военно-дипломатической миссии Великобритании Ф. Бейли, поддерживавший «Туркестанский Союз борьбы с большевизмом» при Иргаше, и английский атташе в Мешхеде сэр Томсон (Иран).

Итак, вооружённые силы «Кокандской автономии» во главе с Иргашом состояли из 15000 человек, поднявших Ташкентский мятеж в 1919-м. Мятеж жестоко подавили, запугав стар и млад города показательными казнями. Разъярённый Иргаш бежал в Китай, но в Ферганской долине остались сражаться и бесчинствовать более 40 банд. Успешно воевал восьмисотенный отряд под лидерством Мадамина Ахметбекова (Мадамин-бека), дер-

Кавалерийский натиск

жавшего «в узде» Туркестанскую мусульманскую белую гвардию, крушившую русские поселения огнём, саблей, «льюисами» и копытами. Он же организовал «Крестьянскую армию» из всех сочувствующих антисоветскому движению.

После образования Ферганского фронта и выезда спецкомиссии Мусульманского бюро Компартии Туркестана, против басмачей бросили 4,5 тысяч штыков и сабель, несколько десятков броневиков и единицы бронепоездов. Председателем Ферганского ревкома и его заместителями были назначены Н. Ходжаев, З. Ильясов (ЧК) и Ф. Тагиров.

Зимой 1920 года ленинский Совнарком хитроумно объявил амнистию с известной долей подлого коварства (скрытый расстрел самых гордых воинов Аллаха после сдачи оружия). Крупное лицо в инфраструктуре ОГПУ по борьбе с басмачеством, Скижали Вейс (загранпсевдоним Шмидт), подкупал людей, чтобы те отравляли пищу верхушке иноверцев, и при этом гибли сотни людей от цианистого калия. Лазутчики Вейса приторговывали саморазрывающимися гранатами, подрезали упряжь и подпругу жеребцов, забивали отравленные гвозди в сёдла мулл,

аксакалов и главарей, создавали падёж скотины. Таким образом истребили ядро басмаческого движения...

Повсеместно под «гуманным» красным флагом прошли пропагандистские «милостливые» процессы с привлечением широких масс. Помимо репрессионных мер, помпезно осуществлялась система политических и социально-экономических мероприятий якобы в интересах трудящихся. Увиденное современниками «Белое солнце пустыни» — кинематографический пасквиль; наяву приветствовался наглейший атеизм через наган вкупе с соседским доносительством, фольклорно отмеченным в частушке тех лет:

Ой, яблочко, куда котишься,
В Губчека попадёшь, не воротишься...

Новая власть, внедряющая земельно-водную реформу и объединяющая в Союз Кошчи (Пахарь), по сути давила на те же рычаги, что и басмачество, широко используя забитость, темноту и повальную неграмотность среднеазиатских народов, подверженных древним суевериям и разлагающему многожёнству с опиумом...

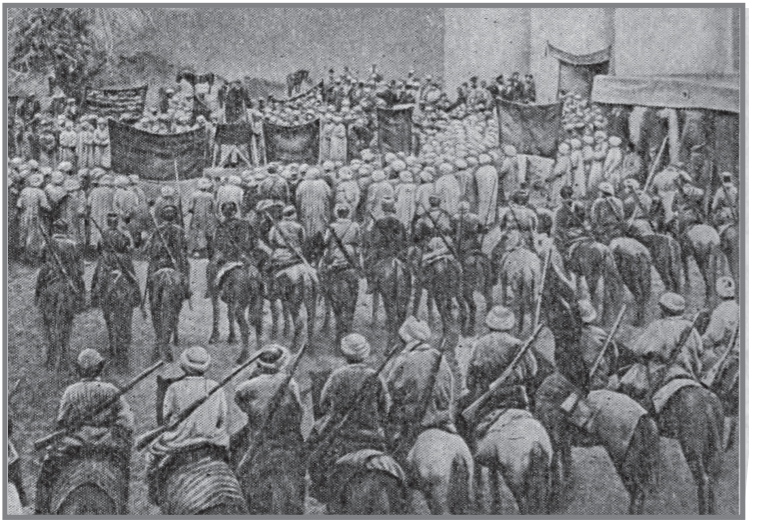
Человек до появления Библии и Корана стремился к новому, особенно при мечтательном мешке обещанных благостей, состоящих из красноречивой пустоты обещающих властей. Хи-

Выступление М.В. Фрунзе перед ополченцами в Самарканде. С картины Нагим-бека Нурмухамедова

мера из химер — «счастье народное» — веками не посещало население держав, империй, королевств, республик, ханств и княжеств, методично проводящих кровопролитие языком реформ и оружием захватов. Так, а не иначе, подавлением восстаний, инакомыслия, веры и гражданских свобод азиатского селянина занимались воины Ленина — М. Фрунзе, Я. Рудзутак, Г. Орджоникидзе, А. Корк, В. Куйбышев, Ф. Голощёкин, Ш. Элиава, В. Лазаревич, С. Пугачёв, Н. Какурин, П. Баранов, Г. Бокий, В. Шорин, М. Левандовский, К. Авксентьевский, Ф. Дзержинский, В. Менжинский и многие другие борцы за «счастье» пролетариата.

Интересен повтор истории с отрядом Мадамин-бека из 1200 человек, который, как и повстанческая Крестьянская армия Нестора Махно, вводился в состав соввойск, как Тюркская советская бригада. Как видим, Советская власть — бездушно-неживое образование мировых революционеров — манипулировала братоубийством по знаковой притче с погонами «Мы псковские!» (за полчаса рядовой несколько раз менял классово-идеологическую ориентацию, не вылезая из окопа).

Классику вооружённого предательства проявил 23-летний военком Туркестанской республики Константин Осипов — честолюбивый карьерист с замашками Наполеона. Выпускник Ташкентской гимназии, успешно прошедший программу вольноопределя-



Бухара. После свержения эмира

ющихся и 4-ю школу прапорщиков в Москве, он был откомандирован в Туркестан в конце 1916-го.

Сметливого и расторопного прапорщика заметили, и хотя ему удалось избежать ужаса Первой мировой войны, после февральской революции Осипов дослужился до второго адъютанта генерала Полонского, расквартированного со штабом в Фергане (Скобелеве).

Позднее антимонархист, ораторствуя на митингах, избирается членом Совдепа, воевал с белоказаками и отрядами «Кокандской автономии», участвовал в подавлении Туркестанской военорганизации царских офицеров.

Не раздумывая о предложении оппозиции войти в «Совет Пяти», Осипов 18 января 1919 года поднял Ташкентский мятеж, рассчитывая на левых эсеров. По его приказу в тот же день арестовали и расстреляли туркестанских комиссаров во главе с председателем ТурЦИКа Войтинцевым...

Увы, эсэры под началом коменданта крепости Ивана Белова, железнодорожники, рабочие и бедняки из крестьян не поддержали авантюрного властолюбца. Несмотря на взятие большей части города к утру, перестрелки с ЧК и милицией, осиповцы стали оттесняться силами пролетариата, так и не захватив крепость и железнодорожные мастерские. Осознавая катастрофичность положения, бывший военком, объединивший 600 мятежников, вспомнил о Народном банке. Вскоре броневик и конный отряд подъехали к зданию банка и изъяли 3 млн. руб. николаевскими кредитками, золотые изделия и драгоценности почти на 4 млн. руб., 50 тыс. руб. золотой монетой, тысячи франков, фунтов стерлингов, индийских рупий и бухарских таньга...

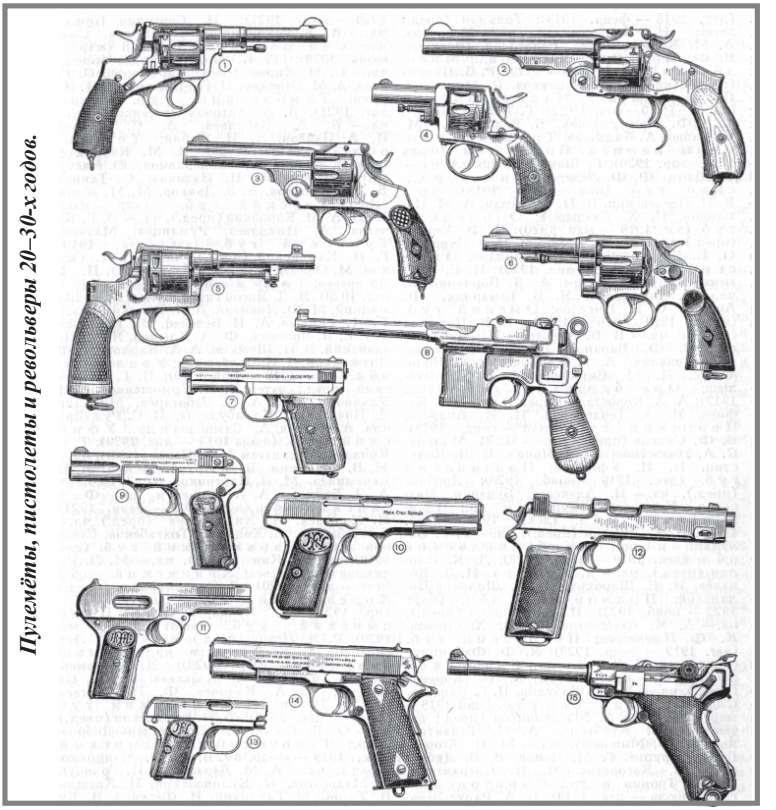
В погоню за новым «Али-Бабой» и его разбойниками Реввоенсовет бросил отряд Селиверстова и эскадрон Лая. Под Чимкентом Осипов был встречен в лоб, потерял грузовик, но успел перегрузить золото на лошадей и двинулся на юг, чтобы скрыться в горах.

Атака подоспевших конников Лая частично подавила бегущих мятежников. Изменников нещадно и жестоко рубили, косили из «максимов» и преследовали. Они были измучены погоней, затаптывались копытами, обмораживались и умирали от ран, но не сдавались...

Настырный Осипов с невероятным упорством шёл выше и выше в спасительные для него горы, скрашивая часы оставлен-

ных в кишлаках пачками банкнот. Теряя людей и лошадей, под Чимганом он снова попал в засаду и семь дней отбивался от горцев и красных. Самовлюблённый несостоявшийся диктатор потерял свыше 500 человек. У него осталась дюжина лошадей и пара пулемётов, сократился боезапас и отсутствовал провиант, однако поклажа грабителей оставалась нетронутой...

Главарь и иже с ним цеплялись за Карабулак с неимоверно фанатичным упорством смертель-



Пулемёты, пистолеты и револьверы 20–30-х годов.

но раненого зверя, хваткой утопающего, державшегося за соломинку. Град пуль, сабли, лёд и кровь, скалы и невыносимые для этих мест морозы не испугали их. Оставшись почти без патронов, мятежники нашли проводников и скрылись ночью, двигаясь вдоль реки Пскем.

Снежный обвал накрыл осиповцев близ озера Ихначкуль. Засыпало насмерть 65 человек. Здесь их вновь настигли воины Зелетдинова, но на остатке сил и патронов Осипов прорвался к Пскемскому хребту с двадцатью соратниками.

При всей отрицательности руководимой им банды, следует признать, что она совершила беспрецедентный альпинистский подвиг, перевалив в стужу, без снаряжения и достаточного провианта Пскемский и Чаткальский хребты, возвышающиеся на 3,5 и 5 тысяч метров над уровнем моря...

Отогревшись и собравшись с силами в высокогорных кишлаках по ту сторону от преследователей, Осипов спустился в Ферганскую долину, где сошёлся с Мадамин-беком. Будучи главвоенсоветником при курбаши, разыскав друзей в Коканде, пожизненный перевёртыш доставал оружие, планировал захват Ферганы.

После разгрома «мадаминцев» неуловимый Константин уходит в Бухару, где был вычислен чекистами. Эмир Сейид Алимхан, наивно веруя в честность Соввласти, по требованию полпреда РСФСР в Бухаре дал ход очередной погоне. Был арестован ближний круг Осипова, но сам он «пропал без вести» навсегда...

Ходили слухи, что он проживал в Кабуле при дворе также бежавшего бывшего эмира Алим-хана. Его друзья-офицеры, арестованные в Бухаре, были скоропостижно расстреляны сразу после допросов. Возможно, в их показаниях фигурировала высшая власть Туркреспублики, фамилии и деяния «революционеров», занявших в период мятежа выжидательную позицию...

Вопрос с «камушками» и золотом так и остался открытым. Никто не знает, какая пещера, грот или воды стали Сезамом для народной кровушки, переплавленной в золото. Умерли и погибли те, чьи слёзы, жизнь и смерть отразились в холодных драгоценных камнях...

В то же время «Армия Ислама» Курширмата к середине лета 1920 года насчитывала 6,5 тысяч басмачей, причём их общее, вооружённое до зубов число доходило в Фергане до 30000 человек, что подразумевало возможное объединение сил.

Учитывая широкомасштабную взрывчатость создавшегося

положения, ЦК РКП(б) объявляет Ферганский фронт самым опасным в Средней Азии и направляет в Алайскую долину Сводную конную группу под командованием Э.Ф. Кужело, вскоре нанёсшую ряд поражений басмачам. К апрелю основные,наиболее организованные банды были разгромлены не без помощи добровольцев, вступивших в Туркестанские дивизии и конные бригады. Населению опостылела война, нужно было пахать, сеять, жать, рожать и воспитывать детей, выращивать племенных рысаков и собирать хлопок, укреплять жилища, дамбы и плотины на горных ручьях и речках, заново возводить разрушенное.

Перейдя к тактике налётов и диверсий, разрозненные отряды готовились к новым сечам за родную землю. Курширмат и Муэтдин-бек начали переговоры с целью выиграть время — не хватало людей и оружия. Вскоре, потерпев ряд поражений в кровопролитных боях, Курширмат ушёл в Афганистан. Сменивший его Муэтдин-бек боролся до ноября 1922-го — к тому времени Красная Армия ликвидировала 119 банд из 200 (4000 человек). Счастливцы, из числа выживших и покалеченных, скрылись в горах, злобно вынашивая новые реваншистские планы. По их замыслам, сотней «маузеров» дилемма не решалась...

У одарённого стратега, неуловимого Джунаид-хана стояли под ружём 10000 обстрелянных джигитов и не меньшее число скакунов, как и у всего басмачества имелось первоклассное английское оружие. Потеряв резиденцию, Бедиркент, блуждая с единомышленниками по пескам Каракумов, он не растерял связей с эсерами, эмиссарами генерала У. Маллесона, белогвардейцами «Закаспийского правительства» и туркменскими националистами Красноводска, Асхабада, Мерва и Хорезма. Через три года он мстил за «дервишеские» мытарства, осадил Хиву, Ново-Ургенч, захватил Хазарасп. В тяжёлых битвах в течение пяти лет Джунаид-хан понёс огромные потери, но с 1924 по 1927 год терроризировал опалённую не зноем, а огнём Туркмению. Крепко поддержанный Великобританией, для которой одной Саудовской Аравии и Индии с океанскими колониями было мало, фанатично настроенный Джунаид вновь скрылся в Каракумах, думая поднять народ на восстание. Жестокость, проводимая не только им с родным населением, элементы бандитизма, мародёрства и глумления закономерно привели хана к отчуждению его помыслов от унижаемого бандами народа. В 1927-м его «акбарцы» были ликвидированы, а сам «вождь» с великим трудом вырвался за границу с немногочисленной свитой.

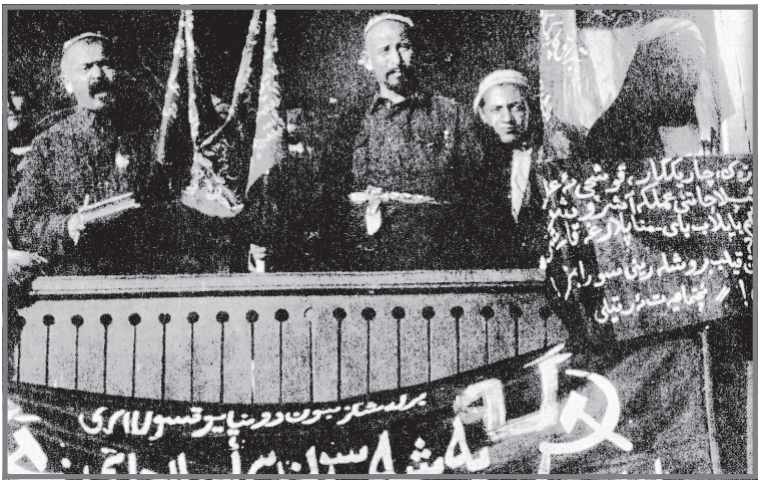
Энвер-паша, взявший «уздечку» правления у Курширмата, был жжёным воякой, генералом турецкой армии. В 1903 году окончил Академию Генштаба в Стамбуле. Отличился, будучи идеологом панисламизма и пантюркизма в среде младотурок. Являлся лидером триумвирата Энвер — Талаат — Джемаль, сосредоточившего всю власть в Турции под эгидой партии «Единение и прогресс». Командовал потомками османов-янычар в Первой мировой войне и возглавлял интервенцию в Закавказье. После разгрома войск эмигрировал в Германию, где был завербован английской разведкой, а затем пытался свергнуть правительство Кемаля Ататюрка на бывшей родине. В 1921-м прибыл в Туркестан как сторонник Советов, организовал «Комитет национального объединения», сплотившего буржуазию, духовенство, беков и басмачей. После неудачного штурма Бухары Энвер осел со штабом в Таджикистане, откуда осуществлял беспримерные рейды по тылам, флангам и фронту красного противника, не боясь аэропланов.

Армия пролетариев следовала за ним по пятам, но он оставался неуязвимым, завоевал поддержку и уважение определённой части населения. Жара убивала русских при постоянной нехватке воды (многие колодцы были отравлены, а скрытые не знали даже проводники, кстати, нередко те же басмачи). В затяжных маршах и после длительных погонь по долинам и ущельям не доставало провианта и лошадей, как и фуража для них. Красноармейцы, не привыкшие к такому климату, гибли как мухи. Дивизия, поражённая дизентерией и малярией, деградировала и сокращалась с каждым днём, даже часом...

Постановлением Всеузбекского курултая было решено найти и уничтожить Энвера, хотя, по правде, люд Восточной Бухары люто ненавидел пришельцев-русских и не раз выручал пашу.

Смертельно рискованное задание возложили на опытного, молодого чекиста Георгия Агабекова, принявшего приглашение начальника Разведупра Туркестанского фронта Ипполитова. После удачной операции с невестой адъютанта военминистра при Совете народных назиров Бухары Софией Кацман, провалившей всю агентуру из-за неуёмной алчности, тов. Азадов (он же Агабеков) под именем купца Расулова выехал из Ташкента в город Карши с разведчиком Осиповым.

Не доехав до станции назначения, они вышли, и, двигаясь пешком, познакомились с возницей-красноармейцем, ехавшим



В Среднюю Азию пришла новая жизнь...

в местечко Гузар. Городишко был в развалинах, с маленьким базаром. Многие дома оказались покинутыми, а госпитали были переполнены больными тропической лихорадкой...

Играя роль торговцев, чекисты вышли на узбека Абдурахман-бая, знавшего старого и авторитетного купца Рахматуллу, брата аксакала Джума-бая. Последнему было известно всё происходящее в районе Деннау и Юрчи. Там собиралось много басмачей, и Агабеков через Абдурахмана попытался заручиться покровительством Джума-бая для успешной и крупной торговли. Рахматулла-бай, внимательно слушая собеседников, невозмутимо перекидывал чётки, с прищуром мудрых глаз прихлёбывал зелёный чай и изредка покачивал головой. Наконец, он позвал мирзу (писца) и продиктовал письмо брату.

По пути в Деннау Агабеков завербовал возницу-посредника, пообещав большие деньги и неприкосновенность, если он сможет установить логово Энвер-наши.

Абдурахман-бай, отец троих детей, невзлюбил турок за то, что они принесли войну в эти края, и, конечно же, во многом ошибался, но поверил Григорию, дав понять, что поможет.

В Деннау стояли эскадрон кавалерии и рота пехоты РККА. Агабеков и Осипов посетили начгарнизона и уведомили его о секретной миссии, показав мандат, подписанный членом Реввоенсовета Туркфронта Ворониным и начразведупра Ипполито-

вым. К вечеру они получили письмо от Джума-бая, а Абдурахман выяснил, где расположен штаб Энвер-паши. Ночью с товаром тронули арбу к басмачам...

«Салам алейкум» не всегда означает добро и приветствие — ждали долго. По разговору телохранителя, свирепого вида басмача со шрамом на щеке, Энвер-паша отослал послов к афганцам и англичанам, планируя продолжить захваты, как это было с Душанбе в начале 1922 года. Кишлак жил своей полувоенной жизнью. Отовсюду, несмотря на поздний час, слышались оружейно-кавалерийское бряцанье, ржанье лошадей и лай собак. Битые в схватках басмачи роптали, чувствуя, что круг сжимается, что западня, ранения, смерть и суд для каждого из них неминуемы. В чайхане шла оживлённая беседа об ошибках и предстоящих сражениях, о том, что оружие англичан может «застрять» в Индии. Кто-то обмолвился о трёхнедельном бивуаке...

В ту душную ночь Агабеков не спал, думая, как предупредить своих. Под утро он отослал Осипова в Деннау под предлогом привести новую партию товара. Через четыре дня все товары были распроданы, и Георгий однажды увидел Энвер-пашу у глиняного домика, ставшего его штабом. Аккуратно выбритый,

Всё впереди — Турксиб, ГУЛАГ, Великая Отечественная и... независимость

среднего роста, в форме турецкого офицера, он носил белую чалму вместо фуражки. С задумчивым выражением красивого лица, он теребил приподнятые кверху усы. Очевидно, его что-то давно беспокоило: возможно, создание единого мусульманского государства...

Ближе к ночи прибыл Осипов и доложил, что в Деннау вошёл дивизион. Через час «спекулянты» бежали, а потом повстречались с кавалеристами и подробно объяснили увиденное начальнику и комиссару дивизиона.

Четвёртого августа 1922 года произошла смертельная схватка. Басмачи были начеку, но численное превосходство дивизиона и большее число «максимов», открывших кинжально-перекрёстный огонь, сломило их, и они отступили. Приказав держаться, Энвер-паша решил со штабом из 30 человек уйти в горы и поскакал в противоположном от боя направлении. Он допустил роковую ошибку, наткнувшись на эскадрон, был окружён и бросился врукопашную.

Бойцы не знали кто перед ними — весь штаб «главы всемирного халифата» изрубили шашками, и спаслись только двое. После боя опознали Энвер-пашу, обезглавленного, со срезанной частью плеча. Рядом с ним лежал Коран. Наверное, в последний миг он звал на помощь Аллаха. Священную книгу отослали в Ташкентское ОГПУ и приложили к делу о бывшем военном министре Турции, мечтавшем использовать российский переворот во благо зелёного знамени Ислама.

Его поднимет соотечественник, офицер турецкой армии и английский агент Салим-паша, по рождению Ходжа Салим-бей. В союзе с Ибрагим-беком в марте 1923 года они рискнули захватить Восточную Бухару,но были разбиты красными. При этом у них осталось 15000 человек, рассредоточенных в районах Дарваза и Каратегина (отряд Фузал-Максума), а также в верховьях реки Зеравшан (Салим-паша) и Гиссарской долине (Ибрагим-бек).

* * *

Война, трудная и длительная борьба с басмачеством номинально окончилась в середине 30-х годов, и её отголоски при объективной фокусировке зрения исследователей, видны и сегодня.

Георгий Сергеевич Агабеков, участник многих операций советской разведки за рубежом, после сталинско-троцкистского раскола в партии разочаровался в истинности революционных но-

вовведений и в 1930 году самовольно ушёл на Запад, где создал выдающееся свидетельство-разоблачение деятельности ОГПУ- НКВД — «Записки разведчика». Он выбросил свой пистолет с борта парохода «Тадла», шедшего из Стамбула в Марсель 19 июня, в четверг. Бессмертными окажутся его строки: «Ежегодно советское правительство отпускает для шпионажа в иностранных государствах только в руки ОГПУ около трёх миллионов долларов, которые добываются от продажи на заграничных рынках продуктов питания, вырванных изо рта голодного рабочего и крестьянина.

Но доллары, жесточайшим образом выколачиваемые из народа, текут не только в руки ОГПУ. Несмотря на официальные заверения советского правительства о полной его непричастности к делам Коминтерна, читатель видит, что фактически Нарком-индел и Разведупр работают вместе для общей цели и на одного хозяина — имя которому: Политбюро Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии, или Сталин».

Спустя семь лет бесстрашного изобличителя системы кремлёвской власти убьют агенты НКВД, о коварстве и подлости которого он предупреждал, когда диктатура была в зародыше...

Он — Георгий Агабеков — оказался провидцем: миллионы детей среднеазиатских народов, как и умиротворённые басмачи, пали жертвой вооружённого противостояния между фашизмом и коммунизмом от Москвы до Берлина...

Январь 2003 г.
Орёл — Москва — Орёл,
«Путевые заметки».

МЕЖДУ БОГАМИ

Исламский еретик Омар Хайям
Советовал вино нам пить, как воду,
Поскольку падишахам и царям —
Труднее верить пьющему народу.

Но, выпивая, — дело разумей!
Какой бы ни был веры чужестранник,
Не попадайся на халву и пряник
Земных и поднебеснейших властей.

Ландыш — тайна.
Космос — тайна.
Тайна искренней строки...
Лев Толстой не шил случайно
Эпигонам башмаки.

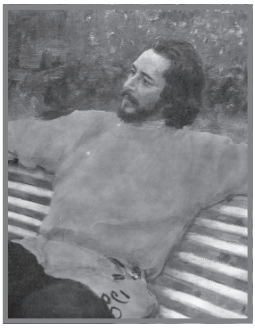
И теперь, когда о славе
Разговор мы завели,
Нам без Фета не представить
Хрестоматии Земли.

* * *

О, Великая
Русская Муза!
Потерял остроту
карандаш.
В одиночку идут
из Союза:
Этот — гений,
а этот — алкаш.

И у многих —
умища палата,
Могут выплавить
правду в слова.
Но ловчайшими
монстрами злата
Притупила их мысли
Москва.

О ЗЕМЛЯКЕ



Андреев был всегда великолепен,
Штурмуя бездну, царство Сатаны.
Его не раз встречал в «Пенатах» Репин,
И оба были истине верны.

Есть в магнетизме буйного орловца
Столичный блеск и оторопь глуши:
То мрак ночной, то вновь избыток солнца,
И вечный спор Вселенной и души.

ненавистники ПУШКИНА

Они в любой есть области,
Их не пробьёшь стихами.
Ничтожные до подлости
С «народными» правами.

В живую прибыль впавшие,
Жалеющие снега,
И двойки получавшие
За «Вещего Олега».

«Под созвездием Орла»

Сборник стихов. Орёл, 2004 год.

Составитель и редактор — В.В. Рассохин.
Ответственный за выпуск — Г.Н. Майоров.
Дизайнер — А.М. Полевой.

Издательство «3-е июля».

ХОРОШЕЕ НАЧАЛО

Перед вами первый опыт книги, под обложкой которой собраны стихи людей, преступивших Закон и отбывающих наказание в исправительных учреждениях Орловской области. А также — некоторые произведения тех, кто работал с осуждёнными, своим вниманием и участием стремился направить их на путь истинный.

Стоит заметить, что этот сборник стихов родился благодаря инициативе УИН Минюста РФ по Орловской области и лично его начальника В.А. Суровцева, который большое внимание уделяет своим подопечным и вносит неоценимый вклад в общенациональную задачу по гуманизации нашего общества.

Полковник внутренней службы, кандидат юридических наук Владимир Алексеевич Суровцев

Анатолий ТРОФИМОВ

ПЕВЕЦ ЗЕМЛИ ОРЛОВСКОЙ

Имя и труды Виктора Васильевича Рассохина присутствуют в Большой Советской Энциклопедии и многих всесоюзных литературных справочниках. Он самобытный поэт, воспевающий родную Орловщину и людей, отдавших ей сердце, разум, детей и жизнь. О его творчестве мне было известно давно по публикациям в периодике, по разговорам сограждан, видевших и слушавших его зажигательные эмоциональные выступления. Многие работы перечитываю заново, не переставая удивляться многожанровости автора, будь то стихи или проза...

Рассохин — представитель народов России, я бы сказал — их волеизъявитель и глашатай. Ученик Степана Щипачёва с гордостью подчёркивает своё крестьянское происхождение. Значимо и много пишет о своём поколении, истории, о радостях и тяготах общества. Читатели всех возрастов понимают его, высоко ценя ёмкость слова в ореоле заступничества и человеколюбия. Своими стихами он высказывает мысли о времени, цивилизации, личностях, а главное — ведёт линию воскрешения обычаев и традиций русского народа, выстоявшего в страшных войнах от Батыя до Путина.

Образно-красноречивый подход автора к освещению проблем не выборочно-узковедомственный, а многогранный, глобальный. Чувствуя себя частью общего, он охватывает стороны жизни от микро- до макромиров, от неба до земли, от океанов до

Анатолий Николаевич Трофимов — профессор Орловского государственного института искусств и культуры, автор ряда книг на юридическо-экономические темы

солнца, от элементарных частиц до космоса, болезненно откликается разумом и пером на любые события жизни, хотя мог, как подавляющее большинство, просто отмолчаться...

Оценивая долг и стезю писателя при встречах со мной, он сказал однажды: «Назначение бездарей — громыхать многолетним пустозвонством, а художника — работать почти круглосуточно десятилетиями».

Чистый лист бумаги — кредо Рассохина, многие публикации даются ему натуральным боем, проходят сквозь чванство, недалёкость и зависть редакций. Так произошло с освещением трагедии АПРК «Курск». В горько-историческом реквиеме «Безответное SOS!», опубликованном в «Орловском вестнике», помимо глубокой специфики ВМС, автор заявил: «Северный флот понёс невосполнимую утрату. Не стало высокопрофессиональной, сплочённой, мужественной, так необходимой стране команды... Нечего сказать в оправдание... Как вернуть Родине хотя бы толику оптимизма??? Вдовы, сироты, родители, пережившие сыновей, близкие друзья — какие подобрать вам слова утешения?!»

На жёсткую флотскую корреспонденцию откликнулись многие:

«Уважаемый В.В. Рассохин, — пишут автору из Курской администрации. — Ваша публикация заслуживает большого внимания и широкого круга читателей... Спасибо Вам за память о погибших...

А. Попов.»

Писатель незамедлительно дарит 30 книг экипажу АПРК «Орёл» и получает благодарственное письмо от командования. Его книги и статьи, частично оформленные сыном Сергеем, хранятся в библиотеках ООН, ЮНЕСКО, Конгресса США и Гарварда, в министерстве культуры Германии, в передовых университетах и редакциях Великобритании, Франции, Италии, Швейцарии, Китая, Японии и Австралии. Труды Рассохина имеются в личных собраниях Б. Ельцина, В. Путина, Е. Примакова, А. Акаева, Н. Назарбаева, К. Илюмжинова, Ю. Лужкова и Е. Строева, В. Матвиенко и В. Жириновского, Д. Дудаева и А. Масхадова, у Д. Лихачёва, Ф. Углова, А. Солженицына и Г. Зюганова. Многие книги и материалы нашли место в среде дипломатов и политиков мира, работающих в России последние десять лет, а также в архивах армий, ВВС, ВМС и прочих госструктур.

О книгах автора, подготовленных и изданных за небольшой

период времени, можно выразиться не только самоговорящими заголовками: «Капель», «На ветру», «Тропинка», «С восходом солнца», «Круговорот», «Шапка Мономаха», «Последняя дуэль», но и с поэтическим афоризмом Афанасия Фета:

Вот эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей...

О сути «Последней дуэли» конкретно и горячо отозвался губернатор Красноярского края, генерал-миротворец А.И. Лебедь:

«Уважаемый Виктор Васильевич! Искренне благодарен Вам за книгу стихов «Последняя дуэль» и за статьи. Как читатель нахожу, что стихи искренни и полнозвучны, они просто не могут оставить равнодушным.

Ваша гражданская позиция вызывает безусловное уважение и ещё раз подтверждает истину о том, что «поэт в России больше, чем поэт». Вместе с Вами надеюсь, что наш народ преодолеет все сегодняшние и завтрашние проблемы и, в конце концов, займёт подобающее место в ряду развитых стран мира. Желаю Вам здоровья и дальнейших творческих успехов».

Кто бы мог подумать, что какие-то месяцы спустя Рассохину выпадет тяжкая доля увековечить память об Александре Ивановиче в патетическом некрологе «Полёт в бессмертие», опубликованном не без помощи редактора «Орёл-Курьера» Андрея Агашкова...

Каждая книга поэта — новое испытание на зрелость и мастерство. Земляк обладает не только поэтическим даром, но и остро ощущает пульс жизни, её затаённые нюансы, умеет передавать их на суд читателя. Идеал его поэзии — кристально чистый человек, воспевающий не только красоты и успехи Родины, но и личность, способная достичь высшей точки миропонимания и самокритики.Отсюда — борьба героев и персонажей Рассохина с ханжеством, лицемерием, зазнайством, стяжательством, порожняковой бюрократией и всевозможными злоупотреблениями как в СССР, так и в России.

По глубочайшему знанию быта и фольклора села я не могу привести ему равного в стихосложении, ибо фундаментальность его стихов скрывается не в версификационных выпадах, а в предельно обнажённых реалиях жизни наших прадедов, дедов, отцов, матерей, бабушек. Кроме поэтичных и профессиональных данных писателя-аналитика философского склада, я заметил, что

он — находчивый и весьма корректный человек, отлично ориентируется в обстановке, безошибочно видит канву того или иного проекта, способен воплотить сложнейшие замыслы, непосильные даже академистам. Виктор — интересный собеседник и спорщик, затейник-подвижник и мастер художественного чтения, ценит неординарных людей. Весь спектр проблем или успехов рассматривает критически, находится в поиске лучшего в бренно-криминальном мире, чтит малую родину и старшее поколение. Будучи в недельной командировке в пятиста милях от Орла, поразительно ёмко откликнулся на трагедию в «Норд-Осте», а ранее — на теракты в Чечне, Израиле и США.

Стихотворение «Мать», фрагменты которого проводятся ниже, заставляют задуматься даже не умеющего читать:

Окна досками забиты,
Дверь прихвачена замком.
Не затянутся ракиты
Синим утренним дымком.
Сколько рёва, сколько крика
Было в маленьком дворе!
Мать тянулась повиликой
То к скоту, то к детворе.
И на всё хватало силы,
Только кругом голова:
И снопы брала на вилы,
Хлеб метала в кузова.
Сколько раз бросала свёкла
В крепкий обморок её...
И не раз до нитки мокло
Всё нательное бельё...

Стихи Рассохина — общенациональная поэзия. В них блещут нетрадиционная индивидуальность, свежесть, полная сосредоточенность, рациональная правдивость и другие качества, присущие русской литературе. Отдавая дань человеческому фактору, издав потрясающую по прозрению поэму «Шамиль в Калуге», он формулирует события в Чечне словами Семёна Гудзенко:

Был бой коротким. А потом
Глушили водку ледяную.
И выковыривал ножом
Из-под ногтей я кровь чужую...

Его особенно беспокоят люди аграрного сектора, что просматривается в чисто крестьянской поэме «Бригадирские будни», в стихах и прозе разных лет («Дело №...», «Ландыши», «Свахи», «Кружева», «Люсиха», «Обручальное кольцо»). Виктору Васильевичу присущи удивительная чуткость, проникновение в суть событий, обострённые оценки бытия, интуиция и проницательность. Он бескомпромиссен к разрушителям норм морали, права и нравственности, не терпим к бахвальству и необоснованному чинопочитанию. Словом и делом он доказывает необходимость совместного плавания против течения, которое навязывается нам сверху. Всего четыре строки:

Златых словес не принимаю,
Серебряным — отпор даю!
Я через чувства понимаю
И Мир, и Родину мою.

— такова искренняя позиция творца и гражданина.

Нет, он не идеализирует мир, хотя прекрасному отдаёт сполна. Важное место в его творчестве занимают природа и женщина, ждут публикации фантастические повести и документально-исторические исследования, сатирические новеллы и пьесы.

Поэт не теряет связи с общественностью. Продолжая лучшие традиции отечественной литературы, он постоянно встречается с читателями в трудовых коллективах. Его заворожённо слушают студенты вузов, училищ, осуждённые в зонах, элита УВД, ГАИ, образования и СМИ. К нему неравнодушно духовенство Орловско-Ливенской епархии и Московского патриархата, лидеры мусульманской диаспоры в России. Его часто приглашают выступать на литературные праздники и перед отдыхающими санаториев «Дубрава», «Лесной», пансионата «ЗиЛ», а также общества «Знание». Любое выступление сопровождается стихами как автора, так и цитатами из наследия А. Пушкина, С. Есенина, И. Бунина, Д. Блынского, лекциями об униженных режимами Б. Корнилове, П. Васильеве, П. Яшвили, М. Чароте, Б. Пильняке, В. Высоцком, И. Талькове. Он не упускает возможности рассказать аудитории о Верещагине и Левитане, Сабанееве и Шаляпине, Рахманинове и Сикорском, Булгакове и Шолохове... Дружил с Р. Рождественским, С. Баруздиным, Л. Ошаниным, К. Приймой, С. Эмином, был поддержан С. Михалковым и другими собратьями по перу, что были постарше.

Говорить о рассохинском безграничном почитании А.С. Пушкина — излишне. Советую приобрести и внимательно прочитать

«Последнюю дуэль» героя повествования, посвящённую гению и изданную к 200-летию «служителя музы». В стихах автора сохраняются традиции серебряного века, он эффективно использует в своём творчестве труды русских и зарубежных философов, живописцев, композиторов, направления православных просветителей и добропорядочность представителей ислама, буддизма, протестантизма, католицизма, конфуцианства, даосизма и синтоизма. Он может увлекаться суровостью дальнего Севера, батализмом прошедших войн, и всё же... ближе к сердцу Земля Орловская!

Мелодичные стихи Рассохина положены на музыку, готовится к переводу на ключевые языки планеты историческая и философская проза. Его песни распевают далеко за пределами Орловщины и России. Виктор Васильевич поддерживает патриотизм, не забывая о распятии православия, всесоюзных репрессиях и других преступлениях власти перед не чужим, а родным(!) народом.

В поэзии орловца вечная тема — земля, дышащая словом, рождающая гениев и счастье вдохновенья. Она и только она способна всякий раз подарить непредсказуемую тему, которая награждает признанием рождённых на планете:

Земля — она не чёрная по цвету,
Она по цвету — радуге сродни.

Несмотря на исконную русскость, писатель, словно фильтр общества, мгновенно отреагировал на крушение «Колумбии» 1 февраля 2003 года статьёй «Пропасть несчастий между Землёй и Небом», где раскрыл свою версию закономерности космических катастроф. Он часто обращается к военной тематике. Среди известных, опубликованных работ — «ЗиС», «Свободная зона», «Живъ Варягъ!», «Топь», «Далёкий Мидуэй», «Неизвестный Чкалов», «Рамзай», «Эхо тарана», «Гавайская аномалия», «Абвер на Орловщине» и другие. Особого интереса и глубокого изучения заслуживают не только вышеназванные труды, но и статьи «Псевдонимия», «Ралли», «Террор двух веков», «Гобсек РКП(б)», «Распятия всероссийского не прощаю!», «Забытое добро» о Ленд-лизе, «Звезда критики» о Д.И. Писареве, природоведческие статьи и были о рыболовстве, циклы «Путевые заметки» и «По ухабам Отечества».

В юбилейный год пожелаем талантливому и плодовитому мастеру прилива мощной энергии и миллионного читателя, ибо всё созданное В.В. Рассохиным пригодится Человечеству в будущем...

Одесса, 1978 год

ДИАЛОГ С НАРОДОМ

— Он, правда, не был никогда, —
Сказал мне древний дед:
— Когда с правительством беда,
Народ — виновник бед.

СЛУЖЕБНЫЙ ПАРАДОКС

Нынче в Мэрии, в Совете —
Государственные дети.
Дети тех, кто нынче в Мэрии,
В прессе, в Думе, в бухгалтерии.
Остальные и неблизкие —
Дети истинно российские.

ХРОНИКЁР

Он область всю обильно окиношил,
Снимая правду, правду обходя,
Что даже вождь под голубями ожил,
Ему ладонь на темечко кладя.

НЕ ПРОГЛЯДИТЕ СЕБЯ

Смеются люди — аж глаза слезятся,
В столичном зале, иль смотря в экран.
Артисты продолжают изощряться,
Не в мысли углубляясь, а в карман.

И суть проста — кумиры все седые,
А молодёжь — раздета догола.
Смеётся ГРОМКО вроде вся Россия,
Хотя в России нет давно ТЕПЛА!

СОГРАЖДАНАМ

Голосовали вы под медь —
Но все остались под откосом.
Чем голос этакий иметь,
Остаться лучше — безголосым.

На орловском телевидении

* * *

Жирующие правнучки
и внуки,
Трамбующие
золотой запас,
Прошу вас,
НЕ ЗАБЫТЬ
ВОТ ЭТИ РУКИ,
Что в лихолетье
вынянчили вас.

* * *

Григорий Максимович и Екатерина Семёновна Шаховы — замечательные труженники орловской глубинки. Работа известного фотохудожника Леонида Тучнина приобретена профессором Мичиганского университета (США).

ФИНАНСОВОЕ МОРЕ

Его на карте мира нет,
Но есть любители купанья,
Кто формирует свой бюджет
За счёт народного страданья.

Ныряйте в нём хоть голышом!
Обвесьтесь златом, драгкамнями,
Но бить по нищему грошом —
Страшнее, чем навлечь цунами.

ВО ИМЯ ДОБРА

Станислав Александрович Золотцев — поэт, переводчик, критик. Преподавал в Индии, служил офицером в авиации Краснознамённого Северного флота. Автор многих книг. Живёт и работает в Москве.

Виктор Рассохин уже несколыо десятилетий работает профессионально и напряжённо. Это — автор,у которого есть свой читатель, есть свои критики. Многие его стихи, опубликованные в периодике, не говоря о книгах, отмечались современными исследователями поэзии, и чаше всего эти отзывы были добрыми.

Как, вероятно, у каждого художника слова, работающего «в поте лица своего», щедро, яро и вместе с тем кропотливо, у него есть и творческие взлёты, и полосы «ровного парения», есть и неудачи. Главное же видится в том, что его поэзия не по стилистике, не декларативно, а по самой психологической фактуре своей — действительно земная, она произрастает из самой жизни, из непосредственного и конкретного бытия людского, жизнедеятельности тех людей, которых принято (хорошо или плохо — вопрос другой, но принято, и пока лучшего термина не придумаешь) именовать «простыми людьми». Да так оно и есть, ибо простые люди и есть народ.

41 Заказ № 4422

Они — герои подавлявшего большинства стихотворений орловского поэта, чаще всего — крестьяне, труженики малых райцентров, реже — большого города. Термин «герои» здесь взят в его изначальном смысле — действующие люди жизни, а не статисты. Вот, пожалуй, главное художественно-эстетическое свойство (я пока не говорю — достоинство) творчества В. Рассохина — его творения полны действия, деяний, поступков, больших и малых, и даже те стихи, что можно безусловно отнести к пейзажной лирике, пронизаны движением, диалектикой развития, своеобразной динамикой.

Иное дело — насколько удачно всё это воплощается в слове. При всём том, что тематика данной книги разнообразна, что в ней есть размышления над жизнью разных слоёв общества и разных эпох нашей истории, есть и балладные повествования, есть и миниатюры — при всём том в поэзии орловца есть две главные Темы. Вернее — два идейно-гуманистических начала. Это — большая тревога художника за ту боль, которая сегодня переживается миром, и народом, и отдельной личностью, острое ощущение этой боли, в которой сугубо .личное, частное порой самыми невероятными путями связано с общенародным и мировым. И это — судьба человеческая, отражённая в самом «воздухе», в духовной атмосфере эпохи, к которой она принадлежит. Два этих начала тоже взаимопереплетены, чаще всего слиты в стихах Рассохина — оговорюсь: в лучших стихах. Но хороших, настоящих, сильных и проникновенных стихотворений в книге «Круговорот» — большинство. Перед нами произведение зрелого и самобытного художника со своим голосом, произведение, над которым, чувствуется, автор немало настрадался. Вот несколько стихотворений, которые являются стержневыми, направляющими: «Печаль и радость вздыбленного мира...», «Мне говорил однажды прадед...», «Две женщины», «Старые игрушки», «На Пасху тёщу я проведал...».

Что тут сказать? — актуальные стихотворения — такие, которое написаны не на злобу дня, а «на злобу века», они сохраняют свою актуальность в любую эпоху. Но сегодня эти стихотворения Виктора Рассохина воспринимаются, что и говорить, по-особому остро: слишком долго мы отбивали ладоши, когда победно гарцевали перед нами на лживых истинах. Пришла пора отрезвления, пришло время вспомнить всем миром о нашей народной совести, чтобы она уж больше никогда не засыпала: поэт — чув-

ствилище народа — тоньше и острей всего воспринимает биотоки времени своего и времён наступающих: вот чем рождены эти прекрасные стихотворения орловского поэта.

Многие стихи Рассохина, даже очень хорошо написанные, дискуссионны, вызывают на спор, и это тоже по-своему радует — с поэтом нужно и должно спорить, как и сам он спорит со своим временем. Именно в таких стихотвотворениях — народно-притчевого плана, в стихотворениях, где добрая школа поэтов-земляков пронизывает своим дыханием земли и культуры голос современного художника слова — главная сила книги Виктора Рассохина. К этому можно добавить, что в ней есть ряд очень весомых произведений, обращённых к теме военного и послевоенного детства («Объезчик»), оригинален и цикл «Комаровская тетрадь»...

Поэт лучше говорит тогда, когда он не форсирует голос, но как бы вбирает в себя думы народные, когда в его голосе звучит затаённая, но громадная боль всего народа, остро переживающего беды государства — свои горькие потери. Тогда и малый штрих в фактуре стихотворения вырастает в самый значительный и веховой символ, — таково, например, стихотворение «Афганец», представляющееся мне одной из самых драматических страниц в книге:

Это ветер, такой горячий,
Беспощаден его прилёт.
Под песок всё живое прячет
И по спрятанному метёт.

Не страшны ему расстоянья,
Пролетает в любой конец.
Ледяное его дыханье
Знают Вологда и Елец.

К несчастью, знают... Не мало я читал стихотворений на эту тему, но мало знал таких, в каких столь же просто, безыскусно и в то же время мастерски было сказано бы о трагедии наших дней, пережитой всей страной.

В новой, итоговой книге Виктор Рассохин показал себя как подлинный художник-гражданин. Дарование его созрело, окрепло, набрало силу, стих обогатился многими новыми красками и мелодиями, стал упругим и мускулистым, с опорой на свежесть чувств земных и выстраданных мыслей.

ОТЗЫВЫ, ПОЖЕЛАНИЯ, РЕЦЕНЗИИ

Дорогой Виктор Васильевич!

Вашу «Капель» я получил. Большое спасибо. У меня нет возможности разбирать книжку подробно. Ознакомившись с нею, я могу сказать Вам одно: идёте Вы в правильном направлении, а это главное. Для дальнейшего роста Вам нужно глубже смотреть в суть явлений. Сейчас Вы схватываете пока то, что сразу бросается в глаза.

Второй этап всегда бывает трудным, но Вы преодолеете его, если не будете давать себе спуску.

Привет и самые лучшие пожелания.

25.09.68 *Н. Рыленков.*

Н.И. Рыленков (1909-1969) — известный поэт и прозаик, земляк М.В. Исаковского и А.Т. Твардовского.

Дорогой Виктор Васильевич!

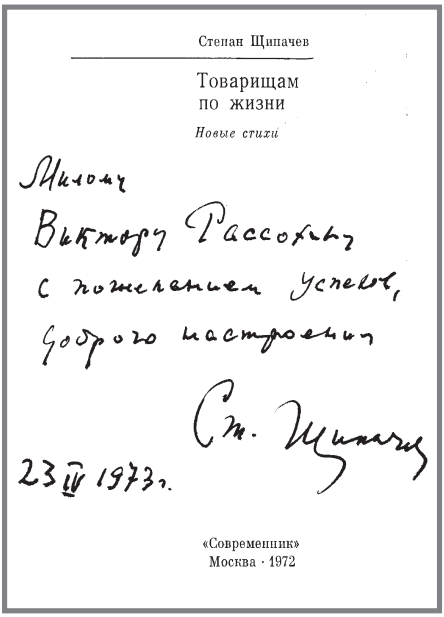
Спасибо за книгу, за капель, за звенящие ручьи в ней, и за добрые слова поздравления меня с днём рождения. Желаю Вам новых успехов.

17.01.1969

Ваш
Степан Щипачёв

С.П. Щипачёв (1898-1980) — тонкий лирик, автор пронзительных стихов о любви, о природе, о романтике и трагизме жизни. Его перу принадлежат поэмы «Наследник», «Звездочёт», «Высокое небо», повесть «Берёзовый сок». Его книги «Ладонь», «Красные листья», «Синева», «О Родине думаю» вошли в золотой фонд отечественной литературы.

В 1974 году поэт дал мне рекомендацию в Союз писателей СССР.


Степан Щипачев

Товарищам
по жизни

Новые стихи

Милому
Виктору Рассохину
с пожеланием успехов,
доброго настроения
Ст. Щипачев
23 IV 1973 г.

«Современник»
Москва · 1972

Уважаемый Виктор Васильевич!

«Золотая кувшинка» написана хорошо, но уж слишком неэкономно. Подумайте. Не бойтесь сокращать. А там поглядите. Может быть и предложите какому-нибудь журналу. Я, к сожалению, Вам не помощник. Болею и в городе почти не бываю.

С приветом
Ваш Ст. Щипачёв.

P.S.

Рукопись возвращаю бандеролью.

15.04.1969

Спасибо, Виктор Васильевич, за «Золотую кувшинку», за то, «что кто-то в соловьиные владенья две белых жерди кинул для меня».

Желаю Вам всяческих успехов в работе.

25 янв. 1972 г. *Ваш Ст. Щипачёв*

Дорогой Виктор, спасибо за сердечную и складную телеграмму. В «Знамя» я заходил. Сказали, что со стихами Рассохина всё в порядке.

Желаю Вам в новом году новых успехов.

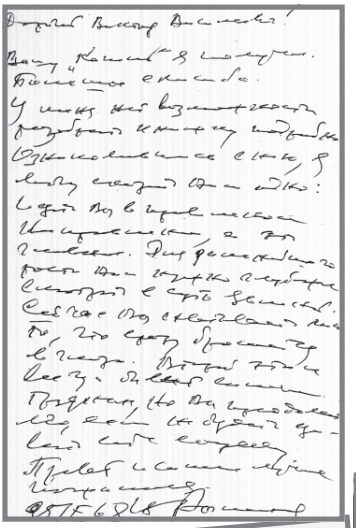
С.Щ.

Виктор Васильевич!

Спасибо за бандероль с интересным альбомом Щербакова, с журналом «Урал», с подборкой стихов. Стихи просмотрел, хотя читать почти что не могу. Лучшие из них, пожалуй, всё же то, что было напечатано в уральском журнале.

С приветом

2.6.1973 г. *Ст. Щипачёв*



Спасибо, Виктор Васильевич, за книгу «На ветру». Поздравляю Вас с её выходом в свет. Хороша строфа:

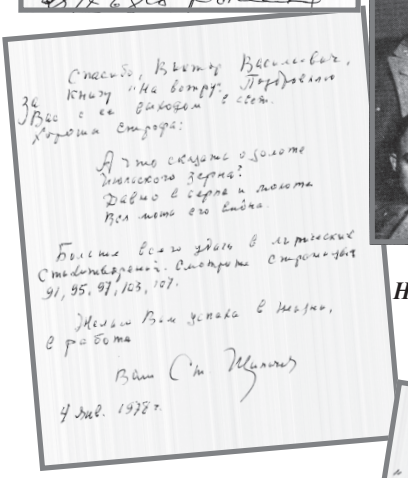
А что сказать о золоте
Июльского зерна?
Давно в серпе и молоте
Вся мощь его видна.

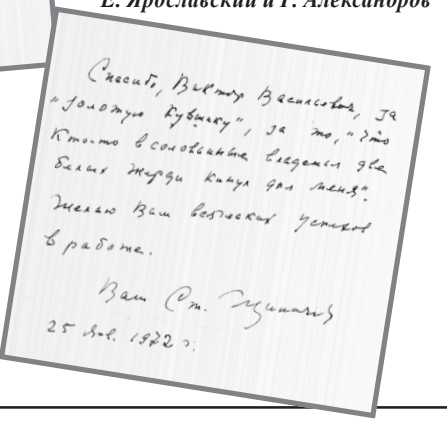
Больше всего удачи в лирических стихотворениях. Смотрите страницы : 91, 95, 97, 103, 107.

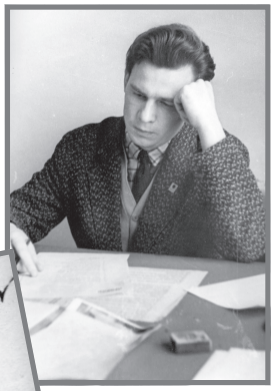
Желаю Вам успеха в жизни, в работе.

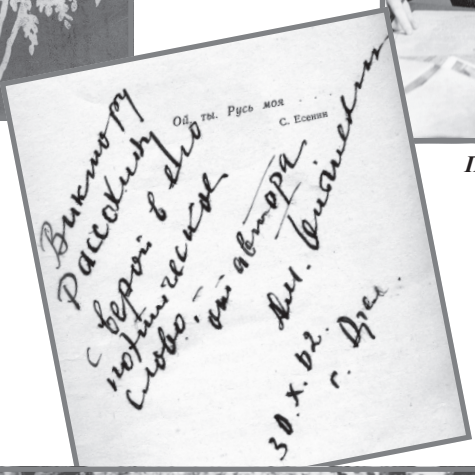
Ваш Ст. Щипачёв
4 янв. 1978 г.

Москва, ЦДЛ, декабрь 1941-го. На снимке: С. Щипачёв, К. Симонов, М. Слободской. А. Фадеев, А. Корнейчук, Е. Ярославский и Г. Александров









Поэт на родной земле

Новые стихи. Валентин Берестов, Василий Катанов, Александр Бельский и автор

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ СТИХОВ «НА ВЕТРУ»

Средняя полоса России!.. Мы ещё не успели полностью произнести эти слова, как уже опережая звуки, перед нашим мысленным взором «разметнулась ровнем-гладнем» древняя и молодая российская земля! Много бед и невзгод над ней пролетело! Но с годами заживались раны земли. Снова вспыхивала на солнце чешуйчатая рябь заливных лугов, отливали голубизной ветровые начёсы пойменных трав, пружинила под ветерком бронзогривая пшеница, звенели золотые колокольчики овса...

В центре этой мирной картины стоит Человек — труженик и хозяин своей земли...

Так кратко можно сказать о содержании новой книги стихов «На ветру» орловского поэта Виктора Рассохина. Читаешь его новые стихи и чувствуешь, что традиционные русские размеры стиха, а В. Рассохин работает именно в пределах этих размеров, начинают все больше и больше «слушаться» автора. В. Рассохин не стремится выходить за рамки избранной ритмики, да в этом и нет особой нужды. Стихи его строятся просто, звучат естественно. Радует в них и то, что автор всегда откровенен с читателем, а откровенность — это черта характера. Общеизвестно, что если в стихах нет авторского лица, авторского характера, то нет и самих стихов.

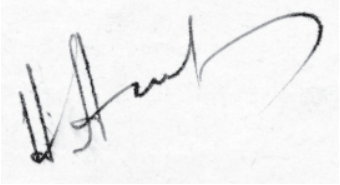
Почти каждое стихотворение В. Рассохина — это малень-

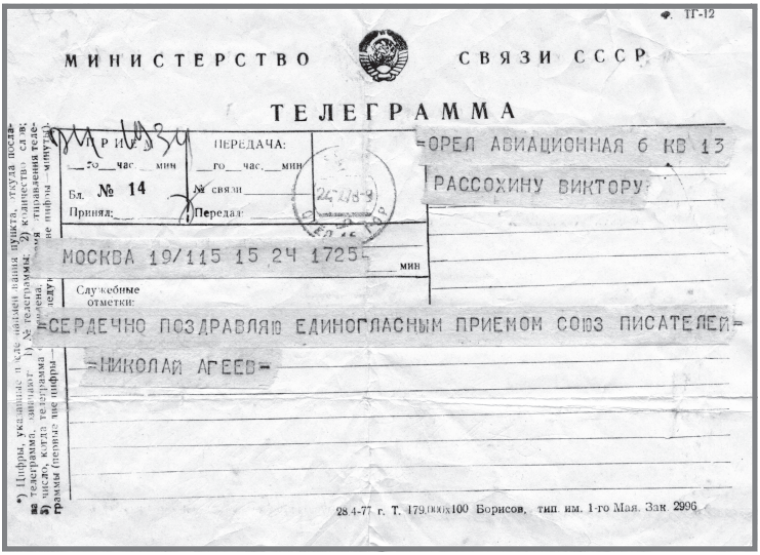
кий рассказ о человеке. И не абстрактном, а конкретном, как например, Фёдор Павлович Аверкин, участник боёв на Халхин-Голе. Не пугают В. Рассохина и бытовые детали, хотя они порой и «заземляют» заметно стихотворение. Не дают ему набрать поэтическую высоту и силу. Но это область литературного опыта, который заметно прибавился в стихах новой книги, по сравнению с его предыдущими двумя сборниками — об одном из них мне в своё время довелось сказать несколько на страницах «Рабоче-крестьянского корреспондента».

Николай Агеев

Новая книжка стихов Виктора Рассохина вызывает у меня добрые чувства. Надеюсь, что она не разочарует и читателя.

1 марта 1973 г.





Ф. ТГ-12

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР

ТЕЛЕГРАММА

ПРИЕМ: ___го___час___мин

ПЕРЕДАЧА: ___го___час___мин

Бл. № 14

№ связи

Принял:

Передал:

=ОРЕЛ АВИАЦИОННАЯ 6 КВ 13

РАССОХИНУ ВИКТОРУ

МОСКВА 19/115 15 24 1725 мин

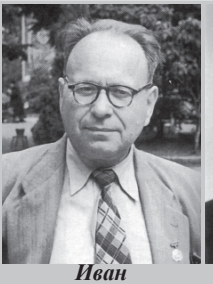
Служебные отметки:

=СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ ЕДИНОГЛАСНЫМ ПРИЕМОМ СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ=

=НИКОЛАЙ АГЕЕВ=

28.4-77 г. Т. 179.000х100 Борисов, тип. им. 1-го Мая. Зак. 2996

РЕДАКТОРЫ «ОРЛОВСКОЙ ПРАВДЫ», ТЕПЛО ВСТРЕЧАВШИЕ АВТОРА

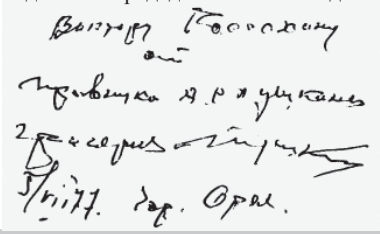


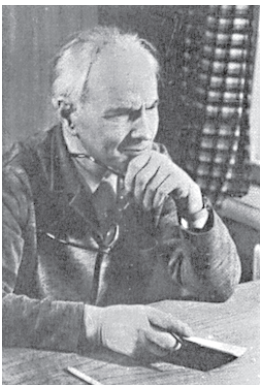
Иван Михайлович Патенков

Сергей Владимирович Коробков

Анатолий Сергеевич Кононыгин

Григорий Григорьевич Пушкин в хранилище рукописей ИРЛИ (Пушкинского дома) изучает дневник прадеда. Фото 1973 года





Писатели-фронтовики Степан Петрович Щипачёв, Леонид Николаевич Афонин и Евгений Александрович Зиборов, давшие автору рекомендации в Союз писателей СССР

ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ ТАК...

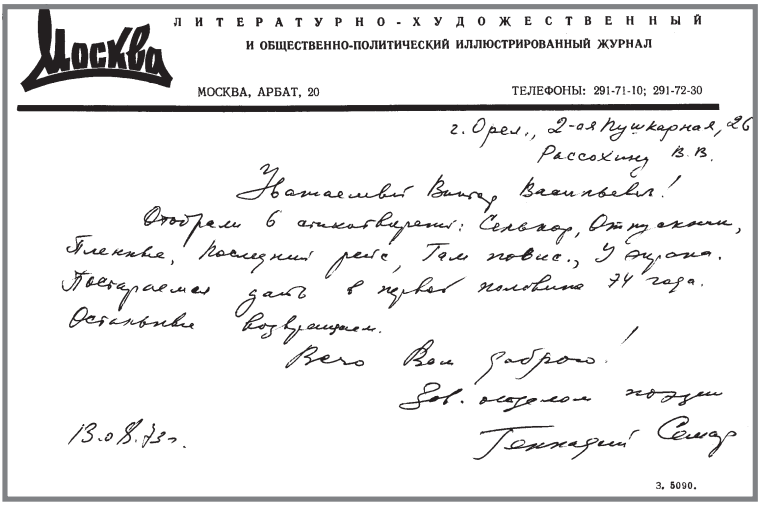
В «Клубе поэзии» — Виктор Рассохин, Виктор Дронников, Анатолий Шиляев, Виктор Шохин, Юрий Молозев. Читает стихи Александр Логвинов

Авторский взгляд на Великий праздник

* * *

«П О Б Е Д А !» — в мире пронеслось!
И засветились всюду лица!
Сломалась дьявольская «Ось»,
А с нею — вражья колесница.

ЖУРНАЛЬНЫЕ ВЕСТИ



Москва

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

МОСКВА, АРБАТ, 20 ТЕЛЕФОНЫ: 291-71-10; 291-72-30

г. Орел., 2-ая Пушкарная, 26
Рассохину В.В.

Уважаемый Виктор Васильевич!

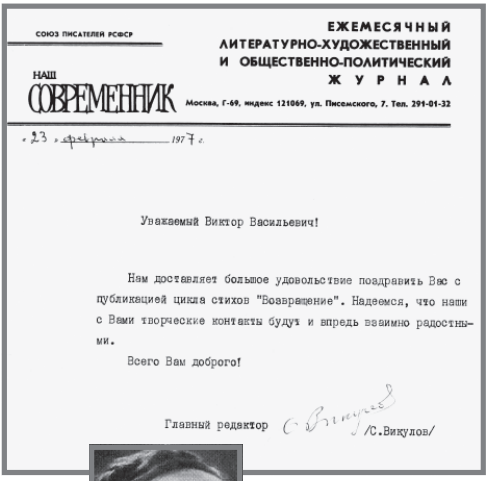
Отобрали 6 стихотворений: Сельхоз, Отпускник, Пленные, Последний рейс, Там повис., У экрана. Постараемся дать в первой половине 74 года. Остальные возвращаем.

Всего Вам доброго!

Зав. отделом поэзии

13.08.73 г. Геннадий Семар

3. 5090.



СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

НАШ СОВРЕМЕННИК

Москва, Г-69, индекс 121069, ул. Писемского, 7. Тел. 291-01-32

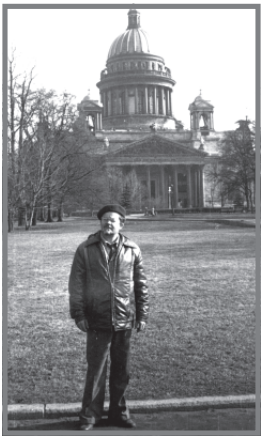
«23» февраля 1977 г.

Уважаемый Виктор Васильевич!

Нам доставляет большое удовольствие поздравить Вас с публикацией цикла стихов "Возвращение". Надеемся, что наши с Вами творческие контакты будут и впредь взаимно радостными.

Всего Вам доброго!

Главный редактор /С.Викулов/



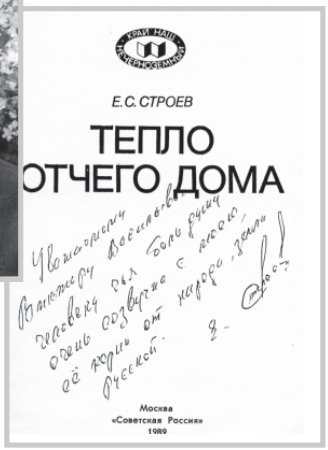
К Пушкину. Ждут читатели Северной Пальмиры и архивы

Сергей Васильевич Викулов

Посланцам далёкой страны подарены книги.

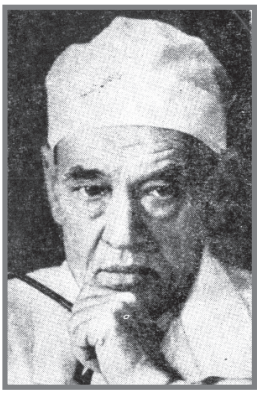
Встреча с афганцами

Отзыв губернатора области о творчестве писателя



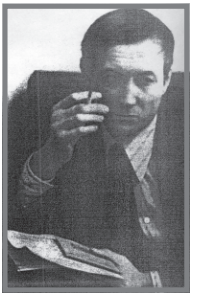
Профессор Анатолий Николаевич Трофимов — отличный собеседник и знаток Орловского края

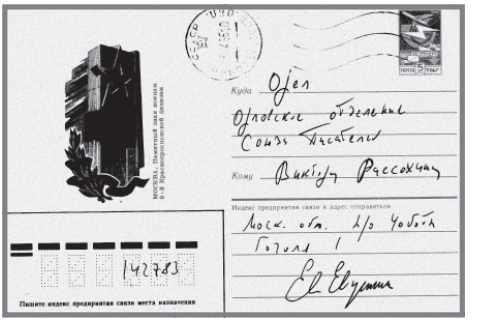
ВЕСТОЧКА ОТ АКАДЕМИКА ФЁДОРА УГЛОВА

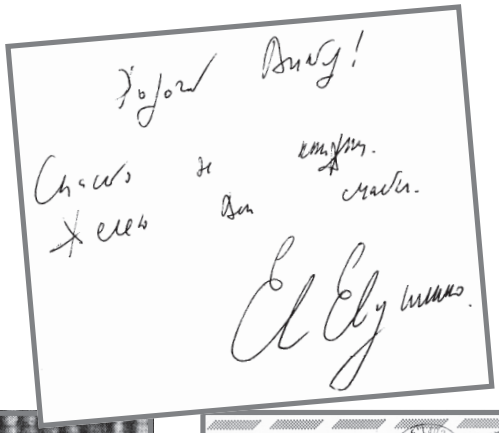


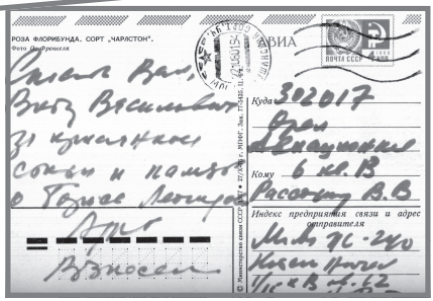
Дорогой Виктор Васильевич!
Спасибо Вам большое и за Вашу трагическую книгу и за письмо.
Ваши стихи нам очень импонируют, они очень лиричны, Вы так красиво и с любовью говорите о природе, о Родине и в Ваших стихах чувствуется и боль за нее и гордость за наш народ.
Мы очень рады, что познакомились с Вами.
Сердечный привет Вам от Эмилии Викторовны.
Искренне Ваш Угл
28.VII.83

ПИШУТ СОБРАТЬЯ ПО ПЕРУ









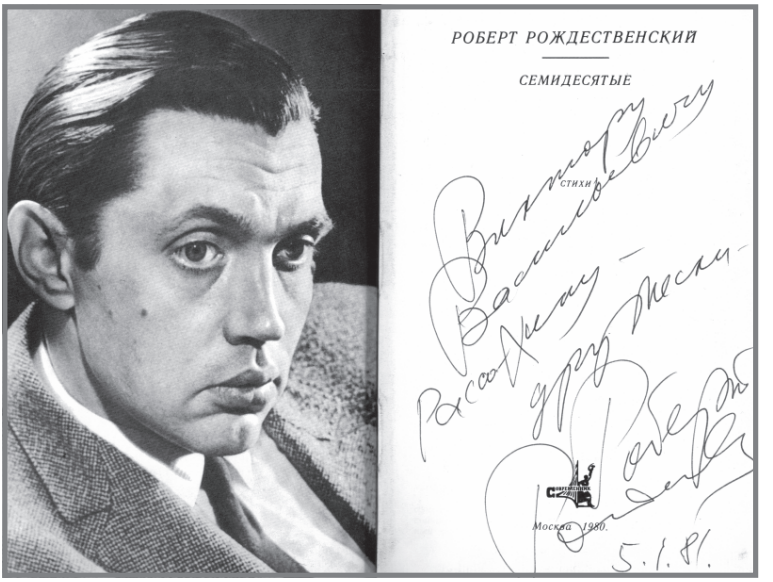
В ПЕРЕДЕЛКИНО

Борису Леонидовичу Пастернаку

Гудкам спешащих электричек
Не заглушить концерт дроздов.
А он лежит под гомон птичий,
Не слышит ранних поездов.

Теперь под хвойными ветвями
Своё есть место на земле,
Где профиль дерзкий в серый камень
Вмят над его факсимиле.

У изголовья речка Сетунь,
Сквозь ветви светят купола.
И мысль его летит по свету —
Россия крылья ей дала.



ЮБИЛЕЙ ТУРГЕНЕВА

Люду на сцене
почтенная сотенка.
Что ни оратор —
потоки воды.
Как коротеньки
«Записки охотника»,
Как же о них
многотомны труды!

ТВОРЧЕСТВО ОКРЫЛЯЕТ...

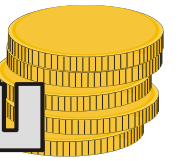
Редактор газеты «Орёл-Курьер» Андрей Агашков и Сергей Рассохин, чьи работы регулярно печатались в газете

Подготовительная поездка к 50-летию Железногорска и МГОКа. Слева — труженик комбината с 30-летним стажем И.Ф. Коростелёв

ГОСТЬ С КАВКАЗА

Орёл. Чеченский художник Ваха Дадаев и автор очерков о Кавказе Сергей Рассохин.

МОНЕТИЗАЦИЯ ДУШ



Капиталистический уклад общества, накрывший Россию, словно «цунами» экономическо-рыночных преобразований, очередной раз подтвердил людское хищничество, действующее методом естественного отбора.

Но, если естественный отбор ассоциируется с краткостью и «болячками» человеческой жизни, с внешними факторами и политикой государства, то неестественный отбор отдаёт откровенным провокаторством и предательством своих своими же...

Мудрость — «Свои опасней ворога» — раскрывает не только русскую пантомимность и коварство, но и урезонивает «обрусевших» паспортистов, выведших за пределы лица личности графу «национальность». Ряд принятых законов последнего десятилетия, как и само поведение и точка зрения «народных избранников», обнажили донельзя виток узурпаторства и инквизиции под личиной «цивилизованной демократии». Откуда же сие паразитство и бездушие прилетели на нашу Землю? Почему «перевёрточнооть» и «перекрашивание» стали модными и отчего повсеместно царит полнейшая безответственность власть придержащих перед родным народом???

Люди, родившиеся на одной земле, воспитанные общими канонами, войной, репрессиями, голодом, послевоенным строительством и целиной, проявляют подсудную изобретательность, не давая дожить спокойно тем, кто заслужил Эльдорадо своими ратными и трудовыми подвигами.

Конечно, одиноким старикам из глубинки монетизация греет стол, руки и душу. Многие пенсионеры и ветераны уважают президента, потому что «раньше было хужей». А что делать тем, кому жизненно необходимо передвигаться в больницы райцентров еженедельно? Как поднимать землю и сады дачникам, на чём ехать на рыбалку малоимущим? И так разорвали родню во всех направлениях, душат ценами за проезд и ростом почтово-телефонных услуг — где же стыд перед отцами и матерями? Или

повзрослевшие дети из инопланетной «капусты» вышли? Каким эпитетом можно окрестить тех, кто отбирает жалкую подачку государства, и реально ли вообще для этих нелюдей — крестное знамение?!

Категория приспособленцев, катающаяся на седине, терпении и кроткости предков, рановато подзабыла, КОМУ ОБЯЗАНА жизнью и свободой. Диктаторский новогодний удар, спланированный и введённый тихой сапой («Авось,проскочим!»), символизирует и изобличает того, кто не достоин приближаться к законодательству даже на десять миль...

«Январско-февральские льготные бунты» останутся в истории Отечества синонимом предательства сограждан избранными ими же лжепатриотами. Весь положительный задел В.В. Путина в одночасье забыт. Думается, если бы не начало года и финансово-организационная подоплёка жёстко-карательных мер, он распустил бы кабинет министров и прочих «изгадников»...

Судьба людей, транспортных артерий и подвижного состава общественного транспорта действительно тяжела, но не настолько, чтобы санкционировать гражданско-социальный кризис, революционную ситуацию или возможность использования людских ресурсов в политическо-корыстных целях.

Меры, принятые самоуправленцами регионов, доказали, что местная власть более внимательна и уважительна к соотечественникам. Однако общая горькая обида и сверхэмоциональное возмущение остались затаены, а общее лицо правительства для многих ненавистно, несмотря на «антибунты» в поддержку монетизированных реформ...

Единение общества, провозглашённое разобщителями единения, их метания и вальсирование от страха перед отставкой и роспуском, показали интриганство, подхалимаж, нездоровую кулуарность и флюгерманство «сверхозабоченных» кремлёвско-думских фарисеев.

Не пора ли нашему издёрганному в быту населению более серьёзно относиться к выборам, дабы потом не кричать о вотуме недоверия и не радовать себя и детей полгрошовой медью?

Неужели и сегодня желудок и матблага перетягивают сердце и разум на весах жесточайшего противостояния Добра и Зла???

Январь — февраль 2005 г.,
Орёл — командировки по ЦФО РФ,
«По ухабам Отечества» («Путевые заметки»).

ОБОЛЬГОТИЛИСЬ

Детки! Мчитесь вы в деревеньки
С рюкзачками и без забот.
Говорите: — Берите деньги!
Отрекитесь от всяких льгот.

И все бабушки и дедули,
Собирая «пустой» дензнак,
Говорят: — Если нас надули,
Мы вас выручим, коли так...

И берут сыновья десятки,
Дочки тоже не в стороне.
Значит, что-то здесь не в порядке.
Если едут на седине.

Мускулистые, вроде, парни,
Маникюрная дочерня.
Почему вы неблагодарны —
Раньше сгорбилась вся родня!

Почему вы так безъязыки.
Почему вы — трусливей пса?!
Заявите Москве великой,
Что тускнеет её краса.

Пусть она не грозит спецназом,
Пусть она не встаёт в щиты.
Весь народ — не удушишь газом.
Весь народ — это я и ты!

7 февраля 2005 г.
Из цикла «По ухабам Отечества».

«ЗАСТУПНИЧКИ»

Налоговой программою,
Зажав детей и старцев,
Бюджет слоновий сшамают —
И будут улыбаться

В газете, на экранчике,
В воскресных передачах,
Коньяк хлеща в стаканчики
На загородных дачах.

Какое там Завидово?
Там БУНКЕРА в натуре!
Им вождь бы позавидовал
И опочивший фюрер.

ОШИБЛИСЬ

Питона приняли Макаки,
Чтоб в партии исчезли драки.
Исполнил просьбу их Удав:
Всё стадо, в сущности, сожрав.
Но не всеяден даже гад:
Не съел газету «Красный зад».

ЛЕЧЕБНЫЙ БИЗНЕС

В «нардных аптеках» звериные цены —
Владельцы плюют на труды Авиценны.
И что им болезни? Им надобен куш:
Качать день и ночь из доверчивых душ.
Ловки «фармацевты» при белых халатах,
Они, как двойняшки, в России и Штатах.
В очках, при валюте, спецы по-латыни,
А бедный больной — стал беднее отныне.

Дмитрий Юрьевич Соколов — редактор нижегородской газеты «Рыбалка круглый год». Он автор многих книг и статей по любительскому и спортивному рыболовству. Благодаря его личному вниманию вышли в свет тысячи материалов российских рыбаков. Предлагаем вашему вниманию один из рассказов защитника Природы.

Трофей сезона

КРАЖА

Ночью Петровича обманула луна. С вечера было пасмурно, и когда из-за занавесок стал пробиваться свет — Петрович подумал, что уже утро и спустился с тёплой печи. Включив свет и с удивлением отметив, что ещё слишком рано даже для такого законченного рыболова как он, Петрович накинул куртку и вышел на улицу. Полная луна выглядывала из-за проплывающих мимо облаков, обливая заснеженную Акулиху своим загадочным сиреневым светом. Было так светло — хоть сейчас на реку иди, но декабрь не июнь, до восьми делать на реке нечего. Поняв, что его обманули, Петрович вернулся в дом и включил чайник. Чайник был новым. Прежний вместе с кой-какими другими вещами у Петровича недавно украли, взломав немудрящий замок его деревенского жилища, пока хозяин был в городе. На улице Петро-

вича постоянных жителей почти не осталось, дачники давно разъехались, так что место это зимой было безлюдным. Чем и воспользовался вор.

Человеку свойственно находить «плюсы» и выгоды в любых ситуациях. Петрович решил, что отсутствие украденной магнитолы позволит ему теперь больше читать; канистра давно подтекала и требовала замены; тяжелый армейский бинокль был обузой в походах; мясным консервам из запаса, верно, давно вышел срок; у чайника была отколота ручка, что делало неудобным разливание кипятка... Украденные вещи были ценны не сами по себе — вместе с ними исчезло ощущение «мой дом — моя крепость». Оказалось, что кто-то посторонний и чужой мог вот так запросто войти к нему грязными сапогами в дом и в душу и навести там свой, не согласованный с хозяином порядок. Интересно, что вместе с вещами, имевшими прикладное назначение, а стало быть, имеющими какую-то рыночную стоимость, был украден двухтомник Шекспира, что характеризовало вора как человека, не лишенного интеллектуальных запросов. «Почему Шекспир? — ломал голову Петрович, разглядывая книжную полку, — почему не Пушкин, Толстой, Писемский, Хемингуэй, Гессе, Маркес?..» В милиции, наверное, эта деталь существенно дополнила бы психологический портрет преступника, но в милицию Петрович не обращался. Местная милиция, в лице пожилого участкового никогда ничего не находила, за исключением тех случаев, когда дело было более чем очевидным. Это только в кино дотошный деревенский детектив Анискин раскрывал преступление любой сложности; в жизни, как обычно, все было совсем по-другому.

Установив, говоря казённым языком, факт кражи, Петрович поменял навесной замок на входной двери, приспособил на внутренней двери замок дополнительный для самоуспокоения и дал себе слово забыть о происшествии как можно быстрее. Однако помимо своей воли постоянно возвращался мыслями к печальному событию и сопоставлял факты. В качестве улики вор оставил два окурка, брошенных не абы как, а заботливо помещённых в банку из-под кофе. Это выдавало, на взгляд Петровича, и неопытность преступника, и его возможную связь с хозяином. Станет ли незнакомый, «залётный» человек беспокоится о порядке в доме, который он ограбил? Вряд ли. Бросит окурки на пол, конечно, да еще разотрёт ногой по светлому линолеуму. Хотя, такой интеллигент, который читает Шекспира, возможно, и не станет. И книги, и

чайник, и продукты вор мог взять и для личного использования, а вот бинокль, магнитола и спиннинговая катушка были, очевидно, предназначены к продаже. Шинков, торгующих самогоном и принимающих в уплату за отраву самые разные вещи, было в Акулихе куда больше, чем официальных магазинов. Но идти по ним казалось Петровичу занятием бессмысленным: кто отдаст вещь, принятую в уплату за самогон? Кто такой ранимый, что добровольно расстанется с обновой, выслушав душещипательный рассказ Петровича? Кто «сдаст» приезжему (хоть и примелькавшемуся за пару последних лет) горожанину своего шабра-акулихинца? — вариант с обходом шинков отпадал. В активе Петровича оставались два окурка «LD» с оригинальным прикусом, да надежда, что всё тайное рано или поздно становится явным.

За раздумьями Петровича, наконец, застал рассвет. Собравшись, рыболов навесил новые замки на старые двери и направился в один из дальних волжских заливов, где по слухам отменно брал окунь. В свой третий зимний акулихинский сезон Петрович уже прилично ориентировался в многочисленных волжских протоках, заливах и заливчиках, чтобы вот так, со слов соседа понять: куда надо идти чуть не час, чтобы найти стаю жирующего окуня. Впрочем, в феврале ведь как: вчера этот самый окунь показывал чудеса обжорства, хватая всё, что опускается в лунку, а сегодня может и «объявить голодовку» — дело тёмное. Но всё же Петрович надеялся на улов. Есть ведь что-то, что называется шестым чувством? Нет, приподнятое настроение, надежда на улов — это само собой. Но бывает же иногда, что идёшь и чувствуешь: сегодня всё по уму, всё складывается, всё «в кассу». В такие дни надо только почаще сплёвывать и стучать по дереву, чтоб ненароком не спугнуть капризную Удачу. Петрович был почти уверен, что ему повезёт.

Шесть километров до места прошёл на одном дыхании: свежий встречный ветер напомнил ему о походе в этот залив прошлой зимой. Тогда — есть чем гордиться — в такой же сильный южный ветер попал Петрович на отменный окунёвый клёв. Горбачи в полкило весом наперебой хватали блесну, и Петрович не в состоянии укротить свой азарт поймал столько, что еле допёр потом улов до дома — ящик потяжелел на двенадцать килограммов. За этими приятными воспоминаниями Петрович незаметно добрался до места. Снега несколько дней не было, и он без труда нашёл разбуренный соседом «пятачок» — в доказательство

хорошего клёва окуня возле иных лунок виднелись пятна рыбьей крови. Сделав три лунки, Петрович опустил «чёртика» под лёд. На мотыля он уже два года не ловил, доверяя своим блёснам и безнасадочным мормышкам. А вот окунь, видно, мормышкам и блёснам Петровича в тот день не верил: подойдёт, стукнет, и — сколько не сиди — больше ни гу-гу. Перемену погоды почувствовал полосатый или успел наесться накануне — не брал. Петрович крутился на «пятачке», бурил новые лунки, менял «чёртика» на «козу», «козу» на «медузу», а последнюю на блесну и уже начал вполголоса материться, когда к нему подошёл странного вида рыбачок.

Всё в этом смешного вида рыбачке было нескладно: слишком большой шарабан при маленьком росте; большие же, как-то криво сидевшие очки на скуластом изможднённом лице; шапка-ушанка, доживающая, видно, третий, уже не свой век; грязно-зелёные чуни с заплатами — одним словом, «мужичок-с ноготок».

— Клёв на уду! — приветствовал подошедший Петровича.

— Да какой там клёв — одно расстройство! — ответил тот.

— Не берёт?

— Стукнет — отойдёт, зараза такая.

— А я из Осиновского иду, такая же картина.

— Может, к обеду расклюётся...

— Это вряд ли: если с утра капризничает — хоть домой уходи — не расклюётся!

В этот момент Петровичу, наконец, удалось подсечь заигравшегося с мормышкой окунька, но до лунки он рыбу так и не довёл: на полпути она с крючка соскочила, решив, видно, пожить ещё и поднабрать веса, чтобы уже потом стать уловом Петровича.

— Тьфу ты, пропасть! — чертыхнулся рыболов, — надо же какая невезуха! А Сашка Бурлак вчера здесь же обловился...

— Я потому и пришёл сюда, — поддакнул сосед, уже устроившийся на одной из прежних лунок. — У магазина с ним вчера встретились — чуть не полный шарабан окуня у него был.

— Да, день на день не приходится, — философски изрёк Петрович.

У соседа совсем не клевало. Да и Петровичу вскоре надоело постоянно бурить новые лунки, и он решил попить чайку. Наполнив кружку дымящимся чаем из термоса, Петрович предложил её соседу.

В ожидании поклёвки...

— Спасибо, у меня свой «чаёк», — хихикнул рыболов и достал из-за пазухи полулитровую пластиковую бутылку. — Не желаете?

— Нет, спасибо, к местному самогону привычка нужна, а у меня её нет...

— И у меня её не было, — пошутил мужичок-с ноготок. — Но с волками жить — по-волчьи выть.

По трясущимся рукам, которыми новый знакомый управлялся с бутылкой, Петрович понял, что перед ним — горький пьяница. Прочитав жалость на лице Петровича, новый знакомый разоткровенничался.

— Я ведь тоже долго местных правил не принимал. Учителем английского сюда приехал. Ещё в 19... году. Думал: буду сеять разумное, доброе, вечное в этой глуши. Мысли какие-то были, себя мечтал на лоне природы усовершенствовать, знаниями с детишками поделиться... На кой им мой английский нужен - деревенским-то? Друг с другом общаться? Шекспира в подлиннике читать? Не нужен им ни Шекспир, ни Байрон, ни чёрт лысый, — сказанное, видимо, показалось учителю английского смешным, и он опять нервно прохихикал.

«Чего он, сочувствия моего ищет? — думал Петрович, — навязался на мою голову, учитель изящной словесности». Настроение по причине бесклёвья было пасмурным, как окружающий пейзаж. Не раз и не два Петрович вот так ни с того ни с сего становился «жилеткой» случайных людей, неверно истолковывавших его вежливость как повод поплакаться, или похвалиться, или поучить. «Надо сразу на хер посылать!» — в который раз пообещал себе Петрович, но, конечно, промолчал. «Англичанин»

же, восприняв молчание Петровича как согласие слушать, продолжил рассказ о своём нравственном падении.

— Через год стал я немного понимать, так сказать, в ситуации ориентироваться. Факультатив, на который два человека ходили — отменил, да и уроки стал вести уже без комсомольского задора. А зачем с задором, если никому ничего не надо? А мне оно надо? В общем, закрылся в себе, к работе стал формально относиться: пришёл -ушёл. Как все. Но сам ещё развивался: сроку моей ссылке ещё год оставался, так, думал, что вытерплю, в город вернусь — в аспирантуру попробую, шансы были... Но через год ни город, ни аспирантура, ни Шекспир в подлиннике были мне уже не нужны — ибо поддался я скуки ради старейшей русской болезни — окаянному пьянству. И много ли мне надо было, с моим-то здоровьем? За три месяца опустился: дома бардак, в школе проблемы, здоровье — хуже некуда. Растворила меня в себе деревенская жизнь, до конца растворила...

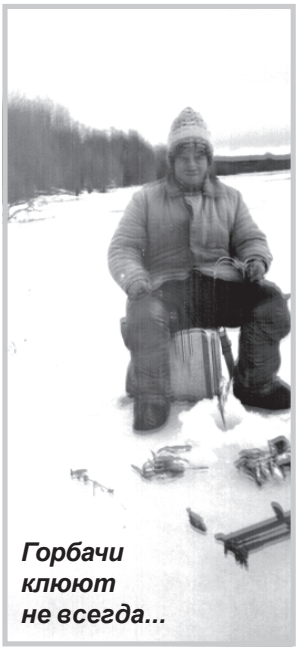
Петрович краем уха слушал исповедь нового знакомого, сам пытаясь соблазнить-таки на поклёвку хоть одного окуня. «Странно, а ведь было ощущение Удачи, — думал рыболов, — что ж, и на старуху бывает проруха, пора и до дома двигать...» Сосед, исповедуясь в своих грехах, отшвырнул окурок прямо к лунке Петровича — набрался уже отравы из своей бутылки. Петрович посмотрел на окурок... и застыл. Перед ним лежал окурок «LD» с двумя золотыми колечками у фильтра и смятый оригинальным прикусом. Точно два таких же «бычка» лежали у Петровича дома как неопровержимая улика, оставленная вором... Понадобилось долгих десять минут, прежде чем Петрович осознал происходящее, смог собраться и принять решение.

— А теперь слушай мой монолог, учитель, — глухо, но отчётливо произнёс Петрович. — Падение твоё было быстрым. Как человечишка бесхребетный, да ещё обиженный на весь свет, ты решил стать не ангелом, так хоть демоном. Пил, гулял напропалую с местными пьянчугами... Скоро тебя попёрли из школы, поскольку вёл ты себя и на уроках, мягко говоря, неадекватно. Хозяйство к тому времени совершенно развалилось, ждать дохода от огорода не было смысла, и пришлось тебе браконьерничать. Но это весной и летом хорошо рыбку ловить: тепло, светло, да и в сети она неплохо попадается... А что делать зимой? Всё, что получше — ты пропил, калымы выдавались не часто, да и брать тебя на калымы твои же друзья не всегда брали — что ты, «не-

срушный» интеллигент, руками-то делать умеешь? И придумал ты себе промысел, чтоб не руками, а головой: подламывать дома дачников и воровать у них всяческую утварь...

Услышав эти слова, бывший учитель дёрнулся, пытаясь подняться с шарабана, но Петрович, сдерживая дрожь, положил ему руку на плечо, давая понять, что тому надо сидеть и слушать. Пользуясь стопроцентной поддержкой аудитории, Петрович продолжал:

— Но никак не думал ты, учитель, что влезешь в дом не к дачнику, а к человеку, который и зимой в Акулиху приезжает. Что человек этот быстро узнает о краже. И что Судьба и Случай сведёт тебя с этим человеком в глухом-глухом заливе один на один... Прибить тебя прямо здесь, — и народ меня не осудит. Но мы сделаем по-другому. Я даю тебе, сука, один день срока. Если самое большее через двадцать четыре часа на заднем крыльце дома не будут лежать все вещи, которыми ты у меня разжился — пеняй на себя, многие пострадавшие захотят с тебя шкуру живьём содрать. Сейчас я, чтоб слова от тебя, филолог грёбаный, не слышал. Если меня понял — просто кивни головой.



Горбачи клюют не всегда...

Вор выдержал мхатовскую паузу и неуверенно кивнул. А затем, видно испугавшись, что Петрович его жеста не заметит, кивнул ещё раз — отчётливо. Петрович сложил бур, упрятал в ящик удочки, подошёл к англичанину и без размаха, но резко, как в армии учили, ударил — тот кубарем скатился с шарабана и остался лежать, справедливо полагая, что лежачего Петрович бить не станет.

— Извини, не удержался! — пожаловался Петрович и, добавив, — Шекспира не забудь, — пошёл к выходу из залива. В дальней дороге к дому Петрович думал о неисповедимых путях, о Судьбе и Случае, о теории вероятности, об Удаче и ещё о тысяче больших и малых вещей. На душе было легко.

Embassy of the United States of America

Москва, Россия

25 апреля 1995г.

Господину В.В. Рассохину
Новосильский переулок 4, кв.59
Орел 302030

Уважаемый Виктор Васильевич!

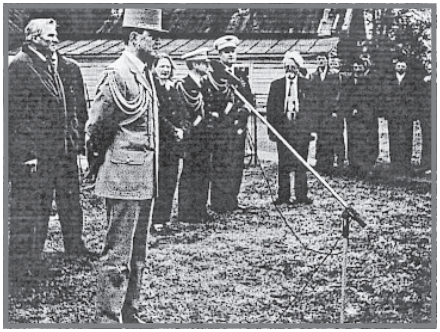
Г-на Посла сейчас нет в Москве, но он попросил меня поблагодарить Вас за Ваше письмо от 12 марта и за экземпляры Вашей книги "Шапка Мономаха". Уверен, что американские университеты, которым Вы адресовали Вашу книгу, также были рады ее получить.

Что касается Вашего желания встретиться со студентами в американских университетах, то я с удовольствием помогу Вам с получением визы, если у Вас есть приглашение от конкретной организации. Если у Вас нет такого приглашения, я попробую связаться от Вашего имени с университетом, который Вы мне рекомендуете.

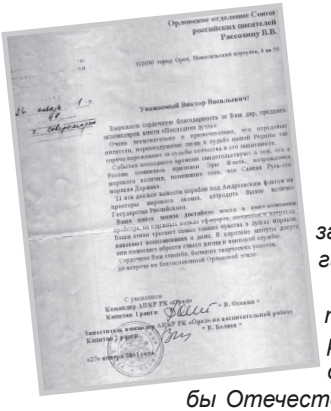
Вы можете позвонить мне по телефону (095) 956-4456.

С уважением,

Пол Р. Смит
Атташе по Культуре



Французская делегация в составе бригадного генерала Жиля Галле, военно-воздушного атташе Франсуа Мезюра и подполковника Пьера Катто почтила память героев «Нормандии» в Знаменском и Мценском районах Орловской области. 23 апреля 2004 г.



Орловское отделение Союза
российских писателей
Рассохину В.В.

302030 город Орел, Новосильская площадь, 4 кв 59

Уважаемый Виктор Васильевич!

Выражаем сердечную благодарность за Ваш дар, тридцать экземпляров книги «Последняя дуэль».

Очень знаменательно и примечательно, что передовые писатели, неравнодушные люди к судьбе нашей Родины так горячо переживают за судьбы Отечества и его защитников.

С уважением,
Командир АПРК РК «Орёл» « » В. Осекин »
Заместитель командира АПРК РК «Орёл» по воспитательной работе « » В. Беляев »

«27» января 2001 года

Орловское отделение Союза российских писателей Рассохину В.В.

Уважаемый Виктор Васильевич!

Выражаем сердечную благодарность за Ваш дар, тридцать экземпляров книги «Последняя дуэль».

Очень знаменательно и примечательно, что передовые писатели, неравнодушные люди к судьбе нашей Родины так горячо переживают за судьбы Отечества и его защитников.

События последнего времени свидетельствуют о том, что в России появились признаки Эры Флота, возрождения морского величия, понимания того, что Святая Русь — это морская Держава.

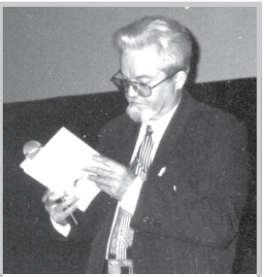
21 век должен вывести корабли под Андреевским флагом на просторы мирового океана, возродить былое величие Государства Российского.

Ваша книга заняла достойное место в кают-компании крейсера, на книжных полках офицеров, мичманов и матросов. Ваши стихи трогают самые тонкие чувства в душах моряков, навевают воспоминания о доме. В короткие минуты досуга они помогают обрести смысл жизни и воинской службы... Сердечное Вам спасибо, больших творческих успехов, до встречи на благословенной Орловской земле.

С уважением,
командир АПРК РК «Орёл» капитан 1 ранга В. Осекин,
заместитель командира АПРК РК «Орёл»
по воспитательной работе капитан 2 ранга В. Беляев.

27 января 2001 года.

Морские офицеры в Орле. Флоту быть!



Выступление в кинотеатре «Победа»

12.10.2000г.

к №Дз-Р-5944
от 27.09.2000г.

Члену Союза Российских писателей, делегату писательских съездов России, участнику Международной конференции «Пушкин и Тургенев»

Рассохину В.В.

302030, г. Орел, Новосильский пер., д. 4, кв. 59.

Уважаемый Виктор Васильевич!

Ваши публикации реквиема экипажу подводного атомохода «Курск» «Безответное SOS» и рассказа о легендарных водителях времен Великой Отечественной войны «ЗИС» заслуживают большого внимания и широкого круга читателей. Спасибо Вам за память о погибших российских героях.

Публикации направлены в областные издания - газеты «Курская правда» и «Курск», - чтобы куряне вслед за орловчанами смогли познакомиться с этими замечательные строками памяти о подвиге во имя Родины.

Огромная благодарность и за стихотворение «Входя в пике...».

Надеюсь, что и в дальнейшем Вы будете радовать нас произведениями своего поэтического и прозаического творчества.

С уважением,
А.Попов.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ПРЕЗИДЕНТІНІҢ ӘКІМШІЛІГІ

473000, Астана қаласы, Бейбітшілік көшесі, 11

№ 18-17/59

АДМИНИСТРАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

473000, г. Астана, ул. Бейбітшілік, 11

199 __ жылғы

« 18 » февраля 1999 г.

**Российская Федерация,
г.Орел,
Новосильский пер, д.4,кв.59,
Рассохину В.В.**

Уважаемый Виктор Васильевич!

Нурсултан Абишевич Назарбаев поручил мне выразить Вам признательность за переданную ему в дар Вашу книгу, добрые слова в его адрес.

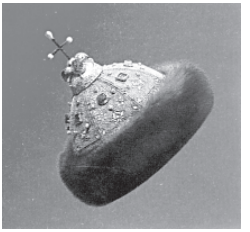
Вопрос об издании книги в нашей стране по возможности будет решен, поскольку в Казахстане, который в свое время посещал А.С.Пушкин, готовятся широко отметить 200-летие великого поэта.

Желаю Вам творческих успехов, счастья, благополучия.

Пресс-секретарь Президента

Асылбек Бисенбаев

ПИСАТЕЛЬ И ВЛАСТЬ



Отрывок из историко-документальной повести «ОСЛЕПЛЁННАЯ РОДИНА» (печатается в авторском сокращениии)

(Развенчание творческо-идеологических мифов манипуляторов сознанием и жизнью общества)

Непреподаваемые основы критического знания жизнеустройства и истории цивилизации, посетившие непродажные умы дальнозорких просветителей всех времён, содержат в себе внепритчевые догмы, первой из которых стоит нереальность стыковки истинных пророков с властью. Катапультирование в скрижали небытия передовых умниц Планеты, оставшихся бессмертными в отличие от их узурпаторов, прокураторов, цензоров, идеологов и палачей, не перестаёт функционировать и сегодня из-за падшей трусости создателей дьявольского молоха, уничтожающего яркость свободомыслия положительных индивидуумов.

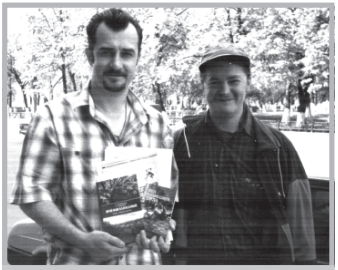
Чтобы цементированно уяснить верность редко озвучиваемой непечатной правды, гражданам и гражданкам сего мира достаточно бегло изучить противостояние противоборствующих Союзов Добра и Зла с момента появления Гомо Сапиенса на Земле.

В начале было не слово, а разум первооткрывателя, распространивший многоязыковую словесность по континентам и прочей твердыне. За грехи естества, мыслесложения и язычность, слово власти и религий губило разумы бесконечностью войн, революций, эпидемий, бунтов, реформ и репрессий. Дополнением к естественному отбору возникли кланово-кастовые взаимоотношения, действовавшие силой, страхом, подкупом, предательством и фальшивой материальной благостью, делавшей Человека Чудовищем независимо от крови, нации, расы и вероисповедания. Государство под любым флагом при любом строе провозглашало (и будет провозглашать) величие устремлений своих народов под теми или иными гипнотичекими перлами, дабы пора-

У Галины Васильевны Жуковой, редактора троснянской газеты «Сельские зори», смелости и гражданской позиции надо учиться многим мужчинам - редакторам СМИ.

бощать и истреблять себе подобных в призме геополитических античеловечно-реваншистских утопий. Мыслители выступали против — их вновь не слышали, травили пороками и нищетой, выдворяли в международное пространство, убивали цензурой, непечатанием, дуэлями, ядами, кандалами и религиозной анафемой, в случае, если власть чтила и боялась Богов...

Патологическая до тика боязнь «неронствующих» субъектов перед «нострадамусами» обуславливалась их мистическим страхом выворачивания нутра публично в глазах и умах нещадно эксплуатируемой массы трудящихся, живших и погибавших для обеспечения здравствия еженедельных перевёртышей, без разницы — под короной или кепкой. Культивируя безграмотность и забитость населения, либо переучивая его согласно вновь рождённой идеологии диктаторскими правопорядками, власть обожала вооружаться против безоружных и раставлять акцент для движения в будущее, в котором видела только себя и своих нередко ущербных потомков. Европа, Азия, Африка, Америка, Австралия и Океания хранят «Джомолунгму Тайн», и всюду... прессинг и битьё лидеров, опережавших мыслью-строкою Время! И ЧТО ЖЕ??? Большинство энциклопедий на всех языках не донесли своим фактажом обязательной морали и жизненной позиции писателей — их знакового удаления от властной кормушки (по Р. Гамзатову — «Поэты, не ходите на пиры!»; по-авторски: «Исчез писатель в блюде и столице, / Продав народ, как новый переплёт...»).



Талантливый журналист Андрей Агашков и Сергей Рассохин — штурмующие пером косность и беспредел бытия.

Методологическая мифообразность стареющей в деградации власти и её суперинтриганской камарильи разрабатывалась

с древнейших веков до нашей и в нашу эры, и могла видо-цвето изменяться по законотворческому процессу лжи, укрепляющему мифообразователей в тронах до одра. Удавническая инквизиция, перлюстрируя, сжигая, вешая, гильотинируя и расстреливая прямых и косвенных обличителей заматерелого спокойствия власти, задавила на том пути ох как многих. Яд для идущих впереди не имеет сроков сохранности, когда Дьявол становится монахом, — полистайте, ради интереса, историю...

Приоритет власти перед свободномыслящими художниками, не желающими творить под контролем, сокрыт в их столкновении на этапе реализации проектов, то есть в финансировании многолетних наработок, представленных для общества к установке труда на типографский станок, не работающий без гослицензии. В полной мере сие относится к самостоятельным в творчестве — композиторам, художникам, прикладных дел мастерам, к не более как к десяти, мэтрам цирка, кино и театра.

Власть, видящая финансовую зависимость интеллигенции, умно расставляет ударения «за и против», изучая биографический каталог «НАШ — НЕ НАШ?». Ненавидя авторов даже переносного изобличения, власть легко игнорирует международные монографии, глобальные предостережения, может недослышать паству Христа, Будды, Аллаха через подписи чересчур «уставших» (пора на пенсию!) замов. Власть боится отпустить последних на свободу, ибо не может откусить руку, с которой харчуется с семьями жизнь, причём она может усугубить давление на любого взбрыкнувшего автора и административного «предателя» по фамильному фактору. Так создаётся революционная ситуация и реорганизация СМИ в угоду тому, кто подкинет свежей ветчинки из флажковых хозяйств, в угоду ТЕМ, кто с роднёю вовремя легализировал банки на проверенных десятилетиями лиц, не открывающих рта даже под МВД, ФСБ, ФБР, Интерполом и курком.

Провозглашая святость демократии либо фашизма, шовинизма, консерватизма, юдомасонства, либерализма, империализма, монархии или коммунизма, пластилиновая власть, **всегда вовремя** шаркающая под Первый Трон, весьма зрело угробляет независимую оппозицию интеллектуалов посредством бюрократического невидения, калежа мозгов и нервов, плевками в даты и отказной документацией, а также пря-

Валентина Афанасьевна Новошинская - редактор газеты «Говорит и показывает Орёл»

мым физическим устранением под камуфляжем «несчастных случаев». Приспособленцы, ошибочно избранные народом, указуют перстом, как жить...

Редактор газеты «Живая мишень» Геннадий Николаевич Майоров и один из авторов «Тока» на родине писателя И.А. Новикова, который в годы войны построил на личные средства самолёт «Александр Пушкин».

Егожение поспешно-трусливой отчётностью, не живущей ни цифрой, ни датой, ни делом в природе человеческой, вынуждает власть к формированию придворно-дежурных писателей, чьё перо покрыто плесенью пожизненного ничегонеделанья, оформленного через пот, кровь, плач и слезы налогоплательщиков, сокращаемых вздорностью различных поборов, шагающих в ногу с антинародным ценообразованием. Якобы «писатели» удобнее и беззубей, в них никогда не было и не будет силы провозглашения вселенских лейтмотивов очеловечивания, а не замордовывания Земли. Трудно взять за руку подписчика их бюджета!

Чужие среди нас, рождённые общим, а не клонным способом, относятся к армии государственных графоманско-казуистических фарисеев, продавших отсутствие мысли за приобретение дружбонародного лауреатства. Эти остовы зациклены на благополучии собственных семейств на долгие лета вперёд собственной неминуемой смерти, а их профессионализм остался в черновиках при том Первом Троне, когда они вышли из школы. Шедшие умом не вровень с ними, слишком рано ушли из жизни, оказались в психушках, бросили перо за невозможностью дойти своими находками до сограждан, не вернулись из ГУЛАГА, трёх войн, концлагерей, наложили на себя руки, не создав семей...

Доколе мыслящий мир в лице Сообщества Народов будет так просто прощать мотылёчность будней человеко-оводам, прожившим больше половины жизни по сценариям Сатаны???

Май-июнь 2004 года,
г. Орёл — командировки
по ЦФО РФ и странам СНГ.
«По ухабам Отечества»
(«Путевые заметки»).

Из семейного альбома

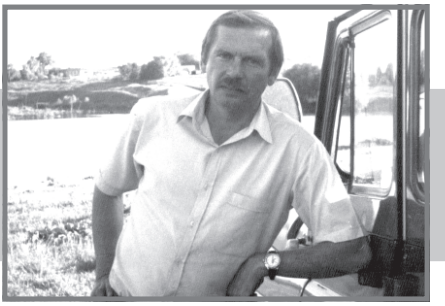
Родные и близкие

Выпускной класс. Виктор Рассохин — с томиком Есенина.

Дома

Рассохин-старший.
Дальний Восток.
Во время Карибского кризиса.

Рассохин-младший.
В отпуск на родину.

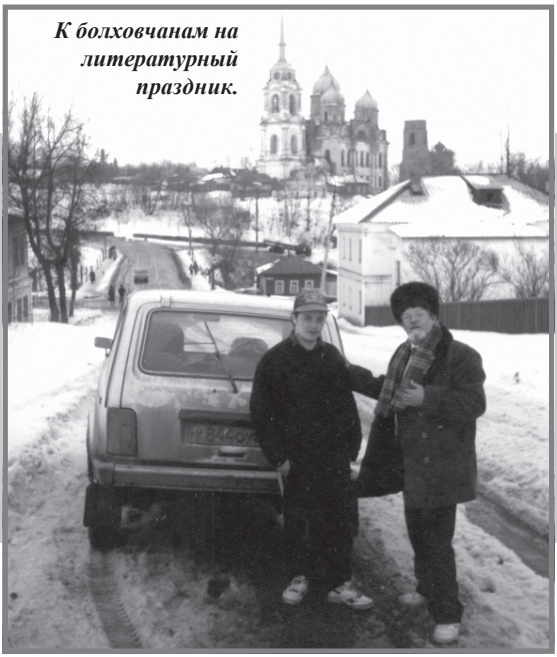


Юрий Михайлович Выходов — отличный руководитель хозяйства на берегу запруженной Легощи в Карпово.

Сергей Рассохин в гостях у заслуженного работника народного образования России Капитолины Семёновны Чегодаевой. Хотынец.

Встреча с писателем. Урок литературы в старой Коровье-Болотовской школе перед открытием новой. Кромской район.

Всегда в пути

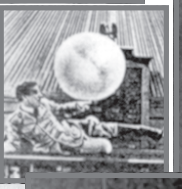


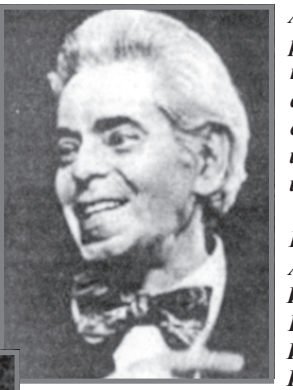
К болховчанам на литературный праздник.

Редкие часы отдыха, но отличный улов. Железногорское озеро.

После снежной бури.

Деревня Редогощь. Впереди — Курск.





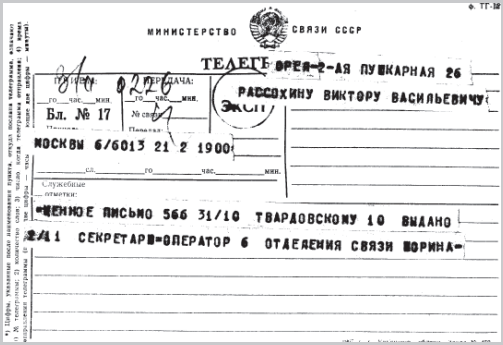
Аркадий РАЙКИН

НЕ ШУЧУ!

Великий на великого глядит,
Кто в юморо-сатире перевесит?
Есть на смех у народа аппетит,
Но вес народ теряет в жутком
стрессе.

Прижились телевизоры в вигваме,
В кибитках, фанзах — даже
входят в скит.
Великий Третий — Чаплин
между вами
При всей своей великости стоит.

Планетная судьбина — не потеха,
Она красна от крови, как закат.
Стремиться надо, чтобы в дозах смеха,
Как мрак от солнца — исчезал диктат!



ф. ТГ-12

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР

ТЕЛЕГРАММА

ОРЕЛ-2-АЯ ПУШКАРНАЯ 26

РАССОХИНУ ВИКТОРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ

Бл. № 17

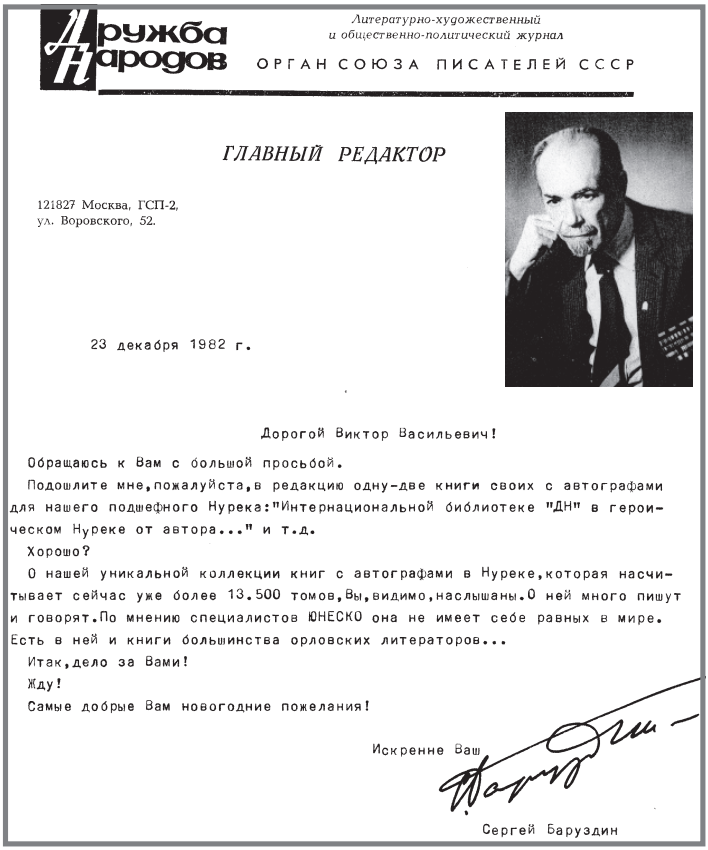
МОСКВЫ 6/6013 21 2 1900

Служебные отметки:

ЦЕННОЕ ПИСЬМО 566 31/10 ТВАРДОВСКОМУ 10 ВЫДАНО

2/11 СЕКРЕТАРЮ-ОПЕРАТОР 6 ОТДЕЛЕНИЯ СВЯЗИ ЮРИНА-

Переписка с автором «Василия Тёркина»



Дружба Народов

Литературно-художественный и общественно-политический журнал

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

121827 Москва, ГСП-2,
ул. Воровского, 52.

23 декабря 1982 г.

Дорогой Виктор Васильевич!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой.

Подошлите мне,пожалуйста,в редакцию одну-две книги своих с автографами для нашего подшефного Нурека:"Интернациональной библиотеке "ДН" в героическом Нуреке от автора..." и т.д.

Хорошо?

О нашей уникальной коллекции книг с автографами в Нуреке,которая насчитывает сейчас уже более 13.500 томов,Вы,видимо,наслышаны.О ней много пишут и говорят.По мнению специалистов ЮНЕСКО она не имеет себе равных в мире. Есть в ней и книги большинства орловских литераторов...

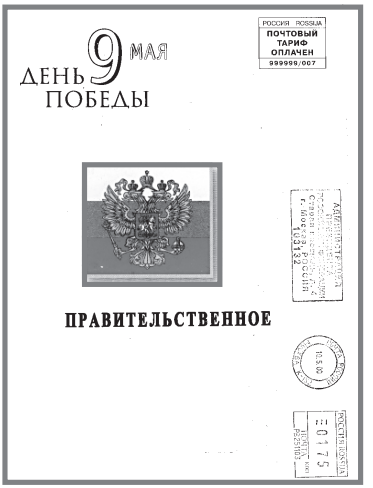
Итак,дело за Вами!

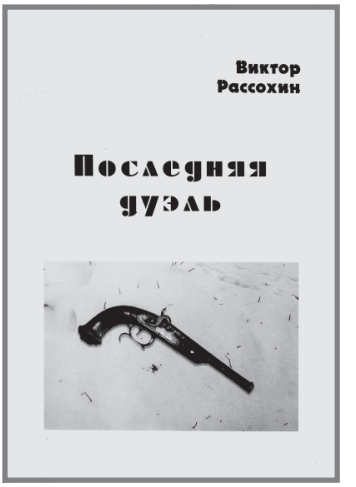
Жду!

Самые добрые Вам новогодние пожелания!

Искренне Ваш

Сергей Баруздин





Кремлёвская весть

АДМИНИСТРАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УПРАВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО РАБОТЕ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН
103132, Москва, ул. Ильинка, д. 23

№ А26-21-122012
05/05/2000

Новосильский пер., 4-59
г.Орел
Орловская область
Российская Федерация 302030
Рассохину В.В.

Уважаемый Виктор Васильевич!

Сообщаем, что Ваш сборник стихов, поступивший на имя исполняющего обязанности Президента Российской Федерации, направлен в Библиотеку Президента Российской Федерации, а просьба о содействии в приобретении книги – в Министерство образования Российской Федерации и Министерство культуры Российской Федерации .

С наилучшими пожеланиями благополучия и творческих успехов,

Зам.начальника Управления Ю.Бородин

Рассохин В.В.
Новосильский пер., 4-59
г.Орел
Орловская обл.
Российская Федерация 302030

ПАРАЛИТЕРАТУРА И ЕЁ ВКЛАД В РАЗЛОЖЕНИЕ ОБЩЕСТВА

«Там, где печать отпечатана не мыслью, а деньгами, она теряет печать свободы, становясь чернилами Сатаны».

Эссе авторов «Живёт литература на гроши, где золото, там нет литературы!». 1990 г.

ЧАСТЬ I.

КРАТКАЯ ПОРТРЕТИКА БЕЗ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

Явление, выведенное в заголовок статьи, посетило нашу Отчизну достаточно давно[1]. К настоящему времени его колоссальное вздутие претендует на массовый статус вируса графомании, олицетворяющей тупик самозванных ратоборцев за святость слова.

Эра буржуазных взаимоотношений и бум тиражирования окололитературных аферистов с умопомрачительной скоростью накрыли население державы. Учредив теневой и лицензионный захват СМИ и типографий, они повернули вспять – историю, смысл существования и фактический патриотизм, лингвистику, публицистику и искусствоведение, литкритику и отечествоведение. Исказив самообразование и совершенствование личности, разрушив предназначение литературы, рабы разврата и золотого тельца разработали «правила игры», действующие по выверенному сценарию тоталитарной системы под макияжем гласности.

Что же происходит на бывалом конвейере постаревшей интеллигенции, болтающейся между подачкой за трусливое молчание и толстым портмоне за нездоровую скандальность? Не слишком ли много у неё сегодня насущных забот-проблем, чтобы так кощунственно и тихосапно отвернуться от собственного народа бронированностью сейфов?

Культивация тарабарщины, Муза вскладчину, десятиличие редакторов, плаксоведение на закате жизни, маниакальная страсть войти в отечественную и вселенскую антологию мировых грандов пера и слова, обет перед властью, маразматичес-

[1]Паралитература – «произведения» или литпродукция низкого качества, литературные поделки даже при высококлассной полиграфии.

кая журналистика под харизмой, оттачивание «яканья»— через строку и мн. др. — вот псевдолитературное «наследие» искусственно созданных «мэтров». Здесь же узаконены — 70-процентное цитирование чужих авторов в своих текстах, ярко выраженный плагиат, осевший в памяти юности и наглые кражи по Интернету, школа злословия, жаргона и сленга, использование труда наивных детей и энтузиастов на безгонорарной основе. Если бы создать юмореску в стиле Аркадия Аверченко, заголовок для «любителей» Родины и Бога мог быть таким: «Змейки в сливочном масле»...

Хитрое и закулисное мышкование сочинителей, не познавших истинных болей, трагедий, уродств и боёв творчества не обязует их к публичности, ораторству, не мобилизует на создание собственного алгоритма мыслесложения, гражданственности и авторского правдописания. Они становятся людьми календаря, безынициативной бесформенной ремесленной кастой, трезвонящей о собственном величии в роли «опекунов духа», «хранителя языка» и полуюродивого святого, рифмующего за евро и баксы. На пути разложения общества своими краткими и излишне долгоиграющими опусами, паралитераторов душат тщеславие, косноязычие, зависть, ревность, лень, водка, неустройство жизни и её несвоевременность, поджуживание родни и знакомых, указующие персты власти в места, где можно долго клевать рублёвые «зёрнышки» по предельному реестру литературного бухучёта.

Рассмотрим подробнее, к чему приводит безответственность и аморальность седых и начинающих седеть приспособленцев в старые и новые времена. Представленные ниже типажи «интеллектуальной знати» настолько одиозны, узнаваемы и однообразны, что не удивишься повсеместности этих существ на всём пространстве России...

Бывший парт-бонза, жизнь которого обеспечили — «Волга», госльготы и госпайки, быстрота получения ордеров на квартиры и дачи, консервативнейший номенклатурщик в кости, причастился к... Ивану Бунину.

Огульный атеист, активист антибожъего идиологического идиотизма под занавес судьбу упоминает Имя Господне и каноны Библии всуе, не задумаваясь над тем, что его «гениальные» произведения символизируют новый виток фарисейства и иудаизма в понятиях Самого Иисуса Христа.

Заочный краевед каботажного толка уже не может творить, не оттолкнувшись от имени и заслуг А. Чехова, Л. Толстого, А. Куприна и других адептов мировой литературы, получая новые рубли за цитаты прошлых веков и шакалье вальсирование вокруг них.

Экс-неудачник по прохождению парт-школы, неплохой фольклорист по молодости, становится лауреатом чего-то, награждённым чем-то за «великий вклад в дело спасения родного языка», будучи до и после этого профи мата и запойным алкоголиком.

Главный редактор общественной газеты служит двум Союзам писателей, как телята при двух матках, причём, уверовав в свою оппозиционность, не пишет ни строки на любую тему годами, привлекая для баловства с бумагой вечно безденежных студентов журфака и внештатных корреспондентов.

Поэтесса, либреттистка, энциклопедичка с наследием из стола авторитетно созидавшего отца — публикует материалы под своим именем, подпорчивая вульгарщиной и шарадами мощь интеллектуального потенциала родителя.

Главный консультант-рецензент при издательстве, он же — редактор и ответственный за выпуск местной «богемы» не считает нужным читать и проталкивать рукописи без сопровождения их хода и реализации гусями, карпами, покрышками, мёдом, обильными спиртными возлияниями в обществе проверенных шлюх и глашатаев его «доброты».

Бывший цензор и куратор молодых талантов в перестроечные времена, ветеран Великой войны, изнемогает от ежедневного хлопотанья в поиске спонсоров для издания своей единственной брошюры, где герои — лопухи, шмели, червячки, мотыльки, лебеди, котята, пескарики и дошколята.

Добрая, а потому и незамужняя «бальзаковка на выданье» всю жизнь протусовалась на галерках, у рампы, в фойе, в гримёрках, буфетах, на балконах и в партере театров, оставшись суфлёром классиков согласно пополнению касс и ведомости заграничных гастрольных вояжей.

Шубутной архивариус, автор 10.000 статей на историческую тему, натуральный акробат фактической документалистики ни в одном из творений не допустил даже намёка на критику кого-либо и чего-либо, панически боясь лишения завоёванных газетных площадей.

Юный выпускник художественной Академии, даровитый

физиономист и портретист, вынужден заниматься шаржистикой и упрощёнными пейзажами, будучи под контролем главреда подростковой газеты (по совместительству капитана госбезопасности).

Эх, феты, тютчевы, пришвины, шулеровичи! Нет на вас Писаревых, Достоевских, Чернышевских, Белинских, Герценов, Айвазовских!!! Как нет и Герберта Уэллса, мечтавшего побрить ненужные бороды всех карлов марксов, в своём малоизвестном населению произведении «Россия во мгле»…

За деканом и инженером, идущим по стопам А. Барто в 60-летнем возрасте, в литературную рать провинции год за годом вступили: контрразведчик военпроизводства, непонятый в Отечестве французовед, кафедральный и застольный критик без статей, сирота репрессированная, издатель без типограф-станка, программист на пенсии, три одинокие подруги юности вышеназванных под видом поэтесс, соглядатай губернатора, молодой, но богатый трубадур Музы и Парнаса, мемуарист-полковник МВД. Всем им иже с ними «помешали»— инвалид и жёсткий автор литобозрения, бывший лётчик, руководитель клуба для начинающих «Русское виршесложение», бывший переплётчик и корректор типографии, безденежный партиец из села, крупный чиновник аппарата губернатора, бульварный скандалист из райцентра, одарённая красатулечка-литографистка и бард, грузный природовед края и деловитый многожанровый писатель планетарного масштаба.

В официальном резюме последним было отказано в публикации рукописей по мотивам политическо-интриганской «ненашести» в отместку за самодостаточность и круглогодичный профессионализм, за народовольство, талант и непродажность общечеловеческих принципов. За давлением и систематическим непечатаньем стояли поседевшие коммерциолизированные дети партийных «царьков»...

Литературная продукция низкого смыслового и гуманистско-гражданского качества наводнила с вешними водами прилавки якобы книгами и пастишами[1] армии аграфиев[2], провалившихся во времени, не развивших качество и стиль письма и не поняв-

---

[1]Пастиш — имитация произведения, плагиативное подражание стилю и манере другого автора.

[2]Аграфия — умственное расстройство или полная потеря способности к письму и творчеству.

ших себя от старта до исхода. За отсутствием международного образования-виденья пришли таинственное уныние, спазм говорливого одиночества, исчезли цели и смысл писательской борьбы, волевая мозговитость, девственная романтичность, переработка и совмещение жанров во благо служения собрату по Планете — Человеку.

В поиске оправдания ничегонеделанья паралитераторы зашли настолько далёко, что при жизни застали собственное забвение со стороны невнемлющего к ним населения. Экзальтированному реформами народу было абсолютно всё равно от бездарности зарифмованного и прозаического воплощения его жизни, будьто в полётах во сне или наяву. В изломах перспективы ежесекундно изменяющегося пространства, среди дали зарниц и под тошнотворный запах загаженной речки, приближалась, финаля морозы, весна. Версификаторам себестоимости себя на теле и дензнаке народном она прививала ощущение предреволюционного беспокойства, начало эпохи отсчётов за ошибки и премудрые выкрутасы вокруг не верящей слезам столицы.

Весна несла на своих призрачных крыльях безаппеляционную критику на страницах мировой периодики, где раскрывалась вторая часть в общей прослойке подбрюшья массовых паразитов.

ЧАСТЬ II.

АВТОБИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ КРОХА ИЗ СОТЕН ЕЖЕГОДНЫХ УНИЖЕНИЙ АВТОРА СМИ РФ

И вот пришло время, когда фундаментальные основы родного языка в сочетании с вековыми национальными традициями предков, стали педантично обезображиваться начинающей крепчать когортой многопишущих флюгерманов, сюсюкающих о «процветании» в период геноцида.

Знаковым и в одночасье непостижимым образом менеджеры собственного «Я» и антирусские таблоиды[1] отвернулись от политической, экономической, исторической, межполовой, рели-

[1]Таблоиды — малоформатные газеты «жёлтой ориентации», сенсационисты и скандалисты со множеством объёмных фото и иллюстраций.

гиозной и нравственной проблематики как Родины, так и Планеты. За аннулированием баррикад между Добром и Злом, под шантажом банкротств и приватизации, на информационное поле и эпистолярную даль ступили чужие люди, практикующие диктат СМИ посредством учредительно-монополистского и финансового узурпаторства.

Что речь? Игра? Но, если словеса остаются максимально урбанизированной и огрубелой формой общения, то печатное слово, сама мысль и КПД коллективного разума лидеров высотной литературы капитально попользованы во всех позах «госпожой рекламой»...

Сотни раз автор встречался с редакторами, бившими мои работы — «Басмачи», «Гобсек РКП(б)», «Распятия всероссийского не прощаю!» о ленинских репрессиях Церкви, «Адмирал Н. Кузнецов», «Неизвестный Чкалов», «Звезда критики» о Д. Писареве, «Рамзай» о Р. Зорге, «Академик Н. Конрад», «Ленд-Лиз», «Тайна Нидерландов» о потоплении голландской субмарины «К-17» англичанами, за то, что её экипаж видел японский флот, шедший на Пёрл-Харбор 28 ноября 1941 года. Спортивные газеты отказались публиковать 10-страничный очерк «Гран При умов и моторов» об истории и достижениях «Формулы-1», собирательную новеллу о звёздах и технологиях мирового мотоспорта «Голос миль», краткое исследование жизни лошадей и конезаводства «Спутник и друг Человечества» и фактическую трагибыль из Прибалтики — «Ралли». Издания по искусству и живописи отвергли поэму о жизни к и творчестве выдающегося пейзажиста И. Левитана «Золотая кувшинка».

Книготорговая сеть Санкт-Петербурга не сочла нужным приобрести мою книгу «Последняя дуэль» с поэмой об А. Пушкине на 300-летие города. В Череповце не знают В. Верещагина, в Саратове — В. Талалихина. Местные, вернее иногородние журналисты и их пассии вычёркивают из моих статей — А. Покрышкина, Б. Сафонова. И. Кожедуба, лидеров белоэмиграции, Гражданской войны, репрессированных, жертв Холокоста и Гестапо...

Настоящий и будущий читатель ужаснётся на причину (систематическую отговорку-шаблон), которую озвучивают буржуазные бездари родом из пролетариев: «голодание семей» и «дороговизна бумаги».

Подчеркну — золотые стипендиаты, умницы-самоучки, честные экс-офицеры, глубокомыслящие женщины так себя не

ведут. Не предательствуют выходцы из крестьян, даже бывшие «кпссники», не лгут самостоятельно пишущие редакторы, не изворачиваются издатели с разумом, сердцем, волей и душой. «Сделанные в СССР» заочные двоечники и троечники журфаков ВУЗов и Академий заморозили работы: «Монетизация душ», «Десять заповедей негативным СМИ», «Рецепт от врунологии», «Испытание терпения», «Затмение законодательства или «гениальность» всенародного обмана», «Сплочённые мужеством» и «Дорогами памяти». Они терзали, корректировали, сокращали, переделывали и искажали — «Безответное SOS!» (реквием экипажу АПРК «Курск»); быль Белорусского фронта «Орловский Ваня»; документально-художественную разработку о военных водителях «ЗиС»; очерк «Человек, пострадавший за доброту» о судьбе Е. Строева; 20-страничные архивные исследования «Чужая война» и «Кровь и слёзы Лейте» о военно-морских сражениях Японии и США на Тихом океане. Промолчу о сверхгодичном кощунстве над поданными мне мемуарами ветеранов…

Оголодавшие от собственной интеллект-несостоятельности, граждане и девицы-мазурики, кликушествуя о патриотизме и героике, закрыли рубрики о любительском рыболовстве и природе Края Предков, в связи с чем «приказала долго жить» публикация не менее тридцати работ, предназначенных не газетам, живущим на народные деньги, а содержащим их людям. Принцип жизни простофиль при бюджете — «Прошёл день и адью!» (Пить, курить, интернетничать, сплетничать, сексоваться, кататься и рисоваться по бутикам в поиске еженедельных рекламаторов и информационных «поддерживателей»). Зачем им вникать в историю и горе цивилизации?! «Живём-то единожды!»[1]

Новому обществу в лице продавцов газет и журналов под крышей муниципальной и некоммерческой собственности, псевдоиздателям без типографий «помешали» произведения: «Люди дивидендов», «Перегруженные самозагрузом», «За чертою цинизма», «Дети кабинетов», «Подставная», «Сон губернатора», «Здравоохранительная гадюка», «Госналог на воздух», «Вирус покорности», «Небопроходец» о Н. Поликарпове, «Ещё раз о фене, сленге и языке», «Рыночный тупик», «Псевдонимия», «По шпалам режима», «Разобщение родственности» и «По закону

[1]Они ещё и трусливы, не опубликовав в августе 2005 г., 16 строк памяти М.С. Евдокимова «Скорость горя».

непонимания». Заголовки говорят сами за себя. Основной формат каждой работы — 2–3 машинописных страницы. Да всё одно: «неудобоваримо, ненужно, зачем вам это, безнадёжно устарело». «Жалеют» глаза читателей...

Поскольку предел невежества, хамства, цензорства и редакционной недалёкости налицо в — анфас и в профиль, позволю себе, как **создателю**, назвать следующие **творения**, однотипно перекрытые по мотивам «рассохинской неугодности». Люди спрашивают, почему не печатаешься, но остаются неопубликованны — «Писатель и власть», «Начинающим литераторам, поэтам, краеведам, историкам и драматургам», «Закулисье», «Под Андреевским стягом» (к 100-летию Русско-Японской войны), «Бездорожник фронтов» (о джипе «Виллис»), «Небесные снайперы» (Краткий Боевой Путь авиаполка «Нормандия-Неман»), «Вторая Голгофа» (о репрессиях православия), «Навстречу друг другу» (о патриотах и воинах Чечено-Ингушетии), «Тот самый «ГАЗ» (об автоконструкторе В. Грачёве). Ждут своего «часа Икс» социально-гражданские были, новеллы, юморески, мини-пьесы, эссе, зарисовки с натуры — «Бездна», «Героини переходов», «Жизнь у дороги», «Вне классики жанров», «Уж в мыле», «Проездом», «Война принципов», «Обогащение бедами», «Бизнес в опасности», «Последний поход «Бисмарка», «Корпорация», «Инвестиции для дефолта», «Встречный мой», «На Дворянке», «Боцманюга», «Продажное слово», «Затянувшееся торможение», «Стена» и «Политическое позерство»...

Не виртуальный, а натуралистический парадокс в том, что даже фантастика оказалась «невостребованной», несмотря на авторские иллюстрации к работам «В ожидании чуда», «Год Гроз», «Жаболоиды», «Зов горизонта», «Излучение», «Дизайн Апокалипсиса», «Такутокана», «Рой», «Заговор», «Гибель столицы», « UFO — они же НЛО», «Союз Тьмы» и мн. др., в т.ч. широкомасштабный цикл «Королевство Олухания».

Выше было предупреждено, что представленное — всего лишь кроха, песчинка из общей наработки автора за последнее десятилетие, т.е. в период с 1993 по 2003 год. Нет смысла саморекламироваться далее, ибо поклонник, враг и читатель не в состоянии ознакомиться с этими и другими готовыми к печати разработками из-за порождения новых околофашистских табу. Буду готовить книгу, условно обозначенную, как «Ток». В неё войдут: «Рокировка заблуждений», «Правда под колпаком», «Стабилиза-

ция деградации», «По долгой оттепели», «Полчаса страха и счастья», «По зазимку», «В царстве туманов», «Вдали от рыбаков», «Вознесение бездарей», «Грязь юбилея», «Живущие невпопад», «Мосты в будущее». «Пыль в глаза по-русски» и «Неизбираемая платформа беспартийного гражданина «Каждому — по труду!», а также «Революция бескультурья», «Давление», «Униженный литератор», «Секретариат», «Процентная нация» и «Абвер на Орловщине»...

Заключая вторую часть, не претендующую на попытку глубокого анализа торможения писательской деятельности чёрными слугами Падшего Ангела, вынужден констатировать общий знаменатель глумления над честными тружениками пера в России. Арифметика жизни была и есть не всегда такой, какой её привыкла видеть, ощущать, смаковать и эксплуатировать многонациональная и разношерстная толпа.

С укреплением демократических начал при всемобильности и показушной свободе слова, в расстановке слагаемых общего жизнеустройства и правил общежития подспудно или платно сформировался монстр, схожий с пророчеством Рэя Брэдбери в его гротеске «451° по Фаренгейту». Каста нуворишей, вышедшая из спекулятивно-криминального дна, «читает» дензнак и порновидео, а красавицам от родительской породы-природы претит перезагруженность, когда легко ломаются маникюры и педикюры. Провайдеры[1] беспроблемья с карт-бланшем Сатаны, бесплатные почтальоны чужого благополучия, ассорти менеджеров и маркетологов прямо или косвенно хворают аллергией на чистый, а не посреднический труд. Инфекция поглотила общество круче СПИДа — противоядия нет и не будет ввиду массового желания не прозябать, а процветать оптом…

Великое и извечно униженное крестьянство стало ещё более осмотрительным, и всё-таки осторожно начинает приторговывать земельными паями и жить арендной платой за счёт не везде добросовестных инвесторов. С самогоном и без него ему — крестьянству — некогда полемизировать: надо оперативно харчевать и отдавать часть «путинок» компьютерным андроидам и живородящим киборгам третьего тысячелетия.

Клонируя жестокость, скудоумие, бездушие и воинственное варварство армады тунеядцев на одного трудящегося, Челове-

[1]Провайдеры — организации в сфере связи, информационных и коммуникационных услуг (в основном в Интернете).

чество медленно, но верно деградирует в спазмах вооружённых и экологических катаклизмов, нарушая орбитальное и галактическое равновесие Солнечной Системы.

Такова работа бумеранга времени, плата за терроризирование и зомбирование себя нелюбимых. Другими словами — часть пишущей братии и интеллигенции виновна в происходящем совсем не потому, что десятилетиями умеет оставаться слепой и глухонемой при здравии.

ЧАСТЬ III.

ШТРИХИ И МЕТОДЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ПО ВЫХОДУ ИЗ КРИЗИСА

Хладнокровное наступление повсеместно атакующего капитала подразумевает довольно скорую и полную скупку механизмов «четвёртой власти». В перспективе ближайшего будущего зримо маячат-повальная кастрация, бифуркация[1], рирайтерство[2] и катапультирование в подполье объективно-аналитических здравосозидающих СМИ. Уже сейчас многоликая оппозиция, радикалы и экстремисты, грамотные и неграмотные россияне лицезрят провластную и эротично-балаганную составляющую анекдотичных версификаторов, горе-шоуменов и фальсификаторов ежедневья. Последние вряд ли предстанут перед судом за дестабилизацию, извращённую этимологию, шовинизм, цинизм, хакерство и пр. фортели...

Заслон подписному зомбированию и розничному околпачиванию видится в переводе 80% газет и журналов под суровый контроль государства. Автор не призывает к возвращению эпохи страха, всюду проникающего цензорства и доносительства, но параллельно вышеуказанному необходимо реализовать нижеследующее:

1. Неограниченное и бесплатное публикование мемуаров ветеранов войн и участников исторических событий, фотографий и рисунков из личных архивов, а также неизвестного эпистолярного наследия предков.

[1]Бифуркация — раздвоение или разделение чего-либо в жизни и обучении (синоним понятия «двойной стандарт»).

[2]Рирайтерство (от рирайтер) — паразитирующее явление в журналистике и сочинительстве, когда его слуги перерабатывают чужие тексты и мысли для собственного благополучия.

2. Создание редакционных клубов «Круглый стол», где будут проводиться лекции, дискуссии и анализ злободневных вопросов современности с обязательным набором текстов по рассмотренной проблематике и принятым решениям.

3. Ввести в ранг еженедельной обязанности редакционные выезды руководства СМИ в самые отдалённые поселения регионов, округов, республик и автономий.

4. Немедленное реагирование на визиты, телефонные звонки, заявления, жалобы и письма граждан, публиковать материалы о принятых мерах по ежемесячной переписке.

5. Исключить простоличную перепечатку материалов, печатанье столичных хохштаплеров и К°[1] — у них достаточно СМИ для публикации и беспроблемных гонораров.

6. Сократить полногазетную передачу полос и страниц студентам — у них ещё будут время, силы и возможности внести свой вклад в сплочение или развращение общества.

7. Привлечь к работе печатных СМИ, радио и ТВ религиозных деятелей, независимых экспертов, настоящих писателей и всех предпринимателей без исключения .

8. Узаконить строжайшую ответственность лидеров и местного руководства СМИ за нецелевое использование площадей газет и журналов, а также за провокации, опубликованную ложь, кверулянтство[2] и за превращение патриотично-исторических работ сограждан в макулатуру в одном экземпляре.

Представленных пунктов более чем достаточно, для того, чтобы общество росло в самосознании, творчестве и в интеллектуальном наследии, видело собственные ошибки, смысл и цели жизни. Лучшим представителям разобщённой интеллигенции, честнее — её остаткам, предстоит жестокая борьба, даже война принципов, мнений, взглядов, позиций и версий, точек зрения и гипотез, трактовок и трудов.

Если же сверхразвитая трусость, лень и пороки будут прикипать к её телу рубашкой мобильного эгоизма и хитрющего приспособленчества «ради детей», если высокообразованные люди предпочтут отмолчаться, — Мир станет свидетелем непоправимого упадничества России.

---

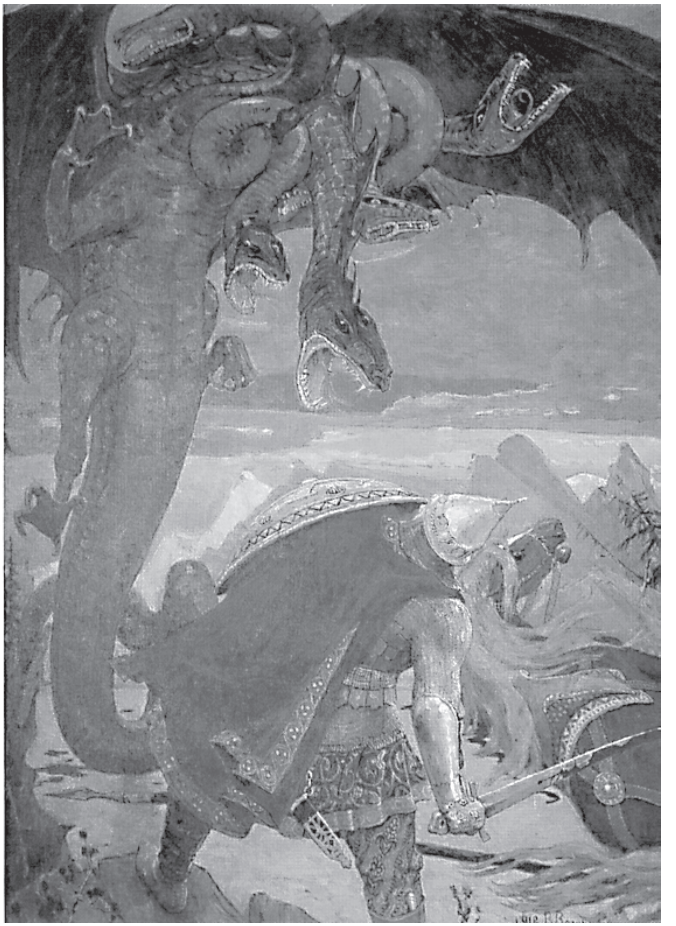
[1]Хохштаплеры и К°— группа пишущих авантюристов, проходимцев, ловкачей, обманщиков и аферистов, т.е. — мошенники «от литературы».

[2]Кверулянтство — болезненное стремление отстаивать якобы ущемлённые права методом жалоб и доносов, пасквилей и анонимок, в прямом смысле — сутяжничество.

Жизнь продолжится. Но эта «жизнь» будет жизнью органических и растительноядных, любящих алкоголь и наркотики инфузорий, живучих благодаря вандалистскому изнасилованию Планеты Земля, надкушенной вампирами и ведьмами Князя Тьмы.

Не пора ли отсечь голову межгалактической и многотысячелетней мерзости???

Апрель 2005 г., г. Орёл — командировки по России и странам СНГ, «По ухабам Отечества» («Путевые заметки»).



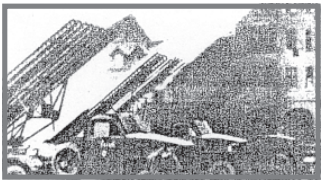
В. М. Васнецов. Бой Добрыни Никитича со Змеем Горынычем.

ВОЗМЕЗДИЕ

Он покорить хотел весь свет
Дойчмаркой и напором силы,
Но мир сказал вампиру — НЕТ!
Лишив захватчика могилы.

ДОБЛЕСТЬ

Не всем достался орден Славы
В годины битвы мировой:
Одни — легли у переправы,
Другие — гибли под Москвой.
Кому-то пух песок и глина,
Кто вспыхнул в зареве Берлина,
Кто в ранний час с восходом солнца
Прикрыл собою дот японца...
Но видеть всё-таки отрадно,
Когда на площади парадной
Блеснёт гвардеец со звездой,
Мир освещая сединой.



ОПЫТ ФИЛОЛОГА

Когда-то Дмитрий Лихачёв
Подметил в молодые годы
Картёжный мир убийц, воров
В железной клетке несвободы.

Что изменилось в наши дни,
Когда Россию рвут на части?
Дерётся мелочь, а они
Стреляют в эшелонах власти.

ИЗ ЦИКЛА «ПО УХАБАМ ОТЕЧЕСТВА»

КРИК БЫВШЕЙ ФЕРМЫ

— Эй, вы, «Волги», «Вольвы», «Мерседесы»,
Вся белохалатная толпа!
Возвратите мне мои навесы,
Окна, свет с дежурного столба.

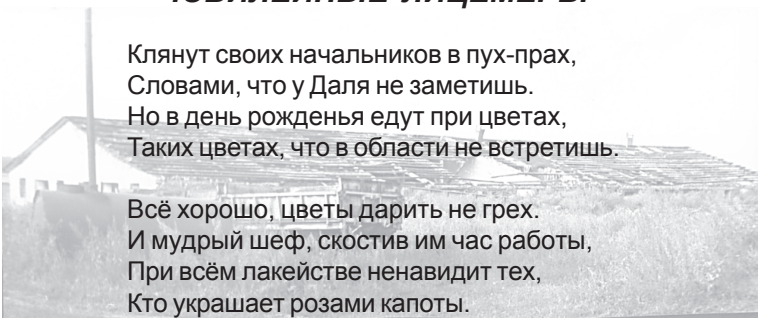
Как же мне на вас теперь не злиться,
Между нами лёг глубокий ров,
Если сверхучёная столица
Высосала всех моих коров.

На здоровье, люди, на здоровье.
Всё вам шло — и кожа, и рога.
Строили меня с большой любовью,
А теперь раздели донага.

Кто же так вам разум заморозил?
Кто лишил парного молока?
В пересохше-брошенном навозе
Рыбаки не сыщут червяка.

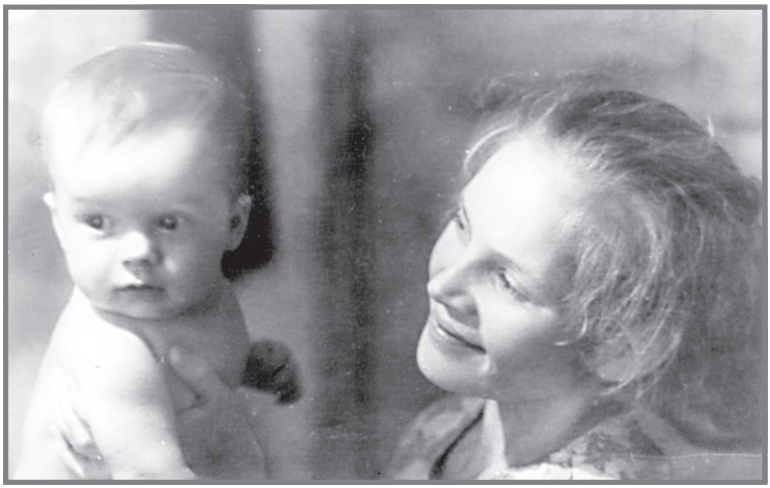
Доломайте — мне уже не стыдно,
Просто ваши «новшества» смешны.
Неужели зрячему не видно
Боли обезличенной страны?

ЮБИЛЕЙНЫЕ ЛИЦЕМЕРЫ



Клянут своих начальников в пух-прах,
Словами, что у Даля не заметишь.
Но в день рожденья едут при цветах,
Таких цветах, что в области не встретишь.

Всё хорошо, цветы дарить не грех.
И мудрый шеф, скостив им час работы,
При всём лакействе ненавидит тех,
Кто украшает розами капоты.



ОЗАРЕНЬЕ

Пожалуй, счастья лучшего не надо,
Когда на сердце сходит благодать:
Лучится мать, дитя улыбке радо,
Да так, что словом трудно передать.

ЧЕРЕЗ ВРЕМЯ

Я знаю,
боль заглушится годами.
О ней
я не пожалуюсь нигде.
А ты всегда
светись перед глазами,
Как лилия
на утренней воде.

ЗАБЛУДШИМ

Всё дальше удаляемся от Даля.
Его словарь до дна не изучив,
На баксо-полусленге зубоскаля,
Смотря на Вашингтон и Тель-Авив.

ГЛУБИННЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ

Жаку Иву Кусто, его сыну Филиппу
и отважной команде

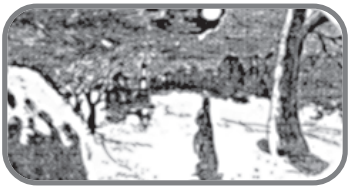
На дне бесчисленных морей,
Увидев крах цивилизаций,
Он призывал СБЛИЖАТЬ ДЕТЕЙ,
В СБЛИЖЕНИИ — ЕДИНСТВО НАЦИЙ!

НА РАСПУТЬЕ

Мы все в круговороте жизни,
И где он светлый идеал?!
Один — спиной стоит к Отчизне,
Другой — Отчизну распродал.

ОХОТНИКУ

Удачная стрельба — неповторима
На вешней тяге и по декабрю.
Но, если ты всегда стреляешь мимо,
Не огорчайся — ты встречал ЗАРЮ!



СНАЙПЕРЫ ВОЖДЯ

Была метельная погода,
Иль полдень солнечный стоял,
«Врагов народа» бил Ягода,
Ежов и Берия — стрелял.

Сверхзнатоки любого «Дела»,
Не скрылись всё же за стеной:
При справедливости расстрела —
Навеки прокляты страной.

НА ОКРАИНЕ

Шумлива очередь живая,
Ждут, словно бога, продавца,
Чтоб, пену белую сдувая,
Отведать свежего пивца.

И не беда, что спозаранку,
Никто штаны ведь не пропьёт.
Деликатесом здесь — таранка,
Обычной снедью — бутерброд.

А разговоры, разговоры,
Они ещё не отцвели,
Как королями были — воры,
И как ворами — короли.

Полна закусочная эта,
И, хоть имеет скромный вид,
В неё вмещается планета —
Вся,
от Кремля до пирамид.

ИЛЛЮЗИОН

Мы знаем Родину рассветную,
Где люд в трудах и день, и ночь.
Но Дом Советов не советует,
Как в жизни каждому помочь.

Смелы мужи эквилибристики,
Валюту взяв в авторитет,
То анархисты, то марксистики,
Ньюолигархи разных лет.

Им дела нет до судеб пахарей,
Учитель топчется и врач.
Умы холёных счётознахарей
Пленит статистика удач.

И, как ни хлопай пресса в ладушки,
Не лейся радиозапев,
Забыли, что ль, когда царь-батюшки
Боялись зреть народный гнев.

НАЛОГОВИКАМ

Не черните отчий флаг,
К чёрту — магаданы!
Кто вам нужен друг иль враг?
Крут ваш пресс на раны!

Раны надобно лечить,
Даже если больно.
И людей нельзя давить —
Русь ведь хлебосольна!

ПОМОЩНИКИ

Колодцем сложены дровишки,
И хворост спрятан под, навес.
У бабы Тани ребятишки
Работают за интерес.

Приятно публике вспотевшей
Услышать быль из тех. времён,
Когда, наш лётчик обгоревший
Был от карателей спасён...

А сыновей у ней немного,
Один в Крыму, другой в Москве.
Младшой влюблён в систему йогов –
Стоять привык на голове.

А старший мощен, словно тумба,
Загривок носит пальца в три.
Забыв, что мать уже беззуба,
Ей шлёт с Арбата сухари...

Старушка школьников приветит,
И, может, тем ещё жива,
Что за своих — чужие дети
Готовят на зиму дрова.

СКОРОСТЬ ГОРЯ

Михаилу Евдокимову

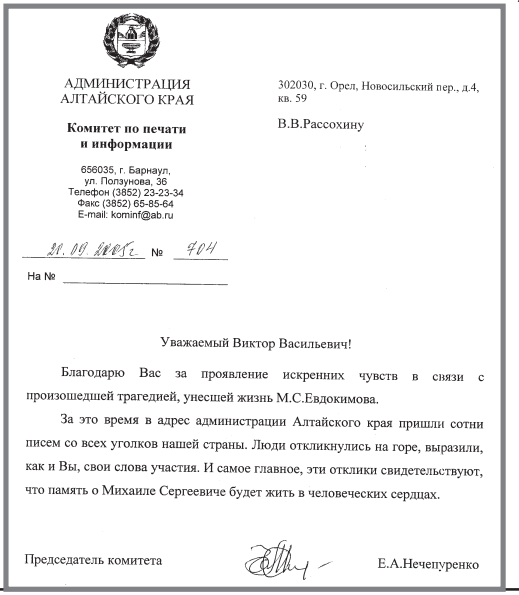
Ах, душа Верхне-Обская русская!
Что ж добро тебя не спасло?
Ширь дороги вмиг стала узкою —
Где эскорт, неотвлекший зло?

Слабость, сила гастролей поздних,
Удальство приэстрадных лет,
Юмор светлый, земной, серьёзный —
Ничего, НИЧЕГО УЖЕ НЕТ...

Жизнь разбилась. Что в мире горше?
Но я вижу в слезах людей
Силу духа и силу мощи
Фольклориста жестоких дней.

Быть музею в Алтайском крае,
Память будет о нём светла...
Пусть Сергеич предупреждает:
«Нет культуры, где власть подла!»

7 августа 2005 г.
г. Орёл — г. Калуга, «По ухабам Отечества»
/«Путевые заметки»/



АДМИНИСТРАЦИЯ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Комитет по печати и информации

656035, г. Барнаул,
ул. Ползунова, 36
Телефон (3852) 23-23-34
Факс (3852) 65-85-64
E-mail: kominf@ab.ru

20.09.2005г. № 404

На №

302030, г. Орел, Новосильский пер., д.4, кв. 59

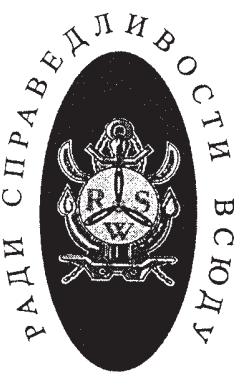
В.В.Рассохину

Уважаемый Виктор Васильевич!

Благодарю Вас за проявление искренних чувств в связи с произошедшей трагедией, унесшей жизнь М.С.Евдокимова.

За это время в адрес администрации Алтайского края пришли сотни писем со всех уголков нашей страны. Люди откликнулись на горе, выразили, как и Вы, свои слова участия. И самое главное, эти отклики свидетельствуют, что память о Михаиле Сергеевиче будет жить в человеческих сердцах.

Председатель комитета Е.А.Нечепуренко



ВОЙНОЛЮБЦАМ

«Ястребам» отвечаем и «совам»,
Что владеют землёй и небом:
Помогать надо людям словом,
Тёплым кровом и свежим хлебом.

А копьё, мушкет и ракета
Пусть расскажут, попав в музеи,
Как сживали людей со света
Современники их - злодеи.

Если б каждого мы почтили
В знак великого состраданья,
Из минут бы тех получили
Обезглавленный ВЕК МОЛЧАНЬЯ...

О, несчастные миллионы,
Не забыты вы и забыты.
Мавзолеи и пантеоны
Вашей кровью с лихвой омыты.

Отвечайте им, Бога ради,
Те, в ком чёрная бродит сила,
Что вам думать о новом аде
Мать Вселенная запретила!..

ЧИТАТЕЛЯМ

У нас на мир суровый взгляд
И цель одна была,
Чтоб электрический заряд
Сжигал зачатки зла!

СОДЕРЖАНИЕ

Все флаги в гости будут к нам 3
Бездушьем — дат не омрачайте 7
Ландыши 13
ЗиС 17
Эхо тарана 28
Жив «Варягъ» 34
Свободная зона 52
Кружева 58
Топь 60
Орловский Ваня 66
Ралли 71
Безответное SOS 75
Рой 80
Лавочка 85
Наркота 90
Первый Салют 95
Крушение Нью-Вавилона 99
Крах 103
Псевдонимия 109
Гобсек РКП(б) 112
Дело №... 114
Полёт в бессмертие 119
Рядом с героем 122
Баня 126
Через лес 128
UFO — они же НЛО 131
Скажи мне, дом... 139
Тихие Гавайи? 142
По ягоды 145
«Работаю над большой поэмой о селе» 147
Пародии 150
Ток 151
Лиса 156
Чтоб именем стала фамилия 157
Золотая кувшинка (поэма) 160
Пропасть между небом и землёй 185
Сказка об Иване-Свидетеле 188
С восходом солнца (поэма) 221
Вечное движение 283
Добрый дождь 286
Подставная 288
Тигрица Цензура 291
Медальон 292
Стёршийся никель 294

Машина славы и печали ... 295
Печаль и радость вздыбленного мира ... 296
Деревенская сценка ... 297
«Ах, высокие эти заборы...» ... 297
«Ракетный век нам рвёт аорты...» ... 298
Другу — шофёру ... 298
Политики ... 300
Щелкопёрам СМИ ... 301
Клубника ... 301
После дождя ... 303
Ласточкино гнездо ... 304
После ночлега ... 305
Романс Рахманинова ... 315
Тёплая ночь ... 318
Плывущая дача ... 320
Неручанский край — вольновщина ... 322
Солнечно ... 325
Террор трёх веков ... 326
Цена порока ... 332
Терпимость ... 335
Чувство истины ... 336
Радуга ... 338
Гран-при умов и моторов ... 339
Тропинка в жизни ... 350
Люсиха ... 352
Чёрный голубь ... 356
Мудрость — мудрости ... 358
Мост ... 359
Меченый ... 361
Голубой город ... 362
Встреча с поэтами ... 365
Светло и грустно ... 366
На выпасе ... 368
Удар ... 370
Свахи ... 372
Послевоенное ... 373
Узнал ... 374
Миру — песня нужна ... 380
Моему учителю ... 383
Кафедральный критик ... 384
В ювелирном ... 389
Далёкий Мидуэй ... 390
Мать-и-мачеха ... 427
Так было ... 431
Сон губернатора ... 432
Бухгалтера ... 435

Ситцевый полог 436
Поэтессы 437
Распятия всероссийского не прощаю! 438
Совет 456
Ответ на вопрос читателя 457
«Рамзай» 458
Погодный синдром 471
В режиме скорости 471
«Ох, Страдалица — Земля!» 471
Академик Конрад. Луч восходящего солнца в застенках 472
Гений кисти 480
Абвер на Орловщине 481
На родине авиаконструктора Н.Н. Поликарпова 507
«Мы все под Шапкой Мономаха» 507
Кровь и слёзы Лейте 508
В подвалах Лубянки 532
Небопроходец 533
«Есть доллар, евро... Не секрет...» 548
Неизвестный Чкалов 549
Жертва режима 565
Частушка из ГУЛАГа 565
Почти по Тютчеву 567
Агрессия 567
Кто следующий? 567
Небесно-земное явленье 567
Поосторожней бы с Ермоловым 569
Судьба Кавказа 569
Здравоохранительная гадюка 570
Верность истине 572
Музыка души (Цикл стихотворений) 573
Анастасия Вяльцева 574
Фёдор Шаляпин 574
Юрий Морфесси 575
Александр Вертинский 575
Вадим Козин 576
Пётр Лещенко 576
Алла Баянова 576
Лидия Русланова 577
Константин Сокольский 578
Георгий Виноградов 578
Марк Бернес 579
Изабелла Юрьева 579
Оскар Строк 580
Клавдия Шульженко 581
Леонид Утёсов 582
Александр Цфасман 583

Эдди Рознер 584
Булат Окуджава 585
Владимир Высоцкий 586
Николай Сличенко 587
Нани Брегвадзе 587
Магические ритмы (Цикл стихотворений) 588
Джорж Гершвин 589
Бенни Гудмен 589
Дюк Эллингтон 590
Луи Армстронг 591
Гленн Миллер 592
Элла Фицджеральд 593
Чарли Паркер 594
Эдит Пиаф 594
Элвис Пресли 595
Под Андреевским стягом 596
Начинающим поэтам, прозаикам, драматургам и краеведам ... 604
Дебют 612
Эстафетчики предательства 614
Басмачи 616
Между богами 629
Фетовский праздник 630
О земляке 631
Ненавистники Пушкина 631
«Под созвездием Орла» 632
Хорошее начало 632
Певец земли Орловской (Автор А. Н. Трофимов) *633*
Диалог с народом 639
Служебный парадокс 639
Хроникёр 639
Не проглядите себя 639
Согражданам 639
«Жирующие правнучки и внуки…» 640
Финансовое море 640
Во имя добра (Автор С. А. Золотцев) 641
Отзывы, пожелания, рецензии 641–671
В Переделкино 655
Юбилей Тургенева 656
Монетизация душ 658
Обольготились 660
«Заступнички» 661
Ошиблись 661
Лечебный бизнес 661
Кража (Автор Д.Ю. Соколов) .....
Писатель и власть 672
Из семейного альбома 676

Не шучу! 680
Кремлёвская весть 682
Паралитература и её вклад в разложение общества 683
Возмездие 695
Доблесть 695
Опыт филолога 695
Крик бывшей фермы (Из цикла «По ухабам Отечества») 696
Юбилейные лицемеры 696
Озаренье 697
Через время 697
Заблудшим 698
Глубинный мыслитель 698
На распутье 698
Охотнику 698
Снайперы вождя 699
На окраине 699
Иллюзион 700
Налоговикам 700
Помощники 701
Скорость горя 702
Войнолюбцам 703
Читателям 703
Постскриптум 708

* * *

ПОСТСКРИПТУМ

Мы столько насмотрелись «ратоборцев»,
Что тяжело за мёртвых и живых...
Уж коль кричать и ратовать за солнце —
НЕ ОТНИМАЙТЕ СОЛНЦЕ У ДРУГИХ!

На многолетних этапах творческой деятельности авторам помогли материально и морально коллективы и руководители хозяйств, промышленности, районов, города Орла, области, России, СНГ и зарубежья:

СПК «Фатневский» — ***А.Р. Альшанов***
ЗАО «Штерн-агро» — «Троснянский бекон» — ***В.А. Адаменко***
ОАО «Юбилейное» — ***В.Н. Батов***
ЗАО «Юность» — ***С.А. Будагов, П.С. Будагов***
ООО Аграрная инвестиционная компания «АГРИКО» — ***В.С. Бовин***
Мценский мясокомбинат — ***А.Я. Бидюк***
АККОР — ***В.Е. Беденко***
Агрофирма «Маслово» — ***Ю.М. Выходов, А.Н. Дрогайцев, М.К. Рамазанов***
Кромское райпо — ***Я.Н. Волчкова***
ОАО «Типография «Труд» — ***Г.И. Вороничев***
Агрофирма «Краснорябинское» — ***Д.Н. Ветров***
ЗАО «Троицкое» — ***М.В. Гречихин, А.М. Гречихин***
Агрофирма «Заря» — ***М.Л. Дорофеев***
СПК «Больше-Чернское» — ***В.Г. Ерёмин***
Агрофирма «Мценская» — ***Н.А. Жернов***
ОАО «Ленинское» — ***Л.Н. Захаров, В.В. Гаранина***
СПК «Россия» — ***И.В. Заложных***
КСП «Ржавецкое» — ***Н.Н. Исайкин***
СПК «Заря мира» — ***М.И. Кузьмин***
Госплемпредприятие «Орловское» — ***В.Г. Клеусов, Ю.М. Енин***
ЗАО агрофирма «Нива-Верховье» — ***Н.Н. Леонов***
СПК «Заря» — ***В.З. Молодчинин***
Агрофирма «Ливенское мясо» — ***А.Т. Морозов, И.А. Морозов***
Агрофирма. «Нерусса» — ***А.Н. Максимкин***
ЗАО «Куракинское» — ***В.М. Мишин***
Малоархангельское райпо — ***А.И. Писарева***
ЗАО «Славянское» — ***Д.М. Пониткин***
СПК «Птицевод» — ***Г.К. Поляков, А.Г. Поляков***
СПК «Звягинки» — ***М.В. Спиридонов***
КСП «Богородицкое» — ***В.В. Селищев***
Управление сельского хозяйства и продовольствия — ***В.М. Серов, С.В. Будило, А.С. Злобин, А.А. Косарынский***
КСП «Русь» — ***С.В. Сёмочкин***
ОАО АПК «Орловская Нива» — ***А.С. Судоргин***
Совхоз «Коммунальник» — ***В.Н. Сидоренко***
ТНВ «Суровцев и компания» — ***А.А. Суровцев***

ОПО «Союз Орловщины» — ***Р.В. Сапрыкина***
ОАО «Дмитровский пищекомбинат» — ***В.М. Сумаков***
СПК «Память Ленина» — ***М.М. Сумаков***
ОПХ «Красная звезда» — ***О.В. Тимохин***
ОАО «Троснянский молокозавод» — ***В.З. Тришкина***
ОАО агрофирма «Сосково» — ***А.Д. Ульяшин***
Орловское райпо — ***В.Г. Умеренков***
ООО «Берёзки» — ***Н.М. Ушаков***
СПК им. Мичурина — ***Ю.И. Харыбин***
Совхоз «Красноармейский» — ***Г.М. Шахов, Б.Н. Лазько***

Орловский сталепрокатный завод — ***Ю.Г. Алексеев, И.Т. Рябцев***
ОАО «Автоколонна 1142» — ***А.И. Алдошин***
ЗАО «Промсвязьмонтажсервис» — ***С.Л. Астапов***
ОАО «Стекломаш» — ***А.И. Архипов***
ЗАО «Стеклопак» — ***А.В. Антохин***
ОАО «Орелводкомплект» — ***В.М. Алёхин***
Орловское бюро по обмену жилплощади — ***Т.Д. Андрианова***
Завод ЛЖБК — ***В. Д. Белоусов***
ОАО «Орловский часовой завод» — ***О.А. Бородин***
ООО «Возрождение» — ***В.П. Бутусов и В.П. Бутусов***
ОАО «Гамма» — ***А.И. Гапонов, В.Ф. Ковакин***
«ТехноРос» — ***О.А. Губа***
ЗАО «Дормаш» — ***В.Л. Герасимов, В.В. Воропаев***
УКМП «Пшеница — 2000. Орёл» — ***Ю. А. Гришин***
ОАО «Орёлсибгазаппарат» — ***Н.Н. Дубровин***
ОГУП санаторий «Дубрава» — ***М.И. Дроздов***
ПК «Орловский комбинат хлебопродуктов» — ***В.И. Дмитренко***
ОАО «Орелнефтепродукт» — ***Н.Ф. Емельянов***
ЗАО «Орёлмебель» — ***В.И. Ефимовых***
Федерация профсоюзов Орловской области — ***А.Н. Евтеев***
Гостиничный комплекс «Орёл-отель» — ***С.Г. Знаменская, И.И. Сафонова***
ПКТ «Социальная инициатива и компания» — ***Н.Ф. Карасёв. Н.И. Карасёва. А.В. Отянкин***
ОАО «Межгосметиз-Мценск» — ***В.П. Костюченко***
ОАО «Промприбор» (г. Ливны) — ***Н.И. Кобылкин***
МУП ПАТП-1 — ***Б.В. Карабанович***
Профсоюз машиностроителей — ***В.П. Кузнецов***
ОАО «Орловские металлы» — ***В.А. Каськов***
ОАО «Русская страховая компания» — ***Н.Е. Ковков***
ОАО «Орловский хлебокомбинат» — ***Г.И. Конова***
ООО «Торговый Дом «ЮКОС-М» — ***В.А. Клыков***

АО «Орелагролизинг» — ***С.Н. Каменева***
Автосервис «Самара» — ***С.И. Корнеев, Д.С. Корнеев***
Орловский центр стандартизации, метрологии и сертификации — ***В.И. Ковалёв***
ГУ МЧС по Орловской области — ***А.С. Кац***
ЗАО «ОРЛЭКС» — ***Н.Н. Костин***
ОАО «Орёлтекмаш» — ***А.П. Литвинов***
ОАО «Орловская хлебная база № 36» — ***В.В. Мартышев***
ОАО «Орёлоблгаз» — ***М.А. Межнев***
ИК-5 (Нарышкино) — ***Н.З. Молодчинин***
ОАО «Электрическая связь Орловской области» — ***И.Д. Махов***
ОАО «Орловский завод силикатного кирпича» — ***С.Б. Мац***
Областной комитет гос. статистики — ***В.Д. Молоканов***
АО «Орёлагропромснаб» — ***А.И. Наумов***
МУПП ВКХ «Орёлводоканал» — ***А.Т. Никулин***
ЗАО «Технобелмет» — ***В.А. Пикулин***
ОАО «Орловский ордена Трудового Красного Знамени завод им. Медведева — ***П.А. Поляков***
ООО «Стройиндустрия» — ***Ю.А. Павлов***
Колпнянское АТП — ***В.А. Селин***
УВД ОРЛОВСКОЙ области и ГАИ — ***И.П. Савченко, Л.А. Пашин, В.Т. Кузьминов, А.Г. Шахов***
УИН Минюста РФ по Орловской области — ***В.А. Суровцев***
АООТ «Мостострой-66» — ***В.М. Ставцев***
АИКБ «Зенит Бизнес Банк» — ***В.С. Строев, В.В. Строев***
ООО « Ливенская кондитерская фабрика» — ***П.Е. Селин***
Национальный парк «Орловское Полесье» — ***О.Г. Слепец***
ОАО «Верховский МКК» — ***В.А. Серёгина***
Филиал кондитерской фабрики «Бабаевский.» — ***В.Г. Ставцев***
Агентство «Недвижимость» — ***В.П. Тютюнников***
ЗАО «Росгидромаш» — ***В.Г. Тильман***
ООО «Орёлрегионгаз» — ***Л.В. Удалова***
ОАО «Орловская макаронная фабрика.» — ***А.Д. Халин***
Автосервис «Огато» — ***С.П. Учуваткин***
ОАО «Орловская объединённая продовольственная компания» — ***В.В. Шумилин***
ЗАО «Техника и технология метизного производства» — ***В.П. Фетисов***
Трест «Орёлгоргаз» — ***А.И. Черкасов***
ОАО «Этанол» — ***В.Д. Чурочкин***
ОАО «Погрузчик» — ***Т.М. Эсипова***
Свердловский район — ***Н.В. Азаров***
Орловский район — ***А.И. Аверкиев***
Дмитровский район — ***Н.И. Алимов***

Мэр г.Орла — ***Е.Н. Вельковский***
Колпнянский район — ***В.А. Громов***
Мэрия г. Орла — ***В.В. Глухов, А.Н. Крапивченков, В.А. Можин, Н.А. Осекина***
Администрация г. Скопина — ***И.М. Еганов***
Городской совет ветеранов ВОВ — ***А.И. Жутиков***
Флоту быть! — ***Л.М. Сальников, В.А. Беляев,***
Малоархангельский район — ***П.В. Заложных***
Сосковский район — ***В.И. Коротеев, А.П. Зомитева, А.А. Бакренёв***
Мэр г. Орла — ***А.Г. Кисляков***
Мэр г. Ливны — ***Ю.В. Коростелкин***
Советский район — ***С.А. Морозов***
Губернатор Орловской области — ***Е.С. Строев***
Хотынецкий район — ***В.И. Семёнов, Д.Н. Ветров, К.С. Чегодаева, Б.И. Соина***
Председатель Совета народных депутатов г. Орла — ***И.Г. Тимохин***
Верховский район — ***В.Т. Толстых, В.М. Пониткин***
Ливенский район — ***В.С. Тарнавский***
Мэр г. Орла — ***В.И. Уваров***
Покровский район — ***И.А. Хохлов***
Северный район — ***П.Е. Худяков***

Президент РФ — ***В.В. Путин***
Президент Республики Казахстан — ***Н.А. Назарбаев***
Президент Республики Кыргызстан — ***А.А. Акаев***
Президент Чечни — ***А. Алханов***, представитель ЧР в Орловской области ***С. Тесаев***
Губернатор Красноярского края — ***А.И. Лебедь***
Администрация «ЮКОСа» — ***М.Б. Ходорковский***
Посольство США в Москве — ***Т. Пикеринг, П. Смит***

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА СМИ

«Орёл-курьер» — ***А.Г. Агашков***
«Заря», «К новой жизни» — ***А.И. Абакумов, А.А. Лапонов, Е.Л. Козорезова***
«Час России» (Антология) — ***В.П. Астафьев, Р.Х. Солнцев, Н.К. Старшинов***
«Москва» (Журнал) — ***М.Н. Алексеев, Г.М. Семар***
«Кромское Поочье», «Книга памяти и славы» — ***В.И. Агошков***
«Новомосковская правда» — ***А.С. Бондаренко, С.Я. Поздняков***
«Дружба народов» — ***С.А. Баруздин***
Администрация Президента РФ — ***Ю.Ф. Бородин, В.Д. Матвеев***

«За изобилие» — ***М.К. Бондарчук***
Областная библиотека им. И.А. Бунина — ***В.В. Бубнов, Е.А. Николаева***
ОГТРК — ***В.Р. Бабин. С.Б. Звоненко, О.В. Шмелёв***
«Записки современного охотника» — ***Г.И. Богатов, О.В. Музалевская***
«Город Орёл», «Пушкинский свет над землёю орловской» (Краеведческие словари) — ***А.М. Бельский***
«Орбита мужества» (Сборник) — Воениздат
«Наш современник» — ***С.В. Викулов***
«Деловой вторник» — ***П.И. Вощанов***
«Наша жизнь» — ***А.В. Воробьев, С.В.Куревина***
«Земля родная» — ***Е.И. Вершинин, Е.Н. Понтюхов***
«Орловские земельные ведомости» — ***А.В. Вылугин, О.Я. Одинцова***
США, штат Алабама — ***Р. Гибсон***
«Ставропольская правда» — ***В.М. Головко, В. Белоусов***
«О чём поёт народ Отчизны», «Родники народные» (Сборники) — ***И.И. Доронин***
Управление культуры и искусства г. Орла — ***О.М. Долягина***
«Сельские зори» — ***Г.В. Жукова***
«Техника-молодёжи» — ***В.Д. Захарченко, С.В. Чумаков, М.Г. Пухов***
Общественный фонд для создания в Москве храма, музея и других сооружений о жертвах политических репрессий с 1917 по 1985 гг. — ***С.С. Зуев***
«Молодая гвардия» — ***С.А. Золотцев, А.С. Иванов, В.В. Горбачёв***
«Сельская правда» — ***Л.В. Иванушкина***
«Тихий океан» (Альманах) — ***В.Т. Коржиков***
«Эксперт» (Журнал) — ***О. Косухина***
Управление культуры и искусства г. Белгорода — ***А. Кулабухов***
Белгородская центральная библиотека
«Коммунар» — Уссурийск
«Красное знамя» — Владивосток
«Суворовский натиск» — Хабаровск
Всесоюзное радио — Москва
«Комсомолец Донбасса» — Донецк
«Курская правда»
«Коммунар», «Шахтёрская правда» — Тула
«Молодая гвардия» (Газета) — Курск
ТК «Тюменский меридиан»
«Вперёд» — ***Е.А. Кутепов***
«Мценский вестник» — ***Н.Е. Калинин***
«Город Орёл» — ***Ю.В. Лебёдкин***
ИТАР-ТАСС, Радио-Экспресс — ***Ю.В. Лихопёк***
«Вешние воды» (Газета) — ***Л.Ю. Моисеев***
Правление СП РСФСР — ***С.В. Михалков***

Белгородская писательская организация — ***В. Молчанов***
Большая Советская Энциклопедия — ***А. Николаев***
Издательство «Современник» — ***И. Николюкин, Ю.Никонычев, Б. Романов***
«Горняцкая правда» — «Донская газета» — ***И.А. Нехин, В.М. Матисов***
ООО «Информтехносервис» — ***Н.И. Ницук***
«Говорит и показывает Орёл» (газета) — ***В.А. Новошинская***
«Урал» (Журнал) — ***В.К. Очеретин***
«Советский воин» — ***К.И. Поздняев. И.В. Шамов***
«Орловская правда» — ***И.М. Патенков, С.В. Коробков, А.С. Кононыгин***
Русская православная церковь — Архиепископ Орловский и Ливенский ***Паисий*** и о. ***И.Ф. Троицкий***
«Ровесник» (Сборник) — ***И.Ф. Панькин***
«Правда» — ***И.Г. Подсвиров***
«Первый салют» (Двухтомник) — ***П.Л. Проскурин***
«Орловский вестник» — ***Д.П. Порушкевич***
«Сельская жизнь»
«Комсомольская правда»
ТРК «Истоки» — ***Н. Пехтерева***
«Наше время» — ***Н.Н. Платошкин***
«Сельская новь» — ***В.И. Рыжиков, В.И. Кулагин, В.И. Аксютин***
«Шаблыкинский вестник» — ***В.С. Романова***
«Российский инвалид» — ***Ю. Рукавишников***
Администрация Курской области — ***А.В. Руцкой, А. Попов***
Центр Эстрадной Юмористики — ***Е.В. Петросян***
«Среднерусская полоса» (Сборник) — ***С.С. Сеньков***
«Рыбалка круглый год» (Газета) — ***Д.Ю. Соколов, И.В. Бокарев***
«Новороссийский рабочий»
«Трудовая слава» — ***А.С. Сидоров***
Администрация Орловской области и г. Орла — ***Н.Т. Сапрыкин, Р.Н. Сапрыкин***
«Живая мишень», «Русские горки», «Под созвездием Орла», «Под созвездием Орла-2» — ***В.А. Суровцев, Г.Н. Майоров***
«Железногорские вести», «Эхо недели» — ***Г.Н. Александров***
Облизбирком — ***А.Н. Трофимов, А.Н. Ханов, А.А. Полотовский***
«Старшина-сержант» (Журнал)
«Литературная Россия»
«Поколение» — ***С.Н. Тюрин***
«Тихоокеанская вахта» — ***Ю.М. Тракало***
Радиостанция БИ-БИ-СИ — ***Ю.В. Фёдорова***
«Звезда» — ***Г.И. Федорищев***
«Учись, работай, отдыхай!» (Газета) — ***И.В. Фёдоров***

«Приокское книжное издательство» — ***В.М. Заломкин. В.Г. Ходулин, В.М. Ермаков***
«И я этой силы частица» (Сборник) — ***В.Г. Ходулин***
«Орловская искра» — ***В.Д. Хахичев. С.Г. Полянская***
«Дальний Восток» — ***П.В. Халов***
«Рыбак рыбаку» (Газета) — *А. Цессарский*
«Мценский край» — ***Е.П. Черноляхов***
«Центральная Россия» — ***Е.А. Чернов, Н.И. Гуцева***
«Военные знания» — ***В.А. Шалкеев***
Центральная библиотека им. А.С. Пушкина — ***В.Г. Шахова, И.А. Кузина***
ТВ «Ва-Банк плюс» — ***Е.Л. Шварц***
Орловское радио — ***Ф.Ю. Шинов***
«Орловские вести» — ***Ю.Ф. Шилов***
Правление СП СССР — ***С.П. Щипачёв, Г.М. Марков, Д.Л. Паттерсон***
Совет Федерации РФ — ***С.Е. Щеблыгин, М.Г. Рогачёва***
«Просторы России»
ИНТЕРНЕТ — Провайдеры СМИ РФ
БИБЛУС — http://www.bilus.ru/default.aspx?auth=161648i3

* * *

Ветеранам подарок от авторов — книга «Небесные снайперы». г. Орёл, Сквер Танкистов, 5 августа 2006 г.

С офицерами Флота в г. Дмитровске, на празднованиии Дня освобождения района. 12 августа 2006 г.

Виктор Васильевич Рассохин,
Сергей Викторович Рассохин

ТОК

Стихи, поэмы, статьи, очерки, рецензии, письма, новеллы, эссе, были, критика, избранное

Подписано в печать 3.11.2006. Формат 84x108 1/32. Офсетная печать. Бумага офсетная. Усл. п. л. 37,59. Тираж 3000 экз. Заказ № 4422. Отпечатано с готового оригинал-макета в ОАО «Типография «Труд». 302028, г. Орёл, ул. Ленина, 1.